

121
121
121

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

Дмитрій Андреевичъ
ЖОЛОбОВСКІЙ

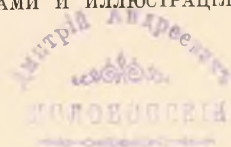

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1893

100668

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 ноября 1892 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году	2
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Побѣдъ знатной русской боярыни въ XVII столѣтіи; 2) Пытка водой; 3) Николо-Угрѣшскій монастырь въ XVII столѣтіи; 4) Пріемъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ шведскаго посольства въ 1674 году. (Копіи съ рисунковъ, приложенныхъ къ дневнику шведскаго капитана Пальмквиста).	
Вънценосный хирургъ	11
<i>Иллюстрація:</i> Петръ Великій въ голландскомъ платьѣ. (Съ гравюры Свистунова).	
Петръ Великій въ Дефтфордѣ	17
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Петръ Великій въ русскомъ платьѣ въ бытность въ Голландіи въ свитѣ великаго посольства. (Съ гравированнаго портрета того времени Оттенса); 2) Вильгельмъ III, король англійскій. (Съ гравированнаго портрета Хубракена); 3) Маркизь Кармартенъ. (Съ рѣдкаго портрета, доставленнаго профессоромъ Оксфордскаго университета Морфилемъ).	
Императорскій титулъ	31
<i>Иллюстрація:</i> Петръ Великій объявляетъ народу о заключеніи Ништадтскаго мира. (Съ картины художника Сафонова).	
Первые балы въ Россіи	39
<i>Иллюстрація:</i> Ассамблея при Петрѣ Великомъ. (Съ картины художника Хлѣбникова).	
Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ	52
<i>Иллюстрація:</i> Лѣтній садъ и дворецъ при Петрѣ Великомъ. (Съ гравюры 1716 года).	

Свадьба карликовъ	62
Иллюстрація: Свадьба карликовъ. (Съ гравюры того времени Финлинса).	
Московскій маскарадъ 1722 года	66
Иллюстрація: Маскарадъ въ Москвѣ въ 1722 году. (Съ весьма рѣдкой гравюры того времени).	
Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ	72
Иллюстраціи: 1) Остатки дворца Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ; 2) Дубовая роща, посаженная Петромъ Великимъ въ Сестрорѣцкѣ; 3) Мѣсто, гдѣ находилась бесѣдка Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. (Съ фотографій художника Савельева).	
Первый петербургскій генераль-полиціймейстеръ	77
Иллюстрація: Графъ А. М. Дивьеръ. (Съ портрета, находившагося на исторической выставкѣ портретовъ 1870 года).	
Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны	102
Иллюстраціи: 1) Шуть Балакиревъ. (Съ старинной литографіи). 2) Шуть Лакоста. (Съ старинной гравюры). 3) Ледяной домъ и шутовская свадьба въ немъ въ царствованіе Анны Ивановны. (Съ рѣдкой гравюры того времени).	
Березовскіе ссыльные	129
Иллюстраціи: 1) Видъ города Березова въ XVIII столѣтіи. (Съ гравюры прошлаго столѣтія). 2) Князь А. Д. Меншиковъ. (Съ портрета, принадлежащаго князю В. А. Меншикову). 3) Князь И. А. Долгоруковъ. (Съ портрета, находившагося на исторической выставкѣ портретовъ 1870 года). 4) Княгиня Н. Б. Долгорукова. (Съ портрета, принадлежащаго князю Д. И. Долгорукову, по акварели А. Д. Соколова). 5) Графъ А. И. Остерманъ. (Съ портрета, находящагося въ Эрмитажѣ). 6) Свиданіе княгини Н. Б. Долгоруковой съ мужемъ въ Березовѣ. (Съ рисунка художника Рябушкина).	
Дочь Бирона	149
Иллюстраціи: 1) Эрнстъ-Іоаннъ Биронъ. (Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія). 2) Гедвига-Елисавета Биронъ. (Съ портрета, принадлежащаго барону Ф. А. Бюлеру). 3) Баронъ А. И. Черкасовъ. (Съ портрета, принадлежащаго барону Ф. А. Бюлеру).	
Убійство Синклера	172
Иллюстрація: Портретъ маіора Малькольма Синклера. (Съ рѣдкой шведской литографіи).	

Холмогорская старина	182
--------------------------------	-----

Иллюстраціи: 1) Спасо-Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ. (Съ гравюры 1840 года). 2) Комната принцессы Анны Леопольдовны въ зданіи Успенскаго монастыря. (Съ гравюры 1840 года). 3) Деревня Денисовка. (Съ гравюры 1840 года). 4) Мѣсто, гдѣ находился домъ Ломоносова, въ деревнѣ Денисовкѣ. (Съ гравюры 1840 года).

Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія	191
---	-----

Русскій чудакъ XVIII столѣтія	205
---	-----

Иллюстрація: Прокофій Акинфѣевичъ Демидовъ. (Съ портрета, принадлежавшаго Н. И. Путилову).

Графъ К. Г. Разумовскій	221
-----------------------------------	-----

Иллюстрація: Графъ К. Г. Разумовскій. (Съ гравированнаго портрета Шмидта).

Екатерина II и ея два статсъ-секретаря	247
--	-----

Иллюстраціи: 1) Александръ Васильевичъ Храповицкій. (Съ портрета Левицкаго). 2) Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій. (Съ миниатюры того времени принадлежащей его правнукѣ Е. А. Полубояриновой, рожд. Губерги).

Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.	271
--	-----

Иллюстраціи: 1) Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. (Съ рѣдкой гравюры Скородумова). 2) Потемкинъ на смертномъ одрѣ. (Съ рѣдкой гравюры Скородумова). 3) Памятникъ на мѣстѣ кончины Потемкина, въ первоначальномъ видѣ. (Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія). 4) Памятникъ на мѣстѣ кончины Потемкина въ настоящее время. (Съ рисунка съ натуры художника Райяна). 5) Видъ города и порта Николаева въ концѣ прошлаго столѣтія. (Съ рѣдкой гравюры того времени).

Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія	286
--	-----

Иллюстрація: Принцъ Нассау-Зигенъ. (Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія).

Кирияново, дача княгини Дашковой	306
--	-----

Иллюстрація: Видъ Кирияновскаго дома и сада княгини Дашковой. (Съ весьма рѣдкой гравюры, принадлежащей П. Я. Дашкову).

Александрова дача	311
-----------------------------	-----

Иллюстраціи: 1) Заглавный листъ къ поэмѣ «Александрова дача». 2) Видъ дома и грота на Александровой дачѣ. 3) Видъ храма Фелицы на Александровой дачѣ. 4) Видъ храма Цереры на Александровой дачѣ. (Съ рисунковъ, приложенныхъ къ поэмѣ «Александрова, увеселительный садъ великаго князя Александра Павловича»).

	СТР.
Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году	316

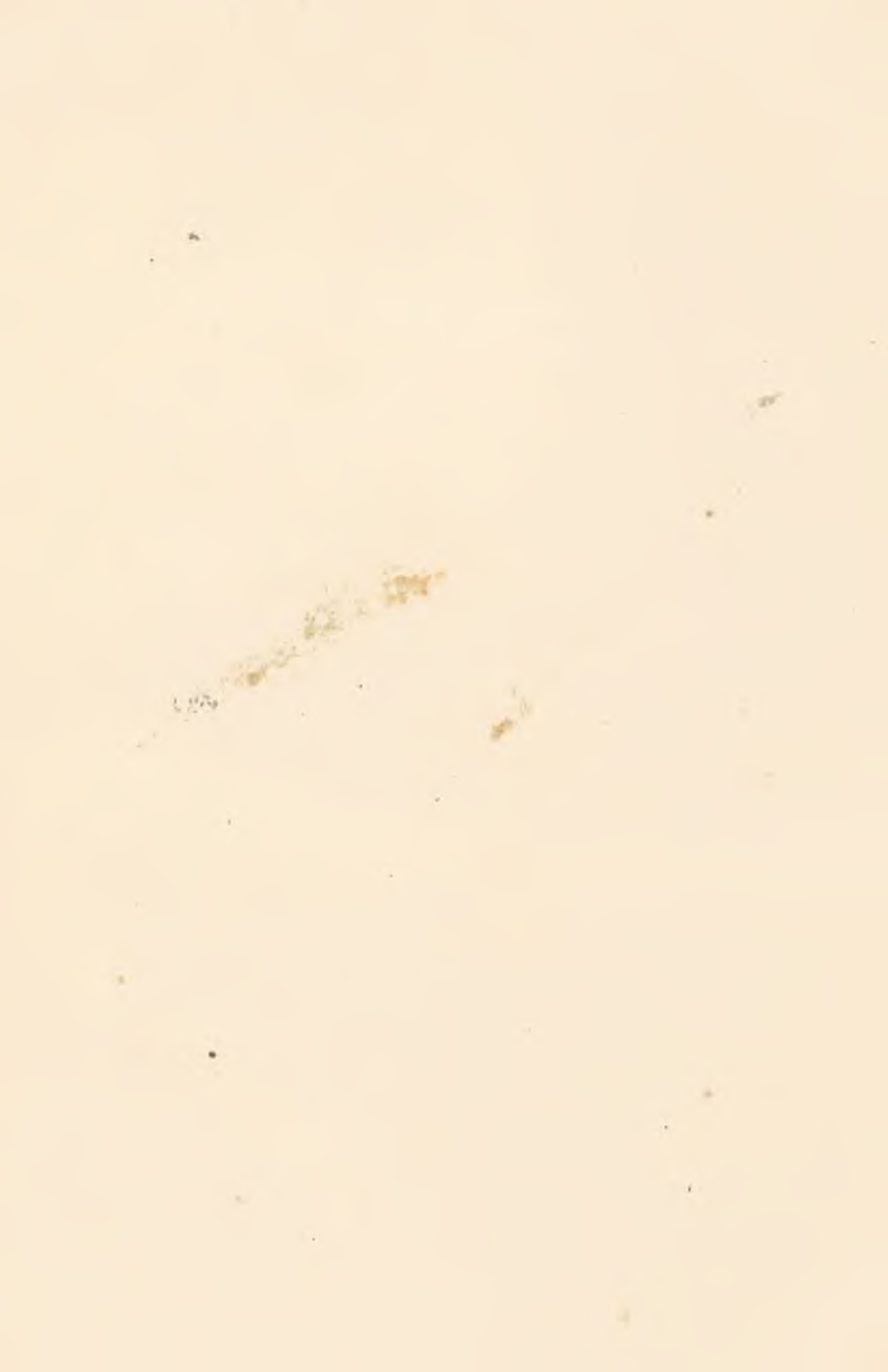
Иллюстраціи: 1) Встрѣча русскихъ съ англичанами въ Петропавловской гавани въ Камчаткѣ, въ 1779 году. (Съ рѣдкой гравюры того времени Эрскина). 2) Первоначальный видъ могилы капитана Клерка въ Петропавловской гавани. (Съ гравюры конца прошлаго столѣтія). 3) Возстановленіе Лаперузомъ могилы Клерка въ 1787 году. (Съ гравюры того времени Пильмона). 4) Памятникъ, сооруженный надъ могилой Клерка въ Петропавловской гавани. (Съ гравюры Чесскаго).

Пѣвица Габриелли	324
Подпоручикъ Федосѣевъ	331
Семейное преданіе	342
Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ	348
Мнимое завѣщаніе Петра Великаго	354
Кладбищенская литература	370

Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ настоящей книгѣ	377
--	-----

ОТЪ АВТОРА.

Настоящее, третье изданіе моихъ историческихъ очерковъ и разсказовъ существенно отличается отъ первыхъ двухъ (первое изданіе было напечатано въ 1869 году, а второе въ 1871 году). Въ него включено восемнадцать новыхъ статей, а нѣкоторыя изъ прежнихъ (напр. «Березовскіе ссыльные», «Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны», «Дочь Бирона») дополнены и переработаны почти заново. Кромѣ того, это изданіе иллюстрировано 52 портретами и рисунками, воспроизведенными преимущественно съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году.

I.

В СМОТРЯ на заключенный въ 1661 году, въ Кардисѣ, миръ, положившій конецъ русско-шведской войнѣ, возгорѣвшейся въ царствованіе Алексѣя Михайловича, между Россіей и Швеціей продолжали существовать непріянные отношенія, преимущественно вслѣдствіе неисполненія русскимъ правительствомъ нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора, касавшихся точнаго опредѣленія границъ, торговли и возвращенія шведскихъ плѣнныхъ. Чтобы положить конецъ взаимнымъ пререканіямъ, уладить спорные вопросы, направить русскую торговлю въ прибалтійскія шведскія гавани и посредствомъ заключенія оборонительнаго союза тѣснѣе сблизиться съ Россіей, шведскій дворъ рѣшился, въ 1673 году, отправить въ Москву особое посольство, состоявшее изъ государственнаго совѣтника графа Густава Оксенширна, эстляндскаго ландрата барона Ганса фонъ-Тизенгаузена, лифляндскаго ландрата Готгарда Будберга и ассессора коммерцъ-коллегіи Иоанна Лиліенгофа.

Къ этому посольству, въ качествѣ военнаго агента, былъ командированъ молодой артиллерійскій капитанъ, Эрикъ Пальмквистъ, имѣвшій всего 23 года отъ рожденія, но уже успѣвшій обратить на себя вниманіе правительства своимъ солиднымъ образованіемъ, способностямъ и произведенными имъ работами по укрѣпленію Риги.

Во время пребыванія своего въ Россіи вмѣстѣ съ посольствомъ, Пальмквистъ велъ дневникъ, который представилъ по возвращеніи въ Швецію королю. Дневникъ этотъ, хранящійся въ шведскомъ государственномъ архивѣ и лишь недавно сдѣлавшійся извѣстнымъ, носитъ слѣдующее заглавіе: «Nagre widh sidste Kongl. Ambassaden till tzaren i Muskou gjorde observationer öfver Rysslandh, des Wäger, Pass medh Fästningar och gräntzer sammandragne aff Erich Palmquist». (Нѣсколько замѣчаній о Россіи, о ея дорогахъ, укрѣпленіяхъ, крѣпостяхъ и границахъ, во время послѣдняго королевскаго посольства къ московскому царю. Составлены Эрикомъ Пальмквистомъ). Къ рукописи приложены 28 листовъ рисунковъ, картъ и плановъ in-folio, рисованныхъ самимъ Пальмквистомъ. Въ своемъ обращеніи къ королю, которое служить предисловіемъ къ дневнику, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «я самъ въ разныхъ мѣстахъ тайно наблюдалъ и рисовалъ, рискуя собой, а также получалъ за деньги нѣкоторыя свѣдѣнія отъ русскихъ подданныхъ». Къ Россіи Пальмквистъ относится вообще неблагоклонно. Онъ называетъ русскихъ «націей недовѣрчивой, несговорчивой, робкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ надменной, много о себѣ воображающей и съ презрѣніемъ относящейся ко всему иностранному». «Русскіе, — говоритъ Пальмквистъ, — обладаютъ необыкновенной физической крѣпостью, очень способны къ труду, но при этомъ крайне лѣнны и охотнѣе всего предаются разгулу, до тѣхъ поръ, пока нужда не заставитъ ихъ взяться за дѣло. Ничто не идетъ болѣе къ русскому характеру, какъ торговать, барышничать, обманывать, потому что честность русскаго рѣдко можетъ устоять передъ деньгами; онъ такъ жаденъ и корыстолюбивъ, что считаетъ всякую прибыль честной. Русскій не имѣетъ понятія о правдивости и видитъ во лжи только прикрасу; онъ столь искусно умѣетъ притворяться, что большею частью нужно употребить много усилій, чтобы не быть имъ обманутымъ. Русскій по природѣ очень способенъ ко всѣмъ ремесламъ и можетъ изворачиваться при самыхъ скудныхъ средствахъ. Купецъ или солдатъ, отправляясь въ дорогу, довольствуются тѣмъ, что берутъ съ собой сумку съ овсяной мукой, изъ которой они и приготавливаютъ себѣ обѣдъ, взявъ нѣсколько ложекъ муки и смѣшавъ ее съ водой; такая смѣсь служить имъ и напиткомъ, и кушаньемъ». На основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ о Россіи, Пальмквистъ, какъ бы пророчески указывая на будущее пораженіе русскихъ подъ Нарвой, считалъ себя въ правѣ предсказывать шведскому королю, что «подданные Карла XI, подъ его предводительствомъ, какъ въ другихъ частяхъ свѣта, такъ въ особенности въ восточной странѣ (т. е. Россіи) найдутъ достаточно мѣста и матерьяла, чтобы воздвигнуть въ вѣчную славу его величества видный трофей».

Недавно, въ иллюстрированной шведской газетѣ «Illustrerad Tidning» появилось небольшое извлеченіе изъ дневника Пальмквиста, сопровождаемое четырьмя, заимствованными отсюда же, политипажами. Полагая, что рисунки эти интересны и цѣнны не только для шведовъ, но и для насъ, мы воспроизводимъ ихъ здѣсь въ уменьшенной, но точной копіи.

Первый рисунокъ изображаетъ зимній поѣздъ знатной русской боярыни. Тяжелый, массивный возокъ тянется по глубокому снѣгу шестью лошадьми, запряженными «гусемъ». Толпа раболѣпныхъ слугъ окружаетъ экипажъ, или помогая лошадямъ, или готовая исполнить по первому знаку приказанія своей госпожи; встрѣчные люди еще изда-

Поѣздъ знатной русской боярыни въ XVII столѣтіи.

лека сворачиваютъ въ сторону и, почтительно снявъ шапки, пропускаютъ мимо себя поѣздъ.

На второмъ рисункѣ представлена практиковавшаяся тогда въ Россіи «пытка водой». На первый взглядъ, повидимому, безвредная, она была страшно мучительна. Надъ преступникомъ, крѣпко привязаннымъ къ столбу, утверждался на известной вышинѣ сосудъ особаго устройства, непрерывно выпускавшій изъ себя крупныя капли холодной воды, которыя, съ математическою точностью падая на обнаженное темя несчастнаго, производили нестерпимыя страданія.

Третій рисунокъ изображаетъ тогдашній Николо-Угрѣшскій монастырь, находившійся въ 10—15 верстахъ отъ Москвы, гдѣ, обыкновенно, иностранныя посольства останавливались для небольшого отдыха передъ вѣздомъ въ столицу, а четвертый представляетъ пріемъ шведскаго посольства царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ частности, этотъ послѣдній рисунокъ имѣетъ нѣсколько погрѣшностей, такъ какъ

Пальмквистъ рисовалъ его, разумѣется, на память, по возвращеніи съ аудіенціи (напр., рынды, окружающіе тронъ, представлены, вмѣсто соболейхъ, въ горностаевыхъ шапкахъ), но въ общемъ — онъ вѣренъ и характеренъ.

II.

Шведское посольство отправилось изъ Стокгольма 21-го августа 1673 года, на военномъ кораблѣ «Uttern» и, четыре дня спустя, прибыло въ Фурусундъ, куда въ наше время пароходы совершаютъ свои рейсы въ четыре часа. Простоявъ здѣсь около недѣли по случаю противнаго вѣтра, «Uttern» лишь 14-го сентября вошелъ въ Ревельскую гавань. Отдохнувъ въ Ревелѣ, посольство двинулось далѣе уже въ экипажахъ и 18-го ноября достигло русской границы, гдѣ было встрѣчено царскими приставами, назначенными сопровождать его по Россіи. Переѣздъ черезъ границу совершенъ былъ въ торжественной процессіи, которую замыкала «собственная его королевскаго величества карета». На каждой станціи для посольскаго поѣзда заготовлялось 440 лошадей. Въ Новгородѣ возникло неожиданное затрудненіе, едва не принудившее Оксенширну вернуться обратно. До сихъ поръ ни одно шведское посольство не брало съ собой «собственной его королевскаго величества кареты» и въ данномъ случаѣ присутствіемъ ея дѣлалась русскимъ «особая честь». Но оказалось, что ворота, чрезъ которыя долженъ былъ совершиться въѣздъ посольства въ Новгородъ, были слишкомъ низки для кареты и потому новгородскій воевода Шереметевъ предложилъ Оксенширну оставить въ предмѣстьи ихъ громоздкій экипажъ и совершить въѣздъ въ царской каретѣ. Послы обидѣлись такимъ предложеніемъ, сочтя его «подрывомъ репутаціи шведскаго короля», и ни за что не хотѣли разстаться съ своей каретой, хотя ширина и высота воротъ ясно показывала, что она никакъ не можетъ протиснуться черезъ нихъ. Послѣ долгихъ споровъ и объясненій, Шереметевъ приказалъ, наконецъ, разломать ворота настолько, чтобы чрезъ нихъ могла свободно пройти «собственная его королевскаго величества карета». Въѣхавъ съ обычной церемоніей въ Новгородъ, послы прожили въ немъ до 2-го декабря и затѣмъ продолжали дальнѣйшій путь уже безпрекословно въ царской каретѣ «со сводчатымъ балдахиномъ, четырьмя вызолоченными шарами по угламъ, позолотой снаружи и обитой внутри краснымъ бархатомъ».

Наканунѣ Рождества, посольство достигло Николо-Угрюшскаго монастыря, построенаго, по словамъ Пальмквиста, «въ пестромъ стилѣ, составляющемъ отличительную черту русско-восточныхъ зданій». При-

ведя себя здѣсь въ порядокъ, послы двинулись къ Москвѣ. Въ пяти верстахъ отъ столицы началась живая изгородь изъ войска, доходившая до самаго города. По лѣвую сторону были расположены 24 полка пѣхоты съ 200 орудій, а по правую кавалерія. Передъ каждой ротой стояли трубачи и музыканты съ бубнами и свирѣлями, производившіе, по словамъ Пальмквиста, «страшный шумъ». Хотя день былъ очень морозный, посольству пришлось, однако же, двигаться впередъ шагъ за шагомъ и оно только въ сумерки добралось до Москвы. У са-

Пытка водой.

маго города его встрѣтили три царскихъ пристава, которые вышли изъ своихъ саней, чтобы привѣтствовать прибывшихъ отъ имени государя, такъ что посламъ пришлось также вылѣзти изъ кареты и выслушивать любезности и отвѣчать на нихъ подъ открытымъ небомъ, на морозѣ.

3-го января 1674 года, назначена была торжественная аудіенція посламъ, но въ этотъ самый день между шведами и русскими возникъ споръ по одному церемоніальному вопросу, сдѣлавшій аудіенцію

невозможной. Русскіе требовали, чтобы послы вступили въ тронную залу безъ тростей и шпагъ и съ обнаженной головой. Послы согласились оставить трости и шпаги, но отказались обнажить головы, такъ какъ не имѣли на этотъ счетъ инструкцій. Напрасно пристава убѣждали и доказывали, что «даже послы римскаго цезаря не являются передъ царемъ на аудіенціи съ покрытыми головами». Оксенширнъ упорствовалъ, выражая сожалѣніе, что «изъ всего дѣла ничего не выходитъ», ибо пословъ не хотятъ допустить къ аудіенціи «съ должнымъ его королевскому величеству респектомъ и почетомъ». Такимъ образомъ, въ этотъ день аудіенція не состоялась. На слѣдующій день послы стали просить дозволенія послать въ Швецію гонца, чтобы «повергнуть дѣло на усмотрѣніе короля». Но русскіе, раздраженные упорствомъ Оксенширна, были «просто грубы» и не только не разрѣшили отправки гонца, но приказали стражѣ никого не выпускать изъ посольскаго помѣщенія и никого не впускать туда. Эта мѣра, которая обыкновенно примѣнялась въ Россіи къ иностраннымъ посламъ до полученія ими аудіенціи, обрушилась весьма неприятно на шведскаго резидента въ Москвѣ, Адольфа Эбершѣльда, который случайно находился у пословъ; задержанный вмѣстѣ съ другими, онъ принужденъ былъ провести ночь на голой скамьѣ.

Раздоры между русскими и шведами продолжали усиливаться, и 6-го числа посламъ было объявлено царское приказаніе—на слѣдующій день готовиться къ отъѣзду.

— Это мы готовы сдѣлать, спокойно отвѣчалъ Оксенширнъ и велѣлъ укладывать вещи.

Тогда русскіе сдѣлались уступчивѣе и разрѣшили послать гонца въ Швецію. Переводчикъ Самуилъ Эосандеръ посланъ былъ 15-го января съ письмомъ къ Карлу XI; онъ возвратился въ Москву 19-го марта съ отвѣтомъ, что король согласенъ исполнить требованіе царя.

30-го марта, аудіенція, наконецъ, состоялась. Цѣлыхъ три мѣсяца пропали напрасно изъ-за пустыхъ формальностей, которыя играли столь важную роль въ тогдашнихъ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Пріемъ происходилъ, по обыкновенію, въ Грановитой палатѣ. Торжественное шествіе двинулось изъ посольскаго дома между двумя рядами стрѣльцовъ. Вспреди ѣхалъ верхомъ капитанъ Пальмквистъ; за нимъ несли подарки, присланные царю королемъ, а царицѣ — вдовствующей королевой Гедвигой-Элеонорой. Всѣхъ подарковъ было тридцать два; они состояли изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (умывальныйникъ, сосуды для воды, ваза для конфетъ, корзины, кубки, стаканы и т. п.). Какъ особенно дорогіе презенты, въ дневникѣ упоминаются: «большая художественно сдѣланная люстра съ десятью под-

свѣчниками изъ массивнаго серебра», «искусственный фонтанъ красивой и рѣдкой работы, который бьетъ воду самъ собой». Вдовствующая королева дарила царицѣ различные предметы изъ «благоуханнаго дерева-алоз», между прочимъ, шкатулку съ филигранной отдѣлкой и драгоценными камнями, шесть «необыкновенно красивыхъ разрисованныхъ вѣеровъ», часы золотые, «прекрасную ночную юбку», «вышитую серебромъ и синими шелками прекрасную ночную кофту» и «всякія женскія галантерейныя вещи и раритеты». За подарками ѣхалъ маршалъ посольства Германъ фонъ-Ферзенъ, потомъ слѣдовали слуги, канслисты, пасторъ, переводчики, лекаръ, гофъ-юнкеръ, секре-

Николо-Угрѣшскій монастырь въ XVII столѣтіи.

тари, несшіе кредитивныя грамоты пословъ на голубой тафтѣ, пажы, потомъ сами послы въ царской каретѣ, везомой парой вороныхъ коней, и, наконецъ «собственная его королевскаго величества карета», окруженная драбантами.

Въ пріемной комнатѣ, гдѣ толпились царедворцы, пословъ встрѣтилъ князь Андрей Хилковъ (Kiltov), проводившій ихъ въ тронную залу. Пальмквистъ, какъ мы уже замѣтили выше, сдѣлалъ довольно точный рисунокъ этой залы. По стѣнамъ висѣли дорогіе тканые обои, на которыхъ были изображены сцены изъ мифологіи и исторіи; рѣшетчатые окна были украшены нарисованными на стеклѣ портретами

въ видѣ медальоновъ; золотые и серебряные сосуды блистали на покрытыхъ бархатомъ поставахъ. Царь сидѣлъ на тронѣ, украшенномъ двухглавымъ орломъ, подъ богатымъ балдахиномъ; онъ держалъ въ рукѣ скипетръ, а на головѣ имѣлъ небольшую шапку-корону. Въ сторонѣ, на особомъ поставѣ лежала держава. По обѣимъ сторонамъ трона стояли рынды въ одеждахъ, затканыхъ серебромъ и пѣбитыхъ мѣхомъ, и высокихъ мѣховыхъ шапкахъ.

Послы вступили въ тронную залу съ непокрытыми головами и остановились въ десяти шагахъ отъ трона. Затѣмъ Оксенширнъ произнесъ по-шведски привѣтствіе и прочиталъ письмо своего государя. Царь всталъ, спросилъ о здоровьѣ короля и позволилъ посламъ подойти къ своей рукѣ. Оксенширнъ изложилъ цѣль прибытія посольства, а царь велѣлъ спросить о здоровьи пословъ. Потомъ окольникій Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ пересчиталъ подарки, за которые царь поблагодарилъ. Въ то время, какъ къ царской рукѣ подходила посольская свита, была принесена скамья и пословъ пригласили сѣсть. Членовъ посольства отъ имени царя спрашивали о здоровьи, а они благодарили черезъ маршала. По окончаніи этой церемоніи, послы, получивъ приглашеніе къ царскому столу, удалились.

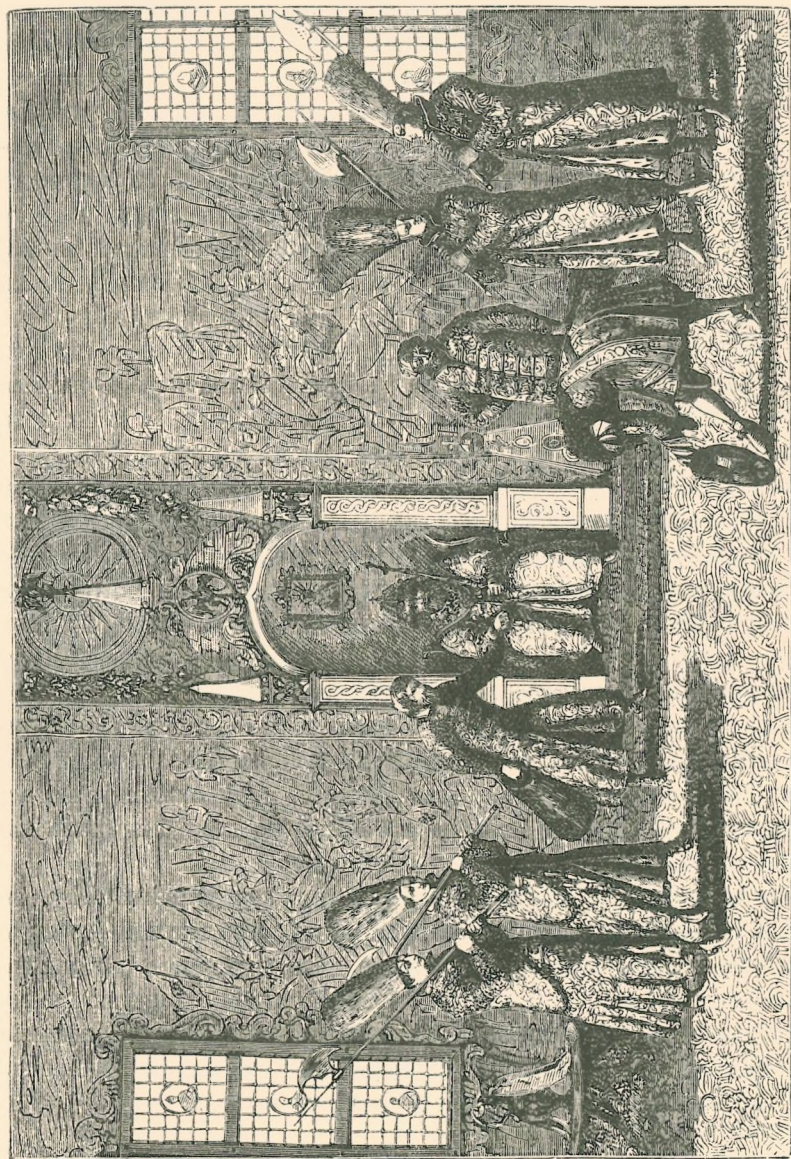
На другой день послѣ царской аудіенціи, между шведами и русскими открылись переговоры. Со стороны русскихъ ихъ вели Матвѣевъ и бояре: князь Юрій Алексѣевичъ и Михаилъ Юрьевичъ Долгорукіе.

— Государь нашъ Карлъ XI пришелъ въ совершенный возрастъ, началъ Оксенширнъ, — и желаетъ быть съ царскимъ величествомъ въ крѣпкомъ союзѣ. Видя этотъ союзъ, посторонніе государи будутъ въ страхѣ. Да и потому союзъ нуженъ, что общій всѣхъ христіанъ непріятель, султанъ турецкій, наступилъ войною на королевство польское, много городовъ взялъ, лучшею и надежнѣйшею крѣпостью Каменецъ-Подольскомъ овладѣлъ, а царскаго величества отъ этихъ странъ не въ дальнемъ разстояніи. Какъ султанъ узнаеть, что между вашимъ и нашимъ государемъ заключенъ союзъ, то станетъ опасаться и намѣреніе свое отложить, а король противъ этого непріятели будетъ всегда помогать.

Затѣмъ Оксенширнъ принялся излагать жалобы на неисполненіе со стороны русскихъ нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора.

Начался споръ, о чемъ прежде разсуждать — о союзѣ, или неисполненныхъ статьяхъ Кардисскаго договора? Бояре настаивали, что надобно начать съ союза; послы возражали, что, не покончивши съ прежними договорами, нельзя заключать новыхъ.

— Вы прежде всего начали о союзѣ, а потомъ уже о неисполненныхъ статьяхъ договора, такъ въ этомъ порядкѣ и ведите переговоры, твердили бояре.

Пріемъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ шведскаго посольства въ 1674 году.

Шведы поспорили, но уступили, стали говорить о союзѣ противъ турокъ и объявили, что король ихъ обѣщаль послать полякамъ на помощь 5,000 человекъ войска.

Бояре отвѣчали, что 5,000 очень мало: «великій государь желаетъ, чтобы король шведскій стоялъ противъ турка всѣми силами за-одно, а изъ-за 5,000 и союза заключать не для чего.

— Но поляки сами больше у насъ не просили, возражали послы.

— Чего у васъ поляки просили, до того намъ дѣла нѣтъ, говорили бояре, — а теперь пусть король заключить союзъ съ царскимъ величествомъ стоять противъ султана всѣми своими силами за-одно.

Послы объявили, что о такомъ союзѣ имъ договариваться не показано; для заключенія подобнаго союза пусть царь отправляетъ къ королю своихъ пословъ.

— Такъ зачѣмъ же вы-то пріѣхали? спрашивали бояре и продолжали: — намъ надобенъ такой союзъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ было по 200.000 войска; наши будутъ за Днѣпромъ и на Дону, а ваши подъ Каменецъ-Подольскимъ, или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ.

Въ такомъ родѣ переговоры продолжались около двухъ съ половиной мѣсяцевъ совершенно бесплодно. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, взаимныхъ пререканій, укоровъ и жалобъ, пришли къ неясному соглашенію и заключили слѣдующій странный договоръ: «Если царское величество потребуетъ у королевскаго величества помощи противъ недруга съ этой стороны моря, то можетъ просить надежно. Также, если королевское величество станетъ требовать помощи у царскаго величества противъ недруга съ этой стороны моря, со стороны Ливоніи, то можетъ просить надежно». Переговоры о торговыхъ пошлинахъ и другихъ вопросахъ, возбужденныхъ послами, были отложены на неопредѣленное время, и 19-го іюня 1674 года посламъ была дана царемъ «прощальная аудіенція».

Такимъ образомъ, дорого стоившее шведскому правительству посольство Оксенширна возвратилось, вмѣстѣ съ «собственной его королевскаго величества каретой», домой, не достигнувъ въ сущности никакихъ результатовъ и не принеся никакой пользы, за исключеніемъ развѣ «Дневника» Пальмквиста, который въ историческомъ отношеніи не потерялъ своего значенія и для настоящаго времени и изданіе котораго въ полномъ видѣ было бы весьма желательно.

Вѣнценосный хирургъ ¹⁾.

ИЗВѢСТНО, ЧТО любознательность Петра Великаго была необычайна. Желая внушить своему народу любовь къ труду, онъ сознательно являлъ ему собою примѣръ энергическаго, неутомимаго и упornaго въ достиженіи цѣли работника. Въ какой бы сферѣ дѣятельности мы ни стали наблюдать Петра, всюду видимъ, что онъ стремится самолично и основательно изучить всякое дѣло, которое считаетъ полезнымъ. Всѣ, безъ исключенія, отрасли знанія интересовали его; но, при этомъ, разумѣется, однѣ изъ нихъ онъ изучалъ по необходимости, другія, чтобы извлечь ту или другую выгоду и, наконецъ, третьи, исключительно, по влеченію своего пытливаго ума. Къ числу послѣднихъ принадлежали анатомія и хирургія. Особенную страсть питалъ Петръ къ хирургіи, занимался ею практически и охотно самъ дѣлалъ самыя разнообразныя операціи.

Въ первый разъ страсть эта обнаружилась во время пребыванія Петра въ Амстердамѣ, въ 1698 году, при посѣщеніи имъ анатомиче-

¹⁾ Источники: 1) Матеріалы для исторіи Петра Великаго. «Отечественныя Записки» 1846.—2) Журналъ пребыванія въ Парижѣ Петра Великаго. «Русскій Вѣстникъ» 1841, № 5.—3) Pierre le Grand en Hollande et à Zaandam. Par Verneet. Utrecht. 1865.—4) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца. М. 1860. Ч. III и IV.—5) Исторія медицины въ Россіи. Рихтера. М. 1820, Ч. III.—6) Разказы о Петрѣ Великомъ. Нартова. Спб. 1891.

скаго кабинета знаменитаго тогда ученаго, Фридриха Рюйша, достигнуаго удивительнаго совершенства въ приготовленіи анатомическихъ препаратовъ. Петръ пришелъ въ такой восторгъ, что поцѣловаль трупъ четырехлѣтней дѣвочки, сохраненной съ такимъ поразительнымъ искусствомъ, что застывшая на губахъ ея улыбка дѣлала этотъ препаратъ какъ бы живымъ. Одинъ изъ спутниковъ царя занесъ въ свой дневникъ слѣдующее описаніе музея Рюйша:

«Видѣлъ у доктора анатоміи кости, жилы, мозгъ человѣческой, тѣла младенческія и какъ зачинается во чревѣ и какъ родится; видѣлъ сердце человѣческое, легкое, почки, и какъ въ почкахъ родится камень, и вся внутренняя разная: и жила та, на которой печень живетъ, горло и кишки, и жила та, на которой легкое живетъ, подобно, какъ тряпица старая; жилы тѣ, которыя въ мозгу живутъ; видѣлъ 50 тѣлесъ младенскихъ въ спиртусахъ отъ многихъ лѣтъ нетлѣнны; видѣлъ же, какъ мужское и женское (тѣла) четырехъ лѣтъ возраста нетлѣнны: и кровь знать, и глаза цѣлы, и тѣла мягки, а лежатъ безъ спиртусовъ; у женскаго пола внутреннее: сердце, печень, кишки, желудокъ,—все нетлѣнно. Видѣлъ кожу человѣческую, выдѣлана толще барабанной, которая на мозгу у человѣка живетъ, вси въ жилахъ; косточки маленькія, будто молоточки, которыя въ ушахъ. Животныя мелкія отъ многихъ лѣтъ собранныя и нетлѣнны въ спиртусахъ; мартышки и звѣри индѣйскіе маленькіе, и змѣи предивныя, и лягушки, и рыбы многія дивныя, и птицы разныя, зѣло дивны, и крокодилы, се змѣи съ ногами, голова долго, и змѣи о двухъ головахъ; тутъ же жуки предивныя и бабочки зѣло великія» и т. д.

Петръ нѣсколько разъ съ величайшимъ интересомъ осматриваль музей Рюйша, сблизился съ этимъ знаменитымъ ученымъ, запросто приходилъ къ нему обѣдать, чтобы свободнѣе бесѣдовать съ нимъ, и часто присутствовалъ на его лекціяхъ анатоміи. Когда въ больницѣ св. Петра, которою завѣдываль Рюйшъ, оказывались трудныя больныя, государь непремѣнно сопровождалъ его и внимательно слѣдилъ за производимыми имъ операціями.

Въ это же прибываніе свое въ Амстердамъ, Петръ, проходя, однажды, по базарной площади, замѣтилъ небольшую толпу людей и, приблизившись, увидѣлъ среди нея какого-то странствующаго фельдшера, съ особенною ловкостью выдергивавшаго желающимъ гнилые зубы, употребляя для этого самыя простыя инструменты. Государь долго любовался его искусствомъ и, какъ только паціенты разошлись, увелъ зубодера въ ближайшую таверну, угостилъ его и уговорилъ, чтобы тотъ выучилъ его, за извѣстную плату, своему мастерству. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, Петръ отлично усвоилъ себѣ всѣ приемы учителя, сталъ

постоянно носить въ карманѣ небольшой футляръ съ хирургическими инструментами и, какъ только узнавалъ, что у кого-нибудь болитъ зубъ, — готчасъ являлся съ предложеніемъ своихъ услугъ. Такъ, захавъ разъ къ купцу Тамсену и увидѣвъ, что у отворившей ему двери долговязой голландки подвязана щека, почти насильно усадилъ ее на стуль и, осмотрѣвъ ротъ, немедленно выдернулъ испорченный зубъ.

Петръ Великій въ голландскомъ платьѣ.

Съ гравюры Спвстунова.

Въ Кунсткамерѣ до сихъ поръ хранится небольшой мѣшокъ съ зубами, собственноручно выдернутыми у разныхъ лицъ государемъ. Иногда даже онъ принималъ на себя роль дантиста съ цѣлью наказать виновныхъ, или укротить строптивыхъ. По этому поводу существуетъ одинъ, вполне достовѣрный, анекдотъ.

Камердинеръ государя Полубояровъ женился на дѣвушкѣ, которой вовсе не нравился. Она была вынуждена выдти за него замужъ,

потому что этого брака желалъ самъ Петръ, да и родные считали такую партію очень выгодною. Послѣ свадьбы, государь замѣтилъ, что Полубояровъ ходитъ постоянно пасмурный и озабоченный, и спросилъ его о причинѣ. Полубояровъ признался, что жена упорно уклоняется отъ его ласкъ, отговариваясь зубною болью. — «Добро, — сказалъ Петръ, — я ее поучу». На другой день, когда Полубояровъ находился на службѣ, во дворцѣ, государь неожиданно зашелъ къ нему на квартиру, позвалъ его жену и спросилъ ее: — «Я слышалъ, что у тебя болитъ зубъ?» — «Нѣтъ, государь, — отвѣчала молодая женщина, трепетавшая отъ страха, — я здорова». — «Я вижу, ты трусишь, — сказалъ Петръ — ничего, садись, вотъ, на этотъ стулъ, поближе къ свѣту». Полубоярова, опасаясь царскаго гнѣва, не посмѣла возражать и безмолвно повиновалась. Петръ выдернулъ ей здоровый зубъ и ласково замѣтилъ: — «Повинуйся впредь мужу и помни, что жена да боится своего мужа, иначе будетъ безъ зубовъ». Вернувшись во дворецъ, государь позвалъ Полубоярова и, усмѣхаясь, сказалъ ему: — «Поди къ женѣ; я вылѣчилъ ее; теперь она ослушна тебѣ не будетъ».

Любовь Петра къ хирургіи была такъ сильна, что всякій разъ, когда въ госпиталѣхъ предстояла какая-нибудь важная операція, врачи были обязаны предварительно доносить ему объ этомъ. Государь почти всегда пріѣзжалъ въ сопровожденіи престарѣлаго, но опытнаго хирурга, доктора Термонта, и часто являлся не только зрителемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ. Подъ руководствомъ Термонта, онъ пріобрѣлъ большой навыкъ методически разсѣкать трупы, пускать кровь, вскрывать нарывы, дѣлать хирургическіе прорѣзы и перевязывать раны. Въ дневникѣ голштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца, жившаго въ Петербургѣ въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, есть указаніе на двѣ трудныя операціи, сдѣланныя самимъ государемъ. Такъ, у богатаго полотнянаго фабриканта Тамсена, о которомъ упомянуто выше и который пользовался особеннымъ расположеніемъ Петра, появилась большая опухоль въ паху, очень его мучившая. Созванные врачи находили операцію опасною, но государь, присутствовавшій на консилиумѣ, взялъ ножъ и смѣлою рукой разрѣзалъ опухоль, оказавшуюся, какъ онъ вѣрно опредѣлилъ, гноевидной. Тамсенъ, къ величайшему удовольствію оператора, очень скоро выздоровѣлъ. Въ другой разъ, Петръ уговорилъ жену купца Борсте, страдавшую водяною, позволить ему выпустить изъ нея воду. Онъ даже употребилъ, при этомъ, нѣкоторое насиліе и немало гордился тѣмъ, что ему посчастливилось выпустить изъ больной болѣе 20 фунтовъ воды, тогда какъ, при попыткѣ одного англичанина-оператора, показалась только кровь. Больная получила облегченіе, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно; опе-

рація, хотя и весьма искусно сдѣланная, не спасла ей жизни. Она умерла черезъ десять дней. Государь присутствовалъ на ея похоронахъ и шелъ за гробомъ до кладбища, желая такимъ образомъ почтить память страдальцы, болѣзнь которой старался облегчить.

Въ 1717 году, въ бытность свою въ Парижѣ, услышавъ рассказы объ искусствѣ извѣстнаго въ то время окулиста доктора Воолгюйза, Петръ выразилъ желаніе, чтобы онъ произвелъ при немъ какую-нибудь операцію. Былъ отысканъ шестидесятилѣтній инвалидъ, имѣвшій на глазахъ бѣльма. Въ присутствіи государя, въ его помѣщеніи, въ Hôtel Lesdignières, Воолгюйзъ съ успѣхомъ выдалъ (*per depressionem*) бѣльма, причѣмъ Петръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ ловкаго окулиста.

Понятно, что при такомъ влеченіи къ медицинѣ, Петръ Великій обращалъ особенное вниманіе на развитіе врачебнаго искусства въ Россіи. Въ 1706 году, въ Москвѣ, учрежденъ первый военный госпиталь и при немъ хирургическое училище, анатомическій театръ и ботаническій садъ, въ которомъ самъ государь садилъ различныя растенія. Въ этомъ же году учреждены казенныя аптеки: въ Петербургѣ, Казани, Глуховѣ, Ригѣ и Ревелѣ. Въ 1712 году, устроенъ инвалидный госпиталь для престарѣлыхъ воиновъ и богадѣльни для бѣдныхъ: въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Екатеринбургѣ, Ревелѣ и Ригѣ, на что ассигновано ежегодно по 15 тысячъ рублей. Въ 1714 году, заведенъ въ Петербургѣ ботаническій садъ. Въ 1715 году, учреждены въ Петербургѣ госпитали: сухопутный и морской на Выборгской сторонѣ. При этихъ госпиталяхъ, подобно тому, какъ въ Москвѣ, учреждены хирургическія училища, въ которыхъ, на казенный счетъ, обучались медицинѣ 50 питомцевъ, чтобы современемъ сдѣлаться лѣкарями. Для облегченія въ изученіи медицины, Петръ приказалъ переводить и печатать разныя медицинскія сочиненія. Въ 1707 году, аптекарскій приказъ переименованъ въ медицинскую канцелярію, которая въ 1712 году переведена въ Петербургъ; на содержаніе ея, покупку врачебныхъ матеріаловъ и жалованье врачамъ ассигновано по 50 тысячъ рублей въ годъ. Въ 1717 году, повелѣно озаботиться пріисканіемъ въ Россіи минеральныхъ источниковъ. Открытыя раньше, Липецкія и Олонеккія желѣзныя воды получили должное устройство.

Петръ неоднократно пытался, черезъ своего лейбъ-медика Арескина, склонить Рюйша къ открытію тайны—какимъ образомъ онъ приготовляетъ свои превосходные анатомическіе препараты и бальзамируетъ трупы. Но переговоры эти не имѣли успѣха, потому что Рюйшъ просилъ за свой секретъ огромную сумму—50 тысячъ гульденовъ. Во вторую поѣздку свою за границу, въ 1717 году, государю удалось

пріобрѣсти у Рюйша его музей за 30 тысячъ гульденовъ, причемъ старикъ, подъ клятвою молчанія, открылъ Петру свою тайну. Впослѣдствіи, по смерти Рюйша, государь сообщилъ ее лейбъ-медику Блументросту. Почти одновременно съ покупкой Рюйшева кабинета, Петръ купилъ, въ Амстердамѣ же, за 10 тысячъ гульденовъ, у аптекаря Альберта Себа, неменѣе рѣдкое и многочисленное собраніе всѣхъ извѣстныхъ водяныхъ и земныхъ животныхъ, птицъ, змѣй и насѣкомыхъ изъ Остъ- и Вестъ-Индіи. Эти два богатѣйшія собранія послужили основаніемъ естественному кабинету при Академіи наукъ.

Петръ Великій въ Дептфордѣ.

ПРОФЕССОРЪ Оксфордскаго университета Морфиль любезно передалъ въ мое распоряженіе нѣсколько не лишенныхъ интереса документовъ, найденныхъ имъ въ Бодлеанской библіотекѣ и касающихся пребыванія Петра Великаго въ Дептфордѣ (въ Англии) въ 1698 году. Документы эти, довольно ярко иллюстриующіе русскіе нравы того времени, состоятъ изъ заявленія адмирала Бенбоу, арендатора дома, въ которомъ жилъ Петръ въ Дептфордѣ, объ убыткахъ, понесенныхъ имъ отъ постояльцевъ, и распоряженій англійскаго правительства по этому поводу. Печатавъ присланные документы въ переводѣ, считаю не лишнимъ предпослать имъ краткія свѣдѣнія о пребываніи Петра въ

Дептфордѣ, заимствованныя какъ изъ русскіхъ, такъ и изъ англійскихъ источниковъ.

Во время перваго путешествія своего за границу, въ 1697 и 1698 годахъ, Петръ Великій, проживъ пять мѣсяцевъ въ Голландіи, рѣшился посѣтить Англію. Причины, побудившія его къ этой поѣздкѣ, изложены имъ самимъ въ собственноручномъ предисловіи къ «Морскому Регламенту».

«На Остѣ-Индской верфи, — пишетъ онъ, — вдавъ себя съ прочими волонтерами въ наученіе корабельной архитектуры, государь въ краткое время совершился въ томъ, что подобало доброму плотнику знать,

и своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и спустилъ. Потомъ просилъ той верфи баса (мастера) Яна Поля, дабы училъ его препорціи корабельной, который ему черезъ четыре дня показалъ. Но понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципы, прочее же съ долговременной практики, о чемъ и вышерѣченный бась сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣеть, тогда зѣло стало ему противно, что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось быть его величеству на загородномъ дворѣ купца Якова Тессинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо не весель ради вышеписанной причины; но когда, между разговоровъ, спрошенъ былъ: для чего такъ печалентъ? тогда оную причину объявилъ. Въ оной компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно. Сіе слово его величество зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію поѣхалъ и тамъ, черезъ четыре мѣсяца, оную науку окончилъ».

Король англійскій Вильгельмъ III, бывшій также и штатгальтеромъ Нидерландскимъ, имѣлъ случай лично познакомиться съ Петромъ, въ Утрехтѣ и Гаагѣ, во время пріема московскаго посольства, въ свитѣ котораго царь занималъ скромную должность дворянина. Вильгельмъ оцѣнилъ необычайный умъ молодого русскаго государя, его энергію и страсть къ наукамъ, въ особенности къ кораблестроенію. Желая выразить ему свое сочувствіе, король, по возвращеніи своемъ въ Лондонъ, приказалъ изготовить, построенную незадолго передъ тѣмъ по новому способу, легкую, красивую двадцатипушечную яхту «Transport-royal» и письменно просилъ Петра принять эту яхту въ подарокъ. Петръ остался чрезвычайно доволенъ такимъ неожиданнымъ и пріятнымъ подаркомъ и отправилъ въ Лондонъ, къ Вильгельму, съ изъявленіемъ своей благодарности, майора Преображенскаго полка Адама Вейде, которому поручилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить королю о своемъ намѣреніи «посѣтить англійскую землю незнатнымъ иностранцемъ, чтобы видѣть корабли и морское поведеніе».

Вильгельмъ выразилъ искренное удовольствіе еще разъ свидѣться съ царемъ и послалъ въ его распоряженіе королевскую яхту подъ командою трехъ линейныхъ кораблей.

Царь выѣхалъ изъ Амстердама 7-го января (1698 г.) и на другой день, вечеромъ, прибылъ въ голландскую гавань Гелвелелюйсъ, къ ожидавшей его здѣсь англійской эскадрѣ. Переночевавъ на яхтѣ, Петръ, на разсвѣстѣ 9-го числа, не взирая на бурную погоду, снялся

съ якоря и послѣ двухъ-дневнаго плаванія, 11-го числа, рано утромъ, высадился въ Лондонѣ, въ Гюркъ-Большингсѣ (нынѣ Бокингамъ-Стритъ, въ Адельфи), гдѣ для него былъ нанятъ большой домъ, выходившій на Темзу. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, король прислалъ камергера Бертона поздравить русскаго государя съ благополучнымъ приѣздомъ, выразить свою готовность на всякія услуги и спросить, когда можно

Петръ Великій въ русскомъ платьѣ, въ бытность въ Голландіи въ свитѣ великаго посольства.

Съ гравированнаго портрета того времени Оттенса.

будетъ видѣться съ его царскимъ величествомъ. Петръ, поблагодаривъ съ своей стороны за добрый приѣмъ, отвѣчалъ, что готовъ на свиданіе во всякое время, когда это будетъ угодно королю. На слѣдующій день, къ Петру явились, назначенные состоять при немъ, вице-адмиралъ Мичель и маркизь Кармартенъ. Царь очень скоро сошелся съ послѣднимъ и полюбилъ его за веселый характеръ, познанія въ морскомъ дѣлѣ и всегдашнюю готовность кататься съ нимъ

по Темзѣ. Они часто проводили цѣлые вечера вдвоємъ, въ дружеской бесѣдѣ, попивая «*perer and brandy*» (настойка коньяку на перцѣ). Если вѣрить одной современной англійской газетѣ, Петру особенно пришлось по вкусу напитокъ, называвшійся «*Nectar Ambrosia*». Эта амброзіа была изобрѣтена какимъ-то счастливымъ спекулянтномъ, поднесшимъ свою микстуру царю, который не удовольствовался поднесеннымъ количествомъ, а приказалъ закупить еще большой запасъ.

Король посѣтилъ царя черезъ три дня послѣ его приѣзда, при чемъ былъ принятъ Петромъ въ комнатѣ, служившей спальнею, гдѣ воздухъ оказался до такой степени испорченнымъ, что, не смотря на стоявшій въ то время холодъ, пришлось отворить окно. Царь былъ у короля спустя дней десять, одѣтый въ московское платье, бесѣдовалъ съ нимъ около двухъ часовъ на голландскомъ языкѣ и познакомился также съ его свояченицей, наслѣдницей англійскаго престола, принцессой Анной, которую, въ письмѣ къ Апраксину, почему-то назвалъ «сущей дочерью нашей церкви». Онъ не обратилъ никакого вниманія на превосходныя картины и другія художественныя произведенія, украшавшія резиденцію короля, Кенигстонскій дворецъ, но за то чрезвычайно заинтересовался, находившимся въ королевскомъ кабинетѣ, приборомъ для наблюденія за направлениемъ вѣтра.

Въ Лондонѣ, какъ и всюду, Петръ осматривалъ преимущественно то, что могло принести ему пользу въ практическомъ отношеніи. Онъ побывалъ въ королевскомъ обществѣ наукъ, «гдѣ видѣлъ всякія дивныя вещи», въ Тоуерѣ, «гдѣ честныхъ людей сажаютъ за караулъ», на монетномъ дворѣ, на астрономической обсерваторіи и т. п. Разъ посѣтилъ и театръ, гдѣ давали пьесу «Королевы соперницы или Александръ Великій» и гдѣ ему понравилась актриса Кросъ, съ которой онъ свелъ, впрочемъ кратковременное, знакомство. Петръ нѣсколько разъ обѣдалъ у маркиза Кармартена и у другихъ англійскихъ вельможъ, но при этомъ ставилъ условіемъ, чтобы они не приглашали постороннихъ лицъ. Онъ терпѣть не могъ и тщательно избѣгалъ всякой толпы. Когда Вильгельмъ, по случаю своего рожденія, далъ балъ въ С.-Джемскомъ дворцѣ, царь ни за что не согласился выйти къ гостямъ и помѣстился въ маленькой комнатѣ, откуда могъ видѣть все, не будучи самъ замѣченъ. Посѣтивъ парламентъ, Петръ не захотѣлъ войти въ зало засѣданій, а глядѣлъ на происходившее черезъ слуховое окошко, пробитое въ потолокъ. Царь посѣтилъ также общество квакеровъ, осматривалъ лондонскія церкви и не разъ бесѣдовалъ съ извѣстнымъ богословомъ, епископомъ Салисбурійскимъ, Джилъбертомъ Бѣрнетомъ о религіи и положеніи духовенства. Въ Бодлеанской бібліотекѣ хранится, нигдѣ еще не напечатанное, письмо Бѣрнета.

отъ 19-го марта 1698 г., къ доктору Фаллю, начальнику пѣвческой капеллы въ Горгѣ (presenter), въ которомъ Бёрнетъ, между прочимъ, сообщаетъ краткія, но тѣмъ не менѣе любопытныя свѣдѣнія о своихъ сношеніяхъ съ царемъ. Привожу изъ этого письма, также сообщеннаго мнѣ въ копіи профессоромъ Морфилемъ, то мѣсто, которое касается Петра:

«Дорогой сэръ!.. Послѣ вашего отъѣзда, царь пріѣзжалъ однажды въ Ламбетъ, видѣлъ таинство причащенія и рукоположенія и остался очень доволенъ. Я часто бываю съ нимъ. Въ прошлый понедѣльникъ, я провелъ у него четыре часа. Мы разсуждали о многихъ вещахъ; онъ обладаетъ такой степенью знанія, какой я не ожидалъ видѣть въ немъ. Онъ тщательно изучалъ св. Писаніе. Изъ всего, что я говорилъ ему, онъ всего внимательнѣе слушалъ мои объясненія объ авторитетѣ христіанскихъ императоровъ въ дѣлахъ религіи и о верховной власти нашихъ королей. Я убѣдилъ его, что вопросъ о происхожденіи св. Духа есть тонкость, которая не должна была бы вносить раскола въ Церковь. Онъ допускаетъ, что иконамъ не слѣдуетъ молиться, и стоитъ лишь за сохраненіе образа Христа, но этотъ образъ долженъ служить лишь какъ воспоминаніе, а не какъ предметъ поклоненія. Я старался указать ему великія цѣли христіанства въ дѣлѣ усовершенствованія сердца человѣческаго и человѣческой жизни, и онъ увѣрилъ меня, что намѣренъ примѣнить эти принципы къ самому себѣ. Онъ начинаетъ такъ сильно привязываться ко мнѣ, что я едва могу отъ него оторваться... Царь или погибнетъ, или станетъ великимъ человѣкомъ».

Лондонскія фабрики и мастерскія также не были оставлены Петромъ безъ обзора. У знаменитаго часовщика Карте Петръ купилъ замѣчательные географическіе часы и при этомъ, какъ увѣряютъ англичане, выучился безукоризненно собирать и разбирать ихъ, а у одного гробовщика онъ даже пріобрѣлъ и отправилъ въ Россію образецъ англійскаго гроба. Но главное вниманіе Петра привлекали Вульвичъ, съ его знаменитымъ литейнымъ заводомъ и арсеналомъ, и Дептфордъ съ его обширными доками и верфями. Въ этотъ послѣдній городокъ, теперь уже слившійся съ Лондономъ, а тогда лежавшій отъ него въ девяти километрахъ, у самаго впаденія рѣчки Равенсбургъ въ Темзу, Петръ рѣшилъ даже переселиться на нѣсколько недѣль, чтобы, подъ руководствомъ опытныхъ и ученыхъ наставниковъ, усовершенствовать свои познанія въ кораблестроеніи.

Англійскому правительству было не легко найти въ Дептфордѣ приличное и удобное помѣщеніе для царя и его свиты. Самымъ подходящимъ для этой цѣли зданіемъ оказался домъ нѣкоего Джона Еве-

лина, называвшійся «Says-Cort», очень помѣстительный, хорошо меблированный и примыкавшій обширнымъ садомъ къ самымъ докамъ. Домъ этотъ нанималъ по контракту адмиралъ Бенбоу, который, не смотря на выгодныя условія, не совсѣмъ охотно уступилъ свою квартиру и выѣхалъ въ гостиницу. Домъ Евелина на скорую руку поновили, садъ украсили растеніями, а въ стѣнѣ, смежной съ доками, пробили дверь, такъ что Петръ могъ во всякое время приходить туда, никѣмъ не стѣсняемый.

Слуга Джона Евелина, остававшійся въ домѣ, слѣдующимъ образомъ описывалъ своему хозяину порядокъ жизни царя: «Домъ полонъ»

Вильгельмъ III, король англійскій.

Съ гравированнаго портрета Хубракена.

народа ужасно грязнаго (right nasty). Царь спитъ рядомъ съ вашей библіотекой, а обѣдаетъ въ гостиной, что за кабинетомъ. Бѣсть онъ въ 10 часовъ утра и въ 6 часовъ вечера. Иногда бываетъ дома цѣлый день. Часто ходитъ на верфь или плаваетъ по рѣкѣ въ разныхъ костюмахъ. Король платитъ за все». Въ праздничные дни, или по окончаніи дневныхъ работъ, Петръ обыкновенно отправлялся съ нѣсколькими приближенными въ Гоуфъ-Стритъ, въ небольшой кабачокъ, гдѣ спрашивалъ пива, или коньяку, и отдыхалъ, покуривая свою голландскую трубочку. Хозяинъ заведенія намалевалъ портретъ московскаго царя и прибилъ его надъ дверями, какъ вывѣску. Эта вы-

вѣска провисѣла до 1808 года, когда нѣкто Ваксель (Waxel) почему-то пожелалъ ее пріобрѣсти и предложилъ хозяину, замѣнъ старой, написать для него новую. Согласно уговору, копія была сдѣлана въ нѣсколько увеличенномъ видѣ и занимала мѣсто оригинала до перестройки дома, послѣ чего портретъ уже не появлялся, но за кабачкомъ до сихъ поръ сохранилось названіе «Таверны московскаго царя» (Czars of Moscovy Tavern).

Изрѣдка, Петръ совершалъ кратковременныя поѣздки въ Лондонъ, Гринвичъ и Виндзоръ, для осмотра ихъ достопримѣчательностей. Чтобы

Маркизъ Кармартенъ.

Съ рѣдкаго портрета, доставленнаго профессоромъ Оксфордскаго университета Морфилемъ.

сдѣлать пріятное царю, король Вильгельмъ задумалъ повеселить его примѣрною морскою битвою, близъ острова Уайта. Съ этой цѣлью, на Портсмутскомъ рейдѣ была сосредоточена эскадра изъ 12 большихъ военныхъ кораблей. 21-го марта, Петръ пріѣхалъ въ Портсмутъ и, переночевавъ у губернатора, на другой день осмотрѣлъ англійскія суда. Когда показалась царская шлюпка, всѣ корабли открыли пальбу, а матросы привѣтствовали державнаго посѣтителя громкими криками. Окончивъ осмотръ, царь взшелъ на 80-ти пушечный, адмиральскій корабль «Гомбургъ». Эскадра вступила подъ паруса и въ тотъ же день обогнула островъ Уайтъ, но по случаю тихой погоды стала на якорь.

Во время стоянки, Петръ посѣтилъ корабельныхъ капитановъ и «довольно съ ними веселился». На другой день подулъ благопріятный вѣтеръ; корабли выстроились въ двѣ линіи и дважды вступали въ битву, производя, къ великому удовольствію царя, разнообразныя морскія эволюціи. По окончаніи маневровъ Петръ возвратился на рейдъ, осматривалъ городъ, побывалъ въ близъ лежащемъ Сютгей-кестлѣ (нынѣ Southampton) и на обратномъ пути въ Дептфордъ завтракалъ и обѣдалъ, съ своими спутниками, которыхъ было 21 человекъ, въ лучшей гостинницѣ въ Годельмингѣ. Счетъ, по которому было уплачено англійскимъ правительствомъ содержателю гостинницѣ, за все съѣденное и выпитое гостями, сохранился въ подлинникѣ. Ими было уничтожено за завтракомъ: полъ-барана, четверть ягненка, десять куръ, двѣнадцать цыплятъ, три кварты коньяку, шесть квартъ глингвейну, семь дюжинъ яицъ. За обѣдомъ они съѣли: 1¹/₄ пудъ говядины, цѣлаго барана (вѣсомъ 1¹/₂ пуда), три четверти ягненка, плечо и филей телятины, восемь куръ, восемь кроликовъ, выпили двѣ съ половиной дюжины столоваго вина и дюжину краснаго.

Живя въ Дептфордѣ, Петръ, при содѣйствіи Кармартена и съ согласія короля, приговорилъ къ себѣ на службу до 60 человекъ разныхъ специалистовъ и мастеровъ. Здѣсь же, съ цѣлью подкрѣпить русскую казну, царь заключилъ съ Кармартеномъ условіе, которымъ предоставилъ ему право исключительной торговли въ Россіи табакомъ за 20,000 фунтовъ стерлинговъ (или 48,000 рублей), съ уплатою всей суммы впередъ. Кармартену было разрѣшено ввести въ Россію и распродать въ одинъ годъ 3,000 бочекъ, или полтора милліона фунтовъ, табаку, при чемъ государь обязался «всѣмъ своимъ подданнымъ, какого ни есть чина, дозволить никоціанъ курить и употреблять, не смотря на всѣ прежніе противные указы и права».

Приѣхавъ изъ Голландіи въ Англію уже опытнымъ корабельнымъ плотникомъ, Петръ въ три мѣсяца неустаннаго труда изучилъ англійскую систему постройки судовъ, узналъ размѣръ линейныхъ кораблей и фрегатовъ, приобрѣлъ необходимыя свѣдѣнія для учрежденія верфей и вникнулъ во всѣ порядки морской службы. Теперь, для полнаго и окончательнаго усовершенствованія своихъ познаній въ кораблестроеніи, ему оставалось только изучить способы сооруженія галернаго флота и для этого онъ рѣшился отправиться въ Венецію.

18-го апрѣля, царь съ чувствомъ живѣйшей признательности простился съ королемъ Вильгельмомъ, который, желая сохранить черты геніальнаго русскаго государя, упросилъ его дозволить списать съ себя портретъ. По приказанію короля, знаменитый тогдашній живописецъ оффридъ Кнеллеръ необыкновенно вѣрно передалъ потомству пре-

красную, мужественную фигуру двадцатипятилѣтняго Петра. Замѣчательный по сходству и мастерству исполненія портретъ царя, работы Кнеллера, находится въ аудіенцъ-залѣ Гамптонъ-Корта, одного изъ королевскихъ дворцовъ близъ Лондона.

21-го апрѣля, Петръ сѣлъ на подаренную ему яхту «Транспоръ-Рояль», поплылъ внизъ по Темзѣ, еще разъ посѣтилъ Вульвичъ и Чатамъ, и 23-го числа вышелъ въ море, направляясь къ берегамъ своей любезной Голландіи.

Какъ только царь покинулъ Дептфордъ, адмиралъ Бенбоу вознамѣрился перебраться въ свое прежнес жилище; но его ждало неожиданное и горькое разочарованіе. Московскіе гости оказались совершенными варварами. Въ свое двухъ-мѣсячное пребываніе въ домѣ Джона Евелина они до такой степени безцеремонно распоряжались чужимъ имуществомъ и привели его въ такой безобразный видъ, что адмиралъ вынужденъ былъ отказаться отъ намѣренія возобновить контрактъ съ Евелиномъ и обратился къ англійскому правительству съ слѣдующей жалобой:

«Джонъ Бенбоу въ почтительнѣйшей просьбѣ заявляетъ, что онъ нѣсколько времени тому назадъ нанялъ домъ Джона Евелина, эсквайра, называемый «Сэйсъ-Кортъ» въ Дептфордѣ, и обязался контрактомъ содержать оный, равно какъ и садъ и проч. въ хорошемъ и удовлетворительномъ состояніи и полной исправности, и сдать его въ такомъ же видѣ по истеченіи условленнаго срока; и случилось, съ позволенія Вашей Чести, что его царское величество обратился къ вышепереченному, мѣсяца три тому назадъ, желая, на время пребыванія своего въ Англій, занять его домъ, со всѣмъ убранствомъ, какое въ немъ находилось. Джонъ Бенбоу охотно согласился на это и немедленно вывезъ изъ дома свою семью и передалъ домъ царю въ пользованіе, предполагая, что это будетъ пріятно Его Милости королю и что царь будетъ пользоваться нанятымъ домомъ, имуществомъ и садомъ иначе, чѣмъ вышло въ дѣйствительности. Домъ оказался въ такомъ дурномъ видѣ, что едва ли возможно дать полное понятіе объ этомъ Вашей Чести. Кромѣ того, много вещей поломано, потеряно и испорчено.

«По сему, нижеподписавшійся почтительно просить, не благоугодно ли будетъ Вашей Чести приказать произвести осмотръ дома и проч. для приведенія въ извѣстность нанесенныхъ ему убытковъ и дабы ему могло быть дано вознагражденіе и онъ не вынужденъ былъ понести ущербъ за оказанную имъ любезность».

Просьба Джона Бенбоу была отослана серу Христофору Рэну, которому поручено было осмотрѣть домъ, садъ и движимое имущество и донести, сколько убытка причинено просителю царемъ и его свитой.

Рэнъ произвелъ осмотръ при содѣйствіи оцѣнщика по части движимости и гардероба, мистера Севелля, и королевскаго садовника, мистера Лаудона, и исчислилъ общую цифру убытковъ въ 350 фунтовъ стерлинговъ. Это исчисленіе основано имъ на слѣдующихъ двухъ документахъ, подписанныхъ Севеллемъ и Лаудономъ.

I.

«Счетъ поврежденій, причиненныхъ постройкамъ и изгородямъ московскимъ царемъ и его свитой въ Сэйсъ-Кортъ, въ Дептфордъ:

	Фун- товъ.	Шиллин- говъ.	Пен- совъ.
«За 150 ярдовъ окраски	7	10	—
«За 244 ярда бѣленія въ домѣ	2	—	8
«За 300 стеколъ въ окнахъ	—	15	—
«За 20 большихъ стеколъ	2	8	—
«За 3 мѣдныхъ замка	2	5	8
«За 9 замковъ, также испорченныхъ	—	12	—
«За ключи ко всѣмъ сказаннымъ замкамъ	1	—	—
«За 90 футовъ голландской черепицы для поправки каминныхъ трубъ	1	1	—
«За 100 футовъ фламандскихъ изразцовъ для поправки кухни	1	5	—
«За 90 футовъ (не разобранный слогъ)	1	10	—
«За починку задвижекъ	—	10	—
«За починку шкафовъ	—	10	—
«За поправку испорченныхъ (не разобранный слогъ)	—	10	—
«За двѣ новыхъ еловыхъ двери	1	4	—
«Всѣ полы попорчены грязью и рвотой	2	—	—
«За новый полъ въ нижнемъ домѣ	—	14	—
«За починку 300 футовъ аспиднаго и каменнаго помоста	1	—	—
«За 240 футовъ сосновыхъ балясинъ	60	—	—
«За 170 футовъ дубовыхъ балясинъ и периль	17	—	—
«За 100 футовъ наружной загородки сада	1	13	8
«За полировку заново 4 мраморныхъ ступенекъ и мраморнаго стола	1	4	—
«За 3 сломанныхъ и потерянныхъ тачки	1	—	—

«Оцѣнено Уильямомъ Дикинсономъ Кларкомъ.

II.

	Фун- товъ.	Шиллин- говъ.	Пен- совъ.
«Спальная, убранная голубой отдѣлкой, и голубая кровать, обитая внутри свѣтло-желтымъ шелкомъ, вся измарана и ободрана	4	—	—
«Японскій карнизъ кровати сломанъ	—	—	—
«Индійское шелковое, стеганое одѣяло, байковое одѣяло и постельное бѣлье запятнаны и загрязнены	2	—	—
«Туалетный столикъ, обитый шелкомъ, сломанъ и изрѣзанъ	1	—	—
«Стѣнной орѣхового дерева столикъ и рундукъ сломаны	—	15	—
«Мѣдная кочерга, пара щипцовъ, желѣзная рѣшетка, лопатка, частью сломаны, частью утрачены	1	—	—
«Палевая кровать разломана на куски, красная отдѣлка, отороченная полосатымъ персидскимъ шелкомъ, сильно подрана и испорчена .	62	—	—
«Въ кабинетѣ: четыре полотнища тканыхъ дамасскихъ обоевъ сильно измараны	—	10	—
«Въ большой комнатѣ: два большихъ каминныхъ крюка съ мѣдными рукоятями сломаны	—	15	—
«Въ смежной комнатѣ обои требуютъ чистки .	1	—	—
«Въ слѣдующей комнатѣ: коленкоровая кровать съ занавѣсями испятнана и изорвана въ клочки, а большое индійское одѣяло прорвано во многихъ мѣстахъ	3	10	—
«14 голландскихъ плетеныхъ стульевъ всѣ сломаны и испорчены	2	10	—
«12 стульевъ со спинками, обитыми драго-томъ, сильно испорчены	1	10	—
«Въ слѣдующей комнатѣ: обитая темнымъ камлотомъ кровать сильно порвана и испорчена	2	—	—
«Обыкновенное стаметовое одѣяло изорвано и прожжено въ нѣсколькихъ мѣстахъ	—	10	—
«Черный панелевый столъ и рундуки сломаны и испорчены	—	10	—

	Фу- товъ.	Шиллин- говъ.	Пен- совъ.
«Пара каминныхъ крюковъ съ мѣдными рукоятями, лопатка и щипцы сломаны . . .	—	7	6
«Въ слѣдующей комнатѣ: двѣ кровати, одна обитая драгетомъ, другая саржей, изорваны и испорчены	2	10	—
«Старый комодъ, каминные крюки, лопатка и щипцы сломаны и испорчены	—	10	—
«Въ слѣдующей комнатѣ: голубая, полосатая, коломенковая кровать, обитая внутри пестрой, индѣйской, вышитой тканью, сильно измарана и попорчена, а карнизъ сломанъ . .	3	—	—
«12 кресель, обитыхъ голубой матеріей, сильно попорчены	1	10	—
«3 старыхъ, голландскихъ плетеныхъ стула сломаны	—	7	6
«Орѣховый комодъ и оклейной столъ сильно испорчены и сломаны	—	15	—
«6 бѣлыхъ, тонкихъ, дамасковыхъ оконныхъ занавѣсей изорваны и испорчены	1	10	—
«Грѣлка поломана внутри и пожжена . .	5	5	—
«Внизу: японскій столъ, два стула и кушетка всѣ поломаны и испорчены	1	10	—
«7 отлогихъ стульевъ сломаны и утрачены .	1	10	—
«Нѣсколько другихъ стульевъ попорчены .	1	—	—
«Пара каминныхъ крюковъ съ мѣдными рукоятями, пара щипцовъ, лопатка и рѣшетка сломаны и попорчены	—	15	—
«Два стола съ инкрустаціей попорчены . .	—	15	—
«Большой турецкій коверъ попорченъ . .	—	15	—
«5 кожаныхъ стульевъ утрачены	1	—	—
«3 простыхъ плетеныхъ стула и 4 зеленыхъ саржевыхъ стула сломаны или утрачены . .	1	—	—
«2 перины и 2 подушки потеряны	8	—	—
«3 пары новыхъ пуховыхъ подушекъ потеряны	3	—	—
«8 перинъ, 8 подушекъ, 12 паръ байковыхъ одѣялъ сильно замараны и попорчены . . .	3	16	—
«Одна запасная желѣзная рѣшетка изломана въ куски	—	16	—

	Фун- товъ.	Шиллин- говъ	Пен- совъ.
«3 пары тройныхъ, тонкихъ, голландскихъ простынь утрачены	7	10	—
«3 кресла съ ручками и 5 рѣзныхъ деревянныхъ креселъ изломаны въ куски	1	—	—
«Столъ, сломанъ и испорченъ	6	—	—
«20 прекрасныхъ картинъ сильно замазаны, а рамы всѣ разбиты	10	—	—
«Нѣсколько прекрасныхъ чертежей и другихъ рисунковъ, изображающихъ лучшіе виды, утеряны и оцѣнены адмираломъ Бенбоу въ	50	—	—

«Дж. Севелль».

«9-го мая 1698 г.».

III.

«Нѣсколько замѣчаній о садахъ и палисадникахъ, принадлежащихъ достопочтенному Джону Евелину, эсквайру, при его домѣ, Сейст-Кортъ, въ Дептфордъ, въ графствѣ Кентъ.

«Во все время, пока московскій царь проживалъ въ означенномъ домѣ, не мало поврежденій было понесено въ садахъ и палисадникахъ. Усмотрѣнныя поврежденія двухъ родовъ: одни изъ нихъ могутъ быть поправлены, другія же нельзя исправить.

«1) Трава помята и земля взрыта отъ прыжковъ и выдѣлыванія разныхъ штукъ.

«2) Лужайка, на которой играютъ въ шары, въ такомъ же видѣ.

«3) Вся земля, которая обрабатывается подъ хозяйственные растенія, заросла сорными травами и оставалась безъ ухода и обработки, потому что царь все равно не допустилъ бы никого къ обработкѣ, когда наступило для этого время.

«4) Шпалерныя и другія фруктовыя деревья остаются неподрѣзанными и безъ прививки.

«5) Ни живыя изгороди, ни дички, не подрѣзаны, какъ слѣдуетъ.

«6) Песчаныя дорожки изрыты ямами и запущены.

«Замѣчанія эти сдѣланы Джоржемъ Лаудономъ, садовникомъ его величества, который удостовѣряетъ, что для приведенія садовъ и плантацій въ то исправное состояніе, въ какомъ они находились до пребыванія его царскаго величества, потребуется сумма въ 55 фунтовъ, въ чемъ я и удостовѣряю.

«Джоржъ Лаудонъ».

«Примѣчаніе. Много вреда нанесено деревьямъ и растеніямъ, что уже оказывается непоправимымъ, а именно: поломаны вѣтви у шпа-

лерныхъ и фруктовыхъ деревьевъ, попорчены три прекраснѣйшія широколиственныя липы, поломаны нѣсколько остролистниковъ и другихъ красивыхъ растений».

Приведенные нами три акта осмотра владѣній Джона Евелина, были представлены сэру Христофору Рэну, который, въ свою очередь, препроводилъ ихъ въ государственное казначейство при слѣдующемъ донесеніи:

«Съ позволенія Вашего Лордства.

«Вслѣдствіе предписанія Вашего Лордства отъ 6-го мая, 1698 года, на просьбу Джона Бенбоу объ осмотрѣ и оцѣнкѣ убытковъ, причиненныхъ нанимаемому имъ дому, садамъ и имуществу его царскимъ величествомъ и свитой его, въ Дептфордѣ, я поступилъ согласно сему и оцѣнилъ поправки дома и двора при содѣйствіи опытныхъ людей; пригласилъ присутствовать мистера Севелля при оцѣнкѣ движимаго имущества, а мистера Лаудона при оцѣнкѣ садовъ и палисадниковъ, къ каковымъ своимъ оцѣнкамъ, при семъ представляемымъ, они приложили свои руки и я считаю ихъ оцѣнку вполне вѣрною.

«Убытокъ по дому исчисленъ въ 107 фунтовъ 7 шиллинговъ, и по саду въ 55 фунтовъ, а всего 162 фунта 7 шиллинговъ, каковая сумма должна быть, по моему мнѣнію, уплачена мистеру Евелину, владѣльцу дома, такъ какъ контрактный срокъ уже истекъ.

«Убытокъ по имуществу 133 фунта 2 шиллинга 6 пенсовъ; съ прибавленіемъ недѣльнаго дохода, который я оцѣниваю въ 25 фунтовъ, всего слѣдуетъ уплатить 158 фунтовъ 2 шиллинга 6 пенсовъ.

«Сверхъ того, домъ, принадлежащій нѣкому Росселю, бѣдному человѣку, гдѣ проживала стража, назначенная состоять при домѣ, занимаемомъ царемъ, почти совершенно разрушенъ, такъ что подлежитъ оплатѣ въ полной стоимости.

«Христофоръ Рэнъ».

«Мая 11-го дня 1698 г.».

21-го іюля того же года, государственное казначейство приказало уплатить деньги всѣмъ лицамъ, понесшимъ убытки отъ пребыванія Петра Великаго въ Дептфордѣ, согласно исчисленію, приведенному въ рапортѣ сэра Христофора Рэна.

Домъ Джона Евелина существуетъ до сихъ поръ въ полуразрушенномъ видѣ. Онъ составляетъ теперь какъ бы часть доковъ и въ немъ помѣщается полиція и расчетная контора съ рабочими. Окружавшій его садъ превратился въ пустырь, поросшій сорной травой. Но улица, ведущая къ дому, обставленная жалкими лачужками и населенная исключительно бѣдняками, сохранила до настоящаго времени названіе «Царской» (Czars Street).

Императорскій титулъ¹⁾.

ИШТАДТСКІЙ миръ, завершившій, такъ называемую, «Сѣверную» войну, продолжавшуюся 21 годъ, составляетъ, безспорно, одно изъ величайшихъ событій царствованія Петра Великаго. Съ этимъ миромъ, по мѣткому замѣчанію С. М. Соловьева, кончился степной, восточный періодъ русской исторіи, и начался новый — морской, западный. Впервые славяне, послѣ обычнаго отступленія своего передъ германскими племенами на востокъ, къ степямъ, повернули на западъ и отвоевали у нѣмцевъ часть береговъ Балтійскаго моря, которое чуть было не сдѣлалось нѣмецкимъ озе-

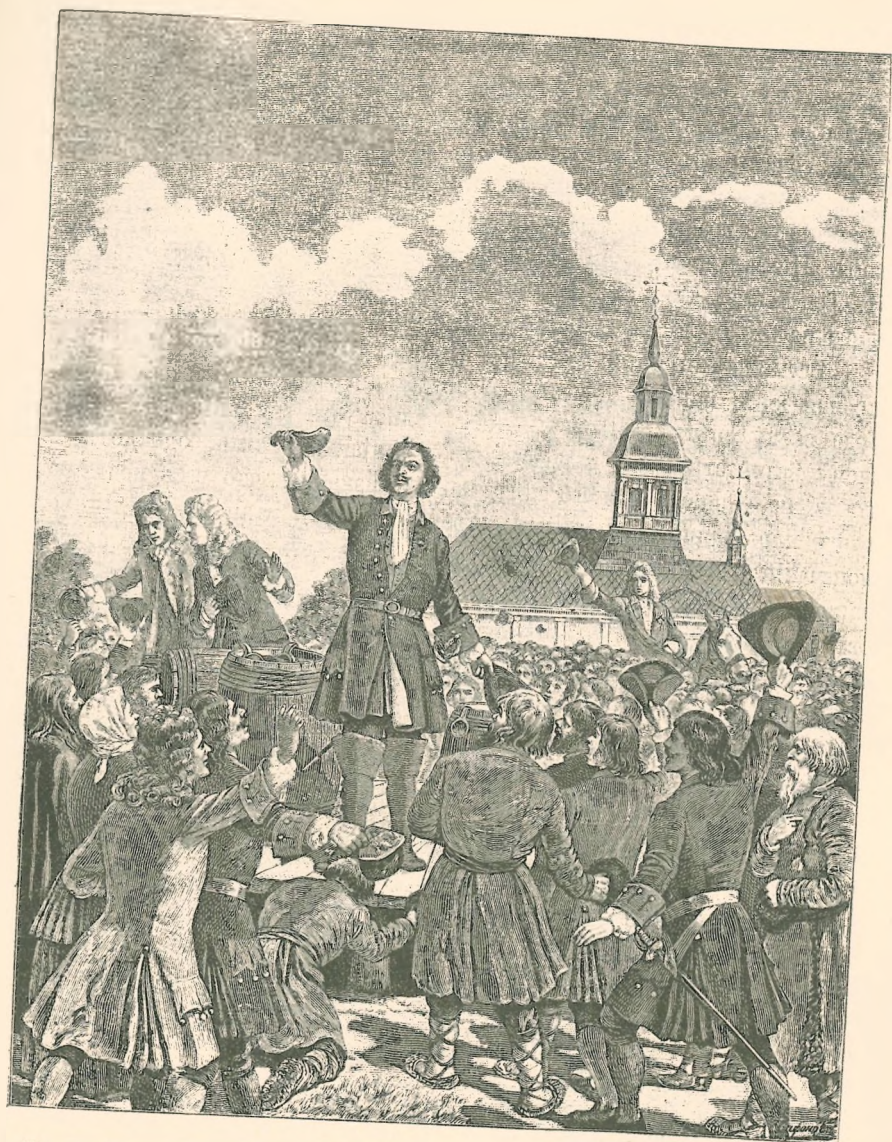
ромъ. Но этимъ не ограничивается значеніе великаго событія. Швеція потеряла на сѣверо-востокъ свое первенствующее положеніе, которое заняла Россія, — держава новая, не участвовавшая прежде въ обще-европейской жизни и теперь приносявшая европейской исторіи цѣлый новый міръ отношеній, держава громаднѣйшая, границы которой простирались до Восточнаго океана и сходились съ границами Серединной имперіи, держава, принадлежащая къ Восточной церкви, естественная представительница славянскихъ племенъ и защитница народовъ греческаго исповѣданія. Давно исторія не видала явленія

¹⁾ Источники: 1) Исторія Россіи. Соловьева. Ч. 17.—2) Дѣянія Петра Великаго. Голикова. Ч. 8.—3) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца. Ч. IV.—4) Матеріалы для исторіи Петра Великаго. Привѣтствіе и наданіе императорскаго титула. «Отечественныя Записки», 1846. Т. XX.

болѣе обильнаго послѣдствіями. Сѣверная война была начата московскимъ государствомъ и закончена Россійской имперіей. Блистательный для Россіи Ништадтскій миръ измѣнилъ положеніе Европы: подлѣ Западной Европы, для общей дѣятельности съ нею, явилась новая Европа—восточная, что тотчасъ же отразилось на всемъ европейскомъ организмѣ—отозвалось всюду, отъ Швеціи до Испаніи. Напряженные усилія и тяжкія пожертвованія, принесенныя русскимъ народомъ для великихъ цѣлей, указанныхъ великимъ монархомъ, были вознаграждены небывалой славой, неожиданными выгодами. Легко понять, какое чувство овладѣло русскими людьми при извѣстіи о заключеніи Ништадтскаго мира.

Петръ Великій получилъ донесеніе отъ своихъ уполномоченныхъ, Брюса и Остермана, о подписаніи мирнаго договора со Швеціей, 4-го сентября 1721 года, во время морской поѣздки своей въ Выборгъ. У Лисьяго Носа его встрѣтилъ курьеръ Обрѣзковъ и передалъ ему радостную вѣсть. Государь тотчасъ повернулъ обратно въ Петербургъ, подбѣзжая къ которому велѣлъ ежеминутно стрѣлять изъ трехъ пушекъ, находившихся на его яхтѣ, а трубачу неумолчно трубить. На эти необычайные сигналы къ Троицкой пристани поспѣшно и въ недоумѣніи начинаютъ собираться вельможи и народъ. Петръ, подбѣзжая, машетъ платкомъ и кричитъ: «Миръ! миръ!» Ему отвѣчаютъ восторженными кликами. Приказавъ начать пальбу съ Петропавловской крѣпости и адмиралтейства и немедленно разслать герольдовъ по городу для объявленія о совершившемся событіи, государь, въ сопровожденіи собравшихся, направляется въ Троицкій соборъ и велитъ служить благодарственный молебенъ. Между тѣмъ, на Троицкой площади спѣшно готовятъ возвышенное мѣсто, ставятъ бочки съ виномъ и пивомъ. Скоро вся площадь сплошь покрывается народомъ. По окончаніи молебна, государь выходитъ изъ собора, поднимается на возвышеніе и говоритъ: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, Всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціей счастливый, вѣчный миръ!» Сказавъ это, Петръ зачерпнулъ въ одной изъ бочекъ ковшъ вина, повторилъ: «Здравствуйте, православные!» и выпилъ. Народъ радостно кричитъ: «Ура! Да здравствуетъ государь!» Многіе плачутъ. Петръ самъ растроганъ, въ глазахъ его видны слезы...

Официальное празднованіе было отложено до 22-го октября, и къ этому времени должны были вернуться въ Петербургъ войска изъ Финляндіи и другихъ мѣстъ. Наканунѣ этого дня Петръ пріѣхалъ въ сенатъ и объявилъ, что въ знакъ благодарности за милость Божию

Петръ Великій объявляетъ народу о заключеніи Ништадтскаго мира.
Съ картины художника Сафонова.

дасть прощеніе всѣмъ преступникамъ, кромѣ разбойниковъ и свято-татцевъ, освобождаетъ государственныхъ должниковъ и слагаетъ недоимки, накопившіяся съ начала войны до 1718 года. По отбытіи государя, сенатъ единогласно постановилъ поднести ему титуль Императора, Отца Отечества и Великаго. О своемъ рѣшеніи сенаторы немедленно сообщили святѣйшему синоду, который вполнѣ его одобрилъ. Тогда сенатъ, въ полномъ составѣ, отправился къ государю и вручилъ ему свое постановленіе, подписанное сенаторами: графомъ Головкинымъ, графомъ Апраксинымъ, княземъ Д. Голицынымъ, барономъ Шафировымъ, А. Меншиковымъ, княземъ Г. Долгорукимъ, П. Толстымъ, княземъ Д. Кантемиромъ и А. Матвѣевымъ. Постановленіе это было слѣдующаго содержанія:

«Всемиловѣйшій государь! Понеже труды вашего величества въ произведеніи нашего отечества и подданнаго вашего всероссійскаго народа всему свѣту извѣстны, того ради, хотя мы вѣдаемъ, что вашему величеству, яко самодержцу, вся принадлежитъ, однакожь въ показаніе и знакъ нашего истиннаго признанія, что весь подданной вашъ народъ ничѣмъ инымъ, кромѣ единыхъ вашихъ неуспѣшныхъ попеченій и трудовъ объ ономъ, и съ ущербомъ дражайшаго здравія вашего положенныхъ, на такую степень благополучія и славы въ свѣтѣ произведенъ есть, помыслили мы, съ прикладу древнихъ, особливо же римскаго и греческаго народа, дерзновеніе воспріять, — въ день торжества и объявленія заключеннаго оными вашего величества трудами всей Россіи толь славнаго и благополучнаго мира, по прочитаніи трактата онаго въ церкви, по нашемъ всеподданнѣйшемъ благодареніи за исходатайствованіе онаго мира, принесть свое прошеніе къ вамъ публично, дабы изволили принять отъ насъ, яко отъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ, въ благодареніе титуль Отца Отечества, Императора Всероссійскаго, Петра Великаго, какъ обыкновенно отъ римскаго сената за знатные дѣла императоровъ ихъ такіе титулы публично имъ въ даръ приношены и на статутахъ для памяти въ вѣчные роды подписываны. Святѣйшій синодъ въ томъ съ нами согласенъ, и тако токмо ожидаемъ обще отъ вашего величества милостиваго намъ невозбраненія».

22-го октября, Петръ, вся царская фамилія и вельможи прибыли къ обѣднѣ въ Троицкій соборъ. По окончаніи службы, прочитанъ съ амвона ратификованный мирный трактатъ. Затѣмъ, архіепископъ новгородскій Теофанъ Прокоповичъ сказалъ краснорѣчивую проповѣдь, въ которой, изобразивъ всѣ труды, мудрыя распоряженія и благодѣянія государя, на пользу его подданныхъ, въ продолженіе всего царствованія, и особенно въ минувшую войну, приглашалъ ихъ воздать

монарху дань признательности, достойную увѣковѣчить настоящій достопамятный день. Тогда изъ толпы вельможъ выдвигаются сенаторы, во главѣ съ канцлеромъ, графомъ Головкинымъ, который говорить слѣдующую рѣчь:

«Вашего царскаго величества славныя и мужественныя воинскія и политическія дѣла, чрезъ которыя токмо единыя вашими неусыпными трудами и руководженіемъ, мы, ваши вѣрныя подданные, изъ тьмы невѣдѣнія на театръ славы всего свѣта, и тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены, и въ общество политическихъ народовъ присовокуплены: и того ради какъ мы возможемъ за то и за настоящее исходатайствованіе толь славнаго и полезнаго мира по достоинству возблагодарити? Однакожь, да не явимся тици въ зазоръ всему свѣту, держаемъ мы, именемъ всего Всероссійскаго государства подданныхъ вашего величества всѣхъ чиновъ народа, всеподданнѣйше молить, да благоволите отъ насъ, въ знакъ нашего признанія толикихъ отеческихъ намъ и всему нашему отечеству показанныхъ благодѣяній, титуль Отца Отечества, Петра Великаго, Императора Всероссійскаго принять. Вивать, вивать, вивать, Петръ Великій, Отецъ Отечества, Императоръ Всероссійскій!»

Сенаторы и присутствовавшіе въ храмѣ трижды прокричали: «вивать», а за ними повторилъ этотъ крикъ народъ, толпившійся внѣ церкви. Завучали литавры и барабаны, загудѣлъ колокольный звонъ и загрохотала съ крѣпости, адмиралтейства и флота, пушечная пальба, сливаясь съ ружейною двадцати полковъ, стоявшихъ парадомъ на Троицкой площади. Когда все успокоилось, Петръ взволнованнымъ голосомъ отвѣчалъ:

«Зѣло желаю, чтобъ нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господь Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всюю крѣпостью благодарить. Однако же, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ случилось, какъ съ монархіею греческою. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который намъ Богъ передъ очми кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отчего облегченъ будетъ народъ».

Сенаторы благодарили государя, пѣвчіе запѣли: «Тебе Бога хвалимъ», а затѣмъ митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій совершилъ благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, послѣ чего снова раздалась пальба и музыка. Петръ вышелъ изъ собора и направился въ сенатъ, гдѣ былъ приготовленъ обѣденный столъ на тысячу человѣкъ. Народъ, заливавшій площадь, бросился къ государю, хваталъ его за руки, за полы кафтана, цѣловалъ ихъ. Восторгъ былъ общій и не поддающійся описанію.

Зданіе сената была драпировано внутри, по стѣнамъ, сукномъ. Здѣсь императора поздравили дамы, разодртыя въ самыя богатые наряды. Князь Меншиковъ прочиталъ высочайшій указъ о производствахъ по арміи, а адмиралъ графъ Апраксинъ — по флоту; послѣ нихъ, оберъ-секретарь Сената объявилъ о наградахъ и повышеніяхъ уполномоченнымъ на мирномъ конгрессѣ и другимъ лицамъ. Въ сенатскихъ залахъ было накрыто сорокъ восемь столовъ, за которыми не осталось ни одного свободнаго мѣста. Государь обѣдалъ въ большой аудіенцъ-залѣ, а императрица въ сосѣдней комнатѣ. На Екатеринѣ было красное платье, обшитое серебромъ, и драгоценный головной уборъ; на цесаревнахъ—бѣлыя платья, обшитыя золотомъ и серебромъ; волосы ихъ были унизаны разноцвѣтными каменьями. Императрицѣ прислуживали два камеръ-юнкера, а третій стоялъ передъ столомъ и разрѣзывалъ кушанья. За стульями цесаревень стояли только ихъ гувернантки. По правую сторону Петра сидѣлъ герцогъ Голштинскій, а по лѣвую—князь Меншиковъ; остальные вельможи и иностранные послы размѣстились, какъ пришлось. Первый тостъ,— въ честь заключеннаго мира,—провозглашенъ государемъ при звукахъ литавръ и трубъ. Обѣдъ еще продолжался, когда Петръ всталъ изъ-за стола и удалился на свою яхту, чтобы, по обыкновенію, отдохнуть. Уходя, онъ приказалъ всѣмъ оставаться и не уѣзжать безъ его разрѣшенія. По окончаніи обѣда, столы были вынесены и начались танцы, продолжавшіеся до темноты. Государь, вернувшійся съ яхты послѣ довольно долгаго отдыха, только изрѣдка появлялся въ залѣ, гдѣ происходили танцы, оставаясь, большею частью, внизу, потому что распорядитель приготовленнаго фейерверка сильно подвыпилъ за обѣдомъ, и Петръ, не надѣясь на него, самъ заботился о всемъ. Въ девять часовъ присутствовавшіе были приглашены къ нарочно выставленнымъ окнамъ смотрѣть фейерверкъ. Онъ удался прекрасно и заслуживаетъ описанія, такъ какъ былъ составленъ по указаніямъ и при участіи государя.

Сперва взорамъ зрителей представилось большое зданіе, изображавшее храмъ Януса. Оно было открыто, и внутри его виднѣлся, въ голубомъ огнѣ, старый Янусъ, державшій въ правой рукѣ лавровый вѣнокъ, а въ лѣвой масличную вѣтвь. Немного спустя, съ обѣихъ сторонъ показались два вооруженныхъ и коронованныхъ рыцаря; на щитѣ одного изъ нихъ былъ изображенъ двуглавый орелъ, а на щитѣ другаго три короны. Когда они приблизились къ открытымъ дверямъ храма и прикоснулись къ нимъ, двери начали постепенно затворяться, послѣ чего рыцари сошлись и подали другъ другу руки. Пока горѣло изображеніе храма и самого Януса, стоявшаго на высокомъ пьеде-

сталъ и окруженнаго разными арматурами, народу былъ отданъ жареный быкъ, лежавшій вблизи храма на возвышеніи о шести ступеняхъ, съ свободнымъ со всѣхъ сторонъ проходомъ. Государь самъ отрѣзалъ отъ быка первый кусокъ и попробовалъ, послѣ чего солдаты въ мигъ разорвали его на сотни частей. Тогъ, кому достались золоченные рога, получилъ денежную награду. Въ то же время были открыты устроенные съ обѣихъ сторонъ фонтаны съ краснымъ и бѣлымъ виномъ, охраняемые, для порядка, стражею. Едва двери храма совсѣмъ затворились, въ знакъ заключеннаго мира, какъ раздались сперва звуки множества трубъ, лигавръ и барабановъ, потомъ была пущена ракета, — и разомъ загрохотали сотни пушечныхъ выстрѣловъ, смѣшиваясь съ ружейнымъ огнемъ и звономъ колоколовъ. «Огонь съ крѣпости, адмиралтейства и стоявшихъ на Невѣ судовъ, былъ такъ великъ, — говоритъ очевидецъ, — что все казалось объятымъ пламенемъ, и можно было подумать, что земля и небо готовы разрушиться». Послѣ того, направо отъ храма, горѣлъ большой и высоко поставленный щитъ, на которомъ было изображено Правосудіе, попирающее ногами двухъ фурій; послѣднія представляли недоброжелателей и ненавистниковъ Россіи, а надъ всею эмблемою красовалась русская надпись: «всегда побѣдитъ». Затѣмъ, зажгли, съ лѣвой стороны, другою щитъ, на которомъ изображался плывущій по морю и входящій въ пристань корабль, съ латинской подписью: *finis coronat opus* («конецъ увѣнчалъ дѣло»). Кромѣ того, съ обѣихъ сторонъ красовались двѣ пирамиды изъ такого прекраснаго блага огня, что казались сдѣланными изъ брилліантовъ. На каждой изъ нихъ сверху сіяла звѣзда изъ такого же огня. Потомъ зажгли еще двѣ пирамиды со швермерами, и въ то же время пустили множество воздушныхъ шаровъ, огромныхъ ракетъ, бураковъ, открыли огненные фонтаны, колеса и проч., огонь которыхъ не прерывался въ продолженіе двухъ часовъ. Наконецъ, на водѣ, было пущено нѣсколько фигуръ изъ голубого и бѣлаго огня, вмѣстѣ со множествомъ водяныхъ шаровъ, дукеровъ, водяныхъ швермеровъ и другихъ огней.

Фейерверкъ окончился около двѣнадцати часовъ ночи. Государь, все время хлопотавшій около фейерверка, возвратился опять въ залъ сената, гдѣ снова начались поздравленія при тостахъ изъ большихъ кубковъ съ превосходнымъ венгерскимъ и другими винами, что продолжалось до трехъ часовъ утра, когда всѣ стали разъѣзжаться, а многихъ пришлось увезти.

Такимъ образомъ былъ отпразднованъ лучшій день въ жизни Петра, увѣковѣченный золотыми медалями, розданными участникамъ торжества. На лицевой сторонѣ медалей былъ изображенъ на морѣ корабль

и надъ нимъ голубъ съ масличною вѣтвью во рту; по сторонамъ моря высились города Петербургъ и Стокгольмъ, а между ними радуга съ надписями: «союзомъ мира связуемы» и «въ Нейштатѣ по потопѣ Сѣверныя войны 1721». На оборотной сторонѣ были вычеканены слѣдующія слова: «В. И. В. ІІ. Государю Петру I, именемъ и дѣлами предивными Великому, Россійскому Императору и Отцу, по двадесятилѣтнихъ триумфахъ Сѣверъ умирившему, сія изъ золота домашняго медаль усерднѣйше приносится».

Теперь остается сказать, какъ отнеслась Европа къ возникновенію на востокѣ новой имперіи.

Пруссія и Голландія немедленно признали новый титулъ русскаго царя; но не такъ поступили другія державы. Въ Вѣнѣ, когда нашъ посланникъ Ланчинскій, въ торжественной аудіенціи, заявилъ императору о принятіи Петромъ императорскаго титула, Карлъ VI проворкоталъ какія-то невнятные слова, а канцлеръ и другіе министры, подъ разными предлогами, уклонились дать прямой отвѣтъ. Во Франціи, регентъ, Филиппъ Орлеанскій, сказалъ нашему послу, князю Долгорукову: «если бы это дѣло зависѣло отъ меня, то я бы исполнилъ желаніе его величества; но дѣло такой важности, что надо о немъ подумать». Въ Польшѣ отвѣчали, что согласны признать новый титулъ только подъ условіемъ, чтобы Петръ письменно обязался за себя и своихъ преемниковъ не имѣть никакихъ притязаній на русскія области, находящіяся подъ польскимъ владычествомъ. Данія соглапалась признать Петра императоромъ съ условіемъ гарантіи Шлезвига, или, по крайней мѣрѣ, удаленія герцога Голштинскаго изъ Россіи. Со стороны остальныхъ державъ также встрѣтились разныя затрудненія и проволочки. Приходилось оставить ихъ въ покоѣ и предоставить обстоятельствамъ выяснить все значеніе и могущество Россіи. Оно такъ и случилось: скоро Европа должна была примириться съ совершившимся фактомъ—созданіемъ Всероссійской Имперіи. Признаніе новаго титула состоялось со стороны Швеціи въ 1723 г., Турціи въ 1739 г., Англіи и Австріи въ 1742 г., Франціи и Испаніи въ 1745 г. и, наконецъ, Польши въ 1764 году.

Первые балы въ Россіи ¹⁾.

О Петра Великаго въ высшемъ слоѣ русскаго общества не существовало почти никакихъ увеселеній. Это общество воспитывалось подъ неусыпнымъ вліяніемъ византійскаго аскетизма, не только запрещавшаго, но и проклинавшаго всѣ лучшія стороны человѣческаго развитія. Аскетизмъ объявлялъ свободную науку—ересью; творчество—соблазномъ; музыку, пѣніе, пляску и т. п.—«хульной потѣхой» и «богомерзкимъ дѣломъ». Духовная проповѣдь, ставя идеаломъ жизни суровое монашество, по принципу отрицала всякую мірскую «прелесть», всякія житейскія наслажденія и радости, противопоставляя имъ смиреніе, постъ и молитву, какъ существенное средство для достиженія загробнаго блаженства. Сперва лишь церковь, съ амвона, въ «учительскихъ грамотахъ», «памятяхъ» и «посланіяхъ» гремѣла противъ «игрищъ», пѣсень, плясокъ и т. п., а потомъ къ ней присоединилась и государственная власть, издавшая рядъ запретительныхъ указовъ относительно всякаго рода мірскихъ удовольствій. Понятно, что при такихъ условіяхъ, при полномъ разобщеніи женщинъ и мужчинъ, развлеченія нашихъ предковъ были весьма ограничены и не выходили

¹⁾ Источники: 1) Графиня Е. И. Головкина и ея время. Хмырова. Спб. 1867.— 2) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца.— 3) Историческіе разсказы и бытовіе очерки. Карновича. Спб. 1884.— 4) Voyage à Pétersbourg. Par de la Messelière. Paris. 1893.— 5) Lettres d'une dame anglaise, residente en Russie. Amsterdam. 1787.

за предѣлы комнатныхъ забавъ. Жизнь боярской семьи, втиснутая въ узкую рамку, строго подчиненная установленнымъ правиламъ и порядкамъ, текла по разъ навсегда указанному руслу, не смѣя уклоняться въ сторону.

Подчиняясь обычаю, аристократъ до-петровскаго времени уединялъ, обыкновенно, жену и дочерей своихъ въ особый теремъ, окружалъ ихъ доступною ему роскошью и затѣмъ жилъ какъ бы отдѣльно отъ нихъ, даже рѣдко встрѣчаясь съ ними въ самомъ домашнемъ быту, и мало былъ знакомъ съ прелестями семейной жизни. Такая отчужденность вносила въ его характеръ и привычки нѣкоторую черствость и грубость и вынуждала его окружать себя, для развлеченія, разнообразнымъ людомъ, наполнившимъ барскія хоромы, жившимъ на счетъ хозяина и составлявшимъ его постоянный, домашній кругъ.

Среди этого люда первое мѣсто занимали бѣдные дворяне, называвшіеся «знакомцами»; они всегда дѣлили досугъ и трапезу знатнаго боярина, шли передъ нимъ, когда онъ выѣзжалъ куда нибудь и, составляя его охранную стражу, всюду принимались съ нимъ вмѣстѣ и чествовались какъ гости. Второе мѣсто занималъ шутъ, являвшійся, такъ сказать, источникомъ вседневной утѣхи каждой богатой семьи; на обязанности его лежало возбуждать смѣхъ, веселость, и онъ достигалъ этой цѣли или острыми, или пошлыми, но всегда необычайными словами и поступками, при чемъ самый грязный цинизмъ былъ здѣсь не только умѣстенъ, но и заслуживалъ общее одобреніе. За шутомъ слѣдовали бахирь, или сказочникъ, домрачей и гусельники. Бахирь разсказывалъ разныя сказки, были и небылицы; домрачей пѣли пѣсни, былины, духовные стихи, подыгрывая на струнномъ инструментѣ, похожемъ на гитару и называвшемся домрой; гусельники забавляли слушателей игрою на гусяхъ. Иногда являлись скоморохи, скитавшіеся, большею частью, артелями и состоявшие изъ всякаго рода «умѣльцевъ», музыкантовъ, «глумотворцевъ», «шпыней», плясуновъ и т. п. Не смотря на преслѣдованіе, скоморохи умѣли обманывать бдительность властей, и ворота боярскихъ домовъ радушно растворялись передъ ними, такъ какъ естественная потребность въ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ чувствовалась всеми. Челядь въ боярскихъ домахъ была всегда многочисленная. Дворецкій и конюшій считались старшими лицами мужской прислуги, а няня распоряжалась женскою, т. е. разными мамушками, сѣнными дѣвушками и т. п. и вѣдала все домовое хозяйство.

Обыкновенно, день знатнаго боярина проходилъ слѣдующимъ образомъ: онъ покидалъ свой теплый пуховикъ при первомъ звукѣ колокола, въ который пономарь, а зачастую какой нибудь любитель, начиналъ «кленать» къ заутрени, и спѣшилъ въ церковь. Отстоявъ

тамъ заутреню и раннюю обѣдню, онъ возвращался домой, пилъ битень съ калачомъ, или приказывалъ подать себѣ «взварецъ» изъ наливокъ съ клюквою и малиною. Потомъ облачался въ бархатный, или объаренный кафтанъ, узкій и длинный, съ пуговицами и стоячимъ воротникомъ, вышитый золотомъ, жемчугомъ, даже драгоценными каменьями, опоясывался дорогимъ кушакомъ, изъ-за котораго всегда торчалъ ножъ, или кинжалъ; надѣвалъ длинный «охабень», отдѣланный жемчугомъ, набрасывалъ въ непогоду «корзнь», родъ плаща или епанчи, а въ морозы соболью шубу, нахлобучивалъ на голову высокую мѣховую шапку, и отправлялся въ сопровожденіи «знакомцевъ» на службу или во дворецъ, или въ одинъ изъ приказовъ. Къ одиннадцати часамъ служебныя занятія того времени оканчивались и бояринъ пріѣзжалъ домой, гдѣ его уже ожидалъ обѣдъ, заказанный и снаряженный домовою хозяйкою—нянею. Переодѣвшись въ рубаху съ косымъ воротомъ, вышитымъ шелками, въ широкое исподнее платье изъ чернаго шписа, или цвѣтнаго атласа, и легкое шелковое полукафтанье безъ рукавовъ, замѣнивъ мѣховую шапку на головѣ скуфейкой, бояринъ садился обѣдать. Кромѣ обычныхъ «знакомцевъ» и любимаго шута, за столомъ хлѣбосольнаго хозяина находили мѣсто все случавшіеся при этомъ посторонніе люди. Освященное временемъ, русское гостепримство было одинаково для званнаго и незваннаго и боярская спѣсъ не различала, въ обѣденный часъ, знатнаго отъ незнатнаго. Кушанья, раздѣленные на «статьи», въ каждой по нѣсколько перемѣнъ, приносились все разомъ, во множествѣ, и ставились на столъ, хотя бы обѣдающихъ было всего двое. Вино подносилось за каждымъ блюдомъ. Послѣ обѣда, бояринъ ложился отдохнуть, и сказочникъ, присѣвъ въ ногахъ господской постели, тихимъ и мѣрнымъ голосомъ начиналъ свой рассказъ. Изрядно отдохнувъ, бояринъ выходилъ въ молельню, гдѣ слушалъ вечерню, для чего почти всегда содержался домовый священникъ, а затѣмъ отправлялся въ гости, или, если оставался дома и не было никого постороннихъ, забавлялся со своими шутами, читалъ священное писаніе, слушалъ домрачея или гусяра, или игралъ въ шахматы и шашки съ кѣмънибудь изъ приближенныхъ; иногда уходилъ къ женѣ и дочерямъ и тамъ пошывалъ медъ, развлекаясь сплетнями мамъ и рассказами разныхъ странницъ и монахинь. При посѣтителяхъ, домъ до-петровскаго аристократа, обыкновенно чинный, какъ монастырь, оживлялся. Самъ бояринъ, съ виду недоступный, дѣлался радушнымъ и пріятливымъ хозяиномъ. Тяжеловѣстные серебряные кубки покидали поставцы и являлись на столъ, золоченые ковши двигались неумоимо, старинные меда и заморская романья расходовались усердно. Господскіе шуты острили и кривлялись къ

общему удовольствію гостей. Старая и безобразная дура, разряженная какъ восемнадцатилѣтняя дѣвушка, неистово вертѣлась и кричала подъ акомпаниментъ балалайки, гудка или волынки. Въ одномъ углу полупьяные любители слушали гуслиста и восторгались до слезъ; въ другомъ—играли въ зернь и, азартно бросая костями, передвигали по столу пригоршнями сѣфимки... Собраніе расходилось иногда очень поздно, около полуночи. Поднимаясь домой, захмелѣвшіе гости, пошатываясь, направлялись къ красному углу, молились передъ образомъ, потомъ кланялись хозяину, лобызали его и выпроваживались имъ на крыльцо, а почетнѣйшіе—до самыхъ воротъ, за которыми, на улицѣ, дрогли кони посѣтителей и стояли ихъ экипажи: изъ уваженія къ знатному хозяину, ни одинъ гость не вѣзжалъ на его дворъ. Обществу, въ которомъ были заглушены всякія умственные и поэтическія стремленія и инстинкты, у котораго были отняты обычныя средства веселости, нельзя было удержаться отъ злоупотребленія единственной узаконенной веселостью—питіемъ, и потому пиры кончались нерѣдко безобразными сценами, ссорами и даже кровавыми драками.

Женская половина до-петровской аристократіи мало участвовала во всемъ, что такъ или иначе наполняло жизнь мужчинъ. Затворничество русской женщины было, въ сущности, совершенной неволей, особенно между знатными, гдѣ женщина скорѣе могла быть удалена отъ личнаго вмѣшательства въ мелочныя подробности хозяйственнаго быта. Власть отца надъ дочерью и мужа надъ женою была почти безгранична. Невѣста до дня свадьбы не знала и не видала своего жениха, котораго выбиралъ ей отецъ, нисколько не интересуясь согласіемъ или несогласіемъ дочери. Жениху, пробовавшему узнать у родителей невѣсты о достоинствахъ или красотѣ ея, обыкновенно отвѣчали короткой фразой: «спроси у людей, какая она». Замкнутость жизни женщинъ была такова, что даже въ церковь онѣ ходили рѣдко. Сидя въ теремахъ, онѣ шили и пряли и, какъ уже сказано, не участвовали нисколько въ домашнемъ хозяйствѣ, не дѣлили почти никакихъ удовольствій своихъ мужей и отцовъ. Единственными ихъ развлеченіями были: пѣсни сѣбныхъ дѣвушекъ, несвязная болтовня шутихъ и дурь, сказки мамокъ и розсказы разныхъ богомолокъ и святошъ, странствовавшихъ изъ одного боярскаго дома въ другой за подачками; на святкахъ, въ обширныхъ садахъ, окружавшихъ хоромы каждой семьи, устраивались качели, а на масляницѣ—ледяныя горы; въ дни Пасхи любимымъ развлеченіемъ было катаніе яицъ. Грамотницы, встрѣчавшіяся между тогдашними женщинами и дѣвицами какъ рѣдкое исключеніе, читали священныя книги и переписывали ихъ для вкладовъ по церквамъ. По понятіямъ того времени, отцы считали вся-

кое умственное развитіе дочери не только лишнимъ, но даже вреднымъ, и съ пеленокъ отдавали ихъ въ полное распоряженіе мамокъ. Безучастіе во всемъ, не исключая семейнаго быта, невѣдѣніе того, что совершалось за порогомъ терема, страдательная роль какого-то посредствующаго существа—вотъ что было удѣломъ женщинъ высшаго круга до-петровской эпохи.

Скучно, вяло и однообразно тянулась домашняя жизнь русскихъ людей XVII вѣка, и вдругъ могучая рука Петра Великаго всколыхнула это застоявшееся болото и круто измѣнила всѣ обычаи и порядки, прививавшіеся къ нему цѣлыми вѣками.

Указы, кореннымъ образомъ ломавшіе старыи бытъ, непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ. Съ трудомъ разбирая ихъ, наши предки приходили въ ужасъ, не вѣрили собственнымъ глазамъ: высшему классу общества повелѣвалось брить бороды или ежегодно платить за нихъ сторублевую пеню; предписывалось навсегда сложить въ сундуки и предать забвенію терлики, фрезы, опашни и лѣтники, вмѣсто которыхъ носить: мужскому полу камзолы и шляпы, а женскому—робы и фижмы. Боярскія дѣти должны были становиться въ ряды гвардейскихъ полковъ простыми солдатами, или ѣхать за море учиться у чужеземцевъ всякимъ наукамъ. Боярыни получили свободу выходить изъ теремовъ, когда имъ вздумается. Боярышнямъ, осужденнымъ до того никогда не видать жениховъ и знакомиться только съ мужьями, разрѣшено смотрѣть на будущихъ спутниковъ своей жизни раньше вѣнчанія; имъ дано право выходить замужъ по собственной склонности и даже узаконено, чтобы знакомство жениха съ невѣстой и сватовство происходили за шесть недѣль до свадьбы. Изъ боярскихъ домовъ исчезли бесполезные челядинцы, отправленные по царскому указу для укомплектованія войскъ, исчезло и самое названіе «холопъ», которое воспрещено было употреблять.

Настало тяжелое время для боярства. Всюду слышался ропотъ, стенанія, проклятія; но, волей-неволей, приходилось покоряться. Всякое сопротивленіе, всякое уклоненіе отъ исполненія царскихъ указовъ, вызывало лишь новыя, болѣе крутыя мѣры.

Въ 1700 году, съ цѣлью сблизить оба пола и приучить ихъ къ «обществу», Петръ Великій началъ устраивать общественно-увеселительныя собранія и велѣлъ приглашать на нихъ «всѣхъ знатныхъ людей женъ и дочерей, одѣтыхъ по-нѣмецки, по-французски и по-англійски». Но это нововведеніе прививалось плохо, потому что всѣ старались уклоняться отъ него подъ разными предлогами, а государю, находившемуся въ постоянныхъ походахъ и разъѣздахъ, было не до собраній и развлеченій. Только въ 1718 году Петръ серьезно и на-

стойчиво погребоваль, чтобы русская женщина заняла въ обществѣ то положеніе, которое она давно занимала въ Европѣ. Былъ изданъ «указъ объ ассамблеяхъ», нанесшій окончательный ударъ старому семейному быту. Чтобы лучше передать сущность, духъ и форму этого замѣчательнаго петровскаго учрежденія и памятника нравовъ тогдашняго времени, мы приведемъ здѣсь въ подлинникѣ уставъ объ ассамблеяхъ, ясный и короткій.

«Ассамблея—слово французское, которое на русскомъ языкѣ однимъ словомъ выразить невозможно, обстоятельно сказать, вольное, въ которомъ домѣ собраніе или съѣздъ дѣлается, не только для забавы, но и для дѣла; ибо тутъ можетъ другъ друга видѣть и о всякой нуждѣ переговорить, также слышать, что гдѣ дѣлается, при томъ же и забава. А какимъ образомъ оныя ассамблеи отправлять, опредѣляется ниже сего пунктомъ, покаместъ въ обычай не войдетъ.

«Въ которомъ домѣ ассамблея имѣеть быть, то надлежитъ письмомъ, или инымъ знакомъ, объявить людямъ, куда вольно всякому придти, какъ мужскому, такъ и женскому.

«Ранѣ пяти или четырехъ не начинается, а далѣе десяти полудни не продолжается.

«Хозяинъ не повиненъ гостей ни встрѣчать, ни провожать, ни подчивать и не точію вышеописанное не повиненъ чинить, но хотя и дома не случится онаго, нѣтъ ничего; но только повиненъ нѣсколько покоевъ очистить, столы, свѣчи, питье, употребляемое въ жажду кто просить, игры, на столахъ употребляемыя.

«Часы не опредѣляются, въ которомъ быть, но кто въ которомъ хочетъ, лишь бы не ранѣе и не позже положеннаго времени; также тутъ быть сколько кто похочетъ и отъѣзжать воленъ, когда хочетъ.

«Во время бытія въ ассамблеѣ вольно сидѣть, ходить, играть, и въ томъ никто другому прешкодить или унимать; также церемоніи дѣлать вставаніемъ, провожаніемъ и прочимъ, отнюдь да не дерзаетъ подъ штрафомъ, но только при пріѣздѣ и отъздѣ почтить поклономъ должно.

«Опредѣляется, какимъ чинамъ на оныя ассамблеи ходить, а именно: съ высшихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ, также знатнымъ купцамъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ, то же знатнымъ приказнымъ; тожь, разумѣется, и о женскомъ полѣ, ихъ женъ и дочерей.

«Лакеямъ или служителямъ въ тѣ апартаменты не входить, но быть въ сѣняхъ, или гдѣ хозяинъ опредѣлитъ».

Ассамблеи распредѣлялись между чиновными лицами безъ соблюденія какой либо очереди. Самъ государь назначалъ, въ чьемъ домѣ

Ассамблея при Петръ Великомъ.
Съ картины художника Хльбшлюва.

должна была быть первая ассамблея, а затѣмъ дальнѣйшее ихъ назначеніе зависѣло: въ Петербургѣ — отъ оберъ-полиціймейстера, въ Москвѣ — отъ коменданта. Прежде чѣмъ гости расходились съ одной ассамблеи, имъ объявлялось, гдѣ будетъ слѣдующая. На основаніи указа, у кого бы ни происходила ассамблея, хотя бы у самого царя, входъ на нее былъ доступенъ каждому прилично одѣтому человѣку.

Азартныя игры на ассамблеяхъ не допускались: въ одной изъ комнатъ ставились только столы для шахматъ и шашекъ и приготовлялись — табакъ, трубки и лучинки для ихъ закуриванія. Главнымъ увеселеніемъ на этихъ собраніяхъ полагались танцы, посредствомъ которыхъ должны были сближаться между собою молодые люди и дѣвицы. Первое время отцы и матери смотрѣли на танцы, какъ на явный соблазнъ для своихъ дочерей, а мужья ревновали своихъ женъ къ кавалерамъ и, едва сдерживаясь, бросали на нихъ грозные взгляды. Но и помимо этого дамы и кавалеры дичились другъ друга, не связывали между собой разговоры, и послѣ каждаго танца расходились въ разныя стороны. По словамъ одного современника, на ассамблеяхъ «всѣ сидѣли, какъ нѣмые, и смотрѣли другъ на друга». Предвидя все это, Петръ посѣщалъ почти каждую ассамблею, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что здѣсь происходило, лично одушевлялъ унылое общество и иногда самъ распоряжался танцами. И въ этомъ случаѣ, какъ во всемъ, государь проявлялъ свою обычную энергію. Принявшись распоряжаться танцами, онъ начиналъ съ того, что ставилъ въ ряды танцующихъ самыхъ дряхлыхъ стариковъ и самъ становился въ первой парѣ. Такимъ образомъ составлялся танецъ въ нѣсколько паръ. Всѣ танцующіе кавалеры обязаны были въ точности выдѣлывать ногами то же самое, что выдѣлывалъ государь, а между тѣмъ онъ былъ въ танцахъ большимъ мастеромъ и затѣйникомъ. Очевидецъ (Берхголецъ) рассказываетъ, что царь выдѣлывалъ такіе «капріоли», которые составили бы честь лучшимъ европейскимъ балетмейстерамъ того времени. Старые и дряхлые танцоры старались подражать государю, кое-какъ дрыгали ногами, съ трудомъ передвигая ихъ; они путались, задыхались, сопѣли, кряхтѣли, потъ лилъ съ нихъ градомъ, а неутомимый Петръ прискакивалъ и вертѣлся передъ ними безъ усталости. Наконецъ, нѣкоторые не выдержали и упали. Царь велѣлъ имъ выпить въ наказаніе по большому кубку вина, а самъ принялся танцовать съ молодыми и танцевалъ на славу изобрѣтенный имъ самимъ весьма трудный и замысловатый «цѣпной» танецъ (Kettentanz, какъ называетъ его Берхголецъ). Петръ ввелъ также «танецъ съ поцѣлуями», въ которомъ дамы цѣловали кавалеровъ въ губы, тогда какъ обыкновенно кавалеръ, окончивъ танецъ, обязанъ былъ лишь отдавать по-

чительный поклонъ дамѣ и цѣловать у нея руку. Впрочемъ, царь не всегда былъ такъ любезенъ и веселъ. Тотъ же Берхгольцъ рассказываетъ, что однажды Петръ пріѣхалъ на ассамблею къ князю Меншикову въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Въмѣсто того, чтобы танцовать, онъ началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, и такъ сильно трясъ головою и подергивалъ плечами, что нагонялъ на присутствовавшихъ страхъ и трепеть; поэтому всѣ были очень довольны, когда онъ, въ десять часовъ, уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простаясь.

Екатерина, такъ же какъ и Петръ, танцевала очень ловко и проворно. Они успѣвали сдѣлать три круга, тогда какъ остальные не успѣвали окончить еще первый. Но Екатерина танцевала старательно только съ государемъ, который, подобно ей, выдѣлывалъ тогда каждое па. Съ другими же кавалерами она танцевала небрежно, не подпиривала, не вертѣлась, а ходила обыкновеннымъ шагомъ.

Само собою разумѣется, что являвшіяся въ первое время на ассамблеи наши боярыни и боярышни были смѣшны и неуклюжи. Затянутыя въ крѣпкіе корсеты, съ огромными фижмами, въ башмакахъ на высокихъ (въ полтора вершка) каблукахъ, съ пышно расчесанною и, большею частью, напудренной прическою, съ длинными «шлепами» или шлейфами, онѣ не умѣли не только легко и граціозно вертѣться въ танцахъ, но даже не знали, какъ имъ стать и сѣсть. Кавалеры были также подстать дамамъ и ихъ, при чрезвычайной неловкости, крайне стѣсняла одежда: шитые кафтаны съ твердыми, какъ желѣзные листы, фалдами, узкіе панталоны, плотно натянутые чулки съ подвязками, тяжелые башмаки, висѣвшіе у бока шпаги, перчатки и такъ называвшіеся «аллонжеловые» (*allongés*) парики съ длинными, завитыми въ букли, волосами. Но мало-по-малу всѣ привыкли къ новымъ костюмамъ; женщины, выпущенныя на свободу, почувствовали силу красоты; въ нихъ пробудилось тщеславіе и желаніе обращать на себя вниманіе; онѣ сдѣлались смѣлы и развязны; плѣнные шведы получили свободный доступъ въ старыя боярскіе дома и зарабатывали хорошія деньги, научая боярышень заморскимъ манерамъ и моднымъ танцамъ. Скоро петровскія ассамблеи уже не требовали понудительныхъ мѣръ и бывшія теремныя затворницы и прежніе боярскіе сынки отплясывали столь усердно, что удивляли своей неутомимостью и ловкостью даже иностранцевъ.

На ассамблеяхъ танцы дѣлились на церемоніальные и англійскіе. Къ первому принадлежалъ польскій (полонезъ) и минуетъ, ко вторымъ «англезъ», «аллемандъ», англійскій контрадансъ и другіе. Мы опишемъ нѣкоторые изъ этихъ танцевъ, такъ какъ они уже отошли въ преданіе и теперь никому не извѣстны.

Минуеть отличался мѣрностью и церемонностью движеній; танцоры двигались мелкими, размѣренными па, стараясь придать своимъ фигурамъ изящныя позы, при чемъ дамы, граціозно опустивъ руки, слегка приподымали пальцами полы своихъ юбокъ. Минуеть складывался изъ четырехъ хореографическихъ движеній. Первое состояло изъ двухъ короткихъ полу-шаговъ правой и лѣвой ноги. Во второмъ движеніи танцоръ дѣлалъ *pointe* правой ногой, приподнимаясь на носкахъ. Медленнымъ опусканіемъ пятки правой ноги онъ переходилъ въ третье движеніе, причемъ правая нога плавно сгибалась; затѣмъ повторялся полушагъ, и скользящимъ движеніемъ впередъ лѣвой ноги, составлявшимъ четвертый ритмъ, танецъ завершенъ. Далѣе слѣдовало повтореніе тѣхъ же движеній, какъ это, впрочемъ, дѣлается почти во всѣхъ танцахъ. Такимъ образомъ, минуеть состоялъ, преимущественно, изъ присѣданій. Танцовали его парами, каждая порознь, подъ монотонныя и бѣдныя мелодіей звуки минуетной музыки.

Англезъ состоялъ всегда изъ двухъ темповъ и отличался живостью и картинностью движеній, давая женщинѣ возможность выказать свою грацію. Онъ танцовался также парами и представлялъ собою, по идеѣ, пантомиму ухаживанья. Танцорка дѣлала движенія такого рода, какъ будто она убѣгаетъ и уклоняется отъ ухаживанья кавалера, ее преслѣдующаго; то вдругъ, точно поддразнивая его и кокетничая, оставливается въ обольстительной позѣ и, едва онъ къ ней приближастся, мгновенно оборачивается въ сторону и скользитъ по-полу. Одной изъ разновидностей англеза явился впоследствии экосезъ.

Аллемандъ начинался собственно гротфатеромъ. Дамы становились по одну сторону, кавалеры—по другую. Музыканты играли нѣчто въ родѣ монотоннаго марша и въ продолженіе этой музыки кавалеры и дамы первой пары дѣлали реверансы своимъ сосѣдямъ и другъ другу, потомъ брались за руки, дѣлали кругъ влѣво и становились на свое мѣсто. Послѣ первой пары дѣлали то же самое, одна за другой, слѣдующія пары. Когда туры оканчивались, музыка начинала играть веселый мотивъ и аллемандъ переходилъ въ оживленный танецъ. Танцующія пары связывали себя носовыми платками и каждый изъ танцовавшихъ, попеременно, идя впереди, долженъ былъ выдумывать новыя фигуры. Иногда танцующія, имѣя во главѣ музыканта, переходили изъ одной комнаты въ другую и обходили такимъ образомъ весь домъ.

Душою ассамблей петровскаго времени былъ генераль-прокуроръ Ягужинскій, увлекавшій все общество своей неистощимой веселостью. Однажды, какъ рассказываетъ Берголицъ, онъ выдумалъ, на ассамблеѣ у барона Шафирова, особенный танецъ, продолжавшійся болѣе часу. Ягу-

жинскій началъ съ очень медленнаго, но сопровождавшагося прыжками, англеса; потомъ перешель въ польскій съ необыкновенными пируэтами; по окончаніи его составилъ новый танецъ, похожій на штирійскій; въ немъ опять прыгали и дѣлали разныя забавныя фигуры. Однако, Ягужинскій этимъ не удовольствовался: не находя новыхъ фигуръ, онъ поставилъ всѣхъ въ общій кругъ и предоставилъ своей дамѣ, г-жѣ Лопухиной, начать родъ арлекинскаго танца, который всѣ по порядку должны были повторять за ней, съ тѣмъ, чтобы кавалеръ слѣдующей пары выдумывалъ что нибудь новое; ближайшій къ нему также, и такъ далѣе до послѣдней пары. Въ числѣ многихъ выдумокъ были слѣдующія: Лопухина, потанцовавъ нѣсколько въ кругу, обратилась къ Ягужинскому, поцѣловала его и потомъ стащила ему на носъ парикъ, что должны были повторить всѣ кавалеры и дамы. Генераль-прокуроръ стоялъ при этомъ неподвижно, какъ стѣна, даже тогда, когда его цѣловали дамы. Затѣмъ, одни изъ кавалеровъ, сдѣлавъ передъ дамой глубокой реверансъ, цѣловали ее; другіе, протанцовавъ нѣсколько разъ въ кругу, начинали пить за здоровье общества; третьи дѣлали щелчки на воздухъ; четвертые вынимали среди круга табакерку и нюхали табакъ и т. п. Но лучше всѣхъ сдѣлалъ Ягужинскій, который былъ послѣднимъ: замѣтивъ, что нѣкоторые зрители, не участвовавшіе въ танцахъ, смѣялись, когда въ кругу целовали дамъ, или когда дамы должны были цѣловать кавалеровъ, онъ вышелъ изъ круга и перецѣловалъ всѣхъ зрительницъ, которыя, неожиданно пойманныя, уже не смѣли отказываться цѣловать его и другихъ.

По окончаніи ассамблей, у богатыхъ людей подавался ужинъ, причемъ дамы обязательно сидѣли въ перемежку съ кавалерами, а у людей менѣе достаточныхъ предлагалась холодная закуска.

Музыка на ассамблеяхъ была сперва духовая: трубы, фяготы, го-бои и литавры; но въ 1721 году герцогъ Голштинскій привезъ съ собою небольшой струнный оркестръ, понравившійся до такой степени, что его на перебой каждый вечеръ приглашали куда нибудь.

Конечно, ассамблеи времяя Петра не отличались утонченностью обстановки. Въ первую пору все дѣлалось просто: въ той комнатѣ, гдѣ обѣдали и ужинали, слуги, убравъ столы, подметали полъ вѣнниками, раскрывали зимою окна, чтобы провѣтрить помещеніе, пропитанное запахомъ кушанья и прокопченное кнастеромъ, и затѣмъ, въ той же самой комнатѣ, разодѣтые кавалеры и дамы принимались за танцы. Это происходило отъ тѣсноты тогдашнихъ петербургскихъ домовъ, почему во время собраній, большею частью, не было общаго для всѣхъ ужина, а гости дѣлились на двѣ группы; когда одна ужинала,

другая танцевала. Кромѣ того, петровскія ассамблеи отличались попойками и спаиваніе не только мужчинъ, но и дамъ, было явленіемъ обыкновеннымъ. Тѣмъ не менѣе, ассамблеи въ какіе нибудь три-четыре года послѣ ихъ принудительнаго учрежденія до такой степени привились въ преобразованномъ русскомъ обществѣ, что сдѣлались для него потребностью и еще черезъ нѣсколько лѣтъ превратились въ такіе балы, которые, по ихъ приличію и чопорности, мало чѣмъ уступали изящнымъ версальскимъ собраніямъ.

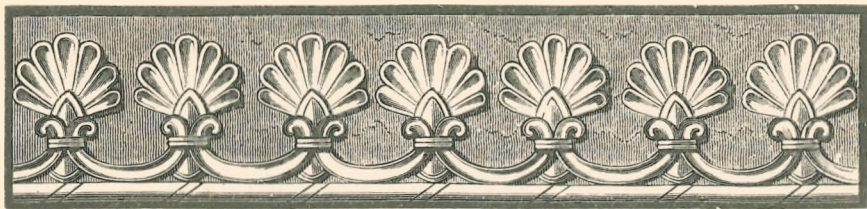
Въ подтвержденіе нашихъ словъ приведемъ описаніе двухъ баловъ при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ и при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

«Большая зала дворца — пишеть въ 1734 году жена англійскаго резидента леди Рондо, — была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями въ полномъ цвѣту. Деревья, разставленныя шпалерами, образовали съ каждой стороны аллею, оставляя довольно пространства для танцевъ. Эти боковыя аллеи, въ которыхъ были разставлены скамейки, давали возможность танцующимъ отдыхать на свободѣ. Красота, благоуханіе и тепло въ этой своего рода рошѣ — тогда какъ изъ оконъ были видны только ледъ и снѣгъ — казались чѣмъ-то волшебнымъ и наполняли душу пріятными мечтами. Въ смежныхъ комнатахъ подавали гостямъ чай, кофе и разные прохладительные напитки; въ залѣ гремѣла музыка и происходили танцы. Аллеи были наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами въ роскошныхъ платьяхъ. Все это заставляло меня думать, что я нахожусь въ странѣ фей, и въ моихъ мысляхъ въ теченіе всего вечера возставали картины изъ «Сна въ лѣтнюю ночь» Шекспира».

«Знатныя лица обоего пола — рассказываетъ, въ 1757 году, въ своихъ запискахъ французскій дипломатъ графъ де-ла-Мессельеръ, — наполняли апартаменты дворца и блистали уборами и драгоценными камнями. Красота апартаментовъ и богатство ихъ изумительны; но ихъ затмевало пріятное зрѣлище четырехъ сотъ дамъ, вообще очень красивыхъ и очень богато одѣтыхъ. Къ этому поводу восхищенія вскорѣ присоединился другой: внезапно произведенная, одновременнымъ паденіемъ всѣхъ сторъ, темнота смѣнилась въ то же мгновеніе свѣтомъ 1,200 свѣчей, отражавшихся со всѣхъ сторонъ въ зеркалахъ. Заигралъ оркестръ изъ 80 музыкантовъ и балъ открылся. Во время первыхъ минуетовъ послышался глухой шумъ, имѣвшій, однако, нѣчто величественное: дверь быстро отворилась настежь и мы увидѣли императрицу, сидѣвшую на блестящемъ тронѣ. Сойдя съ него, она вошла въ большую залу, окруженная своими ближайшими царедворцами. Зала была очень велика; танцевали за-разъ по двадцати ми-

нуетовъ, что составляло довольно необыкновенное зрѣлище; контрадансовъ танцовали мало, кромѣ нѣсколькихъ англійскихъ и полонезовъ. Балъ продолжался до одиннадцати часовъ, когда гофмаршалъ пришелъ доложить ея величеству, что готовъ ужинъ. Всѣ перешли въ очень обширную и изящно убранную залу, освѣщенную 900 свѣчами, въ которой красовался фигурный столъ на нѣсколько сотъ кувертовъ. На хорахъ залы начался вокальный и инструментальный концертъ, продолжавшійся во все время банкета. Кушанья были всевозможныхъ націй и служителя были русскіе, французы, нѣмцы, итальянцы, которые спрашивали у единоплеменныхъ имъ гостей, чего они желаютъ. Ужинъ окончился около трехъ часовъ полуночи, послѣ чего всѣ разѣхались».

Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.

СУЩЕСТВУЕТЪ преданіе, что одинъ англичанинъ, большой чудакъ и любитель художествъ, услышавъ рассказы о необыкновенной красотѣ рѣшетки Лѣтняго сада, нарочно отправился въ Петербургъ, чтобы собственными глазами убѣдиться въ справедливости такихъ похвалъ. Осмотрѣвъ рѣшетку и сознавшись, что не былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, флегматическій британецъ тотчасъ же вернулся на свой караванъ и уѣхалъ обратно въ Лондонъ. Преданіе это, конечно, есть ничто иное, какъ выдумка; тѣмъ не мѣнѣе нельзя не согласиться, что рѣшетка Лѣтняго сада заслуживаетъ особеннаго вниманія: изящество рисунка, качество матеріаловъ, блестящія колонны, изсѣченныя изъ цѣльнаго гранита и украшенныя по верхамъ такими же урнами, яркая позолота стрѣль и колець, дѣлають рѣшетку эту однимъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній искусства. Она начата, по повелѣнію императрицы Екатерины II, въ 1778 г. и окончена въ 1784 году.

При Петрѣ I Лѣтній садъ былъ весьма обширенъ, занимая все пространство между Мойкою и Фонтанкою отъ Невы до Невскаго проспекта¹⁾. Онъ разведенъ въ 1711 году по плану, нарисованному са-

¹⁾ При императорѣ Павлѣ отъ Лѣтняго сада отрѣзана значительная часть для постройки теперешняго Инженернаго замка, отчего садъ раздѣлился на верхній и нижній. Последній отошелъ, въ 1824 г., къ Михайловскому дворцу.

мимъ государемъ, въ голландскомъ вкусѣ, что можно заключить изъ множества прямыхъ аллей, пересѣкаемыхъ тупыми и острыми углами. У самой Невы, на мѣстѣ нынѣшней набережной, были выстроены три длинныя деревянныя галереи со спусками къ водѣ; въ средней стояла, на высокомъ пьедесталѣ, превосходная, хотя и немного попорченная отъ долгаго лежанія въ землѣ, мраморная статуя Венеры. Петръ купилъ эту статую у папы за три тысячи скуди и такъ дорожилъ ею, что во время народныхъ гуляній всегда приказывалъ ставить къ ней часового. Отъ средней галереи, вдоль всего сада, шла главная, весьма широкая аллея, обсаженная липами, кленомъ и акаціей, и уставленная дерновыми скамьями. Въ ней были сдѣланы двѣ площадки съ красивыми фонтанами, бившими довольно высоко; вода въ ихъ бассейны проводилась изъ Лебяжьяго канала посредствомъ большой колесной машины. Первая площадка называлась дамскою, потому что здѣсь обыкновенно, въ жаркіе дни, сиживала императрица съ своими дамами; вторая носила названіе шкиперской и была любимымъ мѣстомъ Петра. Вправо отъ этой послѣдней площадки стояла съ покрытымъ лицомъ статуя Вѣры, у подножія которой со всѣхъ сторонъ била вода. Влѣво находился огромный птичникъ, гдѣ множество разнородныхъ птицъ частью расхаживали свободно, частью были заперты въ поставленныхъ вокругъ клѣткахъ. Тутъ были орлы, черныя аисты, попугаи, фазаны и другія рѣдкія породы пернатыхъ. Здѣсь же, впрочемъ, содержались и нѣкоторыя четвероногія животныя: медвѣди, волки, шакаль, олень, серны, синяя лисица, большой ёжъ и проч. Звѣри тихаго нрава часто выпускались гулять по всему саду; изъ нихъ особенно была забавна одна серна: она любила слушать музыку, ласкалась ко всѣмъ, ѣла и пила изъ рукъ и умѣла прыгать въ обручъ. Противъ птичника былъ устроень, въ видѣ водопада, мраморный фонтанъ, украшенный вызолоченными сосудами, обсаженный цвѣтами и кустарникомъ и обведенный рѣзной, дубовой рѣшеткой; а сзади его — оранжерея и небольшой высокій домикъ весьма затѣйливой архитектуры, гдѣ содержались египетскіе голуби. На другой сторонѣ шкиперской площадки, недалеко отъ статуи, стояла, въ купцѣ деревьевъ, маленькая бесѣдка, окруженная водой; въ ней всегда проводилъ время Петръ, когда желалъ остаться одинъ, или когда хотѣлъ напоить когонибудь пьянымъ, потому что уйти оттуда не было никакой возможности, какъ скоро отчаливалъ англійскій ботикъ, на которомъ совершалась переправа къ бесѣдкѣ. Здѣсь, на водѣ, плавало большое количество разнородныхъ гусей и утокъ; онѣ были очень ручны и на зовъ подплывали къ корму. По берегу, вокругъ, стояли крошечныя домики, куда эти птицы запирались на ночь. Тутъ же находился раскрашенный

и вполнѣ оснащенный корабликъ; на немъ иногда потѣшались царскіе карлы. Далѣе, вправо отъ бесѣдки, стояла большая, сплетеная изъ стальной проволоки, клѣтка съ круглымъ верхомъ, наполненная всякаго рода маленькими птицами, которыя цѣлыми группами летали или садились на посаженные внутри деревца. Еще далѣе, влѣво, находился обширный гротъ, обложенный снаружи безчисленнымъ множествомъ разноцвѣтныхъ и дорогихъ раковинъ. Въ немъ были поставлены стулья и диваны, на которыхъ посѣтителѣ могли отдыхать и прохладяться. Передъ гротомъ, на большомъ очищенномъ квадратномъ лужкѣ, были размѣщены искусно вибитыя изъ мѣди и олова фигурныя изображенія эзоповыхъ басенъ съ написанными внизу ихъ толкованіями каждой. Императоръ любилъ собирать здѣсь гуляющихъ и самъ объяснялъ имъ смыслъ изображенныхъ басенъ. Отъ грота, вплоть до дворца, тянулась дубовая, довольно тѣнистая роща, почти вся насаженная собственными руками государя. Самый дворецъ уцѣлѣлъ до настоящаго времени съ нѣкоторыми позднѣйшими прибавленіями, почти въ томъ видѣ, въ какомъ былъ и при Петрѣ. Первоначально онъ былъ построенъ безъ всякихъ украшеній, по образцу простаго домика; но въ 1714 году царь приказалъ совершенно его передѣлать. Наружныя стѣны дворца были оштукатурены и выбѣлены, наличники у оконъ и дверей обиты планками, а надъ окнами сдѣланы барельефы; карнизъ, архитравъ и фризъ подъ орнаментомъ выкрашены желтой краской, кровля покрыта бѣлыми желѣзными листами крестообразно; по угламъ ея поставлены четыре жестяные дракона, а наверху флюгеръ съ мѣднымъ вызолоченнымъ конемъ. Въ обоихъ этажахъ дворца расположено по одинадцати комнатъ; стѣны ихъ покрыты выбѣленною холстиною и обнесены филенчатыми панелями съ рѣзными фигурами, а на потолкахъ вставлены разныя аллегорическія картины въ рамкахъ лѣпной работы; двери сдѣланы изъ дубоваго орѣховаго дерева, съ рѣзными украшеніями, надъ которыми не мало трудился самъ государь. Стѣны кухни, равно и всѣ печи, выложены разноцвѣтными глазированными изразцами. Передъ главнымъ фасадомъ разбитъ небольшой цвѣтникъ, окруженный рѣшоткою¹⁾. Къ западу отъ дворца, на противоположномъ

¹⁾ Изъ вещей, бывшихъ во дворцѣ при Петрѣ, въ настоящее время сохранились только слѣдующія: 1) Большіе стѣнные часы, поставленные въ нижнемъ этажѣ въ кабинетѣ, которые, какъ увѣряюгъ, куплены самимъ государемъ въ Голландіи. Часы эти въ орѣховомъ футлярѣ съ тремя мѣдными, высеребреными циферблатами, показывающими: первый—часы, второй—вѣтры, третій—состояніе воздуха. 2) Шкафъ орѣховаго дерева, сдѣланный самимъ Петромъ; въ него, по преданію, императоръ пряталъ всегда свое бѣлье и ботфорты. 3) Двѣ рамы съ жестяными переплетами, также работы Петра: одна вѣлана въ стѣнѣ корридора, а другая хранится въ особой

концѣ сада, былъ вырытъ, въ 1716 году, каналъ, отдѣлившій садъ отъ Царицына луга, на которомъ, какъ и теперь, производились смотры и парады. Невдалекѣ отъ него, по берегу Невы, гдѣ теперь Мраморный дворецъ, стоялъ двухъ-этажный, мазанковый, одѣтый снаружи плоскимъ камнемъ, «Почтовый» домъ. Въ немъ жили почтмейстеръ и нарочно выписанный изъ Данцига трактирщикъ, который былъ обязанъ, за деньги, кормить и давать помѣщеніе прїѣзжающимъ въ Петербургъ. Въ этомъ же домѣ царь давалъ иногда ассамблеи и дѣлалъ угощенія по случаю разныхъ торжествъ; тогда всѣ квартиранты должны были выбираться оттуда. Противъ самаго Почтоваго дома находилось особенное зданіе, гдѣ помѣщался приведенный въ первый разъ въ Россію въ подарокъ отъ персидскаго шаха слонъ. Армянинъ, сопровождавшій слона, рассказывалъ, что когда онъ прибылъ съ нимъ въ Астрахань, то животное это возбудило въ окрестныхъ жителяхъ такое любопытство, что многія сотни народа, взявъ съ собою мѣшки съ стѣстными припасами, провожали слона сорокъ и болѣе верстъ. По смерти его, въ зданіи былъ поставленъ извѣстный готорпскій глобусъ, подаренный Петру голштинскимъ герцогомъ. Машину эту привезли въ Петербургъ съ большими затрудненіями, потому что, по огромности ея, нужно было расчищать новыя дороги и прорубать лѣса. Глобусъ имѣлъ семь съ половиною сажень въ поперечникѣ; наружная поверхность его, сдѣланная изъ бумаги, наклееной на мѣдь, и искусно разрисованная перомъ и раскрашенная, представляла землю, а внутренняя изображала багряное небо съ созвѣздіями обоихъ полукружій, означенными золотыми звѣздочками. На лицевой сторонѣ шара находилась латинская надпись, гласившая, что «свѣтлѣйшій и высочайшій герцогъ голштинскій, Фридрихъ, изъ любви къ математическимъ наукамъ, приказалъ, въ 1654 году, начать сооруженіе этого шара, которое продолжалъ наслѣдникъ его, вѣчно достойный памяти, герцогъ Христіанъ-Альбертъ, и окончилъ въ 1661 году подъ руководствомъ Олеарія». Внутри глобуса стояли столъ и скамьи, на которыхъ могли свободно помѣщаться двѣнадцать человекъ; глобусъ приводился въ движеніе особымъ механизмомъ, придѣланнымъ къ столу. Въ 1724 году, изъ Персіи привели новаго слона и помѣстили его въ жилищѣ прежняго, а глобусъ былъ перевезенъ въ кунсткамеру ¹⁾).

комнатъ наверху. 4) Три стула и одно кресло простого дерева, съ камышевою отдѣлкою, окрашенные желтою краскою, составлявшие часть мебели въ кабинетѣ императора.

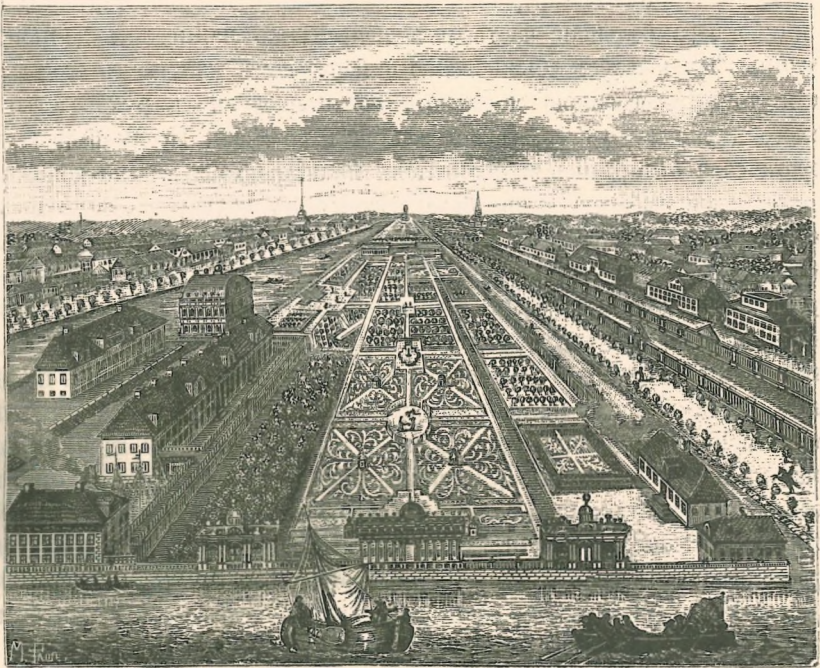
¹⁾ Въ 1747 году, пожаръ истребилъ эту рѣдкость; вмѣсто нея сдѣланъ другой глобусъ, нѣсколько менѣе перваго.

Передъ Царицынымъ лугомъ, гдѣ нынѣ казармы лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, находился домъ герцога голштинскаго, женившася впоследствии на дочери Петра—Аннѣ. Рядомъ жилъ извѣстный составитель воинскаго устава, генераль Вейде; домъ его былъ каменный и одинъ изъ лучшихъ въ описываемой мѣстности. Въ настоящее время, изъ старинныхъ зданій, здѣсь уцѣлѣлъ только домъ, принадлежавшій лейбъ-медику и любимцу императрицы Елисаветы Петровны—Лестоку. Когда послѣдній впалъ въ немилость, то его судилъ фельд-маршалъ Степанъ Федоровичъ Апраксинъ. Имѣніе Лестока было конфисковано, а домъ подаренъ Апраксину. На площади, между Почтовымъ домомъ и Лѣтнимъ садомъ, Петръ намѣревался воздвигнуть свою собственную статую, на конѣ, вышиною въ 54 фута. Модель ея была сдѣлана, въ 1724 году, графомъ Растрелли, такъ же какъ и модель колонны, на которой, подобно Траяновой, въ Римѣ, предполагалось изобразить побѣды царя.

При Петрѣ въ Лѣтнемъ саду почти каждую недѣлю происходили гулянья, на которыя были обязаны являться, безъ исключенія, всѣ петербургскіе жители высшаго и средняго сословія.

Въ назначенный для гулянья въ саду день, на одномъ изъ бастіоновъ Петропавловской крѣпости, съ утра, выставлялся желтый флагъ съ изображеніемъ орла, державшаго въ когтяхъ четыре моря. Въ пятомъ же часу пополудни производилось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. По послѣднему сигналу, всѣ чиновныя особы, дворяне, канцелярскіе служители, корабельные мастера и даже иностранные матросы должны были спѣшить въ садъ. Посѣтители, большею частью, пріѣзжали въ лодкахъ и, привязавъ ихъ къ кольямъ на берегу Невы, взбирались по узкой тропинкѣ къ средней галереѣ, гдѣ уже находилась императрица и великія княжны, которыя, держась стариннаго правила, встрѣчали гостей и подносили почетнѣйшимъ изъ нихъ по чаркѣ водки или стакану вина. Откланявшись государынѣ, посѣтители отправлялись привѣтствовать государя, сидѣвшаго на своемъ обычномъ мѣстѣ, у фонтана на шкиперскоѣ площадкѣ, за столомъ, уставленнымъ табакомъ, трубками, стаканами и бутылками съ виномъ. Желая подавать собою примѣръ непринужденности и простоты въ обращеніи, императоръ, отбросивъ всякій этикетъ, обходился со всѣми, какъ съ равными. По приглашенію его нѣкоторые изъ гостей сажались играть съ нимъ въ шашки или бесѣдовать, а остальные разсыпались по аллеямъ, осматривали звѣринецъ и птичникъ, или шли на Царицынъ лугъ слушать музыку, состоящую изъ нѣсколькихъ трубъ, фаготовъ, валторнъ, гобоевъ и литавръ. Капельмейстеръ изъ солдатъ, ради порядка и большей вѣрности, билъ тактъ въ огромный турецкій

барабанъ и нерѣдко считалъ четверти, отчего и самъ не всегда попадалъ въ темпъ. Впрочемъ, расположеніе къ музыкѣ было такъ незначительно, что публика обращала все свое вниманіе только на ловкость и дѣйствительность мѣръ распорядительнаго капельмейстера, да и слушателей бывало весьма немного... Въ шесть часовъ являлись въ садъ нѣсколько гвардейскихъ солдатъ съ носилками, на которыхъ былъ поставленъ огромный ушатъ, наполненный простымъ виномъ. Обходя посѣтителей, солдаты подносили каждому ковшъ, величиной

Лѣтній садъ и дворецъ при Петрѣ Великомъ.

Съ гравюры 1716 года.

съ большой стаканъ, и просили выпить за здоровье царя. Отказывавшійся почему либо принять ковшъ былъ принуждаемъ къ тому насильно офицерами, нарочно для этой цѣли слѣдовавшими за ушатомъ. Даже дамы не были изъяты отъ такой, крайне неприятной, обязанности, потому что сама императрица прежде всѣхъ брала ковшъ и отпивала изъ него нѣсколько глотковъ вина. Затѣмъ садъ запирался и никто изъ гостей не могъ уже съ этой минуты покинуть собраніе безъ личнаго на то позволенія царя. Въ боковыхъ галереяхъ накры-

вались столы съ разными холодными закусками, напитками и сластями, а въ отдаленныхъ аллеяхъ ставились бочки съ пивомъ и водкой. Съ наступленіемъ вечера, садъ освѣщался разноцвѣтными фонарями и начинались танцы на дамской площадкѣ, а въ дурную погоду въ средней галереѣ. Всѣ умѣвшіе танцовать заблаговременно занимали мѣста на скамьяхъ, окружавшихъ площадку. Во время танцевъ дамы были угощаемы чаемъ, кофеемъ, медомъ и миндальнымъ молокомъ; лимонадъ, оршадъ и въ особенности шоколадъ считались рѣдкостью и подавались только на торжественныхъ пирахъ. Что касается мужчинъ, то имъ непрерывно подносили пиво и вино, такъ что къ концу вечера большая часть ихъ непремѣнно напивалась до-пьяна. Гулянье заключалось обыкновенно фейерверкомъ или, какъ его называли тогда, «огненною потѣхою», сожигаемую подъ руководствомъ самого царя, на судахъ, расположенныхъ по Невѣ. Послѣ фейерверка ворота сада отпирались и посѣтители могли расходиться по домамъ.

Любимою забавою Петра было катанье на лодкахъ. Въ то время на Невѣ не существовало ни одного моста. Государь роздалъ всѣмъ петербургскимъ жителямъ, для переправы, суда, написавъ собственноручно инструкцію, какъ ими управлять. Первокласснымъ вельможамъ было подарено по яхтѣ, по буеру и по двѣ шлюпки, одной въ двѣнадцать, другой въ четыре весла. Прочимъ жителямъ менѣе, смотря по чинамъ. Каждый былъ обязанъ содержать свои суда въ цѣлости и отвѣчать за нихъ. Въ назначенный для катанья день, выставляли въ четырехъ концахъ города флаги; всѣ суда, принадлежавшія придворнымъ лицамъ, подъ опасеніемъ «жестокаго» штрафа, должны были, къ извѣстному часу, собираться близъ крѣпости, у австеріи, неподалеку отъ нынѣшняго Троицкаго моста. По пушечному выстрѣлу вся флотилія выступала въ походъ. Адмиралъ Апраксинъ открывалъ шествіе на богатоубранной яхтѣ, имѣвшей, для отличія, на кормѣ флагъ изъ краснаго и бѣлаго цвѣтовъ. Никто не смѣлъ ни опережать его, ни уѣхать безъ его позволенія. Потомъ слѣдовала императорская шлюпка, гдѣ находились государыня и великія княжны; рулемъ правилъ самъ Петръ, одѣтый въ бѣлое матросское платье. За этой шлюпкой плыли остальные, безъ разбора. На нѣкоторыхъ лодкахъ ставились качели. Знатные господа брали съ собою музыку. Большая часть судовъ были вызолочены, украшены рѣзбою и внутри обиты зеленымъ или краснымъ бархатомъ. Катанья обыкновенно оканчивались у загородныхъ дворцовъ Екатерингофа или Стрѣльны. Тамъ всякій разъ уже были готовы закуски. Гуляющіе, вышедъ на берегъ, ужинали, ходили по рощамъ и съ наступленіемъ вечера тѣмъ же порядкомъ возвращались въ городъ. Иногда предпринимались и дальнѣйшія поѣздки, въ Пе-

тергофъ, Кронштадтъ и даже Ревель. Безпрестанная пальба и громъ музыки оглашали воздухъ во время пути. Случалось нерѣдко, что забавы эти имѣли несовсѣмъ пріятныя послѣдствія. Не говоря уже, что многія дамы долго не могли привыкнуть къ плаванію въ открытомъ морѣ, неумѣнье управлять судами во время бури приводило въ страхъ и часто подвергало опасности гуляющихъ. Подобный случай былъ, напримѣръ, въ маѣ 1714 года. Тогда находился въ Петербургѣ посланникъ бухарскаго эмира Гаджи-Магомета. Царь пригласилъ его принять участіе въ увеселительномъ путешествіи въ Кронштадтъ. По неопытности рулеваго, шнява, на которой сидѣли посланникъ, канцлеръ графъ Головинъ и нѣсколько сенаторовъ, попала между мелей. Пока было тихо, опасность была невелика; но къ ночи поднялась сильная буря; разбило шлюпку, привязанную сзади, оторвало якорь и бросило судно на камни. Посланникъ, никогда до того не бывшій въ морѣ, дрожалъ отъ страха; но потомъ, видя, что нѣтъ надежды на спасеніе, закутался въ шолковый халатъ, легъ на палубѣ и приказалъ своему муллѣ стать на колѣни и читать громко молитвы изъ корана. Къ счастью, буря скоро утихла и присланныя отъ царя галеры сняли шняву съ мели и благополучно привели въ Кронштадтъ.

Закладки и спуски кораблей сопровождались всегда веселымъ и разгульнымъ пиромъ, для котораго царь выдавалъ всякій разъ изъ собственной казны по тысячѣ рублей. Въ день закладки или спуска, по пушечному выстрѣлу изъ крѣпости, всѣ отправлялись въ адмиралтейство. Въ первомъ случаѣ, «главный корабельный мастеръ», Иванъ Михайловичъ Головинъ, вбивалъ въ киль гвоздь и мазалъ его смолою. За нимъ дѣлалъ то же самое царь и прочіе корабельные мастера. Въ теченіе этой работы изъ адмиралтейства производилась непрерывная пушечная пальба. Окончивъ закладку, императоръ, со всею фамиліею и присутствовавшими, уходилъ въ флагманскую залу, стѣны и потолокъ которой были увѣшаны взятыми у шведовъ знаменами. Здѣсь ждалъ посѣтителей сытный обѣдъ, послѣ чего всѣ съѣзжались къ генераль-адмиралу графу Апраксину, чтобы за кубкомъ вина пожелать благополучнаго окончанія начатому дѣлу. Во время корабельныхъ спусковъ, до совершенія молебствія на новопостроенномъ суднѣ, Петръ, одѣтый въ богатый, шитый золотомъ адмиральскій мундиръ, съ андреевской лентой черезъ плечо, взявъ топоръ, подрубалъ одну изъ корабельныхъ подпорокъ. Лишь только корабль касался воды, воздухъ оглашался звуками трубъ и литавръ, пушечными выстрѣлами и громкимъ крикомъ народа, тѣснившася по обимъ берегамъ Невы. Когда якорь былъ брошенъ, царь съ своимъ семействомъ прежде всѣхъ входилъ на корабль и привѣтствовалъ cadaго приходившаго къ нему съ

поздравленіями поцѣлуями въ голову; а императрица и великія княжны подносили гостямъ по рюмкѣ вина. Между тѣмъ, въ каютахъ накрывались столы, въ верхнихъ для дамъ, въ нижнихъ для мужчинъ. За столъ, гдѣ находился государь, садились по правую сторону — корабельные мастера, плотники и всѣ участвовавшіе въ постройкѣ спущеннаго судна; по лѣвую — знатнѣйшія особы. Не было обѣдовъ шумнѣе; самъ Петръ всегда бывалъ за ними очень веселъ. Между гостями царствовала совершенная непринужденность. Тосты, сопровождаемые пушечными выстрѣлами, быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Вино, преимущественно венгерское, лилось рѣкой. Пирушки эти продолжались иногда до двухъ часовъ ночи. Всякій былъ обязанъ принимать въ нихъ равное участіе. Часовые стояли у выхода и безъ разрѣшенія царя никого не выпускали съ корабля. Къ вечеру, многіе изъ пирующихъ, по обыкновенію, страшнымъ образомъ напивались. Вездѣ, были слышны чоканье стакановъ, обѣты вѣчной дружбы, а часто шумъ, спортъ, ругательства и даже драки. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ окончаніе пира при спускѣ корабля «Пантелеймонтъ», въ іюлѣ 1721 года: «Между тѣмъ въ нижней каютѣ веселились на славу: почти всѣ были пьяны, но все еще продолжали пить до послѣдней возможности. Великій адмиралъ, графъ Апраксинъ, до того напился, что плакалъ какъ ребенокъ, что обыкновенно съ нимъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Князь Меншиковъ такъ опьянѣлъ, что упалъ за мертво и его люди принуждены были послать за княгиней и ея сестрою, которыя, съ помощью разныхъ спиртовъ, привели его немного въ чувство и выпросили у царя позволеніе ѣхать съ нимъ домой. Однимъ словомъ, не совершенно пьяныхъ было очень мало, и еслибъ я хотѣлъ описать всѣ дурачества, какія были дѣланы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, то могъ бы наполнить рассказомъ о нихъ не одинъ листъ. То князь Валахскій схватывался съ оберъ-полиціймейстеромъ (Девьеромъ), то раздавалось чоканье бокаловъ на братство и неизмѣнную любовь. Тѣ, которые были еще трезвы, нарочно притворялись пьяными, чтобы не пить болѣе и смотрѣть на дурачества другихъ. Другіе, совершенно пьяные, умничали и лѣзли ко всѣмъ съ объятіями и поцѣлуями, что для трезвыхъ, разумѣется, было очень непріятно. Но смѣшнѣе всѣхъ былъ баронъ Бюловъ, который со всѣми ссорился. Генералъ лейтенанту Бонне онъ сказалъ въ глаза, что тотъ поступилъ съ нимъ нечестно, потому что, не смотря на обѣщаніе быть ему другомъ, не исполнилъ его просьбы и не провелъ къ царю. Генералъ оправдывался сколько могъ и отвѣчалъ, что толкуетъ съ нимъ объ этомъ завтра. Потомъ этотъ баронъ началъ превозносить свою честность и хвастать тѣмъ, что служить своему

государю только изъ любви, а не изъ боязни батога и кнута. Вскорѣ послѣ того онъ сталъ вызывать на дуэль одного русскаго подполковника, котораго обвинилъ, будто тотъ свѣдѣнія его въ разныхъ наукахъ выдаетъ за свои; немного спустя, они отправились въ буфетъ и пили вмѣстѣ. Наконецъ, пришло извѣстіе, что царь и царица уже уѣхали и что выходъ свободенъ. Радость была всеобщая. Увидѣвъ генералъ-маіора Штенфлихта, страшно пьянаго, подлѣ одной дамы, которой очень хотѣлось отъ него отдѣлаться, я спросилъ его, поѣдетъ ли онъ домой съ нами или отправится одинъ? Но онъ отвѣчалъ, чтобы я оставилъ его въ покоѣ. Я еще прежде слышалъ, какъ страшенъ и опасенъ онъ бываетъ, когда напьется, и потому поспѣшилъ отойти отъ него. Не прошелъ я и двадцати шаговъ, какъ услышалъ, что онъ вступилъ въ ссору съ однимъ отставнымъ полковникомъ, котораго царь держитъ при себѣ и очень любитъ. Ссора эта становилась все сильнѣе и сильнѣе, такъ что они схватились было за шпаги и хотѣли броситься другъ на друга. Къ счастью, ихъ успѣли разнять, хотя это стоило не мало труда. Штенфлихтъ до того остервенился, что его почти никто не могъ удержать. Человѣка своего, который также помогалъ держать его, онъ колотилъ страшно; однакожъ тому все-таки удалось отнять у него кортикъ, который могъ надѣлать бѣды. Насилу полковнику Лорху и мнѣ удалось стащить его съ палубы; но такъ какъ проходъ былъ очень тѣсенъ, то мы принуждены были выпустить его изъ рукъ. Я услышалъ, что онъ далъ кому-то двѣ оплеухи и, когда оглянулся, увидѣлъ, что у камеръ-юнкера Геклау сшибены съ головы шляпа и парикъ».

Сцены, подобныя описанной здѣсь, повторялись не только при спускахъ кораблей, но и при всѣхъ общественныхъ и семейныхъ празднествахъ. Въ запискахъ современниковъ встрѣчаются рассказы о попойкахъ, непремѣнно кончавшихся ссорами, ругательствами и драками. Таковъ былъ общій характеръ всѣхъ тогдашнихъ увеселеній.

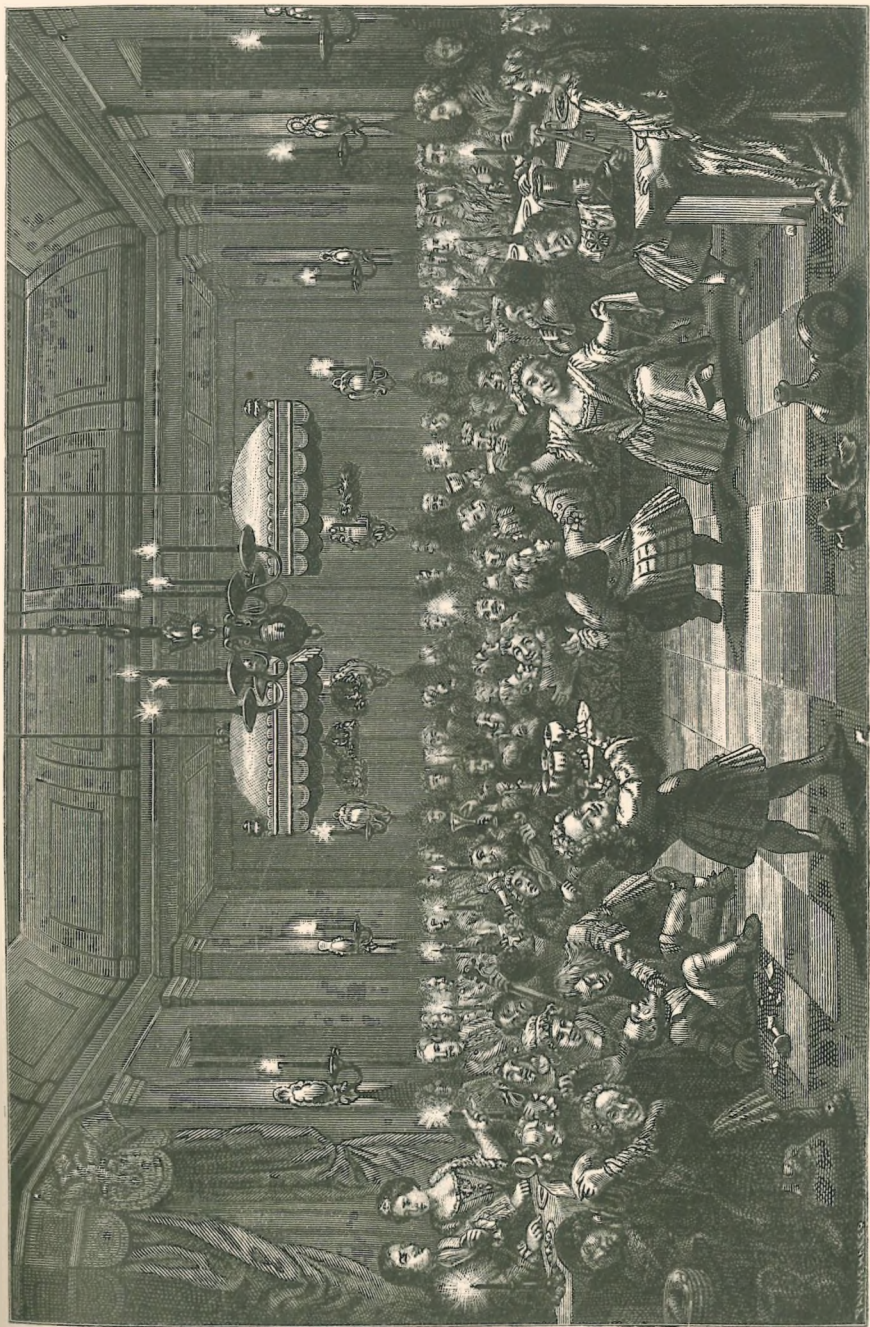
Свадьба карликовъ.

ИЗЪ ЧИСЛА многихъ оригинальныхъ затѣй Петра Великаго, одной изъ самыхъ оригинальныхъ слѣдуетъ признать попытку развести въ Россіи породу карликовъ посредствомъ браковъ. Съ этой цѣлью Петръ задумалъ женить своего любимаго карла Якима Волкова на карлицѣ царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Оригинальная мысль эта была приведена въ исполненіе оригинальнымъ же образомъ. 19-го августа 1710 года состоялся слѣдующій царскій указъ:

«Карль мужеска и дѣвическа пола, которые нынѣ живутъ въ Москвѣ въ домахъ боярскихъ и другихъ ближнихъ людей, собравъ всѣхъ, выслать съ Москвы въ Петербургъ сего августа 25-го дня, а въ тотъ отпущъ, въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ тѣ карлы живутъ, сдѣлать къ тому дню на нихъ, карль, платье: на мужеской полъ кафтаны и камзолы нарядные, цвѣтные, съ позументами золотыми и съ пуговицами мѣдными золочеными, и шпаги, и портупей, и шляпы; и чулки, и башмаки нѣмецкіе добрые; на дѣвическъ полъ верхнее и исподнее нѣмецкое платье, и фантажи, и всякій приличный добрый уборъ, и въ томъ взять тѣхъ домовъ съ стряпчихъ сказки» и проч.

Согласно этому указу, было собрано въ Петербургѣ и Москвѣ около 80 карликовъ и карлицъ, однако же, сборъ продолжался настолько медленно, что свадьба могла быть отпразднована не ранѣе 14-го ноября. Наканунѣ ся, двое карликовъ, исполнявшіе обязанность шаферовъ, ѣздили приглашать гостей въ колясочкѣ о трехъ коле-

Свадьба карликов.
Съ гравюри того времени Филинса.

сахъ, запряженной одной маленькой лошадыю, убранной разноцвѣтными лентами и предшествуемой двумя верховыми придворными лакеями. На другой день, когда приглашенные гости собрались въ назначенный домъ, молодые отправились къ вѣнцу торжественнымъ шествіемъ. Впереди шель карликъ, исправлявшій должность маршала, съ жезломъ, къ концу котораго былъ привязанъ большой букетъ изъ лентъ. За нимъ шествовали женихъ и невѣста съ шаферами, въ самыхъ пестрыхъ костюмахъ; потомъ царь, многія дамы, нѣкоторые иностранные министры и знатныя особы. Шествіе замыкалось 72-мя карликами и карлицами, попарно; карлики были одѣты въ свѣтлоголубые или розовые французскіе кафтаны, съ треугольными шляпами на головахъ и при шпагахъ, а карлицы въ бѣлыя платья съ розовыми лентами. Послѣ церемоніи бракосочетанія всѣ отправились на Васильевскій островъ, въ домъ князя Меншикова, гдѣ молодыхъ ожидалъ роскошный обѣдъ. Карлы сидѣли въ срединѣ; надъ мѣстами жениха и невѣсты были сдѣланы шелковые балдахины, убранные, по тогдашнему обычаю, гѣнками. Маршалъ и восемь шаферовъ имѣли для отличія кокарды изъ кружевъ и разноцвѣтныя ленты. Кругомъ, по стѣнамъ залы, сидѣла царская фамилія и прочіе гости. Праздникъ кончился пляской, въ которой принимали участіе только карлы и карлицы. Петръ усердно подпивалъ новобрачныхъ и затѣмъ самъ отвезъ ихъ домой и при себѣ велѣлъ уложить ихъ въ постель.

Курьезная свадьба эта была изображена на нѣсколькихъ современныхъ гравюрахъ. Лучшая изъ нихъ—голландская гравюра Филпенса, копія съ которой приложена здѣсь.

Затѣя Петра (повторенная имъ еще разъ въ 1713 году) не привела къ желаемымъ результатамъ. Правда, молодая карлица сдѣлалась беременной, но не могла разрѣшиться, и послѣ тяжкихъ страданій умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Вдовецъ карликъ, Якимъ Волковъ, послѣ смерти своей жены началъ пьянствовать и распутничать; всѣ строгія мѣры, принятыя для его исправленія, оказались напрасными. Онъ умеръ въ концѣ января 1724 года и, по приказанію Петра, былъ похороненъ торжественнымъ и опять-таки забавнымъ образомъ. Впереди погребальной процессіи шли, попарно, тридцать пѣвчихъ,—все маленькіе мальчики. За ними слѣдовалъ, въ полномъ облаченіи, крошечный попъ, котораго нарочно выбрали для этой церемоніи по причинѣ его малаго роста. Загѣмъ ѣхали маленькія, особаго устройства, сани. Ихъ везли шесть крошечныхъ лошадокъ, покрытыхъ до самой земли черными попонами и ведомыхъ подъ-узцы маленькими пажами. На саняхъ стоялъ гробъ съ тѣломъ усопшаго, обитый малиновымъ бархатомъ, съ серебряными

позументами и кистями. Въ головахъ покойника, на спинкѣ саней, сидѣлъ пятидесятилѣтній карла, братъ умершаго. Позади гроба слѣдовалъ маленькій карла, въ качествѣ маршала, съ большимъ маршальскимъ жезломъ, обтянутымъ флеромъ, спускавшимся до земли. На этомъ карлѣ, какъ и на прочихъ товарищахъ его, была длинная черная мантия. За нимъ двигались, попарно, остальные карлики. Потомъ выступалъ другой маленькій маршалъ, во главѣ карлицъ. Изъ нихъ самую крошечную вели подъ руки двое наиболѣе рослыхъ карла. Лицо ея было совершенно закрыто флеромъ. За нею шествовали остальные карлицы попарно, въ глубокомъ траурѣ. По обѣимъ сторонамъ процессіи шли съ зажженными факелами огромные гвардейскіе солдаты и придворные гайдуки. Императоръ, вмѣстѣ съ Меншиковымъ, провожалъ процессію пѣшкомъ отъ Зимняго дворца до Зеленаго (нынѣ Полицейскаго) моста. Тѣло Якима Волкова было предано землѣ на кладбищѣ Ямской слободы. По окончаніи погребенія всѣ карлики и карлицы были привезены во дворецъ и угощены здѣсь обѣдомъ.

«Едва ли, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ одинъ иностранецъ очевидецъ, гдѣ нибудь въ другомъ государствѣ, кромѣ Россіи, можно увидѣть такую странную процессію!..»

Московскій маскарадъ 1722 года.

НИШТАДСКІЙ миръ, которымъ заключилась двадцатилѣтняя борьба Россіи съ Швеціей за обладаніе восточнымъ Балтійскимъ поморьемъ, имѣетъ громадное значеніе въ русской исторіи. Въ Ништадтѣ скрѣпилась навсегда связь Россіи съ образованнымъ міромъ, открылся обширный путь для ея промышленности и торговли, положенъ краеугольный камень рѣшительному перевѣсу ея на сѣверѣ. Понятно, что заключеніе столь славнаго мира было отпраздновано цѣлымъ рядомъ невиданныхъ до тѣхъ поръ торжествъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны по своей оригинальности пятидневный маскарадъ, происходившій въ началѣ 1722 года въ Москвѣ.

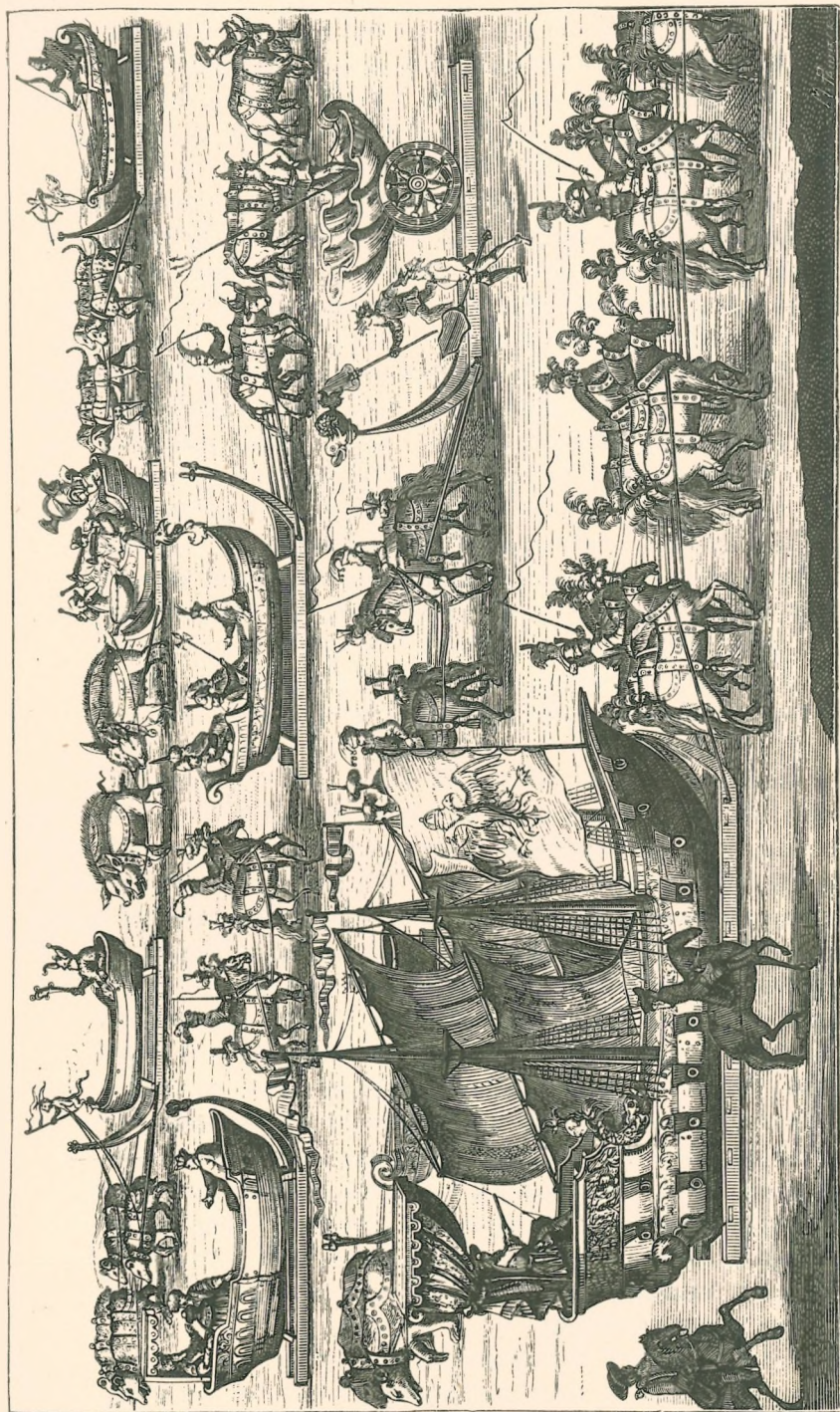
Въ замѣчательномъ собраніи русскихъ гравюръ Д. А. Ровинскаго сохранился экземпляръ рѣдчайшей современной гравюры, изображающей этотъ курьезный маскарадъ. Прилагая здѣсь точную съ нея копію, считаю нелишнимъ привести и описаніе перваго, наиболѣе интереснаго, дня маскарада, сохранившееся въ дневникѣ очевидца, гоштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца.

30-го января, наканунѣ праздника, всѣ лица, участвовавшія въ маскарадѣ, собрались въ подмосковное село Всесвятское, въ которомъ заранѣе все уже было приготовлено для небывалаго зрѣлища. Переночевавъ здѣсь, участники на другой день рано утромъ одѣлись въ маскарадныя платья и, послѣ завтрака, двинулись къ предмѣстью

Москвы, гдѣ и приготовились окончательно къ торжественному въѣзду, происходившему въ слѣдующемъ порядкѣ:

Впереди всѣхъ ѣхалъ шутовской маршалъ, окруженный группой самыхъ забавныхъ масокъ. За ними слѣдовалъ глава «всепьянѣйшаго собора» князь-папа, И. И. Бутурлинъ. Онъ сидѣлъ въ большихъ саняхъ, на возвышеніи въ видѣ трона, въ папскомъ одѣяніи, т. е. въ длинной, красной, бархатной мантии, подбитой горностаемъ. Въ ногахъ у него красовался, верхомъ на бочкѣ, превосходно гримированный Бахусъ, державшій въ правой рукѣ большой кубокъ, а въ лѣвой посудину съ виномъ. Потомъ ѣхала, верхомъ на волахъ, свита князя-папы, т. е. кардиналы въ полныхъ облаченіяхъ. Послѣ нихъ, въ маленькихъ саняхъ, запряженныхъ четырьмя пестрыми свиньями, двигался царскій путь, наряженный въ самый курьезный костюмъ. Затѣмъ слѣдовалъ Нептунъ, въ коронѣ, съ длинной сѣдою бородою и съ трезубцемъ въ правой рукѣ. Онъ сидѣлъ въ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе раковины, и имѣлъ передъ собою двухъ сиренъ или морскихъ чудовищъ. За нимъ ѣхала въ гондолѣ «князь-игуменья» Стрѣшневъ въ костюмѣ аббатисы, окруженная монахинями. Послѣ нея ѣхалъ со свитой настоящій маршалъ маскарада, князь Меншиковъ, въ огромной лодкѣ, поставленной на полозьяхъ и украшенной на кормѣ золоченой фигурой Фортуны; на носу лодки стояли литаврищикъ и два трубача. Князь и его свита были наряжены аббатами; онъ самъ сидѣлъ отдѣльно у кормы, а прочіе на скамьяхъ, по трое на каждой. За нимъ слѣдовала въ крытой баркѣ, или гондолѣ, княгиня Меншикова, съ своею сестрою и нѣсколькими дамами, одѣтыми испанками. Потомъ ѣхалъ «князь-кесарь» Ромодановскій, въ мантии, подбитой горностаемъ, имѣя около себя нѣсколькихъ смѣшныхъ наперсниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ облаченъ въ курфиршескую мантию. Князь-кесарь сидѣлъ въ бѣлой лодкѣ, украшенной спереди и сзади медвѣжьими чучелами, необыкновенно хорошо сдѣланными. За нимъ двигалась въ крытой гондолѣ вдовствующая царица Прасковья Федоровна, съ дочерью; царица была въ старинной русской одеждѣ, а дочь ея въ пастушескомъ платьѣ. Далѣе слѣдовалъ въ очень натурально и красиво сдѣланной галерѣ, съ поднятыми парусами, великій адмиралъ Апраксинъ съ своею свитою: онъ былъ одѣтъ гамбургскимъ бургомистромъ. За нимъ ѣхали въ старой, настоящей шлюпкѣ, поставленной на полозья, придворныя дамы вдовствующей царицы; потомъ слѣдовала шлюпка съ лоцманами, усердно бросавшими лотъ; это были все морскіе офицеры. За ними двигался громадный корабль самого императора (длиною въ 30 футовъ), сдѣланный совершенно на подобіе линейнаго корабля; на немъ было множество деревянныхъ и 10 неболѣ-

шихъ, настоящихъ, пушекъ, изъ которыхъ повремениамъ палили; кромѣ того, онъ имѣлъ большую каюту съ окнами, три мачты со всѣми принадлежностями, паруса и проч., однимъ словомъ, такъ походилъ на большое, настоящее судно, что въ немъ можно было найти все, до послѣдней бичевки, и даже маленькую корабельную лодочку позади, въ которой могли помѣститься два человѣка. Самъ императоръ командовалъ кораблемъ, имѣя при себѣ 8 или 9 маленькихъ мальчиковъ въ одинаковыхъ боцманскихъ костюмахъ и одного роста, нѣсколькихъ генераловъ, одѣтыхъ барабанщиками, и нѣкоторыхъ своихъ деньщиковъ и фаворитовъ. Государь дѣлалъ съ своими маленькими матросами на сухомъ пути всѣ маневры, возможные только на морѣ. Когда процессія двигалась по вѣтру, онъ распускалъ всѣ паруса, что, конечно не мало помогало 15 лошадамъ, тянувшимъ корабль; если дулъ боковой вѣтеръ, то и паруса тотчасъ направлялись какъ слѣдовало; при поворотахъ принимались тѣ же самыя мѣры, какъ на морѣ. Всѣхъ удивляла необыкновенная ловкость и смѣлость, съ которыми маленькая команда царя лазила по канатамъ и мачтамъ. За кораблемъ государя ѣхала императрица съ своими придворными дамами, въ великолѣпной, вызолоченной гондолѣ, имѣвшей небольшую печь и обитой внутри краснымъ бархатомъ и широкими галунами. Гондолу тащили восемь рослыхъ лошадей. Форейторы и кучеръ были въ зеленыхъ матросскихъ костюмахъ съ золотою оторочкою и имѣли на шапкахъ небольшіе плюмажи. Спереди сидѣли придворные кавалеры, одѣтые арапами, а позади стояли и трубили два волторниста въ охотничьихъ костюмахъ. Кромѣ того у кормы стоялъ мундшенкъ, одѣтый въ великолѣпный красивый бархатный костюмъ съ золотыми галунами. Императрица, сидѣвшая въ закрытой со всѣхъ сторонъ баркѣ такъ же хорошо и покойно, какъ въ комнатѣ нѣсколько разъ мѣняла свой костюмъ, являясь то голландкой, то амазонкой, то въ красномъ бархатномъ платьѣ, обложенномъ серебромъ, то въ голубомъ, съ разными камзолами и другими принадлежностями; она имѣла на боку осыпанную брилліантами шпагу, а черезъ плечо екатерининскую ленту съ прекрасною брилліантовою звѣздою; въ рукахъ у нея было копье, а на головѣ бѣлокуроый парикъ и шляпа съ бѣлымъ перомъ. За государыней ѣхалъ, въ буерѣ, ея маршалъ съ другими кавалерами. Затѣмъ слѣдовали члены «всепьянѣйшаго собора», одѣтые арлекинами, скарамушами, журавлями и т. п., въ громаднѣйшихъ саняхъ, устроенныхъ особеннымъ образомъ, а именно со скамьями, которыя спереди шли ровно, а потомъ поднимались все выше и выше, въ видѣ амфитеатра, такъ что сидѣвшіе вверху приходились ногами наравнѣ съ головами сидѣвшихъ внизу. Сзади этой машины, изобра-

Маскарадъ въ Москвѣ въ 1722 году.

Съ весьма рѣдкой гравиры того времени.

жавшей изъ себя нѣчто въ родѣ головы дракона, были прицѣплены, связанные между собою, 20 крошечныхъ саней, обитыхъ полотномъ и вмѣщавшихъ въ себѣ по одной маскѣ. Далѣе ѣхали сани, запряженныя шестеркой бурыхъ медвѣдей, которыми правилъ человекъ, весь зашитый въ медвѣжью шкуру, а потомъ длинныя, очень легкія сибирскія сани, везомыя 10-ю собаками и управляемыя старымъ камчадаломъ, въ національномъ костюмѣ. Затѣмъ слѣдовали сани герцога Голштинскаго, въ видѣ большой, лодки; на переднемъ концѣ ихъ былъ придѣланъ большой рѣзной, вызолоченный левъ, съ мечомъ въ правой лапѣ, а сзади, у кормы, также рѣзная, высеребрянная фигура Паллады. Въ саняхъ, кромѣ герцога и его свиты, помѣщались музыканты. За герцогомъ, въ саняхъ, также имѣвшихъ видъ лодки съ большимъ вымпеломъ изъ голубой тафты съ нашитыми золотыми виноградными кистями, ѣхали иностранные министры, въ голубыхъ шелковыхъ домино. За ними, въ большой же лодкѣ съ палаткой изъ краснаго сукна, ѣхали дамы двора герцога Голштинскаго, костюмированныя скарамушами. Далѣе слѣдовалъ князь Валахскій, со своей свитой, на турецкомъ суднѣ, имѣвшемъ пять небольшихъ пушекъ, изъ которыхъ онъ всякій разъ отвѣчалъ, когда палили съ императорскаго корабля. Въ кормѣ этого судна было устроено возвышеніе, уложенное множествомъ подушекъ; князь возсѣдалъ на нихъ подъ балдахиномъ изъ бѣлой тафты. Онъ былъ одѣтъ въ великолѣпный турецкій костюмъ, такъ же какъ и его свита, изъ которой одинъ чалмоносецъ ѣхалъ возлѣ его саней на маленькомъ ослѣ.

Вообще, весь маскарадный поѣздъ состоялъ изъ 60 саней, изъ которыхъ подъ самыми небольшими было не менѣе шести лошадей. Слѣдовательно, рядъ выходилъ очень длинный, такъ что, по приказанію государя, десять унтеръ-офицеровъ гвардіи, посаженные на коней, постоянно разъѣзжали для наблюденія за порядкомъ. Маски отличались необыкновеннымъ разнообразіемъ; между прочимъ, гвардейскіе офицеры были одѣты латниками, англійскіе купцы — жокеями, нѣмецкіе купцы — ость-индскими мореходами, и т. п. Дамы были костюмированы преимущественно испанками, крестьянками, пастушками, скарамушами и т. п. Самыя послѣднія большія сани поѣзда были сдѣланы на подобіе обыкновенной колбасной повозки; въ нихъ сидѣли десять слугъ князя-папы въ длинныхъ красныхъ кафтанахъ и высокихъ кверху заостренныхъ шапкахъ. Поѣздъ замыкалъ, въ маленькихъ саняхъ, вице-маршалъ маскарада, генералъ Матюшкинъ, одѣтый гамбургскимъ бургомистромъ.

Въ такомъ порядкѣ маскарадная процессія доѣхала до триумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ на Тверской улицѣ богачемъ Строгано-

вымъ, который предложилъ участникамъ угощеніе въ особо построенномъ для этого домѣ. Отсюда поѣздъ двинулся къ Красной площади и Кремлю, по которому сдѣлалъ два круга, и, наконецъ, остановился у императорска дворца. Такъ какъ было уже 5 часовъ вечера и наступила темнота, то всѣ получили позволеніе отправиться по домамъ, съ тѣмъ, чтобы на завтрашній день собраться снова въ назначенное мѣсто для повторенія невиданной на Русѣ потѣхи.

Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.

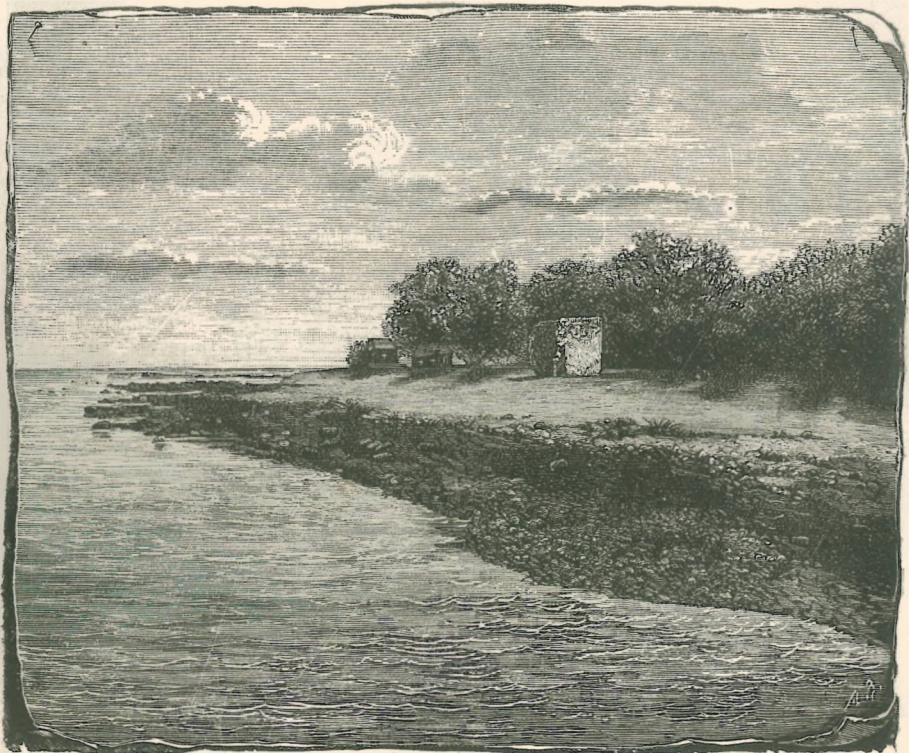
В СКОРЪ послѣ основанія Петербурга и Кронштадта, Петръ Великій, убѣдившись въ затруднительности снабженія создаваемого имъ балтійскаго флота огнестрѣльнымъ оружіемъ и другими воинскими припасами изъ внутреннихъ губерній Россіи, рѣшилъ построить вблизи столицы обширный оружейный заводъ со всѣми усовершенствованіями, видѣнными имъ за границей. Выборъ мѣста для такого важнаго сооруженія требовалъ особеннаго вниманія, и потому Петръ лично изслѣдовалъ всѣ окрестности, и послѣ долгихъ поисковъ нашелъ подходящую мѣстность въ 26 верстахъ отъ Петербурга къ сѣверо-западу, на береговой, песчаной отлогости, въ двухъ верстахъ отъ впаденія рѣки Сестры

въ Финскій заливъ.

Изобиліе воды, необозримые лѣса, близость моря, столицы и Кронштадта вполне удовлетворяли желаніямъ Петра. Здѣсь, на крутомъ поворотѣ рѣки Сестры, образуящемъ какъ бы полуостровъ, онъ заложилъ, въ 1716 году, главную плотину и распланировалъ зданія будущаго завода, названнаго имъ Систерѣцкимъ, или Сестрорѣцкимъ. Всѣ строительныя работы были возложены на приписныхъ крестьянъ Выборгскаго уѣзда, Кивинованской и Новокирхской деревень. Для руководства же этими крестьянами были переселены на постоянное жительство въ заводъ нѣсколько искуснѣйшихъ олонецкихъ плотниковъ съ семействами.

До заключенія мира съ Швеціей, Петръ, озабоченный гораздо болѣе важными государственными дѣлами, не имѣлъ возможности наблю-

дать за ходомъ работъ въ Сестрорѣцкѣ, и потому постройки подвигались впередъ очень медленно. Но въ 1720 году, когда начались мирные переговоры на Аландскомъ конгрессѣ и Петръ пріѣхалъ въ Петербургъ, постройка завода оживилась съ необычайной энергіей, такъ что черезъ годъ главная плотина, всѣ деревянныя фабрики, казармы для помѣщенія рабочихъ, были уже совершенно окончены, и къ величайшему удовольствію государя заводъ открылъ свои дѣйствія въ 1722 году изготовленіемъ фузей и другого оружія.

Остатки дворца Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.

Съ фотографіи художника Савельева.

Въ 1724 году, въ Сестрорѣцкѣ были выписаны изъ Пруссіи, Швеціи и Польши искусные мастера для отдѣлки оружія и принадлежностей къ нему по европейскимъ образцамъ, съ условіемъ, чтобы къ окончанію контрактнаго срока они вполнѣ научили своему ремеслу избранное число сестрорѣцкихъ оружейниковъ, за что, сверхъ условленной цѣны, правительство обязалось наградить ихъ особыми суммами.

При обзорѣ заводскихъ окрестностей, Петру очень понравилось мѣстоположеніе выдавагося въ Финскій заливъ мыса, и онъ, въ 1720 году, приказалъ выстроить на немъ, по плану, имъ самимъ составленному, трехъ-этажный каменный дворецъ, который и былъ совершенно оконченъ на слѣдующій годъ. Во время частыхъ посѣщеній завода, государь останавливался въ этомъ дворцѣ и въ свободные часы занимался разведеніемъ сада съ фруктовыми деревьями. По дорогѣ отъ завода къ

Дубовая роща, посаженная Петромъ Великимъ въ Сестрорѣцкѣ.

Съ фотографіи художника Савельева.

дворцу тянулась дубовая аллея, болѣе похожая на рощу; многіе изъ дубовъ, по сохраняющемуся среди сестрорѣцкихъ жителей преданію, были посажены и взлелѣяны рукою Петра Великаго. Большая часть ихъ и до сихъ поръ пощажена бурями и всеокрушающимъ временемъ. Дворецъ былъ устроенъ очень просто, но со вкусомъ, и заключалъ въ себѣ все необходимое для загородной дачи. Въ церковь, устроенную во дворцѣ, при ея освященіи, государь перенесъ изъ Петербургъ

скаго Троицкаго собора образъ св. Николая чудотворца. Садъ и его дубовыя аллеи были окружены рвомъ въ полъ-сажени глубиною, а внутри находились пруды. Хотя они теперь и заросли, но правильность береговъ ихъ видна до сихъ поръ.

Противъ дворца, на юго-востокъ, была устроена небольшая гавань, въ которой помѣщались суда, приходившія изъ Кронштадта за издѣліями завода, или привозившія въ послѣдній сѣѣтныя припасы и матеріалы для работъ. Береговая часть гавани была укрѣплена бревенчатыми сваями въ два ряда, съ значительною насыпью, служив-

Мѣсто, гдѣ находилась бесѣдка Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.

Съ фотографіи художника Савельева.

шею какъ бы бульваромъ передъ дворцомъ. Отъ гавани въ настоящее время сохранились еще кое-гдѣ остатки свай.

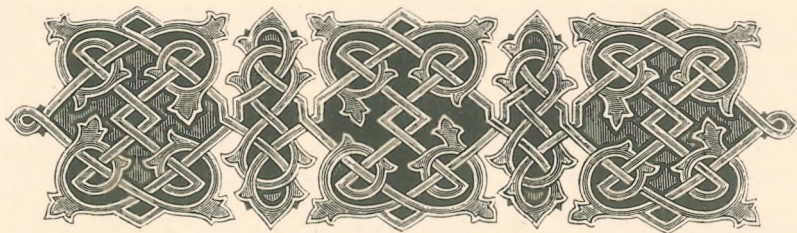
На огромномъ гранитномъ рифѣ, выдавшемся въ заливъ, въ ста саженьяхъ отъ берега, противъ дворца, была построена на желѣзныхъ рамахъ бесѣдка, гдѣ Петръ любилъ угощать почетныхъ гостей, посѣщавшихъ Сестрорѣцкъ. На этой скалѣ, обнажающейся при убыли воды отъ продолжительнаго сѣверо-восточнаго вѣтра, и теперь еще замѣтны мѣста, залитыя свинцомъ, гдѣ были укрѣплены рамы бесѣдки.

По кончинѣ Петра Великаго, дворецъ Сестрорѣцкій, не посѣщаемый никѣмъ, оставался въ запустѣніи и началъ мало-по-малу разрушаться.

Всѣ украшенія его и утварь, какъ-то: зеркала, драпировки, мебель, были взяты обратно въ гофъ-интендантскую контору, а иконостасъ и церковныя принадлежности пожертвованы въ Петропавловскую Сестрорѣцкую церковь, гдѣ хранятся до сего времени. Церковь эта первоначально была деревянная, но въ 1782 году вмѣсто нея стали строить каменную, и императрица Екатерина II разрѣшила разобрать полуразрушенный дворецъ и употребить оставшійся отъ него кирпичъ на церковную постройку.

Недалеко отъ Сестрорѣцка находится селеніе Лахта, памятное тѣмъ, что здѣсь въ октябрѣ 1724 года Петръ Великій, спасая ставшій на мель ботъ съ солдатами, получилъ ту смертельную болѣзнь, которая черезъ два мѣсяца свела его въ могилу. Изъ гранитныхъ глыбъ, окружающихъ берега близъ Лахты, впоследствии взяли громадный камень, служащій подножіемъ конной статуи великаго царя на Сенатской площади, въ Петербургѣ.

Первый петербургскій генераль-полиціймейстеръ ¹⁾.

I.

ВЪ 1697 ГОДУ, во время пребыванія Петра Великаго въ Голландіи, амстердамскіе бургомистры, желая сдѣлать ему удовольствіе, устроили въ заливѣ Эй примѣрное морское сраженіе подѣ руководствомъ адмирала Схея. Всѣ парусныя суда, какія только можно было собрать, выстроились въ двѣ боевыя линіи при входѣ въ заливъ, передъ Схелингвудомъ. Петръ, сопровождаемый своей свитой и бургомистрами, пріѣхалъ на богато украшенной яхтѣ, которую флотъ привѣтствовалъ залпомъ изъ всѣхъ орудій. Вслѣдъ за тѣмъ начался бой, продолжавшійся отъ ранняго утра далеко за полдень. Непрерывная пальба съ судовъ и береговыхъ батарей, по словамъ очевидца, закрыла солнце облаками дыма и производила такой громъ, что едва можно было слышать командныя слова, передаваемыя въ рупоръ. Государь не хотѣлъ оставаться про-

¹⁾ Источники: 1) «Исторія Россіи», С. М. Соловьева, т. 19.—2) «Птенцы Петра Великаго». Его же. «Русскій Вѣстникъ», 1861 г., № 5.—3) «Царствованіе императрицы Екатерины I». Арсеньева. Спб. 1839.—4) «Дѣянія Петра Великаго», Голицева, т. 7.—5) «Дневникъ камеръ-юнкера Бергхольца», ч. IV.—6) «Исторія Петербурга», П. Н. Петрова. Спб. 1885.—7) «Петербургская старина», Пекарскаго, «Современникъ», 1860 г., № 6.—8) «Князь Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій въ Курляндіи», Щебальскаго, «Русскій Вѣстникъ», 1860 г., № 2.—9) «Сборникъ

стымъ зрителемъ: онъ перебрался на военный корабль и постоянно направлялъ его туда, гдѣ огонь былъ сильнѣе. Распосяжаясь кораблемъ, Петръ обратилъ вниманіе на одного молодого юнга, почти еще мальчика, съ еврейскимъ типомъ лица, очень красиваго и стройнаго. Этотъ юнга съ замѣчательной ловкостью лазилъ по веревочнымъ лѣстницамъ на мачты, крѣпилъ и ослаблялъ паруса и, вообще, быстро и толково исполнялъ всякія корабельныя работы. По окончаніи маневровъ, Петръ подзвалъ его, похвалилъ за расторопность, подарилъ талеръ и спросилъ, кто и откуда онъ. Юнга бойко отвѣчалъ, что его зовутъ Антономъ Дивьеромъ, что онъ сынъ португальскаго еврея, переселившагося въ Голландію и здѣсь крестившагося, что отецъ его умеръ, не оставивъ ему никакихъ средствъ, и онъ по необходимости поступилъ въ юнги, не имѣя случая найдти себѣ другое, болѣе легкое занятіе. Толковые отвѣты юноши и его симпатичная наружность такъ понравились государю, что онъ тутъ же предложилъ Дивьеру поступить къ нему въ услуженіе, обѣщая, если онъ будетъ служить честно и вѣрно, позаботиться объ его дальнѣйшей судьбѣ. Разумѣется, молодой юнга съ восторгомъ принялъ предложеніе и на другой же день былъ зачисленъ въ штатъ царской прислуги пажемъ.

Петръ не ошибся въ выборѣ. Дивьеръ, дѣйствительно, оказался способнымъ, исполнительнымъ и честнымъ слугою. Не обладая большимъ умомъ, онъ былъ, однако же, смысленъ, вкрадчивъ, безкорыстенъ, неутомимъ и, кромѣ всего этого, обладалъ живымъ, веселымъ характеромъ. Благодаря этимъ качествамъ, онъ скоро заслужилъ расположеніе государя и всей его семьи, былъ сдѣланъ сперва царскимъ деньщикомъ, на которыхъ тогда возлагались разнообразныя порученія, требовавшія находчивости, сообразительности и ловкости, а затѣмъ, быстро возвышаясь, въ короткое время достигъ чина генераль-маіора и званія генераль-адъютанта.

Освоившись съ русскимъ языкомъ и обычаями, войдя въ кругъ людей, приближенныхъ къ царской фамиліи, Дивьеръ, все-таки, чувствовалъ себя чуждымъ въ высшемъ обществѣ, которое относилось весьма сдержанно и холодно къ португальскому выходцу. Онъ рѣшилъ преодолѣть это препятствіе женитьбой. Обратитъ свои искательства въ

Императорскаго Историческаго общества», т. т. 11 и 63. — 10) «Русскій Архивъ», 1866 г. (Письмо Дивьера къ Меншикову).—11) «Русская Старина», 1876 г. (Дивьеръ и Скорняковъ-Писаревъ въ ссылкѣ).—12) «Memoires du prince Pierre Dolgoroukow», Genève. 1867.—13) «Цвѣтущее состояніе Востросіейскаго государства, въ каковое начало, привелъ и оставилъ неизрѣченными трудами Петръ Великій». М. 1831.—14) «Русская родословная книга», изданіе «Русской Старины», Спб. 1873, т. 2.—15) «Словарь достопамятныхъ людей», Бантышъ-Каменскаго, т. 2.

среди родовитыхъ боярскихъ семей онъ не смѣлъ, зная, что его еврейское происхожденіе явится здѣсь несокрушимой препоной; оставалось пробовать счастья у новой аристократіи, созданной Петромъ изъ разночинцевъ, выдвинувшихся на высшія ступени государственной іерархіи своею службою и дарованіями. У всесильнаго и самаго выдающагося представителя этой аристократіи, князя Александра Даниловича Меншикова, была сестра Анна, не особенно красивая и уже въ годахъ, почти потерявшая надежду выйти замужъ, такъ какъ гордый и зазнавшійся князь постоянно находилъ всѣхъ сватавшихся къ ней жениховъ недостойными породниться съ нимъ. Сюда-то и направилъ свои виды Дивьеръ, разчитывая, не безъ основанія, что, породнившись съ царскимъ любимцемъ, онъ сразу упрочитъ не только свое служебное и общественное положеніе, но и матеріальное, потому что Меншиковъ назначилъ сестрѣ хорошее приданое. Красивому и ловкому португальцу удалось безъ особенныхъ усилій страстно влюбить въ себя перерѣзную дѣвушку. Обезпечивъ себя съ этой стороны, Дивьеръ рѣшился, наконецъ, объясниться съ самимъ Меншиковымъ. Но едва лишь онъ заикнулся объ Аннѣ Даниловнѣ, какъ свѣтлѣйшій князь пришелъ въ страшный гнѣвъ! Въ себя, онъ бросился на Дивьера, собственноручно далъ ему нѣсколько пощечинъ и, не довольствуясь этимъ, позвалъ своихъ челядинцевъ и велѣлъ имъ бить на смерть непрошеннаго жениха. Несчастный Дивьеръ, избитый и окровавленный, едва вырвался изъ рукъ усердныхъ слугъ Меншикова и поскакалъ съ жалобой прямо къ государю. Петръ принялъ это дѣло близко къ сердцу. Судь его былъ коротокъ. Онъ потребовалъ къ себѣ Меншикова и, не принимая никакихъ возраженій, приказалъ ему въ теченіе трехъ дней обвинять сестру его съ Дивьеромъ. Понятно, что послѣ такого происшествія между всесильнымъ временщикомъ и навязаннымъ ему родственникомъ возникла непримиримая ненависть. Оба, разумѣется, внѣшнимъ образомъ скрывали ее, но въ душѣ только ждали удобнаго случая погубить одинъ другого.

II.

Петербургъ сдѣлался столицей, въ сущности, съ 1710 года, когда Петръ Великій окончательно перебрался въ него со всей царской фамиліей, сосредоточилъ здѣсь высшую администрацію и повелѣлъ переселить сюда на постоянное житье мастеровыхъ людей изъ центровъ Россіи, съ ихъ семействами, въ числѣ 15,000 человекъ и построить для нихъ на средства казны жилища. Вслѣдствіе этого городъ началъ

быстро обстроиваться, и через нѣсколько лѣтъ народонаселеніе его опредѣлялось уже приблизительно въ 35,000 осѣдлыхъ жителей. Разнообразныя мѣры государя къ улучшенію внѣшняго быта населенія новой столицы, развитію въ ней промышленности, устройству благоустройства и благочинія потребовали созданія особаго учрежденія, которое наблюдало бы за точнымъ исполненіемъ всѣхъ этихъ мѣръ. Такое учрежденіе явилось въ лицѣ перваго въ Россіи генераль-полиціймейстера и подвѣдомственной ему канцеляріи. Петръ нашелъ, что наиболѣе подходящимъ человѣкомъ для столь отвѣтственной должности былъ Дивьеръ, въ энергіи и честности котораго онъ имѣлъ не мало случаевъ убѣдиться.

27-го мая 1718 года состоялся слѣдующій высочайшій указъ сенату:

«Господа сенатъ! Опредѣлили мы для лучшихъ порядковъ въ семъ городѣ генераль-полиціймейстера, которымъ назначили нашего генераль-адъютанта Дивьера, и дали пункты, какъ ему врученное дѣло управлять. И ежели противъ оныхъ пунктовъ чего отъ васъ требовать будетъ, то чините. Также всѣмъ жителямъ здѣшнимъ велите публиковать, дабы невѣдніемъ никто не отговаривался. Петръ».

Инструкція, данная государемъ Дивьеру, состояла изъ тринадцати пунктовъ, гдѣ подробно были изложены обязанности полиціи относительно наблюденія за правильностью построекъ въ городѣ, укрѣпленіемъ береговъ Невы и притоковъ, чистотою улицъ и переулковъ, порядкомъ на торговыхъ площадяхъ и рынкахъ, опрятностью помѣщеній торговцевъ, свѣжестію продаваемыхъ съѣстныхъ припасовъ, точностью мѣръ и вѣсовъ, и т. п. Полиція должна была не допускать злоумышленнаго возвышенія цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты; осматривать каждые три мѣсяца печи во всѣхъ жилыхъ зданіяхъ; искоренять азартныя игры въ зернь и карты; «испровергать» притоны разврата; забирать «гулящихъ и слоняющихся» людей и отдавать ихъ, по допросѣ, въ работы; отбирать отъ домохозяевъ свѣдѣнія о живущихъ у нихъ лицахъ, о приѣзжающихъ и отъѣзжающихъ; учреждать ночные караулы, причемъ «караульщики ходили бы по ночамъ съ трещотками, какъ обычай въ другихъ краяхъ»; содержать въ сборныхъ пунктахъ, на случай пожара, водоливныя трубы, ведра, топоры, войлочные щиты, паруса, крючья, лѣстницы; наконецъ, отводить квартиры солдатамъ въ домахъ обывателей, безъ различія званія, и т. д. «Для лучшаго смотрѣнія всякаго противъ сихъ пуктовъ неисправленія, — заключалъ Петръ, — надлежитъ опредѣлить въ каждой слободѣ, или улицѣ, старосту и къ каждому десяти дворамъ десятскаго изъ тѣхъ же жителей, и дабы каждый десятскій за своимъ десяткомъ накрѣпко смотрѣлъ, чтобы чего не учинилось противнаго запрещенію; и ежели

за кѣмъ что усмотрить, о томъ тотчасъ объявить старостѣ, а ему полиціѣмейстеру, также учинить распорядокъ между жителями, кому съ какимъ пожарнымъ орудіемъ ходить на пожары».

Получивъ отъ государя «пункты», Дивьеръ обратился въ сенатъ съ просьбой о присылкѣ къ нему всѣхъ постановленій, о выполненіи которыхъ онъ долженъ имѣть наблюденіе, о снабженіи вновь учре-

Графъ А. М. Дивьеръ.

Съ портрета, находившагося на исторической выставкѣ портретовъ 1870 года.

ждаемаго управленія потребнымъ числомъ служащихъ лицъ и о публикованіи царскаго повелѣнія, обязывавшаго жителей столицы исполнять всѣ его распоряженія.

Сенатъ 4-го іюня опредѣлилъ: 1) сообщить Дивьеру всѣ указы; 2) дать 10 офицеровъ, 20 унтеръ-офицеровъ и 160 «солдатъ добрыхъ», одного дьяка и 10 подьячихъ—для канцеляріи; 3) отпустить 300 рублей

на первоначальные расходы; 4) для выбора старостъ и десятскихъ прислать вѣдомости о числѣ домовъ изъ губернской канцеляріи; 5) вытребовать планы строеній въ городѣ и фасады образцовыхъ домовъ; 6) республиковать указъ сената объ исполненіи требованій полиціи наклейкою листовъ на перекресткахъ улицъ.

Дивьеръ, прежде всего, поспѣшилъ организовать личный составъ генераль-полиціймейстерской канцеляріи, выбравъ себѣ въ помощники майора Рыкунова, которому было назначено жалованья 168 рублей въ годъ. Занятія остальныхъ офицеровъ (жалованье которыхъ, сообразно чину, колебалось отъ 100 до 50 рублей въ годъ) были отчасти специализированы: однимъ поручено наблюдение за рынками и торговлей; другимъ — за чистотой и порядкомъ на улицахъ; третьимъ — сыскъ воровскихъ людей, пристанодержателей и укрывателей и т. д. Впрочемъ, та или другая служебная обязанность, на то или другое время, возлагалась на нихъ по усмотрѣнію генераль-полиціймейстера, и положеніе при немъ офицеровъ скорѣе можно сравнить съ положеніемъ нынѣшнихъ адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій. Дьяки и подъячіе вѣдали исключительно письмоводство. Общій расходъ на содержаніе всего личнаго состава полиціи на первое время былъ исчисленъ въ 1,059 рублей. Форма полицейскихъ состояла изъ кафтана, брюкъ и картузовъ васильковаго цвѣта съ алыми обшлагами, зеленыхъ камзоловъ, шпаги на лосиной перевязи, ружья и патронной сумы. Сформировавъ свой штатъ, Дивьеръ усердно принялся за благоустройство города, что представляло немало затрудненій.

Петербургъ того времени былъ не что иное, какъ окруженное лѣсами болото, среди котораго пролегали мѣстами непроходимыя отъ грязи и ночью совершенно темныя улицы, съ разбросанными на обширномъ пространствѣ лачугами и наскоро сколоченными хижинами; только кое-гдѣ, преимущественно на Адмиралтейской сторонѣ и около Петропавловской крѣпости, встрѣчались барскіе дома, построенные на голландскій манеръ. Составъ населенія былъ самый разнообразный: рабочіе и мастеровые, насильно согнанные со всѣхъ концовъ Россіи, мелкіе торговцы всякой всячиной, солдаты, иностранные шкипера и матросы, чухонцы, колодники, разношерстный сбродъ, искавшій заработка и наживы, и т. п. Пьянство, развратъ, воровство, насиліе, грабежи, были обычнымъ явленіемъ и постоянной угрозой для обывателей, но не одни только люди наводили на нихъ страхъ: окрестные лѣса изобиловали волками, дерзость которыхъ доходила до того, что, напримѣръ, въ 1714 году они забили двухъ солдатъ, стоявшихъ на часахъ у Литейнаго двора, а немного спустя, на Васильевскомъ островѣ, у самыхъ воротъ дома князя Меншикова, загрызли одну изъ его

прислугъ; смѣлые хищники взрывали кладбища и поѣдали трупы покойниковъ, такъ что для обузданія ихъ иногда отряжались цѣлыя команды.

Не смотря на то, что относительно распоряженій Дивьера сохранились лишь отрывочныя и случайныя свѣдѣнія, мы, все таки, и на основаніи ихъ можемъ имѣть довольно ясное понятіе о его дѣятельности, какъ перваго петербургскаго генераль-полиціймейстера.

Первымъ распоряженіемъ Дивьера было изданіе правилъ мощенія улицъ: «каждому жителю противъ своего двора посыпать пескомъ и камнемъ мостить гладко, какъ будетъ показано отъ мастеровъ, и чтобы стоки были вдоль улицъ, къ дворамъ ближе, а по концамъ улицъ стоки дѣлать къ рѣкамъ и прудамъ, чтобы были твердо утверждены, дабы весною и въ дожди не заносило». Относительно обдѣлки нестроенаго берега предписывалось «по рѣкѣ и по протокамъ, чтобъ каждый противъ своего двора сваи билъ и къ сваямъ слать фашины и землю засыпалъ крѣпко-на-крѣпко».

Затѣмъ, согласно представленію Дивьера, сенатомъ были установлены наказанія за нарушеніе правилъ, изложенныхъ въ инструкціи генераль-полиціймейстера. Домовладѣльцы, за необъявленіе о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, а также за принятіе въ работы людей безъ свидѣтельства и добрыхъ порукъ, подвергались наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторгу, а имущество отбиралось въ казну. Такому же наказанію подвергались допускавшіе производить въ своей квартирѣ азартную игру или пьянство. Кто въ рынкахъ и рядахъ продавалъ нездоровые припасы или мертвечину, то въ первый разъ получалъ кнутъ, во второй — ссылался на каторгу, въ третій — подвергался смертной казни. Всѣ должны были быть непременно «за орломъ» (то-есть съ клеймомъ), а за фальшивые угрожалось «жестокимъ штрафомъ». За несоблюденіе въ исправности печей, комелей и трубъ полагался значительный для того времени штрафъ: въ первый разъ — 10 рублей, во второй — 20 рублей, въ третій — 30 рублей.

По улицамъ Петербурга предписывалось соблюдать величайшую чистоту, «чтобы никакого скаредства и мертвечины не валялось». Каждый домовладѣлецъ обязанъ былъ противъ своего двора рано утромъ, или вечеромъ, когда по улицамъ не было ни ѣзды, ни ходьбы, сметать всякій соръ, а камни, которые выламывались въ продолженіе дня, поправлять. За неисполненіе этого правила взыскивался штрафъ, по двѣ деньги съ сажени.

Особенно строго наказывались тѣ, кто вывозилъ на Неву и другія рѣки пометъ и соръ («для того, что такими пометами тѣ рѣки засариваются, отчего по тѣмъ рѣкамъ судамъ проходъ чинится не сво-

бодный»). Въ такихъ случаяхъ у знатныхъ ихъ служители, а незнатные домовладѣльцы самолично, были биты кнутомъ и ссылались въ вѣчную каторжную работу.

Постановлено было, чтобы всѣ торгующіе въ Петербургѣ съѣстными припасами по улицамъ и въ лавкахъ «ходили въ бѣломъ мундирѣ, по указу, а мундиръ бы дѣлали по образцу, какъ въ мясномъ и рыбномъ рядахъ у торговыхъ людей». Съ неисполнявшихъ правила штрафовъ, а товаръ отбирали въ казну.

Воспрещалось, «чтобы никто, никакого чину по малой рѣчкѣ Мью и по другимъ малымъ рѣчкамъ и по каналамъ, днемъ и ночью, на лошадахъ, въ саняхъ и верхомъ, кромѣ пѣшихъ, отнюдь не ѣздили, а ѣздили бы по улицамъ проѣзжимъ того ради, что отъ коневаго помета засариваются оныя рѣчки и каналы».

«Для прекращенія воровскихъ приходовъ и всякихъ непотребныхъ людей» учреждены шлагбаумы, при которыхъ по ночамъ находился караулъ съ дворовъ, по очереди. Шлагбаумы находились по концамъ каждой улицы; они опускались ежедневно вечеромъ, въ одиннадцатомъ часу, а поднимались послѣ пробитія утренней зари въ крѣпости. Въ продолженіе ночи черезъ шлагбаумъ пропускались воинскія команды, знатные господа, лѣкаря, священники, повивальныя бабки и лица, посланные по дѣламъ службы; но всѣ они должны были имѣть при себѣ фонари. Впослѣдствіи подтверждено: «когда шлагбаумы ночью опустятъ, въ такіе часы знатныхъ персонъ и при нихъ служителей пропускать съ фонарями безъ задержанія, а безъ фонарей не пропускать. А изъ подлыхъ въ такіе неуказные часы, развѣ кто за крайнею нуждою пойдетъ одинъ съ фонаремъ, спрося у него, пропускать же; а ежели два, или три человекъ и болѣе изъ подлыхъ пойдутъ, хотя и съ фонаремъ, и тѣхъ брать подъ арестъ». При крикѣ «караулъ», рогаточному караулу, подъ страхомъ смертной казни, приказано оказывать вспоможеніе кричавшему.

Просившихъ милостыню велѣно ловить и арестовывать, и отбирать отъ нихъ показанія, откуда они и какъ давно бродятъ. Послѣ опроса, просившій милостыню наказывался батогами и отсылался на мѣсто жительства; при вторичномъ же захватѣ, нищенствовавшего мужчину были кнутомъ на площади и отсылали на каторгу, женщинъ посылали на суконную фабрику въ работу, а несовершеннолетнихъ ребятъ послѣ наказанія батогами отдавали или въ мастерство, или тоже на суконную фабрику. Если нищенствующие, по разслѣдованіи, оказывались помѣщичьими крестьянами, то съ помѣщика за cadaго человекъ взыскивался штрафъ по пяти рублей. «Пѣвшіе на улицѣ пѣсни» также забирались въ полицію и наказывались батогами.

Извозчиковъ, ѣздившихъ на невзвужданныхъ лошадахъ или сбивавшихъ пѣшеходовъ, за первую подобную вину драли кошками, за вторую—кнутомъ, за третью—ссылали въ каторгу.

Съ 1721 года, Петербургъ начали освѣщать фонарями, которыхъ требовалось (исключая бывшихъ уже на Васильевскомъ островѣ) 595 штукъ. По смѣтѣ, освѣщеніе улицъ и содержаніе фонарщиковъ обходилось тогда въ 21,438 рублей. Освѣщеніе производилось коноплянымъ масломъ и продолжалось только пять часовъ въ сутки.

Сначала расходы на освѣщеніе улицъ хотѣли отнести на домовладѣльцевъ, взимая съ нихъ деньги по числу квадратныхъ саженъ владѣемаго мѣста. Въ докладѣ сенату 1721 года Дивьеръ испрашивалъ, для облегченія жителей, и безъ того обремененныхъ постоями и другими повинностями, брать деньги на освѣщеніе города изъ неокладныхъ сборовъ: съ продажи на возахъ хлѣба, сѣна, дровъ, съ бань, хомутныхъ денегъ и т. п. Такихъ сборовъ поступало въ теченіе года около 11,000 рублей, и изъ нихъ же генераль-полицеймейстеръ предполагалъ покрывать расходы на мощеніе улицъ, площадей, также содержаніе ихъ въ чистотѣ и прочіе.

Далѣе, Дивьеръ представлялъ о необходимости имѣть особаго городского архитектора съ жалованіемъ въ годъ по 1,000 рублей и трехъ «архитекторскихъ подмастерьевъ» съ ежегоднымъ жалованьемъ по 150 рублей каждому.

Для содержанія города въ чистотѣ, Дивьеръ просилъ установить особыхъ 25 фурманщиковъ съ 50 лошадьми и при нихъ столькими же рабочими для своза съ улицъ сора и навоза; все это, по смѣтѣ, могло обойтись въ 2,750 рублей. Сверхъ того, онъ полагалъ вмѣсто 1,200 ночныхъ караульчиковъ, наемъ которыхъ на каждую ночь стоилъ по 5 алтынъ на человѣка, употреблять рекрутъ за опредѣленное жалованье.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ представленій, сенатъ разрѣшилъ выдать генераль-полицеймейстеру изъ суммы штатсъ-конторы 5,000 рублей на фонари, фурманщиковъ и прочее, а всю сумму, требуемую на расходы, разложить на жителей въ цѣломъ государствѣ «для того, что здѣшнее мѣсто (Петербургъ) безъ того дороговизною провіанта и харча и квартирами отягчено, а другіе такой тяжести не имѣютъ». Жалованье архитектору и его «подмастерьямъ» было опредѣлено давать изъ городской канцеляріи, а ночныхъ караульчиковъ оставить на прежнемъ основаніи.

Въ 1723 году положено было на содержаніе фонарей, чищеніе улицъ, укрѣпленіе береговъ и проч. собирать съ домовладѣльцевъ съ каждой квадратной сажени: на Адмиралтейскомъ островѣ по Мью

рѣку и на Васильевскомъ островѣ—по копѣйкѣ; а за Мъею по Фонтанной—по деньгѣ; на Московской и Выборгской сторонахъ и на Аптекарскомъ островѣ—по полушкѣ. Отъ платежа этихъ денегъ были изъяты только получавшіе жалованье 20 и менѣе рублей въ годъ. Кромѣ этого налога, въ канцелярію полиціѣймейстерскихъ дѣлъ на подмогу былъ отданъ хомутный сборъ и четвертая доля сбора съ постоянныхъ дворовъ.

Что касается пожарной части въ Петербургѣ въ Петровское время, то одинъ изъ иностранцевъ-очевидцевъ отзывается съ похвалою о мѣрахъ, которыя были тамъ приняты для прекращенія пожаровъ. Не смотря на то, что не проходило недѣли безъ пожара и что въ городѣ большая часть зданій были деревянныя, крытыя досками или дранью, легко воспламенявшимися, пожары, благодаря разумнымъ распоряженіямъ полиціи, никогда не были велики, и рѣдко сгорало разомъ два дома, да и то развѣ если они стояли близко одинъ отъ другого. На всѣхъ городскихъ башняхъ помѣщались постоянно караульчики, сторожившіе городъ денно и ночно: едва замѣчали они пламя въ какомъ нибудь зданіи, то ударяли въ набатъ, повторявшійся затѣмъ на всѣхъ колокольныхъ, а войска били тревогу въ барабаны. Заслыша это, на пожаръ бѣжали тысячи плотниковъ, которыми былъ полонъ городъ и которые были обязаны, какъ и солдаты, подъ страхомъ жестокаго наказанія за неисполненіе, сбѣгаться съ топорами на мѣсто происшествія. Когда государь былъ въ городѣ, то всегда являлся на пожаръ изъ первыхъ. Онъ собственнымъ примѣромъ поощрялъ работниковъ и, въ случаѣ большой опасности, вооружался самъ топоромъ, взбирался на полусгорѣвшіе дома и вообще дѣйствовалъ такъ, что у зрителей часто пробѣгала по жиламъ дрожь.

Мѣдныя пожарныя трубы съ рукавами были только въ адмиралтействѣ. Дивьеръ, представляя въ 1721 году сенату, что эти трубы за дальностью разстояній не успѣвали всюду во-время, ходатайствовалъ о заказѣ для четырехъ острововъ по одной заливной мѣдной трубѣ съ рукавами въ Голландіи, каждая по 400 руб., что сенатъ и разрѣшилъ.

Изъ приведенныхъ нами отрывочныхъ свѣдѣній о дѣятельности Дивьера, какъ перваго генераль-полиціѣймейстера, можно вывести заключеніе, что онъ вполне оправдалъ ожиданія государя и былъ усерднымъ и толковымъ исполнителемъ стремленій Петра устроить любимый имъ «парадизъ» по образцу европейскихъ городовъ. По словамъ голштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца, жившаго въ Петербургѣ въ концѣ царствованія Петра Великаго, Дивьеръ славился своею строгостью и внушалъ городскимъ обывателямъ такой страхъ, что они

дрожали при одномъ его имени. Къ сожалѣнію, есть указанія, что иныя мѣры, предпринимаемыя Дивьеромъ на пользу петербургскаго населенія, нерѣдко тормозились медленностью и равнодушіемъ сената, черезъ который только, въ отсутствіе государя, онъ и могъ проводить свои распоряженія.

Весь 1722 годъ Петръ находился въ персидскомъ походѣ и вернулся въ Петербургъ лишь въ мартѣ 1723 года. Въ это время цѣны на хлѣбъ и другіе припасы очень поднялись, и генераль-полиціймейстеръ, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, имѣлъ основаніе убѣдиться, что цѣны подняты искусственно и представилъ въ сенатъ свои предложенія о средствахъ для противоудѣйствія такому злу, но тщетно дожидаясь какой либо резолюціи въ теченіе почти трехъ лѣтъ. Приводимъ любопытное письмо по этому поводу Дивьера къ Меншикову, исполнявшему тогда должность Ингерманландскаго генераль-губернатора.

«Хотя моя должность и принуждала о семъ его императорскому величеству писать, дабы мнѣ сіе въ упущеніе не причлось, токмо сего оставить не хотѣлъ, дабы прежде вашей свѣтлости о томъ предложить, и дабы оное не причлось и правительствующему сенату въ несмотрѣніе, что мы по его величества пунктамъ свое мнѣніе и описаніе пунктами о порядочной продажѣ цѣнами муки и прочихъ съѣстныхъ припасовъ правительствующему сенату многократно предлагали и о прочихъ дѣлахъ нужныхъ резолюцій требовали, какъ явствуетъ при семъ приложенная краткая выписка. Поневже, мой милостивый государь, еще и понынѣ за неотвѣтствіемъ, по предложеніямъ нашимъ, изъ сената никакого опредѣленія достойнаго цѣнами въ продажѣ съѣстныхъ товаровъ не учинено, и купцы, какъ хотятъ, такъ цѣну и подвигаютъ, отговариваясь и указывая, гдѣ хлѣбу есть недородъ, то тамъ-де и тамъ дорогими цѣнами покупается. А нынѣ изъ такихъ мѣстъ и въ привозѣ нѣтъ, а во Псковѣ и по рублю четверть хлѣба покупалась и въ другихъ мѣстахъ, то и цѣнѣ противъ прежней сбавка, а здѣшніе купцы токмо цѣну подвышаютъ, а сбавки не бываетъ, хотя-бъ гдѣ дешево покупали. И сего ради, видя за такимъ ихъ подвышеніемъ цѣнъ народное отягощеніе, хотя отъ сената резолюціи о томъ по предложенію нашему и не получили, принуждены были у такихъ купцовъ подъ караулъ брать приказчиковъ, а хозяева ушли и въ повышеніи цѣнъ допрашиваны; опредѣлили за всѣми ихъ расходами и харчами брать имъ съ рубля барыша по гривнѣ, пока изъ сената получено будетъ къ намъ на предложенные о томъ пункты опредѣленіе.

«Сего ради прошу вашу свѣтлость, дабы соизволили милостивое стараніе возымѣть, чтобъ предложеніе мое въ сенатѣ обо всемъ было

выслушано и опредѣленіе положено, дабы такія необходимыя дѣла для государственной пользы въ продолженіи долге не были оставлены, и его императорскому величеству, какъ увѣдаетъ, во гнѣвъ не произошло, понеже третій годъ какъ пункты поданы: слушать время было довольное».

Но подобные случаи могли происходить лишь въ отсутствіе Петра. Когда онъ находился въ Петербургѣ, Дивьеръ ежедневно лично докладывалъ ему о всѣхъ петербургскихъ происшествіяхъ. Да и самъ государь входилъ во все, что касалось благоустройства новой столицы, не пропускалъ безъ вниманія никакой мелочи и за всякое малѣйшее замѣченное имъ упущеніе взыскивалъ строго, причемъ доставалось и самому Дивьеру, какъ это видно изъ одного анекдота, рассказаннаго Голиковымъ и Штединымъ.

Однажды Петръ, проѣзжая по городу вмѣстѣ съ Дивьеромъ въ одноколѣ, приблизился къ мосту черезъ каналъ у Новой Голландіи. Мостъ былъ неисправенъ, потому что кто-то укралъ съ него нѣсколько досокъ. Государь приказалъ своему деньщику сдвинуть остальные доски, чтобы можно было переѣхать, а самъ, между тѣмъ, отсчиталъ генераль-полицеймейстеру нѣсколько ударовъ дубинкой, приговаривая: «это лучше прибавитъ тебѣ памяти о попеченіи и содержаніи мостовъ въ порядкѣ: будешь самъ все осматривать!». Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сказалъ Дивьеру: «садись, братъ!» и поѣхалъ дальше, продолжая прерванный разговоръ.

III.

28-го января 1725 г. Петръ Великій умеръ, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій относительно престолонаслѣдія. Благодаря энергическимъ и вѣрно обдуманымъ мѣрамъ, своевременно принятымъ княземъ Меншиковымъ, Екатерина I была провозглашена самодержавной императрицей. Новая государыня начала свое царствованіе щедрыми наградами всѣмъ лицамъ, которыя доказали ей свою преданность. Въ числѣ ихъ находился и Дивьеръ, неизмѣнно пользовавшійся расположеніемъ Екатерины и сумѣвшій войти въ тѣсный кружокъ ея приближенныхъ. Онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, получилъ орденъ св. Александра Невскаго, званіе сенатора и, наконецъ, графскій титулъ. Еще при жизни Петра, Екатерина всякій разъ, когда уѣзжала изъ Петербурга, поручала наблюденію Дивьера свою малолѣтнюю дочь Наталью Петровну и пасынковъ: великаго князя Петра Алексѣевича и его сестру Наталію Алексѣевну. Какъ всегда,

точный и исполнительный, Дивьеръ аккуратно два раза въ недѣлю посылалъ государынѣ краткія извѣстія о ходѣ занятій царственныхъ дѣтсй. «Ея высочество, всемилостивѣйшая государыня, Наталія Петровна, — писалъ онъ, — и великій князь съ сестрицей обрѣтаются въ добромъ здравіи и охотно всегда въ ученіи пребываютъ», или: «великій князь и великая княжна изволили писать по-нѣмецки письма собственными своими руками, изъ которыхъ изволите усмотрѣть, кто лучше писалъ, и изволите о томъ отписать особое письмо на то имя съ благодареніемъ, дабы могли впредь наилучше писать и читать, и другъ другу будутъ ревновать, и отъ ревности лучше будутъ трудиться».

Не смотря на всемогущество и неограниченное вліяніе Меншикова на Екатерину, Дивьеръ былъ защищенъ отъ его вражды личнымъ расположеніемъ къ себѣ государыни, къ которой имѣлъ свободный доступъ во всякое время, считаясь въ царской семьѣ какъ бы домашнимъ человѣкомъ. Екатерина любила веселаго португальца, забавлявшаго ее своими шутками и неистощимыми рассказами. Оставаясь генераль-полиціймейстеромъ, Дивьеръ исполнялъ разныя другія порученія, по указанію императрицы, и, между прочимъ, былъ даже посланъ однажды въ Курляндію отстаивать русскіе интересы. Почему именно была возложена такая дипломатическая миссія на Дивьера, трудно понять; но для характеристики его необходимо сказать о ней нѣсколько подробнѣе, хотя она и не имѣла никакихъ практическихъ результатовъ.

Съ XVI вѣка Курляндія составляла часть Польскаго королевства, но имѣла свои особые законы, права и учрежденія и наслѣдственно управлялась герцогами изъ потомства знаменитаго Готарда Кетлера. Зависимость отъ Польши, всячески старавшейся уничтожить обособленность герцогства и водворить въ немъ католичество, тяготила курляндцевъ. Во время войны съ Карломъ XII, русскія войска не разъ проходили черезъ Курляндію и долго тамъ квартировали и этимъ положили начало прочнымъ сношеніямъ между Россіей и герцогствомъ. Петръ Великій, сознавая важность тѣснаго сближенія съ Курляндіей, задумалъ достигнуть этого, женивъ молодаго герцога Фридриха-Вильгельма на своей племянницѣ, царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ. Петръ далъ за ней въ приданое 200,000 рублей, которые были обращены на выкупъ заложенныхъ герцогскихъ имѣній, но съ тѣмъ, чтобы эти имѣнія, въ свою очередь, служили залогомъ и обезпеченіемъ сдѣланнаго у Анны Ивановны займа. Въ случаѣ смерти герцога, вдовѣ его была выговорена ежегодная пенсія въ 40,000 рублей. Бракъ Анны Ивановны состоялся 31-го октября 1710 года, а черезъ два мѣсяца герцогъ неожиданно умеръ отъ оспы. По праву наслѣдственности, упра-

вление перешло къ послѣднему потомку Кетлера, дядѣ умершаго герцога, шестидесятилѣтнему герцогу Фердинанду, католику, нелюбимому въ Курляндіи и жившему постоянно въ Данцигѣ. Фердинандъ, вслѣдствіе непріязни къ нему курляндскаго дворянства, остался жить въ Данцигѣ; что же касается Анны Ивановны, то она поселилась въ Митавѣ, приняла въ свое завѣдываніе заложенныя ей дворцовыя имѣнія и старалась образовать около себя партію, расположенную къ Россіи. Такъ какъ Фердинандъ былъ холостъ и старъ, и съ нимъ кончалась династія Кетлеровъ, то курляндцы, тайно стремившіеся къ независимости, сочли необходимымъ еще при его жизни выбрать себѣ новаго герцога. Но Польшѣ хотѣлось, послѣ смерти Фердинанда, присоединить совершенно Курляндію и раздѣлить ее на воеводства и староства. Для Россіи же представлялось весьма важнымъ, чтобы герцогомъ былъ избранъ человѣкъ, на котораго она могла бы вліять къ своимъ выгодамъ. Начались, по обыкновенію, разныя интриги, подкупы и т. п. Курляндцы, встревоженные вмѣшательствомъ въ ихъ внутреннія дѣла, рѣшили дѣйствовать независимо и, собравшись въ іюнѣ 1726 года на сеймъ въ Митавѣ, единогласно избрали герцогомъ графа Морица Саксонскаго, побочнаго сына короля Августа II. Морицъ, лично присутствовавшій на сеймѣ, принялъ избраніе, а избиратели послали депутацію къ вдовствующей Аннѣ Ивановнѣ съ предложеніемъ вступить въ бракъ съ новымъ герцогомъ. Анна Ивановна, которой очень нравился Морицъ, готова была обвѣнчаться съ нимъ, но не могла дать положительнаго отвѣта безъ согласія императрицы Екатерины. Рѣшеніе Митавскаго сейма шло въ разрѣзъ политикѣ какъ Польши, такъ и Россіи. Рѣчь Посполитая объявила избраніе Морица незаконнымъ потому, что Курляндія, какъ ленное владѣніе Польши, не могла собственной властью рѣшать такой первостепенный вопросъ, а Россія придралась къ тому, что Морицъ темнаго происхожденія и вслѣдствіе этого не заслуживаетъ герцогской короны и тѣмъ болѣе чести породниться съ императорскимъ російскимъ домомъ. Это обстоятельство показалось честолюбивому Меншикову удобнымъ для осуществленія давно преслѣдовавшей его мысли—самому сдѣлаться герцогомъ Курляндскимъ. Онъ тогчасъ отправился въ Митаву, объявилъ Аннѣ Ивановнѣ, чтобы она оставила мечты о бракѣ съ Морицемъ, созвалъ курляндскихъ депутатовъ и гордо потребовалъ, чтобы они низложили Морица и избрали герцогомъ его, угрожая въ противномъ случаѣ ввести въ Курляндію 20,000 русскаго войска. Требованіе Меншикова, предъявленное при томъ же въ самой грубой формѣ, возбудило общее негодованіе. Анна Ивановна писала императрицѣ слезныя письма, горько жалуясь на дѣйствія временщика, а въ Польшѣ заговорили о

вооруженномъ сопротивленіи такимъ дерзкимъ притязаніямъ. Екатерина испугалась возможности войны съ поляками и поспѣшно вызвала Меншикова въ Петербургъ. Вскорѣ затѣмъ, на сеймѣ, собранномъ польскимъ королемъ въ Гродно, Рѣчь Посполитая постановила: избраніе Морица уничтожить, рѣшеніе о дальнѣйшей судьбѣ Курляндіи отложить до смерти герцога Фердинанда, назначить особую комиссію для изслѣдованія дѣла о незаконномъ избраніи и просмотра курляндской конституціи, съ цѣлью внести въ нее необходимыя измѣненія для предупрежденія на будущее время подобныхъ попытокъ.

Рѣшеніе Гродненскаго сейма произвело въ Курляндіи сильное впечатлѣніе. Съ одной стороны, раздраженіе противъ Польши усилилось до того, что грозило явнымъ ей сопротивленіемъ; съ другой, болѣе робкіе начинали склоняться передъ тяжелою необходимостью и заговорили о присоединеніи Курляндіи къ Польшѣ. Такая развязка была бы въ высшей степени невыгодна для Россіи и здравая политика повелѣвала предупредить ее. Надо было увѣрить курляндцевъ, что мы готовы защищать ихъ самостоятельность и право избирать герцога, лишь бы онъ не принадлежалъ къ саксонскому дому. Съ такимъ порученіемъ и былъ отправленъ въ Митаву графъ Дивьеръ. Явная цѣль его поѣздки состояла въ томъ, чтобы закупить въ Кенигсбергѣ бархату, парчи, кавалерскихъ уборовъ и проч. для двора; но секретной инструкціей ему предписывалось, проѣздомъ черезъ Митаву, остановиться тамъ подъ благовиднымъ предлогомъ, войти въ сношеніе съ расположенными къ намъ лицами, стараться усилить нашу партію и, если можно, подѣйствовать, хотя бы и деньгами, на ожидавшуюся польскую комиссію, въ благопріятномъ для Курляндіи смыслѣ.

Дивьеръ явился въ Митаву и употребилъ чисто полицейскій, выходящій изъ дипломатическихъ обычаевъ, способъ для удостовѣренія въ истинныхъ чувствахъ сторонниковъ Россіи. Пріѣхавъ къ гофмейстеру Анны Ивановны, М. П. Бестужеву, безъ шума и огласки, онъ попросилъ его немедленно пригласить къ себѣ всѣхъ тѣхъ курляндцевъ, которые считались нашими приверженцами, не сказавъ имъ о его пріѣздѣ, а самъ спрятался въ смежную комнату, откуда могъ слышать каждое ихъ слово. Приглашенные съѣхались; это были представители многихъ благородныхъ фамилій. Между ними и Бестужевымъ завязался разговоръ, который Дивьеръ внимательно подслушивалъ изъ-за двери. Когда онъ убѣдился, что всѣ собравшіеся уповаютъ только на Россію, то вышелъ къ нимъ, какъ будто только что пріѣхалъ изъ Петербурга, показалъ Бестужеву свою вѣрительную грамоту, а затѣмъ, обратясь къ курляндцамъ, именемъ государыни под-

твердилъ имъ, что Россія ни подъ какимъ предлогомъ не допуститъ присоединенія и раздѣла Курляндіи.

Дивьеръ видѣлся также съ главными лицами противной партіи и, наконецъ, съ самимъ Морицемъ, который продолжалъ оставаться въ Митавѣ, упорно отказываясь подчиниться постановленію Рѣчи Посполитой. Морицъ доказывалъ, что если русское правительство рѣшилось поддерживать самостоятельность Курляндіи, то для него безразлично, кто будетъ тамъ герцогомъ, потому что герцогская власть крайне ограничена; онъ увѣрялъ въ своей преданности императрицѣ и предлагалъ дать какое угодно ручательство въ томъ, что никогда не будетъ противиться русскимъ интересамъ. Дивьеръ, повидимому, отнесся къ нему вѣжливо и съ участіемъ, потому что на другой же день получилъ отъ него письмо на французскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

«Трудно, кажется, придумать болѣе вѣрное средство для утвержденія вѣрности курляндцевъ (относительно Россіи) и для внушенія довѣренности королю (польскому), какъ немедленно заключить брачный союзъ (Морица съ Анной Ивановной), и какъ бракъ этотъ упрочиваетъ благоденствіе курляндцевъ, которое вполнѣ согласно съ интересами Россіи, то я осмѣливаюсь предложить вашему сіятельству, не боясь оскорбить васъ, десять тысячъ экю, если вы возьмете на себя этому содѣйствовать. Прошу, ваше сіятельство, не отказать въ принятіи этой суммы и считать это письмо не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ моего уваженія; прошу также быть увѣреннымъ, что благодарность моя прекратится только съ моею жизнью, равно какъ и совершенная преданность, съ которою я не перестану быть вашего превосходительства низайшимъ и покорнѣйшимъ слугой. Морицъ Саксонскій, Митава, 1-го марта 1727 года».

Въ то время гражданская нравственность была очень невысока. Вся политика основывалась главнымъ образомъ на подкупѣ. Ни одинъ посланникъ не уѣзжалъ изъ Петербурга въ Варшаву, или Гродно, безъ особыхъ суммъ, назначенныхъ для раздачи благопріятствовавшимъ намъ лицамъ; въ свою очередь, и иностранные дипломаты щедрой рукой сыпали въ Россіи деньги. Никакая услуга не дѣлалась тогда даромъ. Поэтому письмо Морица является весьма обыкновеннымъ, и намъ кажется, что едва ли бы многіе устояли противъ такого соблазнительнаго предложенія, тѣмъ болѣе, что обманъ постоянно шель рука объ руку со взяточничествомъ. Но къ чести Дивьера должно сказать, что онъ оказался довольно рѣдкимъ исключеніемъ изъ тогдашнихъ «новыхъ людей», которые, подобно Меншикову, жадно стремились къ наживѣ, не брезгуя ничѣмъ. Безкорыстіе Дивьера вполнѣ выразилось въ его отвѣтѣ Морицу.

«Полученное мною сего числа письмо, — отвѣчалъ онъ по-нѣмецки, — повергло меня въ удивленіе и чувствительное волненіе, тѣмъ болѣе, что, благодаря Бога, все мое предшествующее поведеніе можетъ служить доказательствомъ, что я неспособенъ не только за нѣсколько тысячъ рейхсталеровъ, но и за сокровища всего свѣта сдѣлать хотя самонаименѣе отступленіе отъ порученія, возложеннаго на меня инструкціей моею всемилостивѣйшей государыни. Это странное предложеніе, равно какъ и тому подобныя искушенія, предполагающія подлыя и низкія чувства въ томъ, къ кому они относятся, оскорбительны для честнаго человѣка. Въ вышеупомянутомъ дѣлѣ, въ которомъ ея величество удостоила избрать меня мелкимъ орудіемъ своей воли, я буду безъ всякаго уваженія къ видамъ частныхъ лицъ и чуждымъ интересамъ, равно какъ и безъ всякаго посторонняго вознагражденія, исполнять свои обязанности, какъ слѣдуетъ честному человѣку. Но если бы дѣло это обратилось и въ вашу пользу, то всякій и безъ того долженъ помнить то, къ чему приличіе обязываетъ. Вашъ почтительный и покорнѣйшій слуга графъ Дивьеръ».

Такъ какъ дипломатическое порученіе, возложенное на Дивьера, заключалось лишь въ томъ, чтобы усилить русскую партію въ Курляндіи и завѣрить ее въ поддержкѣ Россіи при сопротивленіи посягательствамъ Рѣчи Посполитой, то онъ послѣ свиданій и разговоровъ съ нашими сторонниками счелъ свое посольство законченнымъ и, въ концѣ марта 1727 года, уѣхалъ изъ Митавы.

IV.

Здоровье императрицы Екатерины I было уже давно потрясено и въ началѣ 1727 года появились признаки, не предвѣщавшіе хорошаго исхода. Еще при жизни Петра Великаго вопросъ о томъ, кто будетъ его наслѣдникомъ, сильно волновалъ общество; для многихъ это былъ вопросъ о жизни и смерти, по крайней мѣрѣ, политической. Петръ, вынужденный обстоятельствами, взялъ на себя право назначить себѣ преемника по своему усмотрѣнію. Такое смѣлое рѣшеніе наносило новый ударъ уже распатанному коренными передѣлками зданію. Приверженцы Екатерины, возведя ее на престолъ, отдалили развязку роковаго вопроса, и теперь онъ снова возникалъ передъ ними со всѣми своими страшными послѣдствіями. Наслѣдниковъ было трое: двѣ дочери Екатерины, Анна, вышедшая замужъ за герцога Голштинскаго, и Елисавета, и внукъ Петра Великаго, двѣнадцатилѣтній великій князь Петръ Алексѣевичъ, сынъ царевича Алексѣя Петровича, отъ

брака его съ принцессой Шарлоттой Вольфенбюттельской. Народныя симпатіи всецѣло принадлежали юному Петру; за него стояли всѣ старинныя вельможи и вліятельные при русскомъ дворѣ послы Даніи и Австріи. Данія опасалась, чтобы власть не попала въ руки враждебнаго ей герцога Голштинскаго, а Австрія надѣялась на безчисленныя выгоды съ воцареніемъ въ Россіи племянника своей императрицы. Новые люди, «птенцы Петра Великаго», стремились всячески устранить Петра и возвести на престолъ одну изъ дочерей Екатерины. Въ числѣ этихъ новыхъ людей, сильныхъ своими дарованіями и заслугами, находились: Меншиковъ, Толстой, Ягужинскій, Макаровъ и др. Всѣ они были усердными помощниками Петра Великаго въ процессѣ несчастнаго царевича Алексѣя, подписали его смертный приговоръ и опасались, что сынъ жестоко отомститъ имъ за смерть отца. Придумывались разнообразныя комбинаціи (напримѣръ, женить Петра II на Елисаветѣ Петровнѣ), чтобы примирить противоположныя интересы, но всѣ онѣ рушились, потому что не удовлетворяли, не гарантировали ту или другую партію. Наконецъ, датскій посланникъ Вестфаленъ изобрѣлъ планъ, посредствомъ котораго можно было доставить корону Петру. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы отнять у партіи, враждебной Петру, ея могущественнаго главу Меншикова и заставить его дѣйствовать въ пользу Петра. Черезъ австрійскаго посланника, графа Рабутина, Меншикову была указана блестящая будущность, которая можетъ его ожидать при Петрѣ, если онъ выдастъ за него замужъ свою дочь, причемъ Рабутинъ, отъ имени австрійскаго императора, обѣщаль князю первое герцогство, которое только сдѣлается вакантнымъ въ имперіи. Меншиковъ съ радостью принялъ такое предложеніе, дававшее ему неожиданный и прекрасный выходъ изъ его затруднительнаго положенія. Екатерина, всѣмъ обязанная Меншикову, уступила его настойчивымъ просьбамъ и согласилась на этотъ бракъ. Можетъ быть, она сознавала невозможность отстранить отъ престола великаго князя въ пользу одной изъ своихъ дочерей и думала, что упрочиваетъ ихъ положеніе, соединяя съ будущимъ императоромъ человека, на признательность котораго имѣла право рассчитывать.

Какъ бы то ни было, вопросъ былъ рѣшенъ въ мартѣ 1727 года, и это рѣшеніе привело въ ужасъ цесаревнѣ и ихъ приверженцевъ. Обѣ цесаревны бросились къ ногамъ матери, заклиная ее подумать о гибельныхъ послѣдствіяхъ сдѣланнаго ею шага; къ нимъ присоединился и герцогъ Голштинскій. Сначала Екатерина колебалась, но потомъ, еще разъ секретно переговоривъ съ Меншиковымъ, объявила, что не возьметъ назадъ даннаго ею слова.

Въ это время вернулся въ Петербургъ Дивьеръ. Онъ былъ пораженъ, узнавъ о томъ, что произошло при дворѣ въ его отсутствіе. Смертельный врагъ его, отъ котораго нельзя ждать пощады, дѣлается тестемъ будущаго императора! Екатерина умретъ, и тогда у Меншикова будутъ развязаны руки. Пользуясь малолѣтствомъ государя, онъ захватитъ неограниченную власть и прежде всего обрушится на своихъ недоброжелателей и уничтожитъ ихъ. Дивьеръ видѣлъ впереди неизбѣжную гибель и терялъ голову, не зная, что предпринять, гдѣ искать спасенія...

Между тѣмъ Толстой ¹⁾ старался сплотить около себя единомышленниковъ, чтобы совмѣстно съ ними направить противъ Меншикова всѣ усилія и пружины и убѣдить Екатерину отступить отъ принятаго ею рѣшенія. Однако, дѣло оказалось труднымъ. Многие, почуявъ, гдѣ сила, уже передались на сторону Меншикова, или благоразумно устранились, выжидая дальнѣйшихъ событій. Толстому явно сочувствовали лишь герцогъ Голштинскій, его министръ Бассевичъ, престарѣлый генераль И. И. Бутурлинъ, А. Л. Нарышкинъ, Скорняковъ-Писаревъ, Ушаковъ и князь И. Долгорукій.

Узнавъ, что Дивьеръ вернулся изъ Митавы, Толстой послѣшилъ прѣхать къ нему.

— Знаешь ли ты, — спросилъ Толстой, — о сватовствѣ великаго князя на дочери Меншикова?

— Слышалъ объ этомъ, — отвѣчалъ Дивьеръ, — и удивляюсь, что же вы молчите? Меншиковъ овладѣлъ всѣмъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Лучше было бы, если бы меня въ верховный совѣтъ опредѣлили.

— Надо, — продолжалъ Толстой, — обстоятельно представить государынѣ о всѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти. Меншиковъ и такъ великъ, въ милости, и ежели сдѣлается по волѣ ея величества, не будетъ ли послѣ изъ того государынѣ какая противность? Онъ захочетъ больше добра великому князю, сдѣлаетъ его наслѣдникомъ, и бабушку его ²⁾ велитъ сюда привезти, а она права особливаго, жестокосерда, захочетъ выместить злобу и дѣла, которыя были при блаженной памяти государѣ, опровергнуть. Необходимо все это объяснить государынѣ, пусть ей будетъ извѣстно. По моему мнѣнію, лучше всего, чтобъ ея величество, ради собственнаго своего интереса,

¹⁾ Толстой особенно боялся воцаренія Петра II, такъ какъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей въ процессѣ царевича Алексѣя Петровича. Онъ обманнымъ образомъ выманилъ его изъ-за границы и предалъ въ руки грознаго отца.

²⁾ Царицу Евдокію Федоровну, постриженную Петромъ Великимъ и заточенную въ монастырѣ.

короновала при себѣ цесаревну Елисавету Петровну, или Анну Петровну, или обѣихъ вмѣстѣ. Тогда государынѣ будетъ благонадежнѣе, потому что онѣ родныя ея дѣти. Что касается великаго князя, то, когда онѣ здѣсь научится, то можно его послать за море погулять, какъ посылаются прочіе европейскіе принцы, а тѣмъ временемъ коронація утвердится.

Дивьеръ согласился со всѣмъ, что говорилъ Толстой, хотя, въ сущности, ему было все равно, кто наследуетъ Екатеринѣ. Онѣ боялся лишь одного—усиленія могущества Меншикова, и желалъ устраненія Петра единственно потому, что тотъ вступалъ въ бракъ съ дочерью его врага.

Пока Толстой переговаривался и обсуждалъ планъ дѣйствій то съ герцогомъ Голштинскимъ, то съ Бутурлинымъ, то съ Дивьеромъ и другими, рѣшительная минута наступила ранѣе, нежели ее ожидали. 10-го апрѣля у императрицы открылась горячка. Меншиковъ безотлучно находился при больной, подносилъ къ ея подписи указы и, вмѣстѣ съ канцлеромъ Головкинымъ, княземъ Д. М. Голицынымъ и Остерманомъ, сочинилъ для нея духовное завѣщаніе, которымъ наследникомъ престола назначался великій князь Петръ Алексѣевичъ, причѣмъ цесаревнамъ и «администраціи» вмѣнялось въ «обязанность» стараться о бракосочетаніи его съ дочерью князя Меншикова; въ вознагражденіе того, что цесаревны «уклонены отъ наследства отца своего», опредѣлялось выдать каждой изъ нихъ, сверхъ 300,000 приданнаго, еще по одному милліону наличными деньгами; до совершеннолѣтія Петра, управление государствомъ сосредоточивалось въ верховномъ тайномъ совѣтѣ.

Такимъ образомъ, Меншиковъ достигъ своихъ цѣлей и торжествовалъ. Оставалось только поскорѣе отдѣлаться отъ враговъ, и онѣ нетерпѣливо добивался случая, который далъ бы ему возможность однимъ разомъ сокрушить ихъ. Случай этотъ не замедлил представиться, благодаря необъяснимой неосторожности Дивьера, сдѣланной, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, ибо онѣ, по тогдашнему обычаю, любилъ выпить и часто безъ мѣры.

26-го апрѣля состоялся высочайшій указъ о назначеніи особой слѣдственной комиссіи для суда надъ Дивьеромъ, обвинявшимся въ слѣдующихъ преступленіяхъ;

«1) Понеже объявили намъ ихъ высочества, государыни цесаревны, что сего апрѣля 16-го дня, во время нашей, по волѣ Божьей, пружестокіи болѣзни пароксизмуса, всѣ доброжелательные наши подданные были въ превеликой печали, а Антонъ Дивьеръ, въ то время будучи въ домѣ нашемъ, не только не былъ въ печали, но веселился, и

плачущую Софью Карлусовну (Скавронскую, племянницу императрицы) вертѣлъ вмѣсто танцевъ и говорилъ ей: «не надобно плакать». 2) Въ другой палатѣ самъ сѣлъ на кровать и посадилъ съ собою его высочество великаго князя и нѣчто ему на ухо шепталъ; въ тотъ часъ и государыня цесаревна, Анна Петровна, въ безмѣрной бывъ печали и стоявъ у стола, въ той же палатѣ плакала; и въ такой печальный случай онъ, Дивьеръ, не вставъ противъ ея высочества и не отдавъ должнаго рабскаго респекта, но въ злой своей продерзости говорилъ ея высочеству, сидя на той кровати: «о чемъ печалишься: выпей рюмку вина». И говорилъ то, смѣясь, и предъ ея высочествомъ по рабской своей должности не вставалъ и респекта не отдавалъ. 3) Когда выходила въ ту палату государыня цесаревна Елисавета Петровна въ печали и въ слезахъ, и предъ ея высочествомъ по рабской своей должности не вставалъ и респекта не отдавалъ, и смѣялся о нѣкоторыхъ персонахъ. 4) Его высочество великій князь объявилъ, что Дивьеръ, въ то время, посадя его съ собою на кровати, говорилъ ему: «поѣдемъ со мной въ коляскѣ, будетъ тебѣ лучше и воля, а матери твоей не быть уже живой». И притомъ его высочеству напоминалъ, что его высочество сговорился жениться, а они за его невѣстою будутъ волочиться, а его высочество будетъ ревновать».

Дивьеръ отвѣчалъ, что 16-го апрѣля, въ домѣ ея величества, въ покояхъ, гдѣ дѣвицы сидятъ, попросилъ онъ у лакея пить и назвалъ его Егоромъ; князя Никиту Трубецкаго называли шутя товарищи его Егоромъ, и когда онъ, Дивьеръ, попросилъ у лакея пить и назвалъ его Егоромъ, то Трубецкой на это слово обернулся, и всѣ засмѣялись; великій князь спросилъ у него: «чему вы смѣетесь?», и онъ, Дивьеръ, ему объяснилъ, что Трубецкой этого не любить, и шепнулъ на ухо, что онъ къ тому же и ревнивъ. Софью Карлусовну вертѣлъ ли, не помнить. Цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ говорилъ упомянутыя слова, утѣшая ее. Цесаревна Елисавета Петровна сама не велѣла никому вставать. Великому князю означенныхъ въ обвиненіи словъ не говорилъ, а прежде говаривалъ часто, чтобъ изволилъ учиться, а какъ надѣлъ кавалерію, худо учится, и еще какъ сговорить жениться, станетъ ходить за невѣстою и будетъ ревновать, и учиться не станетъ.

Но Меншикову нужно было знать не то, чему смѣялся Дивьеръ и что онъ болталъ спяща. Ему нужно было, чтобы онъ выдалъ своихъ пріятелей. Поэтому на отвѣтъ Дивьера отъ имени императрицы послѣдовала такая резолюція: «Мнѣ о томъ великій князь самъ доносилъ самую истину; я и сама его, Дивьера, присмотрѣла въ его противныхъ поступкахъ и знаю многихъ, которые съ нимъ сообщники были, и понеже оное все чинено отъ нихъ было къ великому возмущенію,

того ради объявить Дивьеру послѣднее, чтобъ онъ объявилъ всѣхъ сообщниковъ».

Дивьеръ пробовалъ было заператься; но покорные Меншикову слѣдователи не стали съ нимъ церемониться. Его вздернули на дыбу, и послѣ двадцать пятаго удара онъ повинился во всемъ, назвалъ всѣхъ единомышленниковъ и сообщилъ свои разговоры съ ними. Меншиковъ страшно торопиль слѣдственную комиссію; она такъ поспѣшно вела дѣло, что окончила его въ десять дней. Въ докладѣ, представленномъ ею 6-го мая императрицѣ, было сказано, что преступники дерзали опредѣлять наследника російскаго престола по своему произволу, и замышляли противиться сватанью великаго князя, происходившему по высочайшей волѣ.

За нѣсколько часовъ до своей кончины, умирающая императрица слабѣющей рукой подписала указъ о наказаніи виновныхъ: «Дивьера и Толстова, лишивъ чина, чести и данныхъ деревень, сослать: Дивьера въ Сибирь; Толстова съ сыномъ Иваномъ въ Соловки; Бутурлина, лиша чиновъ, сослать въ дальнія деревни; Скорнякова-Писарева, лиша чиновъ, чести, деревень и, бивъ кнутомъ, послать въ ссылку; князя Ивана Долгорукова отлучить отъ двора и, унизя чиномъ, написать въ полевые полки; Александра Нарышкина лишить чина и жить ему безвыѣздно въ деревнѣ; Ушакова опредѣлить къ командѣ, гдѣ слѣдуетъ». Сдавая этотъ указъ для исполненія, Меншиковъ велѣлъ прибавить къ нему слова: «Дивьеру, при ссылкѣ, учинить наказаніе, бить кнутомъ».

15-го мая приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Несчастнаго Дивьера, еще не оправившагося отъ пытокъ, раздѣли и привязали къ «кобылѣ», и палачъ, который до сихъ поръ находился въ его распоряженіи и не разъ подвергался отъ него батогамъ за пьянство и другіе проступки, обрадовался случаю выместить на немъ свою злобу. По словамъ очевидцевъ, онъ съ такимъ разчитаннымъ звѣрствомъ наказывалъ своего бывшаго начальника, что каждый ударъ на спинѣ ложился одинъ къ другому, и не осталось ни одного мѣста не затронутаго кнутомъ.

Меншиковъ не пощадилъ и свою сестру. Ей было велѣно ѣхать на жительство съ четырьмя малолѣтними дѣтьми въ деревню. Пожалованная Петромъ Великимъ Дивьеру за службу, въ Ямбургскомъ уѣздѣ, деревня Зигорица была отобрана и подарена штабъ-лекарю Ягану Шульцу.

V.

Ненависть Меншикова къ Дивьеру и Скорнякову-Писареву, съ которымъ у него также были старинные счеты, не удовлетворилась понесенными ими униженіемъ и позоромъ. Съ свойственной ему жестокостью, онъ придумалъ для нихъ новую пытку, назначивъ мѣстомъ ссылки обоихъ Жиганское зимовье, въ Якутской области, на пустынномъ берегу Лены, въ 9,000 верстахъ отъ Петербурга и 800 отъ Якутска. Въ этомъ безлюдномъ мѣстѣ, куда только изрѣдка наѣзжали подъячій и переводчикъ для сбора ясака съ окрестныхъ якутъ и тунгусовъ, ссыльные были совершенно отрѣзаны отъ всего міра, нуждались во всемъ необходимомъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ были вынуждены питаться однимъ хлѣбомъ и рыбой, и даже рѣдко могли видѣться другъ съ другомъ, потому что сторожившему ихъ караулу было строго приказано не допускать общенія ихъ съ кѣмъ бы то ни было.

Паденіе Меншикова, смерть Петра II и восшествіе на престолъ Анны Ивановны прошли для нихъ безслѣдно. Неизвѣстно, почему Анна Ивановна и Биронъ не захотѣли облегчить участи Дивьера. Можетъ быть, у него были какія нибудь непріятныя столкновенія съ ними во время посылки его въ Курляндію, или, зная его за преданнаго слугу семьи Петра Великаго, они боялись, что, вернувшись въ Петербургъ, онъ явится дѣятельнымъ сторонникомъ устраненной отъ престола и любимой народомъ цесаревны Елисаветы.

Счастіе улыбнулось Скорнякову-Писареву ранѣе Дивьера. По окончаніи первой экспедиціи капитанъ-командора Беринга въ Камчатку, правительство нашло необходимымъ учредить въ Охотскомъ острогѣ, вмѣсто ясачной избы, охотское управленіе, независимое отъ Якутска, и устроить при устьѣ рѣки Охоты портъ. Дѣльныхъ администраторовъ въ Сибири не было, и Берингъ указалъ на Скорнякова-Писарева, какъ на человѣка способнаго и наиболѣе подходящаго для такого дѣла, тѣмъ болѣе, что онъ хорошо изучилъ инженерное и водяное искусство, состоя долгое время при Минихѣ во время сооруженія Ладожскаго канала. Согласно представленію Беринга, 23-го апрѣля 1731 года, сибирскій приказъ получилъ изъ сената указъ, въ которомъ между прочимъ, было сказано: «Григорій Скорняковъ-Писаревъ, который сосланъ въ Сибирь на поселеніе и находится въ Жиганскомъ зимовьѣ, опредѣленъ въ Охотскъ съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ главную команду надъ тѣмъ мѣстомъ». Жалованья ему назначалось 300 рублей въ годъ, «да хлѣба всякаго, какимъ онъ хочетъ взять», по сту четвертей и вина простого по сту ведеръ въ годъ. Ему поручалось главнымъ образомъ заселить Охотскъ,

завести тамъ верфь, устроить пристань, построить суда для перевозки изъ Камчатки мягкой рухляди и приложить стараніе о развитіи тамъ хлѣбопашества. На первое время, для поселенія въ Охотскѣ, были отправлены, вмѣсто каторги, неоплатные должники, въ числѣ 153 человекъ.

Скорняковъ-Писаревъ былъ дѣйствительно человекъ очень способный и умный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вздорный, неуживчивый, безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, не чистый на руку. Еще не доѣхавъ до Охотска, онъ уже поссорился съ якутскимъ воеводой Жадовскимъ, а на мѣстѣ у него начались постоянныя пререканія съ Берингомъ, капитаномъ Шпанбергомъ, возникли недоразумѣнія съ подчиненными, посыпались жалобы, доносы. Онъ предавался въ Охотскѣ пьянству и разврату, велъ самую разгульную жизнь, окружилъ себя цѣлымъ гаремомъ, бралъ взятки, не выдавалъ служащимъ жалованья, былъ жестокъ до звѣрства и т. п. Слухи о безчинствахъ Писарева дошли, наконецъ, до императрицы, и 13-го апрѣля 1739 года послѣдовалъ указъ: «На мѣсто въ Охотскѣ командира Григорія Скорнякова-Писарева опредѣлить изъ ссылочныхъ Антона Дивьера; а жалованье давать по тому-жъ, какъ опредѣлено Скорнякову-Писареву». Сибирскій приказъ 28-го августа сообщилъ объ этомъ Дивьеру, предписывая ему немедленно отправиться въ Охотскъ и при отправленіи принять присягу и прислать ее въ сенатъ. «И велѣно тебѣ—говорилось въ предписаніи приказа,—по прибытіи въ Охотскъ, смѣнить Писарева и поступать во всемъ по его инструкціи. А Писарева, по смѣнѣ, держать подъ арестомъ, а о доносахъ Беринга, Шпанберга и его, Писарева, другъ на друга, изслѣдовать накрѣпко». Вмѣстѣ съ тѣмъ, было написано и Писареву, чтобы онъ былъ послушенъ Дивьеру.

Въ апрѣлѣ 1740 года Дивьеръ былъ уже въ Иркутскѣ, а 8-го мая въ Верхоленскомъ острогѣ, откуда просилъ выслать къ нему изъ Иркутска приказныхъ. Въ какомъ именно мѣсяцѣ онъ прибылъ въ Охотскъ неизвѣстно, но только первое донесеніе его оттуда было отъ ноября 1740 года. Онъ нашелъ Охотскій портъ и команду въ самомъ бѣдственномъ положеніи: «люди претерпѣвали голодь, малымъ пропитаніемъ едва дни живота своего препровождали».

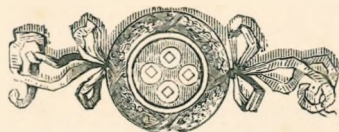
Съ обычной своей энергіей и добросовѣстностью Дивьеръ принялся за устраненіе беспорядковъ и злоупотребленій и приведеніе въ порядокъ ввѣреннаго ему дѣла. Онъ употребилъ все средства порта на постройку необходимыхъ зданій и судовъ, снарядилъ всемъ нужнымъ Беринга для его второй экспедиціи и даже завелъ школу, которая послужила основаніемъ штурманскому училищу сибирской флотиліи. Школа эта существовала болѣе ста лѣтъ и была разсадникомъ обра-

зованія для всего сѣверо-восточнаго края Сибири. По вступленіи своемъ въ командованіе портомъ, Дивьеръ арестовалъ Писарева, описалъ его имущество, продалъ часть съ аукціоннаго торга и вырученныя деньги употребилъ на удовлетвореніе команды жалованьемъ, котораго она не получала нѣсколько лѣтъ. При слѣдствіи, Дивьеръ раскрылъ всѣ злоупотребленія своего предшественника и донесъ о нихъ сенату. Донесеніе это было получено въ Петербургъ за нѣсколько дней до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны и послужило имъ обоимъ въ пользу. Императрица вспомнила о нихъ, и 1-го декабря 1741 года состоялся именной указъ: «Обрѣтающимся въ Сибири Антону Дивьеру и Скорнякову-Писареву вины ихъ отпустить и изъ ссылки освободить». Указъ этотъ былъ полученъ въ Иркутскѣ 3-го марта, а въ Охотскѣ 26-го іюня 1742 года. Писаревъ въ это время все еще содержался подъ арестомъ.

11-го іюля Дивьеръ сдалъ свою должность и выѣхалъ изъ Охотска, а вслѣдъ за нимъ отправился и Писаревъ. По возвращеніи ихъ въ столицу, высочайшимъ указомъ 23-го апрѣля 1743 года имъ возвращены прежніе чины, ордена и имѣнія, а Дивьеру и графское достоинство съ назначеніемъ снова генераль-полиціймейстеромъ столицы.

Но Дивьеру недолго пришлось пользоваться возвращенными ему благами жизни. Пятнадцатилѣтнія страданія и лишенія совершенно надломили его здоровье; онъ постоянно хворалъ и умеръ 24-го іюня 1745 года.

Въ настоящее время, на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры можно отыскать, хотя и не безъ труда, полувросшую въ землю расколотую плиту, прикрывающую прахъ перваго петербургскаго генераль-полиціймейстера, на которой еще уцѣлѣла надпись: «Генераль-аншефъ графъ Антонъ Мануиловичъ Дивьеръ... погребенъ 27-го іюня 1745 года».

Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны¹⁾.

ИМПЕРАТРИЦА Анна Ивановна вступила на престолъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, испытавъ до этого много горя, неспрiятностей и униженій. Съ дѣтства не любимая матерью, она выросла на рукахъ мамокъ, среди распущенной дворни и разнаго рода ханжей, юродивыхъ и святошъ, постоянно наполнявшихъ домъ царицы Прасковьи Ѳеодоровны, прозванный Петромъ Великомъ «госпиталемъ всевозможныхъ уродовъ и пустосвятовъ». Хотя царица и нанимала для своихъ дочерей учителей-иностранцевъ: нѣмца Іоанна-Дитриха Остермана и француза Рамбурха, но ученіе этихъ педагоговъ принесло царевнамъ мало пользы; по крайней мѣрѣ, Анна Ивановна, не смотря на то, что впослѣдствіи долгое время жила въ Курляндіи, окруженная нѣмцами, никогда не выучилась свободно говорить по-нѣмецки и тщательно избѣгала объясненій на

¹⁾ Источники: 1) Исторія Россіи. С. М. Соловьева, т. 19.—2) О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Кн. Щербатова. «Рус. Старина», 1870, т. 2.—3) Подлинное описаніе Ледянаго дома. Крафта. Спб. 1741.—4) Записки о родѣ князей Голицыныхъ. Серчевскаго. Спб. 1853.—5) Письма и указы императрицы Анны Ивановны С. А. Салтыкову. «Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн». 1878, кн. 3.—6) Записки Миниха-сына. Спб. 1817.—7) Семейство Монсовъ. Семевскаго. Спб. 1862.—8) Внутренній бытъ русскаго государства въ 1740 и 1741 годахъ. М. 1880, ч. I.—9) О придворныхъ шутахъ времени Анны Ивановны. Лонгинова. «Моск. Вѣдомости», 1857, №№ 132 и 135.—10) «Рус. Архивъ», 1864 (Письмо придворнаго шута Петра Мира).

этомъ языкѣ. Семнадцати лѣтъ Анна Ивановна была выдана замужъ за герцога курляндскаго Фридриха-Карла и черезъ два мѣсяца послѣ брака овдовѣла. Петръ Великій поселилъ молодую вдову въ Митавѣ, подъ надзоромъ гофмейстера Петра Михайловича Бестужева-Рюмина, и приказалъ отпускать ей на содержаніе изъ курляндскихъ доходовъ «столько, безъ чего прожить нельзя», такъ что герцогиня всегда нуждалась въ деньгахъ и для пріобрѣтенія ихъ должна была прибѣгать къ униженнымъ просьбамъ и займамъ. Имущественное положеніе Анны Ивановны въ Курлянді лучше всего рисуется въ ея собственноручномъ письмѣ къ Петру Великому, написанномъ въ 1722 году:

«Всемиловѣйшій государь батюшка-дядюшка!

«Извѣстно вашему величеству, что я въ Митаву съ собою ничего не привезла, а въ Митавѣ-жъ ничего не получила и стояла въ пустомъ мѣщанскомъ дворѣ, того ради, что надлежитъ въ хоромы, до двора, поварни, конюшни, кареты и лошади и прочее,—все покупано и дѣлано вновь. А приходъ мой деньгами и припасами всего 12,680 талеровъ: изъ того числа въ расходъ въ годъ по самой крайней нуждѣ къ столу, поварнѣ, конюшнѣ, на жалованье и на ливрею служителямъ, и на содержаніе драгунской роты — всего 12,254 талера, а въ остаткѣ только 426 талеровъ. И такимъ остаткомъ какъ себя платьемъ, бѣльемъ, кружевами и, по возможности, алмазами и серебромъ, лошадьми, такъ и прочимъ въ новомъ и пустомъ дворѣ не только по моей чести, но и противъ прежнихъ курляндскихъ вдовствующихъ герцогинь весьма содержать себя не могу. Также и партикулярныя шляхетскія жены ювели (т. е. ювелирные) и прочіе уборы имѣютъ не убогія, изъ чего мнѣ въ здѣшнихъ краяхъ не безподозрительно есть. И хотя я, по милости вашего величества, пожалованными мнѣ въ прошломъ 1721 году деньгами и управила нѣкоторыя, самыя нужные домовые и на себѣ уборы, однако еще много на себѣ долгу за крестъ и складень брилліантовый, за серебро и за уборъ камаоръ и за нынѣшнее черное платье (т. е. трауръ)—10,000 талеровъ, которыхъ мнѣ ни по которому образу заплатить невозможно. И впредь для всегдашнихъ нужныхъ потребъ принуждена въ долгъ больше входить, а не имѣя чѣмъ платить и кредиту нигдѣ не будетъ».

Раннее и бездѣтное вдовство, въ странѣ слабой, за вліяніе надъ которой спорили три сильныхъ сосѣда, сдѣлало изъ Анны Ивановны игрушку политическихъ соображеній. Всѣ бѣдные принцы дабивались ея руки, чтобы получить въ приданое Курляндію; планы о ея бракѣ составлялись и раздѣльвались, смотря по отношеніямъ между Россіей, Польшей и Пруссіей.

Положеніе герцогини, тягостное при ея великомъ дядѣ, распорядившемся всѣми дѣлами племянницы, какъ своими собственными, не

улучшилось ни при Екатеринѣ I, ни при Петрѣ II. Она встрѣчала всюду только огорченія и препятствія. Унизительная роль, которую Аннѣ Ивановнѣ приходилось играть такъ долго, была особенно чувствительна для нея, одаренной отъ природы характеромъ жестокимъ, гордымъ, властолюбивымъ. На тридцать седьмомъ году, судьба, казалось, улыбнулась ей: «благородное российское шляхетство» избрало ее императрицей. Однако и тутъ примѣшалось неожиданное препятствіе: вмѣстѣ съ актомъ избранія, депутаты привезли въ Митаву ограничительные пункты. Наконецъ, Аннѣ Ивановнѣ удалось разорвать связывавшія ее путы и сдѣлаться самодержавной; но тутъ въ сердце пожилой императрицы, и безъ того наполненное горькими воспоминаніями, вкралось новое, роковое сомнѣніе: дадутъ ли спокойно пользоваться властью? Благодаря энергическому движенію гвардіи, пункты, ограничивавшіе самодержавіе, были уничтожены; но между знатыми и сильными людьми осталось много недовольныхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ къ нимъ могли пристать и другіе, а въ Голштиніи росъ опасный соперникъ, — родной внукъ Петра Великаго или «чертушка», какъ называла его Анна Ивановна. Стремясь удержаться на шаткомъ престолѣ, она, по необходимости, должна была сосредоточить власть въ рукахъ людей вполне ей преданныхъ, интересы которыхъ были тѣсно связаны съ ея интересами и которымъ грозила бы неминуемая бѣда, еслибы власть перешла въ руки русской знати. Эти люди были иностранцы. Но возвышеніемъ иноземцевъ и особенно одного изъ нихъ, не имѣвшаго въ глазахъ народа никакого права на возвышеніе, оскорблялись русскіе. Анна Ивановна, при своемъ неоспоримомъ умѣ, конечно, сознавала это и потому не могла быть спокойной. Она жила въ постоянномъ страхѣ, тревожно и подозрительно осматриваясь по сторонамъ. Чтобы успокоиться и забыться среди тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, для женщины, неспособной, подобно Аннѣ Ивановнѣ, уходить во внутренній міръ души и вызывать оттуда успокоеніе, оставалось одно средство — внѣшнія развлеченія, празднества, окруженіе себя существами, которыя развлекали бы каждую минуту и гнали бы далеко докучную мысль и тяжелое чувство.

Русскій дворъ, отличавшійся при Петрѣ Великомъ своею малочисленностью и простотой обычаевъ, совершенно преобразился при Аннѣ Ивановнѣ. Императрица хотѣла непремѣнно, чтобы дворъ ея не уступалъ въ пышности и великолѣпніи всѣмъ другимъ европейскимъ дворамъ. Она учредила множество новыхъ придворныхъ должностей и завела многочисленный штатъ служителей, итальянскую оперу, балетъ, нѣмецкую труппу, два оркестра музыки; приказала выстроить, вмѣсто довольно тѣснаго императорскаго зимняго дома,

большой трехъ-этажный каменный дворець, вмѣщавшій въ себѣ церковь, театральную и тронную залы и семьдесятъ покоевъ различной величины, роскошне меблированныхъ и отдѣланныхъ. При дворѣ начались торжественные приемы, празднества, балы, маскарады, спектакли, иллюминаціи, фейерверки и тому подобныя увеселенія. Любовь императрицы къ пышности и блеску не только истощила государственную казну, но вовлекла въ громадныя расходы придворныхъ и вельможъ, которые, соревнуя другъ передъ другомъ, старались угодить вкусамъ Анны Ивановны и тѣмъ обратить на себя ея вниманіе. «Многіе изъ знатныхъ людей, — говоритъ современникъ (князь М. М. Щербатовъ) — стали имѣть открытые столы; вмѣсто сдѣланной изъ простого дерева мебели, начали не иную употреблять, какъ англійскую, сдѣланную изъ краснаго дерева мегатеня; дома увеличились и вмѣсто малаго числа комнатъ уже по множеству стали имѣть; стали дома сіи обивать штофными и другими обоями, почитая непристойнымъ имѣть комнату безъ обоевъ; зеркала, которыхъ сперва весьма мало было, уже во все комнаты и большіе стали употреблять. Экипажи тоже великолѣпіе восчувствовали, богатыя, позлащенные кареты, съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ, съ золотыми и серебряными бахрамами, лучшія и дорогія лошади; богатыя, тяжелыя, позлащенные и посеребренные шоры, съ кутасами шелковыми, и съ золотомъ, или серебромъ, также богатыя ливреи стали употребляться. Всякая роскошь приключаетъ удовольствіе и нѣкоторое спокойствіе, а потому приемлется всемія съ охотою и по мѣрѣ пріятности своей распространяется. А отъ сего, отъ великихъ перенимая малые, повсюду начала она являться. Вельможи, проживаясь, привязывались болѣе ко двору, яко къ источнику милостей, а низшіе, — по вельможамъ, для той же причины». Правда, попойки, которыми прежде непременно оканчивались всякія торжества и собранія, теперь были совершенно изгнаны изъ придворныхъ обычаевъ, потому что Анна Ивановна не могла видѣть и боялась пьяныхъ; но зато при дворѣ появились азартныя игры и нерѣдко въ одну ставку въ фараонъ или квинтичь (Quinze) проигрывалось до двадцати тысячъ рублей. Сама императрица не была пристрастна къ игрѣ, и если играла, то для того, чтобы проиграть. Въ такихъ случаяхъ она держала банкъ и ставить могли лишь тѣ, кого она называла. Выигравшій тотчасъ же получалъ деньги, а съ проигравшаго императрица никогда не требовала уплаты. Кромѣ картъ, на придворныхъ банкетахъ играли еще въ шахматы и на билліардѣ, для чего были даже устроены особыя комнаты, носившія названія «шахматной» и «билліардной». Угощеніе на придворныхъ празднествахъ было всегда обильное, хотя и довольно однообразное; къ

обѣду или ужину обыкновенно подавались, во всѣхъ возможныхъ видахъ, говядина, телятина, ветчина, дичь, аршинныя стерляди, щуки и другія рыбы, грибныя блюда, паштеты, «кабаньи головы въ рейнвейнѣ», «шпергель» (спаржа), гороховыя стручья и т. д. Всѣ кушанья щедро приправлялись пряностями: корицею, гвоздикомъ, перцемъ, мускатнымъ орѣхомъ и даже «тертымъ оленьимъ рогомъ». Изъ сластей употреблялись: «шалей», т. е. желе, мороженое, конфекты, цукербродъ, разнообразныя варенья, пастилы и мармелады, имбирь въ патокѣ; загѣмъ фрукты, каштаны, орѣхи и т. п. Изъ напитковъ подавались водки разнаго сорта, наприимѣръ, «приказная», «коричневая», «гданская», «боярская», рѣтѣя; вина: шампанское, рейнвейнъ, сектъ, «базаракъ», «корзикъ», венгерское, португальское, шпанское, волошское, бургонское, пиво, поль-пиво, медъ, квасъ, кислыя щи и т. п. На расходы по придворному столу, указомъ 1733 г., было велѣно отпускать ежегодно по 67,000 руб. При парадныхъ обѣдахъ, скатерти искусно перевязывались алыми и зелеными лентами и подшпиливались булавками, а столы украшались разными фигурами и «атрибутами»; была даже устроена особая «гора банкетная деревянная, сверху корона съ крестомъ, и скипетръ и мечи золоченые». Кромѣ того, ставились въ пирамидахъ искусственные цвѣты, большой запасъ которыхъ постоянно хранился у кухеншрейбера,—такъ въ 1739 г. у него имѣлось: 9,525 цвѣтовъ, сдѣланныхъ изъ перьевъ «на итальянскій вкусъ» и 8,570 штукъ цвѣтовъ «малыхъ, китайскихъ, бумажныхъ, на проволоку, разнымъ манеромъ»; залы освѣщались восковыми свѣчами «съ золотомъ и безъ золота», а на свѣчи надѣвались «налѣпленныя банкетныя, большой и малой руки, бѣлыя, желтыя и др.».

Въ дворцовой театральной залѣ представлялись итальянскія оперы, комедіи и интермедіи съ балетами. Итальянская труппа, которой управлялъ извѣстный тогда композиторъ — капельмейстеръ Арайя, была выписана въ Россію въ 1733 г. Въ составъ ея входили «комедіанты», пѣвчіе, танцоры и музыканты, исполнявшіе концертную музыку и игравшіе во время торжественныхъ сѣдѣвъ. Постановкой балетовъ завѣдывалъ учитель танцевъ въ шляхетскомъ корпусѣ, Ланде; онъ завелъ собственную танцевальную школу, въ которую императрица сама выбрала изъ дворцовой прислуги двѣнадцать красивыхъ дѣвочекъ и двѣнадцать мальчиковъ; изъ нихъ впоследствии вышли очень хорошіе танцовщики и танцовщицы. Нѣмецкая труппа существовала съ 1738 по 1740 годъ; она была выписана изъ Лейпцига и представляла комедіи и фарсы. Русскія пьесы, большею частью, «сказки въ лицахъ и діалогахъ», ставились весьма рѣдко и разыгрывались придворными кавалерами и дамами. Кромѣ того, при дворѣ числился

«комедіантъ персидскаго манера» по фамиліи Лазаревъ. Какого рода было его мастерство, неизвѣстно, но изъ того обстоятельства, что онъ обучалъ своихъ учениковъ «разнымъ штукамъ» и что для представленій его требовались такіе предметы, какъ «сабли», «перчатки» и т. п., можно заключить, что онъ былъ фокусникъ и акробатъ; любопытно, что въ числѣ его учениковъ находилась одна «капральская дочь». Мѣста въ театральныя представленія раздавались безденежно, по чидамъ и званію зрителей.

Шуть Балакиревъ.
Съ старинной литографіи.

Извѣстно, что господствующей страстью Бирона были лошади. По этому поводу Маништейнъ занесъ въ свои записки слѣдующую остроуту, сказанную австрійскимъ посланникомъ Остейномъ: «когда графъ Биронъ говоритъ о лошадяхъ, онъ говоритъ какъ человѣкъ; когда же онъ говоритъ о людяхъ и съ людьми, то выражается какъ лошадь». Императрица поручила знаменитому архитектору, графу Растрелли, воздвигнуть вблизи дворца огромный манежъ, или, какъ тогда называли, «конскую школу», роскошно украшенную снаружи и внутри. Конюшенный штатъ состоялъ изъ 393 служителей и мастеровыхъ и 379 лошадей, содержаніе которыхъ обходилось ежегодно въ 58,000 руб.

Однихъ только сѣделъ по списку 1740 г. хранилось 212 штукъ и въ числѣ ихъ значились, напримѣръ, такіе: «сѣдло турецкое съ яхонтами и изумрадами, при немъ серебряныя, вызолоченныя стремяна съ алмазами и яхонтовыми искрами, удило серебряное, мундштучное, оголовъ и наперсть съ золотымъ съ алмазами наборомъ, решма серебряная, вызолоченная съ алмазами, чендаръ глазетовый, шитый серебромъ». Анна Ивановна, посѣщавшая манежъ сперва изъ угожденія своему любимцу, потомъ сама пристрастилась къ лошадямъ и, не смотря на свои сорокъ лѣтъ и полноту, даже выучилась ѣздить верхомъ. Въ манежѣ для нея была отдѣлана особая комната, гдѣ она нерѣдко занималась дѣлами и давала аудіенціи.

Анна Ивановна очень любила всякихъ птицъ и въ особенности «пѣвчихъ» и «ученыхъ» и была страстной ружейной охотницей. Почти во всѣхъ комнатахъ дворца висѣли кѣтки, въ которыхъ пѣли и стрекотали разныя канарейки, чижи, соловьи, скворцы, свигири, параклитки, перепела, египетскіе голуби и т. д. При попугаяхъ состояла особая смотрительница, нѣмка Варлендъ, обучавшая ихъ говорить. Въ одномъ изъ дворцовыхъ садовъ были выстроены отдѣльныя зданія, называвшіяся «менажеріями», гдѣ содержались и размножались всевозможныя породы птицъ. Очень часто птицъ этихъ выпускали въ садъ, примыкавшій къ дворцу, и императрица забавлялась тѣмъ, что стрѣляла ихъ изъ ружья или изъ лука.

Придворныя охоты составляли предметъ особенной заботы Анны Ивановны, и она лично дѣлала всѣ распоряженія, ихъ касавшіяся. Неоднократными указами всѣмъ частнымъ лицамъ строжайше воспрещалось, подъ страхомъ ссылки въ каторжныя работы, охотиться на разстояніи 30 верстъ отъ Петербурга и близъ лежащихъ мѣстъ. Придворныя охоты содержались въ Петербургѣ, Петергофѣ и Москвѣ; онѣ находились въ вѣдѣніи канцеляріи егермейстерскихъ дѣлъ и на нихъ ежегодно расходовалось до 18,000 рублей. По всей Россіи покупались, ловились и доставлялись въ «звѣровыя дворы» всевозможныя звѣри: медвѣди, волки, кабаны, олени, дикія козы, лисицы, барсуки, рыси, зайцы и такъ далѣе. О количествѣ ихъ можно судить изъ того, что, напримѣръ, въ 1740 г., изъ одной Москвы было прислано 600 штукъ русаковъ. Охотничьи собаки были самыхъ разнообразныхъ породъ: борзья, гончія, медеянскія, датскія, лягавыя, «такселл» (таксы), «бассеты», «биклеса», «хорты», «русскія» и т. п. По «ягть-штату» опредѣлено было содержать только 138 собакъ, но въ дѣйствительности число ихъ всегда значительно превышало эту норму; такъ, въ 1740 г. нашъ посоль въ Парижѣ князь Кантеміръ купилъ для императрицы за 1,100 рублей 34 пары собакъ «бассе-

товъ», а велѣдъ затѣмъ посоль въ Англіи, князь Щербатовъ, прислалъ пріобрѣтенныя имъ за 2,234 рубля 63 пары гончихъ, биклесовъ, борзыхъ и хортовъ. При собакахъ состояли: одинъ оберъ-егерь, четыре егеря, шесть пикеровъ, десять охотниковъ, восемь наваршиковъ, три тенетника и четыре служителя. Любимымъ мѣстомъ охоты императрицы былъ Петергофскій паркъ. Для охоты въ паркѣ обыкновенно разставлялись «полотна», между которыми гончія собаки гоняли звѣрей; полотнѣ этихъ требовалось такое громадное количество, что для храненія ихъ былъ выстроены отдѣльный цейхгаузъ, находившійся въ вѣдѣніи цейхъ-кнехта. Практиковался еще способъ охоты, называвшійся «парфорсъ-яхтъ». Онъ заключался въ томъ, что первоначально устраивалась облава, а затѣмъ цѣлое общество охотниковъ травило и стрѣляло разнаго рода звѣрей; для доставленія охотниковъ къ мѣсту охоты держались особыя экипажи «яхтъ-вагены». Ружья для императрицы изготовлялись преимущественно на Сестрорѣцкомъ заводѣ и отличались богатой отдѣлкой, золотыми насѣчками, фигурными ложками; во время охоты они заряжались всегда оберъ-егеремъ Бемомъ, причемъ пули вкладывались въ гильзы, смазанныя саломъ. Императрица стрѣляла отлично, почти безъ промаха, и нерѣдко убивала пулей птицъ въ летъ. Объ охотничьихъ ея подвигахъ иногда публиковалось въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»; такъ, въ № 64, за 1740 годъ, напечатано слѣдующее извѣстіе: «Съ 10-го іюня по 26-е августа ея величество, для особеннаго своего удовольствія, какъ парфорсъ-яхтою, такъ и собственноручно, слѣдующихъ звѣрей и птицъ застрѣлить изволила: 9 оленей, 16 дикихъ козъ, 4 кабана, 1 волка, 374 зайца, 68 дикихъ утокъ и 16 большихъ морскихъ птицъ». Кромѣ охоты, лѣтомъ Анна Ивановна развлекалась уженьемъ рыбы, катаньемъ на плюпкахъ, изъ которыхъ была составлена небольшая флотилія съ 24 матросами, подъ командою флотскаго офицера, или катаньемъ по парку «въ качалкахъ», маленькихъ колясочкахъ, запряженныхъ малорослыми лошадами.

Въ обыкновенные дни, когда не было при дворѣ пріемовъ, императрица любила проводить время въ комнатахъ своего любимца или у себя въ спальнѣ, среди шутовъ и приживалокъ. Надѣвъ капотъ изъ турецкой матеріи небесно-голубого или зеленаго цвѣта, предпочитаемаго ею другимъ, и повязавъ, по-мѣщански, голову краснымъ платкомъ, она вышивала съ женою Бирона, съ которой была очень дружна, въ пяльцахъ или играла съ ея дѣтьми въ мячъ, воланъ, пускала имъ змѣи, забавлялась ихъ шалостями и выходками, часто грубыми и дерзкими, но всегда проходившими безнаказанно для этихъ испорченныхъ баловней. Шутовъ и приживалокъ разнаго рода состояло

при императрицѣ множество. Среди нихъ были карлы, карлицы, татарчата, калмычата, калмычки, персіянки, арабки, монахини, разныя старухи, называвшіяся «сидѣльницами» и т. п. Иныя изъ нихъ носили особыя прозвища, указывающія на ихъ физическіе недостатки или особенности, напримѣръ, «Мать Безножка», «Дарья Долгая», «Акулина Лобанова», «Дѣвушка Дворянка», «Екатерина Кокша», «Баба Материна» и проч. Всѣ онѣ были обязаны болтать безъ умолку и Анна Ивановна просиживала цѣлые часы, слушая ихъ глупую болтовню и смотря на ихъ кривлянья. Личностей, обладавшихъ завиднымъ для многихъ даромъ говорить, не уставая, всякій вздоръ, розыскивали по всей Россіи и немедленно препровождали ко двору. Въ государственномъ архивѣ сохранилось нѣсколько собственноручныхъ писемъ Анны Ивановны, доказывающихъ ея заботливость о пополненіи своего интимнаго штата разными болтунями и дурами. Такъ, напримѣръ, императрица писала въ Москву: «у вдовы Загряжской, Авдотьи Ивановны, живетъ одна княжна Вяземская, дѣвка; и ты ее сыщи и отправь сюда, только, чтобъ она не испужалась, то объяви ей, что я беру ее изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы, какъ сказываютъ, что она много говоритъ». Въ другой разъ государыня писала въ Переяславль: «поищи въ Переяславлѣ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣвокъ, или изъ посадскихъ, которая бы похожа была на Татьяну Новокщенову, а она, какъ мы чаемъ, что уже скоро умереть, то чтобы годны были ей на перемѣну; ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя бы были лѣтъ по сорока и также-бъ говорливы, какъ та, Новокщенова, или какъ были княжны Настасья и Анисья Мещерскія».

До насъ дошелъ любопытный рассказъ жены управляющаго дворцовымъ селомъ Дѣдиновымъ, Настасьи Шестаковой, о томъ, какъ въ іюнѣ 1738 г. она провела день во дворцѣ у императрицы. Рассказъ этотъ такъ ярко и вмѣстѣ съ тѣмъ безыскусственно рисуетъ домашній бытъ Анны Ивановны, что мы приводимъ его цѣликомъ:

«Божіею милостію и заступленіемъ пресвятыя Богородицы и повелѣніемъ ея императорскаго величества приведена была во дворецъ лѣтній, и привели меня въ дежурную къ Андрею Ивановичу Ушакову, а его превосходительство велѣлъ меня проводить чрезъ садъ въ покой, гдѣ живетъ княгиня Аграфена Александровна Щербатая, и какъ шла садомъ, стоялъ лакей на дорогѣ и спросилъ: «не вы ли Филатовна?» И я о себѣ сказала: «я». И взялъ меня лакей и довелъ меня до крыльца передъ почивальню и привелъ къ княгинѣ. Княгиня пошла и доложила обо мнѣ, и изволили ея императорское ве-

личество прислать Анну Федоровну Юшкову: «не скучно-ль тебѣ, Филатовна, посиди», и посадила со мною отъ скуки говорить Анну Федоровну Волкову, полковницу. А какъ пришло время обѣдать, посадили за столъ съ княгинею Голицыною, съ полковницею Анною Васильевною, съ Парасковьею Дмитриевною Кольшпкиною, съ Акулиною Васильевною, съ Марьею Михайловною Возницыною, съ каморь-юнфорою Матреною Евстифьевною, съ Маргаритою Федоровною, съ матерью Александрю Григорьевною, а иныхъ и не упомяну».

«А какъ пришелъ часъ вечерни, изволила ея величество прислать Анну Федоровну Юшкову: «ночуй-де у меня, Филитовна!» И я сказала: «воля ея императорскаго величества». А какъ изволила откушать ввечеру и изволила раздѣться, то меня княгиня привела въ почивальную предъ ея величество, и изволила меня къ ручкѣ пожаловать и тѣшилась: взяла меня за плечо такъ крѣпко, что съ тѣломъ захватила, ажно больно мнѣ было. И изволила привести меня къ окну и изволила мнѣ глядѣть въ глаза, сказала «стара очень, никакъ была Филатовна — только пожелтѣла». И я сказала: «уже, матушка, запустила себя: прежде пачкавалась бѣлилами, брови марала, румянилась». И ея величество изволила говорить: «румяниться не надобно, а брови марай». Много тѣшилась и изволила про свое величество спросить: «старая стала, Филатовна?» И я сказала: «никакъ матушка, ни маленькой старинки въ вашемъ величествѣ!» — «Какова же я толщиною съ Авдотью Ивановну?» И я сказала: «нельзя, матушка, смѣнить ваше величество съ нею, она вдвое толще». Только изволила сказать: «вотъ, вотъ, видишь ли!» А какъ замолчу, то изволила сказать: «ну, говори, Филатовна!» И я скажу: «не знаю, что, матушка, говорить: душа во мнѣ трепещется, дай отдохнуть». И ея величеству это смѣшно стало, изволила тѣшиться: «поди ко мнѣ поближе». И мнѣ стала ея величества милость и страшна и мила, упала передъ ножками въ землю и цѣлую юбочку. А ея величество тѣшится: «подымите ее». А княгиня меня тащитъ за рукавъ кверху, я и пуще не умѣю встать. И такъ моя матушка свѣтла была, что отъ радости ночью плакала и спать не могла. «Ну, Филатовна, говори!» «Не знаю, матушка, что говорить». — «Разсказывай про разбойниковъ!» Меня уже горе взяло: «я молъ съ разбойниками не живала». И изволила приказывать, что я дѣлаю, скажи Авдотѣ Ивановнѣ. И долго вечеромъ изволила сидѣть и пошла почивать, а меня княгиня опять взяла къ себѣ, а княгиня живетъ передъ почивальнею. А по утру меня опять привели въ почивальную предъ ея величествомъ въ десятомъ часу, и первое слово изволила сказать: «чаю тебѣ не мягко спать было?» И опять упала въ землю предъ ея величествомъ и изволила тѣшиться: «подымите ее; ну, Филатовна, разсказывай!»

И я стала говорить: «вчера, матушка, день я сидѣла, какъ къ исповѣди готовилась: сердце все во мнѣ трепетало». И ея величество тѣшилась: «а нынѣ что?» «А сегодня, матушка, къ причастью готовилась». И такъ изволила моя матушка свѣтла быть, что сказать не умѣю. «Ну, Филатовна, говори!» И я скажу: «не знаю уже что говорить, всемилостивая». — «Гдѣ твой мужъ и у какихъ дѣлъ?» И я сказала: «въ селѣ Дѣдиновѣ въ Коломенскомъ уѣздѣ управителемъ». Матушка изволила вспомнить: «вы-де были въ новгородскихъ?» — «Тѣ моль волости, государыня, отданы въ Невскій монастырь». — «Гдѣ-жъ де вамъ лучше, въ новгородскихъ или въ коломенскихъ?» И я сказала: «въ новгородскихъ лучше было». И ея величество изволила сказать: «да для тебя не отнимать ихъ стать. А гдѣ вы живете, богаты ли мужики!» — «Богаты, матушка». — «Для чего-жъ вы отъ нихъ не богаты?» — «У меня моль мужъ говоритъ, всемилостивѣйшая государыня, какъ я лягу спать, ничего не боюсь, и подушка въ головахъ не вертится». И ея величество изволила сказать: «эдакъ лучше, Филатовна: не пользуетъ имѣнія въ день гнѣва, а правда избавляетъ отъ смерти». И я въ землю поклонилась. А какъ замолчу, изволила сказать: «ну Филатовна, говори». И я скажу: «матушка, уже все высказала». — «Еще не все сказала: скажитко, стрѣляютъ ли дамы въ Москвѣ?» — «Видѣла я, государыня, князь Алексѣй Михайловичъ (Черкасскій) учить княжну стрѣлять изъ окна, а поставлена мишень на заборѣ». — «Попадаетъ ли она?» — «Иное, матушка, попадаетъ, а иное кривенько». — «А птицъ стрѣляетъ ли?» — «Видѣла, государыня, посадили голубя близко мишени и застрѣлила въ крыло, и голубъ ходилъ на кривобокъ, а другой разъ уже пристрѣлила». — «А другія дамы стрѣляютъ ли?» — «Не могу, матушка, донести, не видывала». Изволила мать моя милостиво разспрашивать, покамѣсть кушать изволила. А какъ убратъся изволила, то пожаловала къ ручкѣ: «Прости, Филатовна, я опять по тебя пришлю: поклонись Григорью Петровичу, Авдотѣ Ивановнѣ». И изволила приказать Аннѣ Федоровнѣ Юшковой: «вели отвести Филатовну на верейкѣ лакеямъ, да и проводить». И пожаловала мнѣ сто рублей; изволила сказать: «я-де помню село Дѣдиново: съ матушкою ѣздилла молиться къ Миколѣ». А я молвила: «нутко моль, матушка, нынѣ пожалуй къ Миколѣ-то Чудотворцу помолитесь». И ея величество изволила сказать: «молись Богу, Филатовна, какъ миръ будетъ». Изволила меня послать, чтобы я ходила по саду: «Погляди, Филатовна, моихъ птицъ». И какъ привели меня въ садъ, и ходятъ двѣ птицы величиною и отъ копыты вышиною съ большую лошадь, копыты коровы, колѣнки лошадиныя, бедра лошадиныя, а какъ подынешь крыло — бедра голы, какъ тѣло птичье,

а шея какъ у лебедя длинна, мѣръ въ семь или восемь, длиннѣе лебязьей; головка гусиная и носокъ меньше гусинаго; а перья на ней такое, что на шляпахъ носятъ. И какъ я стала дивиться такой великой вещи и промолвила: «какъ-та ихъ зовутъ», то остановилъ меня лаксй: «постой». И побѣжалъ отъ меня во дворецъ и прибѣжа ко мнѣ возвратно: «изволила государыня сказать: эту птицу зовутъ строкофамиль; она де яйца тѣ несетъ, что въ церквахъ по панакадиламъ привѣшиваютъ».

Состоявшія при императрицѣ приживалки и шуты, болтая, общали ей сплетни, ходившія по городу, и интимныя дразги изъ семейной жизни придворныхъ; но Анна Ивановна этимъ не удовлетворялась: ее интересовали не однѣ только пестербургскія сплетни но и московскія; съ этой цѣлью она вела постоянную переписку съ родственникомъ своимъ московскимъ генераль-губернаторомъ С. А. Салтыковымъ, поручая ему тайно узнавать и доносить ей о домашнихъ дѣлахъ разныхъ лицъ. Въ свои комнатныя фрейлины она выбирала преимущественно такихъ дѣвицъ, которыя имѣли хорошіе голоса. Когда императрица оставалась въ своей опочивальнѣ, фрейлины должны были сидѣть въ сосѣдней комнатѣ и заниматься рукодѣліями, вышиваніемъ, визаніемъ. Соскучившись, Анна Ивановна отворяла къ нимъ дверь и говорила: — «Ну, дѣвки, пойте!» и дѣвки пѣли до тѣхъ поръ, пока государыня не кричала: «довольно!» Иногда, она требовала къ себѣ гвардейскихъ солдатъ съ ихъ женами и приказывала имъ плясать по-русски и водить хороводы, въ которыхъ заставляла принимать участіе присутствующихъ вельможъ. Она не чуждалась и литературныхъ развлеченій: узнавъ какъ-то, что Тредьяковскій написалъ стихотвореніе игриваго содержанія, она призвала автора къ себѣ и велѣла ему прочитать свое произведеніе. Тредьяковскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ, слѣдующимъ образомъ рассказываетъ объ этомъ чтеніи: «Имѣлъ счастье читать государынѣ императрицѣ, у камина, стоя на колѣняхъ передъ ея императорскомъ величествомъ, и по окончаніи онаго чтенія удостоился получить изъ собственныхъ ея императорскаго величества рукъ всемилоостивѣйшую оплеушину».

Анна Ивановна, вообще, была очень строга къ своимъ приближеннымъ и обращалась съ ними крайне сурово. Такъ, напримѣръ, однажды двѣ фрейлины, сестры Салтыковы, которыхъ она заставила пѣть цѣлый вечеръ, осмѣлились, наконецъ, замѣтить ей, что онѣ уже много пѣли и устали. Императрица, не терпѣвшая никакихъ возраженій, до такой степени разгнѣвалась на бѣдныхъ дѣвушекъ, что тутъ же прибила ихъ и отправила на цѣлую недѣлю стирать бѣлье на прачешномъ дворѣ. Въ другой разъ, узнавъ, что на одномъ част-

номъ балу какія-то дамы очень хорошо танцевали, она послала за ними и приказала танцевать въ своемъ присутствіи. Дамы начали танецъ, но, смущенныя грознымъ видомъ государыни, смѣшались, перепутали фигуры и въ нерѣшимости остановились. Императрица молча поднялась съ своего кресла, подошла къ помертвѣвшимъ отъ страха танцоркамъ, отвѣсила каждой по пощечинѣ и затѣмъ, возвратившись на мѣсто, велѣла снова начать танецъ. Анна Ивановна очень благоволила къ статсъ-дамѣ графинѣ Авдотѣ Ивановнѣ Чернышевой, потому что она хорошо умѣла рассказывать городскія новости и анекдоты; но, несмотря на это, никогда не позволяла ей садиться при себѣ. Однажды Чернышева, разговаривая съ императрицей, почувствовала себя дурно и едва могла стоять на ногахъ. Анна Ивановна, замѣтивъ это, сказала своей собесѣдницѣ: — «ты можешь опереться на столъ, служанка заслонить тебя и, такимъ образомъ, я не буду видѣть твоей позы».

Шуты при дворѣ Анны Ивановны не имѣли того значенія, которыми пользовались при Петрѣ Великомъ. Петръ держалъ шутовъ не для собственной только забавы и увеселенія, но какъ одно изъ орудій насмѣшки, употреблявшейся имъ иногда противъ грубыхъ предразсудковъ и невѣжества, коренившихся въ тогдашнемъ обществѣ. Шуты Петра очень часто рѣзкой и ядовитой остротой клеймили пороки и обнаруживали злоупотребленія лицъ, даже самыхъ близкихъ къ государю. Когда вельможи жаловались Петру на слишкомъ безцеремонное обхожденіе шутовъ, онъ отвѣчалъ: «что вы хотите, чтобы я съ ними сдѣлалъ? вѣдь они дураки!» Шуты же Анны Ивановны не смѣли никому высказывать правды въ глаза и, по доброй волѣ или принужденію, исполняли роль простыхъ скомороховъ, потѣшая свою повелительницу забавными выходками, паясничествомъ, сказками и прибаутками. По свидѣтельству Державина, всякій разъ, какъ императрица слушала обѣдню въ придворной церкви, шуты ея садились въ лукопки въ той комнатѣ, черезъ которую ей нужно было проходить во внутренніе покои, и кудахтали, подражая насѣдкамъ. Иногда Анна Ивановна заставляла ихъ становиться гуськомъ, лицомъ къ стѣнѣ, и по очереди толкать одинъ другого изъ всей силы; шуты приходили въ азартъ, дрались, таскали другъ друга за волосы и царапались до крови. Императрица, а въ угоду ей и весь дворъ, восхищались такимъ зрѣлищемъ и помирали со смѣху. Для поощренія и награжденія своихъ шутовъ Анна Ивановна учредила даже особый шутовской орденъ «св. Бенедикта», весьма схожій съ крестомъ ордена св. Александра Невского и носившійся въ петлицѣ на красной лентѣ.

Официальныхъ шутовъ при императрицѣ находилось шесть чело-
вѣкъ: Балакиревъ и д'Аоста, унаслѣдованные ею отъ Петра Вели-
каго, Педрилло, графъ Апраксинъ, князь Волконскій и князь Голи-
цынъ. Появленіе при дворѣ въ роли шутовъ лицъ изъ родовой рус-
ской знати восходитъ къ XVII столѣтію. У Ивана Грознаго былъ шутъ,
князь Осипъ Гвоздевъ, котораго грозный царь и убилъ, шутя. Въ шу-
товскихъ обрядахъ, свадьбахъ и маскарадахъ петровскаго времени глав-
ными актерами съ титуломъ «князь-папы» и «князь-игумены» фи-

Шутъ Лакоста.

Съ старинной гравюры.

гурировали: думный дьякъ Н. М. Зотовъ, бояринъ И. И. Бутурлинъ,
вдова окольничаго Д. Г. Ржевская, статсъ-дама княгиня Н. П. Го-
лицына и др. Анна Ивановна имѣла свои причины продолжать такое
униженіе стариннаго боярства, помня хорошо, какъ оно стремилось,
при ея воцареніи, ограничить самодержавіе въ свою пользу. Чтобы
можно было составить нѣкоторое понятіе о личности шутовъ Анны
Ивановны, мы постараемся сгруппировать тѣ немногія и отрывочныя
свѣдѣнія о нихъ, которыя разбросаны въ документахъ и мемуарахъ
того времени.

Иванъ Емельяновичъ Балакиревъ, сынъ бѣднаго дворянина, былъ сперва стряпчимъ въ Хутынскомъ монастырѣ, близъ Новгорода, а потомъ, вытребованный въ 1718 г., наравнѣ съ другими дворянами, въ Петербургъ на службу, опредѣленъ «къ инженерному учению». Въ столицѣ онъ случайно познакомился съ царскимъ любимцемъ, камергеромъ Монсомъ, понравился ему своимъ веселымъ характеромъ, балагурствомъ и находчивостью, и сдѣлался его домашнимъ человѣкомъ. Монсъ, уже владѣвшій тогда сердцемъ императрицы Екатерины I, доставилъ Балакиреву мѣсто камеръ-лакея, поручалъ ему вывѣдывать и выслушивать придворные новости и разговоры, и при его содѣйствіи продавалъ разнымъ лицамъ свои услуги и заступничество. Прикинувшись шутомъ, бывшій стряпчій съумѣлъ обратить на себя вниманіе Петра Великаго и получилъ право острить и дурачиться въ его присутствіи. Однако, Балакиреву недолго пришлось пользоваться выгодами своего новаго положенія. Арестованный въ 1724 г. вмѣстѣ съ Монсомъ, онъ подвергся пыткамъ и за «разныя плутовства» наказанъ нещадно батогами и сосланъ въ Рогервикъ въ крѣпостныя работы. По вступленіи на престолъ Екатерины I, Балакиревъ былъ возвращенъ изъ ссылки и опредѣленъ въ Преображенскій полкъ солдатомъ. Не смотря на всѣ старанія и хлопоты, онъ только въ царствованіе Анны Ивановны попалъ снова ко двору и получилъ званіе придворнаго шута. Наученный горькимъ опытомъ, Балакиревъ велъ себя очень осторожно и заботился болѣе всего о томъ, чтобы обезпечить себя на черный день. Анна Ивановна, повидимому, благоволила къ нему; по крайней мѣрѣ, когда, въ 1732 г., Балакиревъ женился на дочери посадскаго Морозова и не получилъ обѣщанныхъ ему въ приданое 2,000 руб., императрица приказала немедленно и не принимая никакихъ отговорокъ «доправить» эти деньги съ Морозова и отдать ихъ Балакиреву. Въ друдой разъ, онъ вздумалъ разыграть лотерею и Анна Ивановна усердно хлопотала о раздачѣ билетовъ. «При семъ посылаю вамъ—писала она въ Москву С. А. Салтыкову—бумажку: Балакиревъ лошадь проигрываетъ въ лоть, и ты изволь въ Москвѣ приказать, чтобъ подписались, кто хочетъ и сколько кто хочетъ, и ты пожалуй подпиши, а у насъ всѣ пишутъ». Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что многочисленные анекдоты о Балакиревѣ, изданные нѣсколько разъ и во множествѣ экземпляровъ, болѣею частью выдуманы или заимствованы изъ польскихъ книжекъ подобнаго же содержанія. Ни одинъ изъ современныхъ Петру Великому писателей, рассказывая о царскихъ забавахъ, даже не упоминаетъ имени Балакирева.

Янъ д'Аюста, португальскій жидъ, нѣсколько лѣтъ странствовалъ по Европѣ, перебиваясь мелкими аферами; держалъ маклерскую кон-

тору въ Гамбургѣ и, наконецъ, присталъ, въ качествѣ приживальщика, къ бывшему тамъ русскому резиденту, съ которымъ и пріѣхалъ въ Россію. Смѣшная фигура, умѣнье говорить понемногу на всѣхъ европейскихъ языкахъ и свойственная еврейскому племени способность поддѣлаться и угодить каждому, доставили ему мѣсто придворнаго шута. Онъ былъ чрезвычайно хитеръ и превосходно зналъ священное писаніе. Петръ Великій любилъ вступать съ нимъ въ богословскіе споры и за усердную шутовскую службу пожаловалъ ему титулъ «самоѣдскаго короля» и подарилъ безлюдный и песчаный островъ Сомерсъ, одинъ изъ среднихъ острововъ Финскаго залива.

Пьетро Мира, обыкновенно звавшійся сокращенно Педрилло, родомъ неаполитанецъ, явился въ Петербургъ въ началѣ царствованія Анны Ивановны пѣть роли буффа и играть на скрипкѣ въ придворной итальянской оперѣ. Не поладивъ, однако, съ главнымъ опернымъ капельмейстеромъ, Арайа, смѣтливый Педрилло перечислился въ придворные шуты и такъ удачно исполнялъ свою новую обязанность, что скоро сдѣлался любимцемъ императрицы и неизмѣннымъ карточнымъ ея партнеромъ. На придворныхъ банкетахъ она обыкновенно поручала Педрилло держать вмѣсто себя банкъ и расплачиваться при проигрышахъ. Благодаря этому обстоятельству, Педрилло съумѣлъ въ короткое время скопить изрядный капиталецъ, съ которымъ потомъ благоразумно удалился во-свояси. О ловкости его въ наживаніи денегъ можно судить изъ слѣдующаго анекдота, рассказаннаго въ запискахъ Манштейна: жена Педрилло была очень невзрачна собою; однажды Биронъ, желая посмѣяться надъ нимъ по этому поводу, спросилъ его: — «Правду ли говорятъ, что ты женатъ на козѣ?» — «Не только правда, — отвѣчалъ находчивый шутъ, — но жена моя беременна и должна надняхъ родить; смѣю надѣяться, что ваше высочество будете столь милостивы, что не откажетесь, по русскому обычаю, навѣстить родильницу и подарить что нибудь на зубокъ младенцу». Биронъ расхохотался и обѣщалъ исполнить просьбу. Черезъ нѣсколько дней Педрилло пришелъ къ Бирону съ радостнымъ лицомъ и объявилъ, что жена его, коза, благополучно разрѣшилась отъ бремени, и напомнилъ объ обѣщаніи. Выходка эта очень понравилась Аннѣ Ивановнѣ и она пригласила весь дворъ навѣстить шута и поздравить его съ семейною радостью. Педрилло досталъ козу, разукрасилъ ее лентами и бантами, уложилъ съ собою въ постель и съ серьезнымъ видомъ принималъ поздравленія. Каждый, разумѣется, былъ обязанъ класть подарокъ подъ подушку шута, который пріобрѣлъ, такимъ образомъ, въ одно утро нѣсколько сотъ рублей. Кромѣ шутовскихъ обязанностей, Педрилло исполнялъ еще разныя порученія императрицы.

Черезъ его посредство выписывались иногда изъ Италіи пѣвцы и пѣвицы для итальянской труппы и покупались для двора драгоцѣнные камни, матеріи и разныя бездѣлушки. Съ этою цѣлью онъ неоднократно посылался за границу и даже вступалъ въ переписку съ владѣтельными особами. Когда въ 1735 г., испанцы вторглись въ Тоскану, управляемую слабоумнымъ и бездѣтнымъ герцогомъ Гастономъ Медичи. Анна Ивановна, желая воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, поручила Педрилло устроить покупку, по дешевой цѣнѣ, знаменитаго тосканскаго алмаза. Сохранилось письмо, съ которымъ шутъ, по ея приказанію, обратился къ герцогу.

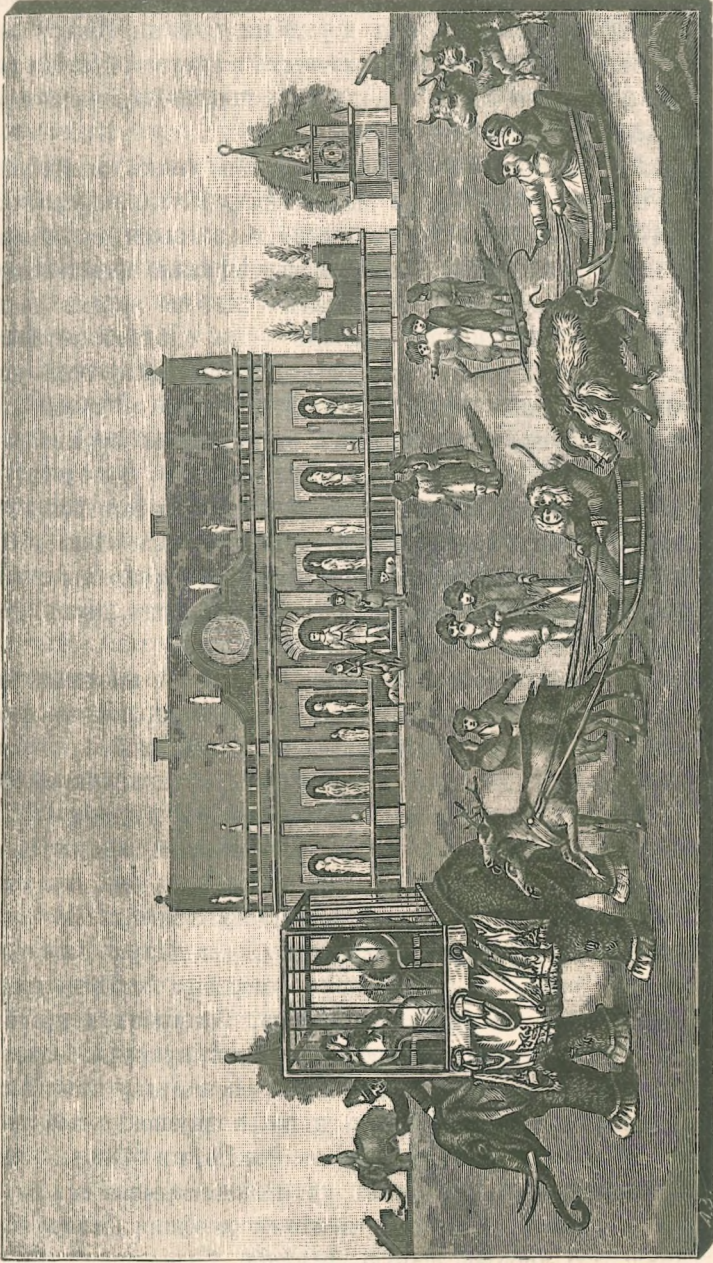
«Королевское высочество, — писалъ онъ, — я понынѣ должность мою исполнить и вашему высочеству писать пренебрегъ; но понеже сія оказія нынѣ подается, чтобы ея императорскому величеству, моей самодержицѣ, служить, привлекаетъ меня васъ симъ утруждать. И тако объявляю, что понеже здѣсь получена вѣдомость, что владѣніе вашего королевскаго высочества вступленіемъ непріятельскихъ войскъ едва не разорено, а именно: отъ вандалскихъ войскъ, которыя свирѣпыми и жестокими своими поступками разорили земли и, требуя великія контрибуціи, въ бѣдственное состояніе приводятъ подданныхъ вашихъ. Того ради, для облегченія вашего отъ толикаго нападенія, представляю вамъ со стороны сей августѣйшей моей императрицы 15,000 россійскаго войска, да авангардію 40,000 казаковъ и калмыковъ; и надѣюсь, что по прибытіи сего храбраго войска гишпанскія войска стараться будутъ уходить спастись и всю свою храбрость для безопасности среди Африки содержать, а генераль Монтемаръ и весь гишпанскій дворъ и въ Мадридѣ не безъ опасности будутъ. Однако же, надлежитъ для содержанія сихъ храбрыхъ войскъ, чтобы ваше королевское высочество приказалъ приготовить довольное число самой крѣпкой гданской водки, такой, какую ваше королевское высочество пивалъ, будучи въ Богеміи, и оною охотно напивался до-пьяна. Соболагодите принять мое предложеніе и увидите, что владѣнія ваши возстанутся, подданные ваши веселиться станутъ и жизнь вашего королевскаго высочества двадцать лѣтъ еще продолжится. Чаю жъ я, что по причинѣ текущаго бѣдствія, казна ваша истощена деньгами и для того представляю вамъ купить вашъ самобольшой алмазь, о которомъ слава происходитъ, что больше его въ Италіи не имѣется; ежели недорогою цѣною оный продать намѣрены, то я вамъ купца нашель (ибо правду вамъ сказать) и я хочу малою прибылью попользоваться. Ея императорское величество намѣрена тотъ алмазь купить и деньги за оный заплатить; но изволить, чтобы я себя купцомъ представилъ и торговалъ. Я бы надѣялся, что ваше королевское высочество

ство, не имѣя наслѣдниковъ, не пренебрежетъ сею оказіею и продажею сего алмаза къ ненуждѣ себя приведетъ, понеже великій Богъ вѣдаетъ, кому, послѣ преставленія вашего, имѣніе ваше достанется. Я вамъ сіе представляю, какъ истинный неаполитанецъ и добрый пріятель, и чаю, что такимъ и отъ вашего королевскаго высочества признанъ буду. Безъ замедленія соблаговолите отвѣтъ мнѣ дать и рѣшительно намѣреніе свое объявить, чтобъ я могъ деньги и вышесказанныя войска приготовить и бездѣльникамъ гиппанцамъ напускъ дать».

Неизвѣстно, послѣдовалъ ли отвѣтъ на это посланіе; но тосканскій алмазъ, вѣсившій 139¹/₂ каратовъ, не достался Аннѣ Ивановнѣ, а попалъ въ руки австрійскаго императора. Странное содержаніе письма и выборъ корреспондента объясняется отчасти слабоуміемъ герцога Гастона и личнымъ знакомствомъ его съ Педрилло (какъ это можно заключить изъ нѣкоторыхъ выраженій въ письмѣ).

Камергеръ князь Никита Федоровичъ Волконскій имѣлъ нѣкоторое положеніе при дворѣ Петра Великаго и Екатерины I, единственно благодаря женѣ своей, Аграфенѣ Петровнѣ, рожденной Бестужевой-Рюминой, отличавшейся умомъ, свѣтскимъ образованіемъ, честолюбіемъ и беспокойнымъ характеромъ. Волконскій былъ человѣкъ полупомѣшанный, добровольно разыгрывавшій роль шута, и сдѣлался извѣстнымъ Аннѣ Ивановнѣ еще въ Митавѣ, куда онъ неоднократно пріѣзжалъ въ гости къ своему тестю, Петру Михайловичу Бестужеву. Княгиня Аграфена Петровна была вынуждена отстранить мужа отъ управленія имѣніями, потому что онъ тратилъ доходы беспорядочно, на собакъ, сказочниковъ и всякихъ приживальщиковъ. Волконская ненавидѣла дочерей царя Ивана Алексѣевича, и въ особенности Анну Ивановну, которой въ царствованіе Екатерины I причинила много непріятностей. Въ 1728 году, княгиня Аграфена Петровна за тайныя политическія сношенія свои съ австрійскимъ посломъ графомъ Рабутинымъ, и другія придворныя интриги, была сослана, по распоряженію верховнаго тайнаго совѣта, въ заключеніе въ Тихвинскій монастырь. Анна Ивановна, вступивъ на престоль, старалась мстить своему безсильному врагу тѣмъ, что подвергала княгиню всевозможнымъ стѣсненіямъ и лишеніямъ, которыя ускорили ея кончину, послѣдовавшую въ 1732 г. Когда княгиня Аграфена Петровна была отправлена въ ссылку, князь Никита Федоровичъ поселился въ своемъ имѣніи, селыцѣ Селявинѣ, Переяславскаго уѣзда, гдѣ вполнѣ отдался своимъ причудамъ. Получивъ извѣстіе о смерти Волконской, Анна Ивановна вспомнила о ея мужѣ и его шутовскихъ выходкахъ, когда-то доставлявшихъ ей немалое развлеченіе среди митавской скуки,

и поспѣшила навести о немъ справки. «Семень Андреевичъ!—писала она Салтыкову въ Москву,—объявляю вамъ, что княгиня Аграфена Волконская умерла, того ради изволь сыскать ея мужа, князя Никиту Волконскаго, и къ намъ его немедленно выслать въ Петербургъ и скажи ему, что ему велѣно быть за милость, а не за гнѣвъ». Волконскій былъ доставленъ въ Петербургъ, и императрица оказала ему свою милость: пожаловала сумасшедшаго князя въ шуты! До какой степени это занимало Анну Ивановну, можно судить изъ слѣдующаго письма ея къ Салтыкову: «Пошли кого нарочно князь Никиты Волконскаго въ деревню его Селявино и вели распросить людей, которые больше при немъ были въ бытность его тамъ, какъ онъ жилъ и съ кѣмъ сосѣдями знался и какъ ихъ принималъ, спѣсиво или просто, такъ же, чѣмъ забавлялся, съ собаками-ль ѣздилъ, или другую какую имѣлъ забаву, и собакъ много-ль держалъ, и каковы, а когда дома, то каково жилъ, и чисто ли въ хоромахъ у него было, и какова была пища, не ѣдалъ ли кочерыжекъ и не леживалъ ли на печи, и о томъ обо всемъ и тѣхъ его людей разпроси ихъ подлинно, вели взять сказки и пришли къ намъ, и гдѣ онъ спалъ бывали-ль у него тутъ горшки и кувшины, такъ же и деревянная посуда, и о томъ обо всемъ его житіи, сдѣлавъ театрадку и надписавъ подлинно и подписать «житіе князь Никиты Волконскаго», и къ житію вели приписать, спрося у людей, сколько у него рубахъ было и по скольку дней онъ нашивалъ рубаху». Черезъ нѣсколько времени она опять писала Салтыкову: «По полученіи сего изволь послать въ домъ князь Никиты Волконскаго и всѣ письма его взять и сюда къ намъ прислать, а намъ письма его надобны ради смѣха». Въ 1734 г., поручая Салтыкову исполнить въ Москвѣ разныя комиссіи, императрица прибавляла въ' письмѣ: «Да здѣсь, играючи, женила я князь Никиту Волконскаго на Голицыномъ и при семъ прилагается его письмо къ человѣку его, въ которомъ написано, что онъ женился вправду, и ты оное сошли къ нему въ домъ стороною, чтобъ тотъ человѣкъ не дознался и о томъ ему ничего сказывать не вели, а отдать такъ, что будто то письмо прямо отъ него писано». На Волконскаго была возложена обязанность кормить и ухаживать за любимой императрицыной собачкой, называвшейся «Цытринькой». Содержаніе собачкѣ отпускалось изъ запасовъ Дворцовой конторы и выдача его производилась порядкомъ, установленнымъ для записки расхода дворцовыхъ припасовъ. «Цытринькѣ» было опредѣлено въ кормъ на каждый день «по кружкѣ сливокъ молочныхъ». Волконскій ежедневно долженъ былъ обращаться за сливками къ придворному кухеншрейберу, который, въ ежемѣсячныхъ отчетахъ, подаваемыхъ въ дворцовую контору на ревизію объ израсхо-

Ледяной домъ и луготвская свадьба въ немъ въ царствованіе Анны Павловны.

Отъ рѣдкой гравюры того времени.

дованныхъ имъ столовыхъ припасахъ, всегда отдѣльною статьею писать расходъ, сдѣланный на собачку, такъ: «Отпущено, по требованію князя Никиты Волконскаго, для кормленія собачки Цытриньки съ такого-то по такое-число сливокъ молочныхъ по кружкѣ въ каждый день». Подъ этой статьею всегда значилась росписка Волконскаго въ приемъ сливокъ.

Графъ Алексѣй Петровичъ Апраксинъ, племянникъ извѣстнаго петровскаго адмирала, графа Федора Матвѣевича, началъ службу камеръ-юнкеромъ при Екатеринѣ I, и въ 1729 г. женился на княжнѣ Еленѣ Михайловнѣ Голицыной, дочери князя Михаила Алексѣевича Голицына, о которомъ будетъ сказано далѣе. Мы не знаемъ достоверно, когда и по какимъ причинамъ онъ былъ сдѣланъ шутомъ; но есть указанія, что Апраксинъ нисколько не тяготился своей унижительной ролью, исполняя ее съ рѣдкимъ усердіемъ до самой кончины, въ 1738 г., и часто получалъ отъ императрицы крупныя денежныя подарки; такъ, на примѣръ, въ 1733 году ему было пожаловано 6,000 руб. изъ суммъ Преображенскаго полка. Въ запискахъ Порошина находится, между прочимъ, слѣдующая замѣтка: «Графъ Никита Ивановичъ Панинъ рассказывалъ о шутѣ императрицы Анны Ивановны, графъ Апраксинъ, что онъ несносный былъ шутъ, обижалъ всегда другихъ и за то часто битъ бывалъ».

Князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ, внукъ знаменитаго боярина и любимаца царевны Софьи, Василя Васильевича, и сынъ пермскаго намѣстника князя Алексѣя Васильевича Голицына, родился въ 1688 году, незадолго до того, какъ дѣдъ и отецъ его, лишенные чиновъ и помѣстій, были отправлены въ ссылку въ Пинегу. Когда князь Михаилъ Алексѣевичъ достигъ совершеннолѣтія, Петръ Великій опредѣлилъ его солдатомъ въ полевые полки, гдѣ онъ, на сороковомъ году отъ рожденія, съ трудомъ достигъ чина маіора. Потерявъ въ 1729 г. первую жену, Марфу Максимовну, рожденную Хвостову, отъ которой имѣлъ сына, князя Алексѣя, умершаго бездѣтнымъ, и дочь Елену, вышедшую за графа Апраксина, Голицынъ испросилъ себѣ позволеніе ѣхать за границу. Слабоумный отъ природы, онъ, во время пребыванія своего во Флоренціи, влюбился въ одну итальянку низкаго происхожденія, женился на ней и по ея внушенію перешелъ въ католическую вѣру. По возвращеніи въ Россію, въ 1732 г., князь Михаилъ Алексѣевичъ жилъ въ Москвѣ, тщательно скрывая отъ всѣхъ жену и перемѣну религіи: обстоятельство это скоро обнаружилось, привело въ отчаяніе всю многочисленную фамилію Голицыныхъ и, разумѣется, дошло до свѣдѣнія императрицы, которой поступокъ Голицына былъ объясненъ его крайнимъ слабоуміемъ. Она велѣла пред-

ставить его себѣ, пришла въ восхищеніе отъ его глупости и тотчасъ же сдѣлала своимъ путемъ.—«Семень Андреевичъ!—писала она Салтыкову 20-го февраля 1733 г.—благодарна за присылку Голицына; онъ здѣсь всѣхъ дураковъ побѣдилъ; ежели еще такой же въ его пору същется, то немедленно увѣдомъ». Разумѣется, бракъ князя Михаила Алексѣевича былъ признанъ недѣйствительнымъ, и онъ болѣе уже не увидѣлъ своей жены-итальянки. Голицыну, въ числѣ прочихъ шутовскихъ обязанностей, было поручено подавать императрицѣ квась, вслѣдствіе чего придворные прозвали его «квасникомъ». Прозвищемъ этимъ онъ именовался даже въ официальныхъ бумагахъ того времени. Любопытно, что, говоря въ одномъ изъ своихъ писемъ объ отцѣ его, князѣ Алексѣѣ Васильевичѣ, императрица называетъ послѣдняго княземъ Алексѣемъ Кислицынымъ.

Въ числѣ приживалокъ Анны Ивановны находилась одна калмычка, Авдотья Ивановна, пользовавшаяся особеннымъ благоволеніемъ императрицы и носившая, въ честь ея любимаго блюда, фамилію «Бужениновой». Калмычка эта, уже немолодая и очень некрасивая собой, какъ-то въ разговорѣ выразила Аннѣ Ивановнѣ охоту выйдти замужъ. Посмѣявшись надъ такимъ желаніемъ, императрица спросила Буженинову, есть ли у нея въ виду женихъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сказала, что беретъ на себя устройство ея судьбы. На другой же день пятидесятилѣтнему Голицыну было объявлено, что государыня нашла для него невѣсту, и чтобы онъ готовился къ свадьбѣ, всѣ расходы которой ея величество принимаетъ на свой счетъ. Мысль императрицы—женитьшута на шутихѣ—встрѣтила полное сочувствіе въ кругу ея приближенныхъ. Камергеръ Татищевъ подаль идею—построить для этой цѣли на Невѣ домъ изъ льда и обвинчать въ немъ молодыхъ «куръезнымъ образомъ». Немедленно была составлена, подъ предѣлательствомъ кабинетъ-министра Волынскаго, особая «маскарадная комиссія», которой порученъ высшій надзоръ и скорѣйшее исполненіе предложенія Татищева.

Комиссія избрала для постройки «Ледяного дома» мѣсто на Невѣ, между Адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ. Материаломъ при постройкѣ служилъ только чистый ледъ; его разрубали большими плитами, клали ихъ одну на другую и для связи поливали водою. Архитектура дома была довольно изящна. Онъ имѣлъ восемь саженъ въ длину, двѣ съ половиной въ ширину и три въ вышину. Кругомъ всей крыши тянулась сквозная галлерей, украшенная столбами и статуями; крыльцо, съ рѣзнымъ фронтисписомъ, вело въ сѣни, раздѣлявшія заданіе на двѣ большія комнаты; сѣни освѣщались четырьмя, а каждая комната—пятью окнами, со стеклами изъ тончайшаго льда.

Оконные и дверные косяки и простѣночные пилястры были выкрашены зеленою краскою подъ мраморъ. За ледяными стеклами стояли, писанныя на полотнѣ, «смѣшныя картины», освѣщавшіяся по ночамъ извнутри множествомъ свѣчей. Передъ домою были разставлены шесть ледяныхъ трехъ-фунтовыхъ пушекъ и двѣ двухъ-пудовыя мортиры, изъ которыхъ не разъ стрѣляли. У воротъ, сдѣланныхъ также изъ льда, красовались два ледяные дельфина, выбрасывавшіе изъ челюстей, съ помощію насосовъ, огонь отъ зажженной нефти. На воротахъ стояли горшки съ ледяными вѣтками и листьями. На ледяныхъ вѣткахъ сидѣли ледяныя птицы. По сторонамъ дома, на пьедесталахъ съ фронтисписами, возвышались остроконечныя, четырехугольныя пирамиды. Въ каждомъ боку ихъ было устроено по круглому окну, около которыхъ снаружи находились размалеванныя часовыя доски. Внутри пирамидъ висѣли большія бумажныя, восьми угольные фонари, разрисованные «всякими смѣшными фигурами». Ночью въ пирамиды влѣзали люди, вставляли свѣчи въ фонари и поворачивали ихъ передъ окнами, къ великой потѣхѣ постоянно толпившихся здѣсь зрителей. Послѣдніе съ любопытствомъ тѣснились также около стоявшаго, по правую сторону дома, ледяного слона въ натуральную величину. На слонѣ сидѣлъ ледяной персіянинъ, двое другихъ такихъ же персіянь стояли по сторонамъ. «Сей слонъ—разсказываетъ очевидецъ—внутри былъ пустъ и столь хитро сдѣланъ, что днемъ воду вышиною на двадцать четыре фута пускалъ; ночью, съ великимъ удивленіемъ всѣхъ зрителей, горящую нефть выбрасывалъ. Сверхъ же того, могъ онъ, какъ живой слонъ, кричать, который голосъ потаенный въ немъ человекъ трубою производилъ».

Внутреннее убранство дома вполне соответствовало его оригинальной наружности. Въ одной комнатѣ стояли: туалетъ, два зеркала, нѣсколько шандаловъ, карманные часы, большая двухспальная кровать, табуретъ и каминъ съ ледяными дровами. Въ другой комнатѣ были столъ рѣзной работы, два дивана, два кресла и рѣзной постаецъ, въ которомъ находилась точеная чайная посуда, стаканы, рюмки и блюда. Въ углахъ этой комнаты красовались двѣ статуи, изображавшія купидоновъ, а на столѣ стояли большіе часы и лежали карты съ марками. Всѣ эти вещи, безъ исключенія, были весьма искусно сдѣланы изъ льда и выкрашены «приличными натуральными красками». Ледяныя дрова и свѣчи намазывались нефтью и горѣли.

Кромѣ того, при «Ледяномъ домѣ», по-русскому обычаю, была выстроена ледяная же баня; ее нѣсколько разъ топили, и охотники могли въ ней париться.

По именному высочайшему повелѣнію, къ «курьезной» свадьбѣ Голицына съ Бужениновой были доставлены въ Петербургъ, изъ разныхъ концовъ Россіи, по два человѣка обоего пола всѣхъ племенъ и народовъ, подвластныхъ русской государынѣ. Всего набралось триста человѣкъ. Маскарадная комиссія снабдила каждую пару мѣстной народной одеждой и музыкальнымъ инструментомъ.

6-го февраля 1740 года, въ день, назначенный для празднества, послѣ бракосочетанія сіятельнаго шута, соверпеннаго обычнымъ порядкомъ въ церкви, разноплеменные «поѣзжане» потянулись со сборнаго пункта длиннымъ поѣздомъ. Тутъ были: абхазцы, остяки, мордва, чувашаи, черемисы, вятичи, самоѣды, камчадалы, якуты, киргизы, калмыки, хохлы, чухонцы и множество другихъ «разноязычниковъ и разночинцевъ», каждый въ своемъ національномъ костюмѣ и съ своей прекрасной половиной. Одни ѣхали на верблюдахъ, другіе — на оленяхъ, третьи — на собакахъ, четвертые — на волахъ, пятые — на козлахъ, шестые — на свиньяхъ и т. д., «съ принадлежащею каждому роду музыкаліею и разными игрушками, въ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе звѣрей и рыбъ морскихъ, а нѣкоторые въ образѣ птицъ странныхъ». Шествіе открывали «молодые», красовавшіеся въ большой желѣзной клѣткѣ, поставленной на слонѣ.

Свадебный поѣздъ, управляемый Волинскимъ и Татищевымъ, съ музыкою и пѣснями, проѣхавъ мимо дворца и по всѣмъ главнымъ улицамъ, остановилися у манежа герцога Курляндскаго. Здѣсь, на нѣсколькихъ длинныхъ столахъ, были приготовлены изобильный обѣдъ, за которымъ каждая пара имѣла свое народное блюдо и свой любимый напитокъ. Во время обѣда Третьяковскій привѣтствовалъ молодыхъ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

«Здравствуйте, женившись, дуракъ и дурка,
 Еще... тотъ и фигурка:
 Теперь-то прямое время намъ повеселиться,
 Теперь-то всячески поѣзжанамъ должно ѣсниться.
 Квасникъ-дуракъ и Буженинова...
 Сошлись любовію, но любовь ихъ гадка,
 Ну, мордва, ну, чувашаи, ну, самоѣды!
 Начните веселье, молодые дѣды:
 Балалайки, гудки, рожки и волынки!
 Сберите и вы бурлачки рынки.
 Ахъ, вижу, какъ вы теперь рады!
 Гремите, гудите, брянчите, скачите,
 Шалите, кричите, пляшите!
 Свищи, весна, свищи, красна!
 Невозможно вамъ имѣть лучшее время:
 Спрягся ханскій сынъ, взялъ ханское племя.

Ханскій сынъ Квасникъ, Буженинова ханка.

Кому того не видно, кажегъ ихъ осанка.

О цара! о не стара!

Не жить они стануть, но зоблить сахаръ.

И такъ надежитъ новобрачныхъ привѣтствовать нынѣ,

Дабы они все свое время жили въ благостынѣ:

Спалось бы имъ, да вралось, пилося бы, да ѣлось.

Здравствуйте-жь, женившись, дуракъ и дурка.

Еще... тотъ и фигурка!»

Послѣ обѣда «разноязычныя» пары плясали каждая свою національную пляску, подъ свою національную музыку. Потѣшное зрѣлище это чрезвычайно забавляло императрицу и вельможныхъ зрителей. По окончаніи бала, пестрый поѣздъ, предшествуемый попрежнему «молодыми», возсѣдавшими въ кѣлткѣ на слонѣ, отправился въ «Ледяной домъ», который горѣлъ огнями, эффектно дробившимися и переливавшимися въ его прозрачныхъ стѣнахъ и окнахъ; ледяные дельфины и ледяной слонъ метали потоки яркаго пламени; «смѣшныя» картины въ пирамидахъ вертѣлись, къ полному удовольствію многочисленной публики, встрѣчавшей новобрачныхъ громкими криками.

Молодыхъ, съ различными церемоніями, уложили на ледяную постель, а къ дому приставили караулъ, изъ опасенія, чтобы счастливая чета не вздумала раньше утра покинуть свое не совсѣмъ теплое и удобное ложе...

Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ «курьезнаго праздника» императрица Анна Ивановна скончалась, завѣщавъ, какъ извѣстно, русскій престолъ племяннику своему, принцу Брауншвейгскому, Иоанну Антоновичу. За малолѣтствомъ послѣдняго, управление государствомъ перешло въ руки матери его, принцессы Анны Леопольдовны, женщины доброй, мягкой, обладавшей прекрасными душевными качествами. Анна Леопольдовна, въ первый же день своего правленія, уволила всѣхъ шутовъ, наградивъ ихъ приличными подарками. Съ этого времени официальное званіе «придворнаго шута» уничтожилось навсегда. Хотя потомъ шуты и продолжали появляться при дворѣ, но уже подъ другимъ именемъ и не въ шутовской одеждѣ.

Въ заключеніе нашего очерка намъ остается сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ князя Михаила Алексѣевича Голицына и его женъ.

Когда Голицынъ былъ отправленъ по приказанію императрицы, въ 1733 г., изъ Москвы въ Петербургъ и сдѣлался шутомъ, объ его женѣ итальянкѣ совсѣмъ забыли. Только черезъ два года Анна Ивановна почему-то вспомнила о ней и поручила Салтыкову узнать «подъ рукою», гдѣ она живетъ, какое имѣетъ пропитаніе и отъ кого, а если

выѣхала изъ Москвы, то куда и «на чьемъ коштѣ». Салтыковъ дозналъ, что Голицына проживаетъ въ Нѣмецкой слободѣ, и велѣлъ каптенармусу Преображенскаго полка Лакостову навести точныя о ней справки. Лакостовъ 21-го января 1735 г. донесъ слѣдующее:

«Пришелъ я католицкой церкви къ патеру Фабіанусу и объявилъ ему, что я пріѣхалъ изъ Воронежа офицеръ, и при отъѣздѣ оттуда просилъ меня итальянскій патеръ, который при вице-адмиралѣ Змаевичѣ службу отправляетъ, чтобъ я увѣдомился о женѣ князя Михайла Алексѣевича Голицына, на которой женился онъ, князь Голицынъ, въ Итали, гдѣ отечество ея нынѣ, отъ кого она пропитаніе имѣетъ и на чьемъ коштѣ живетъ. На что оный Фабіанусъ объявилъ мнѣ: она нанимаетъ квартиру бѣдную и въ той квартирѣ хозяинъ выставилъ двери и окошки за то, что она княгиня за квартиру не платитъ, а ей де не токмо платитъ деньги, и дневной пищи не имѣетъ; и для ея бѣдности далъ ей два рубля денегъ, и ни откуда никакой помощи къ пропитанію не имѣетъ, и валяется де на полу, постлатъ и одѣться нечѣмъ; въ праздникъ Рождества Христова пришла сюда и говоритъ де мнѣ, что я умираю съ голоду, не имѣю куска хлѣба, и въ то время далъ ей денегъ семь алтынъ; она де хуже всякой нищей, одежды и пищи никакой не имѣетъ. И приказалъ оный Фабіанусъ служителю своему указать квартиру, гдѣ она живетъ; въ Старой Басманной, въ домѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, Полозова вдовы Марьи Федоровой, у сержантской жены Андреевской, въ маленькой комнаточкѣ, найму даетъ по три рубля въ годъ. Она княгиня объявила мнѣ, что она отъ князя Михайла Алексѣевича Голицына ничего послѣ разлученія съ нимъ отъ него не получала, и пищи ни откуда не имѣетъ, развѣ кто милостыню подастъ, и со рвеніемъ говорила: «хотя бы де мнѣ дьяволъ денегъ далъ, я бы ему душу свою отдала; видишь де ты, какое на мнѣ платьѣ и какая у меня постель». Одежда на ней понятная, черная, ветха: постель наволока холстинная толстая, набита сѣномъ; одѣвается нагольною шубою ветхою. При томъ же она говорила и тужила; гдѣ-де нынѣ мой сынъ, князь Иванъ, котораго я родила съ нимъ княземъ Михайломъ Алексѣевичемъ»¹⁾).

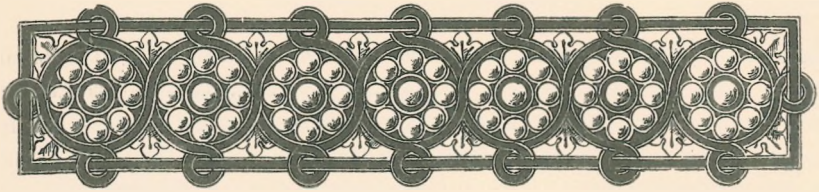
Послѣ донесенія Лакостова мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о княгинѣ Голицыной до 7-го сентября 1736 года. Въ этотъ день императрица написала Салтыкову: «Семень Андреевичъ! Вели въ слободѣ Нѣмецкой сыскать Голицына жену итальянку и какъ скорѣе пришли

¹⁾ Объ этомъ сынѣ князя Михайла Алексѣевича не упоминается ни въ одномъ изъ родословій князей Голицыныхъ (Долгорукова, Серчевскаго). Вѣроятно, отнятый отъ матери, онъ умеръ въ младенчествѣ.

ее къ намъ на почтѣ въ Петербургъ, давъ провожатаго, чтобъ ее бережно довезъ; только бы никто про это не вѣдалъ въ Москвѣ, пока къ намъ прїѣдетъ, и дорогою не вели сказывать, что она ѣдетъ. А какъ привезутъ ее въ Петербургъ, вели явиться у генерала Ушакова тайнымъ же образомъ». Зачѣмъ такъ внезапно потребовалась Аннѣ Ивановнѣ Голицына и что случилось съ послѣдней по доставленіи ея въ тайную канцелярію къ Ушакову, — неизвѣстно. Можно только предполагать, что ея бѣдствія въ Россіи окончились высылкой за границу.

По упраздненіи правительницы въ 1741 году должности придворныхъ шутовъ, князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ удалился въ Москву, гдѣ его жена-калмычка вскорѣ умерла. Отъ нея онъ имѣлъ двухъ сыновей: князя Алексѣя, умершаго холостымъ, и князя Андрея, женившагося на Аннѣ Федоровнѣ Хитрово и оставившаго многочисленное потомство. Въ 1744 г. князь обвинчался въ четвертый разъ съ Аграфеной Алексѣевной Хвостовой, съ которой прижилъ трехъ дочерей. Онъ скончался въ 1778 г. въ глубокой старости и полуразрушенную могилу его еще весьма недавно можно было видѣть въ селѣ Братовщинѣ, по дорогѣ отъ Москвы въ Троице-Сергіеву лавру.

Березовскіе ссыльные ¹⁾,

(1727—1741 г.).

В 1066 ВЕРСТАХЪ отъ Тобольска, среди дремучей тайги и пустынныхъ тундръ отдаленнаго сѣвера, на крутомъ, обрывистомъ берегу рѣки Сосвы, близъ впаденія ея въ Обь, пріютился небольшой городокъ Березовъ. Кругомъ его, на необозримыя пространства, тянутся съ одной стороны—первобытные хвойные лѣса, съ другой—обширная луговая низменность, покрытая множествомъ озеръ, протоковъ и зыбкихъ болотъ. На всемъ лежитъ печать суроваго сѣвера. Унылая природа бываетъ облечена въ снѣжный саванъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ; жестокіе морозы доходятъ иногда до сорока-пяти градусовъ, холодъ захватываетъ дыханіе и превращаетъ выдыхаемый паръ въ иней; птицы падаютъ мертвыми, стекла въ окнахъ лопаются; земля и ледъ даютъ глубокія трещины. Погода отличается непостоянствомъ; воздухъ сыръ и туманенъ; небо всегда

¹⁾ Источники: 1) Выписки изъ дѣлъ Государственнаго Архива. 2) Топографическое описаніе сѣвернаго Урала. Д. Юрьева. Спб. 1852 г. 3) Описаніе Березовскаго края. Н. Абрамова. Записки Географическаго Общества. 1857 г. Кн. 12. 4) Путешествіе академика Делиля въ Березовъ въ 1740 г. П. П. Пекарскаго. Спб. 1865 г. 5) Описаніе Западной Сибири. Завалишина. М. 1852 г. 6) Отъ Тобольска до Березова. К. Губарева. Современникъ. 1863 г. № 1. 7) Словарь достопамятныхъ людей. Вантыша-Каменскаго. Спб. 1847 г. Ч. 2. 8) Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ. Князя П. Долгорукова. Спб. 1840 г. 9) Voyage politique, philosophique

закрыто темными тучами, особенно часто свирѣпствуютъ сильныя бураны; единственное спасеніе путника или звѣря, застигнутыхъ этою вьюгою, — лечь въ снѣгъ и терпѣливо ожидать, иногда по цѣлымъ суткамъ, ея конца. Ночи продолжительны и мрачны; лишь по временамъ мракъ сокращается величественнымъ явленіемъ полярнаго горизонта — сѣвернымъ сіяніемъ. Безмолвіе пустыни царствуетъ въ полутемномъ, занесенномъ снѣгомъ городкѣ. Только хвойныя деревья: кедръ, ель и сосна, по высокому росту и зелени, нѣсколько оживляютъ угрюмую картину этой вѣчной зимы.

Березовъ построенъ въ 1593 году, при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, воеводою Никифоромъ Траханіотовымъ, для упроченія русскаго владычества надъ покоренными осятками. Названіе его произошло отъ находившагася вблизи остяцкаго селенія «Сугмутъ-Вожъ», что означаетъ въ переводѣ—березовый городокъ. При основаніи своемъ Березовъ былъ обнесенъ рвомъ, валомъ и деревянной стѣной съ башнями, въ предосторожность отъ нападенія инородцевъ. Укрѣпленія эти существовали до 1806 года, когда ужасный пожаръ истребилъ не только ихъ, но и почти весь городъ. По описи, составленной въ 1727 году, въ Березовѣ числилось 400 дворовъ служилыхъ казаковъ, три церкви, воеводскій дворъ и приказъ; въ настоящее же время въ немъ всего 170 домовъ, большею частью деревянныхъ и полуразвалившихся, двѣ церкви и около тысячи человекъ жителей.

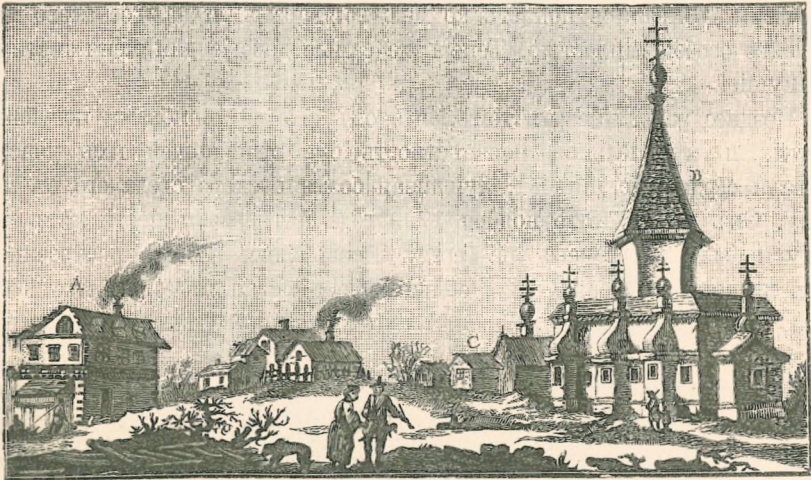
Отдаленность и пустынность Березова сдѣлали его почти съ самаго основанія мѣстомъ ссылки важныхъ государственныхъ преступниковъ. Мы сообщимъ здѣсь нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, которыя намъ удалось собрать, о замѣчательныхъ людяхъ, сосланныхъ въ Березовъ въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1727 года, въ Березовъ былъ привезенъ изъ Тобольска, подъ конвоемъ капитана сибирскаго гарнизона Миклашевскаго и двадцати рядовыхъ, знаменитый другъ и сподвижникъ Петра Великаго, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ съ сыномъ Александромъ (13 л.) и дочерьми: Александрою (14 л.) и Марією (16 л.), обрученною невѣстою юнаго императора Петра II. Ихъ помѣстили въ городскомъ острогѣ, передѣланномъ въ 1724 году изъ упраздненнаго Березовскаго мужского Воскресенскаго монастыря,

et littéraire, fait en Russie en 1788. Trad. du holland. par Chantereau. Paris. 1794. Т. 2. 10) Ссылка князя Меншикова. Ст. Г. В. Есипова. Отеч. Зап. 1861 г. № 1. 11) Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древ. Россійск. при Москов. Универ. М. 1864 г. Кн. 1. Смѣсь. 12) Русскій Архивъ, издав. П. И. Бартевнымъ. М. 1866 г. № 1. 13) Тобольскія губернскія вѣдомости. 1857 г. № 22.

монахи котораго были тогда же переведены въ Кандинскій монастырь. Стѣды свай и фундамента этого острога уцѣлѣли до сихъ поръ. Онъ стоялъ въ двадцати саженьяхъ на западъ отъ нынѣшней Богородице-Рождественской церкви и былъ обнесенъ тыномъ изъ толстыхъ стоячихъ бревенъ. Наружность его представляла невысокое, длинное деревянное зданіе съ узкими закругленными вверху окнами, а внутренность была раздѣлена на четыре комнаты: одну изъ нихъ занялъ самъ Меншиковъ съ сыномъ, другую княжны Александра и Марія, третью прислуга, а въ четвертой хранились съѣстные припасы.

Несчастіе произвело сильный нравственный переворотъ въ Меншиковѣ. Гордый, жестокій, властолюбивый и порочный во времена

Видъ города Березова въ XVIII столѣтіи.

Съ гравюры прошлаго столѣтія.

своего могущества, онъ явилъ въ ссылкѣ образецъ христіанской добродѣтели, твердости, смиренія и покорности волѣ Провидѣнія.

Помышляя единственно о загробной жизни и спасеніи души, Меншиковъ посвятилъ остатокъ дней своихъ покаянію и молитвѣ. Скопивъ изъ отпускавшихся на содержаніе его денегъ (10 р. асс. въ сутки) небольшую сумму, онъ соорудилъ на нее деревянную церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ св. Іліи Пророка, причемъ работалъ самъ съ топоромъ въ рукахъ. Когда по стройка была окончена, Меншиковъ принялъ на себя ничтожную должность церковнаго старосты и съ точностью выполнялъ всѣ сопряженныя съ этимъ званіемъ обязанности, ежедневно первымъ входилъ

въ храмъ и послѣднимъ оставлялъ его, звонилъ въ колокола, пѣлъ на клиросѣ, говорилъ иногда собравшимся прихожанамъ назидательныя поученія, почерпнутыя изъ божественнаго писанія. «Благо мнѣ, Господи» повторялъ онъ безпрестанно въ молитвахъ, «яко смирилъ мя еси!» По возвращеніи изъ церкви, Меншиковъ заставлялъ дѣтей своихъ читать священныя книги или передавалъ имъ любопытныя событія своей жизни, которыя они записывали. Неизвѣстно, куда дѣвалась эта рукопись, но березовскій мѣщанинъ Матвѣй Бажановъ, умершій въ 1797 году, 107 лѣтъ отъ рожденія, часто заставлялъ Меншиковыхъ за этимъ занятіемъ. Князь любилъ бесѣдовать съ нимъ и однажды сказалъ ему между прочимъ: «вотъ, ты сидишь со мною рядомъ, а прежде наши вельможи, иностранные принцы и князья всячески добивались попасть ко мнѣ во дворецъ, и каждое слово мое считали особою милостью. Теперь же самыя дорогіе для меня гости — неимущіе!»

Позднее раскаяніе въ томъ, что онъ своими ошибками погубилъ дѣтей, и мучительная неизвѣстность объ ожидающей ихъ участи терзали сердце Меншикова; душевная болѣзнь скоро свела его въ могилу. Онъ умеръ 12-го ноября 1729 года пятидесяти-шести лѣтъ отъ роду и былъ похороненъ на берегу Сосвы близъ алтаря построенной имъ церкви. Быстрая Сосва, обмывая и обрывая въ этомъ мѣстѣ берега, давно уже сгладила всякій слѣдъ могилы свѣтлѣйшаго князя Ижорскаго.

Княжна Марія недолго пережила отца; она скончалась въ томъ же году, 26-го декабря.

Петръ II за десять дней до смерти вспомнилъ о своей бывшей невѣстѣ и, 9-го января 1730 года, отдалъ приказаніе верховному тайному совѣту — «освободить изъ ссылки дѣтей Меншикова, съ позволеніемъ жить, не вѣзжая въ Москву, въ деревнѣ дяди ихъ, Василья Арсеньева, и дать имъ на прокормленіе сто дворовъ, пріискать изъ нижегородскихъ Меншиковыхъ деревень, а сына записать въ полкъ и отдать для обученія хорошему офицеру». Воля умершаго императора была исполнена уже императрицей Анной Ивановной въ іюлѣ 1730 г. Она разрѣшила Меншиковымъ пріѣхать въ Москву, возвратила князю Александру Александровичу часть отцовскаго имѣнія и пожаловала ему чинъ прапорщика лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Княжна Александра Александровна была назначена фрейлиной и вскорѣ выдана замужъ за генераль-аншефа Густава Бирона.

Въ 1852 году, почти черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Меншикова, тобольскій губернаторъ Д. Н. Вантышъ-Каменскій, желая знать, гдѣ покоится прахъ любимца Петра I, поручилъ березовскому городничему

Андрееву отыскать его могилу. Г. Андреевъ, въ свою очередь желая угодить губернатору, поспѣшилъ исполнить порученіе и донести, что онъ разспрашивалъ старожиловъ и узналъ отъ казака Шахова, бывшаго вожатымъ столѣтняго березовскаго мѣщанина Бажанова, что могила Меншикова находится недалеко отъ берега Сосвы, на косогорѣ, у алтаря сгорѣвшей Спасской церкви, построенной Меншиковымъ.

Князь А. Д. Меншиковъ.

Съ портрета, принадлежащаго князю В. А. Меншикову.

Городничій велѣлъ на указанномъ мѣстѣ вырубить землю. Въ глубинѣ трехъ аршинъ съ четвертью оказался гробъ, длиною въ сажень, обитый краснымъ сукномъ съ серебрянымъ позументомъ, въ видѣ креста, на крышѣ. Его открыли; сняли ледъ, на вершокъ покрывавшій тѣло усопшаго; приподняли шелковое покрывало: лежавшій въ гробу былъ высокаго роста, сухощавый, съ бритою бородой, безволосый, имѣлъ густыя брови; всѣ зубы сохранившіеся; одѣтъ въ халатъ, сте-

ганной шапочкѣ, подъ которою голова была обернута платкомъ; на ногахъ зеленыя туфли съ высокими каблуками, книзу суживающіеся. Гробницу тотчасъ закрыли и засыпали землей. Въ концѣ своего донесенія губернатору, городничій однако прибавлялъ «что не ручается, дѣйствительно ли усопшій былъ князь Меншиковъ».

Спустя полтора года послѣ этого, Бантышъ-Каменскій самъ пріѣхалъ въ Березовъ и приказалъ вновь раскопать могилу. «Когда открыли гробъ», говоритъ онъ, «я увидѣлъ Меншикова, котораго тотчасъ узналъ по портрету, бывшему со мной; черты лица не измѣнились, но отъ прикосновенія воздуха тѣло все почернѣло; сукно, позументъ, покрывало, шапочка, халатъ подверглись тлѣнію. Отслушавъ литію и поклонившись праху великаго мужа, я велѣлъ, не вынимая гроба на поверхность, засыпать его землею».

Такое свидѣтельство Бантыша-Каменскаго, казалось, уничтожало всякое сомнѣніе въ томъ, что открытый мертвецъ былъ дѣйствительно князь Меншиковъ. Однако, новѣйшія изслѣдованія смотрителя березовскихъ училищъ и члена-корреспондента Географическаго Общества, г. Абрамова, проливаютъ совершенно иной свѣтъ на это дѣло.

Изъ изслѣдованій г. Абрамова оказывается, что березовскій городничій, слишкомъ увлекшись желаніемъ угодить губернатору, не сохвѣлъ вѣрно донести ему о тѣхъ подробностяхъ, которыя сопровождали открытіе могилы князя Меншикова, и этимъ ввелъ Бантыша-Каменскаго въ странное заблужденіе.

Многіе березовскіе жители, бывшіе очевидцами открытія могилы городничимъ Андреевымъ, такъ передавали объ этомъ г. Абрамову въ 1842 году (черезъ 17 лѣтъ).

30-го іюля 1825 года, въ жаркій день, начали разрывать могилу. Сначала докопались до двухъ маленькихъ гробиковъ, обитыхъ алымъ сукномъ. Раскрывъ ихъ, увидѣли кости младенцевъ, покрытыя зеленымъ атласомъ, и два шелковые головные вѣнчика. Гробочки эти стояли на большомъ гробу, сдѣланномъ въ видѣ колоды изъ кедра, длиною около трехъ аршинъ, и обитомъ тѣмъ же алымъ сукномъ, какъ и гробы младенцевъ, съ крестомъ изъ серебрянаго позумента на крышкѣ. По снятіи ея увидѣли, что въ гробу съ обоихъ концовъ не было выдолблено дерева вершка на три. Покойникъ лежалъ покрытый зеленымъ атласнымъ покрываломъ. Такъ какъ покрывало было со всѣхъ сторонъ подложено подъ мертвеца, то, не тревожа его, разрѣзали атласъ по срединѣ ножницами. Покойникъ открылся почти свѣжій: лицо бѣлое, съ синеватостью; зубы всѣ сохранившіеся; на головѣ шапочка изъ шелковой алой матеріи, подъ подбородкомъ подвязанная широкой лентой и фустомъ; на лбу шелковый вѣнчикъ; шлафрокъ

изъ шелковой матеріи красноватаго цвѣта; на ногахъ башмаки безъ клюшъ, съ высокими каблуками, книзу съуживающимися; переда остроконечные изъ шелковой махровой матеріи¹⁾). Могила оставалась цѣлый день открытою и лицо совершенно почернѣло.

Сравнивая собранныя имъ свѣдѣнія съ донсеніемъ городничаго Андреева и свидѣтельствомъ Бантыша-Каменскаго, г. Абрамовъ дѣлаетъ нѣсколько весьма дѣльныхъ замѣчаній. 1) Бантышъ-Каменскій, говорить онъ, сличивъ находившійся при немъ портретъ князя съ лицомъ покойника, призналъ его за Меншикова. Но могли ли сохраниться какія нибудь черты послѣ того, какъ покойникъ, остававшійся открытымъ въ теченіе всего іюльскаго жаркаго дня, совершенно почернѣлъ, а сукно, халатъ, шапочка и позументы, по словамъ самого Бантыша-Каменскаго, подверглись тлѣнію? 2) Борода у покойника была обрита, а между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что Меншиковъ съ перваго дня своей ссылки отпустилъ бороду и уже не брилъ ся. 3) Могила открыта на косогорѣ близъ алтаря сгорѣвшей Спасской церкви, построенной, какъ говоритъ городничій Андреевъ, а за нимъ и Бантышъ-Каменскій, Меншиковымъ. По вѣрнымъ же преданіямъ и сохранившимся актамъ извѣстно, что Меншиковъ выстроилъ не Спасскую церковь, а Богородице-Рождественскую близъ острога государственныхъ преступниковъ. Церковь эта, какъ видно изъ дѣлъ березовской воеводской канцеляріи, сгорѣла 20-го февраля 1764 г., на сырной недѣлѣ, отъ неосторожности пьянаго трапезника Петра Оедорова. Въ это время сгорѣли находившіеся при церкви богадѣльня и памятникъ на могилѣ Меншикова. 4) Хотя открытый гробъ и оказался длиною въ три аршина; но такъ какъ у него не было выдолблено вершка по три съ cadaго края, то длина трупа не могла превышать 2 аршинъ 5 вершковъ, если принять въ соображеніе каблукы у башмаковъ, длиною въ полтора вершка, а князь Меншиковъ, какъ извѣстно, былъ ростомъ 2 аршина 12 вершковъ. Наконецъ, платье покойника, капоръ на головѣ, подвязанный лентою, башмаки изъ махровой матеріи, могли принадлежать скорѣе женщинѣ, чѣмъ мужчинѣ.

Приведенныя нами замѣчанія г. Абрамова такъ основательны и ясны, что послѣ нихъ становится очевидной ошибка Бантыша-Каменскаго, признавашаго неизвѣстнаго и нисколько не похожаго на Меншикова мертвеца за трупъ любимца Петра I.

Что же побудило казака Шахова указать городничему Андрееву вмѣсто Меншиковой чужую могилу? По собственному сознанію Ша-

¹⁾ Такіе башмаки въ прошломъ столѣтіи носили женщины.

хова, онъ былъ увѣренъ, что покойникъ, пролежавъ въ землѣ 68 лѣтъ, давно сгнилъ, а между тѣмъ ждалъ за такое открытіе награды отъ губернатора и кромѣ того полагалъ, что потомки князя будутъ усердствовать Спасской церкви богатыми вкладами.

Но кто же этотъ покойникъ? Почему около него положены два младенческіе гробика, обитые одной и той же матеріей съ большимъ гробомъ?

Вопросъ этотъ отчасти рѣшается слѣдующимъ, сохранившимся между многими березовскими жителями, преданіемъ:

Въ 1728 году, вскорѣ за Меншиковыми, пріѣхалъ въ Березовъ князь Ѳеодоръ Долгоруковъ ¹⁾. Онъ давно былъ влюбленъ въ княжну Марію Александровну и, узнавъ о ея ссылкѣ, выпросился ѣхать за границу, а самъ, подъ чужимъ именемъ, явился въ мѣсто заключенія своей возлюбленной. Они были тайно вѣнчаны однимъ престарѣлымъ священникомъ, которому за это, между прочимъ, былъ подаренъ барсовый плащъ, долго хранившійся въ его потомствѣ. Въ лѣтнее время березовскіе жители часто видѣли князя Ѳедора и его жену прогуливающихъ на берегу Сосвы, причемъ замѣчали, что она никогда не носила другого платья кромѣ чернаго, почти всегда бархатнаго, съ окладкою изъ серебряной блонды. Черезъ годъ послѣ брака княгиня Долгорукова скончалась родами двухъ близнецовъ и была похоронена въ одной могилѣ съ дѣтьми, близъ Спасской церкви.

Въ числѣ рѣдкостей, до сихъ поръ сохраняющихся въ бывшей Спасской церкви, нынѣ Воскресенскомъ березовскомъ соборѣ, находятся: 1) двѣ парчевыя священническія ризы со звѣздами св. Андрея Первозваннаго на заплечьяхъ, шитыя дочерьми Меншикова, и 2) золотой медальонъ изящной работы, внутри котораго находится святая въ кольцо прядь свѣтло-русыхъ волосъ. Медальонъ этотъ, по преданію, поступилъ въ церковь послѣ смерти князя Ѳедора Долгорукова. Волосы, находящіеся въ медальонѣ, принадлежатъ женѣ князя—княгинѣ Маріи Александровнѣ.

Въ началѣ царствованія императрицы Анны Ивановны, въ іюлѣ 1730 года, въ Березовъ былъ присланъ въ заточеніе оберъ-гофмейстеръ и членъ верховнаго тайнаго совѣта, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ съ женой Прасковьей Юрьевной (рожденной княжной Хилковой) и дѣтьми: княземъ Иваномъ (22 л.), съ женой Натальей Борисовной (рожденной графиней Шереметевой), Николаемъ (18 л.),

¹⁾ Есть основаніе думать, что князь Ѳеодоръ былъ сынъ навѣстнаго князя Василя Лукича Долгорукова.

Алексѣемъ (14 л.), Александромъ (12 л.) и княжнами: Екатериною (18 л.), Еленою (15 л.) и Анной (13 л.).

Извѣстно, что князь Алексѣй Григорьевичъ и старшій сынъ его, оберъ-камергеръ князь Иванъ, были главѣйшими виновниками паденія Меншикова и играли первостепенную роль при дворѣ императора Петра II, на котораго имѣли почти неограниченное вліяніе. Князь Алексѣй Григорьевичъ намѣревался даже выдать дочь свою Екате-

Князь Н. А. Долгоруковъ.

Съ портрета, находившагося на исторической выставкѣ портретовъ 1870 года.

рину замужъ за молодого государя и только внезапная кончина послѣдняго разстроила этотъ бракъ. Въ то время, когда императоръ томился въ предсмертной агоніи, Долгоруковы, чтобы удержать за собою власть, составили отъ его имени подложное духовное завѣщаніе, гдѣ говорилось, что Петръ завѣщаетъ послѣ себя русскій престолъ обрученной невѣстѣ своей, княжнѣ Екатеринѣ; но, испугавшись сами послѣдствій столь дерзкаго замысла, они поспѣшили уничтожить этотъ фальшивый актъ. Съ воцареніемъ Анны Ивановны, фамилія Долго-

рукихъ, казавшаяся опасной новымъ временщикамъ, окружавшимъ императрицу, подверглась страшнымъ гоненіямъ: всѣ они были лишены званій, орденовъ и имущества и сосланы въ отдаленныя мѣста имперіи. На долю князя Алексѣя Григорьевича и его семейства выпала Березовъ.

Тотъ же самый острогъ, гдѣ содержались Меншиковы, сдѣлался тюрьмой Долгоруковыхъ. По недостатку въ немъ помѣщенія, князю Ивану Алексѣевичу съ женою былъ отведенъ для жительства дровяной сарай, наскоро перегороденный и снабженный двумя печками. Именнымъ указомъ императрицы было строжайше запрещено позволять Долгоруковымъ сообщаться съ жителями, имѣть бумагу и чернила и выходить куда либо изъ острога, кромѣ церкви, да и то подъ конвоемъ солдатъ. Надзоръ надъ ними былъ ввѣренъ нарочно присланному для того изъ Тобольска съ командой майору сибирскаго гарнизона Петрову. На пропитаніе ссыльныхъ отпускалось ежедневно по одному рублю на каждого, а между тѣмъ жизненные припасы въ Березовѣ были очень дороги; напримѣръ, за пудъ сахара они платили 9 руб. 50 коп., — цѣна по тому времени непомятая. Долгоруковы терпѣли во всемъ большую нужду, ѣли деревянными ложками, пили изъ оловянныхъ стакановъ; мужчины имѣли только одно развлеченіе, — забавляться утками, гусями и лебедями, плававшими въ сажалкѣ на острожномъ дворѣ, а женщины занимались рукодѣліями, вышивая преимущественно по разнымъ матеріямъ священныя изображенія. Жили Долгоруковы постоянно въ ссорахъ и пререканіяхъ другъ съ другомъ; объ этихъ ссорахъ даже возникло въ 1731 г. дѣло и послѣдовалъ слѣдующій указъ императрицы: «сказать Долгоруковымъ, чтобы они впредь отъ ссоръ и непристойныхъ словъ конечно воздержались и жили смирно, подъ опасеніемъ наистрожайшаго содержанія».

Княгиня Прасковья Юрьевна пріѣхала въ Березовъ совершенно больная и черезъ нѣсколько недѣль умерла, а въ 1734 году скончался князь Алексѣй Григорьевичъ, удрученный годами, несчастьемъ и суровостью сибирскаго климата. Они были похоронены, также какъ и Меншиковъ, близъ Рождественской церкви, но могилы ихъ неизвѣстны.

Главой семьи остался князь Иванъ Алексѣевичъ и вся горечь домашнихъ распрей выпала на долю его несчастной жены, Натальи Борисовны. Благодаря этой симпатичной и благородной женщинѣ, Долгоруковы, не смотря на строгія требованія инструкціи о содержаніи ссыльныхъ, начали пользоваться снисхожденіемъ своихъ приставовъ. Майоръ Петровъ и капитанармусъ Козьминъ особенно мирволили узникамъ и разрѣшили князю Ивану и его женѣ выходить изъ острога въ городъ въ гости и принимать у себя гостей. Скоро и самъ бере-

зовскій воевода, добрый и добродушный старикъ Бобровскій, и его семья, коротко сошлись съ Долгоруковыми, часто проводили у нихъ время и приглашали къ себѣ на вечеринки. Бобровскій и жена его присылали Долгоруковымъ «разную харчу», песцовые и другіе мѣха. Князь Иванъ и Наталья Борисовна, успѣвшіе при описи ихъ имущества и отправленіи въ ссылку припрятать кое-какія дорогія вещи,

Княгиня Н. Б. Долгорукова.

Съ портрета, принадлежащаго князю Д. И. Долгорукову, по акварели А. Д. Соколова.

въ свою очередь не скупились на «благодарности» Бобровскимъ и Петрову. Они дарили имъ сукна, «часы золотые ветхіе», гарнитуръ и гризетъ насыпной съ искрами и т. п. Гордая «разрушенная» невѣста, княжна Екатерина, ни съ кѣмъ не сближалась, а остальные Долгоруковы были еще слишкомъ молоды. Князь Николай принялся за ученіе. Русской грамотѣ и первоначальнымъ свѣдѣніямъ изъ исторіи,

географіи и ариеметики, онъ обучался у иконописца тобольскаго архіерейскаго дома Ковалева. Кто былъ его французскій учитель — неизвѣстно, но въ дѣлахъ сохранились отобранныя отъ него учебныя тетради по французскому языку.

Князь Иванъ Алексѣевичъ, общительный отъ природы, началъ заводить дружбу съ разными офицерами мѣстнаго гарнизона и наѣзжавшими въ Березовъ, съ мѣстнымъ духовенствомъ и съ березовскими обывателями. Особенно онъ подружился съ флотскимъ поручикомъ Овцынымъ, часто бывалъ у него и принималъ у себя, постоянно становился съ нимъ рядомъ въ церкви и даже ходилъ вмѣстѣ съ нимъ въ баню. Близость съ Овцынымъ погубила Долгоруковыхъ.

Подъ вліяніемъ новыхъ знакомствъ, князь Иванъ вспомнилъ разгульную жизнь, которую велъ до ссылки, и сталъ кутить со своими новыми пріятелями. Часто вино не въ мѣру развязывало его языкъ и онъ проговаривался о многомъ, о чемъ, конечно, трезвый не поболтался бы; подчасъ неосторожно и рѣзко выражался объ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, о приближенныхъ къ нимъ людяхъ, рассказывалъ про нихъ разные анекдоты и сплетни, разумѣется очень интересовавшіе березовскихъ офицеровъ, подъячихъ, священниковъ и обывателей.

На Долгоруковыхъ начали поступать доносы, послѣдствіемъ которыхъ явилось строжайшее запрещеніе выходить изъ острога и усиленіе надъ ними караула. Тѣмъ не менѣе, березовцы продолжали навѣщать ихъ. Въ числѣ этихъ посѣтителей бывалъ тобольскій таможенный подъячій Тишинъ, пріѣзжавшій иногда въ Березовъ по дѣламъ службы. Тишину приглянулась красивая и неприступная «разрушенная» государыня-невѣста, княжна Екатерина. Разъ какъ-то, напившись пьянымъ, онъ въ грубой формѣ высказалъ ей свои желанія. Оскорбленная княжна пожаловалась пріятелю брата, поручику Овцыну, и пьяный подъячій получилъ заслуженное наказаніе: Овцынъ, при помощи казачьяго атамана Лихачева и боярскаго сына Кашперева, жестоко избилъ Тишина. Затаивъ оскорбленіе, Тишинъ поклялся огомстить обидчикамъ. Поводъ къ этому не замедлил представиться. Князь Иванъ, подгулявши, принялся бранить при Тишинѣ, какъ не разъ бранилъ при другихъ, императрицу, цесаревну Елизавету Петровну, Бирона.

— Для чего ты такія слова говоришь, какъ бы усовѣщевалъ его Тишинъ: — лучше бы тебѣ за ея императорское величество и за всю императорскую фамилію Бога молить.

— А что, донести хочешь?... догадывался выпившій князь Иванъ. — Гдѣ тебѣ доносить, продолжалъ онъ: — ты нынѣ уже сталъ сибирякъ.

Впрочемъ, заключилъ онъ подумавши: — хотя и доносить станешь, то тебѣ же голову отсѣкутъ.

Тишинъ сказалъ, что и не думаетъ доносить, а донесетъ приставѣ Долгоруковыхъ, маіору Петровъ.

— Петровъ уже нашъ и задаренъ! отвѣчалъ князь Иванъ.

Тишинъ пожаловался Петрову, но тотъ не обратилъ на жалобу вниманія и замялъ дѣло. Тогда Тишинъ подалъ доносъ сибирскому губернатору, обвиняя, кромѣ Долгоруковыхъ и Петрова, также и березовскаго воеводу, въ послабленіяхъ ссыльнымъ.

Результатомъ этого доноса было прибытіе въ Березовъ, въ маѣ 1738 г., капитана сибирскаго гарнизона Ушакова «инкогнито», но «съ секретнымъ предписаніемъ». Ему приказано было выдать себя за лицо, присланное по повелѣнію императрицы для улучшенія положенія Долгоруковыхъ, и тайно разузнать о ихъ житьѣ-бытьѣ. Ушаковъ отлично сыгралъ свою роль. Онъ познакомился съ Долгоруковыми, съ разными березовскими жителями, съ священниками, водилъ съ ними хлѣбъ-соль, вступалъ въ бесѣды и такимъ образомъ подъ рукой узналъ все, что ему было нужно. Немедленно по его отъѣздѣ, полученъ былъ въ Березовѣ приказъ изъ Tobольска — отдѣлить князя Ивана отъ жены, братьевъ и сестеръ. Несчастный былъ заключенъ въ тѣсную, сырую землянку, гдѣ ему давали грубой пищи лишь настолько, чтобы онъ не умеръ съ голоду. Наталья Борисовна выплакала у караульныхъ солдатъ дозволеніе тайно по ночамъ видѣться съ мужемъ черезъ оконце, едва пропускавшее свѣтъ, и носила ему ужинъ.

Въ концѣ августа 1738 года, въ темную, дождливую ночь, къ Березову подплыло судно съ вооруженной командой. На него въ глубокой тишинѣ были посажены: князь Иванъ Алексѣевичъ, двое его братьевъ, князя Николай и Александръ, Бобровскій, Петровъ, Овцынъ, трое березовскихъ священниковъ, одинъ дьяконъ, слуги Долгоруковыхъ и березовскіе обыватели, — всего болѣе шестидесяти человекъ. Ихъ привезли въ Tobольскъ и сдали тому же капитану Ушакову, который явился теперь передъ ними грознымъ и неумолимымъ судьей. Слѣдствіе, производившееся по тогдашнему обычаю «съ пристрастіемъ и розыскомъ», т. е. съ пыткой, продолжалось недолго. Девятнадцать человекъ изъ числа арестованныхъ были признаны виновными въ разныхъ послабленіяхъ Долгоруковымъ и прикосновенными «къ вредительнымъ и злымъ словамъ» князя Ивана Алексѣевича и потерпѣли жестокою кару: маіоръ Петровъ былъ обезглавленъ въ Tobольскѣ въ іюнѣ 1739 г.; священники биты кнутомъ и разсланы по дальнимъ сибирскимъ городамъ; офицеры, нѣкоторые изъ березовскихъ обыва-

телей и дворовые люди князя Ивана — записаны въ рядовые въ сибирскіе полки.

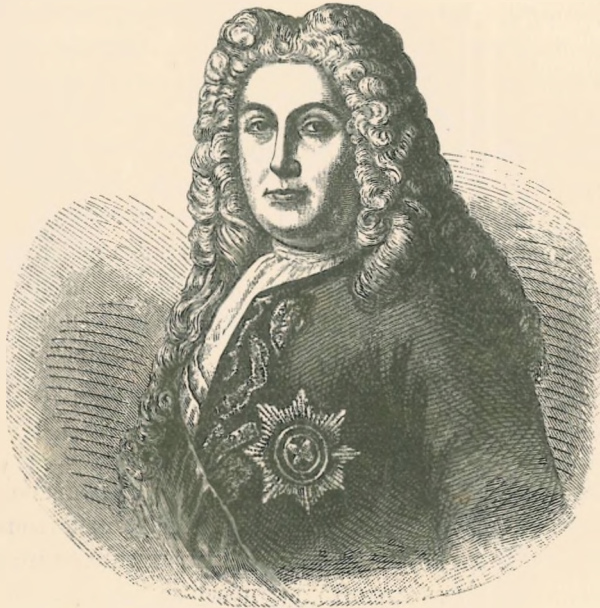
Князь Иванъ Алексѣевичъ во время слѣдствія содержался въ тобольскомъ острогѣ, въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, прикованнымъ къ стѣнѣ. Нравственно и физически измученный, онъ впалъ въ какое-то особенное нервное состояніе, близкое къ умопомѣшательству, бредилъ на-яву и рассказалъ даже то, чего у него не спрашивали — исторію сочиненія подложнаго духовнаго завѣщанія при кончинѣ Петра II. Неожиданное признаніе это повлекло за собой новое дѣло, къ которому оказались прикосновенными дяди князя Ивана, князья Сергѣй и Иванъ Григорьевичи и Василій Лукичъ. По повелѣнію императрицы, всѣ они были привезены сперва въ Шлиссельбургъ, а потомъ въ Новгородъ, подвергнуты пыткамъ и затѣмъ приговорены къ смерти: князь Иванъ Алексѣевичъ — колесованіемъ, а князья Сергѣй и Иванъ Григорьевичи и Василій Лукичъ — отсѣченіемъ головы. Казнь совершилась 8-го ноября 1739 г., въ верстѣ отъ Новгорода, на Скудельничьемъ полѣ, близъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ церковь во имя св. Николая Чудотворца, построенная въ царствованіе Екатерины II родственниками казненныхъ.

Не были пощажены также братья и сестры князя Ивана Алексѣевича. Изъ нихъ, князья Николай и Александръ, по наказаніи кнутомъ и урѣзаніи языковъ, сосланы въ каторжную работу, первый въ Охотскъ, а второй въ Камчатку; князь Алексѣй отправленъ матросомъ въ Камчатку, княжны Екатерина, Елена и Анна заключены въ разные монастыри.

Княгиня Наталья Борисовна оставалась въ Березовѣ до восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны; получивъ свободу, она поселилась въ Петербургѣ, въ домѣ брата своего, графа Петра Борисовича Шереметева, который, наслѣдовавъ отъ отца слишкомъ восемьдесятъ тысячъ крестьянъ, удѣлилъ сестрѣ только пятьсотъ. Наталья Борисовна рѣшилась хлопотать о возвратѣ ей дѣтямъ шестнадцати тысячъ душъ, конфискованныхъ у князя Ивана Алексѣевича, и обратилась съ просьбой о содѣйствіи къ всемогущему тогда лейбъ-медику императрицы — Лестоку. Послѣдній изъявилъ готовность взяться за дѣло и ручался за успѣхъ, но потребовалъ въ вознагражденіе своихъ хлопотъ великолѣпные часы съ курантами, купленные графомъ Петромъ Борисовичемъ въ Лондонѣ за семь тысячъ рублей. Наталья Борисовна передала это брату и къ крайнему огорченію своему получила отъ него рѣшительный отказъ. Чудакъ не согласился пожертвовать часами, чтобы устроить будущность сестры и племянниковъ! Правительство возвратило дѣтямъ князя Ивана Алексѣевича всего лишь двѣ ты-

сячи душъ. Окончивъ воспитаніе сыновей, княгиня Наталья Борисовна удалилась въ Кіевъ, во Фроловскую обитель, гдѣ и постриглась подъ именемъ Нектаріи. Она скончалась въ 1771 году.

Княжна Екатерина Алексѣевна была заточена въ новгородскій Воскресенскій дѣвичій монастырь, извѣстный подъ именемъ Горицкаго. Здѣсь, у выхода на такъ называемый черный дворъ, гдѣ находились конюшня, хлѣва и коровникъ, стоялъ небольшой деревянный домъ съ крошечными отверстиями вмѣсто оконъ и толстой дубовой дверью, окованной желѣзомъ, которая запиралась постоянно, и днемъ и ночью,

Графъ А. И. Остерманъ.

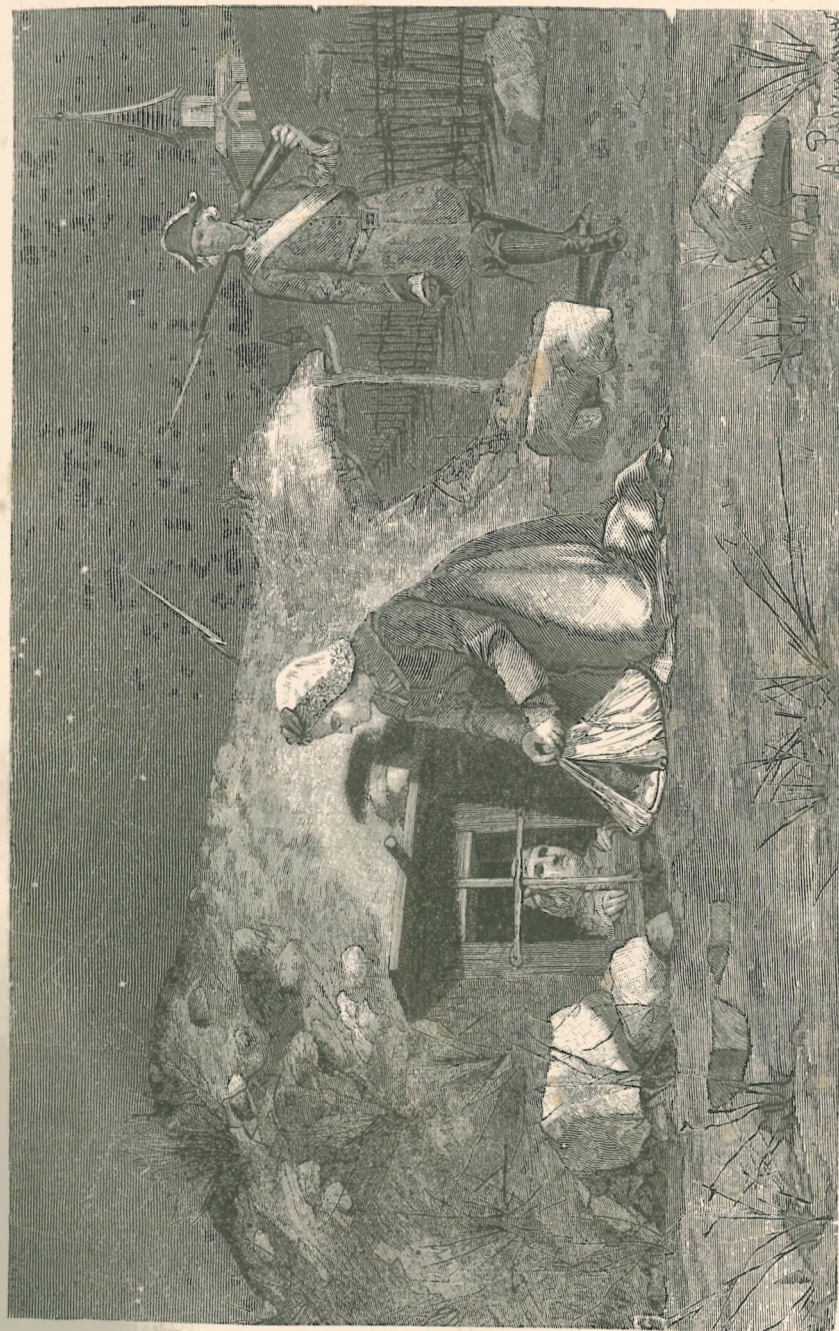
Съ портрета, находящагося въ Эрмитажѣ.

двумя замками, внутреннимъ и наружнымъ. Въ этомъ домѣ, разгороженномъ на чуланчики, содержались секретныя колодницы, никѣмъ невидимыя кромѣ настоятельницы и приставницы; только въ случаѣ опасной болѣзни какой либо изъ арестантокъ призывался для совершенія требъ монастырскій священникъ. Княжна Екатерина провела въ монастырѣ слишкомъ два года въ самомъ строгомъ заключеніи. Несчастіе нисколько не смягчило ея высокоумнаго и спѣсиваго характера. Однажды приставница, за что-то разсердившись на княжну, замахнулась на нее огромными четками изъ деревянныхъ бусъ, замѣнявшими иногда плетку. — «Уважь свѣтъ и во тѣмѣ: я княжна, а

ты холопка!» сказала Долгорукова и гордо посмотрѣла на приста-вницу. Последняя смутилась и тотчасъ же вышла, забывъ даже за-переть тюрьму: она, дѣйствительно, была изъ крѣпостныхъ. Въ дру-гой разъ, приѣхалъ изъ Петербурга какой-то важный генераль. Все засуетилось, забѣгало въ монастырѣ. Игуменья угощала гостя въ своихъ кельяхъ, подносила подарки, образа, вышиванья и т. д. Генера-ль пожелалъ осмотрѣть тюрьму и колодницъ и вошелъ къ Долго-руковой: княжна оказала ему «грубость»—не встала и отвернулась отъ посѣтителя. Генераль погрозилъ ей батогами и удалился, приказавъ игуменѣ строже глядѣть за колодницей. Въ монастырѣ не знали, какъ еще строже смотрѣть? Думали, думали и надумались заколотить единственное окошечко въ чуланчикѣ, гдѣ содержалась бывшая «го-сударыня-невѣста». Съ тѣхъ поръ боялись даже близко подпускать когонибудь къ тюрьмѣ: двѣ монастырскія дѣвочки вздумали было посмотрѣть въ скважину наружной двери—ихъ за это больно высѣкли.

Императрица Елисавета Петровна, вступивъ на престолъ, прика-зала освободить княжну Екатерину и пожаловала ей званіе фрейлины. Уѣзжая изъ монастыря, Долгорукова очень любезно простилась съ игу-меней и монахинями и обѣщала не оставить обитель посильными при-ношеніями. Она сдержала обѣщаніе и повременамъ посылала горниц-кимъ отшельницамъ денежныя милостыни и вклады разными ве-щами. Въ Петербургѣ княжна встрѣтилась съ своими братьями и се-страми, также возвращенными изъ ссылки. Императрица очень же-лала поскорѣ выдать Долгорукову замужъ, потому что народъ, не смотря на оффиціальныя запрещенія, по старой привычкѣ, продол-жалъ называть ее «государыней-невѣстой». Однако пристроить княжну оказалось дѣломъ не легкимъ: березовскія похожденія ея и строптивый нравъ отталкивали всѣхъ жениховъ; притомъ же и она была слиш-комъ разборчива. Только послѣ трехлѣтнихъ напрасныхъ стараній уда-лось, наконецъ, выдать ее, въ 1745 году, за генераль-аншефа графа Александра Романовича Брюса, который согласился на этотъ бракъ изъ личныхъ расчетовъ. Вскорѣ послѣ свадьбы, графиня Брюсъ от-правилась въ Новгородъ поклониться праху своихъ казенныхъ род-ственниковъ. На возвратномъ пути въ Петербургъ она простудилась, заболѣла горячкой и черезъ нѣсколько недѣль умерла. Высокомѣріе не покинуло графини Екатерины Алексѣевны даже на смертномъ одрѣ: за два дня до кончины она приказала при себѣ сжечь всѣ свои платья и наряды для того, «чтобы послѣ нее никто не могъ ихъ но-сить!»

Изъ сестеръ «государыни-невѣсты» княжна Елена вышла замужъ за князя Юрія Юрьевича Долгорукова, а княжна Анна осталась въ

Свиданіе княгини Н. Б. Долгоруковой съ мужелъ въ Березовѣ.
Съ рисунка художника Риббштина.

дѣвицахъ. Онѣ поселились въ Москвѣ, построили тамъ домовую церковь во имя Всемилостиваго Спаса и звали къ себѣ на житье пострадавшихъ изъ-за нихъ березовскихъ священниковъ; но изувѣченные священнослужители отказались и пожелали окончить свой вѣкъ на родинѣ. Долгоруковы пожертвовали въ березовскіе церкви много богатыхъ вкладовъ; къ сожалѣнію, большая часть ихъ сгорѣла въ пожаръ 1764 года. До настоящаго времени сохранились только двѣ священническія ризы со звѣздами ордена св. Андрея Первозваннаго на заплечьяхъ да нѣсколько богослужебныхъ книгъ. На заглавномъ листкѣ одной изъ послѣднихъ четкимъ почеркомъ написано: «1764 года сентября 1-го дня эту книгу дала вкладу въ церковь Всемилостиваго Спаса, что въ Сибири, въ Березовскомъ острогѣ, на поминованіе своихъ родителей, преставившихся тамо, княгиня Елена, князя Алексѣева дочь, Долгорукова».

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1742 гола, березовскій острогъ заключилъ въ свои стѣны еще одного знаменитаго ссыльнаго—вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана.

Этотъ замѣчательный государственннй человѣкъ, принесшій столько пользы и славы Россіи, имѣлъ неосторожность возбудить противъ себя особенное нерасположеніе императрицы Елисаветы Пестровны; при восшествіи ея на престолъ, онъ былъ арестованъ, преданъ суду, несправедливо обвиненъ въ разныхъ преступленіяхъ и приговоренъ къ смертной казни, замѣненной потомъ пожизненнымъ заточеніемъ въ Сибири.

О пребываніи Остермана въ Березовѣ сохранилось немного свѣдѣній. Онъ былъ привезенъ сюда вмѣстѣ съ женою, графиней Марѳой Иваговой, рожденной Стрѣшневой, подъ конвоемъ подпоручика лейбгвардіи Измайловскаго полка Александра Ермолина и десяти гвардейскихъ солдатъ. Съ нимъ пріѣхало шесть человѣкъ прислуги: три лакея, поварь и двѣ горничныя. На содержаніе Остермана и его жены желѣно было отпускать «изъ ближнихъ къ мѣсту заключенія доходовъ» по рублю, а служителямъ ихъ по десяти копѣекъ каждому въ сутки. Въ Березовѣ Ермолинъ сдалъ арестантовъ «въ команду» нарочно присланному изъ Тобольска поручику сибирскаго гарнизона Дорофѣю Космачеву, который получилъ при этомъ изъ Сената особую инструкцію. Въ ней, между прочимъ, ему предписывалось: ежемѣсячно доносить въ Петербургъ о состояніи арестантовъ, содержать послѣднихъ «подъ крѣпкимъ и осторожнымъ карауломъ»; отпускать ихъ только въ церковь, «наблюдая, однако, чтобы тамъ никто съ ними не разговаривалъ»: не позволять имъ ни съ кѣмъ видѣться, не давать имъ чернилъ и бумаги, смотрѣть, чтобы служители ихъ не имѣли сношеній

съ посторонними людьми и ходили бы въ городъ для закупки провизіи разъ въ сутки, не иначе какъ въ сопровожденіи солдатъ. «Ежели», говорилось въ инструкціи, «иногда кто изъ нихъ въ подозрѣніи явится, то онаго запереть въ острогъ, въ особое мѣсто, и съ другими комуникаціи имѣть ему не вѣлѣть и о дѣлахъ его доносить въ сенатъ; ежели бы случилось такое важное дѣло, которое бы времени не терпѣло, то объ немъ на-крѣпко тотчасъ изслѣдовать и виновныхъ подъ строжайшій караулъ взять и о томъ обстоятельно рапортовать въ сенатъ же».

Вмѣстѣ съ арестантами Ермолинъ сдалъ также Космачеву, по описи, разныя вещи, отпущенныя съ ними высочайше учрежденной комиссіей конфискацій изъ Петербурга.

Такъ какъ Остерманъ былъ лютеранинъ, то императрица приказала отправить въ Березовъ пастора, назначивъ ему жалованье по полтора ста рублей въ годъ.

Остерманъ прожилъ въ мѣстѣ своего заточенія слишкомъ пять лѣтъ; въ теченіе всего этого времени онъ никуда не выходилъ изъ острога и, кромѣ пастора, никого не принималъ къ себѣ. Единственнымъ развлеченіемъ его было чтеніе библіи и, изрѣдка, короткихъ и по необходимости официальныхъ писемъ отъ сыновей ¹⁾. Графиня Марѳа Ивановна, искренно любившая мужа, окружала его самыми нѣжными заботами, предупреждала всѣ его желанія, поневолѣ скромныя, и старалась, какъ умѣла и могла, усладить его тягостную и плачевную жизнь. Остерманъ пріѣхалъ въ Березовъ въ крайне болѣзненномъ состояніи. Страдая жестокими припадками хирагры и подагры, онъ почти не вставалъ съ постели, однако, суровый березовскій климатъ благодѣтельно подѣйствовалъ на его здоровье. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ графъ поправился и началъ ходить, сперва съ помощью костылей, а потомъ опираясь только на палку. Съ весны 1747 года болѣзнь внезапно возвратилась къ нему съ новой силой и скоро прекратила его страданія.

«Сего мая 5-го дня», доносилъ сенату поручикъ Космачевъ, «состояцій у меня подъ карауломъ, бывшій графъ Андрей Остерманъ, заболѣлъ грудью и голову обноситъ обморокъ, а сего-жъ мая

¹⁾ У графа Остермана было трое сыновей; въ 1741 году они служили капитанами въ Преображенскомъ полку и имѣли александровскія ленты; съ паденіемъ отца лишились лентъ и записаны тѣми же чинами въ армію. Изъ нихъ, вполнѣ ствiя, старшій, графъ Федоръ Андреевичъ, былъ сенаторомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и московскимъ генералъ-губернаторомъ, а младшій, графъ Иванъ Андреевичъ, государственнымъ канцлеромъ и президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

22-го дня 1747 года, по полудни въ четвертомъ часу, волею Божіею умре».

Графиня Марѳа Ивановна, послѣ кончины мужа получившая разрѣшеніе вернуться на родину, воздвигнула надъ его могилой памятникъ въ видѣ часовни. Памятникъ этотъ еще до сихъ поръ помнятъ многіе березовскіе старожилы. Часовня, длиною въ пять, шириною въ четыре аршина, построенная изъ толстыхъ кедровыхъ брусевъ, была покрыта въ двѣ доски со свѣсами, вырѣзанными разными фигурами. Съ восточной стороны находилась дверь, кверху полукруглая; съ южной—узкое окно, почти подъ самою крышею; внутри и ближе къ сѣверной сторонѣ, надъ самою могилою, катафалкъ и на немъ подобіе гроба; впереди икона съ лампадой и передъ ней налой.

Въ 1848 году, начальникъ уральской экспедиціи, полковникъ Гофманъ, проѣзжая черезъ Березовъ и желая узнать, до какой глубины проникаетъ дѣйствіе мороза въ различныхъ почвахъ, велѣлъ бить шурфы. Когда рабочіе взрыли песчаную гору, находящуюся близъ церкви Рождества Богородицы, и проникли до глубины десяти футовъ, то наткнулись на истлѣвшій гробъ, въ которомъ нашли остатки другого гроба съ удѣлѣнными золотыми позументами, лоскутьями шелковой матеріи и черепомъ, покрытымъ прахомъ и землею. Полковникъ Гофманъ тотчасъ же приказалъ засыпать этотъ гробъ и, заключивъ, по золотому позументу, что тутъ была, вѣроятно, могила какого нибудь знатнаго человѣка, обратился за справками къ г. Абрамову. Послѣдній, по собраннымъ свѣдѣніямъ, рѣшилъ, что здѣсь покоится прахъ графа Остермана. Тогда полковникъ Гофманъ велѣлъ покрыть могилу свѣжимъ дерномъ и поставилъ надъ нею черной колоссальной величины крестъ, къ которому была прибита мѣдная доска съ вырѣзанными на ней графскою короною и латинскими буквами: Н. О. (Heinrich Ostermann).

Дочь Бирона ¹⁾.

ВЪ АННЕНГОФЪ, герцогскомъ замкѣ, близъ Митавы, въ Курляндіи, произошло, 12-го февраля 1718 года событіе, въ сущности весьма обыкновенное, но имѣвшее вполнѣдствіи огромное значеніе для Россіи. Въ этотъ день, по случаю внезапной болѣзни оберъ-гофмаршала двора вдовствовавшей герцогини Курляндской Анны Ивановны, Петра Михайловича Бестужева-Рюмина, къ ней явился съ бумагами для подписи служившій у Бестужева по вольному найму для канцелярскихъ занятій, польско-курляндскій шляхтичъ Эрнстъ-Іоганнъ Биронъ. Молодой, довольно красивый, съ правильными, хотя и рѣзкими чертами лица, подвижной, ловкій, хорошо и крѣпко сложенный, Биронъ съ перваго же раза произвелъ впечатлѣніе на двадцати-четырёхъ-лѣтнюю герцогиню, которая давно уже тяготилась своими отношеніями къ пожилому Бестужеву, игравшему при ней съ самаго пріѣзда ея въ Митаву, въ 1715 году, роль не только близкаго

¹⁾ Источники: 1) Выписки изъ дѣлъ государственнаго архива.—2) Маркизь де-ла-Шетарди въ Россіи. Пекарскаго. Спб. 1862.—3) Записки императрицы Екатерины II. Лондонъ. 1859.—4) Обстоятельства, приготовившія опалу Эрнста-Іоганна Бирона, герцога Курляндскаго. «Время». 1861.—5) Исторія города Ярославля. Троицкаго. Ярославль. 1853.—6) Два эпизода изъ царствованія Екатерины II. Барона Бюлера. «Рус. Вѣстникъ». 1870.—7) Архивъ князя Воронцова. Книга вторая.—8) «Русскій Архивъ» 1867 и 1871 годовъ.—9) Geschichte Ernst-Johann von Biron. Frankfurt, 1764.—10) Lettres d'une dame anglaise, residente en Russie. Amsterdam. 1777.—11) Anecdotes intéressantes et secrètes de la cour de Russie. T. 6. Londres. 1792..

друга, но и строгаго ментора. Подписавъ принесенныя молодымъ чело-
вѣкомъ бумаги, Анна Ивановна вступила съ нимъ въ разговоръ
и пришла въ восторгъ отъ его ума и сообразительности. Она прика-
зала Бирону каждый день являться къ ней съ докладомъ и вскорѣ
сдѣлала его своимъ личнымъ секретаремъ, а затѣмъ камеръ-юнке-
ромъ.

Такимъ образомъ началась карьера будущаго герцога Курляндскаго,
которому судьба назначила въ теченіе десяти лѣтъ почти неограни-
ченно управлять русскимъ государствомъ и оставить въ нашей исторіи
самую тяжелую память.

Эрнстъ-Іоаннъ Биронъ, средній изъ трехъ сыновей отставнаго
корнета польской службы, Карла Бирона, родился въ 1690 году.
Отецъ его владѣлъ въ Курляндіи небольшою мызой Димзе и управлялъ
принадлежащимъ курляндскимъ герцогамъ имѣніемъ Каленцемъ. Братья
Эрнста-Іоанна, Густавъ и Карлъ, по достиженіи совершеннолѣтія,
поступили, подобно отцу и дѣду, на службу въ польскія войска, а
самъ онъ, не чувствуя призванія къ военному ремеслу, отправился
въ Кенигсбергъ учиться въ тамошнемъ университетѣ. Первое время
онъ очень усердно посѣщалъ лекціи, но потомъ сталъ вести разгульную
жизнь и, замѣшанный въ какую-то грязную исторію, долженъ былъ
бѣжать изъ Кенигсберга. Одаренный отъ природы хорошими способ-
ностями, большимъ честолюбіемъ и настойчивымъ характеромъ, Биронъ
всячески старался пробить себѣ дорогу. Въ 1714 году онъ пріѣзжалъ
въ Петербургъ и тщетно хлопоталъ получить какое нибудь мѣсто при
русскомъ дворѣ, затѣмъ столь же безуспѣшно пробовалъ счастья въ
Польшѣ, наконецъ, вернулся въ Курляндію, сумѣлъ достать себѣ
рекомендацію къ Бестужеву, вкрался къ нему въ расположеніе, по-
лучилъ, какъ мы уже видѣли, благодаря ему, доступъ къ герцогинѣ
и сразу же овладѣлъ ея вдовымъ сердцемъ.

Неожиданное назначеніе камеръ-юнкеромъ къ герцогскому двору
личности низкаго происхожденія, никому неизвѣстной и не имѣвшей
никакихъ заслугъ, оскорбило гордое курляндское дворянство, которое
не скрывало своего неудовольствія и при всякомъ удобномъ слу-
чаѣ старалось выказать Бирону явное пренебреженіе. Анна Ива-
новна очень хорошо понимала ложное положеніе своего любимца среди
курляндской аристократіи, огорчалась этимъ и надумала помочь дѣлу,
соединивъ Бирона брачными узами съ какой нибудь представитель-
ницей старинной дворянской фамиліи. Выборъ ея остановился на
фрейлинѣ Бенитгѣ-Готлибъ фонъ-Тротта-Трейденъ, небогатой и уже
пожилой дѣвицѣ (она родилась въ 1703 г.), болѣзненной, весьма
некрасивой, съ лицомъ, до такой степени изрытымъ оспой, что оно

казалось какъ бы узорчатымъ, и притомъ не обладавшей ни умомъ, ни образованіемъ, ни даже хорошими манерами. Однако, не смотря на всѣ эти недостатки, родные Бенигны-Готлибъ долго сопротивлялись такому, по ихъ мнѣнію, неравному браку, но, наконецъ, должны были уступить настойчивымъ просьбамъ герцогини. Бракосочетаніе Бирона совершилось самымъ скромнымъ образомъ въ Анненгофѣ, въ 1723 году, и съ этого времени между Анной Ивановной и Бенигну-Готлибъ установились самыя тѣсныя, дружескія отношенія, не прерывавшіяся всю ихъ жизнь. Жена Бирона сдѣлалась неразлучной ея собесѣдницей, повѣренной всѣхъ ея тайнъ, и ревниво оберегала положеніе своего мужа при особѣ герцогини отъ всякаго посторонняго вліянія. Анна Ивановна даже впослѣдствіи не имѣла своего стола и постоянно обѣдала и проводила всѣ свободные часы въ семействѣ фаворита. Отъ брака съ дѣвицей фонъ-Трейденъ Биронъ имѣлъ двухъ сыновей: Петра, род. 1724 г., Карла, род. въ 1728 г., и дочь Гедвигу-Елисавету, род. 23-го іюня 1727 г., которой мы и посвящаемъ настоящій очеркъ.

Когда Гедвига-Елисавета начала сознавать себя, отецъ ея уже былъ графомъ, оберъ-камергеромъ, и именемъ Анны Ивановны, избранной въ 1730 г., послѣ императора Петра II, на русскій престолъ, безотчетно распоряжался обширной имперіей. Императрица, страстно привязавшаяся къ своему любимцу, перенесла эту привязанность и на его дѣтей. Она сама выбирала для нихъ гувернеровъ и учителей, присутствовала при занятіяхъ и спрашивала уроки. Обыкновенно суровая и строгая, Анна Ивановна совершенно перерождалась среди маленькихъ Бирановъ, по цѣлымъ вечерамъ играла съ ними въ мячъ, въ воланъ, пускала змѣи, выдумывала разныя забавы, снисходила ко всѣмъ ихъ шалостямъ и скоро избаловала и испортила ихъ до такой степени, что они сдѣлались истиннымъ бичомъ не только окружающихъ лицъ, но и всѣхъ придворныхъ. Любимое занятіе этихъ шалуновъ состояло въ обливаніи чернилами и виномъ парадныхъ костюмовъ вельможъ, являвшихся ко двору, и въ срываніи съ нихъ париковъ. Однажды, девятилѣтній Карлъ, бѣгая по большой дворцовой залѣ съ хлыстомъ въ рукѣ, безцеремонно билъ имъ по ногамъ собравшихся здѣсь придворныхъ; между прочими, онъ жестоко стегнулъ стараго и почтеннаго генералъ-аншефа князя И. Ф. Бяратинскаго. Въ эту минуту въ залу вошелъ самъ Биронъ. Раздраженный Бяратинскій пожаловался ему на дерзкую выходку сына и замѣтилъ, что если подобныя шалости будутъ повторяться, то пріѣздъ ко двору сдѣлается невозможнымъ. Биронъ вспыхнулъ и нагло отвѣчалъ ему: «Если вы недовольны, то можете подать въ отставку; я ручаюсь,

что вы ее получите!» Въ другой разъ, тотъ же Карлъ, гуляя по дворцовымъ оранжереямъ, объѣлся, не смотря на просьбы и запрещеніе своего гувернера, Шварца, зеленыхъ сливъ и заболѣлъ. Императрица, особенно обожавшая этого ребенка, такъ разгнѣвалась на Шварца, что, не слушая его объясненій, отправила несчастнаго гувернера въ рабочій домъ, гдѣ онъ просидѣлъ вмѣстѣ съ преступниками цѣлый мѣсяцъ, а потомъ приказала выслать его за границу. Такая же участь постигла придворнаго метръ-д'отеля, Кириша, который, обидѣвшись насмѣшками и злыми шутками молодыхъ Бироновъ, осмѣлился сказать имъ нѣсколько рѣзкихъ словъ.

Гедвига-Елисавета не походила на своихъ братьевъ. Она была нехороша собою, дурно сложена, маленькаго роста и имѣла сзади не большой горбъ; но взамѣнъ этихъ недостатковъ природа наградила ее прекрасными выразительными глазами, хитрымъ и вкрадчивымъ умомъ, настойчивымъ характеромъ и необыкновенной памятью; она училась съ большимъ рвеніемъ и интересовалась, преимущественно, серьезными предметами. Однако, въ понятіяхъ родителей Гедвиги-Елисаветы, ея рѣдкія способности не выкупали тѣлесныхъ недостатковъ. Последнее обстоятельство сокрушало въ особенности самого Бирона. Онъ относился къ дочери съ какимъ-то презрительнымъ сожалѣніемъ и постоянно преслѣдовалъ ее разными придирками и укоризнами. Такое обращеніе отца дало, разумѣется, сильный толчокъ самолюбію дѣвочки, заставило ее сосредоточиться въ самой себѣ, породило въ ней скрытность и эгоизмъ и пробудило стремленіе къ самостоятельности, которой она достигла, какъ увидимъ впослѣдствіи, довольно оригинальнымъ образомъ.

Въ 1737 году Биронъ былъ сдѣланъ герцогомъ Курляндскимъ. По этому случаю дочь его получила титулъ «принцессы» и свой особый придворный штатъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ фрейлинъ, камеръ-юнгферъ и пажей. 3-го іюня 1739 года, въ день свадьбы племянницы императрицы, принцессы Мекленбургской Анны Леопольдовны, съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ Брауншвейгскимъ, Гедвига-Елисавета въ первый разъ явилась при дворѣ. Она пріѣхала въ церковь въ великолѣпной золотой каретѣ, сопровождаемая многочисленной и блестящей свитой, и во все время брачной церемоніи стояла рядомъ съ государыней. За официальнымъ обѣдомъ, даннымъ во дворѣ, принцесса Курляндская сидѣла за однимъ столомъ съ новобрачными, а вечеромъ управляла танцами въ маскарадѣ, происходившемъ въ большой дворцовой залѣ. Вступленіе Гедвиги-Елисаветы въ свѣтъ было весьма удачно. Она понравилась всѣмъ своею ловкостью, веселостью и умѣньемъ держать себя. Императрица осталась чрезвычайно

Эрнстъ-Юганнъ Биронъ.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія.

довольна поведеніемъ молодой принцессы и нѣсколько разъ, въ самыхъ нѣжныхъ словахъ, выражала ей свое удовольствіе. Съ этихъ поръ Гедвига-Елисавета сдѣлалась постояннымъ лицомъ при всѣхъ придворныхъ торжествахъ. Хотя она была еще ребенокъ и притомъ ребенокъ некрасивый, — около нея начала увиваться вся лучшая тогдашняя молодежь. Желая угодить всемогущему герцогу, вельможи, наперерывъ другъ передъ другомъ, оказывали его дочери самое раболѣпное вниманіе. Придворная жизнь пришлась по душѣ Гедвигѣ-Елисаветѣ, и она предалась ей со всѣмъ пыломъ своихъ лѣтъ. Встрѣчая мало радостей въ семействѣ отца, молодая принцесса находила отраду лишь въ придворныхъ собраніяхъ, гдѣ ухаживанья и преувеличенныя похвалы молодежи пріятно щекотали ея самолюбіе, и гдѣ надъ нею не тяготѣлъ суровый деспотизмъ герцога. 14-го февраля 1740 года въ Петербургѣ съ особеннымъ торжествомъ праздновалось заключеніе бѣлградскаго мира съ Турціей. Въ числѣ лицъ, получившихъ въ этотъ день награды, находилась и Гедвига-Елисавета. Императрица, въ присутствіи всего двора, собственноручно приколола къ ея груди свой портретъ, осыпанный крупными брилліантами.

Не смотря на то, что Гедвигѣ-Елисаветѣ шель только тринадцатый годъ, государыня старалась заблаговременно приискать для нея хорошаго жениха между владѣтельными германскими князьями. Богатое приданое, обѣщанное императрицей за Гедвигой-Елисаветой, побудило нѣсколькихъ иностранныхъ принцевъ добиваться ея руки. Особенно усердно хлопоталъ объ этомъ принцъ Саксенъ-Мейнингенскій, но ему было отказано, потому что онъ пользовался вообще дурной репутаціей и имѣлъ много долговъ. Зять Петра Великаго, герцогъ Голштинскій Фридрихъ-Карлъ, побуждаемый крайне стѣсненными обстоятельствами, обратился къ Бирону съ просьбой исходатайствовать ему отъ русскаго двора пособіе въ сто тысячъ рублей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагалъ устроить бракъ его дочери со своимъ малолѣтнимъ сыномъ, сдѣланнымъ впоследствии русскимъ императоромъ подъ именемъ Петра III. Биронъ, находя весьма лестнымъ для себя родство съ Голштинскимъ домомъ, показалъ письмо герцога императрицѣ и спросилъ ея мнѣнія. Анна Ивановна, ненавидѣвшая Фридриха-Карла, съ досадой разорвала и бросила въ каминъ его письмо, сказавъ: «Этотъ пьяница ошибается, думая выманить у меня подобнымъ предложеніемъ деньги. Кромѣ презрѣнія, онъ ничего отъ меня не дождется». Государынѣ хотѣлось выдать Гедвигу-Елисавету замужъ за красиваго и умнаго наслѣднаго принца Гессенъ-Дармштадскаго; однако, желаніе ея не могло осуществиться, ибо отецъ принца, ландграфъ Людовикъ VIII, объявилъ, что ни за что не приметъ въ свою семью «внучку ко-

ноуха». Оскорбительный отзыв ландграфа былъ полученъ въ Петербургѣ наканунѣ смерти императрицы.

Анна Ивановна скончалась 17-го октября 1740 года оставивъ верховную власть до совершеннолѣтія наслѣдника своего, двухмѣсячнаго императора Ивана Антоновича, въ рукахъ герцога Курляндскаго. Сдѣлавшись регентомъ, Биронъ поспѣшилъ возобновить переговоры съ герцогомъ Голштинскимъ относительно брака Гедвиги-Елисаветы съ его сыномъ. Герцогъ, соблазняемый щедрыми обѣщаніями, не замедлилъ дать свое согласіе. Такимъ образомъ, судьба, повидимому, благопріятствовала Гедвигѣ-Елисаветѣ и готовила ей блестящую будущность. Сердечное желаніе принцессы поскорѣе избавиться отъ тягостной для нея зависимости, казалось, было близко къ исполненію, какъ вдругъ неожиданное событіе разомъ уничтожило всѣ эти надежды...

8-го ноября 1740 года, Гедвига-Елисавета, много танцовавшая на раутѣ у кабинетъ-министра князя Черкаскаго, возвратилась домой довольно поздно и, усталая, легла въ постель. Едва успѣла она заснуть, какъ была внезапно разбужена страшнымъ крикомъ, поднявшимся въ комнатѣ ея родителей. Испуганная принцесса соскочила съ кровати, накинула на себя попавшуюся ей подъ-руку мѣховую шубку и бросилась на шумъ. Отворивъ двери въ спальню герцога, Гедвига-Елисавета остолбѣла отъ ужаса. Она увидѣла своего отца полунагого, связаннаго, въ рукахъ нѣсколькихъ преображенскихъ гренадеровъ. Герцогъ кричалъ, рвался, даже кусался; однако, солдаты, безъ всякихъ церемоній, завязали ему ротъ платкомъ, обернули его въ шинель и потащили на улицу. Принцесса, вмѣстѣ съ матерью, горько рыдавшей и молившей о пощадѣ, хотѣла было слѣдовать за герцогомъ, но офицеръ, командовавшій отрядомъ, замѣтя это, приказалъ гренадерамъ отвести обѣихъ женщинъ обратно въ комнаты и держать ихъ тамъ подъ карауломъ. Пораженная случившимся, принцесса провела остатокъ ночи съ матерью въ томительной неизвѣстности, страхѣ и отчаяніи. Когда разсвѣло, къ нимъ явился придворный чиновникъ, вѣжливо попросилъ вручить ему ключи отъ всѣхъ шкатулокъ и комодовъ и затѣмъ, посадивъ герцогиню и ея дочь въ закрытый дормезъ, на ковахъ котораго помѣстились два полицейскихъ служителя, велѣлъ ѣхать въ Александро-Невскую лавру. Здѣсь, въ кельѣ архимандрита, Гедвига-Елисавета напла своего отца и младшаго брата; старшій же, по случаю болѣзни, былъ оставленъ въ городѣ. Въ тотъ же день Биронъ и его семейство были перевезены, по распоряженію матери императора, принцессы Анны Леопольдовны, объявленной правительницей, въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Гедвига-Елисавета прожила съ отцомъ въ шлиссельбургскихъ казематахъ около шести мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ надъ герцогомъ производилось слѣдствіе. Въ іюлѣ 1741 года оно было окончено. Сенатъ приговорилъ Бирона за разныя «безбожныя и зловымышленныя» преступленія къ смертной казни; но правительница измѣнила этотъ приговоръ на заточеніе въ сибирскій городокъ Пелымъ, разстояніемъ слишкомъ въ трехъ тысячахъ верстахъ отъ Петербурга. Для помѣщенія герцогской фамиліи было приказано выстроить въ Пелымѣ небольшой домъ со службами и обнести его со всѣхъ сторонъ высокимъ палисадомъ. Планъ наружнаго фасада и внутренняго расположенія дома, состоявшаго всего изъ четырехъ комнатъ, былъ начерченъ фельдмаршаломъ Минихомъ, конечно не подозрѣвавшимъ тогда, что это самое мѣсто скоро сдѣлается его двадцатилѣтней тюрьмой.

Для сопровожденія Бирона и надзора за нимъ въ Пелымѣ были назначены лейбъ-гвардія измайловскаго полка капитанъ-поручики Викентьевъ и Дурново, и двѣнадцать человѣкъ солдатъ отъ разныхъ полковъ. Въ инструкціи, данной изъ Кабинета конвойнымъ офицерамъ, приказывалось содержать герцога и его семейство «подъ крѣпкимъ и осторожнымъ карауломъ неисходно и всегдашнее смотрѣніе имѣть, чтобъ никто изъ нихъ никакимъ образомъ уйти не могъ и въ тамошнюю ихъ бытность никого къ имъ не допускать, бумаги и чернилъ не давать». На содержаніе герцога съ фамиліей велѣно было отпускать «изъ сибирскихъ доходовъ» по пятнадцати рублей въ сутки или 5,475 рублей въ годъ. Для услугъ съ ссыльными были отправлены два лакея: «Александръ Кубанецъ и сибирякъ Илья Степановъ», двѣ женщины: «дѣвка арабка Софья и дѣвка турчанка Екатерина» и два повара. На содержаніе всѣхъ ихъ положено выдавать «особливо» по сто рублей въ годъ. Такъ какъ Биронъ и его дѣти были лютеранскаго вѣроисповѣданія, то правительница приказала послать въ Пелымъ пастора, назначивъ ему полтора ста рублей жалованья. вмѣстѣ съ герцогомъ былъ сосланъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, «за тяжкую вину, вмѣсто смертной казни», лекаръ Вахтлеръ. Офицерамъ было предписано «держатъ его подъ крѣпкимъ карауломъ» и, въ случаѣ надобности, употреблять для леченія арестантовъ.

13-го іюля 1741 года Викентьевъ и Дурново повезли Бирона и его семейство, подъ конвоемъ, изъ Шлиссельбурга. Они ѣхали тихо, съ частыми и продолжительными роздыхами, и прибыли въ Пелымъ лишь въ началѣ ноября.

Внезапный переходъ отъ могущества и неограниченнаго самоуправства къ ничтожеству и забвенію произвелъ въ характерѣ Бирона рѣзкую перемѣну. Онъ сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, впалъ въ

увныіе и иногда предавался такимъ порывамъ отчаянія, что окружающіе боялись, чтобы онъ не лишилъ себя жизни. Непріятности, испытанныя имъ въ послѣднее время, подѣйствовали на его крѣпкое здоровье. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Пелымъ, онъ заболѣлъ. Лекаръ Вахтлеръ не могъ оказать страждущему помощи, потому что не имѣлъ съ собою необходимыхъ лекарствъ, достать же ихъ скоро не было никакой возможности. Считая болѣзнь свою неизлечимой, Биронъ готовился къ смерти. Гедвига-Елисавета, по очереди съ матерью, дежурила у постели больного и развлекала его чтеніемъ Библии. Къ довершенію несчастій ссыльныхъ, 28-го декабря, въ полночь, въ спальнѣ герцога загорѣлся отъ лопнувшей печной трубы потолокъ. Огонь быстро охватилъ весь домъ, такъ что караульные солдаты съ трудомъ успѣли вытащить изъ пламени арестантовъ и часть ихъ пожитковъ. Викентьевъ перевезъ Бирона съ семействомъ въ городъ и помѣстилъ въ домѣ у воеводы.

Въ началѣ января 1742 года, до Пелыма достигла вѣсть о восшествіи на престолъ цесаревны Елисаветы Петровны. Новость эта оживила ссыльныхъ. Во время своего значенія Биронъ оказалъ Елисаветѣ Петровнѣ нѣсколько услугъ и потому могъ надѣяться, что она, сдѣлавшись императрицей, вспомнитъ о немъ и облегчитъ его участь. Надежды его не замедлили оправдаться. 20-го января, въ Пелымъ прискакалъ сенатскій курьеръ съ императорскимъ указомъ, возвращавшимъ герцогу свободу и шлезвигское имѣніе Вартенбергъ, полученное Бирономъ въ подарокъ отъ прусскаго короля еще въ 1731 году и конфискованное у него вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ въ день ареста. Написавъ императрицѣ благодарственное письмо, герцогъ, еще не оправившійся отъ своего недуга и съ трудомъ ходившій по комнатѣ, поспѣшилъ оставить Пелымъ. Онъ намѣревался проѣхать прямо въ Курляндію, но на дорогѣ получилъ новый указъ императрицы, которымъ ему повелѣвалось отправиться въ Ярославль и жить тамъ безвыѣздно. Причина, вызвавшая подобное распоряженіе, неизвѣстна. По словамъ саксонскаго резидента Пецольда, оно произошло вслѣдствіе настояцій князей А. М. Черкасскаго и Н. Ю. Трубецкаго, руководившихъ при этомъ личными интересами и враждой къ Бирону. Какъ бы то ни было, Викентьевъ и Дурново, согласно присланной имъ инструкціи, миновавъ Москву, 26-го марта привезли бывшего регента въ Ярославль, гдѣ для жительства его былъ отвѣденъ большой каменный домъ съ садомъ, на берегу Волги ¹⁾.

¹⁾ По отѣздѣ Бирона изъ Ярославля, въ 1761 году, домъ этотъ былъ перенесенъ на острогъ, а въ 1820 изъ кирпичей его построена первая полицейская часть.

Трудный и далекий путь усилилъ болѣзнь герцога и принудилъ его опять слечь въ постель. Императрица, находившаяся въ Москвѣ, узнавъ объ опасномъ положеніи Бирона, послала къ нему своего лейбъ-медика Лестока. Послѣдній пробылъ въ Ярославлѣ нѣсколько дней и не только помогъ герцогу своимъ искусствомъ, но, по возвращеніи ко двору, исходатайствовалъ ему значительныя льготы. Государыня дозволила ссыльнымъ принимать къ себѣ всѣхъ, кого они пожелаютъ, и выѣзжать самимъ въ гости и на охоту, однако же, не далѣе какъ на двадцать верстъ кругомъ Ярославля «за пристойнымъ и честнымъ присмотромъ», то есть въ сопровожденіи караульнаго офицера. Сверхъ того, по приказанію императрицы, Бирону были присланы изъ Петербурга принадлежавшія ему: библіотека, мебель, посуда, охотничьи собаки, ружья и нѣсколько лошадей.

Такимъ образомъ, благодаря снисходительности Елисаветы Петровны, герцогская фамилія могла пользоваться въ Ярославлѣ нѣкоторой свободой и удобствами. Однако, не смотря на это, и Биронъ, и его семейство были очень недовольны своимъ новымъ положеніемъ. Они жаловались на недостаточность отпускаемаго имъ содержанія, тяготились зависимостью отъ караульныхъ офицеровъ, непрерывно заводили съ ними ссоры и черезъ это терпѣли много непріятностей.

Въ особенности досадовала на свою судьбу Гедвига-Елисавета. Оторванная отъ блестящей придворной среды, къ которой неизмѣнно стремились всѣ ея помыслы и желанія, она страшно скучала и считала себя несчастнѣйшимъ существомъ на землѣ. Тоска и досада, терзавшія ея сердце, увеличивались еще болѣе отъ постоянныхъ преслѣдованій отца. Герцогъ былъ очень вспыльчивъ и раздражителенъ. Малѣйшая непріятность или неудача приводили его въ сильный гнѣвъ, который онъ обыкновенно изливалъ на своихъ приближенныхъ. Въ подобныхъ случаяхъ, преимущественно передъ всѣми, доставалось, разумѣется, нелюбимой дочери. Гедвига-Елисавета съ первыхъ же дней пріѣзда своего въ Ярославль начала придумывать средства, какъ бы избавиться отъ отцовскаго гнета и снова попасть ко двору. Она пробовала писать начальнику тайной канцеляріи графу Шувалову, фавориту императрицы, графу Разумовскому, прося ихъ принять участіе въ ея судьбѣ, но никто изъ нихъ даже не отвѣтилъ ей. Тогда Гедвига-Елисавета рѣшилась на отчаянную попытку—бѣжать изъ отцовскаго дома. Не имѣя возможности привести этотъ планъ въ исполненіе безъ посторонней помощи, она открыла его женѣ ярославскаго воеводы Бобрищевой-Пушкиной, находившейся уже давно въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ ея отцомъ и матерью. Пушкина обрадовалась представившемуся случаю насолить Бирону.

Одобривъ намѣреніе принцессы, она указала ей, однако же, на рискованность и возможную неудачу побѣга и наемкнула на болѣе вѣрный способъ порвать разомъ связи съ семьей и обратиться на себя благосклонное вниманіе императрицы, которая, какъ извѣстно, была чрезвычайно религіозна,—на принятіе православія. Гедвига-Елисавета съ восторгомъ ухватилась за эту мысль и со слезами на глазахъ умоляла Пушкину руководить ею по своему усмотрѣнію. Пушкина тотчасъ же сочинила письмо къ любимицѣ императрицы, статсъ-дамѣ графинѣ Маврѣ Егоровнѣ Шуваловой, гдѣ яркими красками нарисовала невыносимое положеніе Гедвиги-Елисаветы въ домѣ отца, представляла ее жертвой преслѣдованій за стремленіе къ православію и просила довести объ этомъ до свѣдѣнія государыни. Отвѣтъ былъ полученъ самый благопріятный. Шувалова увѣдомляла, что императрица отнеслась очень милостиво къ желанію принцессы Курляндской и выразила готовность оказать ей свое покровительство. Такимъ образомъ, все устроилось какъ нельзя лучше; оставалось лишь ждать удобной минуты для приведенія въ исполненіе задуманнаго плана.

Лѣтомъ 1749 года, Елисавета Петровна пріѣхала въ Москву и, по обыкновенію, предприняла, въ сопровожденіи большой свиты, паломничество въ Троицко-Сергіевскую лавру. Узнавъ объ этомъ, Пушкина нашла, что теперь самая пора дѣйствовать. 2-го іюня, въ пятомъ часу утра, къ дому Бирона подъѣхала коляска, въ которой сидѣла одна изъ довѣренныхъ прислужницъ Пушкиной. Гедвига-Елисавета, предупрежденная заранѣе, ждала ее у открытаго окна своей комнаты, находившейся въ нижнемъ этажѣ. Она передала посланной сперва узелъ съ своими вещами, а затѣмъ, при ея помощи, осторожно спустилась на улицу, вскочила въ экипажъ и черезъ полчаса была уже въ надежномъ пристанищѣ у своей сообщницы. На другой день Пушкина отправилась съ бѣглянкой въ лавру и представила ее графинѣ Шуваловой, которая, въ свою очередь, отвела ее къ императрицѣ. Гедвига-Елисавета упала на колѣни, зарыдала и не могла произнести отъ смущенія ни одного слова... Императрица растрогалась, обняла принцессу, объявила, что считаетъ святымъ долгомъ взять на свое попеченіе «бѣдную овечку» и общала, тотчасъ же по возвращеніи въ Москву, окрестить ее лично. Дѣйствительно, черезъ три недѣли послѣ этого Гедвига-Елисавета торжественно приняла православіе въ церкви Головинскаго дворца, причемъ получила имя Екатерины Ивановны.

Приключенія принцессы Курляндской чрезвычайно заинтересовали дворъ; всѣ смотрѣли на нее какъ на несчастную сироту безъ помощи и связей, и старались вниманіемъ и услугами выказать ей

свое участіе. Екатерина Ивановна съ свойственною ей ловкостью воспользовалась такимъ выгоднымъ для нея настроеніемъ придворнаго общества. Она сумѣла заслужить расположеніе духовника императрицы, наставлявшаго ее въ православной вѣрѣ, сдѣлалась домашнимъ человѣкомъ у Шуваловой, вела себя скромно и почтительно,

Гедвига-Елисавета Биронтъ.

Съ портрета, принадлежащаго барону Ф. А. Бюлеру.

умѣла сказать каждому, съ кѣмъ говорила, что нибудь пріятное и скоро завоевала себѣ общія симпатіи.

Бѣгство дочери поразило Вирона. Всѣми способами добиваясь свободы и желая смягчить сердце императрицы, онъ въ письмахъ своихъ, которыми надѣдалъ канцлеру Бестужеву, Воронцову и другимъ прежнимъ благопріятелямъ, постоянно жаловался на свою несчастную жизнь, болѣзненное состояніе, матеріальныя лишенія, претерпѣваемыя

имъ въ Ярославлѣ, и непріятности, причиняемыя ему воеводами и караульными офицерами. Онъ испугался, не безъ основанія предполагая, что дочь, по наущенію Пушкиной, въ оправданіе совершеннаго ею поступка представить въ неблагопріятномъ свѣтѣ его отношенія къ дѣтямъ, расскажетъ правду о его житьѣ-бытьѣ и, возбудивъ

Баронъ А. II. Черкасовъ.

Съ портрета, принадлежащаго барону Ф. А. Бюлеру.

въ императрицѣ недоброжелательство къ нему, разсѣять питаемую имъ надежду вырваться, наконецъ, изъ ссылки и водвориться въ герцогскомъ замкѣ въ Митавѣ. Чтобы ослабить невыгодное для него впечатлѣніе, которое этотъ семейный скандалъ могъ произвести при дворѣ и, главнымъ образомъ, въ глазахъ императрицы, Виронъ поспѣшилъ написать Бестужеву письмо, гдѣ постарался не только очернить Пушкину, но и набросить тѣнь на дочь.

«Къ вашему сіятельству», писалъ онъ, «яко первому ея императорскаго величества министру, единственное мое прибѣжище во всѣхъ печаляхъ остается. Но я признаюся, да и Богомъ свидѣтельствуюсь, что я самъ не знаю, какъ мнѣ мое бѣдство изобразить. Тяжкое бремя претерпѣннаго нещастія мысли мои такъ замѣшало, что мнѣ и несонному инако не думается, какъ полугрезится, сколь часто я о моемъ жребіи помышляю. Къ чему еще и то пришло, что я до сего часа, по приключившемся мнѣ вновь въ моей фамилии прискорбномъ происшествіи, въ состояніи не былъ хотя нѣсколько строкъ къ вашему сіятельству отписать, дабы мою нужду представить. Между тѣмъ, внутренняя сердца моего рвется, такъ что я для доставленія себѣ нѣкоторой льготы долженъ оное вашему сіятельству излить. Всевышній Богъ склони вашего сіятельства сердце къ тому, чтобъ вы содержаніе сего съ горькими слезами и воздыханіями двухъ даже до смерти опечаленныхъ родителей сочиненнаго прошенія приняли и съ тѣмъ меня къ стопамъ ея величества императрицы въ глубочайшей униженности подвергнули. Случай, который меня писать понуждаетъ, не можетъ вашему сіятельству безызвѣстенъ быть, а съ какими обстоятельствами объ ономъ ея величеству императрицѣ донесено, сіе я въ своемъ мѣстѣ оставляю. Однакожъ, что я вашему сіятельству чрезъ сіе объявить честь имѣю, есть самая истинная правда, прося васъ склоннѣйшее усердствіе о томъ воспріять.

«2-го числа сего мѣсяца дочь моя распоряженіемъ воеводши Пушкиной изъ дома моего въ пять часовъ поутру тайно увезена и скрыта. Сначала и въ первомъ страхѣ мы опасались, что иногда она провестъ себя допустила съ непостоянною дочерью помянутой воеводши уйти, ибо сія послѣдняя отъ своихъ родителей уже и въ Тулѣ предъ нѣсколькими годами бѣгала да и не стыдится за честь себѣ то поставлять, что она съ своими родителями плохо поступаетъ и имъ побоями и умерщвленіемъ угрожаетъ. По многомъ, въ превеликомъ страхѣ и амперации о нашей пропадшей дочери, учиненномъ навѣдываніи, наконецъ, увѣдомилися мы, что она черезъ одну служительницу воеводши, коя однакожъ прежде въ томъ не признавалась, увезена. На послѣдокъ же и сама воеводша въ вечеру ко мнѣ пришла, начавъ всякіе чудные разговоры; а видъ ея состоялъ въ томъ, чтобъ по ея корыстливому нраву наиглавнѣйше что либо отъ насъ вынудить, какъ она и всегда обыкла; но я ни въ какія рѣчи съ нею не вступилъ. И понеже она знать дала, что происшедшее учинилось по всевысочайшему указу, то и я на ея предъявленіе отвѣтствовать только тѣмъ удовольствовался, что все еже ея императорское величество изволить изрядно и ея повелѣніе во всѣхъ нашихъ поступкахъ правиломъ

есть; ибо что до високаго ея указа принадлежить, къ тому имѣть каждый, кто только не безуменъ или бѣшенъ, всегда готовымъ и охотнымъ являться. Сіе суть самыя обстоятельства, сколько они мнѣ извѣстны; однакожь не могу я протчее состояніе всего дѣла и донинѣ инако признавать, какъ за злонамѣренную интригу отъ воеводши, единственно для того, чтобъ меня и мою фамилію крушить, мучить и досаждать. Причемъ еще и такой посторонній видъ у ней быть можетъ, чтобъ себѣ здѣсь у всѣхъ людей особливую знатность доставить, для того, что она съ каждымъ бранится, да и предъ отъѣздомъ своимъ явно грозила впредъ всѣхъ здѣшнихъ перебрать. Еще-жь она публично отозвалась, что она принуждена была дочь мою у меня увезть, понеже я инако ее до смерти убилъ бы. Но какому разумному человѣку могло-бъ то хотя въ мысль придти, умалчивалъ дѣйствительно учинить? Я и моя фамилія, мое счастье и весь жребій, суть во всевысочайшей ея императорскаго величества власти и рукахъ. Ежели-жь, такъ какъ воеводша предъявила, ея императорскому величеству всемилостивѣйше угодно было-бъ дочь мою имѣть, то мнѣ въ моемъ состояніи, хотя-бъ она самую послѣднюю дѣвкойю отъ ея императорскаго величества принята была, ничего благополучнѣйшаго случиться не могло-бъ. Дай Боже, чтобъ ея императорское величество мою дочь, ежели я ее толь великаго щастія достойною почитать смѣю, только изъ рукъ воеводши къ себѣ взять соизволила, дабы она еще вящихъ худыхъ качествъ отъ такой коварной женщины не получила, какъ она уже то, къ сожалѣнію, имѣть, еже и время покажетъ, о чемъ мнѣ, яко ея родному отцу и ея матери, коимъ она довольно печали, заботы и безсонныхъ ночей причинила, наилучшее извѣстно есть.

«Не былъ ли бы я весьма щастливъ, когда-бъ ея императорское величество и обѣихъ моихъ бѣдныхъ сыновей у меня во всевысочайшую свою службу взять и опредѣлить изволила, какимъ бы то образомъ ни было, близко ли или далеко, только, чтобъ я съ повседневными еще воздыханіями на то бѣдство смотрѣть принужденъ не былъ, что они здѣсь оба безъ дальняго приличнаго наставленія и воспитанія праздно живутъ. Я, ваше сіятельство, прошу, ради Христа, умилосердитесь надо мною и моею фамиліею и покажите благодѣяніе, чтобъ мои обстоятельства единожды до ушей ея императорскаго величества прямо дошли. Я внутреннею моею самъ удостовѣренъ, что сія великодушная, всемилостивѣйшая и правосуднѣйшая монархиня, по примѣру Всевышняго, Котораго образъ монархи здѣсь на земли и въ сей времянности на себя носятъ, сожалѣніе и милосердіе возымѣтъ и милость вмѣсто правосудія явить.

«Богъ отпускаетъ грѣхи, и она также отпуститъ, ежели я противу ея величества погрѣшилъ бы, хотя мнѣ въ моей совѣсти ничего не извѣстно; а ежели я партикулярнымъ персонамъ какую-либо противность учинилъ и они еще за то злобу на меня имѣютъ, то мнѣ сіе сожальтельно; такожь я подлинно въ ономъ уже пострадалъ. Ея императорское величество, тотчасъ по вступленіи въ славное свое государствованіе, меня и фамилію мою изъ глубочайшей степени бѣдности освободить и сюда перевестъ указала; не соизволить ли же ея величество напоследокъ и все мое бѣдствіе прекратить и дѣло рукъ ея тѣмъ совершить. Ваше сіятельство! Что могу я, бѣдный, больше сказать или писать, окромѣ того, что единственная моя надежда и упованіе по Бозѣ на ея императорское величество непремѣнно пребываетъ. Она одна можетъ помощь мнѣ подать, дабы я больше моимъ непріятелямъ къ дальнѣйшей радости подверженъ не былъ. Если-бъ только ея величество хотя одинажды прямо самую истину и бѣдныя мои обстоятельства знала, будучи мнѣ ея величества сожальтельное и милостію преисполненное намѣреніе довольно извѣстно! Сверхъ же того, ея величество во время своего государствованія и такимъ людямъ, которые жизнь свою злодѣйствами потеряли было, изъ милосердія милость показать изволила и ихъ смертію не казнила. Чѣмъ же нынѣшняя моя жизнь лучше самой смерти, которой я гораздо охотнѣе, нежели сей, бѣдствомъ преисполненной, жизни желаю? Ваше сіятельство, подвергните меня еще съ симъ краткимъ прошеніемъ въ глубочайшей покорности и униженности къ стопамъ ея императорскаго величества и представьте при томъ мое и фамиліи моей состояніе, какъ же и то, что до вышеизображеннаго происшествія съ моею дочерью касается».

Безпокойство Бирона оказалось напраснымъ. Изъ Москвы, а затѣмъ изъ Петербурга, до него начали доходить пріятныя вѣсти: дочь ничѣмъ не повредила ему, сдѣлала заслужить благоволеніе императрицы и привлечь къ себѣ вниманіе вліятельныхъ лицъ. Биронъ тотчасъ же рѣшился эксплуатировать это обстоятельство въ свою пользу. Ненавистная дочь внезапно сдѣлалась «любезной его сердцу», и онъ самъ обратился въ нѣжнаго отца. Приводимъ любопытное письмо его къ ней изъ Ярославля отъ 7-го апрѣля 1750 года:

«Любезная сердцу моему дочь. Мы, по всей справедливости, должны удивляться, что о твоёмъ здоровьѣ не получаемъ ни малѣйшаго извѣстія, но дай Богъ, чтобы это письмо застало тебя здоровою и благополучною! Я и думать не хочу, что ты своихъ огорченныхъ родителей совѣмъ забываешь, тогда какъ ты теперь благоденствуешь. Ты

не будешь до такой степени неблагодарною въ отношеніи къ тѣмъ, которымъ ты, послѣ Бога, обязана жизнию. Напротивъ того, ты должна бы непрестанно молить Господа, чтобы Онъ, Который держитъ въ рукахъ Своей сердца великихъ и сильныхъ міра, склоняеть и направляетъ ихъ по своей премудрости, пробудилъ бы и расположилъ къ милости, какъ это уже и случилось относительно тебя, великодушное и сострадательное сердце нашей всемилостивѣйшей государыни, дабы былъ положенъ конецъ нашему несчастію, какъ о томъ ежедневно въ слезахъ и стenanіяхъ возсылаемъ горячія Богу молитвы. Если Господь даровалъ тебѣ дочернее сердце и добрую душу, то ты почувствуешь нашъ жалобный вопль и при своихъ теперешнихъ счастливыхъ обстоятельствахъ подумаешь объ насъ, твоемъ отцѣ, твоей матери и твоихъ братьяхъ, и не забудешь объ ихъ любви. Не даромъ же Богъ повелѣлъ чтить отца и мать, положительно сказавъ при томъ, что за это будешь счастливъ на земли. Вспомни объ этомъ, и съ тобой ничего не приключится дурного, особенно если ты не только будешь бояться Бога, но и будешь оказывать смиреніе, покорность и вѣрность своей государынѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ отношеніи ко всякому будешь вести себя безъ высокомерія, дружелюбно и благородно. Однакожъ, еще мало помнить, что ты должна почитать своихъ родителей: ты обязана доказать на дѣлѣ, что ты ихъ почитаешь и любишь. Кто больше тебя можетъ имѣть случай ходатайствовать за твоихъ родителей? И кто милостивѣе ея императорскаго величества? Императрица еще никогда никого не оставляла коснѣть въ несчастіи и помимо закона помиловала же столько людей, а въ числѣ ихъ даже тѣхъ, которые провинились противъ нея. Бросься смѣло и смиренно къ ея ногамъ, проси и умоляй о помилованіи твоихъ родителей и братьевъ: она непременно сжадется и возвратитъ намъ свободу. Годовщина счастливаго дня коронаціи ея императорскаго величества приближается, все государство Россійское и всѣ, живущіе подъ ея покровительствомъ и скипетромъ, уже радуются сему, равно какъ и мы бѣдные, огорченные. Но подумай, любезная дочь, еслибъ Богу угодно было, чтобы этотъ день положилъ конецъ нашему несчастію, какою бы радостью возрадовались мы, уже столько униженные и несчастные, согбенные подъ бременемъ (нашего?) креста. Собирайся духомъ, любезная дочь, проси за насъ и не оставь насъ тогда, когда всѣ прочіе насъ оставляютъ. Ея величество императрица такъ милостива и великодушна, что она благосклонно проститъ твою смѣлость, какъ имѣющую источникомъ дѣтскія дочернія почтеніе и любовь, и сжадется надъ нами. Мы поручаемъ тебя покрову Божію, милости и защитѣ императрицы. Помяни насъ въ своей молитвѣ и не забудь

насъ, какъ и мы тебя не забывасмъ, оставаясь (все слѣдующее написано рукою Бирона)

«моя любезная дочь,

«преданный тебѣ и неизмѣнный отецъ

«Э. I. Биронъ, Г. ф. К.

«Ярославль, 7-го апрѣля 1759 года.

«Я тебѣ писалъ, кромѣ этого письма, еще другое, одинаковаго содержанія, дабы либо одно, либо другое, исправно дошло до тебя».

Намъ неизвѣстно, пыталась ли Екатерина Ивановна обращаться къ императрицѣ съ ходатайствомъ объ отцѣ. Сомнѣваемся, чтобы при тогдашнихъ обстоятельствахъ она рѣшилась на это. Ей нужно было прежде всего думать и заботиться о томъ, какъ устроиться самой, ибо у нея не было никакихъ средствъ къ существованію. Только черезъ полгода ей удалось кое-какъ пристроиться. Благодаря стараніямъ Шуваловой, для нея придумали новую должность второй надзирательницы надъ фрейлинами съ весьма, впрочемъ, ограниченнымъ содержаніемъ.

Первой надзирательницей была мадамъ Шмидтъ, родомъ чухонка, отличавшаяся необыкновенной толщиной и грубымъ мужскимъ голосомъ. Она играла при государынѣ нѣкоторую роль и находилась подъ непосредственнымъ покровительствомъ старыхъ нѣмокъ и шведокъ, императрициныхъ камеръ-фрау. Мадамъ Шмидтъ надзирала за домашней жизнью фрейлинъ, обращалась съ ними очень строго и сама никогда не показывалась при дворѣ; въ публикѣ, во главѣ фрейлинъ, являлась постоянно принцесса Курляндская, которой мадамъ Шмидтъ тайно поручала смотрѣть за ихъ поведеніемъ въ обществѣ. Отдѣленіе дворца, гдѣ помѣщались фрейлины, состояло изъ длиннаго ряда комнатъ, замыкавшихся, съ одной стороны—спальной мадамъ Шмидтъ, а съ другой—спальной принцессы. При такомъ расположеніи комнатъ, фрейлины, повидимому, были совершенно недоступны, потому что желавшіе проникнуть къ нимъ должны были непременно проходить черезъ спальню или мадамъ Шмидтъ, или принцессы; но мадамъ Шмидтъ часто страдала разстройствомъ желудка отъ множества жирныхъ пироговъ и другихъ лакомыхъ блюдъ, присылавшихся ей родителями фрейлинъ, и такимъ образомъ съ послѣдними оставалось одно сообщеніе—черезъ спальню принцессы. Злые языки говорили, что она взимала плату за проходъ. Можетъ быть это была выдумка; однакожъ, не подлежитъ сомнѣнію, что принцесса скоро приобрѣла сильное вліяніе на фрейлинъ и въ те-

ченіе многихъ лѣтъ, по своему усмотрѣнію, распоряжалась ихъ замужествомъ.

Изъ числа покровителей принцессы самымъ заботливымъ былъ камергеръ Чоглоковъ, гофмейстеръ великаго князя Петра Теодоровича, прежняго жениха Екатерины Ивановны, а теперь наслѣдника все-россійскаго престола. Чоглоковъ считалъ себя въ долгу у фамиліи Биронъ, потому что старшій братъ принцессы помогъ ему сдѣлать карьеру, взявъ его изъ кадетскаго корпуса въ конную гвардію и держа при себѣ въ родѣ ординарца. Черезъ посредство Чоглокова, принцесса вошла въ интимный кружокъ великаго князя и очень скоро сѣмѣла овладѣть сердцемъ послѣдняго. Въ глазахъ Петра Екатерина Ивановна имѣла весьма важное, по его мнѣнію, достоинство,—она была принцесса и, притомъ, нѣмецкая! Вслѣдствіе этого великій князь бесѣдовалъ съ ней не иначе, какъ по-нѣмецки и осыпалъ ее всевозможными любезностями. Онъ посылалъ ей, когда она обѣдала дома, вина и лакомства съ своего стола, совѣтовался о предполагаемыхъ имъ переѣздахъ въ формѣ обмундированія голштинскихъ солдатъ и, наконецъ, до такой степени привязался къ хитрой горбунѣ, что ни на шагъ не отходилъ отъ нея, говорилъ только съ ней одной и впадалъ въ совершенное отчаяніе, если она, по случаю нездоровья, не являлась на его вечера. Такое поведеніе Петра, разумѣется, оскорбляло супругу его, великую княгиню Екатерину Алексѣевну. Чтобы отвлечь великаго князя отъ предмета страсти, Екатерина придумала выдать принцессу замужъ. Гофмейстерина и другъ великой княгини, Владиславова, отыскала жениха. Это былъ камергеръ Петръ Салтыковъ, уже пожилой, глупый, съ безмысленной фізіономіей, тупымъ носомъ и всегда полуоткрытымъ ртомъ. Мать Салтыкова пользовалась особенной милостью императрицы за заслуги, оказанныя ей при восшествіи на престоль. Владиславова, находившаяся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Салтыковой, внушила ей мысль женить сына на принцессѣ. Родство съ герцогской фамиліей польстило самолюбію Салтыковой. По приказанію матери, Петръ Салтыковъ отправился къ императрицѣ, бросился ей въ ноги, объяснилъ свою пламенную любовь къ принцессѣ и просилъ у государыни соизволенія на бракъ. Елисавета Петровна потребовала принцессу къ себѣ и посоветовала ей не пренебрегать выгодной партіей. Екатерина Ивановна не осмѣлилась возражать и изъявила готовность повиноваться волѣ ея величества. Къ счастью принцессы, императрица вскорѣ заболѣла, и бракъ отложился на нѣсколько недѣль. Екатерина Ивановна не потеряла этого времени даромъ. Она сѣмѣла такъ надобѣсть и опротивѣтъ своему суженому, что онъ самъ отказался отъ женитьбы. Ни угрозы

матери, ни интриги Владиславовой не могли отклонить его отъ этого. На зло всѣмъ, онъ тогчасъ же сдѣлалъ предложеніе княжнѣ Солнцевой и женился на ней. Императрица осталась очень недовольна поступкомъ Салтыкова и, полагая, что принцесса огорчена измѣной жениха, сама нашла ей другого — князя Григорія Хованскаго. Однако, и на этотъ разъ бракъ не состоялся. Сколько Салтыковъ не нравился принцессѣ, столько же она не нравилась Хованскому, и потому послѣдній, подъ разными предлогами, успѣлъ отдѣлаться отъ невѣсты и уѣхалъ въ армію. Неудача эта нисколько не охладила въ императрицѣ желанія пристроить Екатерину Ивановну. Она вскорѣ отыскала ей третьяго жениха, — поручика Преображенскаго полка барона Александра Ивановича Черкасова, за котораго Екатерина Ивановна и вышла наконецъ замужъ въ 1759 году.

Бракъ этотъ былъ неравенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Черкасову шелъ 27-й годъ и такимъ образомъ онъ былъ на шесть лѣтъ моложе своей жены. Обладая представительной и пріятной внѣшностью, ловкій, съ изящными манерами, Черкасовъ представлялъ совершенную противоположность съ горбатой и некрасивой Екатериной Ивановной. Характерами они также не сходились: насколько она была хитра, вкрадчива, сдержанна, настолько же онъ былъ добръ, прямодушенъ, вспыльчивъ, своенравенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ широко пользоваться удовольствіями жизни и считался большимъ гастрономомъ и знатокомъ тонкихъ винъ. Можно сказать утвердительно, что Черкасовъ женился на принцессѣ Курляндской изъ расчетовъ, имѣя въ виду, при ея посредствѣ, войти въ тѣсный кругъ приближенныхъ благоволившей къ ней императрицы и сдѣлать быстро карьеру. Однако, ожиданія его не оправдались. Государыня дала въ приданое за своей крестницей 20,000 рублей и полную обстановку, стоившую около 30,000 рублей, но не повысила ея мужа и даже не надѣлила его никакимъ придворнымъ званіемъ. Черкасову приходилось самому пробивать себѣ дорогу: и онъ достигъ этого, сблизившись съ великой княгиней Екатериной Алексѣевной и примкнувъ къ партіи Григорія Орлова, уже тогда подготовлявшаго въ пользу ея государственный переворотъ 1762 года. По восшествіи на престолъ Екатерины, Черкасовъ скоро сдѣлался однимъ изъ довѣренныхъ ея людей и въ 1763 году былъ назначенъ президентомъ, преобразованной по его плану медицинской коллегии, съ пожалованіемъ прямо въ дѣйствительные камергеры.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о семейной жизни баронессы Черкасовой; знаемъ только, что у нея родились сынъ Петръ и дочь Елисавета, что она почти не появлялась при дворѣ и не пользовалась расположеніемъ Екатерины II, которая въ своихъ запискахъ

называетъ ее «маленькимъ горбатымъ чудовищемъ» (*petit monstre bossu*).

Черкасовъ сохранялъ значеніе до паденія, въ 1774 году, покровительствовавшаго ему Орлова, что отразилось весьма неблагоприятно на его дальнѣйшей службѣ. Новый фаворитъ, Потемкинъ, почему-то не взлюбилъ Черкасова и, очевидно, возстановилъ противъ него императрицу, такъ какъ въ 1775 году онъ былъ уволенъ отъ должности президента медицинской коллегіи съ чиномъ тайнаго совѣтника. Три года послѣ этого оставался Черкасовъ въ Петербургѣ, надѣясь вернуть себѣ милости государыни; но, убѣдившись, что карьера его кончена, въ 1778 году выпелъ въ отставку и, бросивъ нелюбимую и недоѣвшую жену, уѣхалъ въ деревню, въ Смоленскую губернію, гдѣ и прожилъ въ одиночествѣ до дня своей смерти, послѣдовавшей въ 1788 году.

Покинутая мужемъ, Екатерина Ивановна посвятила себя исключительно заботамъ о дочери, воспитывавшейся въ Смольномъ институтѣ. Хотя у Черкасова въ сущности было довольно хорошее состояніе (около 1,300 душъ крестьянъ и домъ въ Петербургѣ), а жена его получала ежегодную субсидію отъ своего отца, возстановленнаго Екатериной, въ 1763 году, во всѣхъ правахъ и возведеннаго на герцогскій курляндскій престолъ, но привычка къ роскоши и сибаритство Черкасова разстроили его имущественныя дѣла, и когда послѣ смерти Бирона, въ 1772 году, его мѣсто занялъ слабоумный и распутный герцогъ Петръ, положеніе Черкасовыхъ сдѣлалось затруднительнымъ, потому что братъ совсѣмъ пересталъ помогать сестрѣ. Отсюда возникли неудовольствія и раздоры, составлявшіе характеристическую черту въ семьѣ Бироновъ, и Екатерина Ивановна оказалась вынужденной обратиться къ императрицѣ съ жалобой, которую мы приводимъ здѣсь въ переводѣ съ французскаго языка:

«Всемиловѣйшая государыня! Обливаясь слезами, повергаюсь къ подножію престола вашего императорскаго величества и всенижайше прошу сжалиться надъ положеніемъ, до котораго я доведена съ своею дочерью и съ двумя дѣвками-сиротами, которыхъ я взяла изъ Смольнаго монастыря, непреклонностью герцога, моего брата, который не только отказываетъ мнѣ въ помощи, о коей я его просила, но еще передалъ министру вашего императорскаго величества записку, исполненную лжи и упрековъ касательно оказанныхъ мнѣ вспоможеній. Я все это отвергла въ отвѣтъ, который представила министру вашего императорскаго величества въ минувшемъ октябрѣ мѣсяцѣ для того, чтобы онъ повергнуть былъ на высочайшее ваше усмотрѣніе; но такъ какъ отвѣтъ этотъ не былъ принятъ, то я вынуждена приложить его при семь и непосредственно обратиться къ своей всемиловѣйшей

государынѣ для того, чтобы просить ея высокаго, могущественнаго покровительства, ибо ежеминутно ожидаю, что меня посадятъ въ тюрьму мои кредиторы, съ которыми не могу расплачиваться и рискую лишиться единственнаго достоянія: своего дома и своего серебра, которое сполна заложено. Только ваше императорское величество и можетъ заставить герцога, моего брата, уплатить мои долги и увеличить мои доходы такъ, чтобы я могла жить здѣсь прилично. Но еслибъ я была столь несчастлива, что всеижайшая просьба моя не была бы уважена, то соблаговолите, всемилостивѣйшая государыня, купить этотъ домъ, который заложенъ въ опекуномъ совѣтѣ, для того, чтобы я могла совсѣмъ удалиться отсюда и окончить мое печальное существованіе въ Лифляндіи. Возлагаю свою надежду на извѣстное всему міру великодушіе вашего императорскаго величества и на удовольствіе, которое вы испытываете, помогая бѣднымъ и угнетеннымъ, тѣмъ болѣе, что я въ первый разъ, въ продолженіе достославнаго вашего царствованія, рѣшилась просить о себѣ и своихъ дѣтяхъ, которые такъ мало могутъ ожидать себѣ отъ наслѣдства отца. Всѣми покинутая, прибѣгаю къ своей монархинѣ. Она слишкомъ милостива, чтобы не помочь той, которая чувствуетъ себя счастливой тѣмъ, что есть, съ наиглубочайшимъ благоговѣніемъ и усердіемъ, всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всеижайшая, всепослушная и первая вѣрноподданная.

«Катерина, б. Черкасова, рожденная принцесса Курляндская. С.-Петербургъ, сего 22-го января 1780 года».

Можно думать, что положеніе Черкасовой дѣйствительно было затруднительно, если она рѣшилась обратиться съ просьбой къ императрицѣ, не скрывавшей своего нерасположенія къ ней; но Екатерина была великодушна, — она заступилась за Черкасову, принудила герцога Петра назначить сестрѣ опредѣленную ренту и купила въ казну черкасовскій домъ въ Петербургѣ. Мало того, когда въ 1775 году состоялось присоединеніе Курляндіи къ Россіи, и Петръ Биронъ получилъ въ вознагражденіе за свои ленныя владѣнія 2 мил. талеровъ и пенсію въ 100,000 талеровъ, государыня обязала его формальнымъ актомъ ежегодно выдавать сестрѣ по 10,000 талеровъ въ годъ.

Устроивъ такимъ образомъ, благодаря посредничеству Екатерины, свои финансовыя дѣла, Черкасова рѣшилась навсегда покинуть Петербургъ и переѣхать въ Дерптъ вмѣстѣ съ дочерью, которая въ 1779 году окончила курсъ въ Смольномъ институтѣ. Что побудило ее избрать своимъ мѣстопребываніемъ этотъ городъ неизвѣстно, но она жила здѣсь открыто, принимая у себя многочисленное общество и часто давал

пиры и балы. По принятому на Западѣ обычаю сохранять дамамъ титулъ, пріобрѣтенный рожденіемъ, не смотря на бракъ съ лицомъ менѣе или вовсе не титулованнымъ, остзейскіе помѣщики величали баронессу Черкасову «принцессой». Въ 1781 году она выдала дочь замужъ за лифляндскаго дворянина Пальменбаха, имѣвшаго обширныя родственныя связи и хорошее состояніе.

Черкасова дожила до глубокой старости. Она скончалась 31-го марта 1797 года. Набальзамированный трупъ ея покоится рядомъ съ трупами отца и братьевъ, въ фамильномъ склепѣ герцоговъ Курляндскихъ, въ Митавскомъ замкѣ.

Убийство Синклера.

(Эпизодъ бироновской эпохи; 1739 годъ ¹⁾).

ВАРЛЪ XII, умирая, оставилъ Швецію въ самомъ печальномъ положеніи. Безпрерывныя войны лишили эту малонаселенную страну болѣе четырехъ сотъ тысячъ лучшихъ людей; она не имѣла ни денегъ, ни кредита; въ государственномъ управленіи царили безпорядокъ и произволь; арміи почти не существовало; всѣ дѣла находились въ застоѣ; народъ страшно бѣдствовалъ отъ насилія и множества тяжкихъ налоговъ и поборовъ. Такія глубокія раны могли быть залечены только при продолжительномъ мирѣ съ сосѣдними государствами. Швеція должна была избѣгать всякаго повода къ столкновеніямъ съ ними и не вмѣшиваться съ своими ничтожными средствами въ европейскія дѣла.

Графъ Горнъ, стоявшій тогда во главѣ шведскаго правительства, хорошо понималъ положеніе Швеціи и хотя всей душой ненавидѣлъ Россію, которая была причиной политическаго паденія ея, однако старался поддерживать съ нею дружескія отношенія. Но Франція, со времени перваго Густава имѣвшая большое вліяніе на политику шведскихъ королей, старалась воспользоваться Швеціей, какъ орудіемъ, чтобы

¹⁾ Источники: 1) Geschichte Ernst-Johann von Biron. Frankfurt. 1764. — 2) Schmidt Phiseldek. Materialien zu der russischen Geschichte. Riga. 1772. Т. 2. — 3) Büsching. Magazin für die neue Historie und Geographie. Hamburg. 1769. Т. 8. — 4) Manstein. Mémoires sur la Russie. Paris. 1860. Т. 2. — 5) Anecdotes de la cour de Russie. Londres. 1792. Т. 4. — 6) О сословіяхъ въ Швеціи. Статья Герье. «Русскій Вѣстникъ». 1862. № 4.

достигнуть своихъ цѣлей въ Польшѣ. Здѣсь въ 1733 году умеръ король Августъ II. Франція желала возвести на польскій престолъ тестя короля Людовика XV, Станислава Лещинскаго. Русскій дворъ принялъ подъ свое покровительство сына Августа и рѣшился всѣми силами противиться возвышенію Станислава. Французскій кабинетъ надѣялся вовлечь шведскій народъ въ интересы Лещинскаго. Это казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что Станиславъ былъ въ первый разъ возведенъ на польскій престолъ Карломъ XII и честь шведскаго народа требовала защищать Лещинскаго противъ общаго врага—Россіи. Французскій посоль Кастея думалъ тайными интригами достигъ осуществленія плановъ своего двора. Петербургскій кабинетъ поручилъ своему посланнику Бестужеву слѣдить за этими интригами, не жалѣть никакихъ средствъ и вести противъ французскихъ минъ контръ-мины. Оба посла израсходовали огромныя суммы денегъ на подкупъ шведскихъ государственныхъ людей и успѣли завербовать себѣ многочисленныхъ друзей. Шведскій сеймъ раздѣлился на двѣ партіи: одна, предводимая графомъ Гилленборгомъ и принявшая названіе «Шляпъ», добивалась тѣснаго союза съ Франціей и разрыва съ Россіей; другая, поддерживаемая графомъ Горномъ, и назвавшаяся «Шалками» требовала, во что бы то ни стало, мира ¹⁾. Послѣ долгой и упорной борьбы, партія «Шалокъ» одержала побѣду, и союзъ съ Россіей былъ возобновленъ. Неудача эта чрезвычайно раздосадовала Версальскій кабинетъ. Людовикъ XV отозвалъ Кастея и назначилъ на его мѣсто одного изъ лучшихъ французскихъ дипломатовъ, Сень-Севрена. Не успѣвъ вовлечь Швецію въ войну съ Россіей во время спора за польскій престолъ, Франція удвоила свои происки въ теченіе войны Россіи съ Турціей (1736—1739). Передъ открытіемъ шведскаго сейма 1738 года Сень-Севренъ истратилъ двѣсти тысячъ талеровъ и такимъ образомъ пріобрѣлъ французской партіи значительное большинство голосовъ. Въ первое же засѣданіе сеймъ потребовалъ удаленія графа Горна и передалъ его должность Гилленборгу. Вслѣдъ затѣмъ былъ ратификованъ трактатъ съ Франціей о субсидіяхъ и сдѣлано распоряженіе объ усиленіи войскъ въ Финляндіи и приведеніи всѣхъ крѣпостей на военное положеніе. Для заключенія съ Турціей наступательнаго и оборонительнаго союза и соглашенія съ нею насчетъ общихъ мѣръ сеймъ тайно послалъ въ Константинополь маіора Малькольма Синклера.

¹⁾ Поводомъ къ принятію этихъ странныхъ названій послужило слѣдующее ничтожное обстоятельство: король какъ-то въ досадѣ на графа Горна и его партію, назвалъ ихъ колпаками. Тогда приверженцы французской партіи съ гордостью назвались шляпами.

Воинственныя приготовленія Швеціи и секретное посольство маіора Синклера, разумѣется, очень встревожили русскій дворъ. Герцогъ Биронъ, управлявшій тогда дѣлами Россіи, поручилъ своимъ эмиссарамъ въ Турціи слѣдить за каждымъ шагомъ шведскаго агента и хорошенько разузнать о цѣли его поѣздки. Однако, Синклеръ такъ умно и ловко велъ свои дѣла, что бироновскіе агенты, не смотря на всѣ усилія, не могли вывѣдать его тайны. Турція отказалась заключить наступательный и оборонительный трактатъ, но дала кой-какія обѣщанія, благопріятныя для Швеціи. Синклеръ получилъ отъ великаго визиря письмо къ маршалу сейма и собирался уже ѣхать въ обратный путь, а содержаніе этого письма все-таки оставалось неизвѣстнымъ русскому правительству. Тогда Биронъ рѣшился на одинъ изъ тѣхъ темныхъ и безчестныхъ поступковъ, которыми такъ богата его частная и государственная дѣятельность. Онъ отправилъ навстрѣчу Синклера двухъ своихъ клеветовъ, приказавъ имъ убить его и отобрать находившіяся при немъ бумаги. Достойные люди, принявшіе на себя эту обязанность, были Бутырскаго пѣхотнаго полка капитанъ Кутлеръ и поручикъ Левицкій. Не зная навѣрно, гдѣ придется убійцамъ настигнуть Синклера, въ Польшѣ, Австріи или Саксоніи, Биронъ снабдилъ Кутлера, на всякій случай, рекомендательными письмами къ саксонскому министру Брюлю и австрійскому окружному генераль-губернатору, графу Шафгочу; оба они были опытными интриганамъ, воспитанными въ школѣ придворнаго двоедушія, и потому, какъ увидимъ далѣе, оказали съ своей стороны значительное содѣйствіе къ совершенію этого политическаго злодѣйства.

Между тѣмъ Синклеръ, нисколько не ожидая грозившей ему бѣды, выѣхалъ 12-го мая 1739 г. изъ Константинополя, въ сопровожденіи своего знакомаго французскаго купца Кутюрьера и нѣмецкаго слуги Бунека, и 25-го числа достигъ турецкой крѣпости Хотина. Здѣсь онъ получилъ первое извѣстіе о приготовленной ему западнѣ. Хотинскому пашѣ было прислано изъ Польши письмо, въ которомъ говорилось, что русскіе агенты поджидаютъ Синклера въ Лембергѣ и обѣщаютъ большую награду тому, кто его задержитъ. То же самое подтвердилъ ѣхавшій въ это время изъ Варшавы черезъ Хотинъ чиновникъ шведскаго посольства. Испуганный Синклеръ, по совѣту паши, рѣшился измѣнить первоначальный планъ своего пути и миновать Лембергъ. 1-го іюня маіоръ прибылъ въ резиденцію польскаго коронаго гетмана, графа Потоцкаго, мѣстечко Станиславовъ, и остановился отдохнуть въ небольшой гостинницѣ, содержимой евреемъ. Едва только Синклеръ и Кутюрьеръ сѣли обѣдать, какъ въ гостинницу вошелъ одинъ изъ русскихъ эмиссаровъ въ Польшѣ, полковникъ Даревскій.

Внимательно осмотрѣвъ путешественниковъ, онъ выпилъ рюмку водки и, не сказавъ ни слова, удалился. Вслѣдъ затѣмъ Синклеръ и его товарищъ были потребованы къ генералу Сабасу, стоявшему съ военнымъ отрядомъ въ Станиславовѣ. Сабасъ пожелалъ видѣть паспорта

Малькольмъ Синклеръ.

Съ рѣдкой шведской литографіи.

прибывшихъ. Синклеръ, имѣвшій отъ своего правительства фальшивый паспортъ на имя одного шведскаго дворянина, показалъ его генералу и былъ тотчасъ же отпущенъ. Возвратясь въ гостинницу, майоръ нашель въ ней неизвѣстнаго офицера, который очень любезно позна-

комился съ нимъ и предложилъ ему вина. Намѣреніе офицера, очевидно, было—напоить Синклера пьянымъ и вывѣдать отъ него кое-что; однако намѣреніе это не удалось, потому что Синклеръ держалъ себя крайне осторожно, а офицеръ скоро напился такъ, что упалъ подъ столъ. Избавившись отъ непріятнаго собесѣдника, Синклеръ отправился къ графу Потоцкому, объяснилъ ему цѣль своей поѣздки и просилъ билета на свободный пропускъ черезъ польскія владѣнія. Потоцкій не только исполнилъ просьбу маіора, но даже далъ ему конвой до города Луденсгофа. На другой день по выѣздѣ изъ Станиславова, Синклера обогнали два всадника; одинъ, закутанный въ бѣлый плащъ; второй, одѣтый въ ливрею. Конвойные признали ихъ за офицеровъ изъ свиты Даревского. 7 числа путники пріѣхали въ Луденсгофъ. Синклеръ предъявилъ губернатору билетъ, выданный Потоцкимъ, и снова выхлопоталъ себѣ конвой до самой польской границы. Во время пребыванія маіора въ Луденсгофѣ, какой-то еврей пытался узнать отъ Бунека, куда ѣдетъ его господинъ, говоря, что нашелъ попутчика, который дастъ хорошія деньги за то, чтобы ѣхать въ сопровожденіи конвоя. Синклеръ, заподозривъ еврея, отвелъ его къ губернатору. При разспросахъ еврей отвѣчалъ сбивчиво и потому, по настоянію маіора, былъ посаженъ подъ арестъ. Не считая себя въ безопасности, Синклеръ поспѣшилъ оставить Луденсгофъ. 8-го іюня, недалеко отъ мѣстечка Гоганъ, Синклеръ былъ настигнутъ курьеромъ отъ луденсгофскаго губернатора, который увѣдомилъ маіора коротенькой записочкой, что его преслѣдуютъ нѣсколько человекъ переодѣтыхъ казаковъ. Синклеръ велѣлъ гнать лошадей и, нигдѣ не останавливаясь, благополучно достигъ 9-го числа пограничнаго польскаго города, Гольштейна. Здѣсь онъ долженъ былъ разстаться съ конвоемъ и продолжалъ дорогу только съ двумя своими спутниками. Въ Люблинцѣ ихъ задержали и, не взирая на просьбы и подарки, не пустили до тѣхъ поръ, пока уѣздный начальникъ не удостовѣрился, что они ѣдутъ изъ мѣста, гдѣ нѣтъ чумы. Въ этомъ же городѣ они получили взамѣнъ билета, выданнаго Потоцкимъ, свидѣтельство о здоровьѣ, за императорской печатью. 13-го, путешественники прибыли въ Бреславль и, чтобы избѣжать новыхъ осмотровъ, остановились въ предмѣстьѣ, въ самой бѣдной гостинницѣ. Синклеръ рассчитывалъ прожить здѣсь два или три дня, дожидаясь обыкновенной почты и ѣхать вмѣстѣ съ нею. Такъ какъ Бунекъ былъ родомъ изъ Бреславля и не пожелалъ сопровождать маіора далѣе, то и былъ отпущенъ; вмѣсто же его Синклеръ нанялъ другого лакея—Шольца. Къ несчастію, Бунекъ имѣлъ неосторожность проговориться, что пріѣхалъ изъ Константинополя; его схватили и представили генераль-губернатору графу Шафгочу. На

допросѣ Бунекѣ открылъ секреты Синклера. Узнавъ объ арестованіи своего бывшаго слуги, маіоръ поспѣшилъ нанять дилижансъ; но въ ту минуту, какъ хотѣлъ садиться въ него, былъ остановленъ комиссаромъ, явившимся въ сопровожденіи четырехъ полицейскихъ чиновниковъ и нѣсколькихъ солдатъ. Не обращая вниманія на горячій протестъ Синклера, они принудили его вернуться въ гостинницу, приставили къ дверямъ ея часовыхъ и безцеремонно начали обыскивать путешественниковъ и ихъ вещи. Письмо визиря было зашито Синклеромъ въ подкладку стараго камзола, уложеннаго внизу чемодана, а потому комиссаръ не могъ найти этого, столь желаемого, документа; онъ отыскалъ только карту Европы, подписанную Карломъ XII, малозначащую записку къ Синклеру отъ умершей шведской королевы и еще кой-какія неважныя рукописи. Отобравъ всѣ бумаги, комиссаръ объявилъ, что долженъ показать ихъ графу Шафгочу. Маіоръ хотѣлъ самъ отправиться къ графу для объясненій, но комиссаръ воспротивился этому и, уходя, сказалъ довольно громко лакею Синклера: «Должно быть у вашего господина здѣсь много враговъ». Часа черезъ два комиссаръ возвратился, отдалъ маіору бумаги и просилъ у него извиненія въ происшедшемъ, говоря, что былъ вынужденъ къ такому поступку императорскимъ указомъ, которымъ строго повелѣвалось осматривать вещи всѣхъ пріѣзжающихъ изъ странъ, подверженныхъ чумѣ. Выразивъ комиссару свое неудовольствіе на сдѣланное насиліе, Синклеръ поторопился выѣхать изъ Бреславля и направился чрезъ Нейштедель въ Грюнбергъ.

Въ то самое время, какъ Синклеръ выѣзжалъ изъ Бреславля, въ этотъ городъ прибыли, со стороны Вартенберга ¹⁾, два незнакомца, сопровождаемые четырьмя слугами. Они остановились въ гостинницѣ «Голубого Оленя», назвали русскими офицерами и послали просить графа Шафгоча тотчасъ же принять ихъ, говоря, что имѣютъ къ нему важное и не терпящее отлагательства дѣло. Графъ Шафгочъ, чѣмъ-то занятый, отвѣчалъ, что не можетъ теперь исполнить желаніе прибывшихъ и просилъ ихъ письменно изложить дѣло, для котораго они требуютъ свиданія. Тогда одинъ изъ незнакомцевъ написалъ графу записку слѣдующаго содержанія: «Капитанъ русской службы, Кутлеръ, посланный русскимъ правительствомъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, поручикомъ Левицкимъ, преслѣдовать шведскаго маіора Синклера, возвращающагося изъ непріязненной Россіи страны, Турціи, съ опасными и вредными для всего христіанства депешами и проектами, просить

¹⁾ Имѣніе герцога Бирона въ Силезіи, подаренное ему прусскимъ королемъ въ 1733 году.

и требует энергической помощи австрійскихъ властей, для арестованія означеннаго маіора». Получивъ эту записку, генераль-губернаторъ немедленно принялъ Кутлера и, переговоривъ съ нимъ наединѣ, выдалъ ему открытое предписаніе ко всѣмъ императорскимъ чиновникамъ, чтобы они, при встрѣчѣ съ маіоромъ Синклеромъ, задержали его и представили тотчасъ въ Бреславль. Приэтомъ, впрочемъ, упоминалось, что въ случаѣ отобранія отъ Синклера какихъ либо бумагъ, съ нихъ должны быть сняты вѣрныя копіи, за подписью губернатора и самого маіора, который останется подъ покровительствомъ австрійскихъ законовъ до тѣхъ поръ, пока дѣло его не будетъ разсмотрѣно и рѣшено генераль-губернаторомъ.

Разставшись съ графомъ Шафгочемъ, Кутлеръ велѣлъ наскоро купить двѣ сабли и вечеромъ выѣхалъ изъ Бреславля вмѣстѣ съ своими людьми и двумя почталіонами. 17-го іюня они прибыли въ Нейштадель, и узнавши, что Синклеръ, два часа тому назадъ, отправился въ Грюнбергъ, поскакали далѣе. Въ верстѣ отъ деревни Альтнау убійцы догнали свою жертву. Принудивъ почталіона остановить дилижансъ, Кутлеръ подошелъ къ дверцамъ и на французскомъ языкѣ вѣжливо спросилъ сидѣвшихъ: «Кто изъ нихъ маіоръ Синклеръ?» Послѣдній назвалъ себя. Тогда Кутлеръ сказалъ ему, что имѣетъ повелѣніе отвезти его обратно въ Бреславль и надѣется, что маіоръ, какъ честный человѣкъ, не будетъ оказывать сопротивленія. Синклеръ пожелалъ видѣть приказъ, на основаніи котораго съ нимъ поступаютъ такимъ образомъ. Кутлеръ отвѣчалъ, что удовлетворитъ этому желанію по пріѣздѣ на мѣсто, и, окруживъ дилижансъ своими людьми, приказалъ ѣхать по дорогѣ къ ближайшей саксонской станціи. Синклеръ, высунувшись изъ окна, продолжалъ громко и настойчиво требовать, чтобы ему показали приказъ. Кутлеръ вынулъ изъ кармана предписаніе графа Шафгоча и, не развертывая этой бумаги, сообщилъ Синклеру ея содержаніе. Маіоръ возразилъ, что вѣщи его уже были осмотрѣны въ Бреславлѣ, и потому онъ не понимаетъ, зачѣмъ ему дѣлаютъ новыя непріятности и притѣсненія. «Осмотръ, которому вы подверглись въ Бреславлѣ, отвѣчалъ Кутлеръ, признанъ недостаточнымъ. Впрочемъ, вамъ нечего бояться; вы знаете хорошо, что депеши иностранныхъ дворовъ и ихъ курьеры уважаются всегда и вездѣ. Если у васъ не найдется другихъ бумагъ, кромѣ тѣхъ, что были осмотрѣны въ Бреславлѣ, васъ немедленно отпустятъ. Вы, полагаю, знаете также, прибавилъ онъ, — что есть правило отбирать у арестованныхъ оружіе; я прошу васъ отдать мнѣ ваши пистолеты и саблю». Синклеръ, видя бесполезность возраженій, молча повиновался. Путники продолжали медленно подвигаться впередъ. Наступили су-

мерки. Поровнявшись съ большимъ лѣсомъ, лежащимъ близъ Наумбурга, Кутлеръ велѣлъ почталіону остановиться. «Что это значить? Для чего вы приказали остановить лошадей?» спросилъ встревоженный Синклеръ.— «Я не хочу проѣзжать городомъ, пока еще свѣтло, чтобы не обратить на насъ вниманія публики»,—отвѣчалъ Кутлеръ. Затѣмъ, перекинувшись нѣсколькими словами съ Левицкимъ, онъ обратился къ Кутюрьеру и сказалъ ему: «Потрудитесь пожаловать ко мнѣ, я имѣю кое-что вамъ передать». Кутюрьеръ вышелъ изъ дилижанса. Кутлеръ отвелъ его въ сторону и, посмотрѣвъ въ свою записную книжку, началъ спрашивать, дѣйствительно ли онъ французскій купецъ, зачѣмъ ѣдетъ въ Швецію, гдѣ и когда познакомился съ Синклеромъ и знаетъ ли, съ какимъ порученіемъ послѣдній ѣздилъ въ Константинополь? Кутюрьеръ отвѣчалъ на первый вопросъ утвердительно, а на остальные далъ весьма уклончивыя показанія.— «Вы, я вижу, честный человѣкъ», возразилъ, улыбаясь, Кутлеръ, «но, право, напрасно скрываете продѣлки этого шпіона; онъ стоитъ намъ много хлопотъ и денегъ и теперь ему не удастся ускользнуть». Когда Кутюрьеръ вернулся къ дилижансу, Синклеръ взялъ его за руку и, крѣпко сжавъ ее, сказалъ: «Мнѣ очень досадно, что вы терпите изъ-за меня столько непріятностей. Васъ, конечно, отпустятъ; но мнѣ, кажется, придется ѣхать не въ Швецію, а гораздо дальше; именемъ нашей дружбы заклинаю васъ, когда вы приѣдете въ Стокгольмъ, расскажите тамъ все, что видѣли». Въ эту минуту къ нимъ подошелъ Левицкій и грубо приказалъ Синклеру слѣдовать за собою. Предчувствуя злой умыселъ, Синклеръ хотѣлъ было сопротивляться, но силачъ Левицкій схватилъ его за воротникъ сюртука и повлекъ въ лѣсную чащу. Между тѣмъ, Кутлеръ принялся развязывать чемоданы маіора. Едва только успѣлъ онъ открыть одинъ изъ нихъ, какъ въ лѣсу раздался выстрѣлъ и крикъ: «Mon Dieu! Jesus! Mon Dieu!» (Боже мой! Иисусъ! Боже мой!). Слова эти казались произнесенными человѣкомъ, бѣгущимъ по лѣсу. Вслѣдъ затѣмъ послышался голосъ Левицкаго, громко звавшаго своихъ людей. Они поспѣшили на зовъ и, раздѣлившись, бросились въ погоню за Синклеромъ и скоро докончили его. Кутюрьеръ слышалъ крики и звуки сабельныхъ ударовъ и стоялъ ни живъ ни мертвъ отъ страха. Увидя возвращающагося Левицкаго, онъ упалъ на колѣни и сталъ умолять, по-латыни, о пощадѣ¹⁾. «Не бойся», отвѣчалъ ему на томъ же языкѣ убійца, «было бы грѣшно противъ Святаго Духа сдѣлать зло такому хорошему человѣку, какъ ты. Товарищъ твой получилъ то, что заслуживалъ. Онъ былъ врагомъ го-

¹⁾ Левицкій зналъ только латинскій и русскій языкъ.

сударя, а врагъ государя есть врагъ Бога, и я думаю, что поступилъ безукоризненно, убивъ его». Затѣмъ убійцы стали дѣлить между собою вещи и деньги Синклера; когда письмо великаго визиря попало въ руки Кутлера, онъ радостно воскликнулъ, показывая его Кутюрьеру: «Вотъ то, за что я не возьму ста тысячъ рейхсталеровъ!» Окончивъ грабежъ, Кутлеръ и Левицкій сѣли въ дилижансъ и велѣли везти себя прямо въ Дрезденъ. Дорогой они неоднократно совѣтовали Кутюрьеру молчать о происшедшемъ. — «Берегитесь», говорили они, «проронить хоть одно слово; вы скоро узнаете, кто мы. До тѣхъ поръ, пока вы съ нами, удерживайтесь тщательно даже отъ всякаго нескромнаго знака. Когда же мы васъ отпустимъ, можете говорить сколько вамъ угодно и рассказывать обо всемъ хоть самому чорту».

По приѣздѣ въ Дрезденъ, убійцы явились къ русскому посланнику Кейзерлингу и представили ему Кутюрьера. Кейзерлингъ отослалъ его къ саксонскому генералъ-прокурору Фогелю, по приказанію котораго онъ тотчасъ же былъ посаженъ въ государственную тюрьму. Здѣсь ему предложили составленные русскимъ посломъ тридцать восемь вопросныхъ пунктовъ, касавшихся дѣла Синклера. Кутюрьеръ отвѣчалъ на каждый изъ нихъ подъ присягою и черезъ недѣлю былъ освобожденъ. Кейзерлингъ пригласилъ его къ себѣ, осыпалъ любезностями и подарилъ на дорогу пятьсотъ червонцевъ. Получивъ разрѣшеніе на выѣздъ, Кутюрьеръ отправился въ Стокгольмъ и передалъ графу Гилленборгу подробности описаннаго нами злодѣйства.

Тѣло Синклера было найдено 23-го іюня. Одинъ пастухъ случайно наткнулся на него и далъ знать объ этомъ наумбургскимъ властямъ. Начальникъ города командировалъ на мѣсто происшествія судью, медика и двухъ офицеровъ и поручилъ имъ составить подробный актъ объ освидѣтельствованіи трупа. Оказалось, что Синклеръ получилъ девять ранъ: одну пулей въ животъ, семь сабельныхъ ударовъ въ голову, лѣвый бокъ и руку, и ударъ шпагой, насквозь, въ правый бокъ. Лицо убитаго было страшно изуродовано. Повидимому, убійцы хотѣли сдѣлать его неузнаваемымъ. Въ торопливости они забыли снять съ руки Синклера золотой перстень и не вынули изъ кармана его табакерку и носовой платокъ. Около трупа нашли три обломка весьма тонкаго шпажнаго лезвія. Всѣ эти вещи и окровавленная одежда Синклера долгое время были выставлены для любопытныхъ въ наумбургскомъ замкѣ.

Извѣстіе о плачевной смерти Синклера произвело въ Стокгольмѣ всеобщій взрывъ негодованія. Озлобленная чернь кинулась къ дому русскаго посланника, избила его прислугу и оскорбила нѣкоторыхъ членовъ посольства. Бестужевъ жаловался на это королю, вслѣдствіе

чего 9-го іюля 1739 г. былъ обнародованъ указъ, чтобы никто, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, не осмѣливался, чѣмъ бы то ни было, обижать и притѣснять иностранцевъ. Королевское повелѣніе, однако, нисколько не остановило волненія умовъ. Черезъ нѣсколько дней чернь съ ругательствами выбила стекла изъ оконъ русскаго посольскаго дома и неистовствовала до тѣхъ поръ, пока не была разсѣяна военною силой. Аристократія и въ особенности французская партія старались всѣми средствами возбудить народъ противъ Россіи. Появились газетныя статьи и памфлеты, въ которыхъ увѣряли положительно, будто Синклеръ былъ убитъ по приказанію русской императрицы. Анна Ивановна, дѣйствительно ничего не знавшая о распоряженіи своего любимца, поспѣшила разослать ко всѣмъ европейскимъ дворамъ объяснительныя деклараціи и торжественно протестовала противъ такого обвиненія... но дѣло зашло слишкомъ далеко, чтобы уладиться мирнымъ путемъ; разрывъ былъ неизбѣженъ... Скоро возгорѣлась та несчастная для шведовъ война, которая представляетъ одну изъ самыхъ темныхъ картинъ въ исторіи Швеціи.

Холмогорская старина.

СѢВЕРНАЯ Двина за 112 верстѣ до впаденія въ Бѣлое море образуетъ своими рукавами нѣсколько острововъ. На одномъ изъ нихъ находится уѣздный городъ Архангельской губерніи—Холмогоры. Съ восточной стороны онъ прилегаетъ къ рукаву Двины, называемому Курополкою, а съ остальныхъ трехъ сторонъ окруженъ обширными и роскошными лугами, омываемыми рѣчкою Оногрою. По этимъ лугамъ идетъ въ Холмогоры почтовая дорога. Ровно и гладко стелется она,—не въ примѣръ всѣмъ другимъ архангельскимъ дорогамъ. Взоры путешественника, утомленные однообразными, унылыми видами дикой архангельской природы, съ пустынными полянами, кочками и болотами, лѣсами съ чахлыми, малорослыми деревьями, отдыхаютъ на веселыхъ, раскинувшихся въ даль лугахъ, замыкаемыхъ волнистою линіею холмовъ и пригорковъ съ разбросанными на нихъ деревнями.

Но насколько живописны окрестности Холмогоръ, настолько же некрасивъ и бѣденъ самый городъ. Посрединѣ его тянется грязная, кривая улица, прерываемая пустырями, заросшими травой. Сотни полторы домовъ, искривленныхъ и почернѣвшихъ отъ ветхости, виднѣются въ разныхъ направленіяхъ на двухъ-верстномъ пространствѣ. Единственный въ городѣ каменный казенный домъ представляется роскошными палатами среди своихъ убогихъ деревянныхъ сосѣдей... И еще грязнѣе и унылѣе кажется городъ, когда взглянешь

на его роскошную рѣку, на зеленые острова съ деревьями на холмахъ и полями по косограмъ.

А между тѣмъ этотъ городокъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ на Руси и игралъ нѣкогда довольно важную роль въ исторіи сѣверо-востока нашего отечества. Пронеслись надъ нимъ чуть не сказочныя времена владычества бѣлоглазой чуди, видалъ онъ и буйную вольницу новгородскую, былъ центромъ администраціи и торговли на дальнемъ сѣверѣ во времена московскихъ царей, здѣсь жили правители Двинской области и архіереи холмогорской и важской епархіи. Однимъ словомъ, вся древняя исторія сѣвернаго края Россіи выразилась въ исторіи Холмогоръ, точно такъ же, какъ новая исторія этого края тѣсно связана съ Архангельскомъ.

Изъ памятниковъ старины, свидѣтельствующихъ о быломъ значеніи Холмогоръ, до нашихъ дней сохранилось только два: соборъ во имя Преображенія Господня и женскій Успенскій монастырь, передѣланный изъ прежняго архіерейскаго дома, гдѣ почти сорокъ лѣтъ томилось въ тѣсномъ заключеніи Брауншвейгское семейство. Объ этихъ памятникахъ мы и хотимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Спасо-Преображенскій соборъ во времена Петра Великаго считался, въ сравненіи съ другими, первымъ въ краѣ по величинѣ и красотѣ. Онъ каменный, пятиглавый, построенъ въ византійскомъ стилѣ и не имѣетъ придѣловъ. Свѣтъ проходитъ въ окна, расположенныя въ два яруса и въ трехъ куполахъ, опирающихся на четыре столба; остальные два купола не имѣютъ оконъ. Колокольня, въ видѣ башни, въ нижней своей части четырехъугольная, а въ верхней восьмиугольная; по срединѣ ея вдѣланы стариннаго устройства желѣзные часы съ боемъ. Иконостасъ собора деревянный, четырехъ-ярусный, окрашенъ голубой краской съ вызолоченной, потемнѣвшей отъ времени, рѣзбой. Престолъ и жертвенники изъ кипариса. Въ напрестольномъ ковчегѣ хранятся части мощей св. Василія Анкирскаго, св. великомученика Никиты, мученика Христофора и частица гроба Господня. У южной и сѣверной стѣнъ храма находятся десять надгробій, покрытыхъ черными пеленами; здѣсь покоятся умершіе архіереи, погребенные подъ церковнымъ помостомъ. Прежде надъ гробницами висѣли и портреты усопшихъ, но теперь они убраны, во избѣжаніе порчи отъ сырости. Соборъ заложенъ при первомъ архіепископѣ холмогорскомъ Афанасіи, 27-го августа 1685 года, въ четвертый годъ по учрежденіи здѣсь епархіи. Постройка окончена въ шесть лѣтъ; на нее употреблено 6,504 рубля 47 коп., частію изъ суммъ, пожалованныхъ государемъ, и частію на иждивеніи домовыхъ имѣній преосвященнаго и добровольныхъ пожертвованій.

Архіерейскій каменный домъ, нынѣ женскій Успенскій монастырь, построены почти одновременно съ Преображенскимъ соборомъ, именно, въ 1691 году. До 1744 года въ немъ имѣли постоянное жительство архіереи; но въ этомъ году онъ былъ отобранъ въ казну и назначенъ мѣстомъ заточенія Брауншвейгскаго семейства.

Печально и неудобно было жилище несчастной принцессы Анны Леопольдовны, ея мужа и дѣтей. Обширный дворъ архіерейскаго дома,

Спасо-Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ.
Съ гравюры 1840 года.

закрывающій въ себѣ вмѣстѣ съ землею, занятой строеніями, до 2,084 квадратныхъ сажень, былъ обнесенъ высокимъ тыномъ или оградой, вокругъ которой днемъ и ночью постоянно ходили часовые для того, чтобы никто не смѣлъ сюда приближаться. Главное зданіе, служившее тюрьмой для Брауншвейгскаго семейства и занимаемое теперь монастыремъ, возвышается у юго-восточной стороны ограды. Въ верхнемъ этажѣ каменнаго дома, примыкающаго къ монастырской церкви, находится небольшая комната, съ однимъ окномъ на

дворъ и двумя дверями, изъ которыхъ одна прямо противъ входа, а другая въ лѣвой стѣнѣ. Эта небольшая комната служила передней помѣщенія Анны Леопольдовны. Здѣсь стоитъ небольшой, низенькій комодецъ изъ дубоваго дерева съ массивными мѣдными ручками и замочными бляхами, принадлежавшій бывшей правительницѣ Россіи. Сохранилось еще туалетное зеркало въ рѣзной на ножкахъ рамѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ скрѣпленной веревочками; оно составляло собственность дочерей Анны Леопольдовны и нѣкогда отражало ихъ лица. Дверь, противоположная входу въ переднюю, ведетъ въ огром-

Комната принцессы Анны Леопольдовны въ зданіи Успенскаго монастыря.
Съ гравюры 1840 года.

ный залъ, занятый теплою монастырскою церковью. Въ правой сторонѣ устроенъ алтарь съ небольшимъ иконостасомъ. Потолокъ безъ сводовъ; въ срединѣ онъ поддерживается четырехугольнымъ каменнымъ столбомъ, около котораго помѣщены иконы. При Брауншвейгскомъ семействѣ церкви здѣсь не было; эта огромная комната служила заломъ. Она очень слабо освѣщена нѣсколькими окнами, находящимися на одной только сторонѣ. Часть свѣта проходитъ также въ стеклянныя двери въ стѣнѣ противъ входа, ведущія въ другую церковь, гдѣ богослуженіе отправляется только лѣтомъ. Церковь имѣетъ куполъ. До прибытія Брауншвейгскаго семейства она была кресто-

вою (потому что здѣсь жили архіереи), а затѣмъ переименована въ церковь Зачатія св. Анны и поступила въ придворное вѣдомство. По отправкѣ Брауншвейгскаго семейства въ Данію, въ 1780 году, императрица Екатерина II приказала перенести иконостасъ этой церкви въ деревню Ракулу, въ 60-ти верстахъ отъ Холмогоръ, а вмѣсто него поставить новый.

Дверь въ лѣвой стѣнѣ передней ведетъ въ комнату, называемую гостиной Анны Леопольдовны. Эта комната со сводами и хорошо освѣщена тремя окнами, выходящими на почтовую дорогу; она была раздѣлена деревянною перегородкою на двѣ части: большая имѣла до 13-ти шаговъ въ длину и столько же въ ширину. Мебель гостиной состоитъ изъ дивана, стула и двухъ столовъ. Надъ диваномъ висятъ три портрета, между которыми одинъ Петра Великаго; въ простѣнкѣ оконъ большой образъ Божіей Матери. Видъ этой комнаты изображень на прилагасмомъ здѣсь рисункѣ.

Передъ домомъ въ оградѣ находится большой прудъ, на которомъ заключеннымъ позволялось кататься въ плюпкѣ; они выходили къ пруду по маленькому крыльцу, существующему до сихъ поръ, возлѣ комнаты принцессы Анны. Близъ пруда былъ сарай, вмѣщавшій въ себѣ старую карету; узники пользовались правомъ отъѣзжать въ ней иногда сажень на двѣсти отъ своего жилища. Въ карету обыкновенно впрягали шесть лошадей; обязанности кучера, фореятора и лакеевъ исполняли солдаты. На такомъ незначительномъ протяженіи совершались всѣ ихъ прогулки. Арестанты никого не видѣли, кромѣ людей, приставленныхъ къ нимъ для услуженія. Одна команда караульныхъ солдатъ помѣщалась въ особой казармѣ, построенной у входа въ ограду, а другая находилась въ нижнемъ этажѣ дома, гдѣ содержалось Брауншвейгское семейство. Обѣимъ командамъ, хотя и имѣвшимъ одно и то же назначеніе, было строго воспрещено сноситься между собою. Глубокая, непроницаемая тайна окружала жилище узниковъ. Ни одинъ посторонній, любопытный взоръ не проникалъ во внутренность; никто, даже врачъ, не допускался къ нимъ безъ разрѣшенія губернатора, изрѣдка пріѣзжавшаго въ Холмогоры изъ Архангельска. Холмогорскіе жители знали, что въ этихъ безмолвныхъ стѣнахъ живутъ какіе-то «важные арестанты», но какіе именно, того не вѣдалъ никто. Народъ далъ этой тайнѣ названіе «неизвѣстной комисіи», которое повторяется на мѣстѣ до сего времени.

На содержаніе Брауншвейгскаго семейства не было назначено опредѣленной суммы; но отпускалось ежегодно изъ архангелогородскаго магистрата отъ 10 до 15 тысячъ рублей. Деньги эти расходовались

по усмотрѣнію губернаторовъ, которые поступали относительно несчастныхъ узниковъ крайне недобросовѣстно, заставляя ихъ терпѣть во всемъ нужду и лишенія.

Умственная жизнь арестантовъ была самая жалкая. Какъ уже сказано, они не видѣли вокругъ себя никого, кромѣ прислуги и солдатъ. Единственныя развлеченія ихъ состояли въ чтеніи церковныхъ книгъ, игрѣ въ карты, или шашки, работахъ въ саду и

Деревня Денисовка.

Съ гравюры 1840 года.

ухаживаніи за курами и утками. Приставленные къ нимъ люди тоже не могли никуда ходить съ архіерейскаго двора, что, разумѣется, вредно отражалось на ихъ нравственности. Рапорты, послывшіеся въ Петербургъ, наполнены донесеніями о ссорахъ, дракахъ, дерзостяхъ прислуги, о незаконно прижитыхъ дѣтяхъ и т. п.

Ненормальныя условія жизни вліяли также на здоровье и физическое развитіе узниковъ: всѣ дѣти Анны Леопольдовны, жившія въ Холмогорахъ, принцы Петръ и Алексѣй и принцессы Екатерина и

Елисавета, были или косноязычны, или горбаты, кривоблики, страдали разными хроническими болѣзнями ¹⁾).

Анна Леопольдовна и принцъ Антонъ-Ульрихъ умерли въ холмогорской тюрьмѣ, но это нисколько не облегчило участи ихъ дѣтей, которыя и послѣ смерти родителей продолжали томиться въ тѣсномъ заключеніи еще шесть лѣтъ, до 1780 года, когда, наконецъ, императрица Екатерина рѣшилась освободить ихъ и выслать въ Данію. Но къ чему была теперь свобода этимъ одичавшимъ, полуграмотнымъ, больнымъ людямъ? они сами отказывались отъ нея.

— Прежде для насъ было очень желательно жить въ большомъ свѣтѣ, говорила принцесса Елисавета А. П. Мельгунову, присланному императрицей въ Холмогоры для отправки Брауншвейгскаго семейства за границу, — по молодости своей мы надѣялись еще научиться свѣтскому обращенію; но въ теперешнемъ положеніи не остается намъ ничего больше желать, какъ только того, чтобы жить здѣсь въ уединеніи. Разсудите сами, можемъ ли мы пожелать чего нибудь, кромѣ этого. Мы здѣсь родились, привыкли къ здѣшнему мѣсту и застарѣли. Теперь большой свѣтъ не только для насъ не нуженъ, но и будетъ тягостю: мы даже не знаемъ, какъ обходиться съ людьми, а научиться тому уже поздно. Но просимъ васъ исходатайствовать намъ у ея величества милость, чтобы позволено намъ было выѣзжать изъ дома на дуга для прогулки; мы слышали, что тамъ есть цвѣты, какихъ въ саду нашемъ нѣтъ. Офицеры, которые теперь при насъ, имѣютъ женъ; мы просимъ позволеніе имъ ходить къ намъ, а намъ къ нимъ, для препровожденія времени, а то иногда намъ бываетъ скучно. Просимъ еще дать намъ такого портного, который могъ бы на насъ шить платья. По милости государыни присылаютъ намъ изъ Петербурга корсеты, чепчики и токи; но мы ихъ не употребляемъ, для того, что ни мы, ни дѣвки наши, не знаемъ, какъ ихъ надѣвать и носить. Сдѣлайте милость, пришлите такого челоуѣка, который умѣлъ бы наряжать насъ. Баня въ саду стоитъ близко къ нашимъ деревяннымъ покоямъ; мы боимся, чтобы намъ не стогрѣтъ; прикажите отнести ее подальше. Если вы исходатайствуете намъ все это, то мы будемъ очень довольны, ни о чемъ болѣе утрудать не станемъ, ничего больше не желаемъ и рады остаться въ такомъ положеніи на вѣкъ».

Эти скромныя желанія, высказанныя принцессой Елисаветой Мельгунову, показываютъ, до какой степени были ограничены требованія

¹⁾ Старшій сынъ Анны Леопольдовны, императоръ Иванъ Антоновичъ, содержался, какъ извѣстно, отдѣльно, въ шлиссельбургской крѣпости.

и вкусы несчастныхъ узниковъ, и какъ мало интересовались они тѣмъ, что находилось за предѣлами ихъ тюрьмы. Впрочемъ, принцесса Елисавета была совершенно права, упрасивая императрицу оставить ихъ въ мѣстѣ долготѣняго заключенія. Отправленные въ Данію дѣти Анны Леопольдовны до самой смерти влчили тамъ весьма жалкое существованіе и много разъ съ сожалѣніемъ вспоминали о Холмогорахъ...

Мѣсто, гдѣ находился домъ Ломоносова въ деревнѣ Денисовкѣ.

Съ гравюры 1840 года.

Говоря о холмогорской старинѣ, нельзя не упомянуть о деревнѣ Денисовкѣ, мѣстѣ рожденія Ломоносова. Деревня эта, называемая въ народѣ «Болотомъ», находится всего въ трехъ верстахъ разстоянія отъ Холмогоръ, на юго-западной части Куръ-острова, образуемаго рукавами Двины: Курополкою и Куростровкою. Денисовка имѣетъ всего 10 домовъ. Земля, на которой родился и жилъ Ломоносовъ, принадлежитъ въ настоящее время крестьянину Шубному. Отъ дома, бывшаго жилищемъ Ломоносова, не сохранилось и слѣда. Существуютъ

только полусгнившіе остатки сруба, служившаго фундаментомъ другому дому, построенному какимъ-то крестьяниномъ на этомъ мѣстѣ; послѣдній находится между домомъ Шубнаго и амбаромъ; позади его виднѣется на высококомъ холмѣ вѣтряная мельница, а впереди каменная куростровская церковь, близъ которой начинается песчаный берегъ мелкой и неширокой Курополки, огибающей Куръ-островъ почти подъ прямымъ угломъ. Жители Денисовки совершенно равнодушны къ памяти своего знаменитаго уроженца, и самое имя его уже начинать забываться ими...

Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ очеркѣ мы познакоимъ читателей съ оригинальной личностью Василя Васильевича Головина — помѣщика елисаветинскихъ временъ, владѣльца огромнаго подмосковнаго села Новоспасскаго. Жизнь Головина интересна въ томъ отношеніи, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ странностей, принадлежавшихъ собственно ему, она представляетъ много чертъ, общихъ всѣмъ тогдашнимъ богатымъ русскимъ помѣщикамъ ¹⁾.

Василій Васильевичъ Головинъ, сынъ ближняго стольника Василя Петровича, родился въ Москвѣ 4 апрѣля 1696 года. Отецъ его былъ извѣстенъ своей необыкновенной набожностью и преданностью интересамъ духовенства. Онъ пользовался особенной дружбой мѣстоблюстителя патриаршаго престола, митрополита Стефана Яворскаго и посвятилъ всю свою жизнь богоугоднымъ дѣламъ, построенію и украшенію церкви и собиранію рѣдкихъ иконъ. Императоръ Петръ Великій, называвшій Головина не иначе, какъ «святошей» и «монахомъ», не благоволилъ къ нему изъ-за жены его Евдокии Васильевны, рожденной княжны Мещерской, которая была крестной дочерью и любимицей царевны Софіи. Когда Василій Петровичъ, въ 1704 году, исполняя

¹⁾ Свѣдѣнія о Головинѣ извлечены изъ изустныхъ преданій, сохранившихся объ немъ, и изъ двухъ весьма рѣдкихъ книгъ, не имѣющихся въ продажѣ и изданныхъ не для публики, подъ заглавіемъ: «Родословная Головиныхъ, собранная П. К. Москва. 1847 г.» и «Село Новоспасское, Деденево тожъ, сочиненіе П. Казанскаго. Москва. 1847 г.»

царскій указъ, вмѣстѣ съ прочими вельможами пріѣхалъ въ Петербургъ строить домъ и явился къ Петру, послѣдній спросилъ его:

— Ты зачѣмъ здѣсь?

— По твоему, государь, указу пріѣхалъ, строить домъ.

— Этотъ указъ до тебя, монахъ, не касается, сказалъ Петръ, — поѣзжай назадъ, кланяйся моимъ сестрамъ, да привези своего сына. Это дѣло будетъ лучше.

— Великій государь! отвѣчалъ Головинъ, горько заплакавъ, — сынъ мой еще ребенокъ; ему только седьмой годъ.

— Экой, братъ, ты безтолковый, а еще называешься Головинъ, возразилъ Петръ, — привози его тогда, когда онъ вырастетъ. Въ Москвѣ, кажется, ты живешь одинъ, а здѣсь и безъ тебя Головиныхъ много. Притомъ же и владыко о тебѣ соскучится, прибавилъ Петръ съ усмѣшкой и пошелъ далѣе.

Василій Васильевичъ до шестнадцатилѣтняго возраста воспитывался дома. Мы не знаемъ, какъ прошли дѣтство и первые годы его юности; но полагаемъ, что онъ росъ и развивался подобно всѣмъ русскимъ баричамъ петровскаго времени. Обыкновенно, такой баричъ до 17 или 18 лѣтъ считался неразумнымъ ребенкомъ, и родители оставляли его жить въ деревнѣ въ самомъ безсознательномъ невѣжествѣ. Капризамъ балованнаго дитяти повиновалось все окружающее, а подобострастные нянюшки и дядьки чуть не съ пеленокъ вбивали ему въ голову барскую сгѣсь и презрѣніе къ труду и работѣ, какъ дѣлу холопскому. Образованіе же по большей части ограничивалось чтеніемъ букваря и псалтыря подъ указку дьячка, въ которомъ мальчикъ видѣлъ скорѣе свою забаву, нежели наставника.

Въ 1712 году, молодой Головинъ, наравнѣ съ другими недорослями-дворянами, былъ потребованъ въ Петербургъ къ царскому смотру. Въ оставленныхъ имъ посмертныхъ запискахъ о своей жизни подъ заглавіемъ: «Записки бѣдной и суетной жизни человѣческой» онъ говоритъ: «Лѣта отъ воплощенія Сына и Слова Божія 1712-го, маія мѣсяца въ послѣднихъ числахъ былъ намъ всѣмъ малолѣтнимъ дворянамъ смотръ, а смотрѣлъ самъ Его Царское Величество и изволилъ опредѣлить насъ по разбору на трое: первыхъ, которые лѣтами постарѣе, въ службу въ солдаты; а середнихъ за море, въ Голландію, для морской навигацкой науки, въ которыхъ въ числѣ за море и я грѣшникъ въ первое мое несчастіе опредѣленъ, а самыхъ малолѣтнихъ въ городъ Ревель въ науку».

Въ слѣдующемъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Василій Васильевичъ, напутствуемый благословеніями и слезами родителей, отправился въ Архангельскъ, сѣлъ здѣсь на голландскій купеческій корабль и послѣ

тридцатидневнаго благополучнаго плаванія прибылъ въ Амстердамъ. гдѣ поступилъ въ вѣдѣніе русскаго агента въ Голландіи, князя Львова, котораго онъ называетъ «комисаромъ у нашей брата, у дворянъ російскихъ, для понужденія навигацкой науки». О пребываніи и ученіи своемъ въ Голландіи Головинъ упоминаетъ въ запискахъ весьма лаконически: «жилъ я въ вышепоказанномъ городѣ Амстердамѣ и въ другихъ голландскихъ городахъ, а именно въ Сардамѣ и Ротердамѣ, и учился языку голландскому и ариѳметикѣ и навигаціи съ пріѣзду моего, съ 1713 года по 1715 годъ по ноябрь первый день, итого два года. А въ ономъ 1715 году велѣно намъ, російскимъ дворянамъ, всѣмъ, по указу Царскаго Величества, возвратиться въ отечество».

По пріѣздѣ въ Петербургъ, въ іюнѣ 1716 года, Василій Васильевичъ былъ опредѣленъ, для окончанія курса наукъ, въ только что учрежденную тогда морскую академію—первое въ Россіи специальное заведеніе, гдѣ было введено правильное распредѣленіе учебныхъ занятій и военный порядокъ съ соблюденіемъ строгой дисциплины.

Въ адмиралтействъ-совѣтѣ до сихъ поръ хранятся книги, драгоценныя для каждаго русскаго моряка. Онѣ составлены изъ листовъ, на которыхъ Петръ Великій, посѣщая адмиралтейство, писалъ свои бѣглыя замѣчанія, приказанія, набрасывалъ пояснительные чертежи для отдѣлки корабельныхъ частей и т. п. Между ними уцѣлѣлъ памятникъ заботливости государя о морской академіи. На листѣ одной изъ этихъ книгъ написано собственной рукою Петра: «учить дѣтей: 1) ариѳметикѣ; 2) геометріи; 3) фехтъ или приемы ружья; 4) артиллеріи; 5) навигаціи; 6) фортификаціи; 7) географіи; 8) значенію членовъ корабельнаго гола и такелажа; 9) рисованію; 10) драться на рапирахъ». Это подлинный указъ Петра о наукахъ, которыя должно было проходить въ академіи.

Комплектъ воспитанниковъ, называвшихся въ официальныхъ бумагахъ «морской гвардіей», былъ положенъ въ триста человекъ, раздѣленныхъ на шесть отдѣленій или «бригадъ» подъ командою особаго офицера и нѣсколькихъ старыхъ солдатъ, исправлявшихъ должность дядекъ. Почти всѣ воспитанники жили въ зданіи академіи. Ежедневныя занятія ихъ располагались слѣдующимъ образомъ: осенью и зимою въ седьмомъ часу, а весною и лѣтомъ въ шестомъ, послѣ завтрака они собирались въ общій залъ для молитвы. По окончаніи ея расходились въ классы и садились по своимъ мѣстамъ «со всякимъ почтеніемъ и всевозможною учтивостью, безъ всякой конфузій, не досаждая другъ другу». Въ классахъ было приказано не шумѣть, не кричать и не проводить время въ разговорахъ. Для наблюденія за порядкомъ Петръ велѣлъ въ каждомъ классѣ находиться по одному

дядькѣ, «коему имѣть въ рукахъ хлысть и, буде кто изъ учениковъ начнетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, не смотря какой бы ученикъ фамиліи не былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ кто поманить», то есть станетъ потворствовать. Для преподаванія были назначены нѣсколько навигаторовъ и учителей, въ числѣ которыхъ находились извѣстные Фарварсонъ и Гвѣнъ; имъ строго предписывалось являться къ своимъ занятіямъ въ установленные часы и «обучать морскую гвардію всему, что къ ихъ чину принадлежитъ, со всякимъ прилежаніемъ и лучшимъ разумительнѣйшимъ образомъ; ничего не брать съ учениковъ, ни прямымъ, ниже постороннимъ способомъ, подъ штрафомъ вчетверо оное возратить; ежели кто изъ учителей замѣтится двукратно во взяткахъ, того подвергать тѣлесному наказанію». Воспитанники имѣли ружья, ходили въ караулъ, стояли на часахъ у воротъ, въ залѣ, при денежной казнѣ, у часового колокола и т. д. Въ академіи неуклонно соблюдался военный порядокъ; въ опредѣленное время били «тапту», то есть зорю, рундъ повѣрялъ часовыхъ, а ночью дозоръ ходилъ по дворамъ и вокругъ зданія. Всѣ эти строгости были необходимы. Только одно опасеніе жестокаго наказанія, часовой у двери, или хлысть въ рукахъ дюжаго солдата, могли удержать тогдашнихъ юношей въ предѣлахъ должной дисциплины и «учтивства». Въ академической инструкціи не напрасно ставилось въ обязанность караульному офицеру наблюдать, чтобы въ академіи не было «пьянства, божбы, ниже богохуленія». Побѣги изъ училища случались довольно часто, хотя дезертировъ судили военнымъ судомъ. Буйства, пирушки и попойки, оканчивавшіяся нерѣдко кровавыми драками, также водились между морской гвардіей. Все это было въ современныхъ нравахъ, которымъ соотвѣтствовали и наказанія: «сѣчь по два дня нещадно батогами» или «по молодости лѣтъ вмѣсто кнута наказать кошками». За преступленія болѣе важныя гоняли шпицрутенами сквозь строй и оставляли попрежнему учиться.

Проходимый въ академіи курсъ, въ сущности, необъемистый и весьма нетрудный при нынѣшнихъ способахъ ученія, въ то время былъ тягостнымъ бременемъ для головы ученика и требовалъ отъ него большихъ усилій, терпѣнія и прилежанія. Тяжелая, схоластическая система преподаванія и новостъ русскаго научнаго языка до крайности затемняли самыя простыя вещи. Надъ тѣми предметами, которые теперь шутя можно передать тринадцатилѣтнему мальчику не очень быстрыхъ способностей, взрослый ученикъ морской академіи убивалъ нѣсколько мѣсяцевъ постояннаго, усерднаго труда, и нерѣдко въ результатѣ оказывалось, что болѣшая часть его знаній состояла въ изуче-

ніи бесполезныхъ фразъ, пустыхъ опредѣленій и множества научныхъ фокусовъ.

Не легко давалась школьная мудрость тогдашнимъ баричамъ. Много горя приняли они, готовясь къ царской службѣ, и не разъ извѣдали собственной, дворянской спиной, что такое кошки, батоги и шпицрутенны. Тяжело было Василию Васильевичу привыкать къ академическимъ порядкамъ и требованіямъ. Не смотря на крѣпость своего сложенія, онъ не могъ выдержать всѣхъ строгостей воинскаго артикула и черезъ два мѣсяца послѣ поступления въ академію заболѣлъ жестокой горячкой. Прележавъ нѣсколько недѣль въ постели, Василій Васильевичъ оправился и, по ходатайству двоюроднаго дѣда своего, царскаго любимца, Ивана Михайловича Головина, былъ уволенъ изъ академіи для восстановления здоровья въ годовой отпускъ. Съ радостью посигѣшилъ онъ къ родителямъ въ Новоспасское и былъ встрѣченъ здѣсь неожиданной новостью. Василій Петровичъ объявилъ сыну, что, желая при жизни устроить его будущность, намѣренъ женить его и уже нашелъ ему невѣсту—молодую вдову, княгиню Евдокію Венедиктовну Кольцову-Масальскую, рожденную Хитрово. Выборъ старика былъ удаченъ; княгиня Масальская могла считаться завидной невѣстой; по ея рядной записи, до сихъ поръ хранящейся въ Новоспасскомъ, за ней значилось приданаго: тысяча дворовъ крестьянъ, двадцать пять драгоценныхъ уборовъ и парадная кровать, состоявшая изъ шести подушекъ, одного изголовья, одѣяла и занавѣса, украшенныхъ жемчужными кистями съ узлами и бахромой. Василию Васильевичу, разумѣется, не оставалось ничего болѣе, какъ поблагодарить родителя за его попеченія и заботы и согласиться на предлагаемый бракъ. Съѣздивъ предварительно въ Троицкую лавру испросить благословенія святого угодника Сергія, Василій Васильевичъ, 23 января 1717 года, женился на княгинѣ Евдокіи Венедиктовнѣ. Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ весьма торжественно въ Москвѣ, въ церкви Воскресенія Христова, что на Остоженкѣ. На другой день свадьбы, старикъ Головинъ, по обычаю, сдѣлалъ у себя въ домѣ въ честь молодыхъ пиръ, на который были приглашены всѣ родные, находившіеся на-лицо. Василій Васильевичъ въ своихъ запискахъ тщательно перечисляетъ ихъ: «Въ показанное 24 число гости были у насъ званые, а именно: государь дѣдъ Матвѣй Алексѣевичъ Головинъ, князь Сергѣй Борисовичъ Голицынъ, князь Иванъ Алексѣевичъ сынъ Урусовъ, Петръ да Федоръ Ивановичи, дяди мои, Головины, да бабки мои, вдовы: Алена Ивановна, да Варвара Петровна Головины, бабка моя родная, боярыня комнатная, вдова княгиня Авдотья Васильевна Мещерская, бабка моя, княгиня Авдотья Ивановна, жена князя Василя

Васильевича Голицына, съ сыновьями и со снохами, и со внуками своими, княземъ Алексѣемъ и княземъ Михайломъ Васильевичемъ, и съ княземъ Василиемъ Алексѣвичемъ Голицыными, князь Михайло меньшей Михайловичъ Голицынъ съ женою своею, а съ моею теткою, княгиней Марфой Дмитріевной, вдова Алена Борисовна Головина, Николай Ѳедоровичъ Головинъ съ женою, да Александръ Яковлевичъ сынъ Чаплинъ. А жены моей родни только двѣ персоны были, тетка ея Марія Ѳедоровна Корсакова, да братъ ея, Герасимъ Алексѣевъ сынъ Мансуровъ».

Проживъ съ молодою супругою пять мѣсяцевъ, проведенныхъ большею частью въ разбѣздахъ по многочисленной роднѣ, Василій Васильевичъ съ грустью увидѣлъ приближеніе срока своего отпуска. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, оставя жену въ Новоспасскомъ, онъ отправился въ Петербургъ одинъ и, принявшись снова за «навигацию» и «воинскій артикулъ», въ то же время занялся исправленіемъ отцовскаго дома, построеннаго подъ Канцами ¹⁾. Когда все было готово, онъ перешелъ въ него, выписавъ къ себѣ, въ январѣ 1718 года, жену и зажилъ полнымъ хозяиномъ, продолжая, попрежнему, находиться «у опредѣленнаго дѣла» въ академіи. Понятно, какъ тягостна и нестерпима была для семейнаго человѣка обязанность ежедневно, съ ранняго утра, являться въ школу, заучивать наизусть нѣсколько страницъ неудобопонятныхъ учебниковъ, выкидывать ружейные приемы, или стоять цѣлыя ночи на часахъ у воротъ, подвергая себя за малѣйшее упущеніе хлысту и батогамъ. Однако, избѣжать этого не было никакой возможности. Царь ни для кого не дѣлалъ ни исключеній, ни снисхожденій. Василію Васильевичу пришлось вести несносную жизнь школьника-семьянина до 19-го января 1720 года, когда, наконецъ, благодаря усерднымъ хлопотамъ и просьбамъ вліятельныхъ родственниковъ, онъ былъ уволенъ по именному царскому указу изъ академіи и назначенъ въ должность камеръ-юнкера къ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Служба Василія Васильевича при дворѣ продолжалась недолго. Въ слѣдующемъ же году онъ имѣлъ неосторожность навлечь на себя гнѣвъ государя и былъ не только лишенъ камеръ-юнкерскаго званія, но, кажется, подвергнулся аресту или ссылкѣ. Объ этомъ событіи своей жизни Головинъ упоминаетъ въ запискахъ, по обыкновенію, весьма кратко: «Лѣта 1721 марта въ 15 день, судьбами Великаго Бога приде мнѣ, многгрѣшному, и окаянному, и бѣдному человѣку, злая, бѣд-

¹⁾ Гдѣ теперь Охта. Названіе «Канцы» произошло отъ находившагося на этомъ мѣстѣ шведскаго укрѣпленія—шанцы.

ственна, горькая напасть и продолжалась до лѣта 1725, (февраля по 6 число).

По воцареніи императрицы Екатерины I, Головинъ получилъ отставку и переѣхалъ изъ Петербурга на жительство въ Москву. Въ 1733 году онъ потерялъ почти въ одинъ мѣсяць жену и отца, а въ слѣдующемъ, 29-го апрѣля, какъ говорится на красную горку, вступилъ во второй бракъ съ дѣвицей Прасковьей Тимофеевной Чириковой, которая родилась въ тотъ самый годъ, какъ онъ женился въ первый разъ.

Въ грозное время властвованія Бирона, Василій Васильевичъ по неизвѣстнымъ причинамъ былъ вновь арестованъ и содержался въ тѣсномъ заключеніи съ 1736 по 1738 годъ въ Москвѣ при церкви Воскресенія Христова, въ особой комнатѣ. По приказанію безчеловѣчнаго временщика его подвергали жестокимъ пыткамъ и мученіямъ: поднимали на пялы, вывертывали лопатки, гладили по спинѣ горячимъ утюгомъ, кололи подъ ногти раскаленными иголками, били кнутомъ и т. п. Въ Новоспасскомъ во многихъ календаряхъ отмѣчено его рукою: «Такого-то числа подчищали ногти у бѣднаго и грѣшнаго человѣка, которые были изуродованы. Благодареніе Господу! Нынѣ мы благоденствуемъ!» Нужно только прочесть запись обѣтовъ Василія Васильевича, по освобожденіи изъ заключенія, чтобы понять всю радость и благодарность несчастнаго страдальца къ Богу за избавленіе отъ рукъ мучителя, которое онъ получилъ посредствомъ огромной суммы, растроченной его супругой. Запись эта начинается словами: «Помни день избавленія и спасенія твоего, 1738 года, марта въ 3 день. Дажь славу Богу о величїи Его, яко помилова тя и суща ты недостойна удостоилъ великія Своя милости: прославль Его съ сокрушеннымъ сердцемъ и духомъ смиреннымъ. Припади и поверзи себя и съ сущими твоими къ ногамъ человѣколюбнѣйшаго Творца твоего, Владыки всемогущаго Бога и Пресвятыя Его Богоматери, и Святыхъ Его угодниковъ. Аминь. Обѣщаніе грѣшнаго да незабвенно будетъ». Затѣмъ слѣдуетъ безконечное перечисленіе молебновъ разнымъ святымъ и въ разныхъ храмахъ, поднятїе иконъ, служеніе панихидъ и т. д.

Несчастія, испытанныя Василіемъ Васильевичемъ, имѣли довольно сильное вліяніе на его характеръ. Онъ сдѣлался нелюдимымъ, подозрительнымъ и религіознымъ до такой степени, что даже впалъ въ суевѣріе, доходившее до помѣшательства. Чтобы яснѣе обрисовать личность Головина, мы здѣсь опишемъ подробно обыкновенный порядокъ его домашней жизни въ Новоспасскомъ, гдѣ онъ проводилъ большую часть года.

Вставъ рано поутру, еще до восхода солнечнаго, Василій Васильевичъ прочитывалъ полунощницу и утреню вмѣстѣ съ любимымъ дьячкомъ своимъ Яковомъ Дмитріевымъ. По окончаніи утреннихъ правилъ, являлись къ нему съ докладами и рапортами дворецкій, ключникъ, выборный и староста. Они обыкновенно входили и выходили по командѣ горничной дѣвушки, испытанной честности, Пелагеи Петровны Воробьевой. Прежде всего она произносила: — «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», а предстоящіе отвѣчали «аминь!» Потомъ она говорила: — «Входите, смотрите, тихо, смирно, бережно и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и за приказами къ барину нашему, государю; кланяйтесь низко его боярской милости и помните-жь, смотрите, накрѣпко!» Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали: «Слышимъ, матушка!» Войдя въ кабинетъ къ барину, они кланялись ему до земли и говорили: — «Здравія желаемъ, государь нашъ!» — «Здравствуйте» — отвѣчалъ баринъ, — «друзья мои, не пытаные и не мученные, не опытные и не наказанные (это была его всегдашняя поговорка). Ну что? Все ли здорово, ребята, и благополучно у насъ?» На этотъ вопросъ прежде всѣхъ отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ дворецкій: — «Въ церкви святой и ризницѣ честной, въ домѣ вашемъ господскомъ, на конномъ и скотномъ, въ павлятникѣ и журавлятникѣ, вездѣ въ садахъ, на птичьихъ прудахъ и во всѣхъ мѣстахъ, милостію Спасовою, все обстоитъ, государь нашъ, Богомъ хранимо, благополучно и здорово». Послѣ дворецкаго начиналъ свое донесеніе ключникъ: — «Въ барскихъ вашихъ погребяхъ, амбарахъ и кладовыхъ, сараяхъ и овинахъ, улишникахъ и птичникахъ, на витчинницахъ и сушильницахъ, милостію Господнею, находится, государь нашъ, все въ цѣлости и сохранности; свѣжую воду ключевую изъ святого Григоровскаго колодца, по приказанію вашему господскому, на пѣгой лошади привезли, въ стеклянную бутылъ налили, въ деревянную кадку поставили, вокругъ льдомъ обложили, изнутри кругомъ призакрыли и сверху камень наложили». Выборный доносилъ такъ: — «Во всю ночь, государь нашъ, вокругъ боярскаго вашего дома ходили, въ колотушки стучали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремяли, въ рожокъ, сударь, по очереди трубили, и всѣ четверо между собою громогласно говорили; ноцныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали и барской замаски не клевали, на крыши не садились и на чердакѣ не возились». Въ заключеніе староста доносилъ: — «Во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію Божіею, все обстоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши господскіе богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ, четвероногія животныя ихъ пасутся, домашнія птицы несутся; на землѣ трясенія не слышали и небснаго явленія

не видали. Котъ Ванька ¹⁾ и баба-зажигалка ²⁾ въ Ртищевѣ проживаютъ и, по приказу вашему боярскому, невѣйку ежемѣсячно получаютъ, о преступленіи своемъ ежедневно воздыхаютъ и васъ, государь, слезно умоляютъ, чтобъ вы гнѣвъ боярскій на милость положили и ихъ бы, виновныхъ рабовъ своихъ, простили». Выслушавъ донесенія, Василій Васильевичъ отпускалъ докладчиковъ, и ему приносили чай. Впереди, обыкновенно, шелъ одинъ слугитель съ большимъ мѣднымъ чайникомъ съ горячею водою, за нимъ другой несъ большую желѣзную жаровню съ горячими угольями; шествіе заключалъ выборный съ вѣникомъ, насаженнымъ на длинной палкѣ для обмахиванія золы и пыли. Поставивъ на желѣзный листъ жаровню, а на нее мѣдный чайникъ, и сотворивъ молитву Іисусову, слуги тихо выходили. Баринъ посылалъ тогда за старшимъ сыномъ своимъ Василіемъ, котораго поднимали съ постели. Напившись чаю, онъ отправлялся къ литургіи и становился въ церкви на особенномъ мѣстѣ; по окончаніи обѣдни возвращался домой, по переходамъ, поддерживаемый двумя лакеями. Тогда подавали ему завтракъ, а немного спустя онъ садился обѣдать со всѣмъ своимъ семействомъ. При этомъ былъ всегда приглашаемъ священникъ благословить обѣдь, который нерѣдко продолжался часа три. Кушаній считалось обыкновенно семь, но число блюдъ доходило до сорока и болѣе. Для каждаго кушанья былъ особый поваръ, и каждый изъ нихъ въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ приносилъ свое кушанье. Сервизъ былъ весь оловянный, въ праздники серебряный или фарфоровый. Поставя первыя блюда, всѣ семь поваровъ снимали колпаки и съ низкими поклонами уходили за другими блюдами. Тутъ являлись двѣнадцать официантовъ, одѣтые въ красные кафтаны кармазиннаго сукна, съ напудренными волосами и длинными бѣлыми косынками на шеѣ. Послѣ обѣда подавался десертъ, называвшійся «заѣдками»; самъ хозяинъ пилъ шоколадъ. Обѣдь кончался въ четыре часа; ужина не было; затѣмъ Василій Васильевичъ ложился спать до самаго утра. Приготовленія ко сну начинались приказомъ закрывать ставни. Изнутри прочитывали

¹⁾ Это былъ любимый котъ Василія Васильевича. Однажды онъ влѣзъ въ вѣтеръ, съѣлъ въ немъ приготовленную для барскаго стола животрепещущую рыбу и, увязши тамъ, удавился. Слуги, скрывъ смерть кота, сказали только о его винѣ и Василій Васильевичъ сослалъ животное въ ссылку.

²⁾ Такъ было велѣно называть женщину, отъ неосторожности которой въ Новоспаскомъ произошелъ пожаръ. Василій Васильевичъ такъ былъ испуганъ этимъ происшествіемъ, что приказалъ всѣмъ дворовымъ людямъ стряпать въ одной особой комнатѣ, а дворовыхъ у него было болѣе трехсотъ человекъ, естественно, что приказаніе это не было никогда исполняемо.

молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нашъ, помилуй насъ!» «Аминь!» отвѣчали нѣсколько голосовъ извнѣ, и съ этимъ словомъ, съ ужаснымъ стукомъ, закрывали ставни и засовывали ихъ желѣзными болтами. Тогда приходили дворецкій, ключникъ, выборный и староста. Въ кабинетъ допускался одинъ дворецкій и, получивъ отъ барина приказанія, передавалъ ихъ уже прочимъ. Приказъ выборному былъ такой: — «Слушайте приказъ боярскій: смотрите, всю ночь не спите, кругомъ барскаго дома ходите, колотушками громче стучите, въ рожокъ трубите, въ доску звоните, въ трещетку трещите, въ ясакъ ударяйте, по сторонамъ не зѣвайте и помните накрѣпко: чтобы птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, малыхъ дѣтей не пугали, барской замазки не клевали, на крыши бы не сажались и по чердакамъ не возились; смотрите-жъ, ребята, помните накрѣпко!» — «Слышимъ!» былъ отвѣтъ. Старостѣ отдавался такой приказъ: — «Скажи сотскимъ и десятекимъ, чтобы всѣ они, отъ мала до велика, жителей хранили и строго соблюдали, обывателей отъ огня неусыпно сберегали-бъ, и глядѣли-бъ, и смотрѣли: нѣтъ ли гдѣ въ деревняхъ: Целѣвѣ, Медвѣдкахъ и Голявинѣ смятенія, не будетъ ли на рѣкахъ Икшѣ, Яхромѣ и Волгушѣ волненія, не увидите ли на небесахъ какого нибудь страшнаго явленія, не услышите ли подъ собою ужаснаго землетрясенія? Коли что такое случится или диво какое приключится, о томъ бы сами не судили и ничего-бъ такого не рядили, а въ ту-бъ пору къ господину приходили и все-бъ его милости боярской доносили и помнили-бъ накрѣпко!» Ключнику отдавала приказъ дѣвица Воробьева: — «Баринъ, государь, тебѣ приказалъ, чтобы ты провизію наблюдалъ, въ Григорово лошадей отправлялъ и святую воду принималъ; въ кадку поставьте, льдомъ окладите, кругомъ накройте и камнемъ навалите, съ чистотою и молитвою, людей облегчайте и скотовъ наблюдайте, по сторонамъ не зѣвайте и пустого не болтайте, и помните накрѣпко!» Этимъ оканчивались приказанія. Двери комнатъ запирали и отпирали обыкновенно Воробьева: ключи она относила къ Василию Васильевичу и, кладя ихъ ему подъ изголовье, говорила: — «Оставляйтесь, государь, съ Иисусомъ Христомъ, почивайте, сударь, подъ покровомъ Пресвятой Богородицы, Ангелъ Хранитель да пребудетъ надъ вами, государь мой». Потомъ Воробьева отдавала приказъ очереднымъ сѣннымъ дѣвушкамъ: — «Кошекъ-то ¹⁾

¹⁾ Въ комнатахъ у Василія Васильевича было семь кошекъ, которыя днемъ могли ходить по всему дому, а ночью привязывались къ семиножному столу. За каждой кошкой поручено было ходить особой дѣвкѣ. Если случалось, что которая либо изъ кошекъ отрывалась отъ стола и приходила къ барину, то кошка и дѣвка подвергались наказанію.

смотрите; ничѣмъ не стучите, громко не говорите, по ночамъ не спите, подслушниковъ глядите, огонь потушите и помните накрѣпко!» Прочитавъ вечернее правило, Василій Васильевичъ ложился въ постель и, крестясь, произносилъ: — «Рабъ Божій ложится спать, на немъ печать Христова и утверженіе, Богородицына нерушимая стѣна и защищеніе, Крестителява благословенная десница, хранителя моего Ангела всесильный и всемогущій животворящій крестъ, безплотныхъ силъ лики и всеѣхъ святыхъ молитвы; крестомъ ограждаюсь, демона прогоняю и всю силу его вражью искореняю, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь!» Ночью въ Новоспасскомъ раздавался громъ, звонъ, стукъ, свистъ, гамъ и крикъ, трещанье и бѣганье четырехъ чередовыхъ и столькихъ же караульныхъ. Если что нибудь помѣшало Василію Васильевичу заснуть въ первое время, то онъ уже не ложился спать и разстроивался на всю ночь. Въ такомъ случаѣ онъ или начиналъ читать вслухъ свою любимую книгу: «Жизнь Александра Македонскаго, Квинта Курція», или садился въ большія механическія кресла, начиналъ качаться въ нихъ, поправляя руками на обоихъ вискахъ волосы, закладывая ихъ за уши, и, перебирая четки, произносилъ слѣдующія слова, постепенно возвышая и понижая голосъ: — «Врагъ-сатана! отгонись отъ меня въ мѣста пустыя, въ лѣса густые и въ пропасти земныя, гдѣ же не пресѣщаетъ свѣтъ лица Божія! Врагъ-сатана! отрѣшись отъ меня въ мѣста темныя, въ моря бездонныя, на горы дивія, бездомныя, безлюдныя, гдѣ же не пресѣщаетъ свѣтъ лица Господня! Рожа окаянная! изыде отъ меня въ таръ-тарары, изыде отъ меня, окаянная рожа, въ адъ кромѣшный и въ пекло тріисподне, и къ тому уже не вниди. Аминь! Аминь! Аминь! Глаголю тебѣ, разсыпья, растрекляте, растрепогане, растрекоаянне! дую на тебя и плюю!» Окончивъ заклинаніе, Василій Васильевичъ вставалъ съ кресла и начиналъ ходить по всеѣмъ своимъ комнатамъ, постукивая колотушкою или обмахивая гусинымъ крыломъ мнимую нечистоту вокругъ себя и вездѣ. Если, сверхъ чаянія, онъ находилъ гдѣ нибудь пыль, то тотчасъ же приказывалъ курить роснымъ ладаномъ и окроплять то мѣсто святою водою. Такія странности, естественно, поджигали любопытство дворовыхъ и многіе подсматривали въ щели, что дѣлаетъ баринъ. Но и на этотъ случай были приняты мѣры: сѣнныя дѣвушки поднимали крикъ съ различными прибаутками и приговорками и окачивали подслушниковъ изъ верхнихъ окошекъ холодною водою, а Василій Васильевичъ одобрялъ ихъ поступки, приговаривая: — «по дѣломъ вору и мука, нешто имъ, растреклятымъ, растрепоганымъ, растрекоаяннымъ, не пыганнымъ, не мученнымъ и не наказаннымъ!» топоча

обѣими ногами и неоднократно повторяя одно и то же. Въ холодное время, когда начинали топить печи, соблюдался слѣдующій порядокъ: въ собственныхъ комнатахъ барина были четыре печи и къ каждой изъ нихъ былъ опредѣленъ особый истопникъ. Ежедневно передъ чаемъ они приходили въ домъ; Воробьева, отворивъ имъ двери въ сѣни, говорила: — «Слушайте, смотрите, печи оглядите, хорошенько топите, отнюдь не отходите, сажей не марайте, дымомъ не воняйте, и помните накрѣпко: похаживайте, посматривайте, входите бережно и опасно, съ чистотою и молитвою; заворачивать правымъ бокомъ, потомъ направлять налѣво, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» — «Аминь!» отвѣчали истопники и съ этимъ словомъ разомъ вдругъ снимали съ плечъ дрова, ударяя ими громко объ полъ; потомъ двое уходили на чердакъ открывать трубы и ожидали снизу команды, а другіе двое отворяли заслонки, произнося вслухъ молитву Иисусову, клали дрова въ печь и въ одно и то же время затопляли.

Зимой, отправляясь на жительство въ Москву, а лѣтомъ возвращаясь обратно въ Новоспасское, Василій Васильевичъ былъ всегда сопровождаемъ чрезвычайно пышнымъ поѣздомъ, въ которомъ находилось до семидесяти лошадей и около двадцати различныхъ экипажей. Впереди всего везли чудотворную икону Владимірской Божіей Матери въ золоченой каретѣ, съ утвержденнымъ внутри фонаремъ, въ сопровожденіи крестоваго священника. Затѣмъ слѣдовали: баринъ и барыня, въ особенныхъ шестимѣстныхъ фаэтонахъ, запряженныхъ парадными цугами въ восемь лошадей; барышни въ четверомѣстныхъ каретахъ, въ шесть лошадей; молодые господа въ открытыхъ коляскахъ или саняхъ, въ четыре лошади. Всѣ они сидѣли по-одиночкѣ, за исключеніемъ малолѣтнихъ дѣтей ихъ, которыя помѣщались съ матерями. Барскія барыни и сѣнныя дѣвицы ѣхали въ бричкахъ и кибиткахъ. Канцелярія, гардеробъ, буфетъ, кухня и прочія хозяйственныя принадлежности были обыкновенно отправляемы въ особыхъ фурахъ. Двадцать богато одѣтыхъ верховыхъ егерей оберегали этотъ затѣйливый поѣздъ.

Не смотря на всѣ свои странности, Василій Васильевичъ былъ человѣкъ умный, строгихъ и честныхъ правилъ; имѣлъ характеръ твердый, пылкій и взыскательный, но не жестокий. Онъ охотно дѣлалъ добро, строго сохранялъ всѣ правила и постановленія церкви и у себя дома ежедневно исполнялъ скитское монашеское келейное правило; любилъ читать Священное Писаніе, часто повторяя слова Псалмопѣвца: — «Отяготѣ на мнѣ рука Твоя. Когда прииду и явлюся лицу Божію? Была слезы моя хлѣбъ мнѣ день и ноцъ; желаетъ и оканчивается дула моя во двory Господни».

Василій Васильевичъ былъ малаго роста, сухощавъ, имѣлъ темные волосы, каріе глаза, широкій носъ. Достигнувъ восьмидесяти пяти лѣтъ, онъ не употреблялъ очковъ и не потерялъ ни одного зуба; даже страстно любилъ грызть орѣхи, которые для него мочили въ кадкахъ на цѣлый годъ. Онъ постоянно носилъ на головѣ стеганную зеленую шапочку, спитую изъ трехъ одинаковыхъ полосъ, въ видѣ креста, такъ что одна полоса обходила вокругъ головы, а двѣ другіе составляли вверху крестъ. Согласно его завѣщанію, онъ былъ положенъ въ этой шапочкѣ въ гробъ.

Василій Васильевичъ скончался 1-го мая 1781 года отъ апоплексическаго удара и погребенъ въ селѣ Новоспасскомъ, подъ лѣвымъ клиросомъ тамошней церкви. Изъ покрова его, богатѣйшей французской парчи, было сдѣлано парное облаченіе съ жемчужными крестами, сохранившееся до сего времени.

Василій Васильевичъ, бездѣтный отъ перваго брака, отъ втораго имѣлъ восемь сыновей и десять дочерей; изъ нихъ только семь чловѣкъ достигли совершеннолѣтія. Вторая жена Василія Васильевича, Прасковья Тимоѣевна, урожденная Чирикова, была очень недурна собой, высокаго роста, дородная, съ голубыми огненными глазами и прекрасными каштановыми волосами, которые, подражая модѣ, носила всегда напудренными. Она считалась въ свое время модницей и щеголихой, часто ѣздила на балы, играла въ карты, пила полпиво и любила національную музыку, простонародныя пѣсни и русскую пляску. При ней находились почти безотлучно: пара уродливыхъ карликовъ и ученый гуслистъ, ловкій, видный и стройный мужчина, природный черкесъ, вывезенный изъ Кавказа. По тогдашнему обычаю, Прасковья Тимоѣевна имѣла привычку употреблять бѣлила, румяна, сурмины и вообще всякія притиранья. Проживъ съ мужемъ въ полномъ согласіи сорокъ лѣтъ, она подъ конецъ жизни возненавидѣла его и развѣхалась съ нимъ навсегда.

Изъ сыновей Василія Васильевича, старшій, также Василій Васильевичъ, родившійся въ 1739 году, служилъ сперва въ Семеновскомъ полку, потомъ судьей въ Калужскомъ надворномъ судѣ. Въ 1786 году онъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ надворнаго совѣтника, и поселился въ Новоспасскомъ, гдѣ жилъ, удивляя всѣхъ своею роскошью. Онъ выѣзжалъ не иначе, какъ парадомъ, съ вершиками и гусарами, съ гайдуками и скороходами, окруженный всегда множествомъ дуръ и дураковъ, шутовъ и шутихъ; свиту его составляли арабы, башкиры, татарки и калмычки. Ежедневно принимая къ себѣ гостей, Головинъ угощалъ ихъ по старинѣ и задавалъ великолѣпные обѣды, ужины, балы и причудливые маска-

рады; съ утра до вечера у него гремѣла своя музыка, пѣли собственные пѣвчіе, и плясали цыгане, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ; въ праздники въ Новоспасскомъ происходила стрѣльба изъ орудій, и сожигался блистательный фейерверкъ. Василій Васильевичъ 2-й умеръ въ 1808 году отъ долговременной и изнурительной болѣзни.

Русскій чудакъ XVIII столѣтія¹⁾.

1710—1786 г.

Въ 1696 году, Петръ Великій, проѣзжая въ Воронежъ, остановился въ Тулѣ и приказалъ спросить тульскихъ кузнецовъ — не возьмутся ли они сдѣлать, въ теченіе мѣсяца, триста алебардъ по привезенному имъ съ собою образцу. На вызовъ государя явился только одинъ желающій — крестьянинъ Никита Демидовичъ Демидовъ²⁾.

Когда онъ былъ представленъ царю, Петръ, пораженный его высокимъ ростомъ, мужественнымъ лицомъ и стройностью, сказалъ находившимся при этомъ вельможамъ: «Вотъ молодецъ! годится въ Преображенскій полкъ, въ гренадеры!» Никита Демидовичъ, сочтя слова государя за повелѣніе поступить въ солдаты, упалъ къ ногамъ Петра и со слезами просилъ помиловать его для престарѣлой матери, у которой онъ былъ единственнымъ сыномъ и опорой.

¹⁾ Источники: 1) Жизнеописаніе А. Н. Демидова. Спб., 1833.—2) Историческое обозрѣніе Тульской губерніи. М., 1850.—3) Словарь достопамятныхъ людей русской земли. Вангъша-Каменскаго. М., 1836. Ч. 2.—4) Исторія Императорскаго Московскаго Университета, Шевырева. М., 1855.—5) Матеріалы для исторіи Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома, Драшусова. М., 1863. 6) Путеводитель по древностямъ и достопамяностямъ московскимъ. М., 1792. 7) «Московскія Вѣдомости» 1786—1789 годовъ.—8) Искра 1859, № 37.—9) Anecdotes intéressantes de la cour de Russie. Londres, 1792. Т. I.—10) Отрывокъ изъ рукописной хроники рода Свѣшниковыхъ, обязательно сообщенный намъ М. Д. Хмыровымъ.

²⁾ Настоящая фамилія Никиты Демидовича была — Антуфьевъ, однако онъ и потомки его писались и пишутся Демидовыми.

Государь, посмѣявшись надъ страхомъ Демидова, шутя сказали ему: «Я помилую тебя, если сдѣлаешь алебарды сходно съ образцомъ». Никита Демидовичъ возразилъ, что надѣется сдѣлать ихъ гораздо лучше образца и къ назначенному сроку привезетъ въ Воронежъ. Дѣйствительно, черезъ мѣсяць Демидовъ доставилъ государю алебарды. Петръ такъ остался доволенъ исполненіемъ заказа, что заплатилъ Демидову вдвое болѣе объявленной цѣны, подарилъ ему, сверхъ того, нѣмецкаго сукна на платье и серебряный ковшъ, и общалъ на обратномъ пути заѣхать къ нему въ гости. По пріѣздѣ въ Тулу, Петръ вспомнилъ свое обѣщаніе, осмотрѣлъ небольшой заводъ Демидова, подробно разспросилъ его о кузнечномъ мастерствѣ, похвалилъ его за предприимчивость и знаніе дѣла и зашелъ къ нему въ домъ. Когда при этомъ Демидовъ поднесъ своему гостю отличнаго рейнскаго вина, государь, ласково потрепавъ его по щекѣ, сказалъ: «Неприлично тебѣ, Демидычъ, держать такое дорогое вино». — «Государь», отвѣчалъ немного испуганный хозяинъ: «я сроду не пью никакого, а досталъ французское вино собственно для тебя». — «Отнеси его назадъ», продолжалъ государь: «и дай мнѣ рюмку нашего русскаго, простого». Жена Демидова постѣшила исполнить приказаніе Петра. Онъ выпилъ водку, закусилъ кренделемъ, поцѣловалъ хозяйку въ губы и, обратясь къ Никитѣ Демидовичу, сказалъ ему: «Ступай за мной; я хочу кой о чемъ съ тобой поговорить». Придя къ себѣ на квартиру, государь показалъ Демидову заграничное искусно отлѣланное ружье и спросилъ: можетъ ли онъ сдѣлать подобное на своемъ заводѣ? Демидовъ отвѣчалъ, что попробуетъ, но за успѣхъ не ручается. — «Я на тебя надѣюсь», возразилъ Петръ: «когда сдѣлаешь, пріѣзжай ко мнѣ въ Москву».

Демидовъ съ усердіемъ принялся за работу и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, сдѣлалъ шесть ружей, съ которыми и явился къ царю; Петръ, осмотрѣвъ ружья, нашелъ, что они нисколько не хуже заграничныхъ, пожаловалъ Демидову сто рублей, обнялъ его и сказалъ: «Постарайся, Демидычъ, распространить свой заводъ, а я тебя не оставлю». Демидовъ, пользуясь расположеніемъ Петра, выпросилъ у него для себя нѣсколько десятинъ земли около Тулы и исключительное право добывать желѣзную руду въ окрестностяхъ этого города. По возвращеніи на родину, Никита Демидовичъ выстроилъ на берегу рѣки Тулицы желѣзный заводъ съ вододѣйствующими машинами и занялся поставкою разныхъ воинскихъ снарядовъ въ Пушкарскій приказъ. Рѣдкая честность и дѣятельность, выказанныя при этомъ Демидовымъ, были достойно оцѣнены государемъ. Петръ, со свойственной ему проницательностью, понялъ, какую громадную

пользу можетъ принести этотъ смысленный и предпріимчивый человекъ русскому горному дѣлу, находившемуся тогда еще въ младенчествѣ, и потому всѣми мѣрами поощрялъ Демидова и покровительствовалъ ему. Никита Демидовичъ вполне оправдалъ ожиданія царя. Получивъ въ свое владѣніе обширныя земли въ Сибири, онъ построилъ въ этомъ краѣ нѣсколько желѣзныхъ заводовъ, открылъ въ Алтаѣ серебряныя рудники, а въ Колывани мѣдныя копи, населилъ людьми пустынные мѣста нынѣшней Пермской губерніи, ввелъ въ Россіи обработку азбеста или горнаго льна, распространилъ добываніе магнита и вообще, можно сказать безъ преувеличенія, первый положилъ прочное основаніе важнѣйшей отрасли нашей промышленности—горному дѣлу. Богатство Демидова росло необычайнымъ образомъ. Считая себя кругомъ обязаннымъ Петру, онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался выказать ему свою признательность. Въ 1715 году, когда у государя родился сынъ, царевичъ Петръ Петровичъ, Демидовъ прислалъ императрицѣ на зубокъ сто тысячъ рублей — сумму для того времени весьма значительную. Петръ, съ своей стороны, не переставалъ благодѣтельствовать Демидову, возвелъ его, въ 1720 году, въ дворянское достоинство, а въ 1722 году, отправляясь въ персидскій походъ, послалъ ему изъ Кизляра свой портретъ, при слѣдующемъ письмѣ: «Демидычъ! Я заѣхалъ зѣло въ горячую сторону; велить ли Богъ видѣться? Для чего посылаю тебѣ мою персону. Лей больше пушкарскихъ снарядовъ и отыскивай, по обѣщанію, серебряную руду».

Наслѣдникомъ Никиты Демидовича, умершаго въ 1725 г., былъ сынъ его, Акинфій Никитичъ. Не менѣе отца умный и предпріимчивый, Акинфій Никитичъ, въ короткое время, почти учетверилъ свое и безъ того громадное состояніе и оставилъ дѣтямъ, кромѣ заводовъ и домовъ, около тридцати тысячъ душъ крестьянъ и множество золота, серебра, драгоценныхъ камней и денегъ.

Изъ трехъ сыновей Акинфія Никитича особенно замѣчательнѣе старшій, Прокопій Акинфьевичъ, родившійся въ 1710 году. Онъ представляетъ собою полнѣйшій типъ чудака Екатерининскихъ временъ. Люди, подобные Демидову, были неизбѣжнымъ продуктомъ существовавшихъ тогда бытовыхъ отношеній и нравственной неразвитости общества, среди котораго для личности былъ столь же широкій просторъ, сколько и для слѣпнаго случая. Въ сущности добрые и честные, люди эти, благодаря совершенной необразованности, имѣли самыя узкія и извращенныя понятія о чести, добрѣ и правдѣ; стремленія ихъ были мелки, страсти никогда не сдерживались разсудкомъ. Всеобщая поблажка вокругъ усилила въ нихъ озорничество и неуваженіе къ правамъ человека, придавала имъ смѣлость и размахис-

тость и пріучала ставить личный произволь выше всякаго закона, выше всякой логики.

Прокофій Акинѣевичъ, на тридцать пятомъ году отъ рожденія лишившись отца, получилъ въ свое распоряженіе такое состояніе, что не могъ, говорятъ, съ точностью опредѣлить своихъ доходовъ,— такъ они были значительны. Окончивъ раздѣлъ съ братьями, онъ отправился путешествовать за границу. Цѣль путешествія заключалась, конечно, въ желаніи посмотрѣть на заморскую роскошь и испытать тѣ развлеченія и наслажденія, которыхъ нельзя было достать въ Россіи ни за какія деньги. Остановливаясь во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Европы, Прокофій Акинѣевичъ предавался такой праздной и шумной жизни и дѣлалъ такія чудовищныя закупки разныхъ предметовъ роскоши, что привелъ иностранцевъ въ ужасъ. Пируя на лукулловскихъ праздникахъ Демидова, они съ недоумѣніемъ качали головами и говорили другъ другу на ухо: «Какъ онъ мотаетъ! съ чѣмъ-то онъ выѣдетъ отсюда?» а Прокофій Акинѣевичъ между тѣмъ вслухъ подсмѣивался надъ бѣдностью Европы, отзываясь, «что ему некуда тратить денегъ и что онъ не можетъ достать для себя даже самое необходимое». Такое безумное бросаніе денегъ, разумѣется, сдѣлало имя Демидова извѣстнымъ за границей. Вездѣ, гдѣ онъ ни проѣзжалъ, его принимали какъ принца, съ почестями и низкопоклонствомъ. Только въ Англіи, привыкшей ко всякимъ эксцентрическимъ выходкамъ, онъ былъ встрѣченъ довольно холодно; практическіе англичане видѣли въ Демидовѣ лишь сумасброднаго богача, не знающаго какъ прожить деньги, и потому старались сбыть ему свои произведенія по баснословнымъ цѣнамъ. Невнимательность и расчетливость англичанъ чрезвычайно оскорбили Прокофья Акинѣевича. Онъ рѣшился, во что бы то ни стало, отмстить имъ и исполнилъ свою угрозу самымъ оригинальнымъ образомъ. По возвращеніи въ отечество, онъ скупилъ у русскихъ купцовъ всю пеньку, приготовленную ими для отпуска за границу. Когда открылась навигація и англійскіе торговцы явились за пенькой, Демидовъ запросилъ съ нихъ впятеро дороже того, что стоилъ товаръ, и принудилъ ихъ уѣхать домой ни съ чѣмъ. Черезъ нѣсколько времени англичане вновь послали въ Россію покупателей, надѣясь, что Демидовъ для собственныхъ выгодъ сдѣлается сговорчивѣе, или распродастъ пеньку другимъ купцамъ; однако, вышло не такъ: къ кому ни обращались прибывшіе торговцы, отъ всѣхъ получали одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Идите къ Демидову, вся пенька у него», а Прокофій Акинѣевичъ еще удвоилъ просимую имъ цѣну. Англичане старались всѣми мѣрами склонить Демидова на уступки, говорили, что дѣйствія его

противны правиламъ коммерческихъ оборотовъ, угрожали, въ свою очередь, поднять цѣны на англійскіе товары... но Демидовъ не поддавался ни на какія сдѣлки и заставилъ англичанъ вторично уѣхать съ пустыми руками.

Первое время по возвращеніи своемъ изъ заграницы, Прокофій Акинфѣевичъ поселился въ Петербургѣ, но недолго жилъ здѣсь и

Прокофій Акинфѣевичъ Демидовъ.
Съ портрета, принадлежавшаго Н. И. Путилову.

перѣхалъ въ Москву. Самолюбивый и избалованный Демидовъ искалъ почета и извѣстности. Въ Петербургѣ ему трудно было достигнуть желаемого. Присутствіе двора сдерживало его произволь, а придворный блескъ отчасти затмѣвалъ пышность, которой онъ окружилъ себя. Въ Москвѣ же этихъ неудобствъ не существовало. Тамъ Демидовъ могъ жить полновластнымъ господиномъ и, ничѣмъ не стѣсняясь, на просторѣ, предаваться всѣмъ причудамъ и дурачествамъ, которыя только приходили ему въ голову.

У Прокофія Акинѣевича было нѣсколько домовъ въ Москвѣ, однако, онъ, не находя ихъ удобными для своего помѣщенія, выстроилъ въ Басманной, близъ Разгуляя, новый домъ самой затѣйливой архитектуры и обшилъ его снаружи желѣзомъ. Когда въ сосѣдствѣ случались пожары, Демидовъ приказывалъ лишь закрывать окна желѣзными ставнями и затѣмъ продолжалъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ, зная, что жилище его совершенно безопасно отъ огня. Внутренняя отдѣлка дома была великолѣпна и вполнѣ соотвѣтствовала колоссальному богатству хозяина. Масса золота, серебра и самородныхъ камней ослѣпляли глаза; на стѣнахъ, обитыхъ штофомъ и бархатомъ, красовались рѣдчайшія картины; зеркальныя окна и лѣстница были уставлены рѣдкими растеніями; мебель изъ пальмоваго, чернаго и розоваго дерева поражала своей тончайшей, какъ кружево, рѣзьбой; на мозаиковыхъ полахъ лежали ковры изъ тигровыхъ, собольихъ и медвѣжьихъ шкуръ; на потолкахъ были развѣшаны, въ золотыхъ клѣткахъ, птицы всѣхъ странъ свѣта; по комнатамъ гуляли ручныя обезьяны, орангутанги и другіе звѣри; въ мраморныхъ бассейнахъ плавали разнородныя рыбы; мелодическіе звуки органовъ, искусно вдѣланныхъ въ стѣны, увеселяли слухъ посѣтителей; въ столовой фигурные, серебряные фонтаны били виномъ, — словомъ, Демидовъ сосредоточилъ въ своемъ домѣ всю роскошь и великолѣпіе, которыя только были доступны тогдашнему искусству и фантазіи.

Добываясь лишь того, чтобы о немъ всѣ говорили, Прокофій Акинѣевичъ не пренебрегалъ для этого никакими средствами: не жалѣлъ денегъ, тратилъ ихъ не считая, съ неслыханной до того расточительностью, и велъ такой странный образъ жизни, что скоро, дѣйствительно, вся Россія наполнилась разсказами о его причудливыхъ выходкахъ.

Несобыкновенная щедрость Прокофія Акинѣевича привлекала къ нему со всѣхъ сторонъ множество нищихъ, юродивыхъ, аферистовъ и мошенниковъ мелкой руки, старавшихся разными хитростями и штуками выманить у него деньги. Демидовъ безъ разбора принималъ къ себѣ каждаго просителя, вступалъ съ нимъ въ разговоры, выспрашивалъ о нуждѣ, почти никогда не отказывалъ въ помощи дѣйствительному бѣдняку, нерѣдко помогалъ плуту и тунеядцу, но при этомъ непремѣнно потѣшался и глумился надъ нимъ. Такъ, на примѣръ, онъ вызывалъ охотниковъ пролежать у него въ домѣ на спинѣ круглый годъ, не вставая съ постели. Когда находился желающій, ему отводили особенную комнату и приставляли особыхъ людей, которые ни днемъ, ни ночью не спускали съ него глазъ и удовлетворяли всѣмъ его требованіямъ относительно кушаньевъ и на-

питковъ. Если субъектъ выдерживалъ испытаніе, то получалъ въ награду нѣсколько тысячъ рублей; въ противномъ случаѣ его безошадно сѣкли и выгоняли вонъ. Подобнымъ же образомъ, только за меньшую плату, поступалъ Демидовъ съ согласившимися простоять передъ нимъ цѣлый часъ не мигая, въ то время, какъ онъ безпрестанно махалъ и тыкалъ пальцемъ около самыхъ глазъ ихъ.

Въ Москвѣ проживалъ одинъ армянинъ, извѣстный тогда всѣмъ подъ именемъ «Тараса Макарыча», человекъ недалежнаго ума, страстный игрокъ и пьяница. Какъ-то онъ зашелъ къ Демидову поздравить его съ праздникомъ. Прокофій Акинфьевичъ обрадовался вѣрному случаю позабавиться и предложилъ Тарасу Макарычу сыграть въ карты, съ условіемъ, чтобы проигрышъ послѣдняго отмѣчался у него на лицѣ углемъ. Тарасъ Макарычъ, конечно, согласился. Въ теченіе игры, Демидовъ усердно подпайвалъ его самымъ крѣпкимъ виномъ, такъ что Тарасъ Макарычъ скоро свалился на полъ мертвецки пьяный. Тогда Прокофій Акинфьевичъ велѣлъ принести гробъ, уложилъ въ него своего партнера, связалъ ему крестъ-на-крестъ руки, всунулъ пукъ асигнацій, приказалъ закрыть его крышей, взвалить на дроги и отвезти къ женѣ. Подъѣхавъ къ дому, гдѣ жилъ Тарасъ Макарычъ, провожатый бросилъ гробъ среди двора и скрылся. На лай собакъ сбѣжались хозяйка, жильцы и сосѣди. Увидя разрисованнаго углемъ Тараса Макарыча лежащимъ въ гробу, они подняли страшный вой и крики, которые, наконецъ, разбудили покойника. Можно судить, какой испугъ и изумленіе произвело на присутствовавшихъ такое неожиданное воскресеніе изъ мертвыхъ!

Нѣкто Медеръ, обанкрутившійся купецъ и, вмѣстѣ, ловкій плутъ, не зная какъ поправить свои дѣла, рѣшился обратиться за помощью къ Демидову и съ этой цѣлью отправился къ нему въ Москву. Прокофій Акинфьевичъ принялъ Медера въ одной рубашкѣ и, не говоря ни слова, началъ ходить вокругъ гостя, пристально осматривая его съ ногъ до головы. Медеръ, приготовившійся вытерпѣть всѣ причуды Демидова, стоялъ какъ истуканъ, не шевелясь. Покружившись минутъ съ пять, Прокофій Акинфьевичъ остановился, наконецъ, передъ самымъ носомъ Медера и спросилъ его:

— Кто ты такой?

— Медеръ.

— Какое твое ремесло?

— Я негоціантъ и маклеръ.

— Что тебѣ нужно?

— Видѣть знаменитаго Демидова, всюду прославившаго свое имя добрыми дѣлами.

- Какъ ты попалъ въ Москву и откуда?
 — Я пріѣхалъ изъ Петербурга на почтовыхъ.
 — Умѣешь ли ты ѣздить верхомъ?
 — Умѣю.
 — А на тебѣ можно ѣздить?
 — Если хотите. Это зависитъ отъ васъ.
 — Ладно. Становись на четвереньки; я попробую.

Медеръ исполнилъ приказаніе. Прокофій Акинфьевичъ сѣлъ къ нему на спину и велѣлъ возить себя по комнатамъ. Вдоволь нака- тавшись и порядкомъ измучивъ своего импровизированнаго коня, Де- мидовъ остановилъ его и, слѣзая, сказалъ:

— Ты, я вижу, славный малый. Можетъ быть ты хочешь ѣсть или пить?

— Лучше пить! отвѣчалъ Медеръ, — я всегда болѣе чувствую жажду, нежели голодь.

— А хорошій ли ты питухъ? Какое ты вино пьешь?

— Всякое, какое мнѣ даютъ.

— Отлично. Такъ мы начнемъ съ пунша.

Вино было тотчасъ принесено въ великолѣпной чашѣ изъ севрскаго фарфора. Прокофій Акинфьевичъ налилъ два стакана и подаль одинъ своему собесѣднику; но Медеръ съ презрѣніемъ оттолкнулъ его и, сдѣлавъ недовольную гримасу, сказалъ:

— Я не умѣю такъ пить!

— А какъ же?.. ну, пей по-своему.

Медеръ торжественно взявъ чашу, залпомъ опорожнилъ ее и потомъ бросилъ вверхъ, крича во все горло: «Ура! да здравствуетъ Демидовъ!» Выходка эта привела Прокофья Акинфьевича въ восторгъ. Онъ выскочилъ изъ-за стола, обнялъ Медера, поцѣловалъ его и сказалъ:

— Чортъ возьми! Я никакъ не ожидалъ встрѣтить человѣка твоего закала. Ты мнѣ очень нравишься; я хочу сойтись съ тобою покороче. Если ты имѣешь до меня какую нибудь просьбу, — говори прямо.

Медеръ воспользовался такимъ веселымъ настроеніемъ духа Демидова, объяснилъ ему свое горестное положеніе и намекнулъ, что десять тысячъ рублей могутъ блистательно устроить его дѣла.

— Только-то! отвѣчалъ на это Прокофій Акинфьевичъ и тутъ же подарилъ Медеру желаемую имъ сумму.

Одинъ изъ заводскихъ приказчиковъ Демидова попросилъ у него разъ денегъ, говоря:

— Батюшка, Прокофій Акинфьевичъ, помогите; до того плохо приходится, что хоть въ петлю лѣзть!

— Очень радъ, только сперва повѣсься при мнѣ; я никогда не видалъ человѣка, который бы добровольно лѣзъ въ петлю, — отвѣчалъ Демидовъ и упорно отказалъ въ пособіи, повторяя:

— Нѣтъ, ты сперва потѣшь меня, а потомъ ужъ и я тебя: выдумка-то твоя мнѣ больно нравится. Удружи, и я твоимъ наслѣдникамъ хоть сто тысячъ дамъ.

Черезъ день онъ смиловался и, отдавая требуемое пособіе, только прибавилъ:

— Видишь, какая у тебя подлая душонка; въ кои-то вѣки, разъ въ жизни, задумалъ сдѣлать неслыханное дѣло, да и то отъ трусости не посмѣлъ. Впередъ ужъ лучше не хвастай, а не то я буду считать тебя за мошенника.

Въ прежнее время существовалъ законъ, на основаніи котораго войска, исполнявшія въ какомъ либо городѣ гарнизонную службу, размѣщались, по очереди, на квартирахъ у обывателей. Тягость постоя падала преимущественно на бѣдныхъ жителей, потому что богатые откупались отъ нея подарками полицейскимъ властямъ. Какъ-то разъ, Прокофій Акинфьевичъ, разсердившись на полицейскаго офицера своего квартала, не послалъ ему обычнаго подарка. Полицейскій, въ свою очередь, желая досадить Демидову, назначилъ въ его домѣ постоя для нѣсколькихъ солдатъ. Прокофій Акинфьевичъ не показалъ ни малѣйшаго неудовольствія на такое распоряженіе и, дня черезъ два, написалъ къ полицейскому весьма вѣжливое письмо и убѣдительно просилъ его пожаловать къ нему на обѣдъ. Полицейскій, разумѣется, не замедлилъ явиться на столь любезное приглашеніе. Демидовъ принялъ гостя съ необыкновеннымъ радушіемъ, отлично угостилъ его и къ концу обѣда напоилъ пьянымъ до безчувствія. Въ этомъ видѣ полицейскаго отнесли въ комнату, въ которой находились только диванъ и огромное зеркало. Здѣсь его раздѣли до-нага, брили ему голову, вымазали все тѣло медомъ, потомъ обваляли въ пуху и оставили спать. На другой день, Прокофій Акинфьевичъ съ ранняго утра былъ уже на ногахъ и, дождавшись пробужденія своего гостя, имѣлъ удовольствіе, сквозь замочную скважину, видѣть бѣшенство, плачь и отчаяніе несчастнаго. Паславившись этимъ зрѣлищемъ, Демидовъ отперъ дверь въ комнату заключеннаго и грозно сказалъ ему: «Какъ! ты, полицейскій офицеръ, обязанный смотрѣть за общественнымъ порядкомъ, осмѣливаешься являться ко мнѣ въ домъ въ такомъ безобразномъ видѣ?! Погоди, негодяй, я научу тебя приличію. Сейчасъ же отправлю тебя къ губернатору и буду просить, чтобы тебя, безъ всякаго милосердія, наказали за всѣ твои мерзости!» Растерявшійся полицейскій упалъ къ ногамъ Демидова, со слезами просилъ

у него прощенія и клялся болѣе никогда ничѣмъ не тревожить его. Прокофій Акинфьевичъ потребовалъ, чтобы онъ подтвердилъ все это письменно. Когда полицейскій исполнилъ желаніе Демидова, послѣдній велѣлъ вымыть и одѣть его и, при разставаніи, подарилъ ему парикъ и мѣшокъ съ червонцами.

Статсъ-дамѣ императрицы, графинѣ Р., во время пребыванія двора въ Москвѣ, встрѣтилась надобность въ пяти тысячахъ рублѣхъ. Тщетно объѣздивъ своихъ знакомыхъ, она наконецъ рѣшилась обратиться за этой суммой къ Демидову. Прокофій Акинфьевичъ, вообще не очень долголюбивашій аристократовъ, принялъ графиню чрезвычайно сухо и, выслушавъ просьбу, сказалъ:

— У меня нѣтъ денегъ для женщинъ вашего званія и происхожденія, потому что мнѣ некому жаловаться на васъ, если вы не заплатите денегъ къ сроку. Вы привыкли ставить себя выше закона и самъ чортъ съ вами ничего не сдѣлаетъ!

Графиня терпѣливо перенесла это оскорбленіе и, надѣясь, что Демидовъ смягчится, возобновила просьбу. Прокофій Акинфьевичъ отвѣчалъ ей новой дерзостью, заставившей графиню вспыхнуть. Обиженная до слезъ, она встала и хотѣла удалиться; но Демидовъ удержалъ ее въ дверяхъ.

— Послушайте! сказалъ онъ: — я готовъ услужить вамъ, но только съ тѣмъ, если вы дадите мнѣ такую росписку, какую я хочу.

Р. согласилась на предложеніе. Каково же было ея изумленіе, когда Прокофій Акинфьевичъ подаль ей для подписи записку слѣдующаго содержанія: «Я, нижеподписавшаяся, обязуюсь заплатить дворянину Демидову, черезъ мѣсяцъ, пять тысячъ рублѣй, полученныхъ мною отъ него наличными деньгами. Въ случаѣ же, если я сего не исполню, то позволяю объявить всѣмъ, кому онъ заблагоразсудитъ, что я распутная женщина». Графиня съ негодованіемъ отказалась подписать эту бумагу.

— Какъ хотите, равнодушно отвѣчалъ Демидовъ: — я не перемигну ни одной буквы.

Послѣ многихъ и напрасныхъ просьбъ, Р., крайне нуждавшаяся въ деньгахъ и увѣренная въ скоромъ полученіи ихъ изъ деревни, подумавъ, рѣшилась уступить настойчивости Прокофія Акинфьевича и подписала росписку. Къ несчастію, Р. ошиблась въ своихъ расчетахъ и, не смотря на всѣ старанія, не могла расквитаться съ Демидовымъ черезъ мѣсяцъ. Дождавшись наступленія срока, Прокофій Акинфьевичъ поѣхалъ на балъ въ дворянское собраніе, гдѣ находилась императрица. Собралъ около себя молодежь, онъ громогласно прочелъ росписку графини. Чтеніе это, разумѣется, произвело въ слуша-

теляхъ взрывъ смѣха, который обратилъ вниманіе государыни. Замѣтивъ въ кучкѣ смѣявшихся Демидова, Екатерина догадалась, что онъ сыгралъ съ кѣмъ нибудь шутку, и приказала разузнать въ чемъ дѣло. Когда ей доложили о поступкѣ Прокофья Акинфьевича съ Р., императрица сильно разгнѣвалась, приказала ему немедленно оставить собраніе, а на другой день поручила оберъ-полиціймейстеру уплатить Демидову пять тысячъ рублей и отобрать отъ него росписку графини.

Однажды, Прокофій Акинфьевичъ, недовольный гордымъ обхожденіемъ нѣкоторыхъ вельможъ, вздумалъ отомстить имъ, и для этого пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ. Наканунѣ назначеннаго дня, онъ призвалъ штукатура и, подъ видомъ исправленія лѣпной работы на потолкахъ, велѣлъ ему устроить около каждой двери подмости. Когда приглашенные явились, Демидовъ повелъ ихъ въ столовую черезъ всѣ комнаты. Сановнымъ гостямъ пришлось поневолѣ сгибаться и пролѣзать подъ подмости, а Демидовъ, увѣряя, что штукатуръ, въ его отсутствіе, безъ позволенія началъ работу, просилъ извинить глупаго мужика въ томъ, «что заставляетъ столь почтенныхъ вельможъ гнуть спины, прежде чѣмъ попасть въ столовую».

Въ другой разъ, при проѣздѣ черезъ Москву какого-то важнаго лица, Прокофій Акинфьевичъ сдѣлалъ въ честь его большой обѣдъ, на который позвалъ болѣе ста человекъ; но важное лицо передъ самымъ обѣдомъ прислало сказать, что не можетъ приѣхать потому, что отозвано къ генералъ-губернатору. Взбѣшенный Демидовъ приказалъ втащить въ столовую свинью, посадилъ ее на почетное мѣсто и, въ теченіе всего обѣда, самъ служилъ ей. Свинья, пораженная видомъ многочисленнаго общества и новостью своего положенія, страшнымъ образомъ хрюкала и рвалась, а Прокофій Акинфьевичъ подносилъ ей самыя дорогія кушанья, кланялся въ поясъ и приговаривалъ:

— Кушайте, ваше сіятельство, на здоровье; не брезгайте моимъ хлѣбомъ и солью; вѣкъ не забуду вашего одолженія.

Графъ Панинъ ¹⁾, благоволившій къ тогдашнему московскому вице-губернатору, Собакину, просилъ императрицу назначить его сенаторомъ на открывшуюся вакансію. Демидовъ, находившійся съ Собакинымъ въ ссорѣ, старался всячески помѣшать этому назначенію; но просьба Панина была, конечно, уважена, и Собакинъ получилъ зва-

¹⁾ Панинъ графъ, Никита Ивановичъ, генералъ-поручикъ (1755 г.), наставникъ великаго князя Павла Петровича (1759 г.), дѣйствительный тайный совѣтникъ (1762 г.), канцлеръ (1763 г.), сенаторъ (1773 г.), родился въ 1718 г., умеръ въ 1783 г.

ніе сенатора. Прокофій Акинфьевичъ, разсерженный неудачей, чтобы досадить Панину, прибилъ къ воротамъ своего дома картину, на которой были изображены двѣ фигуры: одна—въ старинномъ парикѣ и костюмѣ, обыкновенно носимомъ Панинымъ, а другая—поразительно похожая на Собакина. Внизу картины огромными буквами красовалась слѣдующая надпись: «Собакинъ архи-парикмахеръ, только что возвратившійся изъ Парижа, предлагаетъ свои услуги почтеннѣйшей публикѣ. Адресоваться къ г. Панонину». При этомъ слогъ «но» былъ такъ замазанъ грязью, что, съ перваго взгляда, никто не могъ его разобрать. Выходка Демидова была доведена до свѣдѣнія императрицы: она хотѣла было наказать Прокофія Акинфьевича, но Панинъ самъ уговорилъ ее не обращать на это вниманія. Демидовъ, однако, не удовольствовался этимъ и распространилъ при дворѣ нѣсколько стихотворныхъ пасквилей насчетъ Панина и Собакина. Такая дерзость вывела государыню изъ терпѣнія; она приказала собрать и отправить всѣ пасквили къ московскому генералъ-губернатору, съ повелѣніемъ сжечь ихъ черезъ палача въ присутствіи Демидова. Когда Прокофью Акинфьевичу была объявлена резолюція императрицы, онъ попросилъ только, чтобы ему заблаговременно дали знать, гдѣ и когда будетъ исполненъ приговоръ. Въ назначенный день, онъ откупилъ всѣ квартиры, выходившія окнами на площадь, среди которой должно было совершаться ауто-да-фе, приготовилъ въ этихъ квартирахъ обильные завтраки, пригласилъ на нихъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ и явился самъ съ хоромъ пѣсенниковъ и двумя оркестрами музыкантовъ. Въ то время какъ палачъ жегъ пасквили, Прокофій Акинфьевичъ пировалъ съ своими пріятелями подъ громкіе и веселые звуки музыки. Шутка эта, разумѣется, навлекла на Демидова негодованіе императрицы. Онъ получилъ высочайшее повелѣніе въ двадцать четыре часа оставить Москву и ѣхать на жительство въ дальнія деревни. Прокофій Акинфьевичъ испугался, просилъ прощенія и поспѣшилъ умиловить государыню пожертвованіемъ значительной суммы денегъ въ пользу казны.

Странности Демидова увеличивались съ каждымъ годомъ. Въ одно прекрасное и жаркое іюньское утро, ему пришла фантазія прокатиться въ саняхъ и насладиться зимнимъ путемъ. Для этого онъ закупилъ всю находившуюся въ Москвѣ соль и велѣлъ посыпать ею трехверстное пространство аллеи, которая соединяла его подмосковное имѣніе съ почтовой дорогой. Проѣхавшись два раза по импровизированному искусственному снѣгу, между оципанныхъ за большія деньги березъ, представлявшихъ аксессуаръ вымышленной зимы, Прокофій Акинфьевичъ, весьма довольный, возвратился домой и черезъ

минуту уже позабылъ о своей оригинальной прогулкѣ. Соль, истоптанная копытами тройки, сдѣлалась достояніемъ всякаго, кто хотѣлъ ее подбирать.

Прокофій Акинѣевичъ ѣздилъ по Москвѣ не иначе какъ цугомъ, въ колымагѣ, окрашенной яркооранжевой краской. Цугъ состоялъ изъ двухъ маленькихъ лошадей въ корню, двухъ огромныхъ въ серединѣ, съ фореиторомъ карликомъ, и двухъ также небольшихъ лошадей впереди, съ фореиторомъ столь высокаго роста, что длинныя ноги его тащились по мостовой. Ливреи лакеевъ вполне гармонировали съ упряжью; одна половина была сшита изъ золотого галуна, другая—изъ самой грубой сермяги; одна нога лакея была обута въ шелковый чулокъ и лакированный башмакъ, другая—въ онучи и лапоть. Когда вошло въ моду носить очки, Демидовъ надѣлъ ихъ не только на свою прислугу, но даже на лошадей и собакъ.

Однажды зять Прокофья Акинѣевича попросилъ его къ себѣ на завтракъ. Демидовъ послалъ къ нему, вмѣсто себя, поросенка. Зять, изучившій хорошо его характеръ, принялъ поросенка съ почетомъ, накормилъ до-сыта и доставилъ обратно въ своей каретѣ. Довольный поступкомъ зятя, Прокофій Акинѣевичъ велѣлъ зарѣзать поросенка, набилъ шкуру его золотомъ и отправилъ въ подарокъ дочери.

Увидя какъ-то, что садовникъ дотронулся голыми руками до особенно любимаго имъ померанцеваго дерева, съ большимъ трудомъ и хлопотами перевезеннаго изъ Италіи, Демидовъ приказалъ тотчасъ же его срубить и сжечь, говоря, что оно «загрязнилось». То же самое сдѣлалъ онъ съ дорогой каретой, выписанной изъ Англіи, во внутренность которой, въ глазахъ его, вошелъ кучеръ, желавшій стереть пыль съ бархатныхъ подушекъ.

Въ бытность въ Москвѣ австрійскаго императора Іосифа II, генераль-губернаторъ устроилъ въ Кремлевскомъ саду парадное гулянье. Всѣ приглашенные явились въ самыхъ дорогихъ и блестящихъ костюмахъ, а Прокофій Акинѣевичъ, притворяясь больнымъ, приѣхалъ въ камлотовой изношенной шинели и сафьянныхъ сапогахъ, съ толстой суковагой палкой въ рукѣ.

Перечисляя странности Демидова, было бы несправедливо умолчать о тѣхъ пожертвованіяхъ его, которыя заставили многихъ современниковъ произносить имя Прокофія Акинѣевича съ уваженіемъ и благодарностью, и которыя не должны быть забыты потомствомъ.

Въ 1771 году, Демидовъ въ письмѣ къ Бецкому ¹⁾, признавая, что императрица Екатерина II, учрежденіемъ воспитательнаго дома,

¹⁾ Бецкій Иванъ Ивановичъ, побочный сынъ князя И. Ю. Трубецкаго, дѣй-

«многія беззаконія и звѣрскія злодѣйства предупредила и отвратила», выразилъ желаніе «имѣть о несчастныхъ всякое попеченіе» и обѣщаль: «начатое въ Москвѣ каменное строеніе воспитательнаго дома достроить своимъ иждивеніемъ, вспомошествовать открытію ссудной казны и родильнаго госпиталя въ С.-Петербургѣ и не переставать оказывать благотворенія во вѣки, доколь могъ пользоваться преимуществами и защищеніемъ дома». Вслѣдъ за этимъ письмомъ, Демидовъ прислалъ Бецкому 200,000 р. ассигнаціями.

Бецкій, извѣщая опекунскій совѣтъ о пожертвованіяхъ Прокофія Акинфѣевича, писалъ: «Такого благотворителя мы не только въ общество свое, въ силу генеральнаго плана, принять, но отмѣнно почитать, защищать во всякихъ случаяхъ и весьма чувствительно благодарить должны, и портретъ его въ залѣ поставленъ быть имѣеть».

Когда Демидовъ, въ 1772 году, посѣтилъ воспитательный домъ, то опекунскій совѣтъ, согласно наставленіямъ Бецкаго, поднесъ Прокофію Акинфѣевичу золотую медаль и благодарственное свидѣтельство, до сихъ поръ сохраняющееся въ портретной галлерей дома; оно писано на пергаментѣ и украшено миниатюрною живописью, весьма изящно исполненною академикомъ Козловымъ. По этому же поводу и по распоряженію опекунскаго совѣта, были напечатаны въ газетахъ плохія вирши, подъ заглавіемъ: «Выѣзка къ жилищу Прокофія Акинфѣевича Демидова». Восхищенный сдѣланнымъ ему приемомъ, Демидовъ тутъ же подарилъ воспитательному дому большой каменный домъ свой, находившійся въ Донской улицѣ, въ приходѣ церкви Ризъ-Положенія.

Въ томъ же году, Прокофій Акинфѣевичъ письменно изъявилъ Бецкому намѣреніе завести на свой счетъ коммерческое училище и опредѣлилъ на его содержаніе вѣчный капиталъ въ 205,000 рублей. Разсмотрѣнный особой комиссіей планъ «Воспитательнаго училища изъ купеческихъ дѣтей для коммерціи» и докладъ Бецкаго о пожертвованіи Демидова были высочайше утверждены 6-го декабря 1772 года, причемъ Прокофій Акинфѣевичъ, не имѣвшій никакого чина, пожалованъ прямо въ статскіе совѣтники.

Не смотря на вниманіе и почетъ, которые опекунскій совѣтъ постоянно оказывалъ Демидову, послѣдній, своими причудами, часто приводилъ его «въ недоумѣніе» и причинялъ ему «огорченія и обиды». Такъ, напримѣръ, однажды Прокофій Акинфѣевичъ, узнавъ, что опе-

ствительный камергеръ (1756 г.), генералъ-поручикъ и главный директоръ канцеляріи строеній (1762 г.), дѣйствительный тайный совѣтникъ (1767 г.), главный попечитель воспитательныхъ домовъ и шефъ шляхетскаго кадетскаго корпуса (1770 г.), род. въ 1704 г., умеръ въ 1795 году.

кунскій совѣтъ крайне нуждается въ деньгахъ, обѣщалъ дать взаймы 20,000 рублей, но вмѣсто денегъ прислалъ въ него четыре скрипки по числу членовъ: Вырубова, Умскаго и князей Гагарина и Голицына. Въ 1780 году, совѣтъ, по приказанію Бецкаго, препроводилъ къ Демидову два его бюста, мраморный и бронзовый, съ тѣмъ, чтобы онъ выбралъ для себя одинъ изъ нихъ, но Прокофій Акинфѣевичъ не принялъ бюстовъ и отослалъ ихъ обратно при слѣдующемъ отзывѣ: «Отъ московскаго воспитательнаго дома объявлено мнѣ, чтобы я отъ господъ опекуновъ взялъ бюстъ и за оное приношу нижайшую благодарность, а паче за милость его высокопревосходительства Ивана Ивановича Бецкаго. Въ третьемъ году, какъ я былъ въ Питерѣ у Ивана Ивановича, при мнѣ сдѣланъ гипсовый бюстъ, а сказывалъ онъ, что многимъ мраморные дѣлаются и потому мнѣ не надобно; о чемъ съ моею благодарностію хошь сіе, хошь напишите высокопочтенному совѣту, а паче Иванъ Ивановичъ въ оное не входитъ и мнѣ не пишеть—какой изъ того планъ хочеть сдѣлать? Для того ли, что живущій мой домъ, по смерти моей, считается будетъ къ воспитательному дому? Я же скоро умру и объ этомъ его высокопревосходительству сказывалъ. Онъ смѣялся: кто прежде умретъ? И такъ съ высокопочтаніемъ и моею преданностію остаюсь...»

Кромѣ воспитательнаго дома, Прокофій Акинфѣевичъ поддерживалъ своими пожертваніями и Московскій университетъ. Въ январѣ 1779 года, онъ прислалъ Шувалову ¹⁾ «для нуждъ университета» 10,000 рублей и въ томъ же году, въ іюнѣ, когда университетъ праздновалъ свой актъ и одинъ изъ студентовъ, обратясь къ Демидову, сказалъ привѣтственное слово, Прокофій Акинфѣевичъ прислалъ Шувалову еще 10,000 рублей. Сумма, пожертвованная Демидовымъ, была отдана въ московскій банкъ съ тѣмъ, чтобы на получаемые съ нея проценты могли содержаться шестеро студентовъ. Конференція, съ дозволенія кураторовъ, поручила демидовскихъ пансіонеровъ подъ надзоръ профессору Шварцу, который былъ обязанъ прилагать о нихъ особое стараніе въ учебномъ и нравственномъ отношеніяхъ. По предписанію Шувалова, питомцы Демидова ежегодно отправлялись благодарить его и на актахъ непременно привѣтствовали своего покровителя хвалебными рѣчами.

Вообще Прокофій Акинфѣевичъ въ теченіе своей жизни пожертвовалъ на разныя богоугодныя и общественныя учрежденія около полутора милліона рублей.

¹⁾ Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, любимецъ императрицы Елисаветы Петровны, основатель московскаго университета (1773 г.), дѣйствительный тайный совѣтникъ (1773 г.), оберъ-камергеръ (1777 г.), род. въ 1727 г., ум. въ 1798 году.

Демидовъ умеръ 4-го ноября 1786 года и былъ погребенъ съ большимъ великолѣпіемъ въ Донскомъ монастырѣ, за алтаремъ Срѣтенской церкви. Университетъ прислалъ дежурить къ гробу усопшаго его питомцевъ. Наслѣдники Прокофія Акинфѣевича выразили, черезъ газеты, свою признательность какъ начальству университета, такъ и питомцамъ, которые «примѣрнымъ наблюденіемъ порядка, благопристойности и неслестнаго сожалѣнія изъявили послѣдній и достохвальный долгъ благодарныхъ чувствъ къ умершему».

Демидовъ былъ женатъ два раза. Первый разъ на Матренѣ Антиповнѣ Пастуховой, а во второй на какой-то тульской уроженкѣ, имя которой намъ неизвѣстно. Отъ первой жены онъ имѣлъ трехъ сыновей: Акакія, Льва и Аммоса, и нѣсколькихъ дочерей. Отъ второй жены у него была только одна дочь — Настасья, вышедшая замужъ за Марка Ивановича Хозикова.

Сыновья Прокофія Акинфѣевича воспитывались въ Гамбургѣ, гдѣ прожили много лѣтъ; возвратясь въ Россію, они почти не умѣли говорить по-русски и хотя потомъ выучились родному языку, однако, удержали навсегда иностранный выговоръ. Демидовъ почему-то не любилъ сыновей, обходился съ ними крайне жестоко и, когда они пережились, отдалъ въ ихъ распоряженіе только небольшую подмосковную деревушку, имѣвшую всего тридцать душъ. Нищенское положеніе сыновей Демидова сдѣлалось извѣстнымъ императрицѣ, которая приказала Прокофію Акинфѣевичу выдѣлить дѣтямъ болѣе приличную и достаточную для ихъ содержанія часть. Демидовъ купилъ имъ по тысячѣ душъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, запретилъ показываться къ себѣ на глаза, объявивъ, что постарается, послѣ смерти своей, оставить имъ «одни стѣны да стрѣлы».

Дочерей своихъ Прокофіи Акинфѣевичъ выдалъ за фабрикантовъ и заводчиковъ; но одна изъ нихъ осмѣлилась сказать ему, что пойдетъ замужъ не иначе какъ за дворянина. Тогда Демидовъ велѣлъ прибить къ воротамъ своего дома доску съ надписью, что у него есть дочь-дворянка и потому не желаетъ ли кто изъ дворянъ на ней жениться? Случайно проходившій въ это время мимо чиновникъ Станиславскій первый прочелъ оригинальное объявленіе, явился къ Прокофію Акинфѣевичу, сдѣлалъ предложеніе и въ тотъ же день былъ обвѣнчанъ съ его дочерью. Каждой изъ дочерей, при замужествѣ, Демидовъ дѣлалъ значительный денежный подарокъ, хотя въ рядной записи и писалъ, что назначаетъ въ приданое денегъ лишь 99 рублей 99⁹/₁₀ копѣйки. Это обстоятельство дало имъ впослѣдствіи поводъ начать противъ братьевъ тяжбу, длившуюся многіе годы и извѣстную подъ названіемъ «Пирамидовскаго дѣла».

Графъ К. Г. Разумовскій¹⁾.

(1724—1803).

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ императрицы Анны Ивановны, 28 января 1737 года, цесаревна Елисавета Петровна присутствовала при торжественномъ богослуженіи въ церкви зимняго дворца. Когда запѣли херувимскую, цесаревна была поражена необыкновенно чистымъ и пріятнымъ голосомъ пѣвчаго, исполнявшаго теноровую партію, и пожелала узнать его имя. Ей доложили, что пѣвчаго зовутъ Алексѣемъ Розумомъ, что онъ сынъ реестроваго казака и недавно привезенъ изъ Малороссіи. По окончаніи литургіи, великая княжна приказала представить себѣ Розума. Наружность его поразила Елисавету Петровну еще болѣе, нежели голосъ. Высокій, стройный, немного смуглый, съ правильными чертами лица и чудными черными глазами, Розумъ былъ настоящій красавецъ. Цесаревна упростила оберъ-гофмаршала графа Левенвольде усту-

¹⁾ Источники: 1) XVIII вѣкъ. Историческій сборникъ, изд. Бартевнымъ. Т. 2. М. 1868. Статья: «Семейство Разумовскихъ» (Прекрасной статьей этой мы пользовались въ особенности).—2) Исторія Малой Россіи. Бантыша-Каменскаго. М. 1830. Ч. 3.—3) Біографіи російскихъ генераль-фельдмаршаловъ. Бантыша-Каменскаго. С. П. В. 1840. Ч. 2.—4) Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow. Genève. 1867.—5) Mémoires de Manstein. Paris. 1860. Т. 2.—6) Дневники записки. Марковича. М. 1859. Ч. 2.—7) Записки Лопухина. М. 1860.—8) Матеріалы для біографіи Лемносова. Вилярскаго. С. П. В. 1865.—9) Отечеств. Записки. 1859. № 9. Статья: «Княгиня Е. Р. Дашкова».—10) Рус. Вѣстникъ 1811. № 4. Статья: «Краткое начертаніе свойствъ графа К. Г. Разумовскаго».—11) Московитянинъ 1855. № 4. Статья: «Дворянъ графа Разумовскаго».—12) Московскія Вѣдомости 1860. № 182. Статья: «Село Лемени».

пить ей молодого пѣвчаго и перевела его въ свой штатъ бандуристомъ. Красивый малороссіянинъ началъ появляться въ небольшомъ кружкѣ лицъ, приближенныхъ къ цесаревнѣ, и увлекалъ всѣхъ неподражаемымъ пѣніемъ мелодическихъ пѣсенъ своей родины. Скоро передъ пѣвцомъ широко раскинулась пышная дорога. Переименованный изъ Розума въ Разумовскаго, онъ сдѣлался любимцемъ и камеръ-юнкеромъ Елисаветы Петровны, а 25 ноября 1741 года, въ день восшествія ея на престолъ, пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, поручики лейбъ-компаніи, съ чиномъ генералъ-аншефа, и, вслѣдъ затѣмъ, получилъ званіе оберъ-егермейстера, ордена св. Анны и св. Андрея Первозваннаго и нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ.

Достигнувъ столь быстро и неожиданно высшихъ государственныхъ чиновъ и важнаго значенія при особѣ государыни, Разумовскій, прежде всего, вспомнилъ о своихъ родныхъ. Въ это время находились въ живыхъ: его старуха мать, Наталья Демьяновна, три сестры, Агафья, Анна и Вѣра¹⁾, и младшій братъ Кирилъ, родившійся въ 1724 году. Всѣ они жили въ Черниговской губерніи, въ Козелецкомъ уѣздѣ, въ небольшомъ хуторѣ Лемеша, гдѣ Наталья Демьяновна содержала шиннокъ, а Кирилъ пасъ скотину. Алексѣй Григорьевичъ послѣдшилъ вызвать ихъ къ себѣ. Съ этой цѣлью, въ Лемеша было отправлено посольство въ блестящихъ экипажахъ, съ богатыми подарками, въ числѣ которыхъ находилась драгоцѣнная соболья шуба. По пріѣздѣ на хуторъ, посланные спросили: — «Гдѣ живетъ здѣсь госпожа Разумовская?» Удивленные лемешовцы отвѣчали: — «Въ насъ зъ роду не было такой пани, а есть коли божаеъ Розумиха удова» (У насъ никогда не было такой госпожи, а есть, коли угодно, вдова Розумиха). Посланные низко поклонились Натальѣ Демьяновнѣ, поднесли ей подарки и въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ просили ѣхать въ присланной каретѣ въ Петербургъ, къ сыну. Захватившая врасплохъ, старуха долго не могла придти въ себя отъ изумленія, не хотѣла вѣрить словамъ посланныхъ и твердила имъ: — «Люди добре, не глазуйтеъ меня, щоя вамъ подіяла» (Люди добрые, не надсмѣхайтесь надо мной, что я вамъ сдѣлала?). Наконецъ, убѣдившись въ истинѣ, Наталья Демьяновна раскинула на землѣ, у порога своей хаты, соболью шубу, сѣла на нее съ кумами и свахами, выпила съ ними, по малороссійскому обычаю, горилки — «погладить дорожку — шобъ равна була» — и затѣмъ,

¹⁾ Всѣ онѣ были замужемъ: Агафья за ткачемъ Будлянскимъ; Анна за закройщикомъ Закревскимъ; Вѣра за казакомъ Дараганомъ. Впослѣдствіи, благодарн покровительству Разумовскаго, зятя его получили дворянство и заняли видныя должности.

забравъ дѣтей, отправилась въ Петербургъ. На послѣдней станціи передъ столицей, она была встрѣчена сыномъ. Сначала старуха не признала въ увѣпанномъ орденами вельможѣ своего Алексѣя, а только тогда обнялась и расцѣловалась съ нимъ, когда онъ раздѣлся и показалъ на тѣлѣ извѣстныя ей примѣты, состоявшія изъ родимыхъ пятенъ. На другой день по пріѣздѣ, Наталья Демьяновна, разряженная, перетянутая (фижмами, съ громадною куафюрою (після очипка) на головѣ, съ лицомъ набѣленнымъ, нарумяненнымъ и обклееннымъ, по тогдашней модѣ, черными мушками, представлялась императрицѣ во дворцѣ. Предупрежденная, что при появленіи государыни должна стать на колѣни, старуха, войдя въ пріемный залъ и увидя себя въ зеркалѣ, хотѣла опуститься на полъ, но сынъ успѣлъ удержать ее и растолковать ошибку. Когда императрица вошла, Разумовская, стоя на колѣняхъ, въ заученныхъ фразахъ, благодарила монархиню за милости и щедроты. Елисавета Петровна приняла ее чрезвычайно радушно, поцѣловала и, говорятъ, между прочимъ, сказала ей: — «Благословенно чрево твое.» Наталья Демьяновна была назначена статсъ-дамой и въ этомъ званіи сопровождала государыню въ Москву, гдѣ присутствовала при торжествахъ коронаціи и, вѣроятно, при бракосочетаніи императрицы съ Алексѣемъ Григорьевичемъ, которое, какъ гласитъ преданіе, совершилось тайно, въ 1742 году, въ церкви подмосковнаго села Перова. Не смотря на то, что сынъ и государыня постоянно окружали Разумовскую нѣжными заботами и предупредительнымъ вниманіемъ, она не захотѣла оставаться при дворѣ и вскорѣ уѣхала съ дочерьми на родину. Умная старуха поняла, какую смѣшную роль ей приходилось играть среди придворной толпы; маскарадная жизнь и этикетъ тяготили ее; здѣсь она не слышала родного слова, не имѣла съ кѣмъ раздѣлить своихъ понятій, не находила около себя ни кумушекъ, ни свахъ-щебетушекъ, — сердце просилось «до дому».

Отпустивъ мать и сестру на родину, Разумовскій оставилъ при себѣ брата и занялся его воспитаніемъ. Когда онъ былъ достаточно подготовленъ, Алексѣй Григорьевичъ отправилъ его, въ 1743 г., подъ надзоромъ ученаго адъюнкта академіи наукъ Теплова¹⁾, за границу, «дабы ученіемъ наградить пренебреженное понынѣ время, сдѣлать себя способнѣе къ службѣ Ея Императорскаго Величества, фамиліи

¹⁾ Тепловъ, Григорій Николаевичъ, сынъ истопника, воспитаникъ архієпископа Ѳеофана Прокоповича, адъюнктъ академіи наукъ (1741 г.), статсъ-секретарь у принятія прошеній на Высочайшее имя (1763 г.), тайный совѣтникъ (1767 г.), род. въ 1720 г., ум. въ 1780 году.

своей впредь собою и поступками своими проложить честь и покрованіе».

Кирилъ Григорьевичъ пробылъ за границей два года. Сперва онъ учился въ Кенигсбергѣ, гдѣ приобрѣлъ довольно основательныя познанія въ исторіи, географіи, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, потомъ въ Берлинѣ, у знаменитаго профессора математики Леонарда Эйлера, и наконецъ во Франціи, въ Страсбургскомъ университетѣ. Въ теченіе этого времени, онъ получилъ, 25 апрѣля 1743 года, званіе камеръ-юнкера, а 15 іюня слѣдующаго года возведенъ, вмѣстѣ съ братомъ, въ графское Россійской имперіи достоинство. Въ маѣ 1745 года, Кирилъ Григорьевичъ возвратился въ Петербургъ и тотчасъ же былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и кавалеры ордена св. Анны 1 степени, а вскорѣ послѣ того, 21 мая 1746 года, назначенъ президентомъ академіи наукъ, «въ разсужденіе усмотрѣнной въ немъ особливо способности и приобрѣтеннаго въ наукахъ искусства».

Сознавая вполнѣ всю трудность предстоявшихъ ему обязанностей и свою неподготовленность къ исполненію ихъ, двадцати-двухъ лѣтній президентъ избралъ себѣ въ руководители воспитателя своего Теплова, который, вслѣдствіе этого, получилъ мѣсто ассесора въ академической канцеляріи. Разумовскій нашелъ академію въ самомъ печальномъ положеніи: въ ней не было ни денегъ, ни профессоровъ, ни учениковъ; дѣла находились въ страшномъ безпорядкѣ; доносы и ссоры между служащими оканчивались иногда драками и неоднократно разбирались въ сенатѣ. Учрежденные при академіи университетъ и гимназія числились только на бумагѣ. Президентъ вначалѣ горячо принялся за улучшеніе академіи, но скоро, опутанный интригами и встрѣчая въ подчиненныхъ постоянное противодѣйствіе своимъ распоряженіямъ, охладѣлъ къ дѣлу. Однако, не смотря на это, онъ успѣлъ составить новый регламентъ, которымъ въ точности были опредѣлены обязанности каждаго члена академіи; исходатайствоваль увеличеніе штатной академической суммы до 53,000 руб., вытребоваль въ университетъ и гимназію лучшихъ воспитанниковъ изъ александровской, московской и новгородской семинарій, наконецъ, предписаль издавать при академіи, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ и покровительствомъ, первый въ Россіи журналъ, называвшійся: «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащихъ».

Черезъ мѣсяць послѣ назначенія своего въ президенты, 29 іюня 1746 года, Разумовскій былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Около этого же времени, императрица сосватала за него свою внучатную сестру, фрейлину Екатерину Ивановну Нарышкину, которая принесла ему въ приданое болѣе 40,000 душъ. Свадьба

L. S. Meyer, pinx. 1776.

J. F. Schmitt, Jussu Imperatoris 1776.

Cyrillus Comes Rasumowsky

*S. A. Maj. Peruae Russiae ad utranque Ripam Borysthenis Copiarumque trans Cataractas
 Dux, Camerarius, Milit Praetorianor. Ismailoviensium Praefectus, Imp. Acad. Scient. Petropoli. Praeses,
 Ordinum Sts Andreae Sts Alexandri, Aquilae albae, et S^{tae} Annae Eques*

✽ A. J. KJARRMARGT.

Графъ К. Г. Разумовскій.
 Съ гравированнаго портрета Шмидта.

Кирилла Григорьевича была отпразднована 27 октября, во дворцѣ, съ большимъ великолѣпіемъ, причемъ Екатерина Ивановна получила званіе статсъ-дамы. Въ 1748 году, 5-го сентября, государыня собственоручно возложила на Разумовскаго знаки польскаго ордена Бѣлаго Орла, присланные ему королемъ Августомъ III, и въ тотъ же день произвела его въ подполковники лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.

Съ 1734 года, послѣ кончины гетмана Даніила Апостола, управление Малороссіей было ввѣрено правительствомъ особой коллегіи состоявшей изъ шести членовъ, подъ предсѣдательствомъ украинскаго генераль-губернатора. Малороссіяне считали такое распоряженіе нарушеніемъ своихъ правъ и находили его неудобнымъ и крайне отяготительнымъ для себя. Когда Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, отличавшійся страстной любовью къ родинѣ, сдѣлался близкимъ лицомъ къ государынѣ, малороссіяне успѣли воспользоваться столь благопріятнымъ для нихъ случаемъ и, въ 1744 году, подали императрицѣ прошеніе о возстановленіи гетманскаго достоинства и нѣкоторыхъ другихъ отнятыхъ у нихъ льготъ. Прошеніе это, благодаря всемогуществу «добраго патріота», какъ называли малороссы Алексѣя Григорьевича, было принято благосклонно, но разрѣшеніе его оттянулось, по разнымъ причинамъ, на долгое время. Только въ исходѣ 1749 года состоялась Высочайшая жалованная грамота о томъ, чтобы «быть въ Малой Россіи гетману по прежнему, коего избрать межъ себя, изъ природныхъ своихъ людей, по малороссійскимъ своимъ правамъ и вольностямъ, вольными голосами». Для объявленія грамоты и присутствованія при избраніи гетмана, государыня отправила въ Глуховъ генераль-аншефа Генрикова. Послѣ предварительныхъ и частыхъ переговоровъ «съ духовными и мірскими чинами», графъ Генриковъ назначилъ днемъ «элекціи» 22-го февраля 1750 года. Къ этому дню въ городѣ собрались полковники, старшины, бунчуковые и значковые товарищи, и реестровые казаки отъ всѣхъ полковъ. Графъ Генриковъ прибылъ на городскую площадь въ богатой каретѣ, цугомъ, окруженный многочисленной и блестящей свитой, и взшелъ на нарочно устроенное возвышеніе, обведенное перилами и обитое гаруснымъ штофомъ и краснымъ сукномъ; около графа помѣстились: митрополитъ, епископы, архимандриты и прочее духовенство въ полномъ облаченіи, также генеральные старшины и бунчуковые товарищи въ парадныхъ мундирахъ, а вокругъ—все малороссійское шляхетство. Поклонившись собравшемуся народу и казакамъ, Генриковъ прочелъ жалованную грамоту и потомъ, оборачиваясь на всѣ стороны, нѣсколько разъ, громогласно спросилъ:— «кого желаете себѣ въ гетманы?» На это духовенство, генеральные старшины и другіе высшіе чины, равно и

пняхтство, объявили: «что такъ какъ самымъ вѣрнымъ и неутомимымъ ходатаемъ за нихъ постоянно былъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, то они за правое полагаютъ: быть въ Малой Россіи гетманомъ брату его, природному малороссіянину, графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому». Народъ троекратными кликами подтвердилъ избраніе. Тогда графъ Генриковъ поздравилъ присутствовавшихъ съ новоизбраннымъ гетманомъ. По данному сигналу раздался сто одинъ пушечный выстрѣлъ, на который казаки отвѣчали бѣглымъ ружейнымъ огнемъ. Затѣмъ, все собраніе направилось въ церковь св. Николая, гдѣ была отслужена литургія и отпѣтъ молебень съ многолѣтіемъ государынѣ. Въ знакъ благодарности, генеральные старшины поднесли графу Генрикову, отъ имени всей Малороссіи, на серебряномъ блюдѣ десять тысячъ рублей, свитѣ его три тысячи рублей, а народу, «для общей радости», дано вина горячаго болѣе двухъ сотъ ведеръ.

5-го іюня и 24-го іюля 1750 года, императрица подписала рядъ указовъ, въ силу которыхъ утверждалось избраніе Разумовскаго гетманомъ, жаловались ему, на урядъ, прежнія гетманскія маестности, состоявшія, между прочимъ, изъ городовъ Батурина, Ямполья и Почапа съ уѣздами; соизволялось возобновить Батуринъ и имѣть тамъ резиденцію; разрѣшалось, при торжествахъ и публичныхъ церемоніяхъ, занимать мѣсто съ генералъ-фельдмаршалами, считаясь съ ними по старшинству; наконецъ, такъ какъ онъ «противъ другихъ гетмановъ имѣлъ ту отличность», что былъ русской имперіи графъ, и такъ какъ императрица «высочайше имѣла къ его персонѣ особливую довѣренность и благоволеніе», то повелѣвалось, въ отправляемыхъ на его имя изъ коллегій грамотахъ, давать ему предикать: «высоко и благоуряденнаго».

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1750 года, Разумовскій отправился изъ Петербурга въ Малороссію, сопровождаемый семействомъ, неразлучнымъ спутникомъ своимъ Тепловымъ, поварами и музыкантами, гайдуками и скороходами, сержантами Измайловскаго полка и даже труппою актеровъ. Поѣздъ его заключалъ въ себѣ до сорока экипажей и шестидесяти верховыхъ лошадей. На границѣ Малороссіи, въ селѣ Товстогубовѣ, гетманъ былъ встрѣченъ компанейскими полками, а нѣсколько далѣе, въ селѣ Ясмани, депутаціей, состоявшей изъ архимандрита, протопопа, четырехъ священниковъ, генеральнаго писаря Безбородко и десяти бунчуковыхъ товарищей. Когда поѣздъ приблизился къ Глухову, то генеральный есаулъ Волковичъ съ бунчуковыми товарищами и запорожскими казаками окружили гетманскую карету. Внутри города, по главной улицѣ, были разставлены въ два ряда

шесть тысячъ казаковъ. Они отдавали гетману честь съ музыкой, битьемъ въ литавры и пальбою изъ пушекъ и ружей. Генеральные старшины и другіе чиновники ожидали гетмана у городскихъ воротъ. Генеральный есаулъ Якубовичъ привѣтствовалъ его рѣчью. Весь поѣздъ направился сперва къ церкви св. Николая, гдѣ гомелевскій архимандритъ произнесъ «предику» и окропилъ «ясновельможнаго» святою водою, а оттуда въ гетманскія палаты. Здѣсь снова встрѣтили Разумовскаго генеральные старшины и бунчуковые товарищи; генеральный подскарбій Скоропадскій выразилъ ему, отъ имени всѣхъ малороссіянъ, радость и надежды, возбуждаемыя въ нихъ его пріѣздомъ. Гарнизонный глуховскій полкъ, стоявшій «въ парадѣ» вокругъ церкви, отдалъ на караулъ со стрѣльбою, а рота, расположенная на гетманскомъ дворѣ, съ преклоненіемъ знаменъ и барабаннымъ боемъ. На другой день мужчины являлись къ графу, а женщины къ графинѣ. Генеральные старшины и почетныя лица удостоились приглашенія къ гетманскому столу; во время пира играла инструментальная музыка, а при возглашеніи тостовъ гремѣла пушечная пальба; вечеромъ, весь городъ горѣлъ огнями.

Графъ-гетманъ зажилъ въ Глуховѣ маленькимъ властелиномъ. Дворъ его сдѣлался миниатюрной копіей двора петербургскаго. Въ универсалахъ своихъ гетманъ употреблялъ старинную формулу: «мы намъ, нашимъ, того ради приказуемъ, данъ въ Глуховѣ» и т. д. При немъ находился цѣлый придворный штатъ и особая почетная стража, въ родѣ тѣлохранителей, одѣтая въ зеленые гусарскіе мундиры и называвшаяся «командой у надворной хорогвы», т. е. гетманскаго знамени. При дворѣ гетмана состояли еще казаки «бобровники», стрѣльцы и пташники, обязанностью которыхъ было ловить бобровъ и стрѣлять всякую птицу къ его столу. Въ торжественные дни и семейные празники, бывали парадные выходы въ Никольскую или домовую гетманскую церкви и молебны съ пушечною пальбою. Послѣ богослуженія, графъ принималъ поздравленія отъ старшинъ и другихъ чиновниковъ и, въ свою очередь, поздравлялъ, кого съ повышеніемъ, кого съ наградой. Въ гетманскомъ дворцѣ давались блестящіе банкеты, маскарады, концерты и французскія комедіи. Однимъ словомъ, вся придворная петербургская жизнь, въ сокращенномъ видѣ, повторялась въ Глуховѣ. Графу-гетману не доставало только «бликитной кавалеріи», т. е. Андреевской ленты;—онъ получилъ и ее 18-го апрѣля 1752 года.

Гетманство Разумовскаго ознаменовалось для Малороссіи многими льготами и полезными учрежденіями. Избавленіе украинцевъ отъ тягостныхъ крѣпостныхъ работъ, внутреннихъ пошлинъ и разныхъ сбо-

ровъ, разорительныхъ для народа; разрѣшеніе свободной торговли между Великою и Малою Россіей; уничтоженіе таможенъ, табачнаго и другихъ откуповъ, стѣснявшихъ промышленность; ограниченіе винокуренія, истреблявшаго лѣса и удерживавшаго успѣхи земледѣлія и скотоводства; введеніе различныхъ мѣръ для уменьшенія бродяжничества; уравниеніе украинскихъ чиновъ съ великороссійскими; возстановленіе судовъ «земскихъ», «городскихъ» и «подкормскихъ», закрытыхъ еще Хмельницкимъ, который подчинилъ гражданскія дѣла военнымъ чиновникамъ, — вотъ важнѣйшія услуги, оказанныя Разумовскимъ своей родиной.

По приглашенію государыни, графъ Кириллъ Григорьевичъ часто прїѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ оставался жить иногда по цѣлому году. Въ такихъ случаяхъ управленіе Малороссіей поручалось имъ «генеральному суду» или, вѣрнѣе, Теплому, который, хотя и не занималъ при гетманѣ никакой официальной должности, но оставался его главнымъ совѣтникомъ и довѣреннымъ лицомъ.

Во время пребыванія своего въ столицѣ, Разумовскій былъ ежедневнымъ гостемъ императрицы и принималъ участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ, касавшихся государственныхъ дѣлъ. Въ Петербургѣ онъ жилъ такъ же пышно, какъ и въ Глуховѣ. Балы его поражали современниковъ невиданной до того роскошью и великолѣпіемъ; количество людей, находившихся у него въ услуженіи, простиралось до двухъ сотъ шестидесяти человекъ; въ обширномъ домѣ его, на Мойкѣ, близъ Полицейскаго моста (гдѣ помѣщается теперь Воспитательный Домъ), съ утра до вечера толпились у него многочисленные посѣтители; обильный и изысканный столъ предлагался всѣмъ желающимъ, званымъ и незванымъ; въ извѣстные дни тысячи бѣдныхъ стекались къ графскому подъѣзду за щедрой милостыней. Императрица постоянно оказывала графу Кириллу Григорьевичу особенное расположеніе и вниманіе; она крестила у него, вмѣстѣ съ наследникомъ престола, почти всѣхъ дѣтей, пожаловала ему свой портретъ и табакерку, осыпанные драгоценными камнями и безпрестанно дѣлала ему другіе значительные подарки. Не менѣе государыни благоволила къ гетману и великая княгиня Екатерина Алексѣевна, съ которой онъ сблизился, въ особенности послѣ того, какъ она вторично породнила его съ царскимъ домомъ, устройвъ свадьбу любимой его племянницы Марины Осиповны Закревской съ камергеромъ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ.

Между тѣмъ, съ 1758 года, здоровье императрицы начало замѣтно клониться къ упадку. Она уже давно страдала завалами въ желудкѣ, къ которымъ присоединились потомъ болѣзненные припадки въ груди

и опухоль въ ногахъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1761 г., государыня заболѣла простудной лихорадкой. Стараніями лейбъ-медиковъ Мунзея, Шиллинга и Крузе, лихорадка пресѣклась 1-го декабря и больная стала уже поправляться, какъ вдругъ 12-го числа у нея открылась рвота съ кровью. Врачи, принявъ это за простое геморроидальное волненіе крови, сдѣлали императрицѣ кровопусканіе и, къ крайнему изумленію своему, нашли въ крови воспаленіе. На другой день кровопусканіе было повторено безъ всякой пользы для страждущей; 22-го декабря рвота возобновилась съ новой силой, а 25-го числа, въ три часа пополудни, императрицы не стало ¹⁾. Графы Алексѣй и Кирилль Григорьевичи не отходили отъ изголовья своей благодѣтельница, возведшей ихъ изъ ничтожества на верхъ почестей. Слезы и скорбь обоихъ братьевъ были искренни. Покойная императрица, не смотря на многіе недостатки, имѣла даръ вселять въ приближенныхъ глубокую къ себѣ привязанность, и потому въ горести Разумовскихъ, и другихъ вѣрныхъ слугъ ея слышалось не сожалѣніе о концѣ ихъ случая, но вполне чистосердечное сожалѣніе о той, которую они любили неподкупно и всей душой.

Съ перемѣной правленія измѣнилось и положеніе графа Кирила Григорьевича при дворѣ.

Петръ III былъ человѣкъ добрый и откровенный, но ограниченный, съ дурными привычками, слабымъ и капризнымъ характеромъ. Вступивъ на престолъ, онъ горячо принялся за реформы и обнаружилъ въ нихъ, вмѣстѣ съ прекраснымъ сердцемъ и желаніемъ народнаго блага, совершенное отсутствіе политическаго такта. Толпы ссыльныхъ, возвращенныхъ изъ Сибири, уничтоженіе тайной канцеляріи, права вольности, дарованныя дворянству, говорили въ пользу его благодушія; но за то прочія мѣры произвели сильное неудовольствіе въ тѣхъ сословіяхъ, къ которымъ относились. Духовенство оскорблялось намѣреніемъ императора отобрать въ казну монастырскія имѣнія и явнымъ неуваженіемъ его къ обрядамъ грекороссійской церкви. Послѣднее обстоятельство послужило въ рукахъ духовенства обычнымъ оружіемъ для того, чтобъ волновать умы простаго народа. Гвардія роптала на предпочтеніе, оказываемое государемъ нѣмцамъ, на введеніе новаго обмундированія по ненавистному тогда прусскому образцу, на излишне строгую дисциплину и утомительныя экзерциціи. Высшее общество обижалось страннымъ и близорукимъ выборомъ лицъ, поставленныхъ императоромъ во главѣ различныхъ отраслей управленія, и его слишкомъ грубымъ и безцеремоннымъ обхожденіемъ.

¹⁾ Исторія медицины въ Россіи. Рихтера, М. 1820. Ч. 3, стр. 435.

Однимъ изъ любимыхъ удовольствій Петра было заставлять старыхъ и изнѣженныхъ царедворцовъ Елисаветы Петровны ежедневно продѣлывать на дворцовой площади обожаемый имъ прусскій строевой уставъ. Всѣ фельдмаршалы, генералы, подполковники и майоры гвардіи, въ какомъ бы придворномъ званіи они не находились, были принуждены лично командовать, когда во дворцѣ смѣнялись караулы, и стоять передъ фронтомъ во время парадовъ. Этому новому правилу долженъ былъ подчиниться и гетманъ, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о военномъ строѣ и не бравшій никогда въ руки эспантона. Чтобы не подвергнуть себя публичному выговору отъ императора и не быть предметомъ насмѣшекъ, онъ, подобно товарищамъ своимъ, держалъ у себя на дому молодого офицера, хорошо знавшаго военный артикуль, и раза по три въ день учился у него прусской экзерциціи. Какъ, однако, гетманъ ни трудился, всетаки приходилось безпрестанно глотать выговоры и насмѣшки, конечно, глубоко оскорбительныя для человѣка, имѣвшаго столь важное значеніе при дворѣ покойной государыни. Впрочемъ, Петръ III, не сознававшій своихъ промаховъ, пожуривъ и посмѣявшись надъ гетманомъ публично, запросто заходилъ къ нему въ гости, не подозрѣвая, сколько горечи накопило въ сердцѣ графа Кирилла Григорьевича.

Общее неудовольствіе и ропотъ противъ императора усилились, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ намѣренъ объявить войну Даніи, съ цѣлью отнять у нея ничтожный клочокъ земли, принадлежавшій нѣкогда голштинскимъ герцогамъ. Войска съ чрезвычайной неохотой готовились къ походу, по всему Петербургу слышались жалобы, между народомъ ходили глухіе слухи... Всѣ желали переменъ и невольно обращали взоры на Екатерину, которая преданностью своею православною вѣрѣ и русскимъ интересамъ, уваженіемъ къ народнымъ правамъ и обычаямъ, безразсудно попираемымъ Петромъ, привѣтливостью и доступностью, сумѣла всехъ расположить въ свою пользу. Неоднократно и публично подвергавшаяся грубымъ выходкамъ императора, она жила въ Петергофѣ, но въ уединеніи своемъ зорко слѣдила за ходомъ дѣлъ и оборотомъ, который принимало общественное мнѣніе. Она съ необыкновенной ловкостью и искусствомъ держала нити заговора, усиливавшагося съ каждымъ днемъ. Главнѣйшими пособниками ея были предприимчивые и талантливые братья Орловы и умная, романтическая княгиня Дашкова ¹⁾). Большая часть молодежи съ

¹⁾ Григорій Григорьевичъ, дѣйствительный камергеръ, графъ, генераль-адъютантъ (1762 г.), кавалеръ св. Андрея Первозваннаго (1763 г.), генераль-директоръ инженерновъ, шефъ кавалергардовъ, подполковникъ л.-гв. коннаго полка, генералъ

радостью примкнула къ заговорщикамъ, но сторонникамъ Екатерины, для обезпеченія успѣха, было нужно завербовать въ свои ряды людей, имѣвшихъ вѣсъ и значеніе въ свѣтѣ. Въ числѣ послѣднихъ, на первомъ планѣ стоялъ гетманъ, любимый гвардіей и особенно измайловскимъ полкомъ за свою щедрость и простоту обхожденія. Привлеченіе такой личности было весьма важно для заговорщиковъ. На это дѣло отважился одинъ изъ Орловыхъ. Онъ явился къ Разумовскому ночью. Осторожный гетманъ хладнокровно выслушалъ рѣчь Орлова, потомъ, подумавъ немного, посовѣтовалъ ему ѣхать для совѣщаній къ другому, и сказавъ, «онъ умнѣе насъ», потушилъ свѣчи и пожелалъ нежданному гостю покойной ночи. Такой странный отвѣтъ сильно озадачилъ заговорщиковъ; однако, они не упали духомъ; послѣ неудачи Орлова, выступила княгиня Дашкова, которая принялась дѣйствовать на Разумовскаго черезъ близкихъ къ нему измайловскихъ офицеровъ Рославлева и Ласунскаго и, наконецъ, черезъ Теплова. При безграничномъ довѣрїи гетмана къ Теплову, послѣднему было легче, чѣмъ кому нибудь другому, склонить его на сторону Екатерины. Тепловъ вошелъ въ сношеніе съ заговорщиками и нерѣдко позволялъ себѣ рѣзко выражаться относительно императора. Слова его были переданы Петру; государь, давно недоброжелательствовавшій Теплову, велѣлъ посадить его подъ арестъ и допросить строжайшимъ образомъ. Арестъ этотъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на гетмана. Онъ горячо вступился за своего бывшаго наставника и постоянного совѣтника и, хотя съ большимъ трудомъ, но успѣлъ добиться его освобожденія. Тепловъ вышелъ изъ крѣпости еще болѣе озлобленный и всей душой предался заговору. Съ этихъ поръ Екатерина могла смѣло разсчитывать на помощь Разумовскаго.

Въ то время, какъ гетманъ присталъ къ сторонникамъ Екатерины, въ числѣ заговорщиковъ уже находились многіе изъ его короткихъ прїятелей: графъ Н. И. Панинъ, князь Волконскій, графъ А. С. Строгановъ, И. И. Шуваловъ, архіепископъ новгородскій Дмитрій Сѣченовъ и

аншофъ (1764 г.). генераль-фельдцейхмейстеръ (1765 г.), род. 1734 г. ум. въ 1784 г.—Алексѣй Григорьевичъ, генераль-маіоръ (1762 г.), графъ (1763 г.), генераль-адъютантъ, генераль-аншефъ, подполковникъ л.-гв. преображенскаго полка (1767 г.), кавалеръ св. Андрея Первозваннаго (1768 г.), получилъ прозваніе «Чесменскаго» (1774 г.), род. въ 1737 г., ум. въ 1808 г.—Федоръ Григорьевичъ, капитанъ л.-гв. семеновскаго полка (1762 г.), камеръ-юнкеръ и графъ (1763 г.), дѣйствительный камергеръ и оберъ-прокуроръ синода (1764 г.), генераль-поручикъ и кавалеръ св. Георгія 2-й ст. (1770 г.), род. въ 1741 г., ум. въ 1796 г.—Владиміръ Григорьевичъ, графъ (1763 г.), президентъ академіи наукъ.—Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, рожденная графиня Воронцова, статсъ-дама (1762 г.), директоръ академіи наукъ (1782 г.), род. въ 1749 г. ум. 1810 г.

другіе. Ожидаемый отъѣздъ императора въ Берлинъ былъ признанъ удобнымъ моментомъ для рѣшительныхъ дѣйствій, но обстоятельства неосожиданно ускорили развязку. Благодаря необдуманному поведенію одного изъ ревностныхъ поклонниковъ Екатерины, поручика преображенскаго полка Пассека, заговоръ былъ открытъ и донесеніе о немъ отправлено къ императору, находившемуся тогда въ Ораніенбаумѣ. Дальнѣйшее промедленіе становилось невозможнымъ. Въ ночь съ 27-го на 28-е іюня 1762 года, Екатерина тайно отправилась изъ Петергофа прямо въ измайловскія казармы. Здѣсь ее ожидалъ Разумовскій, во главѣ полка, вызваннаго по тревогѣ и безпрекословно присягнувшаго новой государынѣ. Въ сопровожденіи гетмана и измайловцевъ Екатерина поѣхала въ Казанскій соборъ, куда немедленно были собраны духовенство, свѣтскіе сановники и остальные полки гвардіи, которые единогласно провозгласили ее самодержавной императрицей. Послѣ благодарственнаго молебствія, государыня двинулась съ полками на Ораніенбаумъ, пославъ предварительно вице-адмирала Талызина привести къ присягѣ кронштадтскій гарнизонъ. Петръ III, узнавъ о внезапномъ переворотѣ, хотѣлъ сперва защищаться съ оружіемъ въ рукахъ, но потомъ, покинутый почти всеми своими приближенными, спокойно предался своей участи. Извѣстно, что онъ былъ арестованъ и заключенъ въ ропшинскомъ дворцѣ, гдѣ вскорѣ умеръ.

Императрица щедро наградила своихъ сторонниковъ. Графъ Кириллъ Григорьевичъ былъ пожалованъ въ сенаторы и генераль-адъютанты, съ прибавкой къ получаемому содержанію по пяти тысячъ рублей въ годъ. Онъ оставался при государынѣ безотлучно до іюня 1763 года. Екатерина оказывала ему полное довѣріе и возлагала на него дѣла первой важности. Такъ, Разумовскій производилъ секретное слѣдствіе о заговорѣ Хрущовыхъ и братьевъ Гурьевыхъ, намѣревавшихся свергнуть императрицу съ престола, потомъ былъ первенствующимъ членомъ особо учрежденной комиссіи для составленія новыхъ штатовъ во всей арміи.

8-го іюня 1763 года, гетманъ отправился въ Малороссію. На этотъ разъ Тепловъ не сопровождалъ своего патрона. Екатерина, оцѣнившая способности этого ловкаго и умнаго человѣка, удержала его въ Петербургѣ, назначивъ своимъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній. Пріѣхавъ въ Глуховъ, Разумовскій созвалъ генеральное собраніе для обсужденія нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, касавшихся благоустройства края. Когда занятія собранія стали подходить къ концу, нѣсколько старшинъ и полковниковъ заявили желаніе, чтобы гетманство оставалось навсегда наслѣдственнымъ въ родѣ Разумовскихъ. Тотчасъ было написано на высочайшее имя прошеніе отъ лица всей Мало-

росси, въ которомъ, между прочимъ, выставлялся на видъ примѣръ Юрія Хмельницкаго, избраннаго и утвержденнаго гетманомъ послѣ смерти отца. Прошеніе это произвело въ собраніи безпорядокъ; многіе изъ старшинъ поспѣшно уѣхали изъ Глухова. Тогда, по распоряженію гетмана, прошеніе было разослано въ полки, повѣты и сотни, съ приглашеніемъ подписываться. Безпорядокъ и смятеніе усилились еще болѣе. Кіевскій губернаторъ Воейковъ донесъ объ этомъ въ Петербургъ. Разумовскій, съ своей стороны, отправилъ къ государынѣ прямо отъ себя просьбу о преемственности гетманства. Онъ, безъ сомнѣнія, рассчитывалъ на услуги, оказанныя имъ Екатеринѣ, на ея расположеніе къ нему и на дружеское содѣйствіе Теплова. Однако, ему пришлось горько разочароваться въ своихъ надеждахъ. Тепловъ, понимавшій, что звѣзда Разумовскихъ закатывается, измѣнилъ своему покровителю и передался на сторону его непріятелей. Онъ безпрестанно докладывалъ государынѣ о дѣлахъ знакомой ему Малороссіи, представлялъ ей опасность, грозившую Россіи отъ замысловъ гетмана и волненій на Украинѣ, и успѣлъ совершенно возстановить ее противъ Разумовскаго. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ происшествій, графъ Кириллъ Григорьевичъ былъ отозванъ въ Петербургъ. На другой же день по пріѣздѣ въ столицу, онъ явился во дворецъ. Тепловъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями. Графъ Орловъ, увидя это, громко сказалъ присутствовавшимъ: «лобза его же предаде». Приѣмъ, сдѣланный Екатериной гетману, былъ самый холодный и оскорбилъ его до глубины души.

Разумовскаго всѣ любили и между царедворцами образовалась большая партія, громко осуждавшая правительство въ неблагодарности и несправедливости. Екатерина, крайне ревнивая ко всему, что касалось верховной власти, запретила Кириллѣ Григорьевичу пріѣздъ ко двору и потребовала отъ него прошенія объ увольненіи отъ званія гетмана. Разумовскій долго не соглашался; только послѣ многихъ переговоровъ, убѣдившись, что дѣлать было нечего, онъ послѣдовалъ совѣтамъ друзей и, въ концѣ октября 1764 года, подалъ нетерпѣливо ожидаемое императрицей прошеніе. 10-го ноября вышелъ указъ объ уничтоженіи гетманства; того же числа государыня переименовала графа Кирилла Григорьевича въ генераль-фельдмаршала, пожаловала ему пожизненно гетманское содержаніе въ 50,000 рублей, съ прибавкою изъ малороссійскихъ доходовъ по 10,000 р., городъ Гадячъ съ селами и деревнями, Быховскую волость и домъ въ Батурипѣ. Двери дворца снова растворились для Разумовскаго, но отношенія его къ Екатеринѣ остались навсегда натянутыми.

Самолюбію графа Кирилла Григорьевича былъ нанесенъ жестокій ударъ. Онъ увидѣлъ ясно, что роль его кончилась, что ему прихо-

дится уступить свое мѣсто другимъ и отодвинуться на задній планъ. Недовольный и обиженный, Разумовскій рѣшилъ оставить дворъ и, въ апрѣлѣ 1765 года, отправился путешествовать за границу. Посѣтивъ Германію, Францію, Англію и Италію, онъ долго жилъ въ Страсбургѣ, гдѣ учились его сыновья, и возвратился въ Петербургъ только въ исходѣ 1767 года. Во время пребыванія его за границей, президентомъ академіи наукъ былъ назначенъ младшій братъ любимца императрицы, графъ В. Г. Орловъ. Продолжительное отсутствіе Разумовскаго изгладило понемногу въ сердцѣ государыни непріязненное чувство къ нему. Екатерина сама сдѣлала первый шагъ къ примиренію, назначивъ графа Кирилла Григорьевича членомъ совѣта, учрежденнаго ею для сужденія о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ и состоявшаго всего изъ семи лицъ; но Разумовскій, засѣдая въ совѣтѣ и сенатѣ, рѣдко посѣщалъ дворъ и держалъ себя въ сторонѣ отъ всякихъ интригъ.

1771 годъ былъ самымъ скорбнымъ годомъ для графа Кирилла Григорьевича; 6-го іюля скончался въ своемъ аничковскомъ дворцѣ братъ его, графъ Алексѣй Григорьевичъ, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого умерла жена, графиня Екатерина Ивановна, едва достигнувшая сорока лѣтъ. Разумовскій получилъ отъ брата огромное наследство, удвоившее его и безъ того значительное состояніе, которое заключалось теперь, кромѣ движимаго имущества и домовъ, слишкомъ въ 100,000 душахъ крестьянъ. Когда сыновья графа Кирилла Григорьевича подросли, окончили воспитаніе и поступили на службу, онъ переѣхалъ на жительство въ Москву, но и здѣсь ему пожилось не долго; его тянуло на родину. Въ 1791 году онъ поселился въ Батуринѣ и съ увлеченіемъ предавался своей страсти къ постройкамъ. Занимаясь украшеніемъ своихъ имѣній, Разумовскій не забывалъ и усовершенствованій хозяйства. Въ 1797 году онъ выписалъ съ заводовъ князя Лихтенштейна испанскихъ овецъ и, такимъ образомъ, можетъ считаться однимъ изъ первыхъ основателей овцеводства въ Россіи; разводилъ шелковицу, выписывалъ машины, заводилъ мельницы, свѣчныя фабрики и проч. Существуютъ преданіе, что Разумовскій первый развелъ въ Малороссіи пирамидальныя тополи. Въ то же время онъ былъ примѣрнымъ помѣщикомъ. — «Крестьяне благословляютъ имя покойнаго фельдмаршала Разумовскаго» писалъ въ 1805 году одинъ путешественникъ. — «Сколько я ни ѣздилъ по здѣшной сторонѣ, вездѣ находилъ, что старые и малые, и дворяне, и простолюдины, безъ изыятія, всѣ единогласно прославляютъ графа Кирилла Григорьевича, бывъ исполнены искреннѣйшаго къ покойному почитанія и благодарности. Времена, въ кои онъ жилъ посреди ихъ, называютъ златыми».

Память этихъ золотыхъ временъ не совсѣмъ угасла и до сихъ поръ между бывшими крѣпостными графа. Въ 1861 году, когда вводилось въ дѣйствіе положеніе 14-го феврала, крестьяне нѣкоторыхъ изъ потомковъ послѣдняго гетмана, сохранившихъ въ Малороссіи мелкія частицы его громаднаго состоянія, потребовали, чтобъ все было опять такъ, какъ при Разумовскомъ!

Царствованіе императора Павла прошло безоблачно для графа Кирила Григорьевича. Жестокая болѣзнь въ ногѣ, которой онъ страдалъ давно, усилилась и дѣлала его почти неподвижнымъ. Доктора совѣтовали ему леченіе въ Теплицѣ. Разумовскій рѣшился ѣхать сперва въ Вѣну, къ находившемуся тамъ посланникомъ своему сыну, графу Андрею Кирилловичу, а оттуда на воды. Съ этой цѣлью графъ Андрей Кирилловичъ заказалъ для отца въ Лондонѣ карету особаго устройства; она была сдѣлана такъ, что посредствомъ скрытаго механизма въ нее можно было вкатывать постель. До отправленія въ Россію карета была выставлена въ Лондонѣ и показывалась за деньги; мастеръ, какъ увѣряли тогда, выручилъ такимъ образомъ до пяти тысячъ рублей. На ввозъ иностранныхъ каретъ существовало при Павлѣ I запрещеніе, а потому потребовалось особенное дозволеніе государя. Императоръ немедленно далъ его, и когда карета прибыла въ Петербургъ, приказалъ, чтобы ее привезли для осмотра сперва на Каменный Островъ, а потомъ къ государынѣ въ Павловскъ. Съ доставкой въ Батурина карета обошлась въ восемнадцать тысячъ рублей. Графъ Кириллъ Григорьевичъ захотѣлъ попробовать необыкновенный экипажъ, но онъ оказался слишкомъ грузнымъ; восемь лошадей едва могли протащить его рысью четыре версты.

Послѣ этой неудачи, Разумовскій пересталъ уже думать о путешествіи. Изрѣдка его утѣшали своими посѣщеніями сыновья и дочери съ внуками и внучками. Изъ Батурина, среди своихъ немощей, графъ Кириллъ Григорьевичъ привѣтствовалъ восшествіе на престолъ Александра I. Государь отвѣчалъ ему слѣдующимъ рескриптомъ:

«Графъ Кириллъ Григорьевичъ! Прослуживъ вѣрно и ревностно толикимъ монархамъ, нося и оправдывая на себѣ ихъ милости, вы имѣете все право наслаждаться въ нѣдрѣхъ вашего покоя всеобщимъ уваженіемъ и моимъ благоволеніемъ. Примите искреннюю мою признательность за поздравленіе ваше и желанія, его сопровождающія. Я увѣренъ, что мольбы столь почтенной старости пріятны будутъ Небесамъ. Молю Всемогущаго, да ниспошлетъ вамъ силы и здравіе, и западъ жизни вашей да исполнится тихой радости, неотъемлемой и единой истиной награды добрыхъ дѣлъ.

Пробываю вамъ всегда доброжелательный Александръ».

Но не долго еще пришлось графу Кириллу Григорьевичу пользоваться человѣческими почестями. Слабѣя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, онъ тихо окончилъ жизнь свою 9 января 1803 г. и былъ погребенъ въ трапезѣ построенной имъ батуринской церкви. Надъ прахомъ его сыновья воздвигли великолѣпный памятникъ, имѣющій форму пирамиды, съ мраморнымъ рельефнымъ медальономъ покойнаго.

Графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій принадлежитъ безспорно къ числу замѣчательныхъ личностей XVIII столѣтія. Занимая высшія государственныя должности, заслуживъ дружбу и расположеніе нѣсколькихъ государей, безотчетно управляя обширнымъ краемъ, онъ никогда не забывалъ своего низкаго происхожденія и въ душѣ оставался всегда простымъ русскимъ человѣкомъ. Почести и несмѣтное богатство не вскружили ему голову, роскошь и неразрывныя съ нею послѣдствія не испортили его сердца. Онъ былъ добръ, великодушенъ, щедръ, безъ малѣйшей гордости и спѣси, всѣмъ доступенъ, со всѣми ласковъ, полонъ живого, оригинальнаго ума, съ легкимъ отгѣнкомъ насмѣшливости. Окруженный при жизни общимъ уваженіемъ, онъ справедливо унесъ съ собою въ могилу общее сожалѣніе. Его мѣткія и колкія рѣчи дышали добродушіемъ и никого не оскорбляли; его благотворительность доходила до эксцентричности. Собранныя здѣсь анекдоты о немъ, лучше всего подтверждаютъ наши слова и знакомятъ читателей съ частною дѣятельностью и жизнью этого прекраснаго человѣка.

Однажды императоръ Петръ III, благоговѣвшій передъ королемъ прусскимъ Фридрихомъ II и восторгавшійся имъ, хвасталъ Разумовскому, что король произвелъ его въ генераль-маіоры прусской службы.

— Ваше величество можете съ лихвою отомстить ему, отвѣчалъ графъ Кириллъ Григорьевичъ, — произведите его въ русскіе генераль-фельдмаршалы.

Петръ III, намѣреваясь объявить, противъ общаго желанія, войну Даніи, сказалъ Разумовскому:

— Я выбралъ тебя, чтобъ сопутствовать мнѣ въ походъ и командовать моею арміею.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Разумовскій, — я позволю себѣ дать Вашему Величеству совѣтъ: прикажите выступить двумъ арміямъ, дабы за арміею, находящеюся подъ моею командой, постоянно слѣдовала другая, чтобы заставить моихъ солдатъ идти впередъ. Иначе

я не предвижу, какимъ образомъ можетъ осуществиться предпріятіе Вашего Величества.

Когда началась первая война съ турками, главнокомандующимъ былъ назначенъ князь А. М. Голицынъ. Разумовскій, по гетманству, считался тогда старшимъ фельдмаршаломъ. Кто-то изъ его знакомыхъ, желая польстить ему, выразилъ удивленіе, почему начальство надъ арміею ввѣрено младшему?

— Потому, отвѣчалъ ему графъ Кириллъ Григорьевичъ,—что Голицыну достаточно одной арміи, а я, лишаюсь двухъ, только съ третьей разобью непріятеля.

Въ 1770 году, по случаю побѣды, одержанной нашимъ флотомъ надъ турецкимъ при Чесмѣ, краснорѣчивый митрополитъ Платонъ произнесъ, въ Петропавловскомъ соборѣ, въ присутствіи императрицы и всего двора, рѣчь, замѣчательную по силѣ и глубинѣ мыслей. Когда витія, къ изумленію слушателей, неожиданно сошелъ съ амвона къ гробницѣ Петра Великаго и, коснувшись ея, воскликнулъ: «Возстань теперь, великій монархъ, отечества нашего отецъ! Возстань и возри на любезное изобрѣтеніе свое!» то, среди общихъ слезъ и восторга, графъ Кириллъ Григорьевичъ вызвалъ улыбку окружавшихъ его, сказавъ имъ по-тихоньку:—«чего винъ его кличе? Якъ встане, всѣмъ намъ достанется».

Московскій генераль-губернаторъ, князь Прозоровскій, слѣдовавшій дѣло извѣстнаго Новикова, арестовалъ послѣдняго съ особенной торжественностью. Придавая этому событію важное значеніе, Прозоровскій съ гордостью и самодовольствіемъ рассказывалъ Разумовскому о тѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты имъ для ареста Новикова.

— Вотъ расхвастался, отвѣчалъ графъ Кириллъ Григорьевичъ,—словно городъ взялъ; стариченка скорченнаго гемороидами схватилъ подъ караулъ! Да одного бы десятскаго или будочника послалъ за нимъ, тотъ бы и притащилъ его.

Какъ-то разъ, за обѣдомъ у императрицы, зашелъ разговоръ о ябедникахъ; Екатерина предложила тостъ за честныхъ людей. Всѣ подняли бокалы: одинъ лишь Разумовскій не дотронулся до своего. Государыня, замѣтивъ это, спросила его, почему онъ не доброжелательствуетъ честнымъ людямъ!

— Боюсь, морь будеть, отвѣчалъ графъ Кирилль Григорьевичъ.

— Что у васъ новаго въ совѣтѣ? спросилъ Разумовскаго одинъ пріятель.

— Все по старому, отвѣчалъ онъ—одинъ Панинъ думаетъ, другой кричитъ, одинъ Чернышевъ предлагаетъ, другой труситъ, я молчу, а прочіе хоть и говорятъ, да того хуже.

Однажды, въ сенатѣ, Разумовскій отказался подписать рѣшеніе, которое считалъ несправедливымъ.

— Государыня желаетъ, чтобъ дѣло было рѣшено такимъ образомъ, объявили ему сенаторы.

— Когда такъ—не смѣю ослушаться, сказала Разумовскій, взялъ бумагу, перевернулъ ее верхомъ внизъ, и подписалъ свое имя...

Поступокъ этотъ былъ, разумѣется, немедленно доведенъ до свѣденія императрицы, которая потребовала отъ графа Кирилла Григорьевича объясненій.

— Я исполнилъ вашу волю, отвѣчалъ онъ,—но такъ какъ дѣло это, по-моему мнѣнію, не правое и товарищи мои покривили совѣстью, то я почелъ нужнымъ криво подписать свое имя.

Государыня пересмотрѣла дѣло, отмѣнила рѣшеніе сенаторовъ и сказала Разумовскому:

— Вы мнѣ настоящій другъ, ибо не допустили меня совершить несправедливость.

Другой разъ, въ совѣтѣ разбиралось дѣло о женитбѣ графа Орлова на его двоюродной сестрѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Зиновьевой. Орловъ, всегдашній недоброжелатель Разумовскаго, въ это время уже былъ въ немилости, и члены совѣта, долго предъ нимъ преклонявшіеся, теперь рѣшили разлучить его съ женою и заключить обоихъ въ монастырь. Графъ Кирилль Григорьевичъ отказался подписать приговоръ и объявилъ товарищамъ, что для рѣшенія дѣла недостаетъ выписки изъ постановленія «о кулачныхъ бояхъ». Всѣ засмѣялись и просили разъясненія.

— Тамъ, продолжалъ онъ,—сказано, между прочимъ, «лежачаго не бить». Еще недавно всѣ мы считали бы себя счастливыми, если бы Орловъ пригласилъ насъ на свою свадьбу, а теперь, когда онъ не имѣетъ прежней силы и власти, то стыдно и не хорошо намъ нападать на него.

Однако, не смотря на протестъ Разумовскаго, приговоръ состоялся, но Екатерина объявила, что рука ея отказывается подписать бумагу противъ человѣка, которому она столь многимъ была обязана.

У графа Кирилла Григорьевича, какъ мы уже сказали, былъ всегда открытый столъ; къ нему безпрепятственно могли являться и званые, и незваные. Правомъ этимъ воспользовался бѣдный офицеръ, жившій въ Петербургѣ по тяжбынымъ дѣламъ и лишенный всякаго способа къ пропитанію. Каждый день обѣдывалъ онъ у графа и, привыкнувъ, наконецъ, къ дому, вошелъ однажды послѣ обѣда въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ Кирилъ Григорьевичъ, по обыкновенію, игралъ съ пріятелями въ шахматы. Разумовскій сдѣлалъ ошибку въ игрѣ и офицеръ не могъ удержать восклицанія. Графъ остановился и спросилъ его, въ чемъ состояла ошибка. Сконфуженный офицеръ указалъ на промахъ. Съ тѣхъ поръ Разумовскій, садясь играть, всегда спрашивалъ: «гдѣ мой учитель?» Но однажды учитель не пришелъ къ обѣду—графъ велѣлъ навести справки, почему его нѣтъ. Съ трудомъ узнали, кто былъ незванный гость; оказалось, что несчастный боленъ и находится въ крайности. Разумовскій отправилъ къ нему своего доктора, снабжалъ лекарствами и кушаньями и послѣ выздоровленія помогъ ему выиграть тяжбу и наградилъ деньгами.

Какъ-то дворецкій доложилъ Разумовскому, что одинъ изъ гостей сильно заподозрѣнъ въ похищеніи уже шестого серебрянаго прибора.

— Такъ узнать, гдѣ онъ живетъ, и послать ему еще шесть приборовъ, чтобы у него была ровно дюжина—рѣшилъ Разумовскій.

Разъ, послѣ обѣда, графу Кириллѣ Григорьевичу вздумалось похвалиться передъ собесѣдниками драгоцѣнной брилліантовой табакеркой, подаренной ему императрицей. Табакерка, переходя изъ рукъ въ руки, вдругъ исчезла. Графъ вспыхнулъ отъ негодованія, а оскорбленные гости потребовали общаго строгаго обыска. Графъ долго не соглашался, говоря, что ему прискорбна утрата не цѣнной вещи, но дара императрицы, однако долженъ былъ уступить упорнымъ требованіямъ. Каждый охотно выворачивалъ карманы, разстегивалъ супервестъ, нѣкоторые снимали даже сапоги. Очередь дошла наконецъ до одного отставнаго секундъ-маіора. Тотъ сконфузился и объявилъ, что ему необходимо переговорить съ графомъ наединѣ. Разумовскій согласился.

— Знаю, что ты мнѣ скажешь, сказалъ онъ гостю, когда остался съ нимъ вдвоемъ въ кабинетѣ.—Подавай табакерку и Богъ съ тобой; разумѣется, все останется между нами.

— Ваше сіятельство, отвѣчалъ обвиняемый,—я точно укралъ у васъ и даже часто кралъ, но только не то, что вы думаете.

— Такъ чѣмъ же ты, братецъ, воспользовался?

— Половиной рябчика, ваше сіятельство, вотъ она!.. гость подалъ графу улику, бережно завернутую въ платокъ.—По милости вашего сіятельства, продолжалъ онъ,—вотъ почти годъ какъ я самъ постоянно сытъ, но у меня больная жена, дѣти; состоянія никакого, мѣста не могу добиться и я ежедневно грѣшилъ, пропитывая и лакомя свое семейство крохами отъ вашего стола.

Въ эту минуту постучался дворецкій. Табакерка была отыскана у одного изъ такихъ гостей, которые менѣе всѣхъ могли быть подозрѣваемы въ кражѣ и не имѣли никакой необходимости похищать чужую собственность. Разумовскій поспѣшилъ обратить неблаговидный поступокъ въ желаніе пошутить и напугать другихъ и сдѣлалъ уличенному слѣдующее замѣчаніе:

— Прошу васъ покорно жаловать ко мнѣ кушать, только въ самомъ легкомъ платьѣ или, что еще лучше, совсѣмъ нагишомъ. Смотрите, какъ вы всѣхъ насъ напугали, въ особенности моего добраго друга маіора, передъ которымъ признаю себя въ долгу.

Графъ вошелъ въ положеніе бѣдняка, тотчасъ же выдалъ ему пособіе и выхлопоталъ мѣсто, вполне обезпечивающее его существованіе.

Въ бытность Разумовскаго на балѣ въ благородномъ собраніи, у сопровождавшаго его гусара была украдена, во время сна, дорогая соболья шуба графа. Испуганный служитель, знавшій доброту своего господина, умолялъ его не столько о прощеніи, сколько о томъ, чтобы онъ скрылъ отъ управляющаго постигшее его несчастіе.

— Не бойся, сказалъ ему графъ,—я обещаю тебѣ, что кромѣ насъ двоихъ никто объ этомъ не будетъ знать.

Послѣ этого, всякій разъ, когда управляющій начиналъ спрашивать гусара о шубѣ, тотъ смѣло ссылался на графа, а послѣдній улыбаясь твердилъ управляющему:

— Объ этомъ знаю я, да гусарь.

Племянница Разумовскаго, графиня Софья Осиповна Апраксина, завѣдывавшая въ послѣднее время его хозяйствомъ, неоднократно требовала уменьшенія огромнаго числа прислуги, находившейся при графѣ и получавшей ежемѣсячно болѣе двухъ тысячъ рублей жалованья. Наконецъ, она рѣшилась подать Кириллу Григорьевичу два

реестра о необходимыхъ и лишнѣхъ служителяхъ. Разумовскій подписалъ первый, а послѣдній отложилъ въ сторону, сказавъ племянницѣ:

— Я согласенъ съ тобою, что эти люди мнѣ не нужны, но спроси ихъ прежде, не имѣютъ ли они во мнѣ надобности? Если они откажутся отъ меня, то тогда и я, безъ возраженій, откажусь отъ нихъ.

М. В. Гудовичъ, почти постоянно проживавшій у Разумовскаго и старавшійся всячески вкрасться въ его довѣренность, гулялъ съ нимъ какъ-то, по Батурину. Проходя мимо только что отстроеннаго дома графскаго управляющаго, Гудовичъ замѣтилъ, что пора бы смѣнить его, потому что онъ воръ и отстроилъ домъ на графскія деньги.

— Нѣтъ братъ, возразилъ Разумовскій,—этому осталось только крышу крыть, а другого возьмешь, тотъ станетъ весь домъ съизнова строить.

Одинъ приказчикъ графа, изъ крѣпостныхъ, затѣялъ несправедливую тяжбу съ сосѣдомъ, бѣднымъ помѣщикомъ. Благодаря имени Разумовскаго и деньгамъ, помѣщикъ проигралъ дѣло и у него отняли небольшое его имѣніе. Узнавъ объ этомъ, графъ Кириллъ Григорьевичъ велѣлъ возвратить помѣщику отнятое имѣніе и подарилъ ему еще ту деревню, къ которой былъ приписанъ приказчикъ. Однако, черезъ нѣсколько дней, считая приказчика достаточно наказаннымъ, графъ выпоросилъ ему у новаго его господина отпускную.

Въ другой разъ случилось также нѣчто подобное. У бѣднаго же помѣщика графскій повѣренный оттягалъ послѣднее его достояніе, причемъ описалъ его графу какъ человѣка весьма безпокойнаго, и просилъ сдѣлать ему такой пріемъ, отъ котораго онъ не устоялъ бы на ногахъ.

— Что стоитъ отнятая у тебя деревня? спросилъ Разумовскій помѣщика, когда тотъ явился къ нему съ жалобой и въ слезахъ.

— Семь тысячъ рублей, отвѣчалъ помѣщикъ.

— Сейчасъ велю, продолжалъ графъ,—выдать тебѣ пятнадцать тысячъ рублей.

Пораженный помѣщикъ упалъ на колѣни.

— Посмотри, сказалъ Разумовскій своему повѣренному,—я сдѣлалъ тебѣ угодное; онъ не устоялъ на ногахъ.

Облѣзая свои владѣнія, графъ Кириллъ Григорьевичъ примѣтилъ бѣдную хату, стоявшую среди полей, и велѣлъ перенести ее на другое мѣсто.

— Это невозможно, отвѣчалъ ему управляющій,—хата принадлежитъ казаку.

— Такъ купи ее!

— Казакъ слишкомъ дорожится, продолжалъ управляющій,—онъ требуетъ за нее три тысячи рублей.

— Ты не умѣешь торговаться,—сказалъ графъ,—пришли его ко мнѣ.

Казака привели къ Разумовскому. Послѣдній сталъ доказывать ему, что онъ слишкомъ дорого запрашиваетъ за свою хату, при которой находится только десять десятинъ земли. Казакъ утверждалъ, что у него было больше десятинъ, но что графскіе же хлопцы отрѣзали ихъ у него. Наконецъ, послѣ продолжительнаго торга, казакъ согласился сбавить пятьсотъ рублей. Графъ отворилъ письменный столъ, вынулъ изъ него пять тысячъ рублей и отдавая ихъ казаку сказалъ:

— Смотри, чтобъ черезъ три дня хаты твоей уже не было на моей землѣ.

Казакъ сталъ представлять невозможность такъ скоро пріискать себѣ другое мѣсто жительства.

— Это мое дѣло, отвѣчалъ Разумовскій и, обратясь къ управляющему, прибавилъ:—отведи ему въ концѣ моихъ владѣній двойное количество купленной у него земли и построй на мой же коштъ новую хату.

Одинъ изъ ландмилицкихъ казаковъ, прослуживъ тридцать лѣтъ на пограничной линіи, былъ произведенъ въ офицеры и возвратился на родину въ Батурино. Здѣсь онъ узналъ, что отецъ его умеръ, продавъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ свою землю Разумовскому за четыреста рублей. Офицеръ, наслышавшись о снисходительности графа, рѣшился просить его взять обратно деньги и уступить ему родовую землю. Графъ разсмотрѣлъ просьбу и, призвавъ управляющаго, сказалъ ему:

— Я думаю, что этому офицеру земля нужнѣе, нежели нашей вотчинѣ, напиши обратную сдѣлку на его имя.

Когда бумага была готова, Разумовскій вручилъ ее офицеру съ слѣдующими словами:

— Не сѣтуй на родителя своего за продажу земли; она опять твоя. Денегъ же не требую, потому что владѣніе ею мнѣ возвратило уже ея цѣну.

Разъ, главный управляющій, съ разстроеннымъ видомъ, пришелъ къ Разумовскому събавить, что нѣсколько сотъ его крестьянъ бѣжали въ новороссійскій ѱрай.

— Можно ли быть до такой степени неблагодарными! добавилъ управляющій,—ваше сіятельство истинный отецъ своимъ подданнымъ!

— Батка хорошгъ, отвѣчалъ Разумовскій,—да matka-свобода въ тысячу разъ лучше. Умные хлопцы: на ихъ мѣстѣ я тоже ушелъ бы.

Встрѣтя, какъ-то, своего бѣжавшаго слугу, Разумовскій остановилъ его и сказалъ:

— Ступай-ка, братъ, домой.

Слуга повиновался. Когда графъ возвратился, ему доложили о слугѣ и спросили, какъ онъ прикажетъ его наказать?

— А за что? отвѣчалъ Разумовскій,—вѣдь я самъ его поймалъ.

Во время гетманства графа Кирилла Григорьевича, одинъ мало-россійскій дворянинъ, лишенный незаконнымъ рѣшеніемъ суда всего имущества, нѣсколько разъ приносилъ на судей письменныя жалобы, не доходившія до гетмана, нѣсколько разъ, безъ успѣха, старался лично обьясниться съ нимъ, наконецъ, въ отчаяніи, рѣшился пробраться черезъ садъ къ графскому кабинету и ожидать въ сѣняхъ появленія графа. Тщетно бѣдный проситель, прижавшись къ углу, ожидалъ благопріятной минуты, опасаясь безпрестанно быть замѣченнымъ и прогнаннымъ лакеями; дверь въ сѣни не отворялась и глубокая тишина только по временамъ прерывалась глухимъ стукомъ, происходившимъ отъ бильярдной игры. Наконецъ, онъ услышалъ шорохъ въ кабинетѣ и различилъ тяжелые шаги графа, отворявшаго дверь въ другую комнату. Послѣ минутнаго шума, тишина возобновилась; несчастный проситель начиналъ терять надежду, какъ вдругъ шорохъ снова раздался уже у самой двери. Нужда рождаетъ догадку: бѣднякъ нагнулся къ порогу, просунулъ черезъ него свою челобитную и съ трепетомъ сталъ ожидать рѣшенія своей участи. Бумага исчезла, но черезъ нѣсколько минутъ явилась обратно тѣмъ же путемъ, изъ подъ-порога. Проситель поспѣшно схватилъ ее и, не оглядываясь, опрометью бросился бѣжать домой. Здѣсь онъ развернулъ бумагу и съ удивленіемъ и радостью увидѣлъ, что гетманъ велѣлъ суду не только возвратить отнятое у него имѣніе, но еще вознаградить за всѣ понесенные протори и убытки.

— Кто привелъ къ вашему сіятельству этого просителя? спросили потомъ графа судьи.

— Никто, отвѣчалъ онъ.

— Гдѣ же вы его видѣли?

— Нигдѣ.

— Какимъ же образомъ дошла до васъ его просьба?

— Такимъ, какимъ и хитрѣйшій изъ васъ не сѣумѣлъ бы воспользоваться: — она пролѣзла черезъ порогъ.

Получивъ гетманское достоинство, Разумовскій посѣтилъ Кіевъ. Префектъ кіевской духовной академіи, іеромонахъ Михайлъ Козачинскій, желая польстить графу, поднесъ ему въ великолѣпномъ золоченомъ переплетѣ сочиненную имъ фантастическую генеалогію, въ которой родъ Разумовскихъ выводилъ отъ знаменитой и древней польской фамиліи Рожинскихъ.

— Что это такое? спросилъ Кириллъ Григорьевичъ.

— Родословная вашего сіятельства, отвѣчалъ Козачинскій, низко кланаясь.

— Моя родословная? съ изумленіемъ произнесъ Разумовскій, развертывая книгу, — но какимъ образомъ она сдѣлалась такой толстой?

— Родъ вашего сіятельства происходитъ отъ знаменитыхъ князей Рожинскихъ.

— Ба! ба! почтенный отецъ, что за сказки вы мнѣ тутъ рассказываете, съ улыбкой сказалъ графъ, — моя родословная совсѣмъ не такъ длинна. Мой отецъ, храбрый и честный человекъ, былъ простой казакъ, моя мать, дочь крестьянина, также честнаго и хорошаго человека, а я, по милости и щедротамъ ея императорскаго величества, моей государыни и благодѣтельницы, графъ и гетманъ Малой Россіи, въ рангѣ генераль-фельдмаршала. Вотъ вся моя родословная. Она коротка, но я не желаю другой, потому что люблю правду больше всего. Затѣмъ, почтенный отецъ, прощайте.

Съ этими словами Разумовскій повернулся спиной къ сконфуженному Козачинскому.

Въ богатомъ кабинетѣ графа Кирилла Григорьевича, въ рѣзномъ изящномъ шкафѣ изъ розоваго дерева, свято хранилась пастушеская свирѣль и престолярный кобенякъ, который онъ въ юности носилъ въ Лемешахъ. Когда дѣти его, забывшись, выказывали аристократическія претензіи, или черезчуръ гордо обращались съ низшими, Разумовскій, въ присутствіи ихъ, приказывалъ камердинеру отворить шкафъ, говоря:

— Подай-ка сюда мужицкое платье, которое было на мнѣ въ тотъ день, какъ меня повезли съ хутора въ Петербургъ; я хочу вспомнить то время, когда пасъ воловъ и кричалъ: цопъ, цопъ!

У графа Кирилла Григорьевича было четыре дочери: Наталья, Елисавета, Анна и Аполлинарія, и шесть сыновей: Алексѣй, Петръ, Андрей, Левъ, Иванъ и Григорій.

Графъ Алексѣй Кирилловичъ (род. въ 1748, ум. въ 1822 г.) былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ царствованіе императора Александра I. Онъ любилъ естественныя науки, въ особенности ботанику. Его оранжереи и рѣдкія коллекціи растений пользовались, въ свое время, европейской извѣстностью. Отъ брака своего съ графиней Шереметевой онъ имѣлъ двухъ дочерей, изъ которыхъ одна вышла замужъ за графа Уварова, другая за князя Репнина, и двухъ сыновей, Кирилла и Петра, умершихъ бездѣтными.

Графъ Петръ Кирилловичъ (род. въ 1751, ум. въ 1823 г.) былъ оберъ-камергеромъ императора Александра I. Отъ брака своего съ вдовой князя Чарторыйскаго, рожденной Ушаковой, не оставилъ потомства.

Графъ, впоследствии князь, Андрей Кирилловичъ (род. въ 1752, ум. въ 1838 г.), человекъ высокаго ума и образованія, занималъ съ честью въ теченіе тридцати лѣтъ постъ русскаго посланника въ Вѣнѣ, а потомъ жилъ въ этомъ городѣ тридцать лѣтъ, до самой кончины, частнымъ человекомъ. Его богатство и великолѣпіе, которыми онъ окружалъ себя, доставили ему, отъ нѣмцевъ, прозваніе «эрцгерцога Андрея». Онъ былъ женатъ два раза: сперва на графинѣ Тунъ, потомъ на графинѣ Тюргеймъ; но дѣтей не имѣлъ.

Графъ Левъ Кирилловичъ (род. въ 1757, ум. въ 1818 г.) вышелъ въ отставку съ чиномъ генераль-маіора и жилъ постоянно въ Москвѣ. Влюбившись въ княгиню Голицину, рожденную княжну Вяземскую, онъ увезъ ее отъ мужа и женился на ней. Бракъ его былъ признанъ законнымъ только въ царствованіи императора Николая I. Онъ также не оставилъ потомства.

Графъ Иванъ Кирилловичъ отставной генераль-маіоръ, умеръ холостымъ въ 1803 году.

Графъ Григорій Кирилловичъ оставилъ службу съ чиномъ бригадира и преданъ изученію физики и химіи. Онъ женился за границей на графинѣ Мальцанъ. По неизвѣстнымъ причинамъ бракъ его не былъ утвержденъ святѣйшимъ Синодомъ. Дѣти графа Григорія Кирилловича остались въ Австріи, гдѣ живутъ до сихъ поръ и носятъ фамилію графовъ Разумовскихъ.

Изъ дочерей графа Кирилла Григорьевича, Наталья была замужемъ за Н. А. Загряжскимъ, Елисавета за графомъ Апраксинымъ, Анна за Васильчиковымъ и Аполлинарія за графомъ Гудовичемъ.

Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря ¹⁾.

ЗАПИСКИ современниковъ о своей эпохѣ имѣютъ, безспорно, важное значеніе въ исторической литературѣ; однако, не смотря на всю важность этихъ историческихъ памятниковъ и очевидное преимущество ихъ передъ памятниками иного рода, къ нимъ слѣдуетъ все-таки относиться съ разборчивой критикой, не принимая безусловно на вѣру каждое слово автора. Человѣкъ, описывающій видѣнное и слышанное собственными глазами и ушами и разсуждающій о людяхъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ жизни, едва ли можетъ разсказывать обо всемъ этомъ совершенно спокойно и безпристрастно. Личныя понятія и воззрѣнія, симпатіи и антипатіи, удачи и неудачи, невольно отражаются въ разсказахъ самого, повидимому, добросовѣстнаго повѣствователя и кладутъ рѣзкую печать на всѣ его сужденія и заключенія. Есть мемуары, писанные прямо съ цѣлью чьего либо обличенія. Имѣются также мемуары, составленные въ надеждѣ исторгнуть ихъ авторамъ восторженную дань похвалъ даже у отдаленнѣйшаго потомства. Попадаются наконецъ и такія записки, которыя напоминаютъ собой то журналъ дѣйствій какого нибудь присутственнаго мѣста или учрежденія, то отмѣтки, дѣлаемые въ календаряхъ нашими помѣщиками. Творенія послѣдняго

¹⁾ Памятныя записки А. В. Храповицкаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины Второй. Москва. 1862. — Записки объ императрицѣ Екатеринѣ Великой, полковника, состоявшаго при ея особѣ статсъ-секретаремъ, А. М. Грибовскаго. Москва. 1864.

рода не имѣють, разумѣется, никакого литературнаго достоинства и осиливаются не безъ труда и зѣвоты; но, какъ историческій матеріалъ, часто превосходятъ самые краснорѣчивые и увлекательные мемуары. Съ какою цѣлю они составлялись — по простой ли привычкѣ записывать на память все, что занимало и интересовало писавшаго, отъ полноты ли душевной по случаю какихъ нибудь особенныхъ событій, по другимъ ли какимъ побужденіямъ и соображеніямъ, — рѣшить это нелегко. Ясно въ этихъ запискахъ лишь одно, что авторъ писалъ ихъ «не мудрствуя лукаво», ибо нерѣдко является въ своемъ собственномъ изображеніи далеко не въ блистательномъ видѣ, съ простодушіемъ и наивностью повѣствуя о такихъ случаяхъ, которые обыкновенно людьми «себѣ на умѣ» проходятся благоразумнымъ молчаніемъ. Но это-то именно простодушіе и наивность и драгоцѣнны для историка; они даютъ ему право вѣрить такому автору гораздо болѣе нежели тѣмъ, которые судятъ и рядятъ, принимая всевозможные тоны, рисуясь на каждой страницѣ насчетъ другихъ, несравненно болѣе интересныхъ и важныхъ предметовъ.

Таковы именно, выставленные подъ заглавіемъ этой статьи, записки Александра Васильевича Храповицкаго. Показанныя рядомъ съ ними записки Грибовскаго не совѣмъ въ томъ же родѣ. У Грибовскаго уже есть нѣкоторыя разсужденія и поползновенія къ красота́мъ слога; онъ вообще не записываетъ, а описываетъ, дѣлаетъ разныя характеристики и оцѣнки, составляетъ «изображеніе императрицы Екатерины II» и т. п. У Храповицкаго нѣтъ никакихъ подобныхъ ухищреній. Храповицкій положительно, «не мудрствуя лукаво», заносилъ въ свою памятную книжку все, что видѣлъ, слышалъ и почувствовалъ, во время службы своей въ званіи статсь-секретаря Екатерины II, около которой, такимъ образомъ, и вращается исключительно его разсказъ. Статсь-секретаремъ Екатерины былъ также Грибовскій; и въ его запискахъ императрица стоитъ на первомъ планѣ; но Грибовскій, какъ мы уже замѣтили, старается изобразить Екатерину своими словами; Храповицкій же, по преимуществу, передаетъ намъ слова самой императрицы, разные ея отвѣты и вопросы, замѣчанія и изреченія, не присоединяя къ этому никакихъ толкованій и разсужденій. Вотъ, напримѣръ, какъ начинаются его «Памятныя записки».

1782 годъ.

«18 января. Первый входъ.

«18 апрѣля. «Одинъ только безсовѣстный отказывается отъ призыва въ совѣстный судъ».

«25 апрѣля. «Открылась новая дорога въ Грузію, минуя горы, черезъ что стала открыта вся Грузія».

«6 іюня. «Je ne l'aime pas (Portrait de Franclin)».

«13 іюня. Во вторую часть устава Благочинія войдетъ квартирная и пожарная часть. «Бѣглеца командою искать не можно: ему одна дорога, а командѣ сто; надобно, чтобъ обыватели не держали въ селеніяхъ и ловили».

Вносными знаками отмѣчены здѣсь подлинныя слова самой Екатерины; знаки эти встрѣчаются на каждой страницѣ. Въ томъ же тонѣ и духѣ, какъ начало, ведены всѣ записки Храповицкаго, обнимающія собой пространство времени съ 1782 по 1793 годъ включительно. Чтеніе, безъ привычки, такихъ крайне-лаконическихъ отмѣтокъ можетъ утомить иного читателя; но войдя, что называется, во вкусъ, всякій невольно заинтересуется ими и пойметъ, что отмѣтки эти гораздо любопытнѣе самыхъ велерѣчивыхъ исторій о Екатеринѣ Великой. Общихъ мѣстъ, пышныхъ фразъ, торжественныхъ одъ и панегириковъ сказано и спѣто въ честь этой императрицы не мало. Официальный лиризмъ напоминаютъ намъ и Храповицкій съ Грибовскимъ; но они кромѣ того показываютъ намъ Екатерину не только лишь на тронѣ «въ царскихъ утваряхъ», по выраженію одного ея историка, но и Екатерину въ уборной, въ кабинетѣ, за рабочимъ столомъ, въ тѣсномъ кружкѣ близкихъ къ ней людей, — Екатерину смѣющуюся, шутящую, острящую и разговаривающую просто, какъ и всѣ, — Екатерину грустящую, скучающую, плачущую, хворающую, — словомъ Екатерину женщину, дѣйствующую по общимъ для всѣхъ смертныхъ законамъ человѣческой природы, съ тою, конечно, разницею, что такое, примѣръ, обыкновенное явленіе, какъ улыбка, называясь улыбкою императрицы Екатерины II, наполняло души тѣхъ, къ кому относилась, восторгомъ, а наморщенная бровь ея повергала многихъ въ страхъ и отчаяніе.

У Храповицкаго встрѣчаются безпрестанно такія отмѣтки: — «Плакали» (т. е. плакала Екатерина. Храповицкій почти вездѣ выражается о ней не иначе, какъ во множественномъ числѣ). — «Идучи въ спектакль, упали». — «Жаловались головою». — «По случаю просьбы генераль-маіора Ферзена, женатаго на Радзивиловой, пропѣли:

«Но мы не виноваты,

«Что были глуповаты».

«Такому великорослому нѣтъ мѣста на кораблѣ. Великая разность съ другимъ Ферзеномъ: тотъ герой и со временемъ будетъ подпора государства». — «Сказывали о болѣзни, продолжавшейся близъ двухъ часовъ съ несносною коликою. Ничего не помогло, ни теплое, ни

холодное, но прошло, какъ свернулись въ постели на тотъ манеръ, какъ ложатся сороки. Сего съ годъ не было; было на галерахъ и въ Черниговѣ». — «Пришедъ поутру изъ теплой бани, жаловались на худобу оной». — «Не веселы». — «Гнѣвались; получили колику». — «Посылали сказать на низъ (т. е. въ нижній этажъ дворца, къ тогдашнему фавориту графу А. М. Дмитріеву-Мамонову), что красный воскъ отъ мозолей помогъ, извиняясь, что налагаютъ на меня такую комиссію». — «Послѣ обѣда ссора съ графомъ А. М. Слезы. Вечеръ проводили въ постели». — «Слезы. Не выходили, меня не спрашивали и какъ почтовые пакеты, такъ и прочія бумаги, присланы ко мнѣ черезъ З. К. Зотова; легли на канапе, и я уѣхалъ въ 11 часовъ». — «Чихнули и сказали: *Quand on eternue, on ne meurt pas*». — «Гнѣвнаго духа. Съ утра докладывалъ Зубовъ по гвардейскимъ бумагамъ. У меня не подписали благодарности графу Румянцеву за поздравленіе его съ новымъ годомъ: *Je ne suis plus si familière avec lui*; я не могла его выжить изъ Молдавіи». — «Примѣтное неудовольствіе». — «Слезы и отчаяніе. Въ 8 часовъ пускали кровь, въ 10 легли въ постель». — «Поздравя съ тезоименитствомъ, поднесъ рѣзную на камнѣ головку *Junius Brutus*: приняли милостиво и раза два благодарили; причесались, убрали голову, но, при надѣваніи платья, вдругъ жалятся на ипохондрію и не могутъ сносить публики; слезы и проч.»

Ясно, что Храповицкій видѣлъ и слышалъ Екатерину близко, какъ только можетъ слышать и видѣть свидѣтель, передъ которымъ не скрываютъ ни слезъ, ни отчаянія, ни гнѣвнаго духа, ни веселости и ипохондріи. Храповицкому именно довелось наблюдать при дворѣ и въ домашнемъ быту Екатерины то, чего не могла видѣть «публика», что видѣли только немногіе избранные. Онъ слишкомъ десять лѣтъ былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ императрицей. Она не разъ довѣряла и повѣряла ему весьма немаловажныя вещи, бывала съ нимъ порою очень откровенна, нисколько при немъ не стѣснялась и, вообще, держала себя съ нимъ безъ всякихъ особенныхъ церемоній, видя и понимая, что онъ не принадлежитъ къ числу особъ, съ которыми церемоніи эти необходимы. Храповицкій за этимъ, дѣйствительно, не гонялся. Исполнительный, услужливый, вкрадчивый, гибкій, придворный и дѣлецъ вмѣстѣ, онъ можетъ быть названъ одной изъ самыхъ типическихъ личностей того времени. Совершить что либо особенное, выходящее изъ ряда вонъ, увлечься какимъ нибудь рискованнымъ предпріятіемъ, — на это, разумѣется, Храповицкаго не хватило бы; но составить «Карантинное положеніе» или «Уставъ о соли», править должность директора театровъ, писать разнообразныя доклады и толково ихъ докладывать, рассказывать иностраннымъ

посламъ о процвѣтаніи и благоденствіи Россіи, проводить цѣлыя ночи за перепискою сочиняемыхъ Екатериною оперъ и ставить ихъ на сцену, читать императрицѣ во время ея болѣзни—«для разбитія мыслей»—сказки, выбирать ей рѣзные камни, антики и камеи, всегда и на все быть готовымъ, кстати улыбнуться, кстати сдѣлать печальное лице, никого не задѣть, со всѣми ужиться—въ этомъ отношеніи Храповицкій былъ образцовый человекъ. Всегда по горло занятый, онъ, однако же, подобно большинству тогдашнихъ придворныхъ, не чуждъ былъ при этомъ и умѣнья пожуировать жизнью¹⁾. Ко всѣмъ этимъ достоинствамъ Храповицкій присоединялъ еще одно свойство, также не мало благопріятствовавшее ему въ глазахъ Екатерины: онъ былъ отчасти поэтъ. Впрочемъ литература не составляла для него серьезнаго занятія; Александръ Васильевичъ, какъ и многіе современные ему писатели, брался за «трубу и свирѣлку» только для развлечения, въ часы досуга; серьезное же въ занятіяхъ его составляла одна служба, которой онъ и отдался и тѣломъ, и душой.

Храповицкій родился 7-го марта 1749 года и получилъ образованіе въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1775 году онъ служилъ секретаремъ въ 'правительствующемъ сенатѣ, а въ 1783 г. опредѣленъ статсь-секретаремъ императрицы «къ принятію челобитень». Въ этомъ же году онъ награжденъ орденомъ св. Владиміра третьей степени, а въ слѣдующемъ, имѣя всего тридцать пять лѣтъ отъ роду, уже былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники²⁾.

Быстрая и завидная карьера Храповицкаго, по характеру и особенностямъ той эпохи, не могла назваться необыкновенно блестящей: но за то онъ и былъ обязанъ своими служебными успѣхами только своимъ же служебнымъ способностямъ и усердію, да покровительству нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, преимущественно генераль-прокурора князя Вяземскаго, который, узнавъ его еще по службѣ въ сенатѣ, весьма лестно отозвался о немъ государынѣ. Такимъ образомъ, Храповицкій вступилъ въ важное статсь-секретарское званіе, напут-

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, въ своей біографіи Храповицкаго (Словарь достопамятныхъ людей русской земли. Ч. 3. Стр. 503—508), говоритъ, что Александръ Васильевичъ «при всѣхъ своихъ достоинствахъ имѣлъ одинаковую слабость съ Ломоносовымъ», т. е. въ переводѣ—любилъ выпить. Только онъ производилъ это очень осторожно и ловко, а именно—выпивалъ не иначе, какъ на сонъ грядущій, имѣя въ виду, что въ это время его уже не потребуетъ къ себѣ императрица. Екатерина, узнавъ объ этомъ, въ видѣ опыта, послала однажды нарочно за своимъ статсь-секретаремъ поздно вечеромъ. Дѣло могло разыгратъя очень плохо; но Храповицкій нашелся. Онъ велѣлъ тотчасъ же пустить себѣ изъ руки кровь и явился передъ лицо государыни какъ ни въ чемъ не бывало.

²⁾ Раутъ. 1854 г. Статья Сушкова: «А. В. Храповицкій». Стр. 129.

ствуемый довольно хорошо и готовый работать на всё руки; но, какъ челоуѣкъ предусмотрительный и бывалый, онъ позаботился обставить себя сколь возможно благонадежнѣ со всѣхъ сторонъ и не упускалъ изъ виду ничего, что могло служить къ его поддержкѣ. Стараясь всячески сблизаться съ людьми значительными и вліятельными во всѣхъ сферахъ, онъ не преминулъ подружиться и съ любимымъ камердинеромъ Екатерины, Захаромъ Зотовымъ, который, въ знакъ дружбы, не разъ передавалъ Александру Васильевичу «самые тайные разговоры». Но едва ли не лучшими рекомендаціями для Храповицкаго, въ глазахъ императрицы, послужили все-таки его исполнительность и «знакомство съ музами». Екатерина, какъ извѣстно, любила литературу и сама занималась ею не мало, хотя о дѣятельности своей въ этомъ родѣ отзывалась въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «что касается моихъ сочиненій, то я смотрю на нихъ, какъ на бездѣлки. Я любила дѣлать опыты во всѣхъ родахъ; но мнѣ кажется, что все, написанное мною, довольно посредственно, почему, кромѣ развлеченія, я не придавала никогда этому никакой важности» ¹⁾. Тѣмъ не менѣ императрица писала много, особенно для театра,—и вотъ тутъ-то Храповицкому приходилось, дѣйствительно, работать безъ усталы. Онъ былъ то переписчикомъ, то корректоромъ, то режисеромъ, то переводчикомъ, то компиляторомъ, то собирателемъ. Сегодня переписывалъ какую нибудь новую пьесу, завтра сочинялъ куплеты для другой, послѣзавтра составлялъ словарь римъ, тамъ собиралъ русскія пословицы, или дѣлалъ выписки изъ книгъ самаго разнообразнаго содержанія, а въ антрактахъ носился по городу съ разными словесными и письменными порученіями въ родѣ того, напимѣръ, «чтобы для Циммермана, живущаго въ Гановерѣ, сшить соболью шапку и послать лучшаго чаю и кофе». Екатерина, видимо, довѣряла литературному вкусу и такту своего статсь-секретаря и очень часто также обращалась къ нему за его мнѣніями, принимая ихъ, большею частью, очень благосклонно и высказывая при этомъ свои, иногда очень интересныя. «Памятныя записки» полны такого рода отиѣтками:

«Поднесъ первыя тетради лексикона рифмъ и получилъ благодарность».—«Переписывалъ оперу Боеславича. За переписку получилъ благодарность; показывали начатую оперу Ивана Царевича».—«Судя по плану, дѣлалъ и подавалъ аріи для оперы Иванъ Царевичъ; получилъ благодарность».—«Приказано составить четвертый актъ; я оный сдѣлалъ и приписалъ аріи и хоры для пятаго акта и не спалъ

¹⁾ Correspondance de l'impératrice de Russie Catherine II avec le chevalier de Zimmermann. Page 378.

всю ночь». — «Переписывалъ оперу Иванъ Царевичъ; не спалъ ночь. Былъ призванъ и получилъ благодарность съ отзывомъ, что много моей тутъ работы». — «Переписывалъ историческое представленіе, подражаніе Шекспиру, жизнь Рюрика, только первый актъ». — «Переписывалъ третій актъ Олега. Поднесъ и благодарилъ за брата Петра Васильевича ¹⁾. Изволили говорить, что мы всё малы, а батюшка былъ *bel homme* ²⁾». — «Переписывалъ третій актъ Игоря; поднесъ; говорено объ Олегѣ и велѣно хоры передѣлать бѣлыми стихами». — «Поднесъ хоры; ихъ опробовали». — «Носилъ на низъ (т. е. къ графу Дмитріеву-Мамонову) списокъ о назначенныхъ въ владимірскіе кавалеры. *Je n'ai pas l'honneur de connaître toute cette société* — сказалъ графъ А. М. «Разсмѣялись». Сегодня его рожденіе; приказано, чтобъ въ комнатахъ его сыграть объ «Провербы», и позвать меня за трудъ мой въ перепискѣ оныхъ. Когда онъ наверхъ пришелъ, то позвали меня въ спальную и тутъ, при ея величествѣ, онъ пригласилъ меня на ужинъ. Въ 7 часовъ вечера открылся театръ. «Провербы» играли удачно. Спросили меня, много ли смѣялся? — «Поднесъ [переписанную мною комедію *L'insouciant*; поблагодарили за трудъ; — поздравилъ съ праздникомъ; самого поздравили. «Это праздникъ невѣстъ и жениховъ». Для меня уже поздно. «А который годъ?» Въ мартѣ мѣсяцъ минеть сорокъ. «Еще жениться можешь», и т. д.

Составлять лексиконъ риѳмъ, переписывать, дописывать и переводить разныя пьесы, сочинять хоры, собирать пословицы, держать корректуру, заботиться о сценической постановкѣ, дѣлать всевозможнаго рода выписки, — все это брало не мало времени, требовало и сноровки, и умѣнья угодить автору и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все это нисколько не снимало съ Храповицкаго отвѣтственности по вѣрннымъ ему статсь-секретарскимъ и другимъ чисто казеннымъ дѣламъ, которыя императрица никогда не упускала изъ вида. Неутомимаго Александра Васильевича хватало, однако же, на все. Онъ въ одно время подносилъ Екатеринѣ тетради лексикона риѳмъ и «Карантинное положеніе», одной рукой принималъ конфирмованные сенатскіе доклады, а другой

¹⁾ П. В. Храповицкій, человѣкъ чрезвычайно умный и образованный, служилъ преимущественно по финансовой части, во времена князя Виземскаго, графа Васильева и Голубцова. Онъ вышелъ въ отставку въ царствованіе Александра I, съ чиномъ тайнаго совѣтника. Александръ Васильевичъ благодарилъ императрицу за орденъ св. Владиміра 4 ст., пожалованный его брату 22 сентября 1786 г.

²⁾ Отецъ Храповицкихъ, Василій Ивановичъ, служилъ сержантомъ въ Лейбъ-Компаніи и при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны получилъ дворянское достоинство. Онъ умеръ въ чинѣ генераль-поручика.

представлялъ переписанную «Провербу»; кончая чтеніе иностранной и внутренней почтъ, садился за чтеніе императрицѣ сказокъ; покончивъ со сказками, принимался за «Уставъ о соли». Случалось также, что Храповицкаго требуютъ вдругъ къ государынѣ. Онъ летитъ, торопится, задыхается — и потомъ вноситъ въ свои «Памятныя записки»:—«Читая изъ Плутарха жизнь Коріолана, замѣчено, что при богослужебныхъ обрядахъ римлянъ провозвѣстники кричали: *hos age*—вонми, и что были у нихъ свои оглашенные. Нарочно за симъ былъ позванъ».

При такой суетѣ суетъ, Екатерина была въ правѣ называть Храповицкаго «*souffre douleur*», но и въ правѣ была замѣчать, что «однако же, онъ отъ того не худѣетъ». Александръ Васильевичъ, дѣйствительно, не только не худѣлъ, но, напротивъ, толстѣлъ отъ своихъ многосложныхъ обязанностей, исполненіе которыхъ, повидимому, доставляло ему величайшее удовольствіе. Онъ былъ настоящій придворный—дѣлецъ, умѣвшій, когда было нужно, и сказку прочесть какъ дѣло, и дѣло доложить какъ сказку. Екатерина не любила грубой лести, но отъ лести тонкой была, какъ и всѣ умныя женщины, не прочь, — и потому Храповицкій не пропускалъ случая, представлявшаго ему возможность слегка подкурить государынѣ. Екатерина, на примѣръ, замѣчала, что «при началѣ царствованія, по счастью, попала на хорошія правила, плоды коихъ теперь видимы»,—Храповицкій тотчасъ же осмѣливался вернуть, что «не попали, но съ ними взюшли на престолъ». — «Всякій можетъ дѣлать изъ сего свои заключенія», отвѣчала императрица, повидимому, совершенно равнодушно, но реплика статсъ-секретаря не могла ей быть непріятною. Разсматривая, въ другой разъ, кабинетскія вѣдомости, Екатерина «изволила изъясняться о разности придворныхъ во время императрицы Елисаветы Петровны и нынѣшнихъ: тогда Разумовскій былъ изъ пѣвчихъ, а Сиверсъ изъ лакеевъ». «Я, говоритъ Храповицкій, сказалъ, что тогда страхъ и опасеніе замѣняли нынѣшнія почитаніе и усердіе, рассказавъ, съ какой робостью батюшка ходилъ въ карауль».

Такая вкрадчивая любезность, рѣдкая дѣятельность и основательность, въ соединеніи съ умѣньемъ дѣлать дѣло и исполнять всякія порученія, не могли, конечно, не обратить на Храповицкаго милостиваго вниманія Екатерины. Александръ Васильевичъ дѣйствительно былъ на самомъ хорошемъ счету у императрицы и она, между прочимъ, сказала разъ про него и про завѣдывавшаго вмѣстѣ съ нимъ театральнымъ управленіемъ, Соймонова: «*Je mettrais la main au feu, qu'ils ne prennent pas des cadeaux*». Въ другой разъ, когда Храповицкій поднесъ ей бумаги и докладъ по дѣламъ придворной комиссіи,

въ которую былъ назначенъ членомъ, Екатерина объявила ему свое благоволеніе, «за труды и ясность», и присовокупила: «оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалъ не годятся; не купи села, купи прикащика». Александръ Васильевичъ тщательно записывалъ въ свои записки каждый разъ, когда удостоивался поцѣловать высочайшую ручку, или когда былъ просто приласканъ императрицей; на примѣръ: «приласканъ во время чесанія волосъ, потому случаю, что привезъ книги, т. е. сказки; онѣ надобны для развитія мыслей и суть такого рода, что при чтеніи не требуютъ вниманія, ибо много читали такихъ, кои мысли занимаютъ». — «Встрѣтился въ уборной ввечеру; сказалъ, что иду отъ Марьи Савишны (Перекусихиной). «*Je croyais, que vous m'apportiez encore quelque chose*» — относится, думаю, къ книгамъ веселымъ»¹⁾.

Безпрерывныя сношенія по всякаго рода дѣламъ, разнообразныя мелкія услуги и неоцѣненное добродушіе Храповицкаго должны были неизбѣжно придать обращенію съ нимъ Екатерины такого рода оттѣнки, которыхъ не было въ обращеніи государыни съ ея «орлами», державшимися совсѣмъ на другой ногѣ, нежели Александръ Васильевичъ. Екатерина нерѣдко подсмѣивалась надъ толщиною Храповицкаго и совѣтывала ему всегда садиться на диванъ, а не на стулъ, потому что она сама не будетъ въ состояніи поднять его, если онъ упадетъ; она замѣчала, при этомъ, что, не смотря на свою дородность, онъ, однако же, бѣгаетъ довольно проворно; а разъ даже, находясь въ особенно веселомъ расположеніи духа, толкнула его въ грудь бумагами, сказавъ: «*Je vous tueraï avec un morceau de papier*». Подшучивала она и надъ сердечными дѣлами Храповицкаго, по поводу разныхъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ красавицъ, спрашивая, зачѣмъ ѣздитъ онъ въ городъ (изъ Царскаго Села), не поссорился ли онъ съ своею возлюбленною и т. п. Интересовалась она также состояніемъ здоровья своего статсь-секретаря, въ особенности же его необыкновенной потливостью, которая, впрочемъ, не могла назваться за урядъ необыкновенною, при его тучности и непосѣдномъ образѣ жи-

¹⁾ Марія Савишна Перекусихина, о которой здѣсь упоминается, любимая камеръ-юнгфера Екатерины II, играла въ свое время весьма значительную роль, и даже включена Бантышъ-Каменскимъ въ «Словарь достопамятныхъ людей русской земли» (Ч. 2. стр. 568—570), какъ заслуживающая стоять на ряду съ знаменитыми соотечественницами». Марія Савишна находилась безотлучно при государынѣ, первая входила къ ней въ спальню въ семь часовъ утра, сопровождала ее во время прогулокъ и, по выраженію Бантышъ-Каменскаго, была счастлива только тогда, когда видѣла спокойствіе на величественномъ челѣ обладательницы многихъ царствъ».

зни. Объ этомъ именно предметѣ, въ «Памятныхъ запискахъ» находится нѣсколько такихъ отмѣтокъ:—«Подавалъ книги; вспотѣлъ».—«Говорено о жарѣ и что я много потѣю». «Надобно для облегченія употреблять холодную ванну; но съ лѣтами сіе пройдетъ; я сама сперва много потѣла».—«Спрошенъ въ три часа пополудни въ эрми-тажъ; очень потѣлъ. Приказали посовѣтоваться съ медиками и употреблять холодныя ванны».—«При входѣ поутру спрошенъ, не боленъ ли?» «Посмотрите, онъ похудѣлъ отъ пота».—Разговаривали о моей потливости съ Марьей Савишной. «Не видали человѣка мнѣ подобнаго и въ сей день похожи были на меня».—«Поутру спросили: «здоровъ ли?»—«Слава Богу».—«Пересталъ ли потѣть?»—«Три дня уже не потѣю».

Все это, неоспоримо, показываетъ извѣстную степень не только расположенія, но и короткости. Екатерина, конечно, не позволила себѣ разговаривать и шутить подобнымъ образомъ съ другими, также довольно близкими къ ней людьми. Но лучшимъ доказательствомъ короткости государыни съ Храповицкимъ служить откровенность ея съ нимъ по поводу вещей болѣе серьезныхъ и важныхъ. «Памятныя записки» изобилуютъ разными чрезвычайно интересными и характеристичными замѣчаніями и изреченіями Екатерины. Не было почти ни одного, почему либо замѣчательнаго или любопытнаго событія, случившагося въ періодъ времени съ 1782 по 1793 годъ, о которомъ бы императрица не говорила чего нибудь съ своимъ статсъ-секретаремъ.

Записанные Храповицкимъ отзывы и мнѣнія Екатерины о разныхъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ лицахъ, вообще, интересны не потому только, что они, большею частью, очень характеристичны и мѣтки, но и потому еще, что по нимъ можно судить, отчего такъ, а не иначе поступала въ извѣстныхъ случаяхъ императрица со своими приближенными, чѣмъ руководствовалась въ своихъ дѣйствіяхъ, чему давала особенную цѣну, на что смотрѣла съ удовольствіемъ и на что—косо.

Въ этомъ отношеніи особенно любопытны въ «Запискахъ» два слѣдующихъ мѣста, гдѣ Екатерина дѣлаетъ характеристику нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ:—«Отмѣчено письмо, по англійскому отказу, оно было круто; *j'avais la tête chaude et je l'ai*. Могу вдругъ положить на бумагу всѣ идеи съ обѣихъ сторонъ представляющагося дѣла». Я сказалъ, что одну вещь въ разныхъ видахъ представить и обмыслить вашему величеству свойственно по сдѣланной привычкѣ съ малолѣтства: тутъ повторенъ прежній анекдотъ объ учителѣ, который заставлялъ одно письмо писать разными оборо-

тами; я на сіе навелъ, слыша давно о томъ отъ князя Вяземскаго. Изъясненіе о горячихъ головахъ: «теперь одинъ князь Потемкинъ-Таврическій; таковы были: князь Г. Г. Орловъ, Захарь Чернышевъ, Петръ Ивановичъ Панинъ; князь Михаилъ Никитичъ Волконскій здраво мыслилъ, но былъ ласкатель. У Муравьева (Николая Ерофеича) былъ умъ математическій; Чичеринъ (Николай Ивановичъ) умѣлъ

Александръ Васильевичъ Храповицкій.
(съ портрета Левицкаго.)

разобрать дѣло avec son esprit de justice; Елагинъ (Иванъ Перфильевичъ) хорошъ безъ пристрастія; теперь нѣтъ такихъ головъ; la tête chaude a ses avantages; графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій имѣеть воинскія достоинства; но двоякъ и храбръ умомъ, а не сердцемъ. Графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій не глупъ, но имѣеть испорченное сердце». — «Читано за секретъ письмо князя Потемкина-Таврическаго отъ 5 мая, — дѣла много, оставляю злобствующихъ и надѣюсь на васъ, матушка; принцъ де-Линь, какъ вѣтреная мельница,

у него я то Терситъ, то Ахилессъ. «Конечно, князь можетъ надѣяться; оставленъ не будетъ; онъ не знаетъ другого государя; я сдѣлала его изъ сержантовъ фельдмаршаломъ; не такіе злодѣи его пинѣ, каковы были князь Орловъ и графъ Никита Ивановичъ Панинъ, тѣхъ качества я уважала. Князь Орловъ всегда говорилъ, что Потемкинъ у меня какъ чортъ. Князь Орловъ былъ génie, силенъ, храбръ, рѣшимъ, mais doux comme un mouton, il avait le coeur d'une poule; два дѣла его славныя: восшествіе и прекращеніе чумы; первое не можетъ быть сравнено въ восшествіемъ Елисаветы Петровны. Тутъ не было неурядиства, но единодушіе». Вашего величества имя много тутъ дѣйствовало. «Меня знали восемнадцать лѣтъ прежде. Alexis Orloff n'a pas même le courage, и во всѣхъ случаяхъ останавливается препятствіями».

Интересны также записанные Храповицкимъ отзывы Екатерины о княгинѣ Дашковой и Державинѣ, показывающіе, какъ смотрѣла императрица на эти личности и какую степень ея расположенія онѣ пользовались.

— «Выведенъ совѣтъ, чтобъ опистить комнаты для Анны Никиотины Нарышкиной» пишетъ Храповицкій, «но такъ расположено, чтобъ не было комнатъ для княгини Дашковой: «Съ одной хочу проводить время, а съ другой нѣтъ; онѣ же и въ ссорѣ за клочъ земли». — «Дашкова съ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ въ такой ссорѣ, что, сидя рядомъ, оборачиваются другъ отъ друга и составляютъ двуглаваго орла; ссора за пять сажень земли», насмѣшливо говорила Екатерина Храповицкому. — «Дашкова побила Нарышкина свиней», отмѣчено въ другомъ мѣстѣ «Памятныхъ записокъ» — «смѣясь сему происшествію, приказано скорѣе кончить дѣло въ судѣ, чтобъ не дошло до смертоубійства». — «Княгиня Дашкова прислала письмо къ графу А. М. Дмитріеву-Мамонову съ изъясненіемъ о свиньяхъ». «Тотъ любилъ свиней, а она цвѣты, и отъ того и все дѣло вышло». — «Вышедь къ волосочесанію», пишетъ въ третьемъ мѣстѣ Храповицкій, «изволили смѣяться, что въ одной сатирической книгѣ, съ англійскаго переведенной, нашли гдѣ искать longitude: c'est dans le procès! Посыланъ съ запискою о семъ на низъ; тамъ приписали, что тутъ же найдутъ и квадратуру циркуля и въ тотъ самый день княгиня Дашкова помирится съ Л. А. Нарышкинымъ. Сему смѣялись, оставя записку у себя»¹⁾).

) Ссора Дашковой съ оберъ-штаб-мейстеромъ Л. А. Нарышкинымъ, возникшая изъ-за свиней послѣдняго, пойманныхъ и побитыхъ въ саду княгини, не мало занимала и забавляла весь дворъ. Нарышкинъ, извѣстный шутникъ и острякъ, встрѣчая Дашкову, съ комическимъ трагизмомъ говорилъ: — «Elle est sanglante encore

О Державинѣ въ «Запискахъ» Храповицкаго говорится слѣдующее:—«По докладу сната приказано Державина отдать подъ судъ». «Онъ лихотворецъ и легко его воображеніе можетъ быть управляемо женою, коей мать злобна и ни къ чему не годна»¹⁾.—«Читала просьбу Державина и поднесъ «Оду Фелицъ». Приказано сказать ему, что докладъ и просьба его читаны и что ея величеству трудно обвинить автора «Оды Фелицъ». «Cela le consolera». «Донесъ о благодарности Державина:—On peut lui trouver une place».—«Провелъ Державина въ Китайскую и ждалъ въ Ліонской». «Я ему сказала, что чинъ чина почитаетъ... Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причину въ самомъ себѣ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи. Il ne doit pas être content de ma conversation». Велѣно выдать неполученное имъ жалованье и впредь производить оное до опредѣленія къ мѣсту.—«Державинъ явился—объ немъ докладывали—недосугъ,—послѣ обѣда впущенъ; приласкали, но не очень».—«Сказали мнѣ послѣ доклада Державина, по случаю просьбы купца Милютина, по почтѣ изъ Софіи присланной, гдѣ ссылаются на просьбу, Державинимъ поданную, что Державинъ присылаетъ все прошенія о деньгахъ, готовъ принять миліонъ; это работа его тещи; она самая негодница и доходила до кнута, но такъ оставлена за то только, что была кормилицею великаго князя Павла Петровича».—Разбирая почту, по просьбѣ Елмановой велѣно ей сказать: j'ai un coeur de roche и спросить Державина, не знакома ли ему? Теща его всехъ просительницъ знаетъ» и т. д.

Французская революція произвела, какъ извѣстно, сильное впечатлѣніе на Екатерину. Получивъ извѣстіе о злодѣйскомъ умерщвленіи французскаго короля, императрица даже заболѣла, слегла въ постель и два дня почти никого къ себѣ не принимала.—«Ея величество говорили со мной о варварствѣ французевъ», пишетъ Храповицкій, «и о явной несправедливости въ утайкѣ голосовъ при сужденіи: «c'est une injustice criante même envers un particulier». Когда узнали сіе въ Лондонѣ во время спектакля и актеръ объявилъ о семъ публикѣ во время антракта между большой и малой піесой, то все зрители

(du meurtre de... mes cochons!» Екатерина въ это время обнаруживала, вообще, къ Дашковой замѣтную холодность, главнѣйшею причиною которой было то обстоятельство, что самолюбивая и гордая княгиня присвоивала себѣ всю честь переноса 1762 года.

¹⁾ Державинъ былъ женатъ первымъ бракомъ на Екатеринѣ Яковлевнѣ Бастидоновнѣ, мать которой была кормилицей великаго князя Павла Петровича, а отецъ близокъ къ Петру III. Это именно обстоятельство и заставило Екатерину смотрѣть на Бастидоновыхъ очень недоброжелательно.

не велѣли продолжать и разошлись. Англія расположена разорить Францію. «Il faut absolument exterminer jusqu'au nom des Français». Былъ оборотъ къ собственному ея правленію, съ вопросомъ у меня о соблюденіи правъ каждаго. Я отвѣчалъ, что не только ничего ни у кого не отнято при новыхъ установленіяхъ, для пользы государства нужныхъ, но и права и привилегіи намъ пожалованы и утверждены ея величествомъ». — «Продоженіе разговора о парижскомъ варварствѣ. Въ Вѣнѣ народъ хотѣлъ побить всѣхъ французовъ и намѣренъ сіе исполнить, буде коснутся королевы (т. е. Маріи-Антуанеты), дочери покойной Маріи-Терезіи. «L'égalité est un monstre qui veut être roi». — «Подисанъ указъ сенату о разрывѣ политической связи съ Франціею и о высылкѣ изъ Россіи всѣхъ обоого пола французовъ, которые не сдѣлають присяги по изданному при указѣ образцу».

Напуганная и раздраженная всѣми этими событіями, Екатерина сдѣлалась крайне подозрительна. Благодаря такому настроенію, вскорѣ нашлись вещи, показавшіяся ей вредными и опасными. Вотъ что записано у Храповицкаго о Радищевѣ и его извѣстной книгѣ: «Говорено о сочиненіи: «Путешествіе отъ Петербурга до Москвы». Тутъ разсѣваніе французской заразы; отвращеніе отъ начальства; авторъ мартинистъ; я прочла тридцать страницъ». — «Продолжаютъ писать примѣчанія на книгу Радищева, а онъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому (начальнику секретной экспедиціи) и сидитъ въ крѣпости». — «Примѣчанія на книгу Радищева посланы къ Шешковскому. Сказывать изволили, что онъ бунтовщикъ, хуже Пугачева, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалитъ Франклина, какъ начинщика, и себя такимъ представляетъ». Съ примѣтною чувствительностью приказано разсмотрѣть въ совѣтѣ (дѣло Радищева), чтобъ не быть пристрастію и объявить — «дабы не уважали до меня касающееся, ибо я презираю».

Екатерина одно время подозрѣвала даже Храповицкаго въ мартинизмъ и масонствѣ, что, конечно, до глубины души огорчало и беспокоило преданнаго слугу. Онъ съ томленіемъ выжидалъ случая объясниться и, наконецъ, дождавшись его, не преминулъ упомянуть объ этомъ въ «запискахъ» въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Читалъ въ московской почтѣ донесеніе князя Прозоровскаго, касательно окончанія дѣла о книгопродавцахъ, торговавшихъ запрещенными книгами. При вопросѣ: «почему запрещена Киропедія?» нашель я случай изъясниться о старомъ масонствѣ, что былъ въ ложѣ Александра Ильича Бибикова и что я же перевелъ Société anti-absurde, сочиненія ея величества ¹⁾».

¹⁾ Le secret de la Société anti-absurde, dévoilé par quelqu'un qui n'en est pas. Cologne. 1759. (Печатано въ Петербургѣ). Брошюра эта, направленная противъ ма-

Кажется, что выслушанъ хорошо и нѣкоторыми отзывами отдѣленъ отъ нынѣшнихъ мартинистовъ».

Записывая тщательно и акуратно каждое ничтожнѣйшее проявленіе благоволенія и расположенія къ себѣ со стороны императрицы, Храповицкій также акуратно отмѣчалъ и случаи ея гнѣва или неудовольствія, на примѣръ: — «Не кстати вошелъ съ запискою объ убитшемся кровельщикѣ. «Не дадутъ кончить несчастнаго письма». Послѣ, при волосочесаніи извинялись, письмо было къ князю Потемкину-Таврическому». — «На не скорый приходъ за почтою сказано: «ты послѣ третьеводнишняго прячешься; я не сердилась, mais c'était un moment d'impatience, ва что надобно смотрѣть; весь годъ тобой довольна». Вставъ на колѣни, поцѣловалъ ручку». — «Прикрикнули за донесеніе о шебекѣ, на петербургской верфи построенной. Изъяснилася. «Я напрасно кричала, excusez, je suis un peu impatiente aujourd'hui; c'est peut être le beau temps, qui en est la cause».

Самый прискорбный и чувствительный для Храповицкаго случай высочайшаго неудовольствія приключился съ нимъ изъ-за извѣстной тогда актрисы Урановой и актера Сандунова. Послѣдній хотѣлъ жениться на Урановой; но за ней ухаживалъ графъ Безбородко и Храповицкій съ товарищемъ своимъ по управленію театрами, Соймоновымъ, держа, разумѣется, сторону графа, препятствовали честнымъ намѣреніямъ Сандунова. Уранова, любившая своего жениха, рѣшилася на довольно смѣлый поступокъ. Въ эрмитажномъ театрѣ давали однажды оперу «Федулъ съ дѣтьми», сочиненія самой императрицы. Уранова превзошла себя въ этой оперѣ. Екатерина была въ восхищеніи и часто кивала ей головой съ одобрительной улыбкой. Когда Уранова пропѣла послѣднюю арію, всѣ зрители осыпали ее рукоплесканіями, а императрица бросила ей свой букетъ. Уранова схватила его, поцѣловала и, подбѣжавъ на аванъ-сцену, упала на колѣни и закричала: — «Матушка царица! Спаси меня, спаси!» Зрители были поражены такимъ неожиданнымъ явленіемъ. Екатерина встала и съ участіемъ и любопытствомъ обратилась къ пѣвицѣ. Уранова въ ту же минуту вынула и подала государынѣ просьбу, въ которой подробно излагала обстоятельства, препятствовавшія ей выйдти замужъ. Екатерина сильно разгнѣвалась, приказала обвинчать Уранову съ Сандуновымъ и перевести ихъ въ московскій театръ; Храповицкій же и

соцства, имѣется въ двухъ разныхъ переводахъ, подъ названіями: 1) Тайна общества, вздоръ не терпящаго, открытая человѣкомъ постороннимъ. Спб. (безъ означенія года). 2) Тайна противонаѣпаго общества, открытая неучастнымъ оному. Спб. 1759. Послѣдній переводъ принадлежитъ Храповицкому.

Соймоновъ лишились своихъ мѣстъ. Объ этомъ происшествіи въ «Запискахъ» Храповицкаго отмѣчено слѣдующее: «Вечеру играли въ эрми-тажѣ Оедула, и Лиза (т. е. Уранова) подала на насъ просьбу. Въ тотъ же вечеръ прислана записка къ Трощинскому, чтобъ заготовилъ указъ объ увольненіи насъ отъ управленія театромъ. Трощинскій въ полночь былъ у меня для совѣта». — «Какъ встали, спросили Трощинскаго и подписали у него указы». Мы уволены, а князь Юсуповъ директоръ. Рассказывали всѣмъ, что насъ смѣнили ¹⁾».

Такіе непріятные случаи Храповицкому, впрочемъ, доводилось носить въ свою памятную книжку не часто: отмѣтками же о высочайшихъ благодарностяхъ, похвалахъ, милостивыхъ улыбкахъ и т. п. записки его не бѣдны. Отмѣчены у него и всѣ еще болѣе существенные знаки благоволенія къ нему императрицы въ видѣ денежныхъ наградъ, подарковъ и проч. За время своего десятилѣтняго пребыванія въ званіи статсь-секретаря Александръ Васильевичъ получилъ орденъ св. Владиміра третьей степени, орденъ св. Владиміра второй степени, чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, деревни, въ разное время деньгами 20,000 руб. и три золотыхъ, осыпанныхъ брилліантами, табакерки. 8-го сентября 1790 года, въ день торжества мира съ Швеціею, Храповицкому былъ пожалованъ брилліантовый перстень въ 6,000 рублей и опредѣло 2,000 рублей пенсіи, а 2-го сентября 1793 года, по случаю празднованія мира съ Турціей, онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ въ четвертый департаментъ. — «Въ сенатѣ мнѣ сказано о чинѣ и я приведенъ къ присягѣ», записалъ 7-го сентября Александръ Васильевичъ. Это послѣдняя строка его «Памятныхъ записокъ».

Въ 1797 году, въ день коронованія императора Павла Петровича, Храповицкій получилъ аненскую ленту, а императоръ Александръ I произвелъ его, 15-го сентября 1801 года, въ дѣйствительные тайные совѣтники. Александръ Васильевичъ умеръ 29-го декабря того же года, и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ чуть замѣтная надпись на углубившейся до половины въ землю плитѣ указываетъ его могилу.

Записки Адріана Мойсеевича Грибовскаго, начинающіяся съ 1792 года, служатъ какъ бы продолженіемъ записокъ Храповицкаго. Грибовскій былъ родомъ малороссъ и воспитывался въ московскомъ университетѣ. Въ 1784 году, когда Державинъ былъ олонскимъ губернаторомъ, Грибовскій поступилъ къ нему секретаремъ изъ комиссіи о

¹⁾ Пантеонъ русскаго таатра. 1840. № 2. Статя «Воспоминаніе о московскомъ театрѣ при Медоксѣ». Стр. 97 и 98.

сочиненіи новаго уложенія, въ которую открыли ему доступъ его начитанность и познанія во французскомъ языкѣ. Въ 1788 году Грибовскій находился въ военно-походной канцеляріи князя Потемкина и сочинялъ, по его порученію, журналъ военныхъ дѣйствій армій, бывшихъ подъ начальствомъ свѣтлѣйшаго. Во время четырехлѣтней службы своей при Потемкинѣ, Грибовскій получилъ два чина: коллежскаго ассесора и надворнаго совѣтника, съ переименованіемъ въ подполковника въ Изюмскій легкоконный полкъ, орденъ св. Владиміра четвертой степени и 4,000 десятинъ земли въ Екатеринославской губерніи. По отбытіи изъ Петербурга въ Яссы, для заключенія мира съ Турціей, графа Безбородко, всѣ, какъ бывшіе въ его вѣдѣніи, такъ и другія собственныя ея величества дѣла, были переданы послѣднему любимцу Екатерины, графу Платону Александровичу Зубову, тогда уже генералъ-адъютанту. Зубовъ слышалъ о Грибовскомъ, какъ о дѣльномъ и способномъ чиновникѣ и, въ 1792 г., исходатайствовалъ высочайшее соизволеніе о назначеніи его управляющимъ вышеупомянутыми дѣлами. Адріанъ Моисеевичъ прибылъ въ Петербургъ въ январѣ 1792 г. и, разумѣется, тотчасъ же явился къ любимцу. Этимъ именно онъ и начинаетъ свои «Записки», такъ рассказывая про свое первое свиданіе съ Зубовымъ:

«Генваря 15, ввечеру, поѣхалъ я во дворець, чтобъ отдать письмо, данное мнѣ въ Яссахъ графомъ А. А. Безбородко къ Платону Александровичу Зубову, за которое письмо обязанъ былъ О. М. де-Рибасу. Какъ мнѣ желалось вручить сіе письмо лично, то и я былъ допущенъ въ спальню и оное вручилъ. Платонъ Александровичъ сидѣлъ тогда въ низкихъ креслахъ, положивъ ноги на табуретъ, что было почти всегдашней его привычкой. Онъ, прочитавъ письмо, сдѣлалъ мнѣ большое наклоненіе головою, что, кажется, означало и привѣтствіе и отпускъ; но я, увидѣвъ стоявшаго передъ нимъ Г. Р. Державина, съ которымъ я имѣлъ до того частую переписку, подошелъ къ нему и, поцѣловавшись съ нимъ, немедленно вышелъ.

«Генваря 16. Призванъ будучи къ Василию Степановичу Попову, узналъ отъ него, что П. А. Зубовъ желаетъ имѣть меня при дѣлахъ, ему порученныхъ, и чтобы я къ нему явился. Такая скорая переѣздна моей службы меня тогда удивила, но я послѣ узналъ, что П. А. давно имѣлъ сіе намѣреніе. Писанное мною изъ Яссъ къ Державину письмо о смерти князя Потемкина, которая составляла тогда весьма любопытную новость, было ему показано и ему полюбилось. Вчерашній день, узнавъ отъ Державина, что я былъ сочинителемъ означеннаго письма, призвалъ Попова и велѣлъ мнѣ объявить о своемъ намѣреніи.

«Генваря 17. Поутру вошелъ я въ покои Платона Александровича, которыхъ третьягодня, по причинѣ вечера, я не могъ разсмотрѣть. Это первый этажъ дворца, извѣстный подъ названіемъ малаго этажа, выходящій на дворцовую площадь, на самомъ углу Миліонной. Платонъ Александровичъ былъ еще въ шлафрокѣ, обшитомъ собольими хвостами. Въ то время никого въ спальнѣ его не было, кромѣ родственника его Каринскаго. Подошедъ ко мнѣ, сказалъ тихо: — «Здравствуй! Если ты желаешь со мной служить, то мы поладимъ». На сей комплиментъ я отвѣчалъ утвердительно. Тогда было отъ роду ему 24, а мнѣ 26 лѣтъ».

Получивъ мѣсто при Зубовѣ, Грибовскій получилъ тотчасъ же казенную квартиру на Миліонной, въ старомъ Брюсовомъ домѣ, противъ второго дворцоваго корпуса, гдѣ помѣщался дворъ великаго князя Константина Павловича. Ему была выдана мебель изъ лонгисъ-палмейстерской, а столъ, кромѣ напитокковъ, приказано отпускать отъ придворной конторы, на что назначено по пятидесяти рублей въ день; «однако, столъ этотъ—замѣчаетъ Адрианъ Моиссевичъ,—въ самомъ дѣлѣ и пяти рублей не стоилъ; напитки же отпускались особо, въ довольномъ количествѣ. Столъ П. А. Зубова, графа Н. И. Салтыкова и графини Браницкой, обходился придворной конторѣ по чetyреста рублей въ день, кромѣ напитокковъ, которые съ чаемъ, кофеемъ и шоколадомъ стоили не менѣе половинной противъ стола суммы».

Сообщивъ всѣ эти подробности, Грибовскій описываетъ нѣкоторыя лица, бывшія «или при дѣлахъ, или просто въ обществѣ государыни». Такъ, на примѣръ, въ числѣ приводимыхъ имъ характеристикъ, мы находимъ довольно полныя свѣдѣнія о графѣ Безбородко.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко занималъ, послѣ графа Остермана, первое мѣсто въ иностранной коллегіи и, отличаясь самою разностороннею дѣятельностью, пользовался большою довѣренностью императрицы. Изъ малороссійскихъ старшинскихъ дѣтей, онъ, благодаря необыкновеннымъ способностямъ своимъ и знанію дѣлъ, достигъ важнѣйшихъ чиновъ и званій и приобрѣлъ громадное состояніе, «не теряя тѣмъ» — по выраженію Грибовскаго, — «своей репутаціи». Передъ кончиною Екатерины онъ имѣлъ уже болѣе шестнадцати тысячъ душъ крестьянъ, соляныя озера въ Крыму и рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ, а императоръ Павелъ присоединилъ къ этому еще упраздненный городъ Дмитровъ, Орловской губерніи, съ двѣнадцатью тысячами душъ. Кромѣ того, при всѣхъ замѣчательныхъ съ иностранными дворами трактатахъ и въ другихъ экстраординарныхъ и торжественныхъ случаяхъ, Безбородко получалъ значительные подарки червонцами и брил-

ліантами. «Однимъ словомъ», говоритъ Грибовскій, «гетману нашему около двадцати лѣтъ рѣкою лилось богатство; да оно, при склонности его къ лакомымъ столамъ и къ женщинамъ, было ему нужно; надобны были чрезвычайныя суммы, чтобъ удовлетворить сіи прихоти, собрать горы серебра и осыпать себя брилліантами». Пирѣ и праздники Безбородко отличались пышностью и роскошью; въ особенности

Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій.

Съ миниатюры того времени, принадлежалей его правнучкѣ Е. А. Полубоариновой, рожд. Губерти.

прославился онъ праздниками, данными имъ въ 1793 году по случаю мира съ Турціею, и въ 1796 году по случаю приѣзда въ Петербургъ шведскаго короля. Тутъ въ его великолѣпныхъ залахъ видны были горки вышиною въ шесть и шириною въ три аршина, сверху до низу установленныя старинными золотыми и серебряными сосудами необыкновенной величины. Безбородко, въ торжественные дни, приѣзжалъ ко двору въ великолѣпно-позолоченной четырехмѣстной и

восьмистеколычатой каретѣ, запряженной цугомъ и окруженной разодѣтыми гайдуками и скороходами; андреевская звѣзда его, погонь для ленты, пуговицы на кафтанѣ и пряжки на башмакахъ,—были изъ брилліантовъ. Вообще, количество и цѣнность находившихся у него драгоценныхъ камней изумляло всѣхъ, кому случалось ихъ видѣть. При всемъ томъ Безбородко вовсе не походилъ на вельможу, на барина. Онъ не любилъ великосвѣтскаго общества и бывалъ на торжественныхъ празднествахъ только по необходимости. Для великосвѣтскаго общества онъ и не годился, какъ по своей неловкости, такъ и по привычкѣ окружать себя постоянно простыми женщинами. Безбородко былъ роста выше средняго, толстъ, имѣлъ лицо нѣсколько продолговатое, съ веселымъ выраженіемъ, носъ прямої, широкій, ротъ часто разинутый, глаза сѣрые, лобъ низкій, станъ неуклюжій, ноги толстыя. На этихъ толстыхъ ногахъ, сверхъ того, бѣлые шелковые чулки были почти всегда небрежно опущены и двигался тучный сибаритъ, точно исполнялъ чрезвычайно трудную и тяжелую обязанность. До ходьбы, однако же, онъ былъ охотникъ и ежедневно, вернувшись въ двѣнадцать часовъ изъ дворца и надѣвъ простой сюртукъ и простую шляпу, отправлялся странствовать пѣшкомъ по городу. «Нерѣдко», пишетъ Грибовскій, «встрѣчали его въ вольныхъ домахъ у перелестницъ, откуда, увидя подобнаго себѣ гостя, скоропостижно удалялся. Онъ не былъ женатъ и, кажется, былъ одинъ изъ первыхъ дѣловыхъ людей, которые въ то время подавали другимъ примѣръ къ вольной жизни. Безпереводно имѣлъ на содержаніи актрисъ и танцовщицъ, которыя жили въ другомъ домѣ; въ лѣтнее время, на дачѣ его, на Выборгской сторонѣ, бывали большія пирушки съ пушечною пальбою, на которыя, кромѣ его любимой красавицы, приглашаемы были его угодники, имъ взысканные и обогащенные, по большей части также съ любовницами. Чтобы имѣть понятіе о щедрости его къ своимъ фавориткамъ, скажу, что итальянской пѣвицѣ Дави давалъ онъ ежемѣсячно по 8,000 рублей золотомъ, а при отпускѣ ея въ Италію подарилъ ей деньгами и брилліантами на 500,000 рублей. Танцовщицу Ленушку, отъ которой имѣлъ дочь, онъ выдалъ потомъ за служившаго въ канцеляріи его чиновника Е., причемъ далъ ей въ приданое упраздненный и ему императоромъ Павломъ пожалованный въ Петербургской губерніи городъ Рожественъ, въ которомъ жили не только казенные крестьяне, но и мѣщане, и который приносилъ ежегодно доходу 80,000 рублей; сверхъ того въ Петербургѣ домъ въ 300,000 рублей, а мужу исходатайствовалъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника по Почтамту». Безбородко не былъ нисколько спѣсивъ въ обхожденіи; всѣмъ, даже самымъ мелкимъ чиновникамъ

своимъ, онъ говорилъ, вопреки обычаю того времени, «вы». «Но отъ простоты», замѣчаетъ Грибовскій, «весьма былъ далекъ; но, напротивъ того, при весьма неловкой наружности, былъ очень расторопенъ и дальновиденъ». По возвращеніи изъ Яссы, послѣ заключенія тамъ мира съ Портою, Безбородко увидѣлъ, что почти всѣ бывшія въ его вѣдѣніи дѣла перешли къ Зубову, такъ что ему приходилось ѣздить ко двору только въ совѣтъ, собиравшійся во дворцѣ два раза въ недѣлю. Опасаясь, чтобъ это не подало повода къ какимъ нибудь невыгоднымъ для него слухамъ, Безбородко все-таки или ежедневно являлся во дворець, или, просто, посылалъ одну свою карету къ малому дворцовому подъѣзду. Это дошло до свѣдѣнія императрицы, которая замѣтила сама, что Безбородко, пріѣзжая во дворець, скромно усаживался въ углу уборной и потомъ незамѣтно исчезалъ. Екатерина приказала своимъ камердинерамъ докладывать ей всякій разъ о пріѣздѣ графа. Случалось, однако же, что самъ графъ останавливалъ дежурнаго камердинера, говоря, что у него нѣтъ никакого дѣла; случалось также, что онъ входилъ къ императрицѣ для того только, чтобъ показать ей письмо изъ Константинополя отъ племянника своего Кочубея, бывшаго въ то время тамъ посланникомъ. Такое бездѣйствіе Безбородко продолжалось по самую кончину Екатерины.

Пристроившись къ Зубову, Грибовскій, разумѣется, не могъ остаться въ тѣни и пошелъ въ гору. Скоро онъ сдѣлался статсь-секретаремъ и слѣдовательно близкимъ лицомъ къ Екатеринѣ.

Разсказывая объ образѣ жизни императрицы, Грибовскій, между прочимъ, знакомитъ насъ съ распредѣленіемъ времени и занятій государыни. Она вставала въ семь часовъ утра и до девяти занималась въ кабинетѣ письмомъ, причемъ выпивала одну чашку кофе безъ сливокъ («Не пописавши», сказала она однажды Грибовскому, «нельзя и одного дня прожить»). Въ девять часовъ переходила она въ спальню и садилась на обитый бѣлымъ штофомъ стулъ передъ выгнутымъ столикомъ, къ которому былъ приставленъ другой, такой же, обращенный выгибомъ въ противную сторону, для докладчика. Въ это время на Екатеринѣ бывалъ обыкновенно бѣлый гродетуровый капоть и бѣлый же флеровый чепецъ, наклоненный нѣсколько, по замѣчанію Грибовскаго, на лѣвую сторону. Императрица усаживалась и звонила въ колокольчикъ. На этотъ звонъ являлся дежурный камердинеръ и получалъ приказаніе позвать оберъ-полиціймейстера, который, въ числѣ другихъ лицъ, имѣвшихъ до ея величества дѣла, дожидался въ уборной. За оберъ-полиціймейстеромъ, такимъ же порядкомъ, являлись и всѣ остальные. Входившій кланялся, цѣловалъ у императрицы, когда ей было угодно, руку, и если имѣлъ дѣло для

доклада, то, по данному знаку, садился против нея за выгибной столикъ. Суворовъ же, при входѣ, клалъ обыкновенно три земныхъ поклона передъ образомъ, а потомъ, обратясь къ государынѣ, дѣлалъ и ей такой же поклонъ. — «Помилуй, Александръ Васильевичъ, что ты дѣлаешь!» говорила Екатерина, поднимая и усаживая стараго чудака. — «Матушка!» отвѣчалъ на это фельдмаршалъ, «послѣ Бога ты одна моя здѣсь надежда!»

Екатерина занималась такимъ образомъ до двѣнадцати часовъ. Затѣмъ она переходила изъ спальни въ малый кабинетъ, гдѣ старый парикмахеръ ея, Козловъ, убиралъ ей волоса по старинной модѣ, съ небольшими позади ушей буκлями. Въ это время приходили великіе князья, а иногда и великія княжны, — пожелать бабушкѣ добраго утра. Послѣ волосочесанія, императрица выходила въ уборную, въ которой могли присутствовать всѣ, имѣющіе туда доступъ. Сюда, для услугъ ея величества, являлись четыре пожилыя дѣвицы, имѣвшія каждая свою спеціальность. Одна изъ нихъ, Алексѣева, подавала ледъ, которымъ Екатерина терла лицо; другая, гречанка Палакучи, накалывала на голову государынѣ флеровую наколку; двѣ остальныхъ, сестры Звѣревы, подавали булавки. Въ теченіе этого туалета, продолжавшагося не болѣе десяти минутъ, Екатерина разговаривала съ кѣмъ нибудь изъ присутствовавшихъ, — преимущественно съ Л. А. Нарышкинъ и графомъ А. С. Строгановымъ. Раскланявшись потомъ со всѣми, императрица возвращалась въ спальню, сопровождаемая своими камеръ-юнкерами и тамъ, при помощи ихъ и Марьи Савишны Перекусихиной, одѣвалась къ обѣду. Платье Екатерина носила въ простые дни шелковое, сшитое фасономъ, называвшимся молдаванскимъ. Верхнее было, по большей части, лиловое или дикое, нижнее — бѣлое. Въ праздники же императрица надѣвала платье парчевое съ тремя орденскими звѣздами: андреевскою, георгіевскою и владимірскою; иногда надѣвала также ленты этихъ орденовъ и малую корону. Башмаки носила на каблукахъ, но не очень высокихъ.

Обѣдала Екатерина во второмъ часу пополудни. Бывавшіе за ея столомъ получали особое приглашеніе, за исключеніемъ Зубова, который всегда обѣдалъ съ императрицей. Послѣ обѣда, время проходило за чтеніемъ иностранной почты, или за чтеніемъ какого нибудь интереснаго сочиненія. Въ шесть часовъ начиналось вечернее собраніе въ покояхъ императрицы, или театръ въ Эрмитажѣ.

Въ десятомъ часу всѣ разъѣзжались, а въ одиннадцать часовъ Екатерина уже почивала.

Въ пору, описываемую Грибовскимъ, государынѣ шель шестьдесятъ седьмой годъ. За шестнадцать лѣтъ передъ тѣмъ она была еще хороша

и красоту ея напоминали даже въ 1795 году нѣкоторыя черты и части ея лица. Черты эти не отличались правильностью, но общее выраженіе ихъ было привлекательно. Глаза ея, голубые, оттѣненные черными рѣсницами, были очень хороши. Ходила она медленно и твердо, говорила протяжно, и голосъ имѣла мужественный. Ростомъ Екатерина была не высока и въ послѣднее время довольно полна, но, въ извѣстныя минуты, умѣла придавать всей своей фигурѣ такой гордо-повелительный и эффектный видъ, что казалась многимъ женщиной высокаго роста и невольно приводила въ смущеніе людей, очень не робкихъ и свыкшихся съ придворной обстановкой и обычаями. Свѣжесть лица и зубы, за исключеніемъ одного верхняго, Екатерина сохранила до конца жизни; зрѣніе же ея въ послѣдніе годы нѣсколько ослабѣло и она читала не иначе, какъ въ очкахъ съ увеличительными стеклами. Грибовскій рассказываетъ, что прийдя разъ съ докладомъ, онъ засталъ ее читающей такимъ образомъ и она, улыбаясь, сказала:—«Вѣрно вамъ еще не нуженъ этотъ снарядъ? Сколько вамъ лѣтъ отъ роду?»—«Двадцать шесть», отвѣчалъ Грибовскій.—«А мы», прибавила императрица, «въ долговременной службѣ государству притупили зрѣніе и теперь принуждены очки употреблять».

Эта «долговременная служба» прервалась самымъ неожиданнымъ образомъ, 5-го ноября 1796 года. Еще наканунѣ вечеромъ никто не могъ подозрѣвать печальнаго событія. Во дворцѣ былъ малый эрмитажъ и Екатерина казалась чрезвычайно веселой, получивъ извѣстіе, что генераль Моро отброшенъ австрійцами за Рейнъ. По этому случаю она написала даже австрійскому посланнику, графу Кобенцелю, шутивую записку такого содержанія: «Je m'empresse d'annoncer à l'excellente excellence que les excellentes troupes de l'excellente cour ont complètement battu les français». Вся подъ вліяніемъ этого пріятнаго извѣстія, Екатерина болѣе обыкновеннаго шутила съ своимъ придворнымъ острякомъ Л. А. Нарышкинымъ и только нѣсколько ранѣ удалилась въ свою комнату, сказавъ, что чувствуетъ отъ смѣха легкую колику. На другой день она встала въ обычное время, занималась писаніемъ русской исторіи, пила кофе, припала Зубова; потомъ вышла изъ кабинета, объявивъ, что сейчасъ вернется. Прошло, однакожь, довольно много времени, а императрица не возвращалась. Приближенные ея стали тревожиться и камердинеръ, Захаръ Зотовъ, рѣшился, наконецъ, освѣдомиться, въ чемъ дѣло. Онъ хотѣлъ отворить дверь въ комнатку, въ которую пошла Екатерина, но дверь что-то задерживало. Зотовъ сдѣлалъ усиліе — и увидѣлъ государыню на полу, безъ чувствъ, головой къ стѣнѣ, а ногами къ двери, которая отъ того и не отворялась. Съ Екатериной сдѣлался апоплексическій ударъ. Неожиданная

вѣсть мигомъ облетѣла дворець, поднявъ всеобщую суматоху. Все забѣгало, засуетилось, заохало; въ Гатчино, къ наслѣднику, разомъ полетѣло нѣсколько гонцовъ; кто плакалъ, кто хлопоталъ, кто рѣшительно недоумѣвалъ, что ему дѣлать, кто обдумывалъ уже планъ будущиxъ дѣйствій. Зубовъ же совершенно потерялъ голову. Онъ не позволилъ дежурному доктору пустить императрицѣ кровь и ходилъ какъ помѣшанный. Прибывшій вскорѣ изъ Гатчины Павелъ Петровичъ нѣсколько разъ милостиво обращался къ любимцу и увѣрялъ его въ своемъ благорасположеніи; но Зубовъ какъ будто ничего не понималъ. Опъ безпрестанно заглядывалъ въ спальню, гдѣ лежала Екатерина, и возвращался оттуда въ дежурную комнату съ горькими рыданіями. — «Тамъ, — пишетъ очевидецъ всѣхъ этиxъ сценъ, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, — вельможа сей сидѣлъ въ углу: — толпа придворныхъ удалялась отъ него, какъ отъ зараженнаго и онъ, терзаемый жаждою и жаромъ, не могъ выпросить себѣ стакана воды. Я послалъ лакея и подаль самъ питье, въ которомъ отказывали ему тѣ самыя, кои сутки тому назадъ въ одной улыбкѣ его устраивали зданіе своего счастья, и та комната, въ которой давили другъ друга, чтобъ къ нему приблизиться, обратилась для него въ необитаемую степь».

Отчаянное горе Зубова было неложнымъ предчувствіемъ: императоръ Павелъ оставилъ его сначала при занимаемыхъ имъ должностяхъ и 26-го ноября 1796 года пожаловалъ даже инспекторомъ по артиллеріи, но 6-го декабря велѣлъ ему имѣть пребываніе въ его литовскихъ деревняхъ, потомъ дозволилъ отправиться за границу, а въ ноябрѣ 1800 года вызвалъ снова въ Петербургъ, переименовалъ въ генералы-отъ-инфантеріи и назначилъ шефомъ перваго кадетскаго корпуса. Не испытавъ рѣшительной опалы, графъ Зубовъ и не возвышался болѣе на своемъ случайномъ поприщѣ. Значеніе его невозвратно кончилось въ десятомъ часу утра, 5-го ноября 1796 года.

Вмѣстѣ съ Зубовымъ и другими екатерининскими «орлами» кончилъ свою карьеру и Грибовскій. Намъ неизвѣстны подробности послѣднихъ дней его жизни, но въ концѣ «Записокъ» сохранились слѣдующія бѣглыя замѣтки:

1798 г.

«Присылка за мной въ подольскую деревню сенатскаго курьера въ маѣ».

«Беклешовъ отправляетъ меня съ нимъ въ коляскѣ, которая и сломалась».

«Въ Кіевѣ дана коляска генераломъ Сухтеленемъ, который на мѣсто ея взялъ мой дормезъ. Въ Могилевѣ курьеръ занемогъ горячкою,

а комендантъ отправилъ меня въ Витебскъ съ солдатомъ изъ тамошнихъ ротъ. Губернаторомъ въ Витебскъ былъ Жегулинъ; пріемъ сдѣлалъ онъ мнѣ холодный и робкій и отправилъ съ другимъ солдатомъ въ Петербургъ. Пріѣхалъ я въ Петербургъ въ перекладной кибиткѣ, а коляска оставлена за семьдесятъ верстъ за худобой. Подъѣхали къ дому князя Куракина, тогдашняго генераль-прокурора; отъ него въ домъ Макарова, въ Галерную улицу; сей ѣздилъ къ генераль-прокурору и, возвратясь, повелъ меня въ крѣпость, гдѣ помѣстилъ въ равелинѣ. На другой день князь Куракинъ пріѣхалъ и божился, что не знаетъ причины моего заключенія; велѣлъ отвезти мнѣ одинъ номеръ газеты, скрипку, книги и три изрядныя блюда».

1801 г.

«Въ этомъ году былъ освобожденъ и опять въ подольскую деревню съ курьеромъ отправленъ».

1802 г.

«Пріѣхалъ въ Вишневецинъ, польское мое имѣніе, и продалъ его, а въ 1803 году, въ февралѣ, пріѣхалъ въ Москву».

Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина.

ВСТАГО октября 1891 года, исполнилось сто лѣтъ со дня кончины любимца и друга императрицы Екатерины II, князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго. Мы до сихъ поръ, еще не имѣемъ обстоятельной біографіи этого замѣчательнаго дѣятеля Екатерининскаго царствованія и знаемъ его преимущественно лишь по множеству не всегда достовѣрныхъ анекдотовъ, рисующихъ «великодушнаго князя Тавриды», какъ избалованнаго сибарита, презрительно относившагося ко всему окружающему, ставившаго выше всего свои капризы и не знавшаго пренятствій для удовлетворенія своихъ минутныхъ фантазій и прихотей. Эти анекдоты, выставляющіе на показъ, главнымъ образомъ, только недостатки Потемкина, совсѣмъ затемнили его государственную дѣятельность, а между тѣмъ уже одно безкровное завоеваніе Крыма, созданіе черноморскаго флота и превращеніе пустынныхъ степей Новороссіи въ цвѣтущую провинцію даютъ ему право на видное мѣсто среди наиболѣе достопамятныхъ русскихъ людей. Не даромъ смерть Потемкина поразила Екатерину и привела ее въ такое отчаяніе, что она заперлась въ своемъ кабинетѣ, плакала, и долго не могла успокоиться. «Мнѣ нехѣтъ замѣнить Потемкина», говорила она окружающимъ, — «онъ имѣлъ необыкновенный умъ, нравъ горячій, сердце доброе; онъ благодѣтельствовалъ даже врагамъ своимъ; его нельзя было купить. C'était mon élève, homme de génie», (это былъ мой уче-

Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.
Съ рядкой гравюры (Королдумова).

никъ, человѣкъ гениальный). Не одна только привязанность государыни возвысила Потемкина до высшихъ ступеней, доступныхъ подданному; къ нимъ привели его также и блестящія природныя дарованія, давшія ему возможность оказать много важныхъ услугъ родинѣ и прибавить не мало лучей къ ореолу славы своей благодѣтельницы. Странна была судьба этого человѣка: превративъ бѣднаго школьника смоленской семинаріи въ всеильнаго временщика, передъ которымъ все преклонялось, она заставила его умереть въ степи, на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ. Онъ кончилъ карьеру также оригинально, какъ и началъ ее. Мы не имѣемъ въ виду дѣлать здѣсь характеристику Потемкина; цѣль нашей замѣтки—напомнить о немъ и рассказать нѣкоторыя подробности его кончины, которыя многими, можетъ быть, забыты, а инымъ, пожалуй, и совсѣмъ неизвѣстны.

Послѣ счастливой кампаніи 1790 года, закончившейся взятіемъ неприступнаго Измаила, Потемкинъ, командовавшій тогда арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ, приказалъ войскамъ расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Молдавіи, а самъ рѣшилъ отправиться въ Петербургъ, куда его призывали не столько дѣла государственныя, сколько личныя: при дворѣ внезапно взопла новая и весьма яркая звѣзда,—князь Платонъ Александровичъ Зубовъ. Въ 1789 году, еще секундъ-ротмистръ конной гвардіи, двадцати-двухъ-лѣтній Зубовъ, въ слѣдующемъ году, былъ уже флигель-адъютантомъ государыни, генераль-маіоромъ и кавалеромъ орденовъ св. Станислава, Бѣлаго Орла, св. Анны и св. Александра Невскаго. При такихъ явныхъ знакахъ особаго благоволенія престарѣлой императрицы, надменный Зубовъ не хотѣлъ искать благосклонности и покровительства Потемкина и не обнаруживалъ къ нему того раболѣпнаго уваженія, съ какимъ все преклонялось передъ княземъ Таврическимъ. Убѣждаясь изъ множества фактовъ, что вліяніе Зубова на Екатерину растетъ съ необычайной быстротой, Потемкинъ почувствовалъ, что имѣетъ въ лицѣ его опаснаго соперника. Такое сознаніе потрясло душу человѣка, привыкшаго, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, не видѣть себѣ совѣстника въ довѣрїи императрицы, вліяніи на государственныя дѣла и въ мнѣніи общественномъ относительно силы своей у престола. Чувство глубоко оскорбленнаго самолюбія зародилось въ душѣ всемогнутаго до толѣ вельможи, и ни пышность, ни великолѣпіе, его окружавшія, ни почести, вездѣ ему воздаваемыя, не могли доставить ему развлеченія. Онъ сдѣлался мраченъ, задумчивъ, скученъ, искалъ разсѣянїя и нигдѣ не находилъ его. Не скрывая своего безпокойства отъ государыни, Потемкинъ писалъ ей, въ исходѣ декабря 1790 г., изъ Яссы, гдѣ находилась главная квартира:

«Матушка родная! При обстоятельствахъ, васъ отягощающихъ, не оставляйте меня безъ увѣдомленія. Неужели вы не знаете мѣру моей привязанности, которая особая отъ всѣхъ. Каково слышать мнѣ, со всѣхъ сторонъ, нелѣпныя новости и не знать: вѣрить имъ или нѣтъ? Забота въ такой неизвѣстности погрузила меня въ несказанную слабость. Лишаюсь сна и пищи, я хуже младенца. Всѣ видятъ мое изну-

Потемкинъ на смертномъ одрѣ.

Съ весьма рѣдкой гравюры Скородумова. Изъ собранія П. Я. Дашкова.

реніе. Ъхать въ Херсонъ, сколь ни нужно, не могу двинуться; то въ подобныхъ обстоятельствахъ скажите только, что вы здоровы».

Въ началѣ февраля, сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія по армии и флоту и передавъ начальство надъ нимъ князю Репнину, Потемкинъ отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ съ большими почестями и остановился, по обыкновенію, въ Эрмитажѣ. Екатерина прислала ему фельдмаршалскій мундиръ, украшенный по шпигу алмазами и драгоценными камнями, цѣною въ 200,000 рублей,

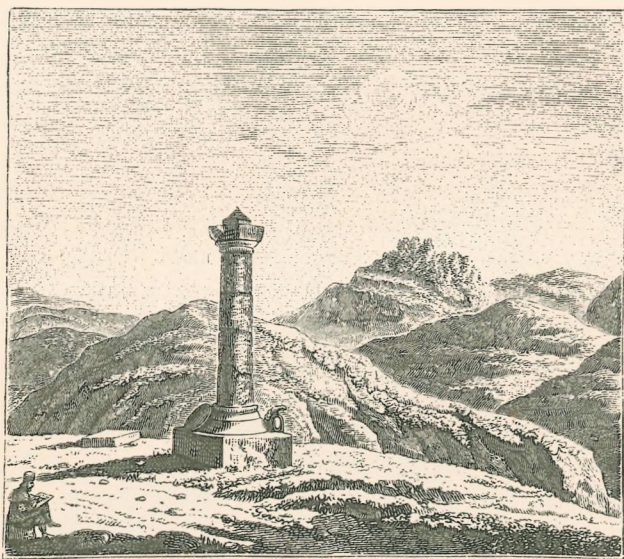
и копию съ указа, даннаго ею Сенату, въ которомъ, послѣ подробнаго перечисленія подвиговъ русскихъ войскъ въ прошедшую кампанію, говорилось:

«Вознося хвалу и благодареніе Всевышнему, благословляющему успѣхами праведное дѣло наше и поборствующему намъ противъ враговъ нашихъ, обращаемъ вниманіе наше на тѣхъ, кои ревностными ихъ подвигами были истинные виновники таковой, вновь приобрѣтенной оружіемъ нашимъ, славы и, воздавъ справедливость за слугамъ каждаго, восхотѣли мы изъявить оную главному предводителю сухопутныхъ и морскихъ силъ нашихъ, противъ непріятеля имени христіанскаго дѣйствующихъ, генералъ-фельдмаршалу князю Г. А. Потемкину-Таврическому, неусыпными распоряженіями и руководствомъ котораго произведены всѣ дѣла вышеозначенныя. Повелѣваемъ вслѣдствіе того Сенату нашему засвидѣтельствовать отличные и государству полезныя подвиги его новою похвальною грамотою и сверхъ того, на вѣчную память заслугъ его, воздвигнуть ему, на иждивеніи казны нашей, домъ, со всѣмъ принадлежащимъ къ тому уборомъ и предъ онымъ соорудить монументъ съ изображеніемъ побѣды и завоеваній, подъ его руководствомъ одержанныхъ, истребовавъ отъ него планъ дома и отобравъ желаніе, въ столицѣ, или въ деревнѣ, онъ предпочтетъ сіе строеніе».

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Потемкинъ, повидимому, продолжалъ пользоваться, какъ и прежде, благосклонностью и неограниченнымъ довѣріемъ императрицы, которая почти ежедневно видѣлась съ нимъ и ничего не предпринимала безъ его совѣта; вельможи, попрежнему, унижались и раболѣпствовали передъ княземъ; однако, не смотря на это, глубокая печаль не покидала его: онъ скупалъ почестями и ласками, былъ недоволенъ всѣми, даже самимъ собой, жаловался приближеннымъ на «боль зуба», говорилъ, что не выѣдетъ изъ Петербурга до тѣхъ поръ, пока не выдернетъ его. Предаясь горестнымъ предчувствіямъ, Потемкинъ торопился отдѣлкой, подареннаго ему Екатериной, Таврическаго дворца и устраивалъ въ немъ, 9-го мая, для императрицы и всего двора, торжественный праздникъ, стоившій, какъ говорили, около полумиліона рублей и поразившій своимъ небывалымъ великолѣпіемъ и роскошью даже государыню.

Послѣ этого праздника, Потемкинъ уже не вернулся въ Эрмитажъ, а остался въ Таврическомъ дворцѣ. Живя здѣсь, въ нетерпѣливомъ ожиданіи освободиться отъ мучившаго его соперника, князь не переставалъ заниматься дѣлами, касавшимися вѣрренныхъ ему войскъ; но военныя дѣйствія начались безъ него и при томъ весьма удачно. Князь Голицынъ взялъ Мачинъ, Кутузовъ разбилъ турокъ при Ба-

бадагѣ, Гудовичъ, послѣ кровопролитнаго штурма, овладѣлъ сильной и важной крѣпостью Анапой. Наконецъ, 28-го іюня, князь Репнинъ одержалъ блистательную побѣду надъ великимъ визиремъ близъ Мачина. Эта побѣда заставила турокъ вступить въ переговоры о мирѣ. Такимъ образомъ, Потемкинъ поставленъ былъ въ необходимость немедленно ѣхать въ армію. 24-го іюля, онъ простился, въ послѣдній разъ, съ императрицей и, въ шестомъ часу утра, отправился изъ Царскаго Села въ Молдавію. Современники рассказываютъ, что въ послѣднее пребываніе его въ Петербургѣ, въ немъ уже не было замѣтно ни той раздражительности, ни тѣхъ странныхъ причудъ и прихотей,

Памятникъ на мѣстѣ кончины Потемкина, въ первоначальномъ видѣ.

Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

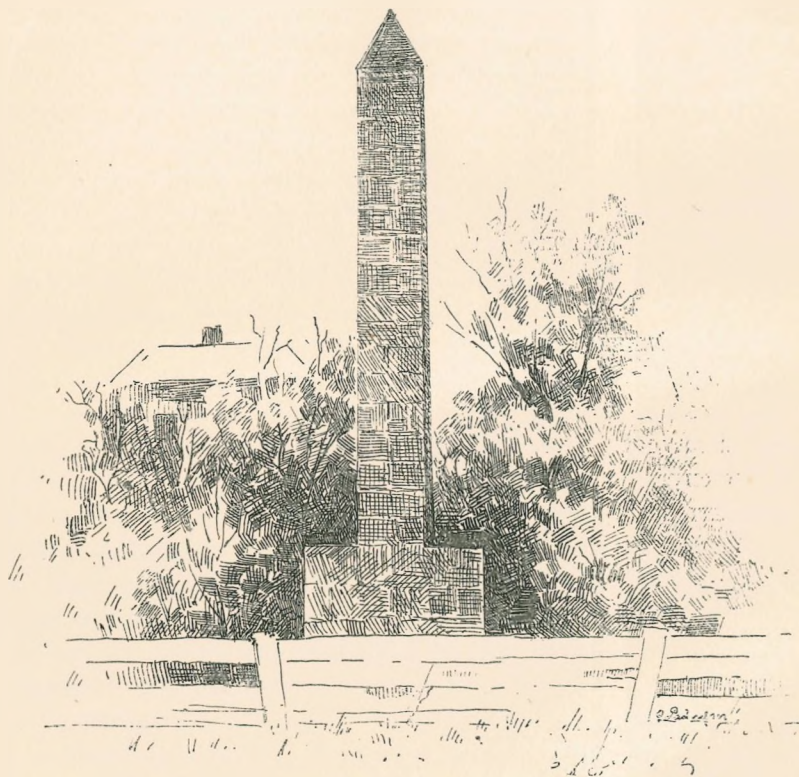
которыя прежде всѣ привыкли видѣть, и что онъ, будто бы, даже сообщилъ одной изъ своихъ близкихъ родственниковъ предчувствіе близкой кончины.

Между тѣмъ, князь Репнинъ, не ожидая прибытія Потемкина, подписалъ, 31-го іюля, въ Галацѣ, предварительныя условія мира. Это извѣстіе еще болѣе разстроило Потемкина, и онъ не скрылъ своей досады, сдѣлавъ выговоръ Репнину, который, въ данномъ случаѣ, руководился лишь личнымъ честолюбіемъ, такъ какъ единственная причина, побудившая его съ такою поспѣшностью утвердить мирныя условія, состояла въ томъ, чтобы окончить это, столь желаемое импе-

ратрицей, дѣло, безъ участія главнокомандующаго и приписать всю заслугу себѣ.

Потемкинъ пріѣхалъ въ Галацъ уже больной тѣломъ и духомъ. На третій день по его пріѣздѣ, умеръ очень любимый имъ генераль, принцъ Карлъ Виртембергскій, родной братъ великой княгини Маріи Ѳедоровны. Отдавая послѣдній долгъ усопшему, князь вышелъ изъ церкви грустный, утомленный духотою и жарою, и, въ разсѣянности, вмѣсто своихъ дрожекъ, сѣлъ на дроги, приготовленныя для покойника. Ничтожное обстоятельство это сильно подѣйствовало на его воображеніе, тѣмъ болѣе, что съ дѣтства онъ сохранилъ много суевѣрныхъ предрасудковъ. Вечеромъ онъ почувствовалъ ознобъ и жаръ, — первые признаки горячки, которая свела его въ могилу. Въ виду отсутствія въ Галацѣ всякихъ удобствъ, Потемкинъ отправился въ Яссы, гдѣ находились три весьма искусные врача: генераль-штабъ-докторъ арміи Тиманъ, докторъ хирургіи Массотъ, и штабъ-лекаръ Санковскій. Они приложили всѣ свои знанія, чтобы помочь больному, но болѣзнь не поддавалась и, ослабѣвая порою, возвращалась съ новою силою. Сознавая безнадежность своего положенія, Потемкинъ пожелалъ, 21-го сентября, приобщиться св. Таинъ и послалъ за духовникомъ своимъ, архіепископомъ Херсонскимъ Амвросіемъ, который немедленно явился къ нему вмѣстѣ съ митрополитомъ Русскимъ Іоною. Оба они старались успокоить больного и вселить въ него надежду на выздоровленіе. — «Едва ли я выздоровѣю,» отвѣчалъ онъ имъ, «сколько уже времени, а облегченія нѣтъ какъ нѣтъ. Но да будетъ воля Божія! Только вы молитесь о душѣ моей и помните меня. Ты, духовникъ мой», продолжалъ князь, обращаясь къ Амвросію, «и вѣдаешь, что я никому не желалъ зла. Осчастливить чело-вѣка было цѣлью моихъ стремленій». Амвросій и Іона, обливаясь слезами, приступили къ исполненію великаго таинства. Потемкинъ исповѣдался и причастился съ живѣйшими знаками вѣры и послѣ этого повеселѣлъ и сталъ покойнѣе. 30-го числа, въ день своего рожденія и именинъ, князь былъ обрадованъ полученіемъ отъ императрицы письма и подарка, состоявшаго изъ легкой шубы и шляфорта. Читая письмо государыни, онъ горько плакалъ и на утѣшенія окружающихъ, отвѣчалъ, что, вѣроятно, уже не будетъ имѣть счастья увидѣть свою благодѣтельницу. Въ ночь съ 2-го на 3-е октября наступилъ такой сильный пароксизмъ, который привелъ въ отчаяніе всѣхъ медиковъ. Въ теченіе девяти часовъ они не находили у больного пульса; онъ никого не узнавалъ, руки и ноги были холодны какъ ледъ, лицо совершенно измѣнилось. Энергическими мѣрами удалось привести его въ сознаніе, но онъ чрезвычайно слабъ. Однако, не смотря на сла-

бость, Потемкинъ велѣлъ какъ можно скорѣе готовиться къ отъѣзду изъ Яссы, говоря:—«по крайней мѣрѣ умру въ моемъ Николаевѣ». Выѣздъ былъ назначенъ 4-го числа утромъ и князь безпрестанно спрашивалъ: который часъ? и все ли готово? Едва разсвѣло, онъ, не обращая вниманія на просьбы окружающихъ—подождать, пока разойдется туманъ, приказалъ посадить себя въ большія кресла и снести

Памятникъ на мѣстѣ кончины князя Потемкина, въ настоящее время.
(Рисунокъ съ натуры художника Райляна, въ 1890 г.).

къ большой шестимѣстной каретѣ, въ которую его съ трудомъ и положили. Передъ отъѣздомъ, Потемкинъ дрожащей рукой подписали слѣдующее, продиктованное имъ своему правителю канцеляріи Попову, послѣднее письмо къ императрицѣ:

«Матушка, всемиловѣйшая государыня! Нѣтъ силъ болѣе переносить мнѣ мученія, одно спасеніе остается оставить сей городъ, и я велѣлъ везти себя къ Николаеву. Не знаю, что будетъ со мною.

Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный. (Собственноручная приписка):
Одно спасеніе уѣхать».

Поѣздъ Потемкина состоялъ изъ нѣсколькихъ экипажей, въ которыхъ находились: племянница его, графиня Браницкая, рожденная Энгельгардтъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшая нарочно изъ Кіева, по случаю болѣзни горячо любимаго ею дяди, генераль-поручикъ князь Голицынъ, генераль-маіоръ Львовъ, правитель канцеляріи Поповъ, бригадиръ Фалѣевъ, адъютантъ Бауеръ, казакскій атаманъ Гавриленко, доктора Тиманъ, Массотъ и Санковскій, іеромонахъ Іаковъ и многочисленная прислуга; десять конныхъ казаковъ конвоировали экипажи. Поѣздъ двигался такъ тихо, что только въ седьмомъ часу вечера достигъ первой станціи, въ 30 верстахъ отъ Яссы, села Пунчесты, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ у командира Гаврическаго гренадерскаго полка, полковника Кнорринга. Командиръ и офицеры, въ парадной формѣ, ожидали главнокомандующаго у крыльца приготовленнаго для него дома, намѣреваясь сдѣлать торжественную встрѣчу, но когда карета остановилась, то изъ нея раздался недовольный голосъ: «душно! жарко!» Потемкина внесли въ домъ и уложили на диванъ. Онъ велѣлъ открыть всѣ окна, повторяя: «душно! жарко!» Все, что можно было достать для прохлажденія больного, было подано, но онъ продолжалъ метаться и стонать. Около десяти часовъ князь немного успокоился и спутники его пошли ужинать къ Кноррингу. Такъ какъ выѣздъ былъ назначенъ въ восемь часовъ утра, то, послѣ ужина, всѣ улеглись спать. Вдругъ, въ третьемъ часу ночи, поднялась тревога: князь приказалъ какъ можно скорѣе закладывать и подавать экипажи. Одѣвшись кое-какъ, всѣ поспѣшили на свои мѣста и тронулись въ дальнѣйшій путь шагомъ. Отѣхавъ еще десять верстъ, княжеская карета внезапно остановилась. Сопровождавшіе Потемкина лица выскочили изъ своихъ экипажей, бросились къ каретѣ и увидѣли, что онъ дрожащими руками держитъ, всегда сопутствовавшую ему, икону Спасителя, лобызаетъ ее, обливаясь слезами, восклицая: «Боже мой! Боже мой!» затѣмъ онъ произнесъ: — «Будетъ теперь... некуда ѣхать... я умираю... Выньте меня изъ коляски... хочу умереть въ полѣ». Наскоро разостлали коверъ, принесли кожаную подушку и уложили больного. Доктора намочили ему голову спиртомъ. Такъ пролежалъ онъ около получаса, молча, вперивъ потухающій взоръ въ голубое, безоблачное небо. Наконецъ, началась агонія. Камердинеръ схватилъ образъ и опустился съ нимъ на колѣни передъ умирающимъ, кто-то изъ свиты приподнял ему голову, кругомъ слышались рыданія. Потемкинъ глубоко вздохнулъ, потянулся — и отошелъ въ вѣчность.

Видъ города и порта Николаева въ концѣ прошлаго столѣтія.
Съ рѣдкою правдою того времени.

Ночью, въ той же самой каретѣ, окруженной казаками и драгунами съ зажженными факелами въ рукахъ, тѣло Потемкина было привезено обратно въ Яссы.

Императрица велѣла похоронить Потемкина почти съ царскими почестями и великолѣпіемъ въ Херсонѣ и поставить ему мраморный памятникъ. Прахъ его, въ свинцовомъ гробу, былъ погребенъ въ Херсонской, крѣпостной, соборной церкви во имя св. Екатерины, подъ поломъ, въ особомъ склепѣ, въ который съ наружной стороны храма велъ длинный ходъ: сюда желающіе приходили поклониться и служить панихиды. Въ такомъ видѣ гробъ, видимый для публики, оставался до 1798 года, когда, по приказанію императора Павла, питавшаго особенное нерасположеніе къ Потемкину, послѣдовало на имя херсонскаго губернатора, Селецкаго, слѣдующее предписаніе генераль-прокурора князя Куракина:

«Государю императору сдѣлалось извѣстно, что тѣло покойнаго князя Потемкина донынѣ еще не предано землѣ, а держится на поверхности, въ особомъ сдѣланномъ подъ церковью погребу, и отъ людей бываетъ посѣщаемо; а потому, находя сіе непристойнымъ, высочайше соизволяетъ, дабы все тѣло, безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ томъ же погребу погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы его никогда не бывало».

Одновременно съ этимъ приказано было «уничтожить» и мраморный «мавзолей», поставленный въ церкви надъ мѣстомъ погребенія Потемкина.

Секретная задѣлка, ночью, склепа съ гробомъ Потемкина и уничтоженіе надгробнаго памятника, породили молву, будто тѣло его вынута изъ гроба и безслѣдно погребено гдѣ-то во рву Херсонской крѣпости. Между тѣмъ, тѣло оставалось въ гробу неприкосновеннымъ, въ чемъ имѣются свидѣтельства нѣсколькихъ очевидцевъ. Такъ, въ 1818 году, екатеринославскій архіепископъ Іовъ (Потемкинъ), въ бытность свою въ Херсонѣ, во время объѣзда епархіи, пожелалъ, по родству, убѣдиться въ справедливости молвы; въ присутствіи соборныхъ священниковъ, онъ приказалъ поднять церковный полъ, проломать сводъ склепа и, вскрывъ гробъ, удостовѣрился въ нахожденіи въ немъ трупа; при этомъ, говорятъ, архіепископъ вынулъ и увезъ съ собой сосудъ съ внутренностями покойнаго и надѣтый на послѣдняго портретъ Екатерины II, осыпанный драгоценными камнями. Въ 1859 году, по случаю внутреннихъ починокъ въ соборѣ, пять лицъ спускались въ склепъ и, вынувъ изъ развалившагося, засыпаннаго землей гроба, черепъ и нѣкоторыя кости Потемкина, вложили ихъ въ особый

ящикъ и оставили въ склепѣ; при этомъ было произведено новое расхищеніе могилы: взяты всѣ пуговицы съ мундира, куски золотого позумента и сняты даже полуистлѣвшія туфли съ ногъ трупа. Наконецъ, въ 1874 году, Одесское Общество Исторіи и Древностей, при содѣйствіи тогдашняго военнаго министра, Д. А. Милютина, рѣшило привести въ порядокъ могилу Потемкина, сдѣлать надъ нею мраморную плиту съ приличною надписью и окружить мѣсто погребенія рѣшеткой. По вскрытіи уполномоченными пола въ церкви, обнаружился сводъ склепа, проломанный въ двухъ мѣстахъ, изъ которыхъ одно было заложено наглухо камнями, а другое досками; по снятіи послѣднихъ, открылся самый склепъ, частію засыпанный землею. Въ склепѣ прежде всего найдены деревянный, церковный ящикъ небольшой величины; въ немъ лежалъ черепъ съ выпиленною съ задней стороны треугольною частью и наполненный массою для бальзамированія; на затылкѣ черепа были видны клочки темнорусыхъ волосъ; тутъ же лежало нѣсколько другихъ костей. Далѣе, въ разрыленной землѣ, оказались части истлѣвшаго, деревяннаго, яснаго гроба и куски свинцоваго, разрушеннаго, очевидно, не временемъ, а человѣческими руками; также, остальные кости съ истлѣвшими кусками роскошной одежды, на которой вышиты канителью три звѣзды: св. Георгія, св. Владиміра и св. Андрея Первозваннаго. Здѣсь же лежалъ небольшой желѣзный ломъ, остатки бархата и нѣсколько гробовыхъ скобъ и подножій; на ножныхъ костяхъ замѣтны были слѣды шелковыхъ чулокъ. Уполномоченные собрали всѣ кости Потемкина, уложили ихъ въ особый свинцовый ящикъ, который и поставили тутъ же въ склепѣ; отверстія въ сводѣ были задѣланы и надъ ними положена мраморная доска. Остатки позумента, скобы, подножія и звѣзды, были также положены въ особый ларецъ, оставленный въ ризницѣ крѣпостнаго собора на память о покойномъ.

Такимъ образомъ, кости Потемкина ограждены отъ новыхъ святотатственныхъ покушеній и продырявленный черепъ его съ прядью темнорусыхъ волосъ можетъ покойно лежать и разрушаться въ своемъ свинцовомъ ящикѣ.

Позднѣйшее потомство оцѣнило заслуги князя Таврическаго: въ 1836 году «благодарный Новороссійскій край», съ высочайшаго соизволенія, воздвигъ въ честь Потемкина, въ центрѣ Херсона, въ городскомъ саду, бронзовый памятникъ, изображающій князя во весь ростъ, облеченнаго въ рыцарскую мантию. Колоссальная фигура Потемкина, превосходно исполненная знаменитымъ скульпторомъ Мартомъ, возвышается на гранитномъ пьедесталѣ, окруженномъ чугунными колоннами и цѣпью.

Особенности кончины Потемкина произвели сильное впечатлѣніе на графиню Браницкую и она тогда же поручила, находившемуся при главной квартирѣ въ Яссахъ, художнику Казанова, изобразить это событіе на полотнѣ. Казанова срисовалъ съ природы мѣстность и безоблачное небо послѣ только-что исчезнувшаго утренняго тумана и расположилъ всѣ группы согласно разсказу очевидцевъ, списавъ съ нихъ портреты. Кромѣ того, другой художникъ, Ивановъ, также состоявшій при Потемкинѣ, нарисовалъ его лежащимъ въ гробу. Какъ съ картины Казанова, такъ и съ портрета Иванова были сдѣланы извѣстнымъ въ свое время граверомъ Скородумовымъ гравюры, составляющія теперь величайшую рѣдкость. Подъ гравюрой, изображающей смерть Петемкина, находится слѣдующая надпись:

«Représentation de la mort du prince Potemkin le Taurique, feld-marechal des armées de sa majesté l'imperatrice de toutes les Russies, grand hetman des cosaques etc. Ainsi que le lieu pris d'après nature et les personnages qui se trouvaient à cet évènement, arrivé en Moldavie le 5 octobre 1791» (Изображеніе кончины князя Потемкина-Таврическаго, фельдмаршала армій ея величества императрицы все-россійской, гетмана казачьихъ войскъ и пр., равно какъ и мѣстности, срисованной съ природы, и особъ, присутствовавшихъ при семъ событіи, случившемся 5-го октября 1791 г.), а далѣе извѣстные стихи:

«О видъ плачевный! Смерть ужасна,
 «Кого отъемлишь ты отъ насъ!
 «Какъ искра, во мгновенье ока,
 «Герой! твой славный вѣкъ погасъ!
 «Надмены покоривъ намъ грады,
 «Самъ кончилъ жизнь среди степей
 «И мира сладкаго въ отрадѣ
 «Во славѣ не вкусилъ твоей.
 «Доколѣ сами не увянемъ,
 «Ты будешь въ нашихъ жигъ сердцахъ,
 «Лить горьки слезы не престанемъ
 «И ими орошать твой прахъ».

На самомъ мѣстѣ кончины Потемкина, въ степи, по распоряженію графини Браницкой, былъ сооруженъ круглый каменный столбъ, близъ котораго построены домикъ для сторожа. Все это содержалось въ порядкѣ, насчетъ внуковъ графини, до конца пятидесятихъ годовъ, когда графы Браницкіе продали свои имѣнія, находившіяся близъ Бессарабіи. Съ тѣхъ поръ столбъ, оставленный безъ ремонта, началъ разрушаться и, наконецъ, обвалился. Тогда, по чьему-то распоряженію, вмѣсто него поставленъ другой, довольно безобразной формы.

Художникъ Ѳ. Р. Райлянъ, проѣзжавшій по этой мѣстности въ прошломъ году, срисовалъ для насъ видъ столба въ настоящемъ его видѣ и мы воспроизводимъ его здѣсь, вмѣстѣ съ рисункомъ первоначально воздвигнутой колонны. Кромѣ того прилагаемъ къ нашей замѣткѣ уменьшенныя копии съ картины Казанова и портрета Потемкина, сдѣланнаго Ивановымъ.

Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтїа.

Принцъ Нассау-Зигенъ ¹⁾.

ПРИНЦЪ Нассау-Зигенъ приобрѣлъ себѣ въ концѣ прошлаго столѣтїа довольно громкую извѣстность какъ неутомимый и отважный искатель приключенїй. Гонимый судьбою отъ колыбели, лишенный достоинствъ рода и владѣнїй, воспитанный подъ влїяніемъ идей своего времени, принцъ Нассау былъ космополитъ въ душѣ. Для него не существовало отечества. Онъ переходилъ изъ страны въ страну, вездѣ предлагая свои услуги и вездѣ отыскивая себѣ минутное гражданство. Холодное сердце этого человѣка никогда не волновалось ни патріотическимъ чувствомъ къ родинѣ, ни нѣжными привязанностями къ людямъ. Вся цѣль его жизни заключалась въ приобрѣтенїи славы и богатства, для достиженїя которыхъ онъ стремился навстрѣчу всевозможнымъ опасностямъ, не думая ни о себѣ, ни о другихъ.

¹⁾ Источники: 1) Принцъ Нассау-Зигенъ. Воен. Сборникъ 1859, № 8.—2) Отрывокъ изъ записокъ И. И. Кушелева. Кронштадтскій Вѣстникъ, 1862, № 13.—3) Война Россїи съ Швеціей въ 1788—1789 годахъ. Брикнера. Ж. М. Н. П., 1869, № 4 и слѣд.—4) Взглядъ на военныя дѣйствїя россіянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ съ 1787 по 1791 годъ. Висковатого. Спб., 1828.—5) Походы Румянцова, Потемкина и Суворова въ Турціи. Богдановича. Спб., 1852.—6) Жизнь адмирала Ф. Ф. Ушакова. Скаловскаго. Спб. 1856, ч. I.—7) Военныя дѣйствїя россійскаго флота противъ шведскаго въ 1788—1790 годахъ. А. Ш. Спб., 1826.—8) Сборникъ русскаго историческаго общества. Спб., 1867, т. I.—9) Записки А. В. Храповицкаго. М., 1862.—10) Переписка императрицы Екатерины II съ разными особами. Спб., 1807.—11) *Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne*. Paris, 1809, т. I.—12) *Mémoires ou souvenirs et anecdotes par le comte de Ségur*. Paris. 1862.

Карль-Генрихъ-Николай-Оттонъ принцъ Нассау-Зигенъ родился 17 января 1745 года. Онъ происходилъ отъ древней германской фамилиі графовъ Лауенбургскихъ и принадлежалъ къ католической линіи Зигеновъ. Дѣдъ его, Эммануиль-Игнатій, женатый на Каролинѣ де-Мальи-де-Несль, умеръ въ 1743 году, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ, и владѣнія его, по распоряженію вѣнскаго двора, были отданы графамъ Оранскимъ, а часть присоединена къ имперіи.

Вскорѣ послѣ кончины мужа, Каролина де-Мальи, по неизвѣстнымъ причинамъ скрывавшая отъ него рожденіе сына Максимилиана, уже взрослога и женатаго, объявила послѣдняго законнымъ потомкомъ Зигеновъ и внесла его имя въ государственные акты съ титуломъ принца Нассау-Зигенъ.

Максимилианъ вовсе не думалъ отыскивать правъ на владѣніе своихъ предковъ, но, когда онъ умеръ, опекуны малолѣтняго сына его Карла завели съ вѣнскимъ кабинетомъ процессъ, не имѣвшій, однако успѣха. Въ Вѣнѣ не только отвергнули права Карла на наслѣдство и титулъ угасшей линіи, но еще начали выводить наружу и разглашать семейныя тайны фамилиі де-Несль, къ которой принадлежала его бабка. Ей ставили въ вину то, что она была теткою графини де-Мальи и маркизы Шатору-Турнелль, любовницъ французскаго короля Людовика XV, что всѣ женщины этой фамилиі отличались вѣтренностію и легкомысліемъ.

Тогда опекуны, чтобы поправить неудачу, передали дѣло на рѣшеніе французскаго парламента. Разсмотрѣвъ представленные ему документы, парламентъ, въ 1756 году, призналъ права Карла на владѣнія Зигеновъ и тѣмъ доказалъ предъ Европой его происхожденіе, что впоследствии подтвердили также Испанія, Польша и Россія. Вѣнскій дворъ, разумѣется, не согласился съ рѣшеніемъ французскаго парламента и отказался ему подчиниться.

Карль Нассау, лишенный имени и владѣній, былъ глубоко оскорбленъ несправедливостію императора. Несправедливость эта имѣла важное вліяніе на всю его будущность. Отличаясь съ дѣтства смѣлостію, отвагой, необыкновенной живостію и самолюбіемъ, онъ не упалъ духомъ и далъ себѣ клятву во что бы то ни стало возратить блескъ и значеніе отнятому у него имени.

На пятнадцатомъ году отъ рожденія молодой Нассау поступилъ во французскую службу волонтеромъ въ пѣхотный полкъ. Скорое повышеніе въ чинъ капитана не могло удовлетворить его честолюбія. Въ 1766 году онъ вышелъ въ отставку и отправился съ знаменитымъ мореплавателемъ Бугенвилемъ путешествовать вокругъ свѣта.

Морскія бури, опасности среди дикихъ обитателей южныхъ странъ, рыканіе львовъ и тигровъ въ глубинѣ песчаныхъ степей, находили

отголосокъ изъ душѣ Нассау, жаждавшей приключеній. Вмѣстѣ съ прїятеlemъ своимъ, кавалеромъ д'Орезонъ, онъ блуждалъ по дремучимъ лѣсамъ Океанїи, прикидывался влюбленнымъ въ королеву острова Отаити, совершалъ прогулки въ степяхъ Африки, охотясь на львовъ и тигровъ.

Удивительная сила, ловкость и присутствїе духа Карла въ борьбѣ съ дикими звѣрями изумляли его спутниковъ. Преувеличенные рассказы ихъ о чудесахъ, совершенныхъ «новымъ Геркулесомъ», положили основаніе извѣстности Нассау въ Европѣ. Любопытные искали случая взглянуть на богатыря и съ изумленїемъ говорили другъ другу, указывая на него: «Вотъ тотъ, кто убилъ льва въ степяхъ Африки».

По возвращенїи изъ путешествїя, въ 1769 году, Карлъ былъ снова принятъ во французскую службу съ чиномъ полковника. Во время войны Франціи съ Англіей, въ 1778 году, онъ избралъ для себя родъ партизанскихъ дѣйствїй и представилъ правительству проектъ занятїя острова Гернсея, лежащаго у береговъ Нормандїи. Проектъ былъ одобренъ, но предпрїятїе не удалось: англичане отбили Нассау съ большимъ урономъ; однако, не смотря на эту неудачу, онъ получилъ, за оказанное мужество и распорядительность, крестъ св. Людовика.

Въ 1780 году Нассау отправился въ Польшу, чтобы лично выразить свою признательность королю, который незадолго передъ тѣмъ пожаловалъ ему, по ходатайству французскаго правительства, ордена св. Станислава и Бѣлаго Орла.

Благодаря африканскимъ лвамъ, Нассау встрѣтилъ самый радушный прїемъ въ варшавскихъ гостиныхъ. Одна изъ польскихъ аристократокъ, романическая Шарлотта Гродская, разведенная жена литовскаго маршала князя Сангушко и владѣлица огромныхъ помѣстїй, страстно влюбилась въ молодого и красиваго принца. Нассау успѣшилъ воспользоваться столь выгодной партїей и женился на Гродской. Намѣреваясь навсегда остаться въ Польшѣ, онъ великолѣпнымъ образомъ отдѣлалъ старинный Дынасовскїй замокъ на берегу Вислы, близъ Варшавы, и поселился въ немъ, окруживъ себя роскошью и блескомъ владѣтельнаго принца.

Брачныя узы пришлись совершенно не по характеру Нассау и очень скоро надоѣли ему. Неудержимая страсть къ переменамъ и приключенїямъ снова манила его къ кочевой жизни. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы онъ оставилъ жену и уѣхалъ въ Испанїю, гдѣ въ то время соединенныя французско-испанскїя войска осаждали Гибралтаръ, обороняемый храбрымъ лордомъ Элліотомъ. Паденїе этой крѣпости могло измѣнить политическое значенїе Англіи и потому вся

Принцъ Нассау-Зигенъ.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтїя.

Европа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ея осадой. Нассау прибылъ въ союзный лагерь въ тотъ самый моментъ, когда король испанскій, Карлъ III, рѣшился привести въ исполненіе планъ французскаго инженера д'Арсона — покорить Гибралтаръ со стороны моря. Такъ какъ большія суда, по причинѣ мелей, окружавшихъ крѣпость, не могли подойти къ ней на близкое разстояніе, то д'Арсонъ предложилъ устроить изъ старыхъ кораблей особаго рода «плавуція батареи», которыя имѣли сильную артиллерію, но сидѣли не глубоко въ водѣ; защищенныя блиндажами, онѣ должны были подойти къ самымъ крѣпостнымъ веркамъ и разрушить ихъ своимъ страшнымъ огнемъ. Начальство надъ одной изъ этихъ батарей король ввѣрилъ Нассау. Въ назначенный для атаки день, Нассау двинулся въ Гибралтарскую гавань и, приблизившись на нѣсколько саженъ къ главному бастіону, открылъ противъ него оглушительную пальбу изъ ста пятидесяти орудій большого калибра. Англичане отвѣтили ему градомъ каленыхъ ядеръ. Построенная на батарее крыша сперва удовлетворяла своей цѣли: даже бомбы скатывались съ лежавшихъ на верху ея мокрыхъ кожъ; но какъ только каленныя ядра пробили насквозь бортъ батареи, отчего вытекла вода, находившая между стѣнами для предосторожности, судно загорѣлось. Помпы были не въ состояніи затушить пожаръ, и потому Нассау, опасаясь, чтобы батарею не взорвало на воздухъ, приказалъ подмочить большую часть пороха. Не смотря на всѣ усилія экипажа, огонь продолжалъ распространяться съ необыкновенной быстротой и скоро охватилъ всю деревянную массу. Нассау едва успѣлъ спастись и добрался до берега вплавь. Дерзкая отвага, выказанная имъ при этомъ неудачномъ нападеніи, снискала ему всеобщія похвалы. Карлъ III назначилъ его генералъ-маіоромъ своихъ войскъ, возвелъ въ достоинство графа перваго класса, призывалъ права его на титулъ принца Нассау и подарилъ ему грузъ одного непріятельскаго корабля, стоившій около трехъ милліоновъ реаловъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Нассау получилъ патентъ на чинъ генералъ-маіора французской арміи.

Упоенный славою, считая подвигъ свой блистательнѣйшимъ эпизодомъ въ осадѣ Гибралтара, Нассау полетѣлъ въ Вѣну, гдѣ надѣялся теперь легко достигнуть возвращенія отнятыхъ у него достоинствъ и владѣній. Онъ былъ представленъ императору и министру Каппингу французскимъ посланникомъ, маркизомъ Ноалемъ. Расчетъ на славу, которую Нассау хотѣлъ бросить въ глаза австрійскому государю, какъ укоръ его несправедливымъ дѣйствіямъ, оказался ошибочнымъ: ему пришлось вернуться въ Варшаву ни съ чѣмъ. Здѣсь онъ отдался вполне своимъ мечтамъ и проектамъ; тысячи мыслей роились въ его

головѣ, честолюбіе волновало кровь. Приобрѣтеніе гражданства въ Польшѣ, вступленіе въ службу турецкаго султана, переформированіе янычарь, цивилизація всей оттоманской имперіи, сплавъ хлѣба по Днѣстру, распространеніе торговли съ Востокомъ, Одессою и Константинополемъ, устроеніе портовъ по берегамъ Чернаго моря, — все это быстро смѣнялось одно другимъ, а воображеніе уже рисовало флаги польскихъ кораблей въ гаваняхъ Турціи, Италіи, Франціи и Испаніи.

Для удобнаго сплава хлѣба, Нассау предложилъ очистить ложе Днѣстра и даже самъ отправился обозрѣвать рѣки; потомъ ѣздили въ Константинополь, чтобы приобрѣсти необходимыя связи, осмотрѣли берега Чернаго моря, выбирая мѣста, удобныя для гаваней, составилъ первую гидрографическую карту Днѣстра и, являсь на сеймъ въ Каменецъ, представилъ свой проектъ дворянству, увѣряя, что новый торговый путь сдѣлаетъ ихъ крезами.

На гродненскомъ сеймѣ, стараніями Ржевусскаго и Сапѣги, Нассау былъ признанъ гражданиномъ Польши вмѣстѣ съ ангальтскими принцами.

Послѣ этого онъ отправился въ Парижъ (1785 г.), сложилъ съ себя служебныя обязанности и, получивъ отъ короля ежегодную пенсію въ двѣнадцать тысячъ франковъ, поѣхалъ въ Мадридъ, гдѣ вступилъ въ командованіе бригадой.

Слыша о недостаткѣ въ Испаніи корабельнаго лѣса, Нассау предложилъ правительству доставлять лѣсъ въ устье Таго и Гвадалquivира изъ своихъ подольскихъ имѣній. Не теряя времени, онъ спѣшилъ изъ Мадрита въ Варшаву и забываетъ о своемъ обѣщаніи. Наступившіе сеймы пробудили въ немъ желаніе быть избраннымъ въ послы отъ Подольскаго воеводства. Желаніе это, подстрекаемое надворнымъ короннымъ ловчимъ Орловскимъ, окончилось печальною комедією: партія Чарторыжскаго разогнала и побила немногочисленныхъ приверженцевъ Нассау.

Такая неудача чрезвычайно раздражила самолюбиваго Нассау и охладила въ немъ рвеніе къ интересамъ польскаго дворянства. Видя, какъ мало цѣнить новое отечество его дарованія и заслуги, онъ рѣшился навѣки покинуть его и обратилъ свое вниманіе на Россію, которая всегда оказывала радушное гостепріимство всевозможнымъ авантюристамъ. Чтобы завязать сношеніе съ русскимъ дворомъ, Нассау воспользовался пребываніемъ въ Петербургѣ стариннаго пріятеля своего французскаго посла графа Сегюра, и просилъ его выхлопотать ему дозволеніе императрицы провезти лѣсъ и пшеницу изъ своихъ земель черезъ Черное море подъ русскимъ флагомъ. Сегюръ сообщилъ просьбу Нассау князю Потемкину. Князь отвѣчалъ отказомъ, говоря, что

русскій флагъ дается иностранцамъ только тогда, когда они вступаютъ въ русское подданство и приобрѣтутъ въ Россіи землю; при этомъ Потемкинъ замѣтилъ Сегюру, что государыня не очень расположена къ его другу, такъ какъ онъ недавно ѣздилъ въ Константинополь и выражалъ султану готовность свою поступить въ турецкую службу. Сегюръ старался оправдать Нассау, разсыпался о немъ въ самыхъ лестныхъ похвалахъ и настойчиво просилъ Потемкина, какъ особое для себя одолженіе, удовлетворить его просьбу. Потемкинъ замолчалъ, но черезъ нѣсколько дней прислалъ сказать Сегюру, что императрица, въ доказательство своего расположенія къ нему, жалуетъ принцу землю въ Крыму и позволяетъ ему выставить русскій флагъ на своихъ судахъ. Столь неожиданное и предупредительное вниманіе русскаго двора привело Нассау въ восторгъ. Онъ поспѣшилъ написать Потемкину письмо, въ которомъ просилъ его довершить оказанныя милости и исходатайствовать ему разрѣшеніе лично благодарить государыню.

Получивъ, при посредничествѣ того же Сегюра, желаемое разрѣшеніе, Нассау, въ январѣ мѣсяцѣ 1787 года, отправился въ Россію, и въ Кіевѣ встрѣтилъ императрицу, совершавшую тогда свое знаменитое путешествіе по южнымъ областямъ. Екатерина приняла его очень любезно и предложила ему сопутствовать ей въ Крымъ. Удостоившись чести быть приглашеннымъ въ тѣсный кружокъ приближенныхъ государыни, Нассау выказалъ себя ловкимъ и опытнымъ придворнымъ и сумѣлъ понравиться Екатеринѣ. Во время этого путешествія онъ едва не лишился жизни отъ пустого случая. На одномъ изъ вечеровъ у императрицы извѣстный шутникъ, оберъ-штальмейстеръ Нарышкинъ, неожиданно пустилъ къ ногамъ присутствующихъ огромный волчекъ, величиною съ человѣческую голову. Послѣ страшнаго жужжанія и скачковъ, позабавившихъ всѣхъ, волчокъ вдругъ лопнулъ на нѣсколько частей, съ ужаснымъ свистомъ пролетѣлъ мимо государыни и поразилъ Нассау въ голову около самага виска. Ударъ былъ такъ силенъ, что принцъ упалъ на полъ почти безъ чувствъ; къ счастью, рана оказалась не опасной, и онъ отдѣлался только двумя кровопусканіями.

Вскорѣ по возвращеніи императрицы въ Петербургъ, въ августѣ 1787 года, Турція, давно уже искавшая повода къ разрыву съ Россіей, объявила ей войну, выставивъ предлогомъ вмѣшательство нашего двора въ дѣла Молдавіи и Грузіи. Нассау поспѣшилъ предложить свои услуги Екатеринѣ и былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ контръ-адмирала. Государыня, по собственному его вызову, ввѣрила ему командованіе черноморской гребной флотиліей.

Раннее наступленіе холодовъ и зимы замедлило открытіе военныхъ дѣйствій на морѣ до весны 1788 года. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года турецкій флотъ (10 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ и 47 мелкихъ судовъ), находившійся подъ начальствомъ опытнаго и отважнаго капитанъ-паши, Гассана, появился у Днѣпровскаго лимана. Гассанъ имѣлъ отъ султана повелѣніе усилить гарнизонъ Очаковской крѣпости, которую князь Потемкинъ готовился осаждать, уничтожить русскій флотъ, овладѣть Кинбурномъ и Херсономъ и затѣмъ сдѣлать высадку въ Крымъ. Наши морскія силы, состоявшія изъ парусной эскадры контръ-адмираловъ Поль-Джонса и Алексіано (2 линейныхъ корабля, 4 фрегата и 8 транспортовъ) и гребной флотилии принца Нассау (7 галеръ, 7 дубель-шлюпокъ, 7 плавучихъ батарей и 30 канонерскихъ лодокъ) были расположены въ это время въ Глубокой Пристані, близъ Херсона.

Начало военныхъ дѣйствій ознаменовалось геройскимъ подвигомъ капитана 2 ранга Сакена. Офицеръ этотъ, посланный принцемъ Нассау на дубель-шлюпкѣ изъ Глубокой съ донесеніемъ къ Суворову въ Кинбурнъ, долженъ былъ отправиться оттуда обратно къ флотилии, когда передовыя турецкія суда уже входили въ лиманъ. Предвидя угрожающую ему опасность, Сакенъ сказалъ при прощаньѣ командиру Козловскаго полка, подполковнику Маркову: «Мое положеніе опасно, но честь свою могу еще спасти. Если турки атакуютъ меня двумя судами я возьму ихъ; съ тремя буду сражаться; отъ четырехъ не побѣгу; но если нападутъ болѣе, тогда прости, Ѳеодоръ Ивановичъ. Мы больше не увидимся!» Едва лишь успѣлъ Сакенъ отплыть на половину разстоянія отъ Кинбурна до Глубокой, какъ погнавшіеся за нимъ тридцать турецкихъ судовъ стали настигать его. Желая сохранить жизнь подчиненныхъ, Сакенъ отправилъ находившихся при немъ девять человекъ матросовъ въ Глубокую, на небольшой лодкѣ, приказавъ имъ увѣдомить принца Нассау о своемъ опасномъ положеніи и объявить, что ни онъ, ни ввѣренное ему судно не будутъ въ рукахъ турокъ. Непрительскія суда окружили его со всѣхъ сторонъ; два изъ числа ихъ сдѣпились съ русской шлюпкой, турки уже готовились кинуться на abordажъ... въ этотъ самый моментъ Сакенъ бросилъ горящій фитиль въ открытую пороховую бочку и взлетѣлъ на воздухъ!

6-го іюня наши эскадры и турецкій флотъ, побуждаемые одинаковымъ желаніемъ сразиться, сблизились на пять верстъ. На другой день поднялся сѣверо-западный вѣтеръ и непрительскій флотъ, наполнивъ паруса, пошелъ, какъ казалось, атаковать русскія эскадры. Наши адмиралы, увидя движеніе турокъ, дали своимъ судамъ си-

гналъ приготовиться къ бою. Однако вскорѣ обнаружилось, что намѣреніе непріятели состояло только въ томъ, чтобы придвинуться ближе къ Очакову. Желая отрѣзать турокъ отъ крѣпости, угрожаемой близкой осадой, принцъ Нассау и Поль-Джонсъ отправились на лодкѣ, въ сопровожденіи небольшого отряда гребныхъ судовъ, высмотрѣть расположеніе турецкаго флота. Когда они подошли къ нему на разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ, Гассанъ направилъ противъ нихъ до тридцати разныхъ судовъ. Нассау не захотѣлъ избѣгать битвы, но какъ силы обѣихъ сторонъ были слишкомъ не равны, то онъ поручилъ Поль-Джонсу отдать нужныя приказанія парусной эскадрѣ и прислать къ нему на подкрѣпленіе остальную часть гребной. Турки повели атаку въ большомъ порядкѣ на правый флангъ русской флотилии. Мѣткіе выстрѣлы нашей артиллеріи заставили было сначала турецкія суда уменьшить огонь, но прибытіе самого капуданъ-паши съ значительнымъ подкрѣпленіемъ склонило перевѣсъ на сторону непріятели. Положеніе принца Нассау сдѣлалось весьма сомнительнымъ; къ счастью для него, остальная часть гребной флотилии, за которою отправился Поль-Джонсъ, успѣла явиться во-время и доставила ему возможность дать отпоръ слишкомъ пятидесяти непріятельскимъ судамъ. Благодаря удачнымъ выстрѣламъ нашихъ бомбардирскихъ судовъ, одна турецкая шлюпка загорѣлась, а двѣ канонирскія лодки взлетѣли на воздухъ. Это совершенно разстроило непріятельскую линію и принудило отступить къ Очакову.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней турецкій флотъ оставался у Очакова, не предпринимая никакихъ непріятельскихъ движеній. Наконецъ, 16-го іюня, Гассанъ, стремясь загладить понесенную имъ неудачу, рѣшился на новое нападеніе. Не смотря на множество мелей, дѣлавшихъ плаваніе въ лиманѣ опаснымъ даже для малыхъ судовъ, онъ отплылъ, въ ночь на 17-е число, со всѣмъ своимъ флотомъ и гребною флотиліею отъ Очакова, и, при помощи искусныхъ лоцмановъ, пройдя фарватеромъ между мелями, приблизился къ русскому флоту. Суда его расположились на якорѣ въ двѣ линіи: первая состояла изъ кораблей и фрегатовъ, а вторая изъ кирлангичей, шлюпокъ и проч. Съ нашей же стороны впереди находилась гребная флотилія, а за нею парусная эскадра. Едва лишь начало разсвѣтать, какъ русскіе адмиралы, не выжидая нападенія, двинулись навстрѣчу непріятели и бой загорѣлся по всей линіи. Нассау командовалъ лѣвымъ крыломъ, противъ котораго дѣйствовали самыя наибольшіе корабли, а контръ-адмиралъ Алексіано правымъ. Спустя около часа по открытіи канонады, 64 пушечный турецкій корабль «Гуссейнъ» сѣлъ на мель; вслѣдъ за нимъ подвергся той же участи и адмиральскій корабль капуданъ-

палпи. Русскій фрегатъ «Св. Николай», подойдя къ кораблю «Гуссейнъ», заставилъ его спустить флагъ; но принцъ Нассау, недовольный тѣмъ, что корабль сдается парусному фрегату, а не его гребной флотилии, приказалъ усилить пальбу и послалъ нѣсколько лодокъ съ черноморскими казаками питурмовать сѣвшие на мель корабли. Турки, приведенные этимъ въ раздраженіе, оборонялись отчаянно и нанесли каргечнымъ и ружейнымъ огнемъ значительный уронъ черноморцамъ; однако, казаки, послѣ многихъ напрасныхъ покушеній, взлѣзли на абордажъ. Къ сожалѣнію, они уже не могли воспользоваться своей добычей; турецкіе корабли, зажженные нашими брандскугелями и калеными ядрами, сдѣлались жертвой пламени и вскорѣ взлетѣли на воздухъ. Такимъ образомъ, изъ-за каприза принца Нассау, мы потеряли даромъ два очень хорошіе корабли. Ожесточенная битва продолжалась до самаго вечера. Во все это время отважный Гассанъ, разлѣзая на своемъ кирлангичѣ подъградомъ русскихъ ядеръ, хладнокровно отдавалъ приказанія и личнымъ примѣромъ ободрялъ подчиненныхъ. Убѣдившись, наконецъ, въ несбыточности надеждъ своихъ — уничтожить русскій флотъ, онъ велѣлъ своимъ судамъ отступать. Наша гребная флотилия не рѣшилась ночью преслѣдовать турокъ и осталась на мѣстѣ сраженія.

Между тѣмъ, Суворовъ, не упускавшій никогда изъ виду средствъ вредить непріятелю, устроилъ на оконечности Кинбурнской косы скрытую батарею изъ 24 орудій большого калибра. Когда турецкій флотъ, не знавшій вовсе о сооруженіи этой батареи, поравнялся съ ней, наши орудія открыли по непріятельскимъ судамъ губительный огонь. Турки, обманутые ночью темнотой, воображали, что они попали подъ пушки Кинбурнскаго форта и старались выдти какъ можно поспѣшнѣе въ море. Гассану удалось спасти передовыя суда отъ окружавшей ихъ гибели, но остальные частью сѣли на мель, частью остановились, потерпѣвъ значительный вредъ отъ дѣйствія нашей артиллеріи. Въ первомъ часу взопелъ мѣсяць. Почти ни одинъ изъ нашихъ выстрѣловъ не пропадалъ напрасно; непріятельскій флотъ, поражаемый калеными ядрами и другими зажигательными снарядами, пришелъ въ чрезвычайное смятеніе. Многіе корабли пылали и взрывались; кругомъ ихъ все пространство было усеяно обломками судовъ и людьми, встрѣчавшими смерть во всѣхъ возможныхъ видахъ. Пальба Кинбурнской батареи и взрывы турецкихъ кораблей были слышны на русской флотилии. Наши адмиралы горѣли нетерпѣніемъ принять участіе въ боѣ; но опасность ночного движенія черезъ мели заставляла ихъ ожидать разсвѣта. Ночью Суворовъ прислалъ принцу Нассау слѣдующую лаконическую записку: «Непобѣдимый Доріа! пора захватить въ плѣвъ

преемника Барбароссы!» Когда заря освѣтила небо, Нассау быстро двинулся къ Кинбурну. Въ то время Гассанъ уже успѣлъ уйти съ частью флота въ море. Нашей эскадрѣ осталось только уничтожить турецкія суда, стоявшія на мели подъ выстрѣлами Очаковской крѣпости. Нассау направилъ свою гребную флотилію противъ непріятельскаго флота двумя колоннами, обогнулъ его съ обѣихъ сторонъ въ видѣ полумѣсяца и атаковалъ огромные корабли галерами и шлюпками. Контръ-адмиралъ Поль-Джонсъ, по собственному желанію сопровождавшій принца, много помогалъ ему совѣтами и удерживалъ его излишнюю пылкость. Не смотря на жестокую канонаду очаковскихъ батарей и турецкихъ кораблей и фрегатовъ, русскіе галеры и шлюпки подплыли къ непріятельскимъ громадамъ и сцѣпились съ ними. Храбрые матросы наши влѣзали на нихъ, захватывали плѣнныхъ, забирали добычу и удалялись, предавая турецкія суда пламени. Къ полудню все было окончено и на мѣстѣ побоища водворилась мертвая тишина. Турки потеряли въ это бѣдственное для нихъ сраженіе до 3,000 человекъ убитыми и потонувшими и 1,750 плѣнными. Сожжено 7 непріятельскихъ кораблей и 8 другихъ судовъ; взяты шестидесяти-пушечный корабль, 2 фрегата и нѣсколько небольшихъ судовъ. Съ нашей стороны уронъ не превышалъ 20 человекъ убитыми и 68 ранеными.

Императрица наградила принца Нассау чиномъ вице-адмирала и орденомъ св. Георгія 2-го класса.

Такимъ образомъ, прежде нежели армія князя Потемкина подошла къ Очакову, морскія силы турокъ въ окрестныхъ водахъ были уже значительно ослаблены.

20-го іюня Гассанъ, удалившійся съ частью турецкаго флота въ море, снова показался у лимана и старался расположиться на очаковскомъ фарватерѣ, ниже Кинбурна; однако, кинбурнскія батареи не допустили его до этого. 28-го числа, когда русскія войска приблизились къ Очакову и стали въ виду его лагеремъ при Аджиголѣ, турецкій адмиралъ снялся съ якоря и пошелъ къ Севастополю съ намѣреніемъ уничтожить нашъ транспортный флотъ. Такъ какъ суда, оставленныя имъ у Очакова, были вооружены большими пушками и могли препятствовать нашимъ осаднымъ работамъ, то Потемкинъ приказалъ принцу Нассау атаковать ихъ гребной флотиліей. Нассау выполнилъ приказаніе главнокомандующаго блистательнымъ образомъ; 1-го іюня, послѣ восьми-часоваго непрерывнаго боя, онъ сжегъ подъ самыми стѣнами крѣпости, 2 непріятельскихъ фрегата и 10 другихъ военныхъ судовъ.

По представленію Потемкина, принцъ получилъ за этотъ подвигъ 3,200 душъ въ Бѣлоруссіи. Однако, Нассау недолго пользовался

благосклонностью могущественнаго любимца императрицы. Недовольный медленной осадой Очакова, онъ старался побудить нерѣшительнаго князя къ штурму и имѣлъ неосторожность сказать ему:

— Если бы мнѣ вѣрили начальство надъ арміею, то я вскорѣ пробилъ бы такую брешь, что цѣлый полкъ могъ бы войти черезъ нее въ городъ.

Потемкинъ, оскорбленный самонадѣянностью принца, спросилъ его съ ироніей:

— А какую брешь пробили вы подъ Гибралтаромъ?

Эта колкость, въ свою очередь, обидѣла Нассау; онъ испросилъ позволеніе оставить армію и уѣхалъ въ Петербургъ.

Не смотря на размолвку Нассау съ Потемкинымъ, государыня продолжала оказывать ему самое дружеское расположеніе. Она отправила принца въ Мадридъ, съ тайнымъ порученіемъ объяснить испанскому королю Карлу IV причины неудовольствія своего на происки Англій и Пруссіи въ польскихъ и восточныхъ дѣлахъ и склонить его къ союзу съ Россіей. Успѣшное выполненіе этого порученія доставило Нассау орденъ св. Александра Невскаго.

По возвращеніи принца въ Россію, весной 1789 года, императрица вѣрила ему начальство надъ гребнымъ Балтійскимъ флотомъ, назначеннымъ дѣйствовать противъ Швеціи, которая, пользуясь тогдашними затрудненіями нашими на югѣ, внезапно объявила намъ войну.

Въ первыхъ числахъ іюня Нассау выпелъ изъ Кронштадта въ море съ флотиліей, состоявшей изъ 78 судовъ; но былъ задержанъ противными вѣтрами. Только 8-го іюня онъ достигъ Фридрихсгама, гдѣ его ожидалъ главнокомандующій нашими сухопутными силами въ Финляндіи, графъ Мусинъ-Пушкинъ. Оба начальника условились, «чтобы принцъ разбилъ шведовъ на водѣ, сдѣлалъ десантъ между Ловизой и Борго, дабы чрезъ то отвлечь непріятеля отъ границъ нашихъ и дать Пушкину способъ, перейдя Кюмень, впасть въ его границы». Однако, планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе не ранѣе какъ черезъ мѣсяць, потому что Нассау поссорился съ вице-адмираломъ Крузе, который начальствовалъ надъ частью корабельнаго флота и долженъ былъ поддерживать галерный флотъ во время совокупныхъ его дѣйствій съ сухопутными войсками.

12-го августа принцъ явился, наконецъ, передъ Роченсальмомъ, гдѣ находилась шведская гребная флотилія, состоявшая изъ 53 судовъ. Она была расположена на большомъ рейдѣ, поперегъ фарватера, примыкая флангами къ островкамъ, окружающимъ рейдъ, и имѣя видъ отлогой дуги, обращенной выпуклостью къ Свенксунду—узкому проходу, ведущему въ шхерный фарватерь.

Осмотрѣвъ расположеніе непріятельскаго флота, Нассау рѣшился напасть на него съ главными силами прямо изъ Свенксунда, пославъ въ то же время подъ начальствомъ генераль-маіора Балле отдѣльный отрядъ изъ 20 судовъ къ островамъ Аспэ для атаки непріятеля съ тыла, чтобы такимъ образомъ поставить шведовъ между двухъ огней и отрѣзать имъ отступление.

Ночью, 12-го августа, обѣ стороны энергически готовились къ предстоявшему сраженію. Шведы строили на берегу батареи и заперли Свенксундскій проходъ, потопивъ на этомъ мѣстѣ три транспортныя судна. 13-го числа, въ десять часовъ утра, не смотря на неблагопріятный для русскихъ западный вѣтеръ, генераль-маіоръ Балле началъ съ своею эскадрою атаку. Средства, которыми онъ располагалъ, оказались крайне недостаточными, и потому, послѣ жаркаго боя, онъ долженъ былъ отступить съ потерей двухъ галеръ. Между тѣмъ принцъ Нассау буксировалъ большія суда свои къ самому Свенсундскому проходу и, достигнувъ его около полудня, приказалъ усиленно очищать отъ затопленныхъ транспортовъ. Мелкія же суда нашего авангарда проникли въ то же время на Роченсальмскій рейдъ черезъ шхеры сѣвернѣе Свенксунда. На островъ Кутцель-Мулимъ, лежащій южнѣе этого пролива, былъ сбѣланъ десантъ изъ 400 человекъ, подъ командою бригадира Буксгевдена, который немедленно устроилъ здѣсь батарею для трехъ пушекъ и десяти мортиръ. Также устроены были въ продолженіе сраженія малыя батареи на островкахъ сѣвернѣе Кутцель-Мулима, чтобы обезпечить проходъ нашего авангарда. Столь настойчивое наступленіе не позволило непріятелю преслѣдовать отрядъ генерала Балле и принудило его сосредоточиться для отраженія нашихъ главныхъ силъ. Часовъ въ семь вечера Свенксундъ былъ очищенъ и канонерскія лодки и іолы прошли его подъ начальствомъ гвардіи капитана Болотникова; за ними послѣдовали наши галеры и прочія суда, которыя, выстроясь затѣмъ въ линію, пустились на непріятеля. Шведы, уже выдержавшіе слишкомъ шестичасовой бой съ отрядомъ Балле и терпѣвшіе недостатокъ въ порохѣ, не могли оказать должнаго сопротивленія свѣжимъ силамъ русской флотиліи и около девяти часовъ вечера начали поспѣшно отступать. Тогда сраженіе обратилось въ преслѣдованіе и пораженіе бѣгущаго непріятеля, чему способствовалъ стихнувшій западный вѣтеръ. Въ два часа ночи на 14 августа сраженіе прекратилось за совершенною темнотою и крайнею усталостью людей.

Отрядъ Балле, по отдаленности и за поврежденіями, не могъ пресѣчь отступление шведской флотиліи, и суда ея ушли къ Ловизѣ, подъ защиту крѣпости Свартольмъ.

Въ этомъ сраженіи, продолжавшемся почти непрерывно четырнадцать часовъ, шведы лишились 15-ти судовъ, 214 орудій и до 1,500 человекъ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ. Съ нашей стороны потеря заключалась въ 2 галерахъ и 1,000 человекъ убитыхъ и раненыхъ.

Извѣстіе о побѣдѣ, одержанной принцемъ Нассау надъ шведскимъ флотомъ, достигло Петербурга 15-го августа вечеромъ. «Довольны», замѣчаетъ въ своихъ запискахъ Храповицкій о Екатеринѣ и къ этому прибавляетъ: «Побѣда похожа на Чесменскую». 16-го числа въ дворцовой церкви былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, а на другой день императрица послала принцу орденъ св. Андрея Первозваннаго при письмѣ, въ которомъ благодарила его за «истинно-геройскую храбрость» и увѣдомляла, что онъ «наполнилъ всю столицу большою радостью».

Приведя свою флотилію въ порядокъ, Нассау намѣревался преслѣдовать шведовъ до самой Ловизы и снова атаковать ихъ подъ этимъ городомъ, но страшная буря, продолжавшаяся съ 30-го августа до 2-го сентября и причинившая русскому флоту болѣе вреда, нежели сраженіе 13-го августа, заставила его отказаться отъ этого плана и возвратиться въ Кронштадтъ.

Неблагопріятная для шведскаго оружія битва при Свенксундѣ произвела довольно сильное впечатлѣніе на европейскіе кабинеты, сочувствовавшіе Швеціи. Густавъ III, желая ослабить такое невыгодное для него впечатлѣніе и умалить свои потери, напечаталъ въ «Гамбургской Газетѣ» реляцію о бывшемъ сраженіи, нисколько несогласную съ истиной. Эта вымышленная реляція вызвала со стороны Нассау рѣзкое письмо къ королю, которое такъ любопытно, что мы приводимъ его здѣсь вполнѣ:

«Государь!

«Когда ваше величество удостоили меня послѣднимъ письмомъ своимъ¹⁾, вы сказали мнѣ, что обращаетесь къ воину, который ищетъ славы и чести. Конечно, всю жизнь мою я старался оправдать это мнѣніе вашего величества. Но когда любишь честь, то не терпишь ничего противнаго ей и стоишь за правду, которую можешь подтвер-

¹⁾ При открытіи военныхъ дѣйствій, Густавъ III, узнавъ, что начальство надъ русскимъ гребнымъ флотомъ поручено принцу Нассау, и вспомнивъ, что не разъ встрѣчался съ нимъ во Франціи и въ Спа, написалъ къ нему любезное письмо, гдѣ, между прочимъ, говорилъ: «Я думалъ, судя по послѣднимъ нашимъ бесѣдамъ, что вы меня осчастливите предложеніемъ служить мнѣ мечомъ вашимъ, но такъ какъ, къ сожалѣнію моему, вы выступили противъ меня, то надѣюсь по крайней мѣрѣ заслужить на полѣ битвы уваженіе такого противника, какъ вы».

дить и доказать передъ цѣлымъ свѣтомъ. Вотъ почему я съ чувствомъ негодованія встрѣтилъ въ гамбургскихъ газетахъ какую-то реляцію о битвѣ, которую имѣлъ честь выдержать съ флотомъ вашего величества. Эта реляція, повидимому, опровергаетъ мои показанія. Она во многихъ случаяхъ совершенно противна истинѣ, и я удивляюсь, какъ осмѣлились выставить такое почтенное имя, какъ ваше, подъ рассказомъ, полнымъ ошибокъ и лжи. Я надѣюсь, что ваше величество такъ же оскорбилось этимъ, какъ я, и что вы позволите мнѣ опровергнуть это сочиненіе и возстановить истину. Если же, — что невѣроятно, — ваше величество дозволили изданіе такой невѣрной реляціи, то я полагаю, что вы преступнымъ образомъ обмануты полученными вами донесеніями и долгъ чести, первѣйшей добродѣтели королей, безъ сомнѣнія, заставитъ васъ осудить и наказать начальниковъ, доставившихъ вамъ ложныя донесенія. При этомъ письмѣ я посылаю опроверженіе этой непостижимой реляціи съ указаніемъ всѣхъ ея невѣрностей. Честь моя — порукою истины моихъ показаній. Свидѣтели мои — плѣнные корабли, которые я захватилъ, и флотъ, которымъ командовалъ и который далеко не разстроенъ и стоялъ на морѣ восемнадцать дней послѣ битвы, крейсировалъ безъ помѣхи въ двѣдцати верстахъ отъ Ловизы и удалился только послѣ бури 2-го сентября. Часть этой эскадры и теперь еще въ морѣ и готова снова сразиться, но не встрѣчаетъ болѣе противника. Я увѣренъ, что вашему величеству слишкомъ хорошо извѣстны правила чести, чтобы не оправдать горячность, съ которою я защищаюсь. Я почту себя обиженнымъ, если хотя на минуту заподозрятъ истину донесенія, которое императрица дозволила напечатать. Причины, побудившія меня написать это возраженіе, заставляютъ меня также обнародовать его. Отвѣтъ, котораго я ожидаю, дастъ мнѣ, безъ сомнѣнія, поводъ гласно повторить увѣренія моего глубочайшаго уваженія, которое приношу вашему величеству и съ которымъ имѣю честь быть и проч., и проч.».

Императрица была очень довольна всѣми распоряженіями Нассау и, по пріѣздѣ его въ Петербургъ, старалась выказать ему свое расположеніе и вниманіе. Она часто, наединѣ, бесѣдовала съ нимъ о положеніи дѣлъ въ Финляндіи, совѣтовалась относительно мѣръ, принимаемыхъ для дальнѣйшаго веденія войны, почти ежедневно приглашала его на свои интимные вечера и даже приказала поставить для него на эрмитажномъ театрѣ сочиненную ею комическую оперетку «Горе-Богатырь», гдѣ весьма остроумно былъ осмѣянъ Густавъ III.

Съ наступленіемъ весны 1790 года Нассау началъ комплектовать и готовить галерный флотъ къ выходу въ море. Однако, приготовленія эти производились до того медленно, что онъ могъ оставить Крон-

штадтъ лишь въ исходѣ мая, когда шведскій галерный флотъ, значительно усиленный, въ количествѣ почти 200 судовъ, уже успѣлъ снова сосредоточиться въ Свенксундѣ и въ полной готовности ожидалъ нашего нападенія. Прошлогодній урокъ не пропалъ для шведовъ даромъ. Они возвели сильныя батареи на островахъ, окружающихъ Свенксундскій проходъ, искусственнымъ образомъ затруднили доступъ въ шхеры и съ большимъ умѣньемъ расположили свои суда поперегъ шхернаго фарватера.

26-го іюня Нассау приблизился къ Свенксунду съ флотиліей, состоявшею изъ 8 гребныхъ фрегатовъ, 22 галеръ, 85 канонерскихъ лодокъ и 45 другихъ мелкихъ судовъ. Не смотря на то, что силы наши были значительно слабѣе непріятельскихъ и что большая часть команды на галерахъ и канонерскихъ лодкахъ была набрана изъ гвардейскихъ солдатъ и рекрутъ, совершенно не привычныхъ къ морю, самонадѣянный Нассау, твердо увѣренный въ успѣхѣ, рѣшился атаковать непріятеля. Днемъ битвы онъ избралъ 28-го іюня, — день восшествія на престолъ императрицы, намѣреваясь отпраздновать его блистательной побѣдой. Въ семь часовъ утра, при крѣпкомъ юго-западномъ вѣтрѣ, флотилія наша двинулась на всѣхъ парусахъ въ узкій заливъ. Первые вошли въ него гребные фрегаты; стѣсненные узкостью мѣста, они вскорѣ составили не стройную кучу и не могли свободно дѣйствовать. Шведскіе канонерскія лодки, замѣтивъ это, приблизились къ нашимъ фрегатамъ и, скрываясь за окружающими русскихъ камнями, безнаказанно стрѣляли во всѣ стороны; наши ядра били по камнямъ, а шведскія по нашимъ судамъ, положеніе которыхъ сдѣлалось тѣмъ опаснѣе, что вѣтеръ не позволялъ имъ выдти обратно изъ залива. Нассау, думая поправить дѣло, посылалъ на подкрѣпленіе фрегатовъ отрядъ за отрядомъ, такъ что почти вся русская флотилія втянулась въ заливъ. Но по мѣрѣ того, какъ суда наши входили въ бухту, тѣснота и беспорядокъ увеличивались. Наши галеры и лодки не могли стрѣлять, не причиняя другъ другу вреда, а между тѣмъ шведы все болѣе и болѣе тѣснили ихъ, и каждое пущенное непріателемъ ядро находило себѣ цѣль. Король шведскій, лично командовавшій своимъ флотомъ, умѣлъ воспользоваться ошибкой, сдѣланной Нассау; наскоро разставивъ по ближайшимъ островамъ мортиры, онъ приказалъ бомбардировать наши суда. Сильный вѣтеръ, способствовавшій приближенію русскихъ, превратился наконецъ въ бурю. Тогда флотилія наша начала отступать въ страшномъ безпорядкѣ и замѣшательствѣ, причемъ мелкія суда стали на мель, другія разбились о камни, третьи были отнесены бурей прямо къ непріателю. Потеря наша была громадна. Мы лишились 55 судовъ, 400 ору-

дѣй и около 6,000 человѣкъ убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ. Самъ Нассау едва спасся бѣгствомъ на шлюпкѣ, оставивъ свой адмиральскій фрегатъ въ рукахъ шведовъ. Непрiятель понесъ самый ничтожный уронъ, заключавшійся всего въ нѣсколькихъ сотняхъ людей, болѣею частью раненыхъ.

Первое извѣстіе о страшномъ исходѣ битвы при Свенксундѣ было получено въ Петербургѣ ночью 1-го іюля. Храповицкій пишетъ о Екатеринѣ: «Таятся и невеселы для того, что 28-го числа принцъ Нассау атаковалъ шведовъ при Роченсальмѣ, потерялъ прамы, 8 галеръ, 4 фрегата, да и свою голову; къ сему случаю правила бѣды буря». Изъ этого замѣчанія можно видѣть, что не всѣ подробности о поражениі русскаго галернаго флота сдѣлались сразу извѣстными въ Петербургѣ. 4-го іюля Храповицкій пишетъ: «Шумъ великъ въ городѣ о разбитіи Нассау». «Чему дивиться», сказала ея величество, видя изъ полицейской записки, что пріѣхалъ испанскій полковникъ де-Родриго: «онъ былъ на флотѣ». «Не знаютъ, сколько Нассау потерялъ, не довѣряютъ первому извѣстію».

Наконецъ, 7-го іюля, принцъ рѣшился самъ сообщить государынѣ подробности о несчастномъ сраженіи. Въ письмѣ своемъ, проникнутомъ отчаяніемъ, онъ все-таки старался уменьшить потери нашего флота и сваливалъ всю бѣду на подчиненныхъ и бурю. Приложивъ къ письму всѣ ордена, полученные отъ Екатерины, Нассау признавалъ себя недостойнымъ носить ихъ и просилъ отставки. Императрица поступила, какъ и всегда, великодушно и съ большимъ тактомъ. Она возвратила принцу присланные ей ордена и 9-го іюля собственноручно писала ему, между прочимъ, слѣдующее:

«Я надѣюсь, что вы меня достаточно знаете, чтобы быть увѣреннымъ, что городскія сплетни, которыя, вѣроятно, до васъ дошли, не могутъ имѣть на меня никакого вліянія. Я прекрасно знаю ваше усердіе, отдаю ему справедливость, очень искренно раздѣляю ваше горе, очень жалѣю, что оно доходитъ до того, что разстроиваетъ ваше здоровье. Желая, чтобы вы не дошли до упадка духа, что столько же вредно для моей службы, сколько и для вапей собственной репутаціи, если смѣю сказать это. И, Боже мой, кто не имѣлъ большихъ неудачъ въ жизни? Величайшіе полководцы имѣли свои невзгоды. Покойный король прусскій былъ, дѣйствительно, великъ послѣ большой неудачи; тогда онъ снова являлся на сцену, болѣе, нежели когда либо, окруженный славою: всѣ считали все проиграннымъ, и въ это время онъ снова разбивалъ врага. Петръ I, претерпѣвая поражения въ продолженіе девяти лѣтъ, одерживаетъ Полтавскую побѣду. Вспомните ваши успѣхи на югѣ и на сѣверѣ. Парите надъ событіями и

ступайте вновь на непріятеля, вмѣсто того, чтобы просить меня назначить другого начальника надъ флотомъ. Я не могу теперь этого сдѣлать, не давъ врагамъ вашимъ предлога къ порицанію. Я слишкомъ уважаю заслуги, которыя вы мнѣ оказали, чтобы не поддержать васъ, особенно въ такое время, когда, по словамъ вашимъ, вы страдаете тѣломъ и духомъ. Когда все пройдетъ и вы будете чувствовать себя лучше, вы будете дѣйствовать по вашему усмотрѣнію, и, безъ сомнѣнія, я не намѣрена удерживать васъ вопреки вашему желанію. Но я васъ прошу и особенно совѣтую поставить себя выше столичныхъ сплетенъ; всякая столица въ основаніи своемъ не имѣетъ здраваго смысла».

«... Прощайте, возобновите свои силы и будьте увѣрены въ моей благодарности».

Успокоенный этимъ любезнымъ письмомъ и пылая нетерпѣніемъ загладить свою неудачу, Нассау съ необыкновенной энергіей занялся исправленіемъ своей флотиліи и составилъ планъ новой атаки шведскаго гребного флота. Онъ уже направился къ Роченсальму и даже назначилъ днемъ битвы 8-е августа, какъ вдругъ получилъ увѣдомленіе о заключеніи мира и приказаніе возвратиться въ Кронштадтъ.

Разгромъ русскаго флота при Свенксундѣ далъ возможность Густаву III начать съ нашимъ дворомъ мирные переговоры съ нѣкоторой надеждой на ихъ успѣшный исходъ. Финансы Швеціи были истощены, парусный флотъ уменьшился на половину, въ Стокгольмѣ поднимался сильный ропотъ противъ бесплодной и тягостной войны. Увидѣвъ возможность выдти съ честью изъ такого затруднительнаго положенія, король шведскій написалъ Екатеринѣ собственноручное письмо и предложилъ ей миръ. Съ своей стороны Екатерина, опасавшаяся вмѣшательства Англіи и Пруссіи въ ея политическія отношенія, озабоченная войной съ Турціей и угрожающимъ положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ, была рада развязаться со Швеціей и съ готовностью вступила въ переговоры. Они продолжались недолго. 3-го августа 1790 года былъ подписанъ такъ называемый Верельскій договоръ, по которому какъ Россія, такъ и Швеція сохранили свои прежнія границы.

Заключеніе мира съ Швеціей было отпраздновано въ Петербургѣ съ особеннымъ торжествомъ. Императрица щедро наградила главнѣйшихъ дѣятелей оконченной войны и въ числѣ ихъ пожаловала Нассау золотую саблю, украшенную алмазами, и дорогой серебряный сервизъ. Но милости и вниманіе государыни не могли возратить принцу душевнаго спокойствія. Воспоминаніе о несчастной битвѣ, помрачившей его военную славу, укоры сослуживцевъ и насмѣшки завистниковъ,

отравляли ему жизнь. Страдая нравственно и физически, онъ сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, избѣгалъ общества и почти пересталъ являться ко двору. Екатерина, съ свойственной ей деликатностью, старалась утѣшить принца. Она произвела его въ адмиралы и отправила на Рейнъ состоять въ качествѣ своего агента при братьяхъ казеннаго французскаго короля Людовика XVI. Однако, Нассау вскорѣ обратился къ императрицѣ съ просьбой дозволить ему жить въ своихъ польскихъ имѣніяхъ. Государыня исполнила его желаніе и при этомъ приказала отпустить ему сполна все получаемое имъ жалованье, простиравшееся до 12,000 р. въ годъ.

6-го ноября 1796 г., Екатерина скончалась. Извѣстіе объ этомъ событіи было сообщено Нассау вмѣстѣ съ повелѣніемъ императора Павла—явиться въ Петербургъ. Новый государь очень не благоволилъ къ принцу. Въ бытность свою великимъ княземъ, Павелъ Петровичъ носилъ званіе генераль-адмирала, которымъ очень гордился, хотя ему не сообщали ничего, что касалось морского дѣла. Когда Нассау былъ назначенъ главнымъ начальникомъ гребного флота, то придумалъ для себя мундиръ, весьма похожій на генераль-адмиральскій, и въ этой формѣ пріѣхалъ представиться великому князю. Увидѣвъ костюмъ принца, Павелъ вспыхнулъ.

— Какой это мундиръ на васъ? спросилъ онъ его.

— Мундиръ главнаго командира гребного флота, ваше высочество.

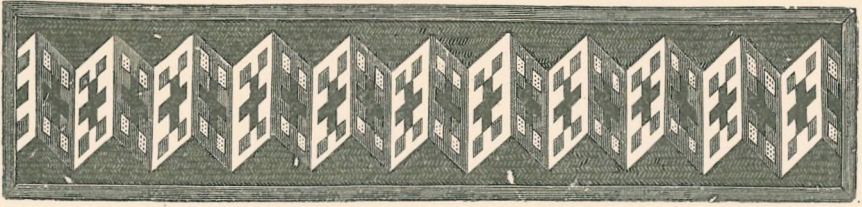
— Это невозможно, возразилъ великій князь съ гнѣвомъ, чтобы я болѣе не видалъ на васъ этого платья. Прошу васъ помнить, что я генераль-адмиралъ.

Сконфуженный Нассау отправился къ императрицѣ и передалъ ей слова великаго князя. Екатерина приказала принцу тотчасъ же возвратиться къ Павлу Петровичу и объявить ему отъ ея имени, что форма главнаго командира гребного флота утверждена ею и что принцу высочайше повелѣно носить ее постоянно. Великій князь долженъ былъ проглотить пилюлю. Сдѣлавшись императоромъ, Павелъ Петровичъ вспомнилъ этотъ случай, нарочно вызвалъ Нассау въ Петербургъ, обошелся съ нимъ до крайности сухо и уволилъ въ отставку, не назначивъ никакой пенсіи.

Глубоко пораженный новымъ и жестокимъ ударомъ, нанесеннымъ его самолюбію, Нассау удалился въ свое Подольское имѣніе—Тынтъ, находившееся въ четырехъ миляхъ отъ Каменца. Здѣсь, отказавшись отъ всѣхъ проектовъ и несбыточныхъ мечтаній, онъ жилъ совершеннымъ нелюдимомъ. Старость пришла къ нему ранѣе, нежели онъ полагалъ, а уединеніе обратило его мысли къ здравому осужденію вещей... Роль его была кончена!

Онъ умеръ въ 1805 году, забытый свѣтомъ, въ которомъ нѣкогда гремѣлъ блестящими подвигами. Умирая, Нассау завѣщалъ, чтобы на его могилѣ не ставили не только никакого памятника, но даже простого камня съ надписью. Одни цвѣты могли расти надъ прахомъ человѣка, который уже слишкомъ поздно понялъ всю суету человѣческихъ стремленій.

Кирьяново, дача княгини Дашковой.

ВЪ ПРОШЛОМЪ столѣтїи, вдоль петергофской дороги, начинающая отъ Екатерингофа до Стрѣльны, тянулся почти непрерывный рядъ дачъ, дворцовъ и садовъ, принадлежавшихъ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ русскимъ вельможамъ и банкирамъ. Въ то время всякій состоятельный человѣкъ стремился провести лѣто въ этомъ самомъ модномъ тогда загородномъ мѣстѣ. Въ праздничные и воскресные дни петербургскіе жители, цѣлыми семьями, съ утра отправлялись подышать свѣжимъ воздухомъ на петергофскую дорогу, гдѣ многіе владѣльцы садовъ не только радушно открывали ихъ для публики, но и оказывали при этомъ чисто русское гостепрїимство. Такъ, напримѣръ, на дачѣ оберъ-шенка А. А. Нарышкина, носившей оригинальное названіе: «Ба! Ба!» гуляющимъ разносили во множествѣ разнаго рода напитки и лакомства, а у входа въ садъ оберъ-штальмейстера Л. А. Нарышкина была прибита доска съ надписью, приглашавшею всѣхъ городскихъ жителей пользоваться свѣжимъ воздухомъ и прогулкою въ его саду: «для разсѣянїя мыслей и соблюденїя здоровья».

Заселеніе петергофской дороги началось со временъ Петра Великаго, который послѣ постройки Екатерингофа сталъ раздавать здѣсь своимъ приближеннымъ безвозмездно участы земли отъ 50 до 200 сажень въ поперечникѣ, во всю длину до самаго залива. Можно представить, сколько усилій и пожертвованій, или, лучше сказать, сколько милліоновъ пришлось затратить владѣльцамъ для превращенія этой болотистой мѣстности въ роскошные сады и парки! Извѣстный острякъ

екатерининской эпохи, генераль С. Л. Львовъ, едва ли много преувеличивалъ, выразившись однажды о дачѣ А. А. Нарышкина, что для того, «чтобы вымести ее два раза, должно расквитаться съ обыкновеннымъ дворянскимъ имѣніемъ». Но мода измѣнилась. Въ царствованіе императора Александра I любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ двора и аристократіи сдѣлались острова: Аптекарскій, Каменный, Елагинъ, затѣмъ Царское Село и Павловскъ. Вельможи, чтобы находиться ближе ко двору, стали строиться во вновь облюбованныхъ

Видъ Кирьяновскаго дома и сада княгини Дашковой.

Съ весьма рѣдкой гравюры, принадлежащей П. Я. Дашкову.

мѣстностяхъ, а заброшенныя лѣтнія резиденціи ихъ по петергофской дорогѣ начали понемногу переходить въ руки мелкаго купечества и теперь вмѣсто роскошныхъ садовъ и парковъ здѣсь виднѣются лишь пустыри, а когда-то великолѣпныя хоромы, покосившіяся и полуразвалившіяся, заняты фабриками, постоянными дворами, трактирами и кабаками.

Недавно извѣстный собиратель русскихъ гравюръ, П. Я. Дашковъ, пріобрѣлъ двѣ очень рѣдкія, современныя (конца прошлаго столѣтія)

гравюры, изображающія видъ дачи, принадлежавшей на петергофской дорогѣ знаменитой княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой и называвшейся «Кирьяново». Уменьшенную копію съ одной изъ этихъ гравюръ мы прилагаемъ здѣсь.

Свѣдѣній о дачѣ княгини Дашковой намъ удалось отыскать не много. Въ «Описаніи Петербурга» Георги, изданномъ въ 1794 году, о ней говорится слѣдующее:

«Дача княгини Екатерины Романовны Дашковой «Киръ и Анова» находится подлѣ «Ба! Ба!» (дачи А. А. Нарышкина) и простирается по большой дорогѣ на 100 сажень и отъ оной до залива. Она была смѣшанный, болотный лѣсъ, и приведена въ нынѣшнее состояніе самую княгинию безъ помощи архитектора или садовника, какъ въ заложеніи, такъ и въ точномъ исполненіи всѣхъ предпріятій. Знатныя каменные строенія составляютъ съ флигеля открытый дворъ, до большой дороги простирающійся и при оной различными деревьями насаженный. Подлѣ строеній находится плодоносный садъ съ теплицами. Позади строеній есть смѣшанный лѣсъ съ знатнымъ лугомъ, подлѣ ручейка и знатныхъ каналовъ, окружающихъ также небольшой островъ съ банею. Въ лѣсу идутъ прямыя и извивающіяся дорожки къ морскому заливу, при которомъ находятся два каменные дома и между обоими главный входъ».

Въ своихъ «Запискахъ» Дашкова только въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ о Кирьяновѣ. «Въ іюлѣ 1782 года», говоритъ она, «я возвратилась (изъ-за-границы) въ Петербургъ и поселилась на своей дачѣ Кирьяново, въ четырехъ верстахъ отъ города. У меня не было въ Петербургѣ дома; чтобы избѣжать лишнихъ расходовъ на наемъ квартиры и сберечь что нибудь для своего сына, я продолжала жить на дачѣ до глубокой осени. Однажды императрица спросила, неужели я живу до сихъ поръ за-городомъ? Я отвѣчала утвердительно; она замѣтила, что жить въ такую позднюю осень и притомъ въ холодномъ домѣ, недавно затопленномъ водою, очень опасно для моего здоровья, «потому что, прибавила она, ваша дача—чистое болото, очень способное для развитія ревматизма».

Такимъ образомъ, изъ словъ Екатерины оказывается, что дача, построенная Дашковой «безъ помощи архитектора и садовника», была очень неудобна для жилья, холодна и во время весеннихъ разливовъ заливалась водою. Мѣсто, на которомъ построена дача, было подарено императоромъ Петромъ III тремъ графамъ Воронцовымъ и отъ нихъ перешло, въ 1762 году, по данной, къ княгинѣ Дашковой. Послѣ ея кончины, въ 1810 г., Кирьяново поступило, по духовному завѣщанію, къ сыну ея двоюроднаго брата, Ивану Иларіоновичу Воронцову-

Дашкову. Кому и когда онъ продалъ дачу — мы не знаемъ, но она существуетъ до сихъ поръ въ своемъ первоначальномъ видѣ и занята какой-то фабрикой, или заводомъ. Странное названіе «Кирьяново» было дано дачѣ Дашковой въ память святыхъ Кира и Іоанна, празднуемыхъ 28-го и 29-го іюня,—дни, въ которые совершился при участи княгини переворотъ 1762 года, доставившій престолъ императрицѣ Екатеринѣ II.

Александрова дача.

ВЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫХЪ годахъ прошлаго столѣтїя, на пограничной окраинѣ между Павловскомъ и Царскимъ Селомъ, была выстроена, по приказанію императрицы Екатерины II, дача и при ней разбитъ весьма красивый садъ. Дача эта предназначалась государыней для ея любимаго внука—великаго князя Александра Павловича и была названа въ честь его Александровою.

Вскорѣ, однако, подаренная воспитателю великаго князя генералу-аншефу графу Николаю Ивановичу Салтыкову, дача эта на планѣ Павловска 1789 года именуется уже «Салтыковскою мызою». Въ позднѣйшіе годы, переходя отъ владѣльца къ владѣльцу, она куплена великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, но до сихъ поръ извѣстна подъ именемъ одного изъ послѣднихъ ея обладателей, именно «Анненковой дачи».

Въ настоящее время отъ Александровой дачи не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ, только въ отдаленной части сада, на холмѣ, у оврага, въ концѣ длинной дорожки, еще высится небольшой храмикъ «Розы безъ шиповъ»: семь колоннъ поддерживаютъ круглый куполь, внутри котораго замѣтны остатки живописи и фресокъ. Но въ началѣ 1790-хъ годовъ, «Александрова дача» служила предметомъ восторженныхъ похвалъ посѣтителей и тогда же воспѣта въ особой поэмѣ, посвященной императрицѣ. Эта поэма подъ заглавіемъ: «Але-

Заглавный листъ къ поэмѣ «Александрова дача».

ксандрова, увеселительный садъ великаго князя Александра Павловича», произведение С. Джунковскаго, составляетъ большую библиографическую рѣдкость, хотя и была издана два раза; въ 1793 г. въ Петербургѣ и въ 1810 г. въ Харьковѣ; оба издачія въ листъ; къ послѣднему приложены четыре гравюры, уменьшенныя копии съ которыхъ мы воспроизводимъ здѣсь ¹⁾. Три изъ нихъ изображаютъ виды Александрова, а на четвертой, составляющей заглавный листъ поэмы, пред-

Видъ дома и грота на Александровой дачѣ.

ставленъ графъ П. П. Салтыковъ; онъ повѣсилъ на сукъ вѣтвистаго дерева свой орденъ и ленты и, взывнись за плугъ, въ который выражены два вола, пахать землю, — аллегорическое изображеніе его дѣятельности, какъ воспитателя великихъ князей. Надъ нимъ паритъ

¹⁾ Мы пользовались экземпляромъ поэмы, находящимся въ библиотекѣ Д. О. Кобеко. Сверхъ того, мы заимствовали для описанія Александровой дачи свѣдѣнія, находящіяся въ примѣчаніяхъ академика Я. К. Грота къ первому тому «Сочиненій Державина» и въ книгѣ «Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе», составленной по порученію великаго князя Константина Николаевича въ 1877 году.

голубь и яркое солнце освѣщаетъ вдали, на горѣ, храмъ Фелицы, подъ жертвенникомъ котораго курится фимиамъ. Поэма Джунковского была издана также и во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ извѣстнымъ Массономъ.

По мысли великаго князя Александра Павловича, дача Александра должна была служить какъ бы живою иллюстраціею къ нравоучительной сказкѣ его державной бабки о «Царевичѣ Хлорѣ», которая, въ свою очередь, вдохновила Державина написать оду «Фелицѣ».

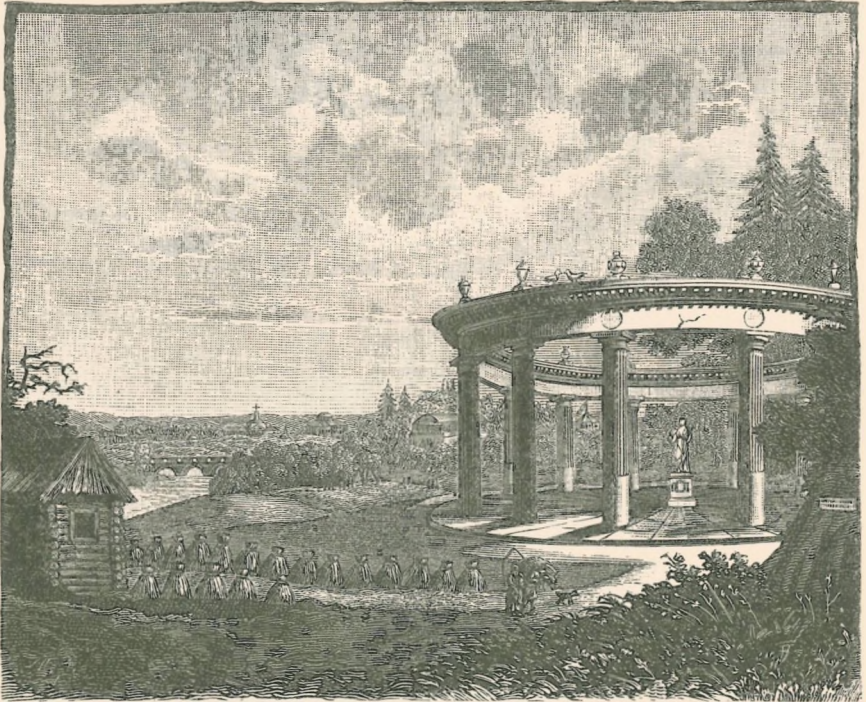
Видъ храма Фелицы на Александровой дачѣ.

Авторъ поэмы «Александрова» говоритъ въ предисловіи, обращенномъ къ Екатеринѣ II, что великій князь

«Ико начальникъ російскаго юношества и предшественникъ великихъ плодовъ Твоего матернаго о всеобщемъ воспитаніи попеченія, восчувствовавъ особливо высокость и справедливость мыслей въ одной изъ начертанныхъ Тобю притчей, называемой «Царевичъ Хлоръ», восхотѣлъ представить оную въ расположеніи своего увеселительнаго сада. Въ самой природѣ онъ соорудилъ себѣ всегдашній памятникъ принятаго отъ Тебя воспитанія и примѣръ юношамъ, любящимъ видѣть пріятность, соединенную съ наставленіемъ».

Въ стихахъ, впрочемъ, довольно плохихъ, авторъ поэмы «Александрова» описываетъ дачу и садъ. Изъ этого описанія видно, что домъ великаго князя Александра Павловича стоялъ на крутомъ берегу и близъ него находился шатеръ съ золотымъ верхомъ.

«Въ усыпанномъ кругомъ цвѣтами полѣ,
 «Надъ берегомъ крутымъ воздвигенъ домъ.
 «Какъ у Киргизскихъ рѣкъ на злачномъ долѣ
 «Поставленъ со златымъ шатеръ верхомъ.

Видъ храма Цереры на Александровой дачѣ.

Съ рисунковъ, приложенныхъ къ поэмѣ «Александрова», увеселительный садъ великаго князя Александра Павловича.

Къ дому вела прямая, недлинная аллея, обсаженная цвѣтами; она неожиданно обрывалась за поворотомъ, и дорога вела на поле и въ лѣсъ.

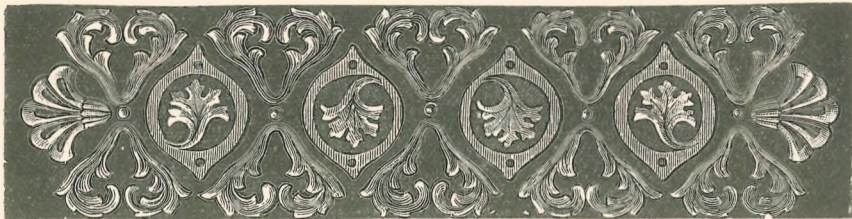
«Прекрасный входъ дорога открываетъ,
 «Полна цвѣтовъ, и кратка, и пряма,
 «Блаженну жизнь младенцевъ представляеть;
 «Забавы ихъ премудрость чтить сама,
 «Но вдругъ, поверотясь, стезя пестрѣеть,
 «Тамъ нѣжные цвѣты, тамъ тѣнь имѣеть,
 «Излучисто предходятъ поле, лѣсъ.

Дорога слѣдовала черезъ мостъ, украшенный трофеями, по полю, на которомъ возвышался павильонъ, росписанный изображеніями богатствъ; за павильономъ — нива, на ней хижина, а напротивъ ея каменная глыба съ надписью: «храни златые камни» — символъ «незыблемой основы благосостоянія Россіи при Екатеринѣ II», т. е. ея «Наказа». Нива прилежала къ «Храму Цереры». За этимъ храмомъ — водный ключъ, посвященный имени великой княгини Маріи Феодоровны; близъ сего пещера нимфы Эгеріи, мудрой наставницы римскаго царя Нумы Помпилія. Отсюда, длинная аллея мимо каскада вела къ высокому крутому холму, гдѣ находился «Храмъ розы безъ шиповъ», остатки котораго, какъ уже сказано выше, сохранились до сихъ поръ. Посрединѣ этого храма возвышался алтарь, а на немъ стояла урна съ «розою безъ шиповъ». Плафонъ былъ росписанъ фресками, изображающими Петра Великаго, смотрящаго съ высоты небесъ на «блаженствующую Россію», которая, окруженная символами богатства, наукъ и промышленности, опирается на щитъ съ изображеніемъ «Фелицы», т. е. Екатерины II. Здѣсь же орелъ «ломаетъ когтями рога луны», трофеи, трубящая Слава и два ангела съ крестомъ. У подножія храма было большое озеро, образывавшее извилистые протоки и заливы; на озерѣ плавали небольшія суда. Въ концѣ тѣнистаго лѣса возвышался «Храмъ Флоры и Помоны».

Этотъ садъ въ первые годы царствованія императора Александра I еще сохранялъ прежній видъ; потомъ началъ постепенно приходиться въ запустѣніе; штукатурка храмовъ и ихъ облицовка пообсыпались; воды изсякли; аллеи заросли травой; холмы обвалились. Озеро, разстилавшееся у подножія холма и храма «розы безъ шиповъ», представляетъ нынѣ лишь глубокую котловину, заросшую кустарникомъ.

Вѣроятно, существовали какія нибудь причины, по которымъ «Александрова дача» вскорѣ послѣ ея постройки была пожалована Салтыкову и затѣмъ предана жалкому забвенію, такъ что еслибъ Джунковскій не сочинилъ своей поэмы и не приложилъ бы къ ней рисунковъ, мы не имѣли бы никакого понятія объ этой оригинальной иллюстраціи «Сказки о царевичѣ Хлорѣ».

Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году ¹⁾.

ОСЛѢ смерти знаменитаго мореплавателя Кука, убитаго 14-го февраля 1779 года на Сандвичевыхъ островахъ, начальство надъ англійской экспедиціей, имѣвшей цѣлью открыть проходъ въ Ледовитый океанъ черезъ Беринговъ проливъ и состоявшей изъ двухъ кораблей «Resolution» и «Discovery», принялъ капитанъ Карлъ Клеркъ. Не смотря на то, что Клеркъ уже страдалъ тогда сильнѣйшей чахоткой, онъ рѣшился слѣдовать плану Кука, и, направляясь къ сѣверному полюсу, приплылъ 1-го мая къ берегамъ Камчатки у Петропавловской гавани, еще на половину покрытой льдомъ.

Петропавловская гавань представляла въ то время совершенною пустыню. Церковь и всѣ строенія, воздвигнутыя Берингомъ, были уничтожены пожаромъ, жители переселились въ Большерѣцкъ и въ гавани оставались, для караула, только сержантъ Сургуцкій и десять рядовыхъ, помѣщавшихся въ полуразрушенной казармѣ. Никто не воображалъ, чтобы иностранцы могли явиться въ Камчатку, и потому сержантъ былъ пораженъ, увидѣвъ приближающагося лейтенанта Кинга, посланнаго Клеркомъ на берегъ въ сопровожденіи десяти вооруженныхъ матросовъ. Русская команда, схва-

¹⁾ Свѣдѣнія о пребываніи англичанъ въ Камчаткѣ въ 1779 году заимствованы изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи документовъ и изъ сочиненія «Историческій очеркъ главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ съ 1650 по 1856 г.». А. С. Сгибнева. 1869 г.

тивъ ружья, поспѣшно выстроилась передъ казармой въ ожиданіи нападенія; но Кингъ, показывая знаки мира, поспѣпилъ ее успокоить. Такъ какъ русскіе и англичане не понимали другъ друга, то Кингу съ большимъ трудомъ удалось уговорить сержанта, чтобы онъ послалъ нарочнаго въ Большерѣцкъ къ главному начальнику Камчатки, премьеръ-маіору Бему, съ извѣстіемъ о прибытіи англійской экспедиціи и съ письмомъ, даннымъ Клерку штурманскимъ ученикомъ Измайловымъ, съ которымъ они встрѣтились у острова Уналашки.

Хотя Измайловъ въ письмѣ своемъ и увѣрялъ, что англичане имѣютъ самыя мирныя цѣли и обошлись съ нимъ при встрѣчѣ очень ласково, Большерѣцкая канцелярія не повѣрила, чтобы эскадра пришла съ добрыми намѣреніями. На собранномъ, подъ предсѣдательствомъ Бема, «военномъ совѣтѣ» было постановлено не предпринимать пока, вслѣдствіе недостатка артиллеріи и команды, никакихъ рѣшительныхъ мѣръ; но послать на эскадру съ письмомъ отъ Бема депутацію изъ лицъ неслужащихъ. Депутатами были выбраны: служитель Бема, Поса, знавшій нѣмецкій языкъ, и купецъ Посельскій.

Кромѣ того, былъ посланъ нарочный въ Нижнекамчатскъ съ предупрежденіемъ, чтобы тамъ имѣли предосторожность отъ англичанъ, а въ Верхнекамчатскъ послано предписаніе поспѣшно отправить «въ сикурсъ» всѣхъ лишнихъ солдатъ въ Петропавловскую гавань, съ исправной аммуниціей и ружьями; взамѣнъ же этой команды передвинуть 20 человекъ въ Верхнекамчатскъ изъ Тигильской крѣпости. Въ случаѣ же непріязненныхъ дѣйствій со стороны иностранцевъ, приказано вооружить всѣхъ купцовъ и промышленниковъ и «чинить отпоръ».

Между тѣмъ, русская депутація прибыла въ Петропавловскую гавань и встрѣтила самый любезный пріемъ со стороны англичанъ. Клеркъ просилъ депутатовъ снабдить эскадру скотомъ и провіантомъ; но такъ какъ просьба эта не могла быть исполнена безъ разрѣшенія Бема, то Клеркъ, въ свою очередь, послалъ въ Большерѣцкъ депутацію, состоявшую изъ капитана Гора, лейтенанта Кинга и геодезиста Вебера, знавшаго нѣмецкій языкъ. Депутація эта прибыла въ Большерѣцкъ 30-го апрѣля; вмѣстѣ съ ней возвратилась и наша депутація.

Помощникъ Бема, капитанъ Шмалевъ, доносилъ по этому поводу въ Иркутскъ: «Оныя гости нами, съ Бемомъ, съ надлежащимъ по званію ихъ почтеніемъ, съ оказываніемъ благопристойности, приняты и на собственномъ нашемъ коштѣ содержаны и по здѣшнему мѣсту, сколько возможно, были довольствованы, т. е. чаемъ и сахаромъ снабжены изъ нашего копта безнедостаточно, въ чемъ они весьма довольными отзывались».

Бемъ распорядился послать на эскадру изъ Нижнекамчатска 250 пудовъ ржаной муки, двадцать головъ рогатаго скота и, сверхъ того, «по слабости здоровья главнокомандующаго, двѣ дойныя коровы для пропитанія». Все это было отпущено англичанамъ безденежно, «ибо», доносилъ Шмалевъ, «по казеннымъ цѣнамъ мука стоитъ 2 руб. 50 коп. пудъ, а быкъ 80 руб.; если потребовать съ нихъ деньги, то они хоть бы по нуждѣ и заплатили, но сочли бы это за немалое приѣсненіе».

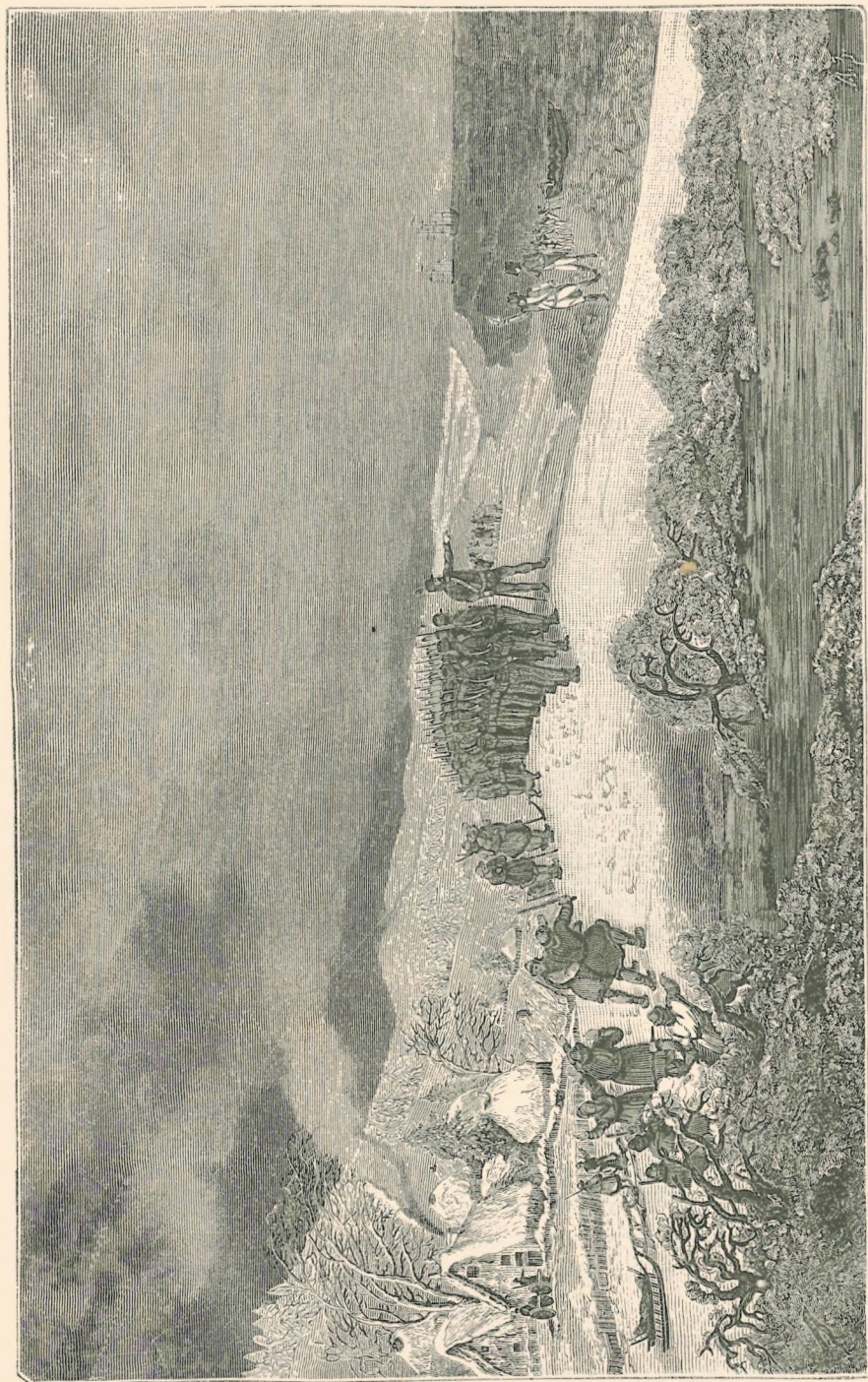
2-го мая, англійская депутація выѣхала изъ Большерѣцка «съ принадлежащимъ почтеніемъ и пушечною пальбою». Съ нею отправился на эскадру и Бемъ, который провель съ англичанами четверо сутокъ, и при сѣздѣ съ судна на берегъ ему салютовали съ обоихъ судовъ 21 пушечнымъ выстрѣломъ.

Англичане подарили Бему разныя вещи, вывезенныя изъ посѣщенныхъ ими странъ, квадрантъ и нѣсколько картъ вновь открытыхъ ими острововъ. Онъ передалъ всѣ эти подарки въ Большерѣцкую канцелярію, которая, на основаніи высочайшаго повелѣнія, чтобы всѣ вывозимыя съ острововъ «курьезныя» вещи доставлялись въ академію, — отправила ихъ въ Петербургъ.

5-го іюня, англійская эскадра ушла въ море. Бемъ и Шмалевъ снабдили Клерка указомъ къ нашимъ промышленникамъ на островахъ, чтобы они «старались оказывать англичанамъ почтеніе и дружество» и обходились съ ними «со всякою благосклонною ласкою». Клеркъ въ письмѣ своемъ къ Бему объяснилъ, что въ апрѣлѣ будущаго года снова придетъ съ эскадрою въ Петропавловскую гавань и просилъ его заготовить къ этому времени нѣсколько штукъ скота, 3 бочки смолы, 2^{1/2} пуда нитокъ парусныхъ, 100 иголокъ, 4 куска парусины, 2 троса, 2^{1/2} пуда разныхъ гвоздей и 100 березовыхъ плахъ. Бемъ обѣщалъ хлопотать о присылкѣ просимыхъ вещей; но скорѣ послѣ отплытія эскадры получилъ давно просимую имъ отставку, выѣхавъ въ Иркутскъ, а должность свою сдалъ Шмалеву.

Не смотря на завѣренія англичанъ, что они путешествуютъ съ ученою цѣлью, Шмалевъ не вѣрилъ имъ и убѣждалъ иркутскаго губернатора о скорѣйшей высылкѣ въ Камчатку солдатъ, пушекъ и пороху.

Въ рапортѣ своемъ Шмалевъ, между прочимъ, писалъ: «Хотя мнѣ и предписано, чтобы, въ случаѣ прибытія въ Камчатку иностранцевъ, не допускать ихъ сѣзжать на берегъ болѣе 10-ти человекъ, и то для самыхъ необходимыхъ надобностей, но я не встрѣчаю возможности исполнить этого предписанія, потому что всѣ ружья у казаковъ негодныя. Изъ Якутска и Охотска высылаютъ въ Камчатку

Встрѣча русскихъ съ англичанами въ Петропавловской гавани въ Камчаткѣ, въ 1779 году.

Съ рѣдкой гравюры того времени Зрекина.

только тѣ изъ нихъ, которыя не могутъ быть употребляемы тамъ въ дѣло. Хорошей артиллеріи и канонировъ также нѣтъ. Всѣ имѣющіеся здѣсь пушки скорѣе сдѣлаютъ вредъ нашей прислугѣ, чѣмъ непріятелю, а канониры вовсе не знаютъ своего дѣла, такъ что при пальбѣ въ высокаторжественные дни рѣдко обходится безъ несчастій. При отбытіи англичанъ изъ Вольшерѣцка, служителя, заряжавшаго пушку, «совсѣмъ разбило».

«Во всей Камчаткѣ и при Чекавинской гавани (гдѣ изъ Охотска приходятъ и вооружаются казенныя суда) по списку состоитъ всѣхъ

Первоначальный видъ могилы капитана Клерка въ Петропавловской гавани.
Съ гравюры конца прошлаго столѣтія.

чиновъ 154 человекъ, въ Нижнекамчатскѣ 96, въ Верхнекамчатскѣ 54; въ Тигильской крѣпости 87, въ Петропавловской гавани 29. Всего во всѣхъ мѣстахъ 398 человекъ. Изъ числа этого весною выбываютъ многіе, болѣвшіе цинготною болѣзнью, а и здоровые, по званію своему, большая половина никакой аммуниціи при себѣ, не только чтобъ представить солдата, но и виду того не имѣютъ, а находятся, по большей части, въ собачьихъ и оленьихъ по здѣшнимъ манерамъ одеждахъ, что съ нихъ за недачею мундировъ и не взыскивается. Жалованья получаютъ по 4 руб. 28 коп. въ треть, провіанта же по 32¹/₂ фун. въ мѣсяцъ, за достальной и крупу деньгами, за муку по

1 руб. 50 коп., за крупу по 2 руб. за пудъ; а въ партикулярной продажѣ случается отъ 6 до 8 рублей, да и то не во всегдапнее время, почему имъ не только на содержаніе, но и на пропитаніе положеннаго жалованья бываетъ крайне недостаточно; въ разсужденіи чего, чтобы они пропитаніемъ вовсе лишены и изнуренія отъ крайняго голода имѣть не могли, въ лѣтнія времена для приготовленія на годовичное содержаніе рыбныхъ кормовъ отпускаются. А потому къ укрѣпленію и защищенію отъ немирныхъ и иностранныхъ народовъ какъ въ Большерѣцкѣ, такъ и въ Петропавловской гавани, крѣпостей завести и построить, такъ какъ оное строеніе должно производить лѣтомъ,

Возстановленіе Лаперузомъ могилы Клерка въ 1787 году.

Съ гравюры того времени Пильемена.

времени не бываетъ, а ежели людей отъ приготовленія кормовъ отлучать и всегда въ работы употреблять, въ такомъ случаѣ уже имъ къ пропитанію никакой надежды не останется, а доведены быть могутъ и до крайняго голоду».

Иркутскій губернаторъ, Кличка, донесъ обо всемъ этомъ въ Петербургъ генераль-прокурору князю Вяземскому, присовокупивъ, что съ вновь назначеннымъ на мѣсто Бема командиромъ Камчатки, коллежскимъ ассесоромъ Рейнеке, онъ пошлетъ къ морю подкрѣпленіе, но не надѣется, чтобы Рейнеке могъ прибыть въ Камчатку раньше

1780 года. Что же касается до просимыхъ англичанами матеріаловъ, то онъ выписалъ часть ихъ изъ Москвы съ особымъ нарочнымъ, а тросы приказалъ выслать изъ Енисейска.

На это донесеніе Клички князь Вяземскій отвѣчалъ, 10-го декабря 1779 года, что по докладѣ императрицѣ донесенія о приходѣ въ Камчатку англичанъ, ея величество изволила указать, чтобы: 1) выданный Клерку провіантъ и скоть были приняты на счетъ казны; 2) заготовленный вновь скоть и другіе припасы также отнести на счетъ казны, ибо за все это заплатить англійскій посланникъ въ Петер-

Памятникъ, сооруженный надъ могилой Клерка въ Петропавловской гавани.

Съ гравюры Чесскаго.

бургѣ; 3) Камчатку привести въ оборонительный видъ неспрѣнно, такъ какъ путь туда сдѣлался уже извѣстенъ иностранцамъ.

Кличка, получивъ такое распоряженіе, предписалъ Рейнке построить въ Петропавловской гавани редуты; но такъ какъ въ Иркутскѣ не было инженера для этихъ работъ, то губернаторъ командировалъ изъ навигацкой школы сержанта, «знающаго хорошо рисованіе». Съ Рейнке были отправлены 4 канонира, 3 унтеръ-офицера, 5 пудовъ пороха, 50 пудовъ свинцу и 50 ружей «годныхъ».

Между тѣмъ англійская эскадра, достигнувъ 71 градуса сѣверной широты, встрѣтила громадныя массы льда и всѣ усилія ея преодолѣть препятствія привели лишь къ тому, что корабль «Discovery»

потерпѣлъ значительныя поврежденія. Вслѣдствіе этого, на общемъ собраніи офицеровъ было рѣшено отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ и возвратиться назадъ. 13-го августа того же 1779 года эскадра вновь стала на якорь у Петропавловской гавани. За три дня до прибытія въ Петропавловскъ Клеркъ умеръ и начальство надъ эскадрой принялъ капитанъ Гора.

Затребованные англичанами въ первое посѣщеніе Камчатки припасы и скоть были доставлены изъ Охотска въ Петропавловскую гавань 30-го августа на суднѣ «Св. Георгій».

Шмалевъ посѣтилъ эскадру, былъ принятъ Горомъ съ пальбой изъ всѣхъ орудій и затѣмъ участвовалъ въ погребеніи капитана Клерка.

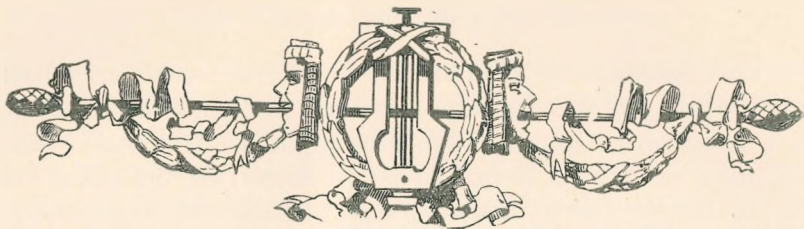
«На сѣверной сторонѣ гавани», доносилъ Шмалевъ, «англичане устроили ему могилу у березоваго дерева, обложили ее дерномъ и обнесли частоколомъ. Самое погребеніе производили при пушечной пальбѣ «по своему закону».

Запасшись провіантомъ и нужными вещами, англійскія суда ушли въ море 1-го октября. Впослѣдствіи за содѣйствіе, оказанное экспедиціи, Бемъ получилъ отъ англійскаго правительства большую серебряную вазу, а Шмалевъ—столовые часы.

Въ 1787 году Петропавловскую гавань посѣтилъ другой знаменитый мореплаватель, Лаперузъ. Онъ нашелъ крестъ надъ могилой Клерка уже полуобрушившимся, а деревянную доску, прибитую на деревѣ, подъ которымъ былъ погребенъ Клеркъ, сгнившей. Лаперузъ велѣлъ возстановить могилу и прибить вмѣсто деревянной мѣдную доску съ надписью на французскомъ языкѣ о заслугахъ этого мореплавателя.

Черезъ нѣсколько лѣтъ надъ могилой Клерка былъ поставленъ каменный памятникъ, въ видѣ пирамиды, обнесенной рѣшеткой. Памятникъ этотъ сохранился до настоящаго времени.

Пѣвица Габріелли ¹⁾.

ВѢДКАЯ изъ пѣвицъ пользовалась въ свое время такою громкою извѣстностью, какъ Катерина Габріелли. Замѣчательная женщина эта принадлежала къ числу тѣхъ эксцентрическихъ и нынѣ уже исчезнувшихъ личностей, которыя вносили въ свою частную жизнь лихорадочныя ощущенія сцены. Въ Габріелли все было оригинально: талантъ, наружность, характеръ. Жизнь ея, полная самыхъ разнообразныхъ приключеній, послужила канвой для множества повѣстей и романовъ, до сихъ поръ еще читаемыхъ съ любопытствомъ въ Италіи.

Катерина Габріелли родилась въ Римѣ, въ 1730 году. Способности ея къ музыкѣ и страсть къ пѣнію обнаруживались съ самаго дѣтства. Отецъ Катерины служилъ поваромъ у князя Габріелли; не имѣя достаточныхъ средствъ для того, чтобы развить счастливый талантъ дочери, онъ лишь изрѣдка могъ оставлять свой колпакъ и передникъ и ходить съ нею въ оперу. Молодая дѣвочка быстро угадывала лучшія мѣста лирическихъ композицій, которыя производили на нее такое сильное впечатлѣніе, что ей стоило прослушать ихъ только одинъ разъ, чтобы потомъ передать

¹⁾ Источники: а) *Vie et aventures des cantatrices célèbres*, par Marie et Léon Escudier. Paris, 1836. б) *La biographie des contemporains* par Alphonse Rabbe. Paris, 1794. Tome 1, ltr. G. в) *Anecdotes secrètes et interessantes de la cour de Russie*, Londres, 1796. Tome 1. г) *Исторія музыки въ Россіи со временъ Петра Великаго*. «Художественная Газета», 1840, № 21-й и 23-й.

съ необыкновенной вѣрностью, изяществомъ и выраженіемъ, полнымъ прелести.

Случайное обстоятельство неожиданно измѣнило судьбу Катерины и открыло передъ ней самую блестящую будущность. Однажды князь Габріелли, гуляя по саду своей виллы, услышалъ молодую дѣвушку, пѣвшую довольно трудную арію изъ тогдашней любимой оперы «Сынъ лѣсовъ» Тиграна. Князь былъ пораженъ звучностью и чистотой голоса пѣвицы.

— Кто это поетъ? спросилъ онъ съ невольнымъ изумленіемъ у сопровождавшаго его садовника.

— Дочь повара вашего сіятельства, отвѣчалъ послѣдній.

— Можетъ ли это быть?

— Вашему сіятельству легко провѣрить мои слова.

— Который ей годъ?

— Четырнадцать лѣтъ.

— Что она—недурна собой?

— По-моему, очень хороша.

— Въ такомъ случаѣ мой поваръ обладаетъ замѣчательнымъ сокровищемъ. Сходи и позови ее ко мнѣ.

Садовникъ послѣшилъ исполнить приказаніе князя. Катерина оказалась, дѣйствительно, прехорошенькою дѣвушкой. Блѣдное и худое лицо ея было необыкновенно миловидно и подвижно; большіе черные глаза, полузакрытые длинными рѣсницами, выражали умъ и энергію; маленькій ротъ, съ котораго почти не сходила улыбка, и носъ, немного приподнятый кверху, придавали ей видъ беззаботности и легкомыслія; она была высока и стройна и держала себя развязно и съ нѣкоторымъ достоинствомъ; во всей фигурѣ ея проглядывала какая-то странная смѣсь нѣжности и силы, упрямства и слабости. Красивая наружность Катерины, ея рѣдкія способности и обширный голосъ побудили князя Габріелли серьезно заняться музыкальнымъ образованіемъ молодой дѣвушки. Онъ отдалъ ее въ школу къ славнѣйшему въ то время учителю пѣнія — Порпорѣ. Катерина въ самое короткое время оказала удивительно быстрые успѣхи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она могла уже пѣть въ публичномъ концертѣ и такъ восхитила слушателей своимъ талантомъ, что весь Римъ заговорилъ о «молодой поварихѣ князя Габріелли». Съ тѣхъ поръ фамилія князя навсегда осталась за нею, и намъ неизвѣстно, чтобы она когда нибудь называлась другимъ именемъ.

Семнадцати лѣтъ Габріелли дебютировала въ качествѣ примадонны, на луккскомъ театрѣ, въ оперѣ Галуппи «Софонизба». Дебютъ ея былъ изъ самыхъ блистательныхъ. Гваданьи, тогдашній замѣчатель-

ный «сопранистъ», нашелъ въ голосѣ молодой пѣвицы столько достоинствъ что вызвался добровольно заняться его дальнѣйшей обработкой. Превосходная метода этого артиста дала новый толчекъ таланту Габриелли. Въ 1750 году она появилась на неаполитанской сценѣ, въ «Дидонѣ» Метастазіо. Ея громадный и симпатическій голосъ произвелъ на публику потрясающее дѣйствіе. Пѣвица была достойнымъ образомъ награждена нескончаемыми аплодисментами, вызовами, цвѣтами, подарками, сонетами и проч. Съ этого времени слава Габриелли была упрочена; имя ея сдѣлалось извѣстнымъ не только въ Италіи, но и во всей Европѣ. Вскорѣ она получила приглашеніе пріѣхать въ Вѣну, гдѣ императоръ Францъ I пожаловалъ ей титулъ придворной пѣвицы. Здѣсь она пользовалась совѣтами знаменитаго Метастазіо, который выучилъ ее лирической декламации и посвятилъ въ тайны сценическаго искусства.

Разные хроникеры приписываютъ Габриелли множество самыхъ романтическихъ приключеній и анекдотовъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ. Изъ всего этого не подлежитъ сомнѣнію только то, что талантъ и красота пѣвицы доставили ей расположеніе нѣсколькихъ важныхъ лицъ, относительно которыхъ она держала себя съ необыкновенной безцеремонностью и пренебреженіемъ. Габриелли заставляла иногда своихъ поклонниковъ по цѣлымъ часамъ сидѣть въ передней, въ ожиданіи ея выхода, давала имъ самыя странныя порученія, въ глаза насмѣхалась надъ ними и обманывала ихъ на каждомъ шагу. Впрочемъ, любовники не всегда равнодушно покорялись ея капризамъ. Однажды, секретарь французскаго посольства въ Вѣнѣ, графъ Морвилль, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ пѣвицѣ, узналъ, что она секретно принимаетъ къ себѣ португальскаго посланника. Желая удостовѣриться въ справедливости своихъ подозрѣній, Морвилль прибѣгнувъ къ способу, правда, не совѣмъ благородному, но за то почти всегда удающемуся. Онъ спрятался за альковомъ въ спальнѣ Габриелли и имѣлъ терпѣніе стоять неподвижно во все время, какъ она расточала пламенные ласки его сопернику. Когда послѣдній удалился, оскорбленный французъ выскочилъ изъ засады и, въ порывѣ гнѣва и ревности, обнажилъ шпагу и хотѣлъ заколотъ свою возлюбленную; къ счастью, на ней былъ надѣтъ въ эту минуту корсетъ: лезвіе стали, встрѣтивъ сопротивленіе, согнулось и причинило пѣвицѣ только легкую рану. Увидя кровь и испугъ Габриелли, несчастный любовникъ опомнился, упалъ на колѣни и просилъ прощенія. Габриелли согласилась забыть обиду, но съ условіемъ, чтобы Морвилль подарилъ ей свою шпагу. Не подозрѣвая въ этомъ никакого дурного умысла, онъ, разумѣется, поспѣшилъ исполнить требованіе. Тогда

пѣвица велѣла сдѣлать на ножнахъ шпаги слѣдующую надпись: «Шпага графа Морвилля, который осмѣлился обнажить ее противъ Габріелли», и повѣсила оружіе неосторожнаго француза, въ видѣ трофея, въ своей пріемной комнатѣ. Пристыженному Морвиллю стоило не мало хлопотъ достать обратно свою шпагу.

Габріелли собрала въ Вѣнѣ огромныя суммы денегъ. Нѣмцы сильно пристрастились къ ея пѣнію, и самъ императоръ пріѣзжалъ въ театръ только тогда, когда она пѣла. Намѣреніе пѣвицы возвратиться въ Италію возбудило всеобщее сожалѣніе. Депутація, составленная изъ молодыхъ людей лучшихъ фамилій, явилась къ ней съ просьбой не покидать Вѣны еще нѣсколько времени, но Габріелли, уже давно скупавшая по родинѣ, отвѣчала положительнымъ отказомъ.

Въ 1765 году она отправилась въ Палермо, и прожила тамъ около двухъ лѣтъ, не смотря на то, что ея капризы и странности часто оскорбляли публику. Какъ-то разъ, вице-король, желая почтить талантъ пѣвицы, сдѣлалъ въ честь ея торжественный обѣдъ, на который были приглашены только самыя почетныя лица въ городѣ. Всѣ приглашенные собрались во дворецъ къ назначенному времени за исключеніемъ лишь одной Габріелли. Прождавъ ея напрасно около часа, вице-король, въ нетерпѣніи, послалъ за ней своего секретаря. Послѣдній нашелъ пѣвицу спокойно отдыхающей въ постели съ книгой въ рукѣ. Она, смѣясь, объяснила, что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровой и потому не можетъ ѣхать на обѣдъ. Всѣ старанія секретаря убѣдить капризную артистку—не оскорблять вице-короля остались безуспѣшными; Габріелли закуталась съ головой въ одѣяло и не хотѣла ничего слушать. Въ тотъ же вечеръ она пѣла въ оперѣ. Публика, которой уже была извѣстна выходка пѣвицы, встрѣтила ее довольно холодно. Габріелли обидѣлась и начала пѣть вполголоса, съ замѣтнымъ пренебреженіемъ. Такая дерзость окончательно разсердила вице-короля; онъ приказалъ сказать артисткѣ, что если она не перестанетъ насмѣхаться надъ публикой, то будетъ отправлена въ тюрьму. Габріелли отвѣчала, что ее можно заставить плакать, но не пѣть. Тогда вице-король велѣлъ тотчасъ же опустить занавѣсъ и отвести пѣвицу въ городской замокъ, поручивъ, впрочемъ, коменданту обратиться съ нею со всевозможнымъ вниманіемъ и вѣжливостью. Въ теченіе двѣнадцатидневнаго заключенія своего Габріелли вела безумно-роскошную жизнь, давала великолѣпныя ужины, разсыпала вокругъ себя щедрую милостыню, заплатила долги многихъ арестантовъ, каждый вечеръ пѣла имъ избранныя мѣста изъ оперъ, и такъ очаровала своихъ тюремныхъ товарищей, что даже тѣ изъ нихъ, которыхъ она выкупила, не захотѣли прежде нея оставлять

тюрьмы. Между тѣмъ, палермское общество, лишенное лучшаго украшенія своей оперы, скоро соскучилось по пѣвицѣ и настоятельно требовало у вице-короля ея освобожденія; когда онъ согласился на это, многочисленная толпа поклонниковъ артистки окружила замокъ и, дождавшись выхода Габриелли, съ триумфомъ на рукахъ отнесла ее домой.

Значительно увеличивъ свое состояніе палермскими деньгами, Габриелли отправилась, въ 1767 году, въ Парму. Въ это время талантъ и красота пѣвицы достигла высшей степени своего развитія. Въ Пармѣ ей неожиданно пришлось испытать самыя оригинальныя и романтическія непріятности. При первомъ же появленіи ея на сценѣ, инфантъ пармскій, Филиппъ, почувствовалъ къ пѣвицѣ такую непреодолимую и пламенную любовь, которая заставила опасаться за его разсудокъ. Подчиняясь страсти къ деньгамъ, Габриелли отдалась Филиппу, и была достойно наказана за это. Одаренный отъ природы характеромъ мрачнымъ, нелюдимымъ и ревнивымъ, инфантъ держалъ свою возлюбленную въ заперти у себя во дворцѣ, не отпускалъ ее никуда, кромѣ театра; не позволялъ ей ни съ кѣмъ видѣться и страшно надобдалъ ей своими подозрѣніями и ласками. Среди постоянныхъ ссоръ, возбуждаемыхъ насиліями Филиппа, Габриелли оставалась все тою же упрямой и свосравной женщиной: она изобрѣтала всевозможныя средства, чтобы еще болѣе усилить недовѣріе, ревность и гнѣвъ своего любовника, и отвѣчала на его страсть лишь одними сарказмами и оскорбительными насмѣшками. Филиппъ былъ очень некрасивъ собой и страдалъ многими тѣлесными недостатками, изъ которыхъ особенно ярко выдавалась его уродливая горбатость, вслѣдствіе чего Габриелли не называла его иначе, какъ «*gobbo maladetto*» (проклятый горбунъ) — имя, перешедшее вмѣстѣ съ нимъ въ исторію. Подобное обращеніе и поступки Габриелли нерѣдко доводили Филиппа до бѣшенства, но, впрочемъ, къ чести его нужно сказать, что, въ порывѣ своего гнѣва, онъ никогда не доходилъ до жестокости. Какъ-то разъ, въ припадкѣ ревности, онъ отправилъ свою возлюбленную въ тюрьму, позаботившись, однако, прежде превратить сырой и холодный казематъ въ покой, полный роскоши и удобствъ. Пѣвица была окружена здѣсь многочисленною и почтительною прислугой, которая безпрекословно исполняла малѣйшія ея желанія и прихоти; столъ и вино отпускались ей изъ дворца; избранная бібліотека и нѣсколько музыкальныхъ инструментовъ давали узницѣ средства къ развлеченію. Черезъ недѣлю инфантъ явился къ ней съ визитомъ; Габриелли встрѣтила его потокомъ ругательствъ и проклятій, и не прежде согласилась примириться съ нимъ, какъ заставивъ его плакать у своихъ ногъ и купить себѣ прощеніе драгоценнымъ подаркомъ въ нѣсколько тысячъ лиръ. На-

ходя, наконецъ, неудобнымъ продолжать связь съ человѣкомъ, который постоянно преслѣдовалъ и стѣснялъ ее своею ревностью, Габриелли, въ 1768 году, убѣжала изъ Пармы. Директоръ одного изъ лондонскихъ театровъ поспѣшилъ сдѣлать ей весьма выгодныя предложенія; но пѣвица не захотѣла ѣхать въ Англію.

— Тамъ, отвѣчала она, если мнѣ придется фантазія отказаться пѣть, то публика убьетъ меня. Я предпочитаю лучше жить въ покоѣ, подчиняясь лишь однимъ моимъ прихотямъ.

Слыша много разсказовъ о щедрости русскихъ, Габриелли рѣшилась отправиться въ Россію, куда ее давно уже звалъ композиторъ Траэтто, завѣдывавшій въ то время петербургскою итальянской оперой.

По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Габриелли дебютировала на придворной сценѣ, въ небольшой лирической драмѣ Траэтто—«Необитаемый островъ», и, по обыкновенію, очаровала слушателей. Императрица приказала немедленно представить себѣ артистку и предложила ей остаться въ Петербургѣ на цѣлый сезонъ. Габриелли, разумѣется, согласилась, но запросила за это десять тысячъ рублей.

— Подобное жалованье у меня получаютъ только фельдмаршалы, съ улыбкою сказала ей императрица.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчала артистка, —ваше величество можете заставить пѣть своихъ фельдмаршаловъ.

Къ счастью Габриелли, императрица была въ хорошемъ расположеніи духа и потому оставила эту дерзость безъ вниманія. Она предоставила пѣвицѣ на выборъ: или получать семь тысячъ, или ѣхать обратно въ Италію.

Подумавъ, Габриелли весьма благоразумно предпочла первое. О пребываніи Габриелли въ Петербургѣ сохранилось немного свѣдѣній; мы знаемъ только, что она съ успѣхомъ пѣла почти во всѣхъ операхъ, дававшихся тогда на придворномъ театрѣ, была любима публикой и умѣла ловко обирать своихъ поклонниковъ. Главнѣйшимъ изъ нихъ былъ директоръ театровъ, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, человѣкъ умный, образованный, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ Екатерины, но страшный волокита. Онъ до такой степени влюбился въ Габриелли, что она дѣлала изъ него все, что хотѣла. Однажды, желая подурачиться надъ нимъ, Габриелли пристала, чтобы онъ протанцовалъ съ нею [вальсъ. Толстый и неуклюжій Елагинъ сталъ было отговариваться, но пѣвица не хотѣла ничего слушать и, схвативъ его, начала вертѣть по залѣ; Елагинъ неосторожно споткнулся, упалъ и такъ сильно повредилъ себѣ ногу, что долгое время не могъ ступать на нее. Императрица, узнавъ объ этомъ, разрѣшила ему имѣть при себѣ трость и даже позволяла, когда онъ являлся во дворецъ,

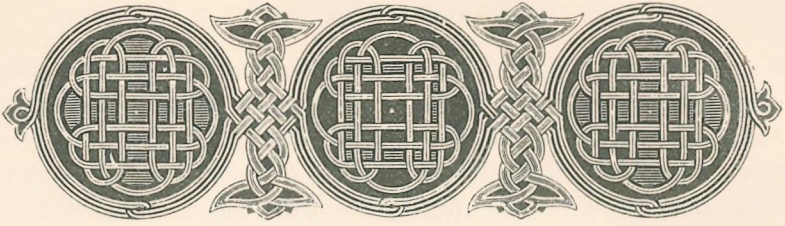
сидиться въ своемъ присутствіи. Спустя нѣсколько времени, въ Петербургъ пріѣхаль, послѣ одной блистательной побѣды, раненый Суворовъ. Все готовилось встрѣтить знаменитаго полководца, и во дворцѣ былъ назначенъ парадный выходъ. Сановники ожидали Суворова, чтобы отдать ему должныя почести; сама государыня вышла къ нему навстрѣчу; одинъ Елагинъ въ приемной залѣ остался сидящимъ въ креслѣ и не тронулся съ мѣста. Суворовъ, проходя мимо, съ удивленіемъ окинулъ его взглядомъ. Государыня, замѣтивъ это, сказала графу:

— Извини, Александръ Васильевичъ, Ивана Перфильевича: онъ также получилъ рану, но не въ сраженіи, а у Габриелли, выдѣлывая па»¹⁾.

Продѣлка съ Елагинымъ не прошла, однакожь, безнаказанно для Габриелли. Императрица приказала выслать ее за границу, выдавъ ей сполна все жалованье по условію.

По отъѣздѣ своемъ изъ Россіи, Габриелли продолжала съ блестящимъ успѣхомъ пѣть на разныхъ европейскихъ театрахъ. Голосъ пѣвицы, не смотря на приближавшуюся старость и неумѣренный образъ ея жизни, все еще сохранялъ свою свѣжесть, чистоту и силу. Въ Венеціи ей пришлось пѣть вмѣстѣ съ замѣчательнымъ пѣвцомъ того времени, Паччіяротти. Послѣ первой же ея аріи онъ въ отчаяніи убѣждалъ со сцены, опасаясь, черезъ сравненіе съ нею, навсегда потерять свою артистическую репутацію. Слава Габриелли начала меркнуть только въ 1780 году, когда ей было уже пятьдесятъ лѣтъ. Убѣдившись въ томъ, что талантъ и голосъ ея клонятся къ упадку, она имѣла благоразуміе во-время оставить сцену и поселилась въ своей родинѣ—Римѣ. Громадныя средства Габриелли позволяли ей окружить себя самою изысканною роскошью и великолѣпіемъ; она не выѣзжала иначе, какъ въ золоченой каретѣ, въ сопровожденіи цѣлой толпы курьеровъ и верховыхъ лакеевъ; наряды ея поражали всегда своимъ богатствомъ и оригинальностью; домъ ея, похожій на дворецъ владѣтельнаго князя, сдѣлался любимымъ мѣстомъ собранія римской молодежи, среди которой Габриелли разыгрывала роль театральной герцогини; желая сдѣлать имя свое еще болѣе популярнымъ въ Италіи, она щедро благотворствовала бѣднымъ и часто устраивала въ пользу ихъ блестящіе праздники и концерты, никогда, впрочемъ, не принимая участія въ послѣднихъ. Габриелли скончалась въ 1795 году, отъ простуды.

¹⁾ Араповъ въ своей «Лѣтописи русскаго театра», приводя этотъ анекдотъ, говоритъ, что Елагинъ повредилъ себѣ ногу у какой-то танцовщицы; но авторъ «Anecdotes interessantes de la cour de Russie», очевидецъ событій екатерининскаго времени, утверждаетъ положительно, что это случилось у Габриелли.

Подпоручикъ Федосѣевъ.

Въ февралѣ 1797 года, по всѣмъ губерніямъ было разослано нѣсколько тысячъ печатныхъ экземпляровъ указа слѣдующаго содержанія:

«Объявляется во всенародное извѣстіе:

«Подпоручикъ Иванъ Федосѣевъ, Военной Коллегіею бывъ отправленъ въ Оренбургскій гарнизонъ и проѣзжая изъ Санктпетербургской чрезъ Новгородскую и Тверскую губерніи, дерзнулъ разглашать въ разныхъ селеніяхъ отъ Всемилостивѣшаго Его Императорскаго Величества имени, что помѣщицки крестьяне будутъ Государевы и собирать съ нихъ стануть оброкъ наравнѣ съ крестьянами казеннаго вѣдомства, за каковое преступленіе въ ложномъ разглашеніи по силѣ законовъ подлежалъ онъ смертной казни, о чемъ и поднесенъ былъ отъ Сената Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ съ таковымъ мнѣніемъ: чтобъ подпоручика Федосѣева за преступленіе имъ содѣянное лишить чиновъ и дворянскаго достоинства, по снятіи коего и привилегія до него не касается; чего ради, наказавъ кнутомъ, сослать его въ работу на Нерченскіе заводы. На которомъ докладѣ сего января 29-го дня, собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Быть по сему». Во исполненіе онаго преступнику Федосѣеву наказаніе публично въ Санктпетербургѣ учинено, и о томъ для надлежащаго свѣдѣнія симъ объявляется.

«Подлинный за подписомъ Правительствующаго Сената. Печатанъ въ Санктпетербургѣ, при Сенатѣ января дня, 1797 года».

Указъ этотъ, бывшій долго предметомъ самыхъ разнорѣчивыхъ толковъ, послужилъ иностраннымъ писателямъ о Россіи матеріаломъ для обильныхъ вымысловъ. Во многихъ исторіяхъ и мемуарахъ, относящихся ко времени императора Павла I и изданныхъ за границею, мы находимъ пространные рассказы о возмущеніи, произведенномъ однимъ офицеромъ между помѣщичьими крестьянами въ Новгородской и Тверской губерніяхъ въ 1797 году, о посылкѣ для усмиренія бунтовщиковъ нѣсколькихъ гвардейскихъ полковъ подъ начальствомъ престарѣлаго фельдмаршала князя Репнина, о кровопролитныхъ мѣрахъ, принятыхъ имъ для водворенія порядка, и проч. и проч. Подлинное дѣло о подпоручикѣ Федосѣевѣ, хранящееся въ архивѣ Правительствующаго Сената, даетъ намъ возможность познакомить читателей съ скромной личностью «возмутителя» и представить въ настоящемъ свѣтѣ небывалое возмущеніе 1797 года.

Излагая дѣло почти буквально по экстракту, представленному въ Сенатъ С.-Петербургской Уголовной Палатой, мы не будемъ касаться его юридической стороны. Цѣль нашей статьи — не юридическій разборъ процесса Федосѣева, а опроверженіе неточныхъ рассказовъ, выдуманныхъ иностранцами и принимаемыхъ многими за непреложные факты; впрочемъ, несостоятельность нашей тогдашней уголовной практики и излишняя строгость законовъ будутъ ясно видны изъ обстоятельствъ дѣла.

30-го декабря 1796 года, дворянскій засѣдатель весьегонскаго нижняго суда, подпоручикъ Масловъ, объѣзжая свой округъ, пріѣхалъ ночевать въ село Чудиново, принадлежавшее разнымъ владѣльцамъ. Тотчасъ по пріѣздѣ засѣдателя, къ нему явился приказчикъ помѣщика Сысоева Козьма Тимофеевъ и, между прочимъ, объявилъ, что вчерашній день онъ былъ въ гостяхъ, неподалеку, въ селѣ Макаровѣ, и что въ это время проѣзжалъ черезъ село какой-то офицеръ съ солдатомъ, сказывавшій о себѣ, что онъ и еще цѣлый полкъ посланы по высочайшему повелѣнію во все города отъ Петербурга до Оренбурга для узнанія и переписи въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ, сколько въ нихъ душъ и какой оброкъ платятъ крестьяне своимъ господамъ. При этомъ офицеръ говорилъ, что скоро все помѣщичьи крестьяне будутъ государевы, и съ нихъ стануть брать такой же оброкъ, какъ и съ казенныхъ. Переписавъ въ селѣ Макаровѣ крестьянъ, офицеръ поѣхалъ въ экономическую деревню Перемуть, но слова его, по увѣренію Тимофеева, привели обитателей села Макарова «въ немалое сомнѣніе».

Такое извѣстіе встревожило засѣдателя. Отложивъ намѣреніе ночевать въ Чудиновѣ, онъ тотчасъ же отправился въ с. Перемуть. Не

найдя здѣсь неизвѣстнаго офицера и узнавши, что онъ еще вчера проѣхалъ по тракту на г. Весъегонскъ, неутомимый засѣдатель пустился по его слѣдамъ далѣе. Приѣхавъ на другой день въ Весъегонскъ, Масловъ началъ отыскивать свою жертву по постояннымъ дворамъ. Содержатель одного изъ нихъ объяснилъ, что вчера на ночь остановился у него офицеръ съ солдатомъ; переночевавъ, офицеръ рано утромъ уѣхалъ въ Череповскій уѣздъ, солдатъ же остался на постояломъ дворѣ. Засѣдатель тотчасъ же велѣлъ арестовать солдата. Онъ оказался сержантомъ Оренбургскаго Трейдена полка Осипомъ Степановымъ. При обыскѣ у него нашли двѣ дорожныя: одну на его собственное имя, другую на имя подпоручика того же полка Ивана Федосѣева. Отправивъ Степанова въ острогъ, Масловъ поспѣшилъ въ догону за Федосѣевымъ въ Череповскій уѣздъ. Проѣзжая въ десятомъ часу вечера черезъ село Пленшники, Масловъ замѣтилъ у воротъ одной избы лошадь, заложенную въ сани. «Для кого приготовлена лошадь?» спросилъ онъ у крестьянина, хлопотававшего около саней. Крестьянинъ отвѣчалъ, что лошадь заложена по приказанію десятекаго, чтобы везти какого-то офицера. Масловъ немедленно собралъ «стороннихъ людей» и вошелъ съ ними въ избу. Онъ напелъ въ ней молодого офицера, дружелюбно разговаривавшаго съ двумя крестьянами. На вопросъ: что онъ за человекъ? офицеръ, по словамъ Маслова, «весьма грубо и неучтиво» отвѣчалъ: а тебѣ какая надобность знать, кто я? Масловъ объявилъ, что онъ засѣдатель весъегонскаго нижняго суда, и потребовалъ отъ офицера бумаги и видъ. Въмѣсто того, чтобы исполнить требованіе засѣдателя, офицеръ обругалъ его «съ великимъ азартомъ и неучтивствомъ». Тогда Масловъ рѣшился силою отнять у него бумаги. Офицеръ защищался, оборвалъ у Маслова обшлага на рукавахъ кафтана, однако былъ смятъ командою, которая и вытацила у него изъ кармановъ нѣсколько записокъ. Въ нихъ было написано слѣдующее:

«Устюжскаго уѣзда: у помѣщика Батюшкова—1000 душъ. Оброку съ каждой души по 12 рублей. Помѣщика Досадина—300 душъ. Оброку по 25 рублей. Помѣщицы Нелидовой—1000 душъ, съ каждой души по 37 рублей оброку. Помѣщика Куликова—у онаго крестьяне въ побѣгъ, разогнаты имъ самимъ. Помѣщицы Толстой—оброку по 10 рублей съ души. У помѣщиковъ Пенскихъ—крестьяне употребляютъ въ собственную ихъ дворовую работу. Помѣщика Кропотова—оброку по 5 рублей съ души.

«По ярославской дорогѣ: большой деревни Овсянниковой, по близости оной живущими помѣщиками притѣсняемы бываютъ сѣнными покосами и отнятіемъ проселочной дороги, по которой запрешаютъ

ѣздить и за оную требуютъ ежегодно по 50 челоѡкъ для собственной своей работы, да также травятъ своимъ скотомъ сѣнныя дачи, чрезъ что упомянутые крестьяне приходятъ въ немалый упадокъ.

«Весьегонскаго уѣзда. Помѣщицы Жеребцовой — 700 душъ крестьянъ. Помѣщика Похвиснева — 76 душъ, по 10 рублей съ души. Помѣщицы Посниковой — 19 душъ, по 5 рублей съ души. Малолѣтнихъ помѣщиковъ Сноскаревыхъ — 20 душъ, оброку по 5 рублей съ души. Степаниды Кулябиной — 3 души, на барщинѣ. Помѣщицы Измаковой — 200 душъ; оныя ходятъ на собственную ея работу. Коллежскій ассесоръ Борисъ Елисеѡвичъ сынъ Новицкой, Степанида Васильевна Кулебакина, Марья Васильевна».

Перемѣтивъ и запечатавъ эти записки при «постороннихъ свидѣтеляхъ», Масловъ посадилъ Федосѡва въ сани и привезъ его въ городъ, прямо въ нижній земскій судъ. Судъ немедленно допросилъ арестанта. Онъ показалъ, что его зовутъ Иваномъ Дмитріевымъ Федосѡвымъ, 26-ти лѣтъ отъ роду, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Въ январѣ 1786 года опредѣлился онъ на службу копіистомъ въ казенную палату Тобольскаго намѣстничества, а въ 1792 году, по собственному желанію, переведенъ въ первый морской баталіонъ сержантомъ, откуда, по разстроенному здоровью, въ 1795 году, уволенъ въ отставку съ награжденіемъ чиномъ подпоручика. Пробывши въ отставкѣ годъ, Федосѡвъ вновь подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на службу въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. Военная Коллегія назначила его въ Оренбургскій гарнизонный Трейдена полкъ. Ссылаясь на крайнюю бѣдность, Федосѡвъ просилъ Коллегію выдать ему прогоны до Оренбурга, но Коллегія отказала его просьбѣ.

Не имѣя средствъ нанять себѣ подводу, Федосѡвъ отправился изъ Петербурга пѣшкомъ, вмѣстѣ съ сержантомъ Степановымъ, также переведеннымъ въ Трейдена полкъ изъ второго флотскаго баталіона. Дойдя до Устюжны, Федосѡвъ и Степановъ истратили всѣ свои деньги и остались безъ копѣйки. Чтобы выйти изъ такого затруднительнаго положенія, Федосѡвъ рѣшился на отчаянную мѣру. Онъ явился къ устюжскому городничему и упросилъ дать ему подводу, чтобы доѣхать до ближайшаго селенія. Городничій велѣлъ отвезти его и Степанова на своей лошади. Приѣхавъ въ первую деревню, Федосѡвъ призвалъ къ себѣ десятскаго и объявилъ ему, что онъ посланъ по высочайшему повелѣнію для переписи помѣщичьихъ крестьянъ и узнавія, сколько оброку платятъ они своимъ господамъ. Записавъ со словъ десятскаго число крестьянъ въ деревнѣ и количество взимаемыхъ съ нихъ владѣльцами повинностей, Федосѡвъ потребовалъ подводы до слѣдующаго селенія. Десятскій, разумѣется, исполнилъ его требованіе.

Повторяя во всѣхъ проѣзжаемыхъ деревняхъ одни и тѣ же слова и вездѣ получая бесплатно подводы, Федосѣевъ благополучно добрался до Весеьгонска, гдѣ, какъ уже извѣстно, и былъ арестованъ засѣдателемъ Масловымъ. Федосѣевъ увѣрялъ, что не имѣлъ цѣли возмущать крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ и нигдѣ, и никому не говорилъ, будто помѣщичьи крестьяне сдѣлаются скоро казенными и стануть платить подати наравнѣ съ послѣдними. Онъ объяснялъ также, что не дѣлалъ никакихъ грубостей засѣдателю Маслову, а по требованію его отдалъ безъ всякаго сопротивленія находившіяся при немъ бумаги. Федосѣевъ заключилъ свое показаніе сознаниемъ необдуманности своего поступка, увѣряя, что рѣшился на него только потому, что былъ вынужденъ крайностью, въ которой находился.

Сержантъ Степановъ на допросѣ подтвердилъ слова Федосѣева, добавивъ только, что Федосѣевъ, бывши въ гостяхъ у помѣщицы Гусевой, говорилъ ей, что носится слухъ, будто къ новому году выйдеть указъ, по которому всѣ помѣщичьи крестьяне будутъ платить оброкъ наравнѣ съ казенными.

Судъ командировалъ того же засѣдателя Маслова для допроса помѣщиковъ и крестьянъ тѣхъ деревень Весеьгонскаго уѣзда, чрезъ которыя проѣзжали Федосѣевъ и Степановъ. Масловъ представилъ 11-го января, снятыя имъ съ разныхъ лицъ, подъ присягою, показанія.

Мы приводимъ ихъ здѣсь безъ измѣненій и пропусковъ.

1) Вотчины помѣщика князя Михаила Ухтомскаго, сельца Стрекачева, десятскій Алексѣй Васильевъ показалъ: минувшаго декабря 30 числа пріѣхали къ нему изъ сельца Стараго, на лошади, два человѣка. а кто они таковы, ему не сказали. Одинъ изъ нихъ объявилъ ему, что онъ, и кромѣ его еще цѣлый полкъ, посланъ по всей Россіи, въ разныя мѣста, для переписки помѣщичьихъ душъ и узнанія какой оброкъ они платятъ своимъ помѣщикамъ, почему и спрашивалъ какъ фамилія помѣщика сельца Стрекачева и по скольку оброку беретъ онъ со своихъ крестьянъ, на что Васильевъ отвѣчалъ, что господина его зовутъ Михайломъ, а по фамиліи Ухтомскій, и платятъ ему крестьяне оброку съ души по 4 рубли 50 копѣекъ. Записавши что-то на бумагѣ, проѣзжій потребовалъ у Васильева, чтобы нарядилъ для проѣзда его въ другое селеніе подводу. Васильевъ далъ подводу, на которой неизвѣстные люди и уѣхали далѣе. Болѣе сего показать не имѣтъ.

2) Вотчины помѣщицы Марьи Васильевны Саванчевой, сельца Стараго, крестьянинъ Романъ Петровъ: минувшаго декабря 29-го дня пріѣхали къ нему изъ деревни Наганова на лошади два человѣка, а кто они таковы, не знаетъ, и приказали ему приготовить для проѣзда ихъ до другого селенія подводу, а сами пошли къ жительствовавшему

въ томъ сельцѣ Старомъ г. коллежскому ассесору Борису Елисеѣвичу Новицкому. По требованію ихъ, а въ особенности потому, что они были у означеннаго господина Новицкаго, Петровъ не осмѣлился послушаться и далъ имъ подводу. Во время бытности ихъ въ избѣ никакихъ словъ они не говорили, и онъ, Петровъ, не слыхаль.

3) Вотчины помѣщицъ Александры и Марьи Тимофеевыхъ Сноксаревыхъ, деревни Нечановой, староста Семенъ Федоровъ: прошлаго 1796 года, декабря 29 или 30 числа, пріѣхаль изъ экономической деревни Большое Овсянниково офицеръ съ солдатомъ и какъ ихъ по имени и отчеству зовутъ не знаетъ, и остановились у десятскаго деревни Нечановой, крестьянина помѣщицы Настасьи Никитишны Жеребцовой, Луки Григорьева, который, сего января 4-го числа, волею Божіею помре. Офицеръ у того десятскаго изъ милости попросилъ подводы для отвоза себя съ солдатомъ до сельца Стараго, а между тѣмъ, покуда десятскимъ была наряжасма подвода, спрашиваль у крестьянъ, какихъ они помѣщиковъ, и записываль у себя на бумагѣ, сколько за какимъ помѣщикомъ состоитъ мужескаго пола душъ и по сколько получаютъ въ годъ оброку съ души, для чего же это онъ записываль, о томъ никому изъ крестьянъ не объявляль, равно у него не спрашивали. Болѣе сего офицеръ имъ ничего не говорилъ.

Совершенно такое же показаніе дали вотчины помѣщицы подполковницы Настасьи Похвисневой крестьянинъ Изотъ Ивановъ и помѣщицы вдовы секундъ-маіора Марьи Постниковой староста Федоръ Федоровъ.

4) Коллежскій ассесоръ Борисъ Новицкой: декабря 29 числа пришелъ къ нему какой-то человекъ, сказывавшій о себѣ, что онъ подпоручикъ и служилъ въ полку Его Императорскаго Величества, а нынѣ посланъ отъ Государя, изъ С.-Петербурга въ Оренбургъ, для обученія новой военной экзерциціи.

Бывшая въ это время у него, Новицкаго, помѣщица Марья Саванчеева, посидя немного, позвала офицера къ себѣ и повела. На другой день подпоручикъ пришелъ къ нему опять и объявилъ, что вотчины госпожи Измайловой, деревни Григорцевой, крестьяне не даютъ ему на проѣздъ подводы, то было бы о семъ ему, Новицкому, извѣстно; причеъ спросилъ и записалъ его имя, чинъ и фамилію. Во время пребыванія подпоручика у Новицкаго, никакихъ словъ, что будто бы онъ и еще цѣлый полкъ посланъ для переписки помѣщичьихъ душъ и что съ новаго года всѣ помѣщичьи крестьяне платить будутъ оброкъ такъ, какъ и казенные, не говорилъ и никакихъ душъ не записываль.

5) Васьегонская помѣщица Марья Саванчеева: 29 числа декабря, находясь у коллежскаго ассесора Бориса Новицкаго, видѣла, что къ

нему пріѣхалъ какой-то человекъ, назвавшійся подпоручикомъ полка Его Императорскаго Величества и сказывавшій, что онъ посланъ изъ Петербурга въ Оренбургъ для обученія военной экзерциціи. Посидя у Новицкаго немного, она, точно, звала подпоручика и съ сержантомъ къ себѣ выпить по стакану пива, которые, побывъ у нея немного, пошли къ десятскому, по наряду коего и дана имъ къ отвозу ихъ подвода. Когда же они у нея были, никакихъ словъ, что онъ, подпоручикъ, и еще цѣлый полкъ посланъ для переписи помѣщичьихъ душъ, и что помѣщичьи крестьяне съ новаго года будутъ платить оброкъ такъ, какъ и казенные, не говорилъ; а также переписывалъ ли онъ, подпоручикъ, въ сельцѣ Старомъ крестьянъ, не знаетъ.

6) Весьегонская помѣщица Степанида Гусева: 30 декабря пришелъ къ ней какой-то проѣзжающій офицеръ и сказалъ о себѣ, что онъ подпоручикъ, посланный изъ Петербурга въ Оренбургъ къ г. губернатору, съ указами; имени же и отчества своего не назвалъ. Онъ объяснилъ ей, что ему нужна на проѣздъ подвода, но крестьяне сельца Стрекачева не даютъ, почему просилъ ее, Гусеву, приказать крестьянамъ исполнить его требованіе; а какъ въ томъ сельцѣ находятся крестьяне не одной ея, а разныхъ помѣщиковъ, почему нарядъ подводу зависитъ отъ десятскаго, то она на то ему и отозвалась. Когда же онъ у нея былъ, никакихъ другихъ словъ не говорилъ, и она не слыхала.

Во всѣхъ этихъ показаніяхъ, а также и въ донесеніяхъ Маслова, нигдѣ не упоминается о томъ, чтобы слова Федосьева произвели не только «возмущеніе», но даже какое либо волненіе между крестьянами.

Одинъ лишь приказчикъ помѣщика Сысоева, Козьма Васильевъ, показалъ, что Федосьевъ привелъ «въ немалое сомнѣніе» жителей с. Макарова, объявивъ имъ, «что скоро всѣ помѣщичьи крестьяне будутъ государевы». Несчастный подпоручикъ дорого заплатился за свой необдуманнѣйшій вымыселъ, къ которому прибѣгнулъ, вынуждаемый крайней бѣдностью. Не смотря на разнорѣчіе и неполноту показаній допрошенныхъ лицъ, Нижній Вельегонскій судъ не потрудился даже дать обвиняемому очныя ставки съ обвинителями и поспѣшилъ представить дѣло на заключеніе С.-Петербургской Уголовной Палаты. Приговоръ ея, поражающій своей несправедливостью, мы приводимъ въ подлинникѣ.

Изложивъ вкратцѣ дѣло, Палата дѣлаетъ такого рода заключеніе:

«А законами повелѣно:

«Воинскаго Устава 17 главы артикулами:

«133.—Всѣ непристойныя подозрительныя сходбища и собранія воинскихъ людей, хотя для совѣтовъ какихъ нибудь (хотя и не для

зла), или для челобитья, чтобъ общую челобитную писать, черезъ что возмущеніе или бунтъ можетъ сочиниться, чрезъ сей артикулъ имѣють быть весьма запрещены. Ежели изъ рядовыхъ кто въ семь дѣлѣ преступитъ, то зачинщиковъ безъ всякаго милосердія, не смотря на то, хотя они къ тому какую и причину имѣли или нѣтъ, повѣсить, а съ достальными поступитъ какъ о бѣглецахъ упомянуто».

«135.—Никто-бъ, ниже словомъ, или дѣломъ, или письмами, самъ собою, или чрезъ другихъ, къ бунту и возмущенію или иное что, учинить причины не далъ, изъ чего бы могъ бунтъ произойти. Ежели кто противъ сего поступитъ, оный по розыску дѣла живота лишится или на тѣлѣ наказанъ будетъ».

«137.—Всякій бунтъ, возмущеніе и упрямство безъ всякой милости имѣеть быть висѣлицею наказано».

«На оный артикулъ толкованіе:

«Въ возмущеніи надлежитъ винныхъ въ дѣлѣ самомъ наказать и умертвить, особливо ежели опасность въ медленіи есть, дабы чрезъ то другимъ подать и оныхъ отъ такихъ непристойностей удержать пока не расширится и болѣе-бъ не умножилось».

«Указаніе 1762 г. іюля 3, по прочемъ: кто въ разсѣваніи ложныхъ и ко вреду клонящихся слуховъ дѣйствительно изобличенъ будетъ, таковыхъ, яко возмутителей Государственного покоя, безъ малѣйшаго упущенія времени такъ наказывать, какъ точные и таковыхъ указы повелѣвають».

«1767 года Августа 22.

«Кто отважится возмущать людей и крестьянъ къ неповиновенію ихъ помѣщикамъ, тотъ часъ брать подъ караулъ и приводить въ ближайшія присутственныя мѣста, которымъ безъ продолженія времени поступитъ съ ними какъ съ нарушителями общаго покоя безъ всякаго послабленія».

«1754 г. Сентября 30 числа:

«Подлежащимъ и натуральной и политической смерти той смертной экзекуціи до рассмотрѣнія и точнаго объ нихъ указа не чинить; а при посылкѣ ихъ въ тяжкую работу въ Рогервикъ и прочія опредѣленныя мѣста, чиня жестокое наказаніе, кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, ставить на лбу «В», а на щекахъ на одной «О», а на другой «Р», по учиненіи имъ того наказанія заклепавъ въ кандалы, ссылать до указа въ тяжкую работу въ Рогервикъ и прочія мѣста».

«Жалованной благородному Россійскому дворянству грамоты 1785 года апрѣля 21 дня статьями:

«5-ю. Да не лишится дворянинъ или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступленіемъ, основаніемъ дворянскому достоинству противнымъ».

«6-ю. Преступленія, основанія дворянскаго достоинства разрушющія и противныя, суть слѣдующія: 1) нарушеніе клятвы, 2) измѣна, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) лживые поступки, 6) преступленія, за кои по законамъ слѣдовать имѣеть лишеніе чести, тѣлесное наказаніе, 7) буде доказано будетъ, что другихъ уговариваль, или другихъ научаль подобныя преступленія чинить».

«73-ю. Дѣло благороднаго, впадшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства или чести или жизни, да не вершится безъ внесенія въ Сенатъ и конфирмаціи Императорскаго Величества».

«15-ю. Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго».

«Палата Уголовнаго Суда по полученіи сему дѣлу ревизіи 26 числа сего января опредѣлила: какъ изъ сего дѣла явствуетъ, что Весе-гонскаго нижняго земскаго суда засѣдатель Масловъ сдѣлалъ суду до-несеніе, что оный подпоручикъ Федосьевъ, проѣзжая село Макарово обще съ солдатомъ, сказывалъ, что онъ и еще цѣлый полкъ посланъ въ разныя мѣста отъ Его Величества отъ С.-Петербурга и до города Оренбурга объ узнаніи и о перепискѣ въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ, сколько въ нихъ число душъ и какой они платятъ помѣщикамъ оброкъ и что де сіи помѣщичьи крестьяне будутъ Государевы и собирать съ нихъ будутъ оброкъ такъ какъ и съ прочихъ казеннаго вѣдомства крестьянъ; а къ тому и при учиненномъ слѣдствіи, помѣщика князя Ухтомскаго, сельца Стрекачева, десятскій Алексѣй Васильевъ показалъ, что изъ сихъ проѣзжающихъ двухъ человекъ, одинъ сказалъ, что де онъ и еще цѣлый полкъ по всей Россіи въ разныя мѣста посланъ для переписи помѣщичьихъ душъ и какой они платятъ помѣщикамъ оброкъ. а притомъ и его спрашивали, какъ его, Васильева, зовутъ помѣщика и по сколько они платятъ ему съ души оброку; за всѣмъ же тѣмъ и изъ означенной имъ Федосьевымъ своею рукою записи таковое его преступленіе ясно обнаружилось, ибо въ оной именно онъ означалъ, что у какого помѣщика сколько душъ крестьянъ и по сколько они платятъ оброку; а къ совершенному его доказательству и ѣхавшій съ нимъ сержантъ Степановъ въ допросѣ своемъ объявляетъ, что онъ слышалъ, какъ Федосьевъ помѣщицѣ Гусевой пересказывалъ, что де съ новаго года съ помѣщичьихъ крестьянъ оброкъ собираться будетъ наравнѣ съ казенными крестьянами, а изъ таковаго его, Федосьева, разглашенія не иное что могло бы послѣдовать, какъ вредъ общему спокойствію и

послужило бы поводомъ крестьянамъ противу помѣщиковъ своихъ къ возмущенію, почему за таковое его злонамѣренное покушеніе къ нарушенію общаго покоя, какъ разгласителя о вольности, по содержанію указовъ 1762 г. іюля 3 и 1767 г. августа 22, и по силѣ военнаго устава 17 главы, 133, 135 и 137 артикуловъ и на оный толкованія и подлежало учинить смертную казнь, а по указу 1754 г. сентября 30 наказаніе кнутомъ и вырѣзавъ ноздри заклеить указанными литерами, но какъ онъ имѣетъ оберъ-офицерскій чинъ, то Палата мнѣніемъ своимъ полагаетъ: по силѣ жалованной благородному російскому дворянству грамоты 15 статьи, отъ того наказанія освободить, а по силѣ грамоты 5 и 6 статей лишить его, Федосѣва, чиновъ, сопряженнаго съ оными дворянскаго достоинства и потомъ послать въ каторжную работу; а сержанту Осипу Степанову, который ѣхалъ съ тѣмъ Федосѣвымъ обще, всѣ таковыя его злонамѣренныя преступленія видѣлъ и слышалъ, но не токмо его отъ того не воздерживалъ да и нигдѣ о семъ не донесъ, а потому и сдѣлался, по вышеозначеннымъ законамъ, таковой же преступникъ, то и ему, какъ соучаствующему въ томъ преступленіи, вмѣсто подлежащей смертной казни, по силѣ указа 1764 г. сентября 30 учинить жестокое наказаніе кнутомъ и дать двадцать пять ударовъ, а потомъ вырѣзать ноздри, заклеивъ указанными литерами и заклепавъ въ кандалы, послать въ каторжную работу въ Ригу».

Подписали: Петръ Мартыновъ.

Дмитрій Старковъ.

Иванъ Котельниковъ.

Приговоръ этотъ Палата препроводила на утвержденіе Сената.

Сенатъ нашель его не только совершенно правильнымъ, но прибавилъ къ нему слѣдующее окончаніе.

«А понеже указомъ 3 января 1797 года предписано:

«Какъ скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается, почему и впредь поступать», то Сенатъ, по должномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ настоящаго происшествія, мнѣніемъ своимъ на основаніи законовъ присуждаетъ, чтобъ подпоручика Федосѣва за преступленіе имъ содѣянное лишить чиновъ, дворянскаго достоинства, по снятіи коего и привилегія до него не касается, чего ради, наказавъ кнутомъ, сослать въ работы на Нерчинскіе заводы».

28 апрѣля, 1797 г. Петербургская Палата суда и расправы донесла Сенату, «что лишенному чиновъ и соединеннаго съ ними достоинства, Ивану Федосѣву, наказаніе кнутомъ двадцатью пятью

ударами прошлоа января 31 числа въ Рождественской части, на Александровской площади, чрезъ заплечныхъ мастеровъ, учинено; послѣ сего оный преступникъ препровожденъ въ Новгородское Губернское Правленіе для отсылки въ Нерчинскіе заводы».

Вслѣдъ затѣмъ и Степановъ, битый кнутомъ и клейменный, отправленъ въ Ригу.

Семейное преданіе.

ДѢДЪ МОЙ, по матери, отставной генераль-маіоръ Степанъ Михайловичъ Абрамовъ, началъ службу въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны въ гвардейскомъ Измайловскомъ полку. Это былъ человекъ строгихъ правилъ, честный, прямодушный, ни въ комъ не заискивавшій и никому не льстившій. Во время извѣстнаго переворота 28-го іюня 1762 года, дѣдъ мой уже имѣлъ чинъ капитанъ-поручика. Когда въ этотъ день, раннимъ утромъ, неожиданно пріѣхалъ въ измайловскія казармы шефъ полка, фельдмаршалъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, и, собравъ офицеровъ, объявилъ имъ о низложеніи императора Петра III и вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II и потребовалъ принесенія присяги на вѣрность новой государынѣ, всѣ офицеры присягнули съ радостью, одинъ лишь Степанъ Михайловичъ, почему-то не сочувствовавшій происшедшему перевороту, отказался послѣдовать общему примѣру, за что и былъ немедленно арестованъ. Хотя черезъ нѣсколько дней дѣдъ мой и опомнился и присягнулъ императрицѣ, но это обстоятельство имѣло большое вліяніе на его дальнѣйшую жизнь: онъ былъ переведенъ секундъ-маіоромъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, расположенный въ какомъ-то глухомъ городѣ на югѣ Россіи. Степанъ Михайловичъ безропотно покорился судьбѣ; пріѣхавъ въ мѣсто своей ссылки, онъ весь отдался службѣ и скоро приобрѣлъ репутацію дѣльнаго и способнаго штабъ-офицера. Начальство неоднократно представляло Степана Михайловича къ повышенію, но представленія эти не удостоивались утвер-

ждения въ Петербургѣ. Въ турецкую кампанію 1770 года дѣдъ мой командовалъ баталіономъ и, находясь въ отрядѣ храбраго генераль-поручика Шлемянникова, участвовалъ въ славномъ сраженіи при Ларгѣ, въ которомъ былъ тяжело раненъ пулей въ грудь. Когда и на этотъ разъ ему было отказано въ заслуженной наградѣ, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ премьеръ-маіора и поселился въ своей наслѣдственной деревенькѣ, Липкахъ, въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ Тверской губерніи.

Степанъ Михайловичъ усердно занялся сельскимъ хозяйствомъ и въ первый же годъ по переѣздѣ въ деревню женился на бѣдной дворянкѣ, Глафирѣ Петровнѣ Еремеевой. Не знаю, гдѣ онъ съ нею познакомился, но она приходилась дальней родственницей помѣщику того же уѣзда, отставному поручику Андрею Андреевичу Аракчееву. Небольшое имѣніе Аракчеева, село Гарусово, находилось на другомъ концѣ уѣзда, верстахъ въ восьмидесяти отъ имѣніи дѣда, и потому они видались очень рѣдко, разъ или два въ годъ. Обыкновенно, 15-го сентября, въ день именинъ Степана Михайловича, Аракчеевъ пріѣзжалъ къ нему со всей семьей и гостилъ нѣсколько сутокъ. У Аракчеева было трое сыновей, тогда еще малолѣтнихъ. Степанъ Михайловичъ очень любилъ дѣтей, умѣлъ ихъ забавлять и маленькіе Аракчеевы всегда проводили у него время съ большимъ удовольствіемъ. Жизнь дѣда въ деревнѣ текла обычнымъ деревенскимъ порядкомъ, день за день, спокойно, мирно, однообразно. Такъ прошло двадцать шесть лѣтъ. Степанъ Михайловичъ уже выдалъ замужъ свою единственную дочь, одряхлѣлъ, часто прихварывалъ и тихо приближался въ могилѣ. Старикъ Аракчеевъ умеръ, дѣти его давно служили въ Петербургѣ, и только мать ихъ, старуха Елисавета Андреевна, продолжала хозяйничать въ своемъ Гарусовѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1796 года получена была вѣсть о кончинѣ императрицы Екатерины II и воцареніи императора Павла I. Вслѣдъ затѣмъ до дѣда начали доходить слухи о крутыхъ переменѣхъ въ Петербургѣ, строгостяхъ, внезапныхъ ссылкахъ и отставкахъ, гоненіяхъ на прежнихъ царедворцевъ и быстрыхъ возвышеніяхъ новыхъ любимцевъ. Между прочимъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что однимъ изъ близкихъ людей къ государю сталъ старшій изъ молодыхъ Аракчеевыхъ, Алексѣй Андреевичъ, произведенный изъ подполковниковъ артиллеріи прямо въ генераль-маіоры и назначенный петербургскимъ комендантомъ. Дѣдъ, какъ вѣжливый родственникъ, поспѣшилъ письменно поздравить Елисавету Андреевну Аракчееву съ счастіемъ, выпавшимъ на долю ея сына, и просилъ передать послѣднему, при случаѣ, искреннія пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ.

Въ одинъ морозный вечеръ, если не ошибаюсь, въ февралѣ мѣсяцѣ 1797 года, дѣдъ мой, по обыкновенію, сидѣлъ въ своемъ жарко-нагрѣтомъ кабинетѣ, на большомъ «вольтеровскомъ» креслѣ, и, покуривая кнастеръ, медленно прихлебывалъ изъ кружки любимый имъ домашній яблочный квасъ, а бабушка, словно исполняя скучный урокъ, монотоннымъ голосомъ читала вслухъ какую-то книжку. Вдругъ послышался рѣзкій и быстро приближавшійся звукъ почтового колокольчика.

— Кто бы это въ такой поздній часъ, съ недоумѣніемъ проговорила бабушка и, наскоро приведя въ порядокъ разбросанные на письменномъ столѣ домашніе счеты и другія бумаги, направилась изъ кабинета, но въ самыхъ дверяхъ столкнулась съ незнакомымъ офицеромъ.

— Имѣю экстренное дѣло и пакетъ до господина премьеръ-маіора Степана Михайловича Абрамова, сказалъ офицеръ.

— Отъ кого? спросилъ изумленный дѣдъ, приподнимаясь съ кресель.

— Отъ господина с.-петербургскаго военнаго губернатора, генераль-аншефа графа Палена. По именному его императорскаго величества указу велѣно безъ всякаго промедленія доставить васъ въ С.-Петербургъ, отвѣчалъ офицеръ.

Можно судить, какое потрясающее впечатлѣніе произвели эти слова. Бабушка въ ужасѣ всплеснула руками и упала въ обморокъ, а дѣдушка застылъ на мѣстѣ и не могъ произнести ни одного звука. Когда сбѣжавшіеся люди привели бабушку въ чувство, она съ воплями ухватилась за мужа и ее съ трудомъ могли оттащить отъ него и немного успокоить, благодаря убѣжденіямъ пріѣзжаго офицера, который оказался очень добрымъ и хорошимъ человѣкомъ. Такъ какъ офицеръ настойчиво торопилъ отъѣздомъ, говоря, что каждый просроченный часъ можетъ навлечь на него большую бѣду, то Степанъ Михайловичъ, наскоро уложивъ лишь самое необходимое бѣлье и платье и помолившись Богу, въ ту же ночь пустился въ путь, сопровождаемый рыданіями и благословеніями своихъ домочадцевъ.

Путники ѣхали весьма скоро, останавливаясь только для перемѣны лошадей, и на третій день, рано утромъ, прибыли въ Петербургъ, прямо къ генераль-губернаторскому дому. Графъ Паленъ находился уже у государя съ докладомъ, а потому дѣдушку провели въ небольшую комнату при канцеляріи, дали ему нѣсколько минутъ времени, чтобы умыться и переодѣться, и съ тѣмъ же офицеромъ отправили въ Зимній дворецъ.

Старомодный, поношенный костюмъ Степана Михайловича, его неловкая, сгорбленная фигура и усталое, озбоченное лицо, обратили на себя вниманіе придворныхъ, тѣснившихся въ обширной дворцовой

пріемной, и вызвали у многихъ насмѣшливыя улыбки, но дѣдушка, подавленный мрачными думами, ничего не замѣчалъ и, пробравшись въ уголь, съ замираніемъ сердца ожидалъ рѣшенія своей участи, хотя и не сознавалъ за собою никакой вины. Черезъ полчаса, изъ двери, соединявшей пріемную съ внутренними покоями, вышелъ царскій адъютантъ.

— Кто здѣсь премьеръ-маіоръ Абрамовъ? спросилъ онъ зычнымъ голосомъ.

Дѣдушка отозвался.

— Государь императоръ всемилостивѣйше жалуетъ васъ подполковникомъ, сказалъ адъютантъ, отчеканивая каждое слово.

Не успѣлъ еще дѣдушка опомниться, какъ прибѣжалъ другой адъютантъ и прокричалъ:

— Господинъ подполковникъ Абрамовъ! Государь императоръ всемилостивѣйше жалуетъ васъ полковникомъ.

Вслѣдъ за этимъ адъютантомъ явился третій и возвѣстилъ:

— Господинъ полковникъ Абрамовъ! Государь императоръ всемилостивѣйше жалуетъ васъ генераль-маіоромъ.

Наконецъ, четвертый адъютантъ объявилъ:

— Господинъ генераль-маіоръ Абрамовъ! Государь императоръ всемилостивѣйше жалуетъ вамъ Анненскую ленту.

Измученный, пораженный дѣдушка въ недоумѣніи оглядывался по сторонамъ, рѣшительно не понимая, во снѣ или на яву все это происходитъ, смѣются надъ нимъ, или, по ошибкѣ, принимаютъ за кого нибудь другого.

Громкій возгласъ: «его величество изволятъ идти!» и моментально водворившаяся затѣмъ тишина заставили дѣдушку придти въ себя.

Дверь съ шумомъ распахнулась и императоръ Павелъ появился въ пріемной. Не отвѣчая на общіе поклоны, онъ быстрымъ взглядомъ окинулъ присутствовавшихъ и медленно направился прямо къ дѣдушкѣ.

Блѣдный, ни живъ, ни мертвъ, стоялъ Степанъ Михайловичъ.

— Поздравляю, ваше превосходительство, съ монаршей милостью! сказалъ улыбаясь, государь. — Да! При вашемъ чинѣ нужно имѣть и соотвѣтственное состояніе! Жалую вамъ триста дупъ. Довольны ли вы, ваше превосходительство?

Дѣдушка повалился въ ноги императору, который милостиво поднялъ его и спросилъ:

— А какъ вы думаете, ваше превосходительство, за что я васъ жалую?

Дѣдушка, вмѣсто отвѣта, только мотнулъ головой.

— Такъ я вамъ объясню. Слушайте всѣ! прибавилъ государь, обращаясь къ придворнымъ. — Я, разбирая послужные списки, нашелъ, что вы при императрицѣ Екатеринѣ были обойдены по службѣ. Такъ я хотѣлъ доказать, что при мнѣ и старая служба не пропадаетъ. Прощайте, ваше превосходительство! Граматы на пожалованныя вамъ милости будутъ вамъ присланы по мѣсту вашего жительства.

Сказавъ это, императоръ повернулся и, весело напѣвая вполъ-голоса какой-то военный маршъ, удалился въ свои покои.

Присутствующіе бросились къ ошеломленному Степану Михайловичу, наперерывъ поздравляли его, жали ему руки, осыпали вопросами о прошлой службѣ. Дѣдушка едва успѣвалъ отвѣчать и благодарить. Кое-какъ отдѣлавшись отъ докучливости любопытныхъ, Степанъ Михайловичъ, глубоко потрясенный, добрался до прихожей и въ изнеможеніи присѣлъ на стулъ. Стараясь собраться съ мыслями и дать себѣ отчетъ въ испытанныхъ впечатлѣніяхъ, дѣдушка задумался и не замѣтилъ, какъ къ нему, подошелъ высокій, сутуловатый генералъ, въ артиллерійскомъ мундирѣ и съ большимъ Анненскимъ крестомъ на шеѣ. Генералъ безцеремонно потрясъ дѣдушку за плечо и, когда тотъ оглянулся, сказалъ ему:

— Вѣроятно, ваше превосходительство, не узнаете меня? Мы давно не встрѣчались. Я Алексѣй Аракчеевъ. Поздравляю съ щедротами, коими васъ осыпалъ нашъ милосердый монархъ. Вы устали, милости прошу ко мнѣ откушать и отдохнуть. Я не забылъ вашу хлѣбъ-соль.

Дѣдушка отъ всей души обрадовался этой встрѣчѣ и хотѣлъ попросту обнять «Алешу», но Аракчеевъ отступилъ назадъ и холодно замѣтилъ:

— Здѣсь не мѣсто для родственныхъ изліяній. Поѣдѣте, ваше превосходительство, и у меня на свободѣ потолкуемъ о нашихъ домашнихъ дѣлахъ.

Изъ бесѣды съ Аракчеевымъ Степанъ Михайловичъ узналъ, что онъ обязанъ, главнымъ образомъ, ему этимъ необыкновеннымъ днемъ своей жизни. Аракчеевъ, получивъ отъ матери письмо, въ которомъ она передала ему добрыя пожеланія дѣдушки, вспомнилъ о немъ и, зная, что императоръ искренно желаетъ загладить всѣ несправедливости, совершенныя, по его мнѣнію, въ предыдущее царствованіе, рѣшился доложить ему о томъ, что Степанъ Михайловичъ невинно пострадалъ за свою приверженность къ покойному Петру III и былъ постоянно обходимъ повышеніями и наградами по службѣ, не смотря даже на тяжелую рану, полученную въ турецкую войну. Императоръ Павелъ, добрый и великодушный отъ природы, но странный въ своихъ порывахъ, принялъ это очень близко къ сердцу и захотѣлъ въ

лицѣ Степана Михайловича торжественно и необычно наградить вѣрность долгу и привязанность къ своему несчастному родителю.

Хлѣбъ-соль Аракчеева пришлась, однако, дѣдушкѣ не по вкусу. Переночевавъ у суроваго и необщительнаго хозяина, онъ на другой день чѣмъ свѣтъ пустился въ обратный путь, не поинтересовавшись даже посмотрѣть на Петербургъ, котораго не видѣлъ болѣе тридцати лѣтъ.

Восторгамъ и радостямъ, по возвращеніи Степана Михайловича въ родные Липки, не было конца. Не только весь уѣздъ, но и вся губернія перебивала у него и дѣдушкѣ приходилось по нѣскольку разъ въ день повторять посѣтителямъ одинъ и тотъ же рассказъ въ его мельчайшихъ подробностяхъ. Но недолго пользовался Степанъ Михайловичъ почетомъ и богатствомъ, упавшими на него, какъ говорится, съ неба, благодаря слѣпому случаю. Онъ умеръ въ 1799 году и изъ пожалованныхъ ему имѣній въ родѣ его уцѣлѣла лишь небольшая деревушка въ Тихвинскомъ уѣздѣ, названная имъ въ честь Аракчеева «Алексѣевкой».

Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.

ВЪ НАЧАЛѢ текущаго, столѣтія, одной изъ блестящихъ звѣздъ тогдашняго балетнаго міра была танцовщица Авдотья Ильинишна Истомина. Она въ продолженіе многихъ лѣтъ неизмѣнно пользовалась любовью публики и сводила съ ума молодежь, въ особенности офицеровъ. Въ числѣ поклонниковъ Истоминой находился нѣкоторое время даже Пушкинъ, котораго воспѣлъ ея талантъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ»:

«Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла, все кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвѣсившись, занавѣсь шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина,—она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружить...
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ...
Летитъ,—какъ пухъ отъ устъ Эола!
То стань советъ, то разовѣть,
И быстро ножкой ножку бьетъ».

Дѣйствительно, по свидѣтельству современниковъ¹⁾, Истомина отличалась необыкновенной граціозностью, легкостью, быстротой въ дви-

¹⁾ Лѣтопись русскаго театра. Арапова. Стр. 237.—Воспоминанія Вигеля. Ч. 5, стр. 36.—Воспоминанія Пржеславскаго. «Русск. Старина». Т. 11, стр. 472.

женіяхъ, силой въ ногахъ, и держала себя на сценѣ бойко и самоувѣренно. Она была красивая, стройная, средняго роста, брюнетка, съ черными огненными глазами, прикрытыми длинными рѣсницами, что придавало ея фізіономіи особенный характеръ; страстная, увлекающаяся, но вмѣстѣ съ тѣмъ недалекая и безъ всякаго образованія, она легко поддавалась вспышкамъ любви. Понятно, что при такихъ разнообразныхъ качествахъ Истомина имѣла множество обожателей и послужила причиной нѣсколькихъ поединковъ, бывшихъ тогда въ модѣ. Одинъ изъ этихъ поединковъ кончился весьма печально и представляетъ для насъ интересъ въ томъ отношеніи, что оказалъ немаловажное вліяніе на судьбу А. С. Грибоѣдова, который принималъ въ немъ участіе, хотя и косвенное.

Въ біографіи Грибоѣдова, напечатанной въ журналѣ «Русская Старина» 1874 г., этотъ эпизодъ изъ жизни автора «Горе отъ ума» разсказывается слѣдующимъ образомъ:

«Въ 1817 г. Грибоѣдовъ жилъ въ Петербургѣ на одной квартирѣ съ своимъ добрымъ пріателемъ, — графомъ Александромъ Петровичемъ Завадовскимъ, человѣкомъ добрѣйшимъ и благороднѣйшимъ въ полномъ смыслѣ слова, не смотря на многія свои чудачества. Съ него Грибоѣдовъ списалъ своего князя Григорія:

«Чудакъ естественный! Насъ со смѣху морить,
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка».

«Завадовскій ухаживалъ тогда за знаменитой танцовщицей Истоминой, счастливымъ обожателемъ которой былъ молодой кавалергардъ Василій Александровичъ Шереметевъ. Грибоѣдовъ былъ знакомъ съ Истоминой, часто встрѣчалъ ее у князя Шаховского, бывалъ у нея въ домѣ, любилъ ее за талантъ, но никогда не принадлежалъ къ числу ея поклонниковъ. Какъ-то вздумалось ему пригласить ее къ себѣ, послѣ спектакля, пить чай. Истомина согласилась, но, опасаясь возбудить подозрѣніе въ ревнивомъ Шереметевѣ, предложила Грибоѣдову подождать ее съ санями у Гостиного двора, къ которому обѣщала подъѣхать въ казенной театральной каретѣ. Все было исполнено согласно ея желанію: изъ кареты она пересѣла въ сани Грибоѣдова и поѣхала къ нему. Шереметевъ, однако, слѣдилъ за ними; онъ видѣлъ, какъ Грибоѣдовъ и Истомина доѣхали до квартиры графа Завадовскаго, и этого было достаточно. Пріятель Шереметева, — уланскій штабъ-ротмистръ Александръ Ивановичъ Якубовичъ (впослѣдствіи декабристъ), записной театраль, шалунъ и забіяка, посовѣтовалъ ему вызвать на дуэль Грибоѣдова, обѣщая, въ свою очередь, стрѣляться съ Завадовскимъ. Шереметевъ вызвалъ Грибоѣдова; послѣдній, не отказываясь отъ дуэли, предложилъ только помѣняться мѣстами, т. е.

чтобы ему, Грибоѣдову, стрѣляться съ Якубовичемъ, а Завадовскому съ Шереметевымъ. Эта двойная дуэль состоялась—и при самыхъ суровыхъ условіяхъ. Противники должны были сходитья на шесть шаговъ, при барьерѣ въ восемнадцать. Секундантами были: докторъ Ионъ и гусаръ Каверинъ,—извѣстный кутила. Первая очередь была предоставлена Завадовскому и Шереметеву: оба они отлично стрѣляли. Шереметевъ выстрѣлилъ, не давъ своему противнику дойти до барьера. Пуля оторвала край воротника у сюртука Завадовскаго. — «Ah! il en voulait à ma vie... à la barrière!» произнесъ графъ (А! такъ онъ хотѣлъ убить меня... къ барьеру!) Секунданты, предвидя кровавую развязку, стали уговаривать графа пощадить жизнь противника. Завадовскій готовъ былъ уступить ихъ просьбамъ, намѣреваясь только слегка ранить Шереметева; но послѣдній, забывъ всѣ условныя приличія дуэли, крикнулъ, что Завадовскій долженъ его убить, если самъ, рано или поздно, не хочетъ быть имъ убитымъ. Графъ выстрѣлилъ: Шереметевъ упалъ; пуля прошла ему черезъ животъ и засѣла въ лѣвомъ боку. Якубовичъ извинился передъ Грибоѣдовымъ, предложивъ ему отсрочить ихъ дуэль до благоприятнаго времени... Она состоялась въ Тифлисѣ осенью слѣдующаго года.

«Послѣ трехдневныхъ страданій, Шереметевъ умеръ. Отецъ его просилъ императора Александра Павловича не подвергать участниковъ дуэли взысканію. Государь принялъ во вниманіе его просьбу и виновные подверглись, относительно говоря, весьма легкому наказанію: графъ Завадовскій былъ высланъ за границу, Якубовичъ изъ лейбъ-улановъ переведенъ на Кавказъ въ драгунскій полкъ; Грибоѣдовъ не подвергся даже выговору. Но ему не легко было примириться съ собственной совѣстью, долгое время не дававшей ему покоя. Онъ писалъ Бѣгичеву въ Москву, что на него напала ужасная тоска, что онъ безпрестанно видитъ передъ собою смертельно раненаго Шереметева, что, наконецъ, пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось для него невыносимо. Знакомый съ Грибоѣдовымъ, Мазаровичъ, тогда повѣренный Россіи въ дѣлахъ Персіи, предложилъ Грибоѣдову, служившему при иностранной коллегіи, ѣхать съ собою въ качествѣ секретаря посольства. Грибоѣдовъ принялъ это предложеніе и 30-го августа 1818 года выѣхалъ изъ Петербурга.

«Прибывъ въ Тифлисъ, Грибоѣдовъ встрѣтилъ Якубовича, съ которымъ и поспѣшилъ кончить отсроченные счеты. Они стрѣлялись: Грибоѣдовъ далъ промахъ, а Якубовичъ прострѣлилъ ему ладонь лѣвой руки, вслѣдствіе чего у Грибоѣдова свело мизинецъ. Это увѣще, черезъ одиннадцать лѣтъ, помогло узнать трупъ Грибоѣдова въ грудѣ прочихъ, изрубленныхъ тегеранскою чернью».

Мы имѣемъ въ рукахъ документъ, непосредственно относящійся къ настоящему дѣлу,—именно, выписку изъ подлиннаго слѣдственнаго производства о дуэли Завадовскаго съ Шереметевымъ, посланную министромъ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевымъ министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну, находившемуся въ Москвѣ, гдѣ тогда пребывалъ государь. Выписка эта, не смотря на свою краткость, проливаетъ нѣсколько иной свѣтъ на событія, предшествовавшія дуэли, и во многомъ исправляетъ приведенный выше разсказъ біографа Грибоѣдова.

Шереметевъ ¹⁾, штабъ-ротмистръ кавалергардскаго полка, вызвалъ на дуэль камеръ-юнкера графа Завадовскаго ²⁾, 9-го ноября 1817 г., и повторилъ вызовъ на другой день. 12-го числа, въ третьемъ часу пополудни, они стрѣлялись на Волковомъ полѣ, по условію на 18 шаговъ, съ барьеромъ на 6 шагахъ. Свидѣтелемъ на поединкѣ былъ корнетъ лейбъ-уланскаго полка Якубовичъ. Шереметевъ выстрѣлилъ первый и прострѣлилъ у Завадовскаго воротникъ у кафтана, а потомъ стрѣлялъ Завадовскій и попалъ Шереметеву въ грудь, отъ чего послѣдній упалъ и былъ отвезенъ къ себѣ на квартиру, гдѣ черезъ 26 часовъ, т. е. 13-го ноября, въ шестомъ часу, умеръ.

Немедленно, по оглашеніи дуэли, петербургскій генераль-губернаторъ Вязмитиновъ назначилъ для изслѣдованія дѣла особую комиссію въ составѣ полковника кавалергардскаго полка Беклешова, полицій-мейстера Ковалева и камеръ-юнкера Ланскаго.

На допросѣ Завадовскій и Якубовичъ утверждали, что при дуэли другихъ свидѣтелей, кромѣ Якубовича, не было; о вызовѣ же Завадовскаго Шереметевымъ знали: адъютантъ генерала-отъ-артиллеріи Меллеръ-Закомельскаго, баронъ Александръ Строгановъ, и государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ губернской секретарь Александръ Грибоѣдовъ.

О причинѣ, побудившей Шереметева къ вызову, Якубовичъ объяснилъ, что хотя онъ причину эту и знаетъ, но никому не откроетъ, потому что далъ въ томъ честное слово другу своему Шереметеву. Графъ же Завадовскій выразилъ «предположеніе», что поводомъ къ вызову послужило приглашеніе имъ къ себѣ на чай танцовки императорскаго театра Истоминой, которая прежде жила у Шереметева и которая, въ самомъ дѣлѣ, пила у него чай.

¹⁾ Василій Васильевичъ, а не Василій Александровичъ, сынъ генераль-маіора Василія Сергѣевича, женатаго на Татьянѣ Петровнѣ Марченко.

²⁾ Графъ Александръ Петровичъ Завадовскій былъ сыномъ извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія и предѣдателя департамента законовъ государственнаго совѣта, графа Петра Васильевича, умершаго въ 1813 году.

Тогда въ слѣдственную комиссію была вызвана Истомина. Она показала, что жила съ Шереметевымъ на одной квартирѣ; 3-го ноября, въ субботу, уѣхала отъ него, поссорившись съ нимъ за дурное съ ней обращеніе. 5-го ноября, въ понедѣльникъ, губернской секретарь Грибоѣдовъ, увидѣвшись съ ней въ театрѣ, пригласилъ ее поѣхать пить чай, въ его каретѣ, на квартиру графа Завадовскаго, гдѣ, по его увѣренію, онъ проживалъ, на что она согласилась. Вскорѣ пріѣхалъ туда и Завадовскій. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, она была отвезена Грибоѣдовымъ ночевать къ танцовщицѣ Азарьевой, у которой провела вторникъ и среду; вечеромъ, въ среду, за ней пріѣхалъ Шереметевъ и увезъ ее опять къ себѣ, гдѣ, помирившись съ ней, допрашивалъ, не была ли она у кого нибудь въ теченіе отсутствія изъ его квартиры. По усиленному его настоянію, въ пятницу, 9-го ноября, она созналась ему, что была у Завадовскаго.

Слѣдственная комиссія, очевидно, старавшаяся, по какимъ-то причинамъ, или вліяніямъ, поскорѣ замѣть дѣло, не сочла нужнымъ допрашивать другихъ лицъ и, удовольствовавшись поверхностными показаніями Завадовскаго, Якубовича и Истоминой, закончила слѣдствіе и представила его петербургскому генераль-губернатору.

Мы не знаемъ, насколько справедливо увѣреніе біографа Грибоѣдова, будто жившій въ Москвѣ отецъ Шереметева просилъ императора Александра не подвергать взысканію участниковъ дуэли; но они, дѣйствительно, понесли довольно легкое наказаніе: послѣ нѣсколькихъ недѣль ареста, Завадовскій былъ уволенъ въ отпускъ за границу, а Якубовичъ переведенъ на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Есть основаніе думать, что, передавая Завадовскому вызовъ Шереметева, другъ послѣдняго, Якубовичъ, одновременно послалъ и отъ себя вызовъ Грибоѣдову, какъ лицу непосредственно замѣшанному въ этомъ дѣлѣ. Печальная участь, постигшая Шереметева, а затѣмъ арестъ и переводъ Якубовича на Кавказъ, вынудили противниковъ отложить встрѣчу до болѣе благопріятнаго времени.

Шесть дней спустя послѣ смерти Шереметева, тетка его, Елена Сергѣевна, проживавшая въ московскомъ Рождественскомъ монастырѣ, гдѣ она потомъ и постриглась подъ именемъ Евгеніи, обратилась къ князю Голицыну съ слѣдующимъ письмомъ:

«Не безызвѣстно вашему сіятельству несчастное приключеніе съ сыномъ брата моего, Василя Сергѣевича, которое ихъ сильно поразило; отъ матери скрыли настоящую причину его кончины; я знаю, сколь они всегда желали видѣть хотя одну старшую свою дочь Наталью фрейлиною; беру смѣлость и убѣдительно прошу ваше сіятельство

попросить у государя императора сію великую для насъ милость облегчить нѣсколько ихъ горестное положеніе».

Вслѣдствіе ходатайства Голицына дѣвица Наталья Шереметева была назначена, 12 декабря 1817 г., фрейлиной¹⁾.

Что касается главной виновницы всей этой катастрофы Истоминой, то она кончила свои любовныя похожденія довольно прозаическимъ образомъ: замужествомъ съ второстепеннымъ актеромъ Экунинымъ.

¹⁾ Она вышла потомъ замужъ за тайнаго совѣтника Дм. Мих. Обрѣзкова.

Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.

ВСЯКІЙ разъ, когда возникаетъ такъ называемый «Восточный вопросъ», въ европейской журналистикѣ поднимается цѣлая буря противъ воображаемыхъ завоевательныхъ плановъ Россіи, причемъ главнѣйшимъ доказательствомъ существованія подобныхъ плановъ является пресловутое «Завѣщаніе» Петра Великаго, которымъ онъ, будто бы, завѣщалъ своимъ преемникамъ и русскому народу неуклонно стремиться къ всесвѣтнымъ завоеваніямъ, не пренебрегая для этого никакими средствами. Намъ, русскимъ, очень хорошо извѣстно, что Петръ Великій не оставилъ никакого завѣщанія. Мы знаемъ, что гениальный Преобразователь Россіи, находясь уже въ предсмертной агоніи, хотѣлъ письменно изложить свою послѣднюю волю относительно престолонаслѣдія и потребовалъ аспидную доску и грифель, но слабѣющая рука его начертала лишь нѣсколько неясныхъ словъ, которыя невозможно было разобрать... Мы знаемъ также, что именно отсутствіе завѣщанія Петра дало поводъ къ длинному ряду интригъ, смутъ и переворотовъ при русскомъ дворѣ. Но европейская журналистика въ своихъ инсинуаціяхъ противъ Россіи не хочетъ справляться съ исторіей и до такой степени упорно извращаетъ несомнѣнные историческіе факты, что и русскій государь въ своей бесѣдѣ съ англійскимъ посломъ въ Ливадіи, и русскій канцлеръ въ своихъ официальныхъ депешахъ, считаютъ нужнымъ опровергать существованіе «Завѣщанія» Петра Великаго и называть его «химерой» и «старымъ хламомъ». Мы имѣемъ подъ руками интерес-

ную брошюру г. Берхгольца, изданную еще въ 1863 г., въ Брюсселѣ, подъ заглавіемъ: «Napoléon I auteur du testament de Pierre le Grand», (Наполеонъ I авторъ «Завѣщанія» Петра Великаго). Эта брошюра и другіе источники даютъ намъ возможность прослѣдить: гдѣ, когда и для какихъ цѣлей было сочинено мнимое духовное «Завѣщаніе» Петра Великаго и какимъ образомъ столь наглая политическая клевета проникла въ европейскую печать.

Въ 1812 году императоръ Наполеонъ I, вступая въ рѣшительную борьбу съ Россіей, старался увѣрить Европу, что русское правительство, преслѣдуя свою традиціонную политику всемірнаго господства, является вѣчною угрозою европейскимъ государствамъ, которыя изъ чувства самосохраненія должны всѣми мѣрами стремиться къ ослабленію и уничтоженію такого могущественнаго и опаснаго врага. Въ это самое время одинъ изъ французскихъ ученыхъ, состоявшій на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, г. Лезюръ, издалъ, въ видѣ довольно толстой книги (слишкомъ 500 страницъ), политическій памфлетъ, озаглавленный слѣдующимъ образомъ: «Des progrès de la puissance russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle» (О возростаніи русскаго могущества съ самаго начала его до XIX столѣтія). Доказательствомъ того, что сочиненіе Лезюра было вдушено ему свыше, служить свидѣтельство англійскаго генерала сэра Роберта Вильсона, который, въ декабрѣ 1812 года, видѣлъ огромное количество экземпляровъ этой книги въ квартирѣ французскаго министра иностранныхъ сношеній арміи, герцога Бассано. Вильсонъ въ своихъ запискахъ (*Private Diary. London. 1861. T. I, p. 257*) прямо утверждаетъ, что памфлетъ Лезюра былъ изданъ по распоряженію французскаго правительства (*under the immediate superintendence of French government*) и называютъ его «непоправимой неловкостью» и «последнимъ проявленіемъ русскихъ заблужденій (*erreurs russes*) Наполеона I». Въ книгѣ Лезюра мы въ первый разъ встрѣчаемся съ «Завѣщаніемъ» Петра Великаго, причемъ поддѣлка эта сопровождается такимъ примѣчаніемъ:

«Увѣряютъ (*on assure*), что въ домашнемъ архивѣ русскихъ императоровъ хранятся секретныя записки, писанныя собственноручно Петромъ I, гдѣ откровенно (*sans detours*) изложены планы этого государя, которые онъ поручаетъ (*recommande*) вниманію своихъ преемниковъ и которымъ многіе изъ нихъ, дѣйствительно, слѣдовали съ твердостью, можно сказать, религіозной (*avec une persistance pour ainsi dire religieuse*). Вотъ сущность (*le résumé*) этихъ плановъ».

Такимъ образомъ, изъ примѣчанія оказывается, что въ книгѣ Лезюра сообщенъ не текстъ документа, а только сущность его. Эта сущность заключаетъ въ себѣ слѣдующіе 14 пунктовъ:

«1) Ничѣмъ не пренебрегать для освоенія русскаго народа съ европейскими формами и обычаями, и въ этихъ видахъ приглашать изъ Европы (*engager les différentes cours*) различныхъ людей, особенно ученыхъ, которые, ради ли выгоды, или изъ челоуѣколюбивыхъ принциповъ философіи, или же по другимъ еще побужденіямъ, способствовали бы достиженію этой цѣли.

«2) Поддерживать государство въ системѣ непрерывной войны, для того, чтобы закалить солдата въ бою и не давать народу отдыха, удерживая его во всегдашней готовности къ выступленію по первому знаку.

«3) Всевозможными средствами расширять свои предѣлы къ сѣверу, вдоль Балтійскаго моря, и къ югу, вдоль Чернаго моря, для чего:

«4) Поддерживать въ Англии, Даніи и Бранденбургѣ недоброжелательство къ Швеціи, чрезъ что эти державы будутъ сквозъ пальцы смотрѣть на захваты, какіе можно будетъ дѣлать въ этой странѣ, и на окончательное ея покореніе.

«5) Заинтересовать Австрійскій домъ въ изгнаніи турокъ изъ Европы; подъ этимъ предлогомъ содержать постоянную армію и основывать по берегамъ Чернаго моря верфи, постоянно подвигаясь впередъ къ Константинополю.

«6) Поддерживать безначаліе въ Польшѣ, вліять на ея сеймы и особенно на выборы королей, раздроблять ее при каждомъ удобномъ случаѣ и, наконецъ, покорить.

«7) Заключить тѣсный союзъ съ Англіею и поддерживать съ нею прямыя отношенія посредствомъ хорошаго торговаго договора; позволить ей даже пользоваться нѣкотораго рода монополіею внутри страны, что незамѣтнымъ образомъ послужитъ къ сближенію между торговцами и моряками англійскими и русскими, которые съ своей стороны всѣми мѣрами стануть благопріятствовать усовершенствованію и увеличенію русскаго флота, при помощи котораго надлежитъ тотчасъ же добиться господства надъ Балтійскимъ и Чернымъ морями—это существенное условіе для успѣшнаго и скорого выполненія этого плана.

«8) Онъ совѣтуетъ всѣмъ своимъ преемникамъ проникнуться тою истиною, что Индійская торговля есть торговля міровая и что тотъ, у кого исключительно она будетъ въ рукахъ, станеть и истиннымъ властителемъ Европы, что поэтому не слѣдуетъ терять ни одного удобнаго случая къ возбужденію войнъ съ Персіею и къ ускоренію ея вырожденія; надлежитъ углубиться до Персидскаго залива и озаботиться возстановленіемъ прежней Левантской торговли черезъ Сирію.

«9) Вмѣшиваться, не взирая ни на что, силою или хитростію, въ распри Европы и особенно Германіи и для того:

«10) Заискивать и поддерживать союзъ съ Австріею, ублаживать ее любимою ей мыслию о преобладаніи, пользоваться малѣйшимъ на нее вліаніемъ къ вовлеченію ея въ разорительныя войны, съ цѣлію постепеннаго ея ослабленія, временами даже помогать ей, а, между тѣмъ, втайнѣ создавать ей враговъ въ Европѣ и особенно въ Германіи, возбуждая въ государяхъ къ ней зависть и недобріе.

«11) Въ супруги русскимъ великимъ князьямъ избирать германскихъ принцевъ съ путемъ родственныхъ отношеній и выгоды умножать союзы для увеличенія русскаго вліанія въ этой имперіи.

«12) Пользоваться религіознымъ вліаніемъ на греко-восточныхъ отщепенцевъ (*sur le grecs désunis*) или схизматиковъ, распространенныхъ въ Венгріи, Турціи и южныхъ частяхъ Польши, привлекать ихъ къ себѣ всевозможными прельщеніями (*par toutes les voies cartieuses*), называться ихъ покровителями и добиваться духовнаго надъ ними главенства. Подъ этимъ предлогомъ и этимъ путемъ Турція будетъ покорена, и сама Польша, не имѣя уже возможности под-

держивать себя ни собственными силами, ни своими политическими связями, точно также скоро подпадетъ подъ иго.

«13) Тогда каждая минута будетъ дорога. Необходимо втайнѣ приготовить всѣ средства для нанесенія сильнаго удара, дѣйствовать обдуманно, предусмотрительно и быстро, чтобы не дать Европѣ времени придти въ себя. Надлежитъ начинать чрезвычайно осмотрительно, съ отдѣльнаго предложенія сперва Версальскому двору, потомъ Вѣнскому, относительно раздѣла между собою власти надъ всѣмъ міромъ, давая имъ въ то же время замѣтить, что это предложеніе не можетъ казаться имъ подозрительнымъ, ибо Россія *de facto*—уже повелительница всего Востока, и, кромѣ этого титула, болѣе ничего не выигрываетъ. Безъ всякаго сомнѣнія, этотъ проектъ не преминетъ увлечь ихъ и вызоветъ между ними войну на смерть, которая вскорѣ сдѣлается всеобщою, вслѣдствіе обширныхъ связей и сношеній этихъ двухъ соперничающихъ дворовъ, естественно враждебныхъ другъ къ другу, а равно вслѣдствіе того участія, которое по необходимости примутъ въ этой распрѣ всѣ другіе европейскіе дворы.

«14) Среди этого всеобщаго ожесточенія, къ Россіи будутъ обращаться за помощію, то та, то другая изъ воюющихъ державъ, и, послѣ долгаго колебанія—дабы они успѣли обезсилить другъ друга—и собравшись сама съ силами, она для виду должна будетъ, наконецъ, высказаться за Австрійскій домъ. Пока ея линейныя войска будутъ подвигаться къ Рейну, она, вслѣдъ затѣмъ, вышлетъ свои несмѣтныя азіатскія орды. И лишь только послѣднія углубятся въ Германію, какъ изъ Азовскаго моря и Архангельскаго порта выдутъ съ такими же ордами два значительные флота, подъ прикрытіемъ (*sous le convoi*) вооруженныхъ флотовъ, черноморскаго и балтійскаго. Они внезапно появятся въ Средиземномъ морѣ и Океанѣ для высадки этихъ кочевыхъ, свирѣпыхъ и жадныхъ до добычи народовъ, которые наводнятъ Италію, Испанію и Францію; одну часть ихъ жителей истребятъ, другую уведутъ въ неволю для заселенія сибирскихъ пустынь и отнимутъ у остальныхъ всякую возможность къ сверженію ига. Всѣ эти диверсіи дадутъ тогда полный просторъ регулярной арміи дѣйствовать со всею силою, съ полнѣйшею увѣренностію въ побѣдѣ и въ покореніи остальной Европы».

Вникнувъ въ сущность плановъ Петра Великаго, сообщаемыхъ Лезюромъ, читатель, полагаемъ, убѣдится, что первые 11-ть пунктовъ представляютъ ничто иное, какъ сжатое и относительно вѣрное изложеніе политической системы, которой слѣдовало русское правительство въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ и войнахъ со времени кончины Петра Великаго до 1812 года. Подобное обстоятельство указываетъ, что, при сочиненіи этихъ пунктовъ, авторъ справлялся съ исторіей, хотя и передѣлалъ ее сообразно съ своими взглядами; въ пунктахъ же 12, 13 и 14, гдѣ ему уже нельзя было руководствоваться событіями, совершившимися до 1812 года, онъ прибѣгаетъ къ помощи воображенія и въ общихъ чертахъ ставитъ конечной цѣлью плановъ Петра Великаго—завоеваніе всей Европы и господство Россіи надъ всѣмъ міромъ. Въ совѣтахъ, будто бы даваемыхъ при этомъ Петромъ его преемникамъ, говорится о «несмѣтныхъ азіатскихъ ордахъ» (*puée de hordes asiatiques*), которыя должны слѣдовать за регулярными вой-

сками при ихъ вторженіи въ Европу, о «свирѣпныхъ и жадныхъ до добычи кочующихъ народахъ» (*peuples nomades féroces et avides de butin*), которыми нужно наводнить Францію, Италію и Испанію, чтобы они, «истребивъ одну половину жителей, увели другую въ неволю для населенія сибирскихъ пустынь» и т. п. Вообще, высокопарный, декламаторскій слогъ, которымъ изложена сущность «Завѣщанія» Петра Великаго, плохо вяжется съ серьезнымъ и ученымъ тономъ всей книги Лезюра и невольно наводитъ на мысль, что эта часть памфлета написана другой рукой и только включена въ его трудъ.

Книга Лезюра, надѣлавшая въ свое время довольно шума, была, наконецъ, забыта, какъ и все на свѣтѣ, и послѣ нея, до 1836 года, мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ иностранной литературѣ упоминанія о «Завѣщаніи» Петра Великаго. Въ 1836 году, въ Парижѣ появилось сочиненіе подъ такимъ заманчивымъ заглавіемъ: «*Mémoires du chevalier d'Eon, publiés pour la première fois sur ses papiers, fournis par sa famille et d'après les matériaux authentiques déposés aux archives des affaires étrangères. Par Frederic Gaillardet, auteur de la Tour de Nesle*» (Записки кавалера д'Еона, напечатанныя въ первый разъ по его бумагамъ, сообщеннымъ его родственниками, и по достовѣрнымъ документамъ, хранящимся въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Соч. Фридриха Гальярде, автора «Несльской башни»). Сочиненіе это, имѣвшее по внѣшности всю обстановку достовѣрныхъ историческихъ мемуаровъ, но наполненное вымыслами и анахронизмами, быстро разошлось въ продажѣ, благодаря интересу публики къ загадочной личности кавалера д'Еона. Въ книгѣ Гальярде мы находимъ уже настоящій текстъ «Завѣщанія» Петра Великаго, вывезеннаго будто бы «въ точной» копіи д'Еономъ изъ Россіи, и притомъ въ редакціи, отличающейся въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отъ сущности этого документа, переданной въ сочиненіи Лезюра.

Извѣстно, что въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, кавалеръ д'Еонъ состоялъ, съ 1755 по 1760 годъ, при французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ и игралъ роль тайнаго дипломатическаго агента короля Людовика XV при русскомъ дворѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ шпиона, приставленнаго къ французскому посланнику¹⁾. Гальярде, не упоминая ни слова о книгѣ Лезюра, слѣдующимъ образомъ объясняетъ появленіе текста «Завѣщанія» Петра Великаго въ рукахъ д'Еона:

¹⁾ Биографія кавалера д'Еона, написанная по новѣйшимъ источникамъ Е. П. Карновичемъ, напечатана въ 7-й кн. сборника «Древняя и Новая Россія» 1875 г.

«Въ 1757 году», говоритъ онъ, «кавалеръ д'Еона привезъ (въ Парижъ) драгоценный документъ, открытый имъ, благодаря его тѣсной безграничной дружбѣ (съ императрицей) и безконтрольнымъ изысканіямъ (*intimité sans bornes et à ses investigations sans contrôle*) въ самыхъ секретнѣйшихъ царскихъ архивахъ. Документъ этотъ, о которомъ съ тѣхъ поръ заговорилъ весь свѣтъ, существованіе котораго было извѣстно, но котораго никто не могъ достать, или списать, былъ тайно врученъ д'Еономъ, вмѣстѣ съ специально написаннымъ имъ сочиненіемъ о Россіи, министру иностранныхъ дѣлъ аббату Берни и королю Людовику XV. Это, по словамъ д'Еона, буквально вѣрная копія съ завѣщанія, оставленнаго Петромъ Великимъ его потомкамъ и преемникамъ на тронѣ».

И такъ, авантюристъ, носившій то женское, то мужское платье, и долго считавшійся гермафродитомъ, мелкій дипломатическій агентъ, шпіонъ французскаго правительства при французскомъ же посланникѣ, пользуется «тѣсной, безграничной дружбой» русской императрицы, получаетъ доступъ въ «секретнѣйшіе царскіе архивы», не зная русскаго языка, «безконтрольно» роется въ нихъ, отыскиваетъ актъ, который долженъ бы считаться величайшей государственной тайной, снимаетъ съ него «точную копію» и привозитъ ее во Францію для врученія королю. Какъ много во всемъ этомъ правдоподобія!

Политическая программа, которую Петръ Великій завѣщаетъ, устами кавалера д'Еона, своимъ преемникамъ, заключается такъ же, какъ и у Лезюра, въ 14 пунктахъ: но ей уже приданъ видъ торжественнаго и несомнѣннаго акта, — «Завѣщанія» (названіе, которое съ тѣхъ поръ и удержалось за нимъ), посредствомъ такого вступленія: «Во имя святой и нераздѣльной Троицы, мы, Петръ, императоръ и самодержецъ всероссійскій, всѣмъ нашимъ потомкамъ и преемникамъ на престолѣ и правительству русской націи и проч., и проч.». За вступленіемъ слѣдуютъ пункты съ изложеніемъ совѣтовъ:

I.

«Поддерживать русскій народъ въ состояніи непрерывной войны, чтобы солдатъ былъ закаленъ въ бою и не зналъ отдыха: оставлять его въ покой только для улучшенія финансовъ государства, для переустройства арміи и для того, чтобы выждать удобное для нападенія время. Такимъ образомъ, пользоваться миромъ для войны и войною для мира, въ интересахъ расширенія предѣловъ и возрастающаго благоденствія Россіи.

II.

«Вызывать всевозможными средствами изъ наиболѣе просвѣщенныхъ странъ военачальниковъ во время войны и ученыхъ во время мира, для того, чтобы рус-

скій народъ могъ воспользоваться выгодами другихъ странъ, ничего не теряя изъ своихъ собственныхъ.

III.

«При всякомъ случаѣ вмѣшиваться въ дѣла и распри Европы, особенно Германіи, которая, какъ ближайшая, представляетъ болѣе непосредственный интересъ.

IV.

«Раздѣлять Польшу, поддерживая въ ней смуты и постоянные раздоры, сильныхъ привлекать на свою сторону золотомъ, вліять на сеймы, подкупать ихъ для того, чтобы имѣть вліяніе на выборы королей, проводить на этихъ выборахъ своихъ сторонниковъ, оказывать имъ покровительство, вводить туда русскія войска и временно оставлять ихъ тамъ, пока не представится случая оставить ихъ тамъ окончательно. Если же сосѣднія государства стануть создавать затрудненія, то ихъ успокаивать временнымъ раздробленіемъ страны, пока нельзя будетъ отобрать назадъ то, что было имъ дано.

V.

«Дѣлать возможно большіе захваты у Швеціи и искусно вызывать съ ея стороны нападенія, дабы имѣть предлогъ къ ея покоренію. Для этого изолировать ее отъ Даніи и Данію отъ Швеціи и заботливо поддерживать между ними соперничество.

VI.

«Въ супруги къ русскимъ великимъ князьямъ всегда избирать германскихъ принцессъ для того, чтобы умножать родственные союзы, сближать интересы и, увеличивая въ Германіи наше вліяніе, тѣмъ самымъ привязать ее къ нашему дѣлу.

VII.

Преимущественно добиваться союза съ Англіею, въ видахъ торговли, ибо это именно та держава, которая для своего флота наиболѣе нуждается въ насъ и которая можеть быть наиболѣе полезнаю для нашего флота. Обмѣнивать нашъ лѣсъ и другія произведенія на ея золото и установить между ся и нашими торговцами и моряками постоянныя сношенія, которыя приучатъ нашихъ къ торговлѣ и мореплаванію.

VIII.

«Неустанно расширять свои предѣлы къ сѣверу и къ югу, вдоль Чернаго моря.

IX.

Возможно ближе придвигаться къ Константинополю и Индіи. Обладающій ими будетъ обладателемъ міра. Съ этою цѣлію возбуждать постоянныя войны то противъ турокъ, то противъ персовъ, основывать верфи на Черномъ морѣ, мало-по-малу овладѣвать какъ этимъ моремъ, такъ и Балтійскимъ—ибо то и другое необходимо для успѣха плана—ускорить паденіе Персіи, проникнуть до Персидскаго залива, возстановить, если возможно, древнюю торговлю Леванта черезъ Сирію и достигнуть Индіи, какъ мірового складочнаго пункта. По овладѣніи ею, можно обойтись и безъ англійскаго золота.

X.

«Заискивать и старательно поддерживать союзъ съ Австріею, поощрять для виду ея замыслы о будущемъ господствѣ надъ Германіею, а втайнѣ возбуждать противъ нея недоброжелательство въ государяхъ. Стараться, чтобы тѣ или другіе обращались за помощью къ Россіи и установить надъ странюю нѣчто въ родѣ покровительства съ цѣлью подготовленія будущаго господства надъ нею.

XI.

«Заинтересовать Австріійскій домъ въ изгнаніи турокъ изъ Европы, а по овладѣніи Константинополемъ, нейтрализовать его зависть, или возбудить противъ него войну, или давъ ему часть изъ завоеваннаго, съ тѣмъ, чтобы позднѣе отобрать это назадъ.

XII.

«Привлечь на свою сторону и соединить вокругъ себя всѣхъ грековосточныхъ отщепенцевъ (*grecs désunis*) или схизматиковъ, распространенныхъ въ Венгрии, Турціи и южной Польшѣ, сдѣлаться ихъ средоточіемъ и опорой и приготовить всеобщее преобладаніе надъ ними посредствомъ установленія какъ бы духовнаго главенства: будетъ столько друзей, сколько окажется у каждаго изъ ея враговъ (*ce seront autant d'amis qu'on aura chez chacun de ses ennemis*).

XIII.

«Когда Швеція будетъ раздроблена, Персія побѣждена, Польша покорена, Турція завоевана, арміи соединены, Черное и Балтійское моря охраняемы нашими кораблями, тогда надлежитъ подъ великою тайною предложить сперва Версальскому двору, а потомъ Вѣнскому, раздѣлить власть надъ вселенною. Если который либо изъ нихъ, обольщаемый честолюбіемъ и самолюбіемъ, приметъ это предложеніе— что неминуемо и случится,—то употребить его на погибель другого, а потомъ уничтожить и уцѣлѣвшаго, начавъ съ нимъ борьбу, въ исходѣ которой сомнѣваться уже будетъ нельзя, ибо Россія въ то время уже будетъ обладать всѣмъ Востокомъ и большею частію Европы.

XIV.

«Если, паче чаянія, тотъ и другой откажутся отъ предложенія Россіи, то надлежитъ искусно возжечь между ними распрю и истощить ихъ во взаимной борьбѣ. Тогда Россія, воспользовавшись рѣшительною минутою, должна устремить свои заранѣе собранныя войска на Германію и одновременно съ этимъ выслать два значительные флота, одинъ изъ Азовскаго моря, другой изъ Архангельска, съ своими азиатскими ордами, подъ прикрытіемъ (*sous le convoi*) вооруженныхъ флотовъ Черноморскаго и Балтійскаго. Выйдя въ Средиземное море и Океанъ, онѣ наводняютъ съ одной стороны Францію, съ другой Германію, и когда обѣ эти страны будутъ побѣждены, то остальная Европа уже легко и безъ всякаго сопротивленія падаетъ подъ иго.

«Такъ можно и должно будетъ покорить Европу».

Сличеніе текстовъ «Завѣщанія» Петра Великаго, сообщеннаго Лезюромъ и д'Еуномъ, приводитъ, по крайней мѣрѣ насъ, къ заключенію, что, не смотря на разницу въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, они тожде-

ственныя между собою, и что одинъ изъ нихъ есть не болѣе, какъ передѣлка другого. Въ обоихъ излагаются одни и тѣ же взгляды на политику Россіи, большею частью, въ выраженіяхъ буквально-схожихъ, причѣмъ событія совершившіяся приурочиваются къ этимъ взглядамъ довольно ловко; тамъ же, гдѣ приходится говорить о будущемъ, оба автора даютъ полный просторъ своей фантазіи, развиваютъ невѣроятные и несбыточные планы, обнаруживаютъ совершенное незнаніе дѣйствительныхъ національныхъ интересовъ русскаго государства, преподаютъ отъ имени Петра Великаго самыя нелѣпыя совѣты и влагаютъ ему въ уста фразы въ родѣ «*hordes asiatiques*» или «*peuples nomades, féroces et avides de butin*» и т. п. Вообще, поддѣлка «Завѣщанія» Петра Великаго настолько неискусна и очевидна, что не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія и можетъ вводить въ заблужденіе только тѣхъ, къ сожалѣнію, довольно многочисленныхъ, иностранныхъ публицистовъ, которые пишутъ о Россіи, вовсе не зная ея исторіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ поддѣлка эта даетъ отличный матеріалъ тѣмъ враждебнымъ нашему отечеству писателямъ, которые, хотя и обладаютъ достаточными знаніями, но берутся за перо съ предвзятой мыслью—клеветать на Россію и ея правительство.

Въ доказательство послѣдняго приведемъ примѣръ. Извѣстный многими сочиненіями о Польшѣ, польскій историкъ Леонардъ Ходзько предпринялъ, въ 1839 году, на французскомъ языкѣ, популярное иллюстрированное изданіе, подъ заглавіемъ: «*La Pologne historique, litteraire, monumental et illustrée*» (Польша историческая, литературная, монументальная и иллюстрированная). Въ первомъ же выпускѣ этого тенденціознаго сочиненія Ходзько перепечаталъ изъ книги Гальярде текстъ «Завѣщанія» Петра Великаго, снабдивъ его, разумѣется, своими разсужденіями и умозаключеніями. Мало того, онъ не затруднился даже сдѣлать къ нему такое добавленіе:

«Петръ I набросалъ проектъ своего завѣщанія въ 1709 году, послѣ сраженія подъ Полтавой, и исправилъ и дополнилъ его въ 1724 году. Благодаря случаю, сопряженному съ романическими приключеніями, о которыхъ здѣсь неумѣстно разсказывать, французскій посланникъ при дворѣ императрицы Елисаветы нашелъ возможность, въ 1757 году, снять копію съ этого страннаго (*étrange*) документа и немедленно отослалъ его версальскому кабинету».

Такимъ образомъ, чтобы придать поддѣлкѣ еще болѣе видъ достовернаго историческаго акта, Ходзько обозначаетъ не только года, но и обстоятельства, при которыхъ онъ будто бы былъ составленъ, и приписываетъ честь добытія этого «страннаго» документа «французскому посланнику», преднамѣренно умалчивая о кавалерѣ д'Еонѣ,

такъ какъ имя этого авантюриста могло внушить сомнѣнія серьезнымъ читателямъ.

«Иллюстрированная Польша» имѣла нѣсколько изданій и сдѣлалась главнѣйшимъ источникомъ множества перепечатокъ «Завѣщанія» Петра Великаго, расплодившихся особенно во время Крымской кампаніи. Нѣкоторые иностранные доброжелатели Россіи ограничились простымъ воспроизведеніемъ «Завѣщанія» безъ всякихъ комментаріевъ; но нашлись и такіе, которые не могли отказать себѣ въ удовольствіи кое-что присочинить къ этой поддѣлкѣ. Такъ, нѣкто г. Корреадоръ, пользующійся репутаціей дѣльнаго военнаго писателя, напечаталъ, въ 1854 году, по-французски «Карту увеличенія Россіи со времени Петра I до нашихъ дней». Въ примѣчаніяхъ къ картѣ, Корреадоръ напечаталъ «Завѣщаніе» Петра Великаго и прибавилъ къ нему слѣдующій вариантъ:

«Это политическое завѣщаніе было набросано Петромъ I въ 1710 году, послѣ сраженія подъ Полтавой, исправлено имъ въ 1722 году, послѣ Ништадтскаго мира и окончательно редактировано (formulé) канцлеромъ Остерманомъ».

Кто же былъ авторомъ поддѣльнаго духовнаго «Завѣщанія» Петра Великаго?

Г. Берхгольцъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно:—Наполеонъ I, и даетъ своей брошюрѣ заглавіе: «Napoléon l auteur du testament de Pierre le Grand». Цитую нѣсколько выписокъ изъ «Souvenirs contemporains de Villemain», «Mémoires du comte Mollin», «Message au senat conservateur» и «Mémorial de St. Hélène», изъ которыхъ видно, что взгляды, высказанные Наполеономъ при разныхъ случаяхъ на политику Россіи, очень схожи съ выраженными въ поддѣльномъ «Завѣщаніи» Петра Великаго, г. Берхгольцъ, основываясь на этомъ, дѣлаетъ слѣдующій окончательный выводъ:

«Эти цитаты, которыхъ мы могли бы извлечь множество, намъ кажется, достаточно доказываютъ поразительное сходство между взглядами на вещи Наполеона I и выраженными въ документѣ, напечатанномъ г. Лезюромъ. И тутъ, и тамъ—тѣ же общія мысли, тѣ же заключенія, а въ мѣстахъ, гдѣ біографы цитуютъ собственныя слова императора, тѣ же образы, тѣ же выраженія, которыя можно найти и въ рѣчахъ Наполеона, и въ документахъ, диктованныхъ имъ. Къ числу послѣднихъ мы смѣло относимъ и «Завѣщаніе» Петра Великаго, которое по формѣ и содержанію доказываетъ каждому, не желающему преднамѣренно ослѣпляться, что сочинителемъ его былъ никто иной, какъ Наполеонъ I».

Доказательства г. Берхгольца очень остроумны, но не совсѣмъ убѣдительны. Мы попробуемъ высказать наше мнѣніе о происхожд-

ніи «Завѣщанія» Петра Великаго, не дѣлая, подобно автору брошюры «Napoléon I auteur de testament de Pierre le Grand», рѣшительныхъ приговоровъ.

Въ 1870 году Гальярде выпустилъ въ свѣтъ второе изданіе мемуаровъ кавалера д'Еона подъ измѣненнымъ заглавіемъ: «Mémoires sur la chevalière d'Eon. La vérité sur les mystères de sa vie d'après des documents authentiques, suivis de douze lettres inédites de Beau marchais. Par F. Gaillardet, l'un des auteurs de la Tour de Nesle, ex-éditeur rédacteur en chef du «Courrier des Etats-Unis» (Записки о кавалершѣ д'Еонъ. Правда о тайнахъ ея жизни по достовѣрнымъ документамъ, съ присоединеніемъ двѣнадцати неизданныхъ писемъ Бомарше. Соч. Ф. Гальярде, одного изъ авторовъ «Несльской башни» и бывшаго издателя и главнаго редактора «Вѣстника Соединенныхъ Штатовъ»). Это второе изданіе такъ существенно разнится отъ перваго, появившагося въ 1836 году, что его можно признать за совершенно новое сочиненіе. Въ предисловіи Гальярде прямо и откровенно сознается въ тѣхъ вымыслахъ и мистификаціяхъ, которые онъ позволилъ себѣ сдѣлать въ первомъ изданіи.

«Уроженецъ мѣстности,»—говоритъ онъ,—«гдѣ провелъ большую часть своей молодости кавалеръ д'Еонъ и гдѣ еще существуютъ нѣкоторые члены его фамиліи, я получилъ отъ послѣднихъ, въ 1835 году, нѣсколько манускриптовъ, печатныхъ произведеній и разныхъ бумагъ, которые имъ достались въ наслѣдство отъ ихъ загадочнаго родственника. Затѣмъ, я выхлопоталъ себѣ, черезъ посредство министра иностранныхъ дѣлъ герцога Брольи и директора канцеляріи г. Милье, право рассмотреть въ архивѣ министерства всѣ бумаги, относящіяся къ продолжительному періоду времени политической дѣятельности кавалера д'Еона. Я нашелъ здѣсь драгоцѣнные документы, въ первый разъ опубликованные мною въ мемуарахъ, изданныхъ въ 1836 году. Но мнѣ было тогда двадцать пять лѣтъ и я только что написалъ, вмѣстѣ съ Александромъ Дюма, драму «La Tour de Nesle». Я бредилъ мрачными тайнами, трагическими любовными похождениями и сложными интригами. Жизнь кавалера д'Еона въ томъ видѣ, въ какомъ она выяснилась изъ прочитанныхъ мною бумагъ, казалась мнѣ слишкомъ обыкновенною и, по моему убѣжденію, должна была имѣть стороны, не поддающіяся изысканіямъ и тщательно скрытыя... Мое воображеніе работало и въ итогѣ вышло, что сочиненіе мое составилось изъ двухъ элементовъ: достовѣрнаго и выдуманнаго, романческаго».

Послѣ такого признанія, Гальярде увѣряетъ, что второе, заново передѣланное имъ, слишкомъ черезъ тридцать лѣтъ, изданіе мемуаровъ

д'Еона, является совершенно очищеннымъ отъ всякаго вымысла и основаннымъ единственно на строгой исторической истинѣ (*stricte vérité historique*). Въ этомъ заново передѣланномъ и «основанномъ на строгой исторической истинѣ» изданіи, которое, дѣйствительно, подкрѣпляется массой документовъ и писемъ, мы опять встрѣчаемъ текстъ «Завѣщанія» Петра Великаго безъ всякихъ перемѣнъ. Мало того, Гальярде въ предисловіи ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ «первый обнародовалъ этотъ «знаменитый» документъ» (*j'ai été le premier à mettre au jour la copie de cet fameux testament*).

Не морочить ли опять Гальярде довѣрчивую публику? Не повторять ли онъ снова на шестомъ десяткѣ своего возраста ту же мистификацію, которую совершилъ въ молодости, имѣя всего двадцать пять лѣтъ, когда его воображеніе «сильно работало»? Дѣйствительно ли очистилъ онъ свое сочиненіе отъ всѣхъ вымысловъ и не является ли оно новымъ плодомъ его пылкой фантазіи, вторичнымъ сборникомъ небывалыхъ событій и разнаго рода поддѣлокъ? Мы думаемъ, что нѣтъ.

Кавалеръ д'Еонъ представляетъ собою полнѣйшій типъ авантюриста прошлаго столѣтія, всегда готоваго, безъ разбора, браться за все: и за перо, и за шпагу, и за дипломатію, и за грязную интригу и, наконецъ, надѣтъ женскую юбку, когда это обѣщаетъ ему какія нибудь выгоды. Онъ началъ свою карьеру литературой. Первымъ его произведеніемъ было надгробное слово графинѣ де-Пентьевръ, затѣмъ онъ написалъ: «*Essai historique sur les différentes situations de la France par rapport aux finances*» (Историческій опытъ о разныхъ положеніяхъ Франціи въ отношеніи финансовъ) и два тома «*Considérations politiques sur l'administration des peuples anciens et modernes*» (Политическія соображенія объ управленіи древнихъ и новыхъ народовъ). Мы не знаемъ этихъ сочиненій и не можемъ судить о нихъ, но полагаемъ, что двадцати-шести-лѣтній авторъ, не имѣвшій серьезной научной подготовки, долженъ былъ имѣть большую смѣлость, чтобы трактовать въ нѣсколькихъ томахъ о такихъ сложныхъ и специальныхъ предметахъ, какъ финансы Франціи и управленіе у древнихъ и новыхъ народовъ. Какъ бы то ни было, сочиненія эти ввели его въ кружокъ тогдашнихъ писателей и доставили ему знакомство и покровительство нѣкоторыхъ французскихъ вельможъ, любившихъ въ то время меценатствовать. Черезъ нихъ онъ сблизился съ принцемъ Кюнти и былъ рекомендованъ послѣднимъ королю, какъ способный и ловкій молодой человекъ, когда Людовику XV понадобилось, въ 1755 году, отправить въ Россію, вмѣстѣ съ офиціальнымъ резидентомъ, кавалеромъ Дугласомъ, тайнаго агента, чтобы завязать съ императрицею Елисаветою Петровной прямыя, такъ сказать, интимныя сно-

пенія и въ то же время секретно доносить королю о дѣйствіяхъ его представителя при русскомъ дворѣ. Въ инструкціи, данной Дугласу и д'Еону, имъ поручалось, кромѣ дипломатическихъ обязанностей, тайно собрать свѣдѣнія о политическомъ, военномъ и финансовомъ состояніи Россіи, о ея настоящихъ и будущихъ видахъ на Польшу, о намѣреніяхъ относительно Швеціи и Турціи, о расположеніи императрицы и ея министровъ къ Франціи, Англіи и Германіи, о склонности русскаго правительства къ войнѣ, или миру, о преданности малороссійскихъ казаковъ, о партіяхъ, раздѣлявшихъ петербургскій дворъ и т. д. ¹⁾. Читая эту инструкцію, нельзя не замѣтить страннаго совпаденія: почти на всѣ задаваемые ею вопросы мы находимъ отвѣтъ въ поддѣльномъ «Завѣщаніи» Петра Великаго.

Посылка въ Россію открывала д'Еону, вмѣсто литературной, политической карьеру. Это первое дипломатическое порученіе, полученное имъ столь неожиданно, разомъ давало ему положеніе при дворѣ и ставило его въ непосредственныя отношенія къ королю, а удачное исполненіе сулило впереди заманчивую дорогу почестей и наградъ. Понятно, что, находясь въ Россіи въ роли тайнаго агента, онъ всячески старался зарекомендовать себя передъ своимъ правительствомъ и выказать свою ловкость и дипломатическія способности. Красивый, неглупый, д'Еонъ скоро втерся въ домъ вице-канцлера графа Воронцова и другихъ русскихъ вельможъ, былъ принятъ ко двору, узнавалъ, разспрашивалъ, интересуясь, конечно, болѣе всего политическими вопросами. Доказательствомъ, что онъ желалъ ознакомиться съ Россіей и собиралъ о ней свѣдѣнія, служить довольно объемистое сочиненіе, представленное имъ королю и напечатанное впоследствии подъ заглавіемъ «Историческія и статистическія замѣтки о русскомъ государствѣ», гдѣ говорится понемногу обо всемъ: и о русской торговлѣ, и о русскомъ тарифѣ, и о распоряженіяхъ Петра Великаго относительно монашествующихъ, и о трактатахъ Россіи съ Англіей, и о судьбѣ царицы Евдокіи Ѳеодоровны, и т. д. Все это написано бойкимъ, самоувѣреннымъ тономъ, наполнено, разумѣется, разнымъ вздоромъ и ложными взглядами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживаетъ въ авторѣ нѣкоторую наблюдательность.

Въ 1757 году Дугласу удалось убѣдить петербургскій кабинетъ вступить въ союзъ съ Франціей, направленный противъ Пруссіи. Успѣшному исходу переговоровъ много содѣйствовалъ д'Еонъ, что заевидѣтельствовано и самимъ Дугласомъ въ донесеніяхъ его министру

¹⁾ Инструкція эта напечатана г. Бутарикомъ въ изданной имъ «Correspondance secrète, inédite de Louis XV». Paris. 1866 Т. I. P. 204 и слѣд.

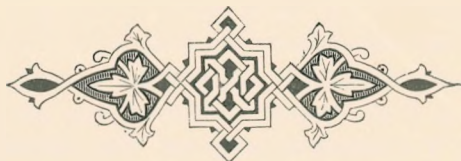
иностранныхъ дѣлъ. Д'Еонъ былъ отправленъ въ Парижъ, чтобы вручить Людовику XV договоръ, подписанный русской императрицей. Эта поѣздка давала ему возможность лично объяснить королю свою дипломатическую дѣятельность въ Россіи, увѣнчавшуюся успѣхомъ, который онъ исключительно приписывалъ себѣ. Есть основанія предполагать, что уже въ это время д'Еонъ мечталъ о постѣ французскаго посланника при русскомъ дворѣ, постѣ, котораго онъ и добился въ 1762 году, хотя, впрочемъ, всего лишь на нѣсколько дней, такъ какъ назначеніе его было отмѣнено по случаю переворота, происшедшаго въ Петербургѣ. Достиженію этой цѣли, столь льстившей его самолюбію, могли препятствовать его молодость и неопытность, а потому ему необходимо было выставить себя передъ королемъ и министрами въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, вселить въ нихъ увѣренность въ своихъ дипломатическихъ способностяхъ и представить свое пребываніе въ Россіи плодотворнымъ и важнымъ для французскаго правительства. Онъ поднесъ королю свое сочиненіе о Россіи, какъ наглядное свидѣтельство того, что основательно изучилъ эту страну. Но все это могло казаться д'Еону еще недостаточнымъ для осуществленія его затаенной мечты. Въ его интересахъ было предъявить какойнибудь необыкновенный подвигъ, ярко рисующій его ловкость, усердіе, умѣніе пользоваться людьми и обстоятельствами, его обширныя связи при петербургскомъ дворѣ, благодаря которымъ для него все достижимо, даже сокровеннѣйшіе тайники русской политики. Вотъ, по нашему мнѣнію, источникъ происхожденія поддѣльнаго духовнаго «Завѣщанія» Петра Великаго, и мы вполне увѣрены, что авторомъ его былъ никто иной, какъ кавалеръ д'Еонъ. Сочиненіе подобнаго акта не представляло для него трудностей. Два года вращаясь при дворѣ дочери Петра I, окружившей себя чисто русскими людьми, которые чтили память ея великаго отца и старались во всемъ слѣдовать его предначертаніямъ, д'Еонъ безпрестанно долженъ былъ слышать разсужденія о политикѣ и планахъ Преобразователя Россіи, дѣйствительно какъ бы завѣщанныхъ имъ своимъ преемникамъ, потому что они были основаны на глубокомъ пониманіи національныхъ интересовъ. Д'Еонъ, разумѣется, не могъ уяснить ихъ себѣ; онъ схватилъ, такъ сказать, только внѣшность, перетолковалъ ее по-своему и изложилъ, дополнивъ, съ отличавшей его самонадѣянностью, своими домыслами и предсказаніями. Для лучшей мистификаціи поддѣлки, онъ счелъ не лишнимъ придать ей официальный видъ начальными словами: «Во имя святой и нераздѣльной Троицы, мы, Петръ, и т. д.». Однако, не смотря на это, поддѣлка была настолько очевидна и личность д'Еона внушала такъ мало довѣрія, что французское правительство

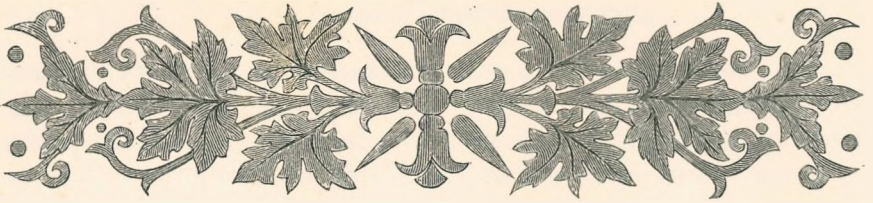
отнеслось съ полнымъ пренебреженіемъ къ представленнымъ имъ бумагамъ: «Французскіе министры», — говоритъ по этому поводу самъ д'Еонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — «не придали никакой важности моему сообщенію и признали изложенные въ немъ планы невозможными и химерическими. На мое открытіе не было обращено серьезнаго вниманія потому, конечно, что оно было сдѣлано молодымъ человѣкомъ». Бумаги, доставленныя д'Еономъ, были, разумѣется, сданы въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и лежали покойно до той минуты, когда начинающему французскому литератору пришла, въ 1836 году, мысль описать жизнь загадочнаго авантюриста и разобрать относящіяся къ нему документы. Можно судить о радости Гальярде, когда онъ нашель въ кипѣ запыленныхъ бумагъ «Завѣщаніе» Петра Великаго и получилъ возможность съ гордостью заявить всему свѣту, что онъ первый открылъ этотъ знаменитый актъ, который, при его полнѣйшемъ незнаніи исторіи Россіи, не могъ возбудить въ немъ какихъ либо сомнѣній и былъ признанъ имъ, съ французскимъ легковѣріемъ, за несомнѣнный и дѣйствительно существующій.

Теперь мы попытаемся объяснить, какимъ образомъ, по нашему мнѣнію, «сущность» завѣщанія, сочиненнаго д'Еономъ, попала въ книгу Лезюра. Мы знаемъ, что императоръ Наполеонъ I, въ борьбѣ съ своими политическими и личными врагами, не былъ разборчивъ въ средствахъ и считалъ каждое изъ нихъ хорошимъ, лишь бы оно достигало, или содѣйствовало цѣли. Задумавъ, въ 1812 году, вступить въ рѣшительную борьбу съ такимъ опаснымъ соперникомъ, какъ Россія, онъ, естественно, желалъ привлечь на свою сторону общественное мнѣніе Европы, напугать его грознымъ призракомъ возростающаго могущества Русской имперіи и представить себя оплотомъ цивилизаціи противъ завоевательныхъ замысловъ сѣверныхъ варваровъ. Въ этихъ видахъ онъ и заказалъ Лезюру написать сочиненіе: «Des progrès de la puissance russe» для распространенія его въ публикѣ. Лезюръ, какъ историкъ, не могъ совершенно легко отнестись къ такой задачѣ и, чтобы исполнить ее, не компрометируя своего имени, долженъ былъ просмотрѣть въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ бумаги, касающіяся дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ XVIII столѣтіи. Выбирая изъ нихъ преимущественно тѣ, которыя подходили къ его предвзятой идеѣ, онъ, разумѣется, обратилъ вниманіе на «Завѣщаніе» Петра Великаго; но имя лица, сообщившаго этотъ документъ, и содержаніе самаго документа ясно указывали на поддѣлку. Затрудняясь ввести въ свое сочиненіе столь важный актъ, достовѣрность котораго ничѣмъ нельзя было подтвердить, Лезюръ могъ

показать его Наполеону и просить императора высказать свое мнѣніе по этому поводу. Конечно, Наполеонъ ни минуты не колебался признать подобный документъ подложнымъ, но программа, заключавшаяся въ немъ, вполне согласовалась съ цѣлями, которыя имѣлись въ виду при составленіи книги Лезюра, — напугать публику завоевательными планами Россіи, и потому было рѣшено, сокративъ и измѣнивъ этотъ документъ, сообразно тогдашнему политическому положенію и обстоятельствамъ, напечатать его съ объясненіемъ, что это есть сущность плановъ Петра Великаго, будто бы изложенныхъ имъ для руководства преемникамъ въ секретныхъ запискахъ, которыя, какъ увѣряютъ, хранятся въ домашнемъ архивѣ русскихъ государей.

Мы не утверждаемъ, что въ настоящей замѣткѣ положительно рѣшили вопросъ о происхожденіи поддѣльнаго «Завѣщанія» Петра Великаго, и будемъ очень рады выслушать мнѣнія, противоположныя нашему; они могутъ только способствовать разъясненію этого вопроса, во всякомъ случаѣ, не лишеннаго интереса.

Кладбищенская литература.

(Эпитафии XVIII вѣка).

ПИТАФІИ и другія надписи на могильныхъ памятникахъ представляютъ своего рода литературу, которая можетъ служить отчасти источникомъ для характеристики современнаго ей общества. Въ XVIII вѣкѣ, преимущественно, считалось какъ бы обязанностью украшать могильные памятники различными надписями, въ стихахъ и прозѣ, гдѣ или кратко рассказывалась жизнь покойника, или выхвалялись его заслуги и прекрасныя качества, или высказывались горестныя и неутѣшныя чувства, возбужденныя его кончиной въ людяхъ ему близкихъ, или, наконецъ, выражались, какъ бы въ назиданіе живущимъ, философскія воззрѣнія на загробный міръ. Въ то время существовали даже особые писатели, занимавшіеся исключительно сочиненіемъ эпитафій, одъ и хвалебныхъ гимновъ въ честь разнаго рода усопшихъ великихъ мужей, богачей и благотворителей. Для образца приведемъ здѣсь нѣсколько подобныхъ надписей, еще сохранившихся на нѣкоторыхъ полуразрушенныхъ памятникахъ Александро-Невскаго и Волковскаго кладбищъ. Онѣ особенно любопытны потому, что принадлежать, большею частью, къ прошлому столѣтію и почти уже сглажены годами, такъ что ихъ весьма трудно разобрать. Пройдетъ еще немного лѣтъ и надписи эти, вѣроятно, совершенно исчезнутъ вмѣстѣ съ памятниками, на которыхъ изсѣчены.

1) «Въ гробѣ семъ мужа положенъ прахъ знаменитаго древностью и преимуществомъ рода отъ царей Израильскихъ Давида и Соломона, черезъ Пагкратія, и

сперва воцарившагося въ Грузіи происходящаго, кровнымъ же родствомъ съ царемъ Карталинскимъ соединеннаго, въ 1683 году, февраля въ 3 день, въ міръ сей рожденнаго, а въ 1725 году, ради непоколебимаго содержанія вѣры во Христа, царство Грузинское природное и всея чести, славы и сласти сего міра оставившаго и съ братомъ своимъ одноутробнымъ царемъ, повелѣніемъ благовѣрнѣйшаго и самодержавнѣйшаго великаго государя императора Петра Перваго, при державѣ вѣчно-достойной памяти императрицы Екатерины Алексѣевны, въ Россію пришедшаго, въ семь же 1740 году, генваря 26 дня, за благополучнаго владѣнія всепресвѣтлѣйшей императрицы Анны Иоанновны, въ Бозѣ усопшаго, всѣхъ дѣлъ житія своего 56, 11 мѣсяцевъ, 17 дней, прожившаго благочестіемъ и Богу любовію и ближнимъ и милостію рабомъ, и всѣми христіанами, добродѣтелями достохвальнѣйшаго царевича Симеона Леоновича, тѣло почиваетъ, душа же, вмѣсто земного, на небесахъ царствія да будетъ сподоблена; всея сіе чтя здѣ, предстою къ безсмертному всѣхъ царю, рцы слово въ умилениі сердца: Покой, Господи, душу усопшаго раба твоего, о семъ молятъ тебѣ свѣтлѣйшая супруга, его чада и вся высокая фамилія».

Царевичъ Симеонъ Леоновичъ былъ роднымъ братомъ царя грузинскаго Вахтанга VI, который, послѣ несчастной для него войны съ турками, долженъ былъ бѣжать, въ 1724 году, изъ Грузіи, со всѣмъ семействомъ, и отдаться подъ покровительство русскихъ государей.

2) «Здѣсь положены грузинскіе принцы: Стефанъ, родившійся 28-го ноября 1729 года, обучался министерскимъ дѣламъ въ Голландіи при россійскомъ послѣ и тамъ скончавшійся 13-го іюля 1744 года, и принцъ Димитрій, какъ сіе изъ слѣдующихъ стиховъ узнать можно:

«Азь тысяча семь сотъ двадцать девята дѣта
 «Въ 28-е ноября жителемъ сталъ свѣта,
 «А годъ, мѣсяца, семь сотъ былъ сорокъ четвертый,
 «13-го іюля, какъ вкусилъ я смерти;
 «Въ Голландіи живота я тогда лишился,
 «Когда дѣлъ отечеству полезныхъ учился,
 «При россійскомъ министрѣ съ братомъ, что въ срединѣ
 «Здѣ же лежитъ погребень въ день и часъ единый;
 «Въ томъ только разнство, что мя мать несчастлива,
 «Въ Голландію пріѣхавъ, не застала жива,
 «А брата хотя здрава привезла съ собою,
 «Но умершаго вскорѣ погребѣ со мною.
 «И тако съ братомъ меньшимъ съ малымъ тремя годы
 «Оба здѣсь положены; кія-жъ мы породы,
 «На отеческомъ сіе гробѣ ты узнаешь
 «Когда полную тамо надпись прочитаешь».

3) «Здѣсь погребено тѣло, въ Бозѣ усопшаго, господина генераль-аудиторъ-лейтенанта Петра Кирилловича Хлѣбникова, служившаго въ штатѣ генераль-фельд-маршала графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго съ 1774 г., родившагося въ 1734 г., декабря 16-го, въ городѣ Коломнѣ, скончавшагося 1777 г., декабря 17-го дня, жившаго 43 лѣта и 1 день.

«Здѣсь Хлѣбниковъ лежитъ, достоинствъ рѣдкихъ мужъ.
 «Кой въ жизни сей любимъ отъ всѣхъ честныхъ былъ душъ;

«Хотя былъ вѣкъ его на свѣтѣ скоротеченъ,
 «Но трудъ его всегда пребудетъ славою вѣченъ.
 «И позднѣя времена тѣхъ не умалятъ хвалъ,
 «Черезъ добродѣтели которы онъ стяжалъ.
 «Они во всѣхъ вѣкахъ пребудутъ равно громки
 «И память дѣлъ его прославятъ всѣ потомки.
 «Здѣсь Хлѣбникова зря любезный музамъ прахъ,
 «Который весь свой вѣкъ препроводилъ въ трудахъ
 «Не для себя живя, но пользу ближнихъ строя;
 «Читатель помолись, да вѣчнаго покоя
 «Сподобить духъ его въ селеняхъ райскихъ Богъ!
 «Сіе творить намъ всѣмъ предписанъ свыше долгъ».

Хлѣбниковъ, человѣкъ богатый, покровительствовалъ многимъ изъ современныхъ ему литераторовъ. Онъ имѣлъ превосходную бібліотеку, въ которой, между прочимъ, находились нѣсколько сотъ древнихъ рукописей. Изъ числа изданныхъ на его счетъ книгъ, намъ извѣстны слѣдующія: а) «Древняя Степенная книга». 2 части. М. 1775. б) «Японская исторія». М. 1773. в) «Лѣтопись Малыя Россіи». Спб. 1777.

4) «Главнаго санктпетербургскаго градоначальства священно-іерей Андрей, мужъ отмѣннаго благонавія и примѣрнаго житія, родился 1719 года, мѣсяца октябрю, преставился 1777 г., апрѣля 20 дня, священствовалъ 29 лѣтъ съ особливою отъ всѣхъ согражданъ похвалою; свѣдущіе о жизни его начертали здѣсь слѣдующую достопамятность:

«Подъ камнемъ симъ лежитъ тотъ пастырь и отецъ,
 «Кой двадцать девять лѣтъ словесныхъ пасъ овецъ;
 «Пучину житія толь свято преплывалъ,
 «Что кормчимъ всякъ его себѣ имѣть желалъ».

5) «Здѣсь погребенъ почившій о Господѣ лейбъ-гвардія Измайловскаго полка іерей Алексѣй Михайловичъ, кой въ 1 день 1776 года началъ себѣ новый годъ въ вѣчности, въ чинѣ священника служилъ 32 года, а умирая безъ мала 60 лѣтъ оставилъ память добродѣтелей своихъ безсмертну.

«Прохожій! я достигъ къ пристанищу надежду,
 «Къ нему имѣя всѣ дороги неизбѣжду;
 «Старайтесь свою жизнь тако провозждать,
 «Чтобъ не страшилися въ семъ портѣ приставать».

6) «Здѣсь лежитъ, любезныя мои дѣти, мать ваша, которая оставила вамъ на память послѣднее сіе завѣщаніе: живите дружелюбно и имѣйте всегда между собою любовь; а если которая изъ васъ запомнитъ сіе приказаніе, то прійди и взгляни на скрижаль сію; при томъ помните и то, что Ириной ее звали, въ супружествѣ была за петербургскимъ купцомъ Висиліемъ Крапивинымъ 19 лѣтъ и 44 дня, отъ роду имѣла 34 года, 11 мѣсяцевъ и 16 дней, къ несказанной-жъ моей и вашей печали разлучилась съ вами, оставя миръ вамъ и благословеніе 1777 года, марта 30 дня, пополудни въ 7 часовъ. Молите за меня Бога.

7) «На мѣстѣ семъ лежитъ пожившій въ свѣтѣ вѣкъ,
 «Въ священствѣ церкви былъ онъ честенъ человѣкъ;

«Почерпъ живой воды, ученя благородна,
 «Той и другихъ поилъ, душа богоугодна!
 «Жилъ въ мѣрѣ, но въ немъ мѣръ жить мѣста не имѣлъ,
 «Врученно стадо пасъ, какъ долгъ и Богъ велѣлъ;
 «Постигла смерть, но духъ его живъ пребываетъ,
 «Предъ судію въ отвѣтъ и насъ всѣхъ ожидаетъ.
 «Кто имя хочетъ знать, Степанъ, онъ поплъ былъ здѣсь,
 «Всякъ поминай, молись, чтобъ Богъ и ты въ рай внесъ».

«Преставился въ 1768 году, мая 1 дня, отъ роду ему было 42 года; священникомъ при церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что при Невскомъ монастырѣ, былъ 12 лѣтъ.

«Бѣхъ—нѣсмь.

«Есте—не будете».

8) «На семь мѣстѣ погребено тѣло рабы Божія Елисаветы Ѳедоровой, супруги главной дворцовой канцеляріи секретаря Ѳедора Григорьева сына Вахтина, сего 1773 г., іюля 18 дня, а преставилась сего-жъ іюля 15 дня; всего житія ея было 39 лѣтъ.

«Посѣтитель мой любезный!

«Пріими отъ гроба моего гласъ слезный,

«И моли за мя къ милостиву Богу,

«Да обрящу въ день судный милость его многу».

9) «Камень сей покрываетъ гробъ Василя Петровича Епифанова, родившагося 24-го декабря 1765 года, а скончавшагося 1-го сентября 1776 года, жившаго 10 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 11 дней, обучавшагося въ Сухопутномъ Шляхетскомъ корпусѣ свободнымъ наукамъ, въ нихъ являя успѣхи, превышающіе лѣта его, сердца родителей напоялъ надежною радостью; но смерть въ цвѣтущей юности отъ среды живыхъ его исхитивъ, веселящимся о успѣхѣ его сердцамъ внѣдрила чувства горестнаго воспоминанія о произношеніи сея молитвы къ Богу:

«Да отрока сего всея Онъ внутрь небесъ,

«Отретъ люющіася о немъ потоки слезъ;

«Евангельское въ томъ насъ увѣряетъ слово,

«Что дѣтямъ царствіе небесное готово.

10)

«Здѣсь въ чаянїи небесныхъ благъ

«Покоится смиренный прахъ

«Усерднаго раба Христова

«Матвѣя Кузмича Каткова,

«Родившагося въ жизнь земную

«Ноемврія 10-го 1795 года

«Преставившагося въ жизнь иную

«Іюля 1-го 1848 года».

11) «Здѣсь погребена Александра Ѳедотовна Ржевская, рожденная дѣвица Каменская, родилась въ 1740 году, августа 10-го дня, бракомъ сочеталась съ Алексѣемъ Андреевичемъ Ржевскимъ въ 1766 году, марта 19-го дня; по прошествіи трехъ лѣтъ произвела первымъ плодомъ супружества сына, именемъ Ивана, и по разрѣшеніи отъ бремени въ восьмой на десять день горячкою скончалась въ 1769 г., апрѣля 27-го дня, около 12-го часа пополудни, на 27 году вѣка своего, оставя по себѣ сего новорожденнаго младенца, который, будучи невступно четырехъ мѣсяцевъ, скончался и въ семь же мѣстѣ погребенъ».

«Здѣсь Ржевская лежитъ, пролейте слезы, Музы:
 «Она любила васъ, любезна вамъ была,
 «Для васъ и для друзей на свѣтѣ семь жила,
 «А нынѣ смерть ее въ свои пріяла узы;
 «Среди цвѣтущихъ лѣтъ, въ благополучный вѣкъ,
 «Рокъ жизнь ея пресѣкъ,
 «Увянуль острый умъ, увяла добродѣтель,
 «Погибло мужество и бодрый духъ ея.
 «Могущій Всесодѣтель!
 «Она ли участи достойна есть сея,
 «Чтобъ вѣкъ ея молодой пресѣкло смерти жало;
 «Не долгій ли ей вѣкъ здѣсь жити надлежало?
 «Въ достоинствахъ она толико процвѣла,
 «Что полу женскому здѣсь честию была.
 «Ни острый умъ ея, наукой просвѣщенный,
 «Ни даръ художествамъ и музамъ посвященный,
 «Ни нравъ, кой столь ее пріятно украшалъ,
 «Который и друзей и мужа утѣшалъ,
 «Ни сердце нѣжное ее не защитило,
 «И смерти лютыя отъ ней не отвратило;
 «Великая душа, мужаясь до конца,
 «Достойна сдѣлалась лавроваго вѣнца.
 «Скончався, Ржевская оставила супруга;
 «Супругъ, къ ней потерявъ любовницу и друга,
 «Отчаясь, слезы льетъ и будетъ плакать вѣкъ:
 «Но что-жъ ей пользы въ томъ? Вотъ что есть человѣкъ!»

Ржевская была родной сестрой фельдмаршала графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго и отличалась своимъ умомъ, образованіемъ и любовью къ наукамъ и художествамъ. Изъ ея сочиненій, въ свое время, имѣли большой успѣхъ, такъ называемыя, «Кабардинскія письма».

12) «На семь мѣстѣ погребена Агафья Ивановна дочь, де-Ласкари жена, урожденная Карабузина. Монуменгъ, который моя нѣжность воздвигнула ея достоинству, источнику и свидѣтелю наигорчайшей моей печали, приводи на память потомкамъ нашимъ причину моихъ слезъ, пускай оплакивають купно со мной обитающую здѣсь добродѣтельными изящныхъ дней достойную гречанку, пріятную разными живо въ ней являющимися качествами, скромную, благотворительную и нѣжную жену безъ слабости къ престелямъ, къ талантамъ, вмѣщающую въ себѣ и премудрость. О, судьба! вотъ сколько причинъ долженствовали тебя умолиловать! Родилась въ 1753 году, февраля 4-го числа, преставилась въ 1772 году, августа 16-го числа».

13) «Въ семь мѣстѣ погребена и вторая его, подполковника же Ласкари, жена, Агафія Ивановна, дочь Городецкая».

14) «На семь мѣстѣ погребена Елена, де-Ласкари третья жена, урожденная Христоскулеева. Несчастный мужъ, я кладу въ сію могилу печальные останки любезной жены; ею лишился благополучія своего, пріятельницы и всего того, что бремя жизни облегчаетъ. Прохожій! ты, который причину слезъ моихъ зришь, возстони о печальной моей судьбѣ и знай, что добродѣтель, таланты, престои и самая

даже юность, вотще смерти противоборствуютъ. Родилась въ 1750 г., мая 27-го числа, преставилась въ 1773 году, апрѣля 29-го числа».

Мартинъ Карбури, произвольно принявшій фамилію де-Ласкари, былъ родомъ грекъ, съ острова Кефалоніи. Замышленный въ какое-то уголовное дѣло, онъ бѣжалъ изъ отечества въ Россію, гдѣ, подъ именемъ де-Ласкари, поступилъ учителемъ въ пансіонъ француза Карбоне. Найдя случай познакомиться съ главнымъ попечителемъ воспитательныхъ домовъ и шефомъ кадетскаго корпуса, И. И. Бецкимъ, Карбури съумѣлъ вкратиться къ нему въ расположеніе и получилъ черезъ его посредство мѣсто полицій-мейстера въ корпусѣ и чинъ подполковника. Отличаясь необыкновенной ловкостью въ интригахъ, Карбури скоро приобрѣлъ такое вліяніе на Бецкаго, что, не смотря на извѣстную всѣмъ распущенность своихъ нравовъ и взяточничество, исправлялъ, съ 1770 по 1773 годъ, должность директора корпуса и не былъ утвержденъ въ ней только благодаря единодушному противодѣйствію корпусныхъ офицеровъ, отказавшихся подчиняться человѣку, котораго они презирали. Онъ присвоилъ себѣ, придуманный простымъ кузнецомъ, проскитъ легчайшаго способа перевозки въ Петербургъ съ Лахты громаднаго гранитнаго камня для подножія къ статуѣ Петра Великаго и получилъ за это, назначенную императрицей Екатериной II, премію въ 7,000 рублей. По словамъ одного современника, всѣ три жены, въ короткое время похороненныя Карбури и столь слезно оплаканныя имъ въ эпитафіяхъ, были имъ отравлены, съ дѣлюю воспользоваться ихъ приданымъ. Награбивъ себѣ въ Россіи состояніе, онъ въ 1781 году уѣхалъ въ Грецію, купилъ здѣсь большое имѣніе, но черезъ годъ былъ убитъ рабочими, которыхъ вывелъ изъ терпѣнія своимъ жестокимъ обращеніемъ.

15) На Волковскомъ кладбищѣ есть, между прочимъ, два совершенно разрушенныхъ памятника, отъ которыхъ уцѣлѣли лишь плиты съ слѣдующими курьезными эпитафіями. На одной:

- «Двубрачной бывъ, была душой обоихъ.
- «Одинъ оплаканъ ей, другой рыдалъ по ней,
- «И вмѣстѣ съ дочерью, виной ея кончины,
- «Здѣсь сердца своего скрылъ обѣ половины».

На другой можно разобрать только три первыя строки:

- «О ты, жестокая холера,
- «Какого ты сразила кавалера
- «Измайловскаго унтеръ-офицера...

Мы могли бы привести много эпитафій подобнаго рода, но, кажется, и этихъ достаточно для того, чтобы имѣть понятіе о характерѣ

кладбищенской литературы. Остается развѣ упомянуть еще о такихъ надгробныхъ надписяхъ, которыя были, такъ сказать, ходячими и, за неимѣніемъ оригинальныхъ, повторялись на разныхъ памятникахъ. Напримѣръ:

- «Прохожій! ты идешь, но ляжешь такъ, какъ я;
- «Присядь и отдохни на камнѣ у меня,
- «Сорви былиночку и вспомни о судьбѣ;
- «Я—дома, ты—въ гостяхъ; подумай о себѣ».

Или:

- «Мой ангелъ спитъ въ сырой землѣ,
- «Жестоку грусть оставилъ мнѣ:
- «Куда идти—тоску разбить?
- «Спѣшу къ могилѣ слезы лить».

Кладбищенская литература отошла теперь въ область преданій: старыя могилы разрушаются и постепенно исчезаютъ вмѣстѣ съ витѣватыми эпитафіями, когда-то ихъ украшавшими. Ихъ замѣнили цвѣты и вѣнки, заимствованные нами у иностранцевъ, и только изрѣдка можно увидѣть на какомъ нибудь современномъ памятникѣ краткое изреченіе изъ священнаго писанія или молитвы.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Абрамовъ, Н., авторъ «Описанія Березовскаго края», 129, 134, 135, 148.
Абрамовъ, Степанъ Михайловичъ, премьеръ-майоръ, 342—347.
Августъ II, польскій король, 90, 173.
Августъ III, польскій король, 226.
Азарьева, танцовщица, 352.
Аноста, Янъ, португальскій еврей, придворный шутъ Анны Ивановны, 115, 116.
Александръ I, императоръ, 236, 246, 253, 262, 307, 310, 312—315, 350, 352.
Алексіано, контръ-адмиралъ, 293, 294.
Алексева, прислужница императрицы Екатерины II, 268.
Алексій Михайловичъ, царь, 1, 3, 9.
Алексій Михайловичъ, священникъ л.-гв. Измайловскаго полка, 372.
Алексій Петровичъ, царевичъ, сынъ Петра Великаго, 93—95.
Амвросій, архіепископъ херсонскій, духовникъ князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, 278.
Ангальтскіе принцы, 291.
Андреевская, сержантская жена, 127.
Андреевъ, березовскій городничій, 133—135.
Андрей, священно-исеръ главнаго Санкт-петербургскаго градоначальства, 372.
Анна Ивановна, императрица, 50, 89—92, 99, 102—105, 108, 109, 113—123, 126, 128, 132, 136, 137, 140, 149—151, 155, 181, 221, 371.
Анна Петровна, цесаревна, дочь Петра Великаго, 56, 93, 96, 97.

Анна Леопольдовна, правительница Росіи, 126, 152, 155, 184—189.

Анна, принцесса, наследница англійскаго престола, 20.

Анна Васильевна, полковница, 111.

Антуфьевъ, бывшая фамилія землевладельца и заводчика Н. Д. Демидова, 205.

Апостоль, Даниилъ, малороссійскій гетманъ, 226.

Апраксинъ, Степанъ Ѳеодоровичъ, фельд-маршалъ, 56.

Апраксины, графы:

— Алексій Петровичъ, придворный шутъ, 115, 122.

— Петръ Ѳеодоровичъ, женившійся на графинѣ Елисаветѣ Кирилловнѣ Разумовской, 246.

— Софья Осиповна, племянница графа К. Г. Разумовскаго, 241.

— Ѳеодоръ Матвѣевичъ, адмиралъ, 20, 34, 36, 58—60, 67, 122.

Арайя (Арайа), итальянскій оперный композиторъ-капельмейстеръ въ Петербургѣ, 106, 117.

Аракчеевы:

— Алексій Андреевичъ, генералъ-майоръ, петербургскій комендантъ, 343, 346, 347.

— Андрей Андреевичъ, отставной поручикъ, 343.

— Елизавета Андреевна, 343.

Араповъ, П. Н., авторъ «Лѣтописи русскаго театра», 330, 348.

Арескинъ, лейбъ-медикъ Петра Великаго, 15.

Арсеньевъ, К. И., авторъ сочиненія «Царствование императрицы Екатерины I», 77.

Арсеньевъ, Василий, родственникъ кн. А. Д. Меншикова, 132.

Арсонъ, д., французскій инженеръ. 290.

Аванасій, первый архіепископъ холмогорскій, 183.

Б.

Баба Материна, приживалка императрицы Анны Ивановны, 110.

Бажановъ, Матвѣй, мѣщанинъ г. Березова, 132, 133.

Баланиревъ, Иванъ Емельяновичъ, придворный шутъ, 107, 115, 116.

Балле, генераль-майоръ, 298.

Бантышъ-Наменскій, Д. Н., тобольскій губернаторъ, авторъ «Словаря достопамятныхъ людей Руской земли», 78, 129, 132, 134, 135, 205, 221, 251, 255.

Бартепьевъ, П. И., издатель «Русскаго Архива», 130, 221.

Барятинскій, И. Ф., князь, генераль-аншефъ, 151.

Бассано, герцогъ, французскій министръ иностранныхъ сношеній арміи, 355.

Басевичъ, министръ Голштинскаго герцога, 95.

Батюшковъ, помѣщикъ Устюжскаго уѣзда, 333.

Бауеръ, адъютантъ князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, 280.

Безбородко, Александръ Андреевичъ, графъ, дѣйств. тайный совѣтникъ, 227, 261, 263—267.

Беклешовъ, полковникъ Кавалергардскаго полка, 351.

Бемъ, оберъ-егерь императрицы Анны Ивановны, 109.

Бемъ, премьеръ-майоръ, главный начальникъ Камчатки, 317, 318, 321, 323.

Бенбоу, Джонъ, англійскій адмиралъ, 17, 22, 25, 29, 30.

Берингъ, капитанъ-командоръ, начальникъ морской экспедиціи къ берегамъ Камчатки, 99, 100, 316.

Бернетъ, Джилъбергъ, епископъ салисбургійскій, богословъ, 20, 21.

Берни, аббатъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, 359.

Бертонъ, камергеръ англійскаго короля, 19.

Берхгольцъ, авторъ брошюры «Naroleon I auteur du testament de Pierre le Grand», 355, 363.

Берхгольцъ, голштинскій камеръ-юнкеръ, авторъ «Дневника», 11, 14, 31, 39, 46—48, 66, 77, 86.

Бестужевъ, Алексѣй Петровичъ, графъ, канцлеръ, 160, 161.

Бестужевъ, Петръ Михайловичъ, гофмейстеръ (оберъ-гофмаршалъ) герцогини курляндской Анны Ивановны, 91, 103, 119, 149, 150.

Бецкій, Иванъ Ивановичъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ, главный попечитель воспитательныхъ домовъ и шефъ кадетскаго корпуса, 217—219, 375.

Бибиновъ, Александръ Ильичъ, глава масонской ложи, 260.

Биларскій, авторъ «Материаловъ для біографіи Ломоносова», 221.

Бироны:

— Гедвига-Елисавета, дочь Эрнста-Іоанна Бирона, 151, 152, 154—160, 166, 168.

— Густавъ, братъ Эрнста-Іоанна Бирона, генераль-аншефъ, 132, 150.

— Карлъ, братъ Эрнста-Іоанна Бирона, 150.

— Карлъ, отецъ Эрнста-Іоанна Бирона, польскій король, 150.

— Карлъ, сынъ Эрнста-Іоанна Бирона, 151, 152.

— Петръ, сынъ Эрнста-Іоанна Бирона, 151, 152, 169, 170.

— Эрнстъ-Іоаннъ, герцогъ курляндскій, фаворитъ императрицы Анны Ивановны, 99, 107, 109, 117, 140, 149—161, 164, 169, 174, 177, 197.

Блументростъ, лейбъ-медикъ Петра Великаго, 16.

Бобрищева-Пушкина, жена ярославскаго воеводы, 158, 159, 161, 162.

Бобровскій, березовскій воевода, 139, 141.

Богдановичъ, авторъ сочиненія «Походы Румянцова, Потемкина и Суворова въ Турціи», 286.

Болотниковъ, гвардіи капитанъ, 298.

Бомарше (Beaumarchais), авторъ «Двѣнадцати писемъ», изданныхъ г. Гальярде, 364.

Бонне, генераль-лейтенантъ, 60.

Борсте, голландскій купецъ, 14.

Бостидонова, Екатерина Яковлевна, первая жена Державина, 259.

Браницкая, рожденная Энгельгардтъ, графиня, племянница князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, 264, 280, 284.

Браницкіе, графы, 284.

Брауншвейгскіе принцы и принцессы:

— Антонъ-Ульрихъ, отецъ императора Ивана Антоновича, 152, 188.

— Петръ Антоновичъ, 187.

— Алексѣй Антоновичъ, 187.

— Екатерина Антоновна, 187.

— Елисавета Антоновна, 188, 189.

— Бриннеръ, А. Г., авторъ статьи «Война Россіи съ Швеціей въ 1788—1789 годахъ», 286.

Броли, герцогъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, 364.

Брюль, саксонскій министръ, 174.

Брюсы:

— Александръ Романовичъ, графъ, генераль-аншефъ, 144.

— рожденная княжна Долгорукова, Екатерина Алексѣевна, графиня, 144.

— русскій уполномоченный при заключеніи мира со Швеціей, 32.

Бугенвиль, мореплаватель, 287.

Будбергъ, Готардъ, лифляндскій ландратъ, 1.

Будянский, ткачъ, женившійся на Агаѣ Разумовской, 222.

Буженинова, фамилія, данная приживалкѣ императрицы Анны Ивановны, калмычкѣ Авдотѣ Ивановнѣ, 123, 125, 126.

Бунсгевденъ, бригадиръ, 298.

Бунень, нѣмецъ, слуга маіора Синклера, 174, 176, 177.

Бутарикъ, издавшій «Correspondance secrète, inédite de Louis XV», 366.

Бутурлинъ, И. И., бояринъ, «князь-папа», 67, 95—98, 115.

Бюлеръ, Ф. А., баронъ, авторъ статьи «Два эпизода изъ царствованія Екатерины II», 149, 160, 161.

Буловъ, баронъ, 60.

Бушингъ (Büsching), издавшій «Magazin für die neue Historie» etc., 172.

Бѣгичевъ, другъ А. С. Грибоѣдова, 350.

В.

Вансель (Waxel), англичанинъ, 23.

Валахскій князь, 60, 70.

Варлендъ, нѣмка, смотрительница при дворцовыхъ попугаяхъ, 108.

Васильевъ, Алексѣй, десятскій, 335, 339.

Васильевъ, графъ, 253.

Васильевъ, Козьма, приказчикъ помѣщика Сысоева, 337.

Васильчиковъ, женившійся на графинѣ Аннѣ Кирилловнѣ Разумовской, 246.

Вахтангъ VI, грузинскій царь, 371.

Вахтина, Елизавета Фёдоровна, жена секретаря главной дворцовой канцеляріи, 373.

Вахтинъ, Фёдоръ Григорьевичъ, секретарь главной дворцовой канцеляріи, 373.

Вахтлеръ, лекарь, ссыльный, 156, 157.

Веберъ, геодезистъ, англичанинъ, 317.

Вейде, Адамъ, генераль, составитель воинскаго устава, 18, 56.

Вестфаленъ, датскій посланникъ въ Петербургъ, 94.

Вигель, авторъ «Воспоминаній», 348.

Викентьевъ, капитанъ-поручикъ л.-гв. Измайловскаго полка, 156, 157.

Виллемъ (Villemain), авторъ сочиненія «Souvenirs contemporains», 363.

Вильгельмъ III, англійскій король, 18, 20, 22—24.

Вильсонъ, Робертъ, сэръ, англійскій генераль, 355.

Висковатый, авторъ сочиненія «Взглядъ на военныя дѣйствія россянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ съ 1787 по 1791 годъ», 286.

Владиславова, гофмейстерина великой княгини Екатерины Алексѣевны, 167, 168.

Войновъ, кievскій губернаторъ, 234.

Возницына, Марья Михайловна, 111.

Волкова, Анна Фёдоровна, полковница, 111.

Волновичъ, генеральный есаулъ, 227.

Волковъ, Якимъ, любимый карликъ Петра Великаго, 62, 64, 65.

Волконскіе, князья:

— Михаилъ Никитичъ, 257.

— Никита Фёдоровичъ, камергеръ, придворный шутъ, 115, 119, 120, 122.

— рожденная Бестужева-Рюмина, Аграфена Петровна, 119, 120.

Вольнскій, А. П., кабинетъ-министръ, 123, 125.

Воолгюйзъ, парижскій окулистъ, 15.

Воробьева, Пелагея Петровна, горничная дѣвушка, 198, 200, 202.

Воронцова, графиня, см. Дашкова, Е. Р., княгиня.

Воронцовъ-Дашковъ, Иванъ Илларионовичъ, графъ, 308.

Воронцовы:

— Мих. Ил., графъ, вице-канцлеръ, 160, 366.

— Семень Мих., князь, издатель «Архива», 149.

Вырбовъ, членъ опекунскаго совѣта Моск. Воспит. Дома, 219.

Вяземскіе, князья:

— Александръ Алексѣевичъ, генераль-прокуроръ, 251, 253, 257, 321, 322.

— приживалка императрицы Анны Ивановны, 110.

Вязмитиновъ, петербургскій генераль-губернаторъ, 351.

Г.

Габриелли, Катерина, пѣвица, 324—330.

Габриелли, князь, 324, 325.

Гавриленно, казацкій атаманъ, 280.

Гагаринъ, князь, членъ опекунскаго совѣта Московскаго Воспитательнаго Дома, 219.

Гаджа-Магометъ, бухарскій эмиръ, 59.

Галуппи, композиторъ, 325.

Гальярде, Фридрихъ (Frederic Gaillardet), авторъ «Несльской башни» и издатель «Mémoires'овъ» д'Еона, 358, 362, 364, 365, 368.

Гассанъ, турецкій капуданъ-паша, 293—296.

Гваданъ, пѣвецъ, 325.

Гвоздевъ, Осипъ, князь, шутъ Ивана Грознаго, 115.

Гвнъ, учитель въ морской академіи при Петрѣ Великомъ, 194.

Гедвига-Элеонора, шведская королева, 6.

Геклау, камеръ-юнкеръ, 61.

Герриновъ, графъ, генераль-аншефъ, 226, 227.

Георги, авторъ «Описанія Петербурга», 308.

Герье, В. И., проф., авторъ статьи «О сословіяхъ въ Швеціи», 172.

Гессенъ-Дармштадтскій принцъ, 154.

Гилленборгъ, шведскій графъ, 173, 180.

Голковъ, издатель «Дѣяній Петра Великаго», 31, 77, 88.

Голицыны, князья:

— Алексѣй Васильевичъ, пермскій наместникъ, 122, 123, 196.

— Алексѣй, сынъ придворнаго шута князя Мих. Алексѣевича Голицына и его жены калмычки Авдотьи Ивановны Бужениной, 122, 128.

— Александръ Михайл., главнокомандующій въ первой турецкой войнѣ, 238, 276.

— Андрей, сынъ придворнаго шута князя Мих. Алексѣевича Голицына и его жены калмычки Авдотьи Ивановны Бужениной, 128.

— Александръ Ник., министръ народнаго просвѣщенія, 351—353.

— Василій Алексѣевичъ, 196.

— Василій Васильевичъ, бояринъ и любимецъ царевны Софьи, 122, 196.

— Дмитрій Мих., сенаторъ, 34, 96.

— Иванъ, сынъ придворнаго шута князя М. А. Голицына и его жены итальянки, 127.

— генераль-поручикъ, 280.

— членъ опекунскаго совѣта Московскаго Воспитательнаго Дома, 219.

— Михайлъ Алексѣевичъ, придворный шутъ, прозванный «Квасникомъ», 115, 120, 122, 123, 125—128.

— Михайлъ Васильевичъ, 196.

— Михайлъ Михайловичъ, 196.

— Сергѣй Борисовичъ, 195.

— Авдотья Ивановна, 195.

— Елена Михайловна, вышедшая замужъ за гр. А. П. Апраксина, 122.

— итальянка, жена придворнаго шута князя Мих. Алексѣевича Голицына, 127, 128.

— Марѳа Дмитриевна, 196.

— Н. П., статсъ-дама, «князь-игуменя», 115.

— рожденная княжна Вяземская, при живомъ супругѣ вышедшая замужъ за графа Льва Кирилловича Разумовскаго, 246.

— рожденная Хвостова, Марѳа Максимова, 122.

Головины:

— Василій Васильевичъ, помѣщикъ, камеръ-юнкеръ, 191—193, 195—203.

— Василій Петровичъ, ближній стольникъ, 191, 192, 195.

— Василій, сынъ Вас. Вас. Головина, надворный совѣтникъ, 199, 203, 204.

— Иванъ Михайловичъ, любимецъ Петра Великаго, 59, 195.

— Матвѣй Алексѣевичъ, 195.

— Николай Ѳеодоровичъ, 196.

— Петръ Ивановичъ, 195.

— Ѳеодоръ Ивановичъ, 195.

— Алена Борисовна, вдова, 196.

— Алена Ивановна, 195.

— Варвара Петровна, 195.

— рожденная княжна Мещерская, Евдокія Васильевна, жена ближняго стольника В. П. Головина, любимица царевны Софьи, 191.

Головины:

— графъ, канцлеръ, 34, 35, 96.

— Е. И., графиня, 39.

Голубцовъ, 253.

Голштинскій герцогъ, 36, 38, 49, 55, 56, 70, 93—96.

Гора, капитанъ, англичанинъ, 317, 323.

Горнъ, шведскій графъ, 172, 173.

Городецкая, см. де-Ласкари, Агаѳья Ивановна.

Гофманъ, полковникъ, начальн. Уральской экспедиціи въ 1848 г., 148.

Грибовскій, Адрианъ Моисеевичъ, полковникъ, статсъ-секретарь императрицы Екатерины II, авторъ «Записокъ», 247—249, 262—270.

Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ, писатель, 349—352.

Григорьевъ, Лука, крестьянинъ, 336.

Гродская, Шарлотта, разведенная жена литовскаго маршала князя Сангушко, 288.

Гротъ, Я. К., академикъ, 312.

Губаревъ, К., авторъ статьи «Отъ Тобольска до Березова», 129.

Губерти, см. Полубояринова.

Гудовичъ, взявшій крѣпость Анапу, 277.

Гудовичъ, графъ, женившійся на графинѣ Аполлинаріи Кирилловнѣ Разумовской, 246.

Гудовичъ, М. В., 242.

Гурьевы, братья, 233.

Гусева, Степанида, помѣщица Весегонскаго уѣзда, 335, 337, 339.

Густавъ I, шведскій король, 172.

Густавъ III, шведскій король, 299, 300, 303.

Д.

Давія, итальянская пѣвица, фаворитка графа А. А. Безбородки, 266.

Дараганъ, казакъ, женившійся на Вѣрѣ Разумовской, 222.

Даревскій, полковникъ, русскій эмиссаръ въ Польшу, 174, 176.

Дашнова, рожденная графиня Воронцова, Екатерина Романовна, княгиня, статсъ-дама, директоръ академіи наукъ, 221, 231, 232, 258, 259, 306—308.

Дашновъ, П. Я., собиратель русскихъ гравюръ, 275, 307.

Делиль, академикъ, путешествовавшій въ г. Березовъ, 129.

Демидовы:

— Акакій, сынъ П. А. Демидова, 220.

— Акинфій Никитичъ, 205, 207.

— Аммосъ, сынъ П. А. Демидова, 220.

— Левъ, сынъ П. А. Демидова, 220.

— Никита Демидовичъ, крестьянинъ, потомъ землевладѣлецъ и заводчикъ, 205—207.

— Прокопій Акинфьевичъ, богачъ, статскій совѣтникъ, 207—220.

— Настасья, дочь П. А. Демидова, вышедшая замужъ за Марка Ивановича Хозикова, 220.

Державинъ, Гавріилъ Романовичъ, 114, 258, 259, 262, 263, 312, 313.

Джунновскій, С., авторъ поэмы «Александра, увеселительный садъ великаго князя Александра Павловича», 312, 313, 315.

Дивьеръ, Антонъ Мануиловичъ, графъ, первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ, 60, 78—83, 85—89, 91—93, 95—97; ссыльный, 98—101.

Димитрій, грузинскій принцъ, 371.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. М., графъ, фаворитъ императрицы Екатерины II, 250, 253, 258.

Дмитріевъ, Яковъ, дьячекъ, 198.

Долгая, Дарья, приживалка императрицы Анны Ивановны, 110.

Долгоруіе, князя:

— Александръ Алексѣевичъ, 137, 141 142.

— Алексѣй Алексѣевичъ, 137, 142.

— Алексѣй Григорьевичъ, оберъ-гофмейстеръ и членъ верховнаго тайнаго совѣта, 136—138.

— Василій Лукичъ, 136, 142.

— Григорій Фед., сенаторъ, 34.

— Дмитрій Иван., 139.

— Иванъ Алексѣевичъ, оберъ-камергеръ, 95, 98, 136—142.

— Иванъ Григорьевичъ, 142.

— Михаилъ Юрьевичъ, 8.

— Николай Алексѣевичъ, 136, 139, 141, 142.

— Петръ Владим., авторъ «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ», 78, 129, 221.

— русскій посоль въ Франціи, 38.

— Сергѣй Григорьевичъ, 142.

— Юрій Алексѣевичъ, 8.

— Юрій Юрьевичъ, 144.

— Федоръ, 136.

— Анна Алексѣевна, 137, 142, 144.

— Екатерина Алексѣевна, «разрушенная» невѣста императора Петра II, 137, 139, 140, 142—144.

— Елена Алексѣевна, 137, 142, 144, 146.

— Марья Александровна, жена князя Федора Долгорукова, рожденная княжна Меншикова, 136.

— Наталья Борисовна, рожденная графиня Шереметева, 136, 138, 139, 141—143, 145.

— Прасковья Юрьевна, жена сосланнаго въ г. Березовъ кн. А. Г. Долгорукова, рожденная княжна Хилкова, 136, 138.

Дорія, 295.

Досадинъ, помѣщикъ Устюжскаго уѣзда, 333.

Драшусовъ, авторъ «Матеріаловъ для исторіи Имп. Московск. Воспитательнаго Дома», 205.

Дугласъ, кавалеръ, французскій резидентъ въ Россіи, 365, 366.

Дурново, капитанъ-поручикъ л.-гв. Измайловскаго полка, 156, 157.

Е.

Евгенія, см. Шереметева, Елена Сергѣевна.

Евдонія Федоровна, царица, 95, 366.

Евелинь, Джонъ, домовладѣлецъ въ Дентфордѣ (въ Англіи), 21, 22, 25, 29, 30.

Екатерина II, императрица, 52, 76, 142, 149, 167—170, 186, 188, 215, 217, 229, 231—235, 238, 240, 247—252, 254—256,

258—261, 263, 264, 267—270, 272, 274—276, 282, 286, 292, 299, 302—304, 308—310, 313, 315, 329, 342, 343, 346, 375.

Екатерина I, императрица, 36, 47, 77, 88—91, 93—96, 104, 116, 119, 122, 196, 197, 371.

Екатерина, дѣвка турчанка, прислуга Бироновъ, 156.

Елагинъ, Иванъ Перфильевичъ, директоръ театровъ, 257, 329, 330.

Елисавета Петровна, императрица, 50, 56, 93, 94, 96, 97, 99, 101, 140, 142, 144, 146, 157—159, 167, 219, 221—223, 231, 253, 254, 258, 342, 358, 362, 365.

Елманова, 259.

Еонъ, д', кавалеръ или кавалерша (le chevalier ou la chevalière d'Eon), авторъ «Mémoires'овъ» и другихъ сочиненій, французскій тайный дипломатическій агентъ въ Петербургѣ, 358, 359, 361, 362, 364—368.

Епифановъ, Василий Петровичъ, ученикъ сухопутнаго шляхетскаго корпуса, 373.

Еремеева, Глафира Петровна, бѣдная дворянка, вышедшая замужъ за премьер-маюра С. М. Абрамова, 343.

Ермолинъ, Александръ, подпоручикъ л.-гв. Измайловскаго полка, 146, 147.

Есиповъ, Г. В., авторъ статьи «Ссылка князя Меншикова», 130.

Ж.

Жадовскій, якутскій вовода, 100.

Жегулинъ, витебскій губернаторъ, 271.

Жеребцова, Настасья Никитишна, помѣщица Весеьгонскаго уѣзда, 336.

З.

Завадовскіе, графы:

— Александръ Петровичъ, камеръ-юнкеръ, 348—352.

— Петръ Васильевичъ, министръ народнаго просвѣщенія, 351.

Завалишинъ, Д. И., авторъ «Описанія Западной Сибири», 129.

Загряжская, Авдотья Ивановна, вдова, 110—112.

Загряжскій, Н. А., женившійся на графинѣ Натальѣ Кирилловнѣ Разумовской, 246.

Закревская, Марина Осиповна, племянница графа К. Гр. Разумовскаго, вышедшая замужъ за камергера Льва Александровича Нарышкина, 229.

Закревскій, закройщикъ, женившійся на Аннѣ Разумовской, 222.

Затѣревы, двѣ сестры, пожилыя дѣвицы, прислуживавшія императрицѣ Екатеринѣ II, 268.

Зигены, католическая линія графовъ Лауенбургскихъ, 287.

Зиновьева, Екатерина Николаевна, вышедшая замужъ за графа Г. Г. Орлова, 239.

Змаевичъ, вице-адмиралъ, 127.

Зотовъ, Захаръ, камердинеръ Екатерины II, 250, 252, 269.

Зотовъ, Н. М., думный дьякъ, «князь-папа», 115.

Зубовъ, Платонъ Александровичъ, фаворитъ императрицы Екатерины II, графъ, 250, 263, 264, 267—270; князь, 274.

И.

Ивановъ, Изотъ, крестьянинъ, 336.

Ивановъ, художникъ, 284, 285.

Иванъ Алексѣевичъ, царь, 119.

Иванъ Антоновичъ, императоръ, 126, 155, 188.

Иванъ Грозный, царь, 115.

Измайловъ, штурманскій ученикъ, 317.

Измалова, помѣщица Весеьгонскаго уѣзда, 334.

Истомина, Авдотья Ильинишна, танцовщица, 348, 349, 351—353.

І.

Іаковъ, іеромонахъ, 280.

Іовъ (Потемкинъ), екатеринославскій архіепископъ, 282.

Іона, митрополитъ русскій, 278.

Іонъ, докторъ, 350.

Іосифъ II, австрійскій императоръ, 217.

К.

Каверинъ, гусарь, 350.

Казанова, художникъ, 284, 285.

Казанскій, П., авторъ сочиненія «Село Новоспасское, Деденево тожь», 191.

Каменская, см. Ржевская, А. Ѳ.

Каменскій, Михаилъ Ѳедотовичъ, графъ, фельдмаршалъ, 374.

Кантемиръ, Д., князь, сенаторъ, 34.

Кантемиръ, Антиохъ Дм., князь, русскій посолъ въ Парижѣ, 108.

Каппингъ, австрійскій министръ, 290.

Карбузина, см. де-Ласкари, Агаеья Ивановна.

Карбоне, французъ, содержатель учебнаго пансіона въ Петербургѣ, 375.

Карбури, Мартинъ, произвольно принявшій фамилію де-Ласкари, грекъ, подполковникъ, полицеймейстеръ кадетскаго корпуса, 375.

- Каринскій, родственникъ графа П. А. Зубова, 264.
- Карль Виртембергскій, принцъ, братъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны, 278.
- Карль XII, шведскій король, 89, 172, 173, 177.
- Карль XI, шведскій король, 1, 6, 8.
- Карль III, король испанскій, 290.
- Карль IV, король испанскій, 297.
- Карль VI, австрійскій императоръ, 38.
- Кармартенъ, англійскій маркизь, 19, 20, 23, 24.
- Карновичъ, Е. П., писатель, 39, 358.
- Карталинскій царь, 371.
- Карте, лондонскій часовщикъ, 21.
- Настя, французскій посолъ въ Швецію, 173.
- Катковъ, Матвѣй Кузьмичъ, 373.
- Кашперевъ, боярскій сынъ, 140.
- Квасникъ, прозвище придворнаго шута, князя Михаила Алексѣевича Голицына, 126.
- Кейзерлингъ, русскій посланникъ въ Дрезденъ, 180.
- Кетлеръ, Готардъ, гротмейстеръ ливонскихъ рыцарей, 89, 90.
- Кингъ, лейтенантъ, 316, 317.
- Киришъ, придворный мстръ-д'отель императрицы Анны Ивановны, 152.
- Кислицинъ, прозвище князя Алексѣя Васильевича Голицына, 123.
- Кларкъ, Уильямъ Дикинсонъ, офѣциантъ въ Дептфордѣ, 26.
- Клеркъ, Карль, капитанъ, начальникъ англійской морской экспедиціи, 316—318, 320—323.
- Клична, пркутскій губернаторъ, 321, 322.
- Кнеллеръ, Готфридъ, англійскій живописецъ, 24, 25.
- Кноррингъ, полковникъ, командиръ Таврическаго гренадерскаго полка, 280.
- Кобено, Д. Ѳ., 312.
- Кобенцель, австрійскій посланникъ въ С.-Петербургъ, 269.
- Ковалевъ, иконописецъ тобольскаго архіерейскаго дома, 140.
- Ковалевъ, полицеймейстеръ, 351.
- Козачинскій, Михаилъ, іеромонахъ, профессоръ Кіевской духовной академіи, 245.
- Козловъ, академикъ, 218.
- Козловъ, парикмахеръ императрицы Екатерины II, 268.
- Козодавлевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, 351.
- Козьминъ, каптенармусъ, 138.
- Конша, Екатерина, приживалка императрицы Анны Ивановны, 110.
- Кольшина, Парасковья Дмитріевна, 111.
- Кольцова-Масальская, рожденная Хитрово, Евдокія Венедиктовна, княгиня, вдова, вышедшая замужъ за помѣщика В. В. Головина, 195.
- Константинъ Николаевичъ, великій князь, 310, 312.
- Константинъ Павловичъ, великій князь, 264.
- Конті, принцъ, 365.
- Корреадоръ, военный писатель, издавшій по французски «Карту увеличенія Россіи» и проч., 363.
- Корсакова, Марія Ѳеодоровна, 196.
- Космачевъ, Дорофей, поручикъ сибирскаго гарнизона, 146, 147.
- Котельниковъ, Иванъ, членъ С.-Петербургской угодливой палаты, 340.
- Кочубей, племянникъ графа А. А. Безбородко, русскій посланникъ въ Константинополь, 267.
- Крапивина, Ирина, жена петербургскаго купца, 372.
- Крапивинъ, Василій, петербургскій купецъ, 372.
- Крафтъ, авторъ «Подлиннаго описанія Ледянаго дома», 102.
- Кропотовъ, помѣщикъ Устюжскаго уѣзда, 333.
- Кросъ, англійская актриса, 20.
- Крузе, вице-адмиралъ, 297.
- Крузе, лейбъ-медикъ императрицы Елисаветы Петровны, 230.
- Кубанецъ, Александръ, лакей Бирона, 156.
- Кунъ, англійскій мореплаватель, 316.
- Куликовъ, помѣщикъ Устюжскаго уѣзда, 333.
- Кулябина, Степанида, помѣщица Весегонскаго уѣзда, 334.
- Куранинъ, князь, генераль-прокуроръ, 271, 282.
- Кутлеръ, капитанъ Бутырскаго пѣхотнаго полка, 174, 177—180.
- Кутузовъ, М. И., генераль-аншефъ, 276.
- Кутюрберъ, французскій купецъ, 174, 179, 180.
- Кушелевъ, И. И., авторъ «Записокъ», 286.
- Лазаревъ, придворный «комедіантъ персидскаго манера», 107.
- Ланостовъ, каптенармусъ Преображенскаго полка, 127.
- Ланде, учитель танцевъ въ Шляхетскомъ корпусѣ, придворный балетмейстеръ, 106.
- Ланской, камеръ-юнкеръ, 351.
- Ланчинскій, русскій посланникъ въ Вѣнѣ, 38.
- Лаперузь, мореплаватель, 321, 323.
- Ласкари, де:
— подполковникъ, см. Карбури.
— Агаея Ивановна, жена подполковника, рожденная Карабузина, 374.

— Агаѣя Ивановна, жена подполковника (вторая), рожденная Городецкая, 374.

— Елена, жена подполковника (третья), рожденная Христовскулеева, 374.

Ласунскій, офицеръ Измайловскаго полка, 232.

Лаудонъ, Джоржъ, садовникъ англійскаго короля, 26, 29, 30.

Лауенбургскіе графы, 287.

Левенвольде, оберъ-гофмаршалъ императрицы Анны Ивановны, 221.

Левицкій, поручикъ Бутырскаго пѣхотнаго полка, 174, 177, 179, 180.

Левицкій, художникъ, 257.

Лезюрь, французскій ученый, издавшій памфлетъ «Des progrès de la puissance russe» etc., 355, 357—359, 361, 363, 368, 369.

Ленушна, танцовщица, фаворитка графа А. А. Безбородки, 266.

Лестокъ, лейбъ-медикъ, любимецъ императрицы Елисаветы Петровны, 56, 142, 158.

Лещинскій, Станиславъ, тесть французскаго короля Людовика XV, претендентъ на польскій престолъ, 173.

Лиліенгофъ, Іоаннъ, ассессоръ шведской коммерцъ-коллегии, 1.

Линь, де, принцъ (le prince de Ligne), авторъ сочиненія «Lettres et pensées», 257, 286.

Лихачевъ, казачій атаманъ, 140.

Лихтенштейнъ, князь, 235.

Лобанова, Акулина, приживалка императрицы Анны Ивановны, 110.

Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, академикъ, 189, 221, 251.

Лонгиновъ, М. Н., авторъ сочиненія «О придворныхъ шутахъ времени Анны Ивановны», 102.

Лопухина, 49.

Лопухинъ, авторъ «Записокъ», 221.

Лорхъ, полковникъ, 61.

Львовъ, генераль-майоръ, 280, 307.

Людовикъ VIII, ландграфъ Гессенскій, 154.

Людовикъ XV, французскій король, 173, 358, 359, 365—367.

Людовикъ XVI, французскій король, 304.

М.

Мазаровичъ, повѣренный Россіи въ дѣлахъ Персіи, 350.

Макаровъ, 94, 271.

Мальи, де, графиня, любовница французскаго короля Людовика XV, 287.

Мальи-де-Несль, де, Каролина, вышедшая замужъ за Эммануила-Игнатія Зигенъ, 287.

Мальцанъ, графиня, вышедшая замужъ за графа Григорія Кирилловича Разумовскаго, 246.

Мансуровъ, Герасимъ Алексѣевичъ, 196.

Манштейнъ, авторъ «Mémoires sur la Russie», 107, 117, 172, 221.

Маргарита Ѳеодоровна, 111.

Марія-Антуанета, королева французская, 260.

Марія Ѳеодоровна, великая княгиня, 278, 315.

Марновичъ, авторъ «Дневныхъ Записокъ», 221.

Марновъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, подполковникъ, командиръ Коаловскаго полка, 293.

Мартосъ, скульпторъ, 283.

Мартыновъ, Петръ, членъ С.-Петербургской уголовной палаты, 340.

Масловъ, подпоручикъ, дворянскій за-сѣдатель всегонскаго нижняго суда, 332—335, 337, 339.

Массонъ, переведшій на французскій языкъ поему С. Джунковского «Александрова», 313.

Массотъ, докторъ хирургіи, 278, 280.

Матвѣвы:

— Артамонъ Сергѣевичъ, окольныйчій, 8.

— Андрей Артамоновичъ, сенаторъ, 34.

Матрена Евстифѣвна, камеръ-юнгфера императрицы Анны Ивановны, 111.

Мать Безножка, приживалка императрицы Анны Ивановны, 110.

Матюшкинъ, генераль, 70.

Медеръ, обанкрутившійся купецъ, 211, 212.

Медичи, Гастонъ, тосканскій герцогъ, 118, 119.

Медоксъ, директоръ московскаго театра, 262.

Меллеръ-Закомельскій, генераль-отъ-артиллеріи, 351.

Мельгуновъ, А. П., 188.

Меншиковы, князья:

— Александръ Александровичъ, 130, 132.

— Александръ Даниловичъ, 34, 36, 47, 60, 64, 65, 67, 77—79, 82, 87—92, 94—99, 130—135, 137, 138.

— Александра Александровна, 130—132.

— Анна Даниловна, сестра кн. А. Д. Меншикова и жена А. М. Дивьера, 79.

— Марья Александровна, 130—132, 136.

Мессельеръ, де-ля, (de la Messelière), авторъ сочиненія «Voyage à Pétersbourg», 39, 50.

Метастазіо, композиторъ, 326.

Мещерскія, княгини:

— Авдотья Васильевна, вдова, боярыня комнатная, 195.

— Анися, приживалка императрицы Анны Ивановны, 110.

— Настасья, приживалка императрицы Анны Ивановны, 110.

Миллашевскій, капитанъ сибирскаго гарнизона, 130.

Милье, директоръ канцеляріи французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, 364.

Милотины:

— Дмитрій Александр., военный министръ, 283.

— купецъ, 259.

Минихъ, графы:

— Бурхардъ - Христофоръ, фельдмаршалъ, 99, 156.

— сынъ фельдмаршала, авторъ «Записокъ», 102.

Мира, Пьетро, см. Педрило.

Мичель, англійскій вице-адмиралъ, 19.

Монсъ, камергеръ, 116.

Монтемаръ, испанскій генералъ, 118.

Морвилль, графъ, секретарь французскаго посольства въ Вѣнѣ, 326, 327.

Морицъ Саксонскій, графъ, побочный сынъ короля Августа II, 77, 90—92.

Морозовъ, посадскій, 116.

Моро, французскій генералъ, 269.

Морфилъ, профессоръ Оксфордскаго университета, 17, 21, 23.

Мунзей, лейбъ-медикъ императрицы Елисаветы Петровны, 230.

Муравьевъ, Николай Ерофеичъ, 257.

Мусинъ-Пушнинъ, графъ, главнокомандующій сухопутными силами въ Финляндіи, 297.

Наполеонъ I, французскій императоръ, 355, 363, 364, 268, 369.

Нартовъ, авторъ «Разказовъ о Петрѣ Великомъ», 11.

Нарышкины:

— Александръ Александровичъ, оберъ-шенкъ, 306—308.

— Александръ Львовичъ, 95, 98.

— Левъ Александровичъ, камергеръ, оберъ-штабмейстеръ, 229, 258, 268, 269, 292, 306.

— Анна Никитишна, 258.

— Екатерина Ивановна, фрейлина императрицы Елисаветы Петровны, ея внучатная сестра, 224.

Нассау-Зигенъ:

— Карлъ - Генрихъ - Николай - Отгонъ, 286—305.

— Максимилианъ, 287.

— Эммануиль-Игнатій, 287.

Наталія Алексѣевна, великая княгиня, 88.

Наталія Петровна, великая княжна, дочь Петра Великаго, 88, 89.

Нентаріа, монашеское имя княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой, рожденной Шереметевой, 143.

Нелидова, помѣщица Устюжскаго уѣзда, 333.

Николай I, императоръ, 246.

Ноаль, маркизъ, французскій посланникъ въ Вѣнѣ, 290.

Новиновъ, Н. И., писатель, 238.

Новицкой, Борисъ Елисеѣвичъ, коллежскій ассессоръ, 334, 336, 337.

Новошенинова, Татьяна, приживалка императрицы Анны Ивановны, 110.

Обрѣзновы:

— Дм. Мих., тайный совѣтникъ, 353.

— курьеръ, привезшій извѣстіе о заключеніи Ништадтскаго мира, 32.

Овцынъ, флотскій поручикъ въ г. Березовѣ, 140, 141.

Оксенширнъ, Густавъ, шведскій графъ, 1, 4, 6, 8, 10.

Оранскіе графы, 287.

Орезонъ, д', кавалеръ, 288.

Орловскій, надворный коронный ловчій, 291.

Орловы:

— Владиміръ Григорьевичъ, графъ, президентъ академіи наукъ, 232, 235.

— Григорій Григорьевичъ, князь, 168, 169, 231, 232, 234, 239, 258.

— Чесменскій, Алексѣй Григорьевичъ, графъ, 232, 231, 258.

— Феодоръ Григорьевичъ, графъ, 232.

Остейнъ, австрійскій посланникъ въ С.-Петербурѣ, 107.

Остерманъ, графы:

— Андрей Ивановичъ, вице-канцлеръ, 32, 96, 143, 146—148, 264, 363.

— Иванъ Андреевичъ, государственнй канцлеръ и президентъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 147.

— Феодоръ Андреевичъ, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, московскій генералъ-губернаторъ, 147.

— Марѳа Ивановна, рожденная Стрѣшнева, 146—148.

Остерманъ, Іоаннъ-Дитрихъ, учитель дочерей царицы Прасковьи Феодоровны, 102.

Оттенсъ, копія съ его гравюры, 19.

Павель Петровичъ, императоръ, 52, 215, 236, 259, 262, 264, 266, 270, 282, 304, 332, 343, 345, 346.

Палакучи, гречанка, прислужница императрицы Екатерины II, 268.

Палень, графъ, генераль-аншефъ, пестербургскій военный губернаторъ, 344.

Пальменбахъ, лифляндскій дворянинъ, 171.

Пальмивистъ, Эрикъ, шведскій капитанъ, 1—7, 10.

Пассень, поручикъ Преображенскаго полка, 233.

Пастухова, Матрена Антиповна, вышедшая замужъ за П. А. Демидова, 220.

Панины:

— Никита Ивановичъ, графъ, генераль-поручикъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, канцлеръ, сенаторъ, 122, 215, 216, 232, 258.

— Петръ Ивановичъ, генераль-аншефъ, 257.

Паччіаротти, пѣвецъ въ Венеціи, 330.

Педрилло (или Пьетро Мира), исполитанецъ, придворный шутъ, 102, 115, 117—119.

Пекарскій, Петръ Петр., авторъ «Петербургской старины» и сочиненія «Маркизь де-ла-Шетарди въ Россіи», 77, 129, 149.

Пенскіе, помѣщики Устюжскаго уѣзда, 333.

Пентьевъ, де-, графиня, 365.

Перекусихина, Марья Савишна, любимая камеръ-юнгфера императрицы Екатерины II, 255, 256, 268.

Петровы:

— майоръ сибирскаго гарнизона, 138, 141.

— Петръ Никол., авторъ «Исторіи Петербурга», 77.

— Романъ, крестьянинъ, 335, 336.

Петръ Великій, императоръ, 11—25, 30—39, 43, 45—47, 49, 52—54, 56—60, 62, 64, 72—86, 89—89, 93, 95, 98, 99, 102—104, 114—117, 119, 122, 130, 135, 154, 183, 186, 191—193, 205—207, 238, 302, 306, 315, 324, 354, 355, 357—359, 361—369, 271, 375.

Петръ II Алексѣевичъ, императоръ, 88, 93, — 96, 99, 104, 130, 132, 137, 142, 151.

Петръ Петровичъ, царевичъ, 207.

Петръ III, императоръ, 154, 230, 231, 233, 237, 259, 308, 342, 346.

Петръ Мира, придворный шутъ, 102.

Пецольдъ, саксонскій резидентъ въ С.-Петербургѣ, 157.

Пильмонъ, художникъ, 321.

Платонъ, митрополитъ, 238.

Племяниковъ, генераль-поручикъ, 343.

Полозова, Марья Феодоровна, вдова, домовладѣлица въ Москвѣ, 127.

Полубояринова, рожденная Губерти, Е. А., правнучка А. М. Грибовскаго, 265.

Полубояровъ, камердинеръ Петра Великаго, 13, 14.

Поль-Джонсъ, контръ-адмиралъ, 293, 294, 296.

Поль, Янъ, англійскій корабельный мастеръ, 18.

Поповъ, Василій Степановичъ, 263, 279, 280.

Порошинъ, авторъ «Записокъ», 122.

Порпора, учитель пѣнія, 325.

Поса, служитель премьеръ-маіора Вема, 317.

Посельскій, камчатскій купецъ, 317.

Посникова, помѣщица Восьегонскаго уѣзда, 334.

Постнинова, Марья, вдова секундъ-маіора, помѣщица Восьегонскаго уѣзда, 336.

Потемкинъ-Тавричскій, Григорій Александровичъ, князь, фаворитъ императрицы Екатерины II, 169, 257, 258, 261, 263, 272—280, 282—286, 291—293, 296, 297.

Потоцкій, графъ, польскій коронный гетманъ, 174, 176.

Похвисневы:

— Настая, подполковница, помѣщица Восьегонскаго уѣзда, 336.

— помѣщикъ Восьегонскаго уѣзда, 334.

Прасковья Феодоровна, царица, 62, 67, 102.

Пржеславскій, авторъ «Воспоминаній», 348.

Прозоровскій, князь, московскій генераль-губернаторъ, 238.

Прокоповичъ, Феофанъ, архіепископъ новгородскій, 34, 223.

Пугачевъ, Емельянъ Ив., бунтовщикъ, 260.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, поэтъ, 348.

Раббъ, Альфонсъ (Alphonse Rabbe), авторъ сочиненія «La biographie des contemporains», 324.

Рабутинъ, графъ, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, 94, 119.

Радзивилова, вышедшая замужъ за генераль-маіора Ферзена, 249.

Радищевъ, авторъ «Путешествія отъ Петербурга до Москвы», 260.

Разумовскіе:

— Алексѣй Григорьевичъ, графъ, фаворитъ императрицы Елисаветы Пет-

ровны, 158, 222, 223, 226, 227, 230, 235, 254.

— Алексѣй Кирилловичъ, графъ, министръ народнаго просвѣщенія, 246.

— Андрей Кирилловичъ, графъ, потомъ князь, русскій посланникъ въ Вѣнѣ, 236, 246.

— Григорій Кирилловичъ, графъ, бригадиръ, 246.

— Иванъ Кирилловичъ, графъ, генераль-маіоръ, 246.

— Кириллъ Алексѣевичъ, графъ, 246.

— Кириллъ Григорьевичъ, графъ, гетманъ малороссійскій, фельдмаршалъ, 221, 222, 224—246, 257, 342, 371.

— Левъ Кирилловичъ, графъ, генераль-маіоръ, 246.

— Петръ Алексѣевичъ, графъ, 246.

— Петръ Кирилловичъ, графъ, оберъ-камергеръ, 246.

— Агаѣя, 222.

— Анна Кирилловна, графиня, вышедшая замужъ за Васильчикова, 246.

— Аполлинарія Кирилловна, графиня, вышедшая замужъ за графа Гудовича, 246.

— Вѣра, 222.

— Екатерина Ивановна, рожденная Нарышкина, графиня, статсъ-дама, 226, 235.

— Елисавета Кирилловна, графиня, вышедшая замужъ за графа Апраксина, 246.

— Наталья Демьяновна, 222, 223.

— Наталья Кирилловна, графиня, вышедшая замужъ за Н. А. Загряжскаго, 246.

— рожденная графиня Шереметева, жена графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, 246.

Райлянь, Ѡ. Р., художникъ, 279, 285.

Рамбурхъ, французъ, учитель дочерей царицы Ирасковьи Ѡедоровны, 102.

Растрелли, графъ, архитекторъ, 56, 107.

Рейнеке, коллежскій ассессоръ, командиръ Камчатки, 321, 322.

Репнины:

— Николай Васил., князь, главнокомандующій въ турецкой войнѣ, 275, 277, 332.

— князь, женившійся на дочери графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, 246.

Ржевскіе:

— Алексѣй Андреевичъ, 373.

— Иванъ Алексѣевичъ, 373.

— Александра Ѡедотовна, рожденная Каменская, авторъ «Кабардинскихъ писемъ», 373, 374.

— Д. Г., вдова околыничаго, «князь-игуменья», 115.

Ржевусскій, 291.

Рибасъ, де-, О. М., 263.

Рихтеръ, авторъ «Исторія медицины въ Россіи», 11, 230.

Ровинскій, Д. А., собиратель русскихъ гравюръ, 66.

Родриго, де-, испанскій полковникъ, 302.

Рожинскіе, знаменитая древняя польская фамилия, 245.

Ромодановскій, Ѡ. Ю., князь, «князь-кесарь», 67.

Рондо, леди, жена англійскаго резидента въ Петербургѣ, 50.

Рославлевъ, офицеръ Измайловскаго полка, 232.

Россель, домовладѣлецъ въ Дентфордѣ (въ Англии), 30.

Росточинъ, Ѡ. В., графъ, 270.

Румянцевъ, 286.

Румянцевъ-Задунайскій, П. А., графъ, 250, 257.

Рыкуновъ, маіоръ, помощникъ генераль-полицеймейстера Дивьера, 82.

Рэнъ, Христофоръ, сэръ, 25, 26, 30.

Рюйшь, Фридрихъ, голландскій ученій, 12, 15, 16.

Рябушкинъ, художникъ, 145.

С.

Саванчеева, Марья Васильевна, помѣщица Весъегонскаго уѣзда, 335, 336.

Савельевъ, художникъ, 73—75.

Санень, капитанъ 2-го ранга, 293.

Сансень-Мейнингенскій принцъ, 154.

Салтыновы:

— Николай Ивановичъ, графъ, генераль-аншефъ, воспитатель великаго князя Александра Павловича, 264, 310, 312, 315.

— Петръ, камергеръ, 167, 168.

— Семенъ Андреевъ, московскій генераль-губернаторъ, 102, 113, 116, 120, 123, 126, 127.

— двѣ сестры, флейлины императрицы Анны Ивановны, 113.

— мать камергера Петра Салтыкова, 167.

Сагушно, князь, литовскій маршалъ, 288.

Сандуновъ, придворный актеръ, 261.

Санковскій, штабъ-лекаръ, 278, 280.

Свѣшниковы, 205.

Сгибневъ, А. С., авторъ «Историческаго очерка главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ съ 1650 по 1856 годъ», 316.

Себъ, Альбертъ, амстердамскій аптекаръ, 16.

Сезель, Дж., мистеръ, оцѣнщикъ, 26, 29, 30.
 Сегюръ, графъ, французскій посолъ въ Петербургѣ, 286, 291, 292.
 Селецкій, херсонскій губернаторъ, 282.
 Семевскій, М. И., авторъ сочиненія «Семейство Монсовъ», 102.
 Сень-Сверень, французскій посолъ въ Швецію, 173.
 Сергеевскій, авторъ «Записокъ о родѣ князей Голицыныхъ», 102, 127.
 Сиверсъ, бывшій лакей, 254.
 Симеонъ Леоновичъ, грузинскій царевичъ, 371.
 Синклеръ, Малькольмъ, маіоръ, шведскій посолъ въ Турцію, 172—181.
 Снаворонская, Софья Карлусовна, племянница императрицы Екатерины I, 97.
 Скаловскій, авторъ сочиненія «Жизнь адмирала Ф. Ф. Ушакова», 286.
 Снорняновъ-Писаревъ, Григорій Григор., генераль-маіоръ, 78, 95, 98—101.
 Снородумовъ, гравсръ, 273, 275, 284.
 Сноропадскій, генеральный подскарбій, 228.
 Сносаревы, Александра Тимофеевна и Марья Тимофеевна, помѣщицы Весегонскаго уѣзда, 334, 336.
 Собанинъ, московскій вице-губернаторъ, 215, 216.
 Соймоновъ, завѣдывавшій театральнымъ управленіемъ при императрицѣ Екатеринѣ II, 254, 261, 262.
 Соколовъ, А. Д., художникъ, 139.
 Солнцева, княжна, 168.
 Соловьевъ, С. М., профессоръ, авторъ «Исторіи Россіи», 31, 77, 102.
 Софья, дѣвка арабка, прислуга Биронъ, 156.
 Софья, царевна, 122, 191.
 Станиславскій, чиновникъ, 220.
 Стариковъ, Дмитрій, членъ С.-Петербургской уголовной палаты, 340.
 Степановы:
 — Илья, сибирякъ, лакей Бирона, 156.
 — Осипъ, сержантъ Оренбургскаго Трейдена полка, 333—335, 339—341.
 Степанъ, священникъ, 373.
 Стефанъ, грузинскій принцъ, 371.
 Строгоновы:
 — Александръ, баронъ, адъютантъ генерала-отъ-инфантеріи Меллеръ-Закомельскаго, 351.
 — Александръ Серг., графъ, 232, 268.
 Стрѣшневъ, «князь-игуменя», 67.
 Суворовъ, Александръ Васильевичъ, князь, генерал-лссимусъ, 268, 286, 293, 295, 330.
 Сургуцій, сержантъ, 316.
 Сухтеленъ, генераль, 270.

Сушновъ, авторъ статьи «А. В. Храповицкій», 251.
 Схей, голландскій адмиралъ, 77.
 Сысоевъ, помѣщикъ Весегонскаго уѣзда, 332, 337.
 Сѣченовъ, Дмитрій, архіепископъ новгородскій, 132.

Т.

Талызинъ, вице-адмиралъ, 233.
 Тамсень, голландскій купецъ, фабрикантъ полотна, 13, 14.
 Татищевъ, камергеръ, 123, 125.
 Тепловъ, Григорій Николаевичъ, адъюнктъ академіи наукъ, тайный совѣтникъ, 223, 224, 227, 229, 232—234.
 Термонтъ, голландскій хирургъ, 14.
 Тессингъ, Яковъ, англійскій купецъ, 18.
 Тигранъ, композиторъ, 325.
 Тизенгаузенъ, Гансъ фонъ-, эстляндскій баронъ, 1.
 Тиманъ, генераль-штабъ-докторъ арміи, 278, 280.
 Тимофеевъ, Козьма, приказчикъ помѣщика Сысоева, 332.
 Тишинъ, тобольскій таможенный подьячій, 140, 141.
 Толстые:
 — Петръ Андреевичъ, графъ, сенаторъ, 34, 94, 96, 98.
 — помѣщица Устюжскаго уѣзда, 333.
 Траханиотовъ, Никифоръ, восвода, построившій г. Березовъ, 130.
 Тразтто, композиторъ, 329.
 Тредьяковскій, Василій Кирилловичъ, профессоръ академическаго университета, стихотворецъ и ученый, 113, 125.
 Трейденъ, командиръ Оренбургскаго полка, 333, 334.
 Троицкій, авторъ «Исторіи города Ярославля», 149.
 Троицинскій, Д. П., статсъ-секретарь, 262.

Трубецкіе, князья:

— Иванъ Юрьевичъ, 217.
 — Никита Юрьевичъ, 97, 157.
 Тунь, графиня, вышедшая замужъ за графа Андрея Кирилловича Разумовскаго, 246.
 Тюргеймъ, графиня, вышедшая замужъ за графа Андрея Кирилловича Разумовскаго, 246.

У.

Уваровъ, графъ, женившійся на дочери графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, 246.
 Умскій, членъ опекунскаго совѣта Московскаго Воспитательнаго Дома, 219.

Уранова, Елизавета, придворная актриса, 261, 262.

Урусовъ, Иванъ Алексѣевичъ, князь, 195.

Ухтомскій, Михайлъ, князь, помѣщикъ Весегонскаго уѣзда, 335, 339.

Ушановы:

— Андрей Ивановичъ, графъ, начальникъ Тайной Канцеляріи, 95, 98, 110, 128.

— капитанъ сибирскаго гарнизона, 141.

— Фодоръ Фодор., адмиралъ, 286.

— вышедшая замужъ за князя Чарторыйскаго, а послѣ его смерти — за графа Петра Кирилловича Разумовскаго, 246.

Ф.

Фабіанусъ, католическій патеръ въ Москвѣ, 127.

Фаль, докторъ, начальникъ пѣвческой капеллы въ Йоркѣ (въ Англіи), 21.

Фалѣвъ, бригадиръ, 280.

Фарварсонъ, учитель въ морской академіи при Петрѣ Великомъ, 194.

Федоровы, Семень и Федоръ, крестьяне, 336.

Федостѣвъ, Иванъ Дмитриевичъ, подпоручикъ, 331—335, 337, 339, 340.

Фердинандъ, герцогъ курляндскій, 90, 91.

Ферзены:

— генераль-майоръ, женатый на Радзивиловой, 249.

— Германъ фонъ-, маршалъ шведскаго посольства, 7.

Филинсъ, граверъ, 63, 64.

Филиппъ, инфантъ пармскій, 328.

Филиппъ Орлеанскій, регентъ Франціи, 38.

Фогель, саксонскій генераль-прокуроръ, 180.

Франлинъ, президентъ Сѣв. Американскихъ Штатовъ, 249, 260.

Францъ I, австрійскій императоръ, 326.

Фридрихъ-Вильгельмъ, герцогъ курляндскій, женившійся на племянницѣ Петра Великаго Аннѣ Ивановнѣ, 89, 103.

Фридрихъ II, король прусскій, 237.

Фридрихъ, герцогъ голштинскій, 55.

Фридрихъ-Нарль, герцогъ голштинскій, 154.

Х.

Хвостова, Аграфена Алексѣевна, четвертая жена придворнаго шута князя Мих. Алексѣевича Голицына, 128.

Хилновъ (Kiltov), Андрей, князь, 7.

Хитрово, Анна Фодоровна, вышедшая замужъ за князя Андрея Михайловича Голицына, 128.

Хлѣбниновы:

— Петръ Кирилловичъ, генераль-аудиторъ-лейтенантъ, 371, 372.

— художникъ, 45.

Хмельниціе:

— Богданъ, гетманъ малороссійскій, 229.

— Юрій, гетманъ малороссійскій, 234.

Хмыровъ, М. Д., авторъ сочиненія «Графиня Е. И. Головкина и ея время», 39, 205.

Хованскій, Григорій, князь, 168.

Ходзьно, Леонардъ, польскій историкъ. издатель сочиненія «La Pologne historique, litteraire» etc., 362.

Хозиновъ, Маркъ Ивановичъ, 220.

Храповиціе:

— Александръ Васильевичъ, статсъ-секретарь императрицы Екатерины II, авторъ «Памятныхъ Записокъ», 247—262, 286, 299, 302.

— Василій Ивановичъ, бывший сержантъ лейбъ-кампаніи, потомъ генераль-поручикъ, 253.

— Петръ Васильевичъ, тайный со-вѣтникъ, 253.

Хрстіанъ-Альбертъ, герцогъ голштинскій, 55.

Христулеева, см. де-Ласкари, Елена.

Хрущовы, 233.

Хубраненъ, граверъ, 22.

Ц.

Чаплинъ, Александръ Яковлевичъ, 196.
Чарторыйскій, князь, женившійся на Ушаковой, 246.

Черкасовы, бароны:

— Александръ Ивановичъ, 161, 168, 169.

— Петръ Александровичъ, 168.

— Екатерина Ивановна, рожденная Биронъ, 168—171.

— Елисавета Александровна, 168.

Чернассскій, Алексѣй Михайловичъ, князь, 112, 155, 157.

Чернышевы:

— Захаръ Григорьевичъ, 239, 257.

— Авдотья Ивановна, графиня, статсъ-дама, 114.

Чиринова, Прасковья Тимошеевна, вышедшая замужъ за В. В. Головина, 197, 203.

Чичеринъ, Николай Ивановичъ, 257.
Чоглоновъ, камергеръ, гофмейстеръ великаго князя Петра Фодоровича, 167.

III.

Шантро (Chantreau), авторъ перевода съ голландскаго на французскій сочиненія «Voyage politique, philosophique» etc., 130.

Шарлотта Вольфенбюттельская, принцесса, супруга царевича Алексѣя Петровича, 94.

Шатору-Турнелль, маркиза, любовница французскаго короля Людовика XV, 287.

Шафгочъ, графъ, австрійскій окружной генераль-губернаторъ, 174, 176—178.

Шафировъ, баронъ, сенаторъ, 34, 48.

Шаховской, князь, 349.

Шаховъ, березовскій казакъ, 133, 135.

Шварцъ:

— губернёръ Карла Бирона, сына Эрнста-Юанна Бирона, 152.

— профессоръ Московскаго университета, 219.

Шевыревъ, авторъ «Исторіи императорскаго Московскаго университета», 205.

Шереметевы:

— Василій Васильевичъ (а не Александровичъ), штабъ-ротмистръ кавалергардскаго полка, 348—352.

— Василій Сергѣевичъ, генераль-майоръ, 351, 352.

— новгородскій воевода, 4.

— Петръ Борисовичъ, графъ, 142.

— графиня, вышедшая замужъ за графа А. К. Разумовскаго, 246.

— Елена Сергѣевна, постригшаяся въ монахини подъ именемъ Евгеніи, 352.

— Наталья Васильевна, фрейлина, 352, 353.

Шестанова, Настасья Филатовна, жена управляющаго дворцовымъ селомъ Дѣдиновымъ въ Коломенскомъ уѣздѣ, 110—112.

Шетарди, де-ла-, маркизь, французскій посоль въ Россіи, 149.

Шешновскій, начальникъ секретной экспедиціи, 260.

Шиллингъ, лейбъ-медикъ императрицы Елисаветы Петровны, 230.

Шишовъ, А. С., авторъ сочиненія «Военныя дѣйствія російскаго флота противъ шведскаго въ 1788—1790 годахъ», 286.

Шмалевъ, капитанъ, 317, 318, 323.

Шмидтъ:

— Фисельдекъ [Schmidt Phiseldek], авторъ сочиненія «Materialien zu der russischen Geschichte», 172.

— художникъ, 225.

— чухонка, надзирательница надъ фрейлинами императрицы Елисаветы Петровны, 166.

Шольцъ, лакей майора Синклера, 176.

Шпанбергъ, капитанъ, 100.

Штелинь, академикъ, 88.

Штенфлихтъ, генераль-майоръ, 61.

Шубный, крестьянинъ деревни Денисовки, 189, 190.

Шуваловы:

— Петръ Ивановичъ, графъ, начальникъ тайной канцеляріи, 158.

— Иванъ Ивановичъ, любимецъ императрицы Елисаветы Петровны, основатель Московскаго университета, дѣйствит. тайн. совѣтникъ, оберъ-камергеръ, 219, 232.

— Мавра Егоровна, графиня, статсъ-дама, 159, 160, 166.

Шульцъ, Яганъ, штабъ-лекарь, 98.

III.

Щебальскій, П. К., авторъ статьи «Князь Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій въ Курляндіи», 77.

Щербатая, Аграфена Александровна, княгиня, 110.

Щербатовы, князья:

— М. М., авторъ сочиненія «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», 102, 105.

— русскій посоль въ Англіи, 109.

Э.

Эбершельдъ, Адольфъ, шведскій резидентъ въ Москвѣ, 6.

Эйлеръ, Леонардъ, профессоръ математики въ Берлинѣ, 224.

Экуинъ, актеръ, 353.

Энгельгардтъ, см. графиня Браницкая.

Зосандеръ, Самуилъ, переводчикъ, 6.

Эрскинь, гравёръ, 319.

Эсноудъ, Маріи и Леонъ, авторы сочиненія «Vie et aventures des cantatrices célèbres», 324.

Ю.

Юрьевъ, Д., авторъ «Топографическаго описанія сѣвернаго Урала», 129.

Юсуповъ, князь, директоръ театра, 262.

Юшкова, Анна Федоровна, 111, 112.

Я.

Яворскій, Стефанъ, рязанскій митрополитъ, мѣстоблюстителъ патріаршаго престола, 35, 191.

Ягуинскій, П. И., графъ, генераль-
прокуроръ, 48, 49, 94.

Янубовичи:

— Александръ Ивановичъ, уланскій
штабъ-ротмистръ, 349—352.
— генеральный есаулъ, 228.

Ө.

Өедоровъ, Петръ, трапезникъ Богоро-
дице-Рождественской церкви въ г. Бе-
резовъ, 135.

Өедоръ Ивановичъ, царь, 130.

WYŻSZA Sz.
PEDAGOGICZNA W KI
BIBLIOTEKA

100668

Biblioteka WSP Kielce

0159438